

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51a v 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

МАЙ.

4940-1
1876.

ДѢЛО

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ХЛѢВА И ЗРѢЛИЩЪ. Романъ. (Гл. XXXIV—XL.) А. НИКАЙЛОВА.
- II. СТОЛИЧНЫЙ ОМУТЬ. Стихотвореніе. (Изъ Т. Лидса.) А. КОНСТАНТИНОВА.
- III. ЧЕРНОЗЕМНЫЯ ПОЛЯ. Романъ. Часть первая. (Гл. XIV—XVII) В. Л. МАРКОВА.
- IV. РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКЕТЫ ВЪ АМЕРИКѢ. (Окончаніе.) Н. ТРИГО.
- V. МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ. Стихотвореніе. А. КРУГЛОВА.
- VI. РЕНЕГАТЪ. Романъ. (Гл. XIX—XXII.) ЖОЛІА КЛАРЕТН.
- VII. ФРАНЦУЗСКОЕ ОВЩЕСТВО ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА. (Ст. вторая.) Н. ГР—ОЛН.
- VIII. ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА. Романъ изъ современной англійской жизни. (Гл. XVI—XX.) ДѢ. ЗЛЮТА.
- IX. РОБЕРТЪ ВЕРНСЬ. Шотландскій народный поэтъ. Н. АЛ—ЕВА.
- X. ВСТРѢЧА. Стихотвореніе. Н. ВЕРЦЛАУСА.

Ом. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ХІ. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПУРИ. (Статья вторая.) . . . И. НИКИТИНА.

(„Два міра“, ром. въ 4 частяхъ, Н. Алѣевой. С.-Петербургъ, 1875.—„Въ глуши“, ром. въ 4 частяхъ, Марко-Вовчка („Отеч. Запис.“ 1875).—„Под-ростокъ“, ром. въ 3 частяхъ, Ф. Достоевскаго („Отеч. Запис.“ 1875)—„Сила характера“, ром. Смирновой. („Отеч. Записки“ 1876.)

ХІІ. ВОСТОКЪ ИЛИ ЗАПАДЪ? Д. И.

(Россія и Азія. — Сборникъ изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи, написанныхъ въ разное время В. В. Григорьевымъ-ориенталистомъ. Спб., 1876.)

ХІІІ. НОВЫЯ КНИГИ.

Половодье. Картины провинціальной жизни прежняго времени. В. А. Инсарскаго. Спб., 1876 г. — *Очерки прошлаго*. Л. О. Леванды. Спб., 1876 г. — *Историческая хрестоматія*. Учебное пособие для учащихся и преподавателей. Курс новой исторіи. Составлена преподавателемъ 1-й военной гимназіи, А. Овсянниковымъ. Т. I. Спб., 1875 г. — *Французская литература въ первые годы XIX вѣка*. Историко-литературная диссертація А. Шахова. Москва, 1875 г.

ХІV. ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА. АНОНИМА.

ХV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. И. ТРИГО.

Пагубныя для либераловъ послѣдствія Аморовіетскаго договора. — Комедія съ свидѣтельствами объ аминистин. — Огромное значеніе договора для карлистовъ. — Выгоды для карлизма союза съ Ватиканомъ. — Девизъ, ограждающій отъ ядеръ. — Затруднительное положеніе паны. — Поддержка карлизма французской администраціей. — Подвиги префекта Надаляка. — Дон-Карлосъ снова появляется въ Испаніи. — Бездѣйствіе Кастелера въ отношеніи къ карлистамъ и ненависть его къ федерализму. — Столкновение дон-Карлоса съ юнтой провинціи Алава. — Бездѣтельность Серрано. — Кабрера. — Управство Серрано. — Бильбао. — Послѣдствія смерти маршала Конха. — Чудовищные планы Серрано. — Дон-Карлосъ является претендентомъ на французскій престолъ. — Ургельскій епископъ. — Возстановленіе инквизиціи. — Дворъ дон-Карлоса въ Дуранго. — Донна-Бianка. — Кровавые подвиги Альфонса и донны-Бianки въ Ньяладѣ и Куэнцѣ. — Бойня въ Бергѣ. — Патеръ Санта-Круцъ. — Отказъ дон-Карлоса принять условія договора, предложеннаго ему Альфонсомъ XII. — Рѣшительныя дѣйствія правительственныхъ войскъ. — Дон-Карлосъ оставляетъ Испанію. — Переворотъ въ Турціи.

ХVІ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Зимнія вѣсти о безкормицѣ. — Весеннія опасенія и обманутыя надежды. — Наше платоническое отношеніе къ мужику и къ „хлѣбному вопросу“. — Земское безлюдье и ораторскій періодъ земства. — Сельско-хозяйственное краспорѣчіе. — Наши сельско-хозяйственныя мѣры. — Бюро г. Шпилев-

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ОТКРЫТІИ ПОДПИСКИ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1876 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1876 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же объемѣ, какъ и въ прежнія девять лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой	16 р.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева. Только передъ тѣми подписчиками, которые подпишутся въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, Редакція будетъ считать себя вполне отвѣтственной за исправную и своевременную доставку журнала.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція просить гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ **ближайшее почтовое мѣсто**, въ которое можно было бы адресовать прямо книжки журнала. Въ противномъ случаѣ редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтоваго приѣма и отвѣтственнаго почтоваго учрежденія.

2) Когда книжка журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣе просить заявлять объ этомъ **не позже** полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или же нумеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція просить прилагать двѣ почтовыхъ **восьми-копѣечныя** марки за напечатаніе адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородній уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресуются **исключительно** въ контору редакціи, причемъ жалобы должны сопровождаться удостовѣреніемъ мѣстной почтовой конторы, что книжка дѣйствительно не получена подписчикомъ.

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, а также требующія увѣдомленія о полученіи денегъ въ редакціи, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получать отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей хранятся въ редакціи **не болѣе** года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія стихотворенія **не возвращаются**.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ оставлены или высланы въ редакцію деньги, соразмѣрно стоимости пересылки.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1876.

^D
Pslav 236.4 (1876, no. 5)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 мая 1876 года.

ХЛѢБА И ЗРѢЛИЩЪ.

РОМАНЪ.

XXXIV.

Въ семьѣ Лыткиныхъ водворились миръ и спокойствіе. Катерина Ивановна, принарядившаяся въ темное шерстяное платье и скромный старушечій чепецъ, топоталась мелкими шажками, хлопоча по хозяйству, или просиживала цѣлыя часы у окна за работою, пригрѣвшись въ теплой комнатѣ подъ грѣбницами лучами солнца. Для нея настала давно желанная пора отдыха. Даша и Вася, быстро почувствовавшіе, какъ начали возрождаться ихъ молодыя силы, бодро и усердно принялись за ученіе. Только старикъ Лыткинъ не перенесъ такъ легко перемѣны къ лучшему и на первыхъ порахъ закутилъ напропалую, а потомъ слегъ въ постель. Болѣзнь была серьезная, опасная, но чѣмъ серьезнѣе была она, тѣмъ больше было надежды, что онъ, переживъ тяжелый недугъ, если и не исправится, то хотя на время будетъ осторожнѣе. Есть доля правды въ томъ, что тяжелые недуги обновляютъ, очищаютъ организмъ. Дѣйствительно, когда старикъ поднялся съ постели, онъ былъ неузнаваемъ: онъ похудѣлъ, осунулся, состарѣлся, но уже не напоминалъ прежняго пьяницу Лыткина. Въ его лицѣ не замѣчалось прежней опухлости, оно было блѣднѣе, въ глазахъ не было лихорадочнаго блеска и того тревожнаго выраженія, которое замѣчается у пьяницъ. Начавъ выходить изъ дому, старикъ сталъ искать занятій. Теперь онъ былъ прилично одѣтъ и могъ уже снова посѣтить тѣхъ или другихъ купцовъ, у которыхъ онъ когда-то велъ дѣла. Дѣла явились не

вдругъ, но все-же явились. Семья каждый разъ, когда возвращался домой Андрей Егоровичъ, зорко и боязливо всматривалась въ него, тревожно думая, что онъ придетъ опять пьянымъ. Но Лыткинъ возвращался трезвымъ. Правда, отъ него почти всегда пахло то ромомъ, то коньякомъ, то хересомъ, но онъ не шатался, не бушевалъ, а смотрѣлъ какъ-то особенно сурово и мрачно. Въ немъ, казалось, совершался никому непонятный переворотъ.

Зашибленная судьбою Катерина Ивановна, отдохавшая въ теплѣ, неопытный ребенокъ Вася и доврчивая Даша, съ жаромъ принявшіеся за ученіе, освоились съ своимъ новымъ положеніемъ довольно быстро и перешли отъ полного отчаянія къ робкимъ, но все-же свѣтлымъ надеждамъ на будущее. Не таковъ былъ Андрей Егоровичъ Лыткинъ. Онъ былъ травленный волею; онъ прошелъ, какъ говорится, 'сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы и понималъ по-своему „суть“ каждого дѣла, „суть жизни“. У него были свои взгляды, свои твердо сложившіяся убѣжденія, своя философія. Когда онъ говорилъ прежде, что ему надоѣло „винище“, онъ не лгалъ. Оно дѣйствительно надоѣло ему; ему дѣйствительно хотѣлось пить и „хереса“. Но судьба поставила его въ такое положеніе, что онъ былъ радъ и этому „винищу“, плакалъ, когда его не было, готовъ былъ на все, чтобы добыть этого зелья. Теперь случай снова вынесъ его на ту дорогу, на которой можно было не довольствоваться уже этимъ „винищемъ“, а гнаться за „хересами“. Но Лыткинъ не могъ успокоиться на этомъ: онъ былъ слишкомъ опытенъ, чтобы беззавѣтно отдаваться радужнымъ надеждамъ. Онъ не вѣрилъ ни въ какое дѣло, если оно не скрѣплено нотаріальнымъ порядкомъ, не утверждено закономъ, не освящено каемъ-нибудь формальнымъ обрядомъ, актомъ, условіемъ. Никакое честное слово не могло замѣнить для него казенной печати. Его-же теперешнее положеніе не имѣло никакой законной опоры и зависѣло отъ доброй воли частнаго лица. Онъ понималъ, какую дѣльную купилосъ благополучіе семьи; онъ не протестовалъ противъ этого способа спасенія; онъ даже съ хитростью старой лисицы не подавалъ вида, что онъ понимаетъ происходящее вокругъ него. Но онъ не могъ вѣрить въ прочность этого благополучія, какъ вѣрили его домашніе. Онъ зналъ, что положеніе страстно любимой любовницы или, какъ онъ говорилъ, „содержанки“, менѣе вѣрно и болѣе шатко, чѣмъ положе-

нѣ самой постылой женщѣ, потому что у первой нѣтъ никакихъ „законныхъ правъ“, а положеніе второй утверждено „законнымъ порядкомъ“. Онъ видѣлъ въ Викторѣ Валерьяновичѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ молодого кутилу, которому приглянулось смазливое личико первой встрѣчной дѣвчоночки и который можетъ бросить и навѣрное бросить свою игрушку, когда она ему надоѣсть. Когда настанетъ эта минута: завтра, черезъ годъ или черезъ три года—этого Лыткинъ не могъ угадать, но онъ твердо былъ убѣжденъ, что она настанетъ. Этой минуты онъ не могъ не бояться. Баскаковъ былъ не первый изъ тѣхъ людей, которые увлекались на-время смазливими личиками и которыхъ не мало видѣлъ на своемъ вѣку старикъ. Но что-же будетъ тогда, когда юноша удовлетворитъ свои прихоти и пресытится этою любовью? Для семьи начнется опять переходъ, медленный или быстрый переходъ отъ довольства къ лишеніямъ, отъ лишеній къ нищетѣ. Эта перспектива пугала старика, пугала тѣмъ болѣе, что онъ уже не надѣялся прочно стать на ноги при помощи самостоятельнаго труда.

— Что, бабушка, есть-ли дѣла? спрашивала его Даша за вечернимъ чаемъ.

Ее занималъ этотъ вопросъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала той минуты, когда ея семья будетъ въ состояніи жить на свои трудовыя деньги.

— Какія дѣла, Дашурочка, какія дѣла могутъ быть у нашего брата, стараго приказнаго, уныло замѣчалъ старикъ. — Дѣла захватываетъ молодежь безусая, университетскіе выскочки, правовѣды. У нихъ крупныя дѣла. А у нашего брата въ рукахъ остается то, что выѣденнаго яйца не стоитъ... Правда, три, четыре года потолкавшись въ судахъ, можетъ и нашъ братъ репутацію приобрѣсти, а каково прожить эти-то годы!

— Ну, какъ-нибудь проживемъ! вздыхала дочь. — Скорѣй-бы мнѣ доучиться. Уроки буду давать.

Старикъ тяжело вздыхалъ и съ сомнѣніемъ качалъ головою.

— Ты, Дашечка, газеты-то почитай, замѣчалъ онъ, — тамъ прописано это, сколько ртовъ учительскаго хлѣба просять... Трудно онъ достается, очень трудно...

— Легко-ли, трудно-ли — все равно, а нельзя-же весь вѣкъ на чужой счетъ жить, тихо произносила Даша.

— Въ томъ-то и дѣло, что нельзя, задумывался Лыткинъ, тяжело вздыхая.

Повидимому, дочь и отецъ высказывали одну и ту-же мысль, но между ихъ взглядами лежала цѣлая пропасть. Она думала, что *имъ стыдно жить* всегда на чужой счетъ; онъ думалъ, что *ихъ не стануть содержать* всегда на чужой счетъ. Она мечтала, когда настанетъ для нихъ возможность не кормиться на чужой счетъ; онъ рассчитывалъ, что нужно добиться того, чтобы ихъ неизбежно кормили на чужой счетъ. Она лелѣла мысль о томъ, что человекъ счастливъ только тогда, когда онъ не живетъ на чужой счетъ; онъ рассуждалъ, что вполне обезпеченъ бываетъ только тотъ, кого по-необходимости, неизбежно должны кормить другіе. Лыткинъ давно уже пришелъ къ тому выводу, что честнымъ трудомъ, своимъ трудомъ не наживешься, что человекъ, живущій своимъ трудомъ, всегда можетъ впасть въ нищету, вслѣдствіе такихъ случайностей, какъ болѣзнь, лишеніе мѣста и тому подобное, что застраховать себя отъ нужды можетъ только тотъ, кто кромѣ своего труда пользуется и выгодами отъ чужихъ богатствъ или трудовъ. Участь самаго трудолюбиваго работника ему казалась всегда хуже участи самаго лѣниваго фабриканта. Вслѣдствіе этого теперь у Лыткина была въ головѣ только одна мысль—что нужно ковать желѣзо, пока оно горячо.

— Довольно мы потерпѣли, довольно помучились! говорилъ онъ порою, и его голосъ звучалъ какъ-то ирочно. — Не дай Богъ еще испытать, каково голодать!

Когда онъ слышалъ отъ жены, что у нея каждый суставчикъ ноетъ, онъ хмуро замѣчалъ:

— А ты думаешь, у меня-то не всѣ кости перебиты?

— Это что говорить, что говорить, голубчикъ, вздыхала Катерина Ивановна.—Тоже и назябся, и наголодался.

— Да, такъ вотъ тутъ и подумаешь о будущемъ! лаконически бормоталъ онъ и задумывался.

При этомъ въ его головѣ мелькала роковая мысль: „А что, если опять придется дрожать на морозѣ, получать затрешины въ кабакахъ, голодать по цѣлымъ днямъ?“ Онъ сдвигалъ плотнѣе свои густыя, взъершпенныя брови и что-то соображалъ. Его душа была потемками для его ближнихъ. Онъ говорилъ много

только тогда, когда ему нужно было что-нибудь выпросить, провести кого-нибудь, — однимъ словомъ, когда онъ хотѣлъ „заговорить“ человѣка. Но и въ эти минуты онъ говорилъ едва-ли то, что думалъ. Въ другое время, какъ старшій крючковторъ, какъ служака тѣхъ временъ, когда изъ всякаго пустяка не безъ задней мысли дѣлалась канцелярская или государственная тайна, когда каждое дѣло именно потому и приносило барыши, что сохранялось втайнѣ, „подъ сукномъ“, Лыткинъ привыкъ хранить таинственное молчаніе. Это молчаніе сохранялъ онъ и теперь, обдумывая что-то. Семья обращала мало вниманія на его настроеніе и только радовалась, что онъ велъ себя такъ, какъ онъ велъ себя въ годы своей службы, то-есть, не буйствуя, не напиваясь до положенія ризъ, не валяясь на улицахъ. Даша даже была убѣждена, что онъ озабоченъ дѣлами; старуха Лыткина говорила, что онъ хмурится потому, что его „сосеть“, и усердно клала земные поклоны, моля Бога сохранить отъ пьянства „раба Андрея“.

Было еще одно лицо, близкое этой семьѣ, которое крайне интересовалось новыиъ положеніемъ Лыткиныхъ. Марья Егоровна Боптяева на пятый-же день послѣ переѣзда Лыткиныхъ на новую квартиру явилась къ нимъ, ворвавшись неожиданно чрезъ кухню въ комнату стариковъ. Ее волновала и раздражала мысль, что ея родные выбились изъ нужды безъ ея вѣдома, безъ ея совѣта.

— Хороши, хороши родственнички! Ай-да роденька! воскликнула она, обращаясь къ Лыткинымъ. — Переѣхали, и хоть-бы плюнули, хоть-бы оповѣстили...

— Да вѣдь знали, что все равно на днѣ моря сыщешь! смѣхнулся Лыткинъ, сидѣвшій въ этотъ день, вслѣдствіе начинавшагося нездоровья, дома.

— Что-же это вы, сестрица, по черной лѣстницѣ пришли? жалобно замѣтила Катерина Ивановна.

— Ахъ, скажите, пожалуйста, невидаль какая! обернулась въ ней Боптяева. — Да я и отродясь ни къ кому съ чистой-то лѣстницы не хаживала, а все съ задняго хода. На парадномъ-то еще встрѣтишь кого.

— Встрѣчать-то у насъ некого такого, разведа въ недоумѣнныиъ руками старуха Лыткина. — Бого-же встрѣчать?

— А вы говорите, счастье-то откуда привалило? спросила Марья Егоровна.

— Смотри, скоро состаришься, коли много знать будешь, проворчалъ Лыткинъ.

— Благодарители, благодарители помогли, пробормотала Катерина Ивановна, набожно устремляя въ уголь моргающіе глаза.—Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, не безъ добрыхъ...

— Видно товаръ былъ, такъ съ руеъ сбыли! воскликнула Коптяева.—А гдѣ Дарья-то?

— Даша у себя, отвѣтила Лыткина, не зная, нужно-ли позвать дочь или нѣтъ.

— Что-жъ, непоказная нынче стала, что и тетеѣ видѣть нельзя? заволновалась Коптяева.

— Смотрѣть-то нечего, отвѣтилъ Лыткинъ.—А ты лучше сядь... Кофеемъ напоимъ да потолкуемъ...

Онъ сдвинулъ брови и пристально посмотрѣлъ на Марью Егоровну.

— Кабы ты не дура была, такъ съ тобой каждый говорить-бы могъ, началъ онъ.

— Да ты чего-же лаешься-то? всплыла Марья Егоровна.

— А потому и лаюсь, что ты дура.

— Ну, полноте, полноте... Ахъ, прости Господи! Вотъ я сейчасъ кофейку схлопочу, засуегилась старуха Лыткина.

Она мелкими шажками пошла хлопотать насчетъ кофе. Нѣжные братъ и сестра остались вдвоемъ.

— Языкѣ-то у тебя длинень, такъ вотъ и впускать-то тебя не слѣдовало-бы туда, гдѣ не хотятъ, чтобы соръ изъ избы выносили, началъ Лыткинъ холоднымъ тономъ наставника.

— Ужь это ты не хочешь-ли, чтобы Дашка свою единутробную тетку на порогъ не пускала? загорячилась Коптяева, подпираясь въ бока руками.

— И не будетъ пускать, если болтать будешь, спокойно отвѣтилъ старикъ.—А ты смотри, да молчи, тогда, можетъ быть, и другимъ легче будетъ, да и ты въ накладѣ не останешься...

— Кто на содержанье-то взял? вдругъ отрывисто спросила Марья Егоровна и нагнулась лицомъ въ сторону брата.

— Вотъ и дура: никто на содержанье никого не бралъ, а помочь добрый человекъ—вотъ и все, отвѣтилъ Лыткинъ.—Ты

это такъ и заруби на носу, если не хочешь, чтобы съ лѣстницы тебя спустили.

Коптяева смутилась. Она начинала недоумѣвать насчетъ того, что дѣлается въ домѣ ея брата.

— Да что-же, въ самомъ дѣлѣ, это... начала она.

— На носу заруби, слышишь, на своемъ носу заруби, что никто никого на содержанье не бралъ и что говорить объ этомъ нечего, если дорожишь своими боками, внушительно повторилъ Лыткинъ.

Марья Егоровна широко открыла глаза.

— А теперь поведемъ другой разговоръ, продолжалъ старикъ. — Ты у Муратовыхъ-то еще бываешь?

— Не была съ тѣхъ поръ, какъ Дашка отошла, а захочу, такъ и пойду, отвѣтила Коптяева.

— Ну, такъ ты захоти! усмѣхнулся Лыткинъ.

— Ужь это не для васъ-ли? загорячилась Марья Егоровна. — И не думай, и не думай! Вы надо мной ломаетесь, а я... Да будь я...

— Такъ, значить, ты вотъ сегодня и сходишь къ нимъ, невозмутимо перебилъ ее Лыткинъ.

— Да ни за что...

— И разузнаешь тамъ, богатъ-ли графъ Викторъ Валерьяновичъ Васкаковъ, продолжалъ Лыткинъ.

— Такъ это, значить, онъ! съ радостью воскликнула Марья Егоровна.

— Что онъ? сурово спросилъ старикъ, сдвинувъ брови.

Его видъ былъ на-столько серьезенъ, что даже Марья Егоровна растерялась.

— То-есть благодѣтель-то, начала она.

— Ишь, учиться начинаешь языкъ-то сдерживать, засмѣялся Лыткинъ. — Ну, такъ вотъ что я тебѣ скажу. Ты забудь и о томъ, что онъ благодѣтель. Это лучше будетъ. Думай просто, что все съ неба упало. Болтать-то лишняго не приходится. А узнавать о его состоянii, да о томъ, какъ все было, — узнай...

— Да говорю тебѣ... начала снова Коптяева.

— Я, если полегчаетъ, къ тебѣ завтра самъ заверну за отвѣтомъ, перебилъ ее старикъ.

Въ эту минуту вошла Катерина Ивановна и принесла кофе. Лыткинъ круто перемѣнилъ разговоръ.

Марья Егоровна торопливо, обжигая губы и захлебываясь, напилась кофе и распрощалась съ родными, давая вполне искренно обѣты не ходить къ Муратихъ и не узнавать о состояніи Баскакова. Она чувствовала, что братъ ее глубоко обидѣлъ, и рѣшилась не оказывать ему услуги. Но братъ зналъ ее лучше, чѣмъ она сама. Если-бы самый злѣйшій врагъ далъ ей какое-нибудь порученіе, касавшееся развѣдокъ, сплетень, слуховъ, она не задумалась-бы ни на минуту исполнить это порученіе. Долгіе годы шатанья по чужимъ домамъ для добыванія куска хлѣба давно превратили эту женщину въ шпиона по профессіи. Шпионство было ея единственною отрадою въ жизни; оно-же было и главнымъ источникомъ ея безбѣднаго существованія. Если есть люди, которые могутъ сказать, что ихъ кормятъ исключительно ихъ руки, то Марья Егоровна по справедливости могла сказать, что ее кормятъ ея „ноги“ и ея „языкъ“. Въ городѣ, гдѣ покупается и продается все,—сплетня всегда можетъ сдѣлаться источникомъ наживы, это тоже предметъ купли и продажи. Марья Егоровна давно знала это по опыту и старалась имѣть въ своемъ распоряженіи, какъ можно больше этого товара. Она ненавидѣла тѣхъ людей, которые не повѣряли ей своихъ или чужихъ тайнъ. Она чувствовала себя несчастной, пристыженной, когда разгрызался какой-нибудь скандалъ, подготовленій къ которому она не знала раньше. Сходя съ лѣстницы изъ квартиры Лытвинныхъ, она уже обзывала душой себя за то, что ей раньше не пришла въ голову мысль побывать у Муратовыхъ, чтобы узнать, почему отошла отъ мѣста Даша. Также досадовала она на себя за то, что она не могла отвѣтить брату и насчетъ матеріальныхъ средствъ Баскакова, не могла сказать ему при этомъ:

— Осель, осель ты этакій, чего мнѣ узнавать-то, богатъ-ли онъ, когда я это и такъ давно знаю!

Выбравшись на улицу, Марья Егоровна уже мчалась по направлению къ жилищу Муратовыхъ, мчалась помимо своей воли, потому что ее несли туда ноги. Она уже сгорала отъ нетерпѣнія, ожидая результатовъ своихъ развѣдокъ. У Муратовыхъ ее встрѣтила горничная Маша и поспѣшно уведла ее къ себѣ въ комнату.

— А объ васъ спрашивала барыня, торопливо проговорила она, когда онѣ остались однѣ.

— Что такое? Бружевъ, что-ли, надо или опять позаймство-

вать хочеть денегъ? спросила Марья Егоровна, цѣлуясь съ горничной и снимая свою шляпку.

— Нѣтъ, какіе займы теперь! засмѣялась горничная.— У насъ у самихъ теперь денегъ курн не вляютъ. Всего теперь столько, что въ обновахъ потонули. Все любовникъ дарить. Да только не радуеть все это.

— А что? живо спросила Коптяева.

— Какъ-же-съ, у насъ горе: молодой графчикъ сбѣжали. Ха, ха, ха!

Горничная захохотала.

— Ну такъ что-же?

— Да вѣдь у нихъ тоже амуры шли.

Марья Егоровна ударила себя по колѣбкамъ.

— Да какъ-же это я-то, мать моя, не знала! Ахъ ты Господи! Вотъ оказія-то!

— Да мы и сами только послѣ догадались...

— Да богатъ онъ, что-ли?

— Не очень, чтобы такъ богатъ! Дѣдушка ихъ богаты, миліонщики... Да дѣло не въ томъ: барыня очень ужъ влюблена въ нихъ.

— А-а! Значить онъ-то изъ чужихъ рукъ смотреть, сообразила Коптяева насчетъ денежныхъ средствъ Баскакова.— Ну, да поговоримъ потомъ, а перво-на-перво веди къ барынѣ.

Горничная доложила Муратовой о приходѣ Марьи Егоровны. Аделаида Александровна поспѣшно велѣла провести Коптяеву въ будуаръ. У нея, по обыкновенію, не было въ эту минуту никакого опредѣленнаго плана въ головѣ; ей просто хотѣлось услышать что-нибудь объ отношеніяхъ Баскакова и Даши.

— Здравствуйте, Марья Егоровна, проговорила она, завидѣвъ входившую къ ней Коптяеву.

Коптяева поклонилась скромнымъ поклономъ.

— Приказывали звать, матушка? Что-нибудь купить желаете? Новыя кружева изъ Вологды мнѣ прислали. Моднѣйшіе рисунки. Ратонда... заговорила она и не успѣла кончить.

— Нѣтъ, перебида ее Муратова, отрицательно качая головой.— Я просто недавно узнала, что дѣвушка, которую я въ послѣднее время пріютила у себя, ваша родственница.

— Какъ-же, какъ-же, родного брата дочь! вздохнула Коптяева, точно скорбя, что она состоитъ въ родствѣ съ Дашей.

— Такъ вотъ я и хотѣла предупредить васъ, продолжала Муратова.— Ей грозитъ опасность. Она, кажется, увлеклась. Ею надо предостеречь.

Коптяева изобразила на своемъ лицѣ недоумѣніе.

— То-есть какъ это, матушка, увлеклась? спросила она наивнымъ тономъ.

— Да тутъ жилъ у насъ молодой графъ Баскаковъ, полюбила Муратова.— Ну, можетъ быть, онъ полюбозничалъ съ ней... она повѣрила... Я вѣдь ничего навѣрное не знаю...

Муратова путалась и не знала, что говорить.

— А-а! сообразила Коптяева.— Такъ это значитъ вотъ на чьи деньги-то они и зажили такъ, и квартера, и платья,— все откуда взялось...

— Что? торопливо воскликнула Аделаида Александровна, не совладавъ съ собою. — Значитъ онъ ее содержитъ, вѣдигъ къ ней?

Коптяева опять сдѣлала невинное лицо.

— Не знаю, вотъ вамъ крестъ, не знаю, матушка, проговорила она, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ. — Что видѣла, то и говорю. Квартера огромнѣющая, все это уставлено, вотъ какъ у васъ, не въ обиду будь сказано, платья... да вотъ одно точь-въ-точь, какъ на васъ теперь, видѣла... въ клѣтку...

Муратову всю бросило въ жаръ: она почти съ ненавистью осматрѣлась кругомъ, ей показалось отвратительнымъ надѣтое на ней платье. Это не было чувство зависти. Нѣтъ, это была просто злоба на то, что ея соперница счастлива даже въ матеріальномъ отношеніи не менѣе, чѣмъ она сама, пользующаяся только этими жалкими матеріальными удобствами и ничѣмъ болѣе.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ живетъ ваша родственница, проговорила съ раздраженіемъ Аделаида Александровна.— Я просто обязана была, какъ личность, взявшая подъ свое покровительство эту дѣвочку, предупредить васъ.

— Покорно благодарю, матушка, покорно благодарю! поклонилась Марья Егоровна.

— Викторъ Валерьяновичъ очень не богатъ, продолжала Муратова.— У него было двадцать или двадцать пять тысячъ своихъ

денегъ и онъ проживаетъ ихъ. Черезъ годъ, черезъ два онъ останется безо всего и броситъ вашу родственницу. Или она думаетъ, что онъ на ней женится? Этого никогда не позволятъ его родные...

— Ужь гдѣ-же жениться, матушка! согласилась Марья Егоровна.

— Онъ броситъ ее, конечно, очень скоро, продолжала Аделаида Александровна.— У него, вѣроятно, это не первая любовница...

— Знаю, знаю, матушка, смиренно замѣтила Коптяева.

Аделаида Александровна вся вспыхнула.

— Что? спросила она, сдвинувъ брови.

— Я говорю, матушка, что извѣстно, что у такого красавчика любовницъ всегда найдется, подслала Марья Егоровна.— Наша вѣдь сестра дура, дура, не здѣсь будь сказано, чуть увидитъ смазливую рожицу, сейчасъ и вѣшается на шею...

Муратову всю передернуло. Она уже сожалѣла, что позвала эту глупую женщину. Но ей ужъ очень хотѣлось узнать, сошелся-ли Баскаковъ съ Дашей. Теперь, повидимому, она удовлетворила свое ревнивое любопытство и могла отпустить эту женщину. Но ей хотѣлось сдѣлать еще одну попытку.

— Я не обвиняю вашу родственницу, начала она.— Она молода и неопытна. Она не предвидитъ, что выйдетъ изъ ея поступка. Но вы должны ее предупредить.

— Предупрежу, матушка, предупрежу, поклонилась Коптяева.— Ужь извѣстно, поиграетъ, потѣшитъ свою волюшку, да потомъ и броситъ. Надъ нею-же съ новой полюбовницей смѣяться будетъ. Они ужъ всегда такъ, мужчины-то...

Муратова опять вся раскраснѣлась. Въ ея головѣ промелькнула мысль, что, можетъ быть, Викторъ смѣется теперь съ Дашей и надъ нею, надъ Аделаидой Александровной.

— Вы объясните ей, что дѣло еще можно поправить, сказала она.— Ей можно найти приличнаго жениха...

— Жениха? переспросила Коптяева.

— Да... Я знаю одного молодого человѣка, который, вѣроятно, охотно женился-бы на ней...

— Слушаю, матушка, слушаю, опять поклонилась Коптяева.— Изъ чиновниковъ?

— Да... Ему дали-бы хорошее мѣсто, приданое за ней...

— Приданое? Кто-же это, матушка, дажь-бы приданое-то? простодушно спросила она.

— Родня Виктора Валерьяновича... мы... однимъ словомъ, это дѣло уладилось-бы.

Муратова встала. Она была взволнована. Коптяева поняла, что ее вѣжливо просить выйти, и съ поклонами стала удаляться изъ будуара.

— Вы не забудьте сказать ея отцу объ этомъ женихѣ, сказала ей вслѣдъ Муратова.

— Хорошо, матушка, хорошо. Какъ забыть! отвѣтила съ порога Коптяева.

— Ну что? спросила горничная, увидавъ Марью Егоровну.

— Ахъ, ха, ха!.. И рветъ, и мечетъ! отвѣтила Коптяева, махая руками.—Какъ конька въ него-то влюблена. Ужь и смѣху мнѣ было. Говорю я: „ужь и какъ не быть у него любовникамъ“, а сама на нее смотрю, а она-то, она-то какъ вскрикнетъ: „что-о?“ Это думала, что я про нее все знаю. А я потушила глаза-то, да и говорю: „вѣдь наша сестра дура“. Ахъ! ха, ха!

Коптяева опять замахала руками, не имѣя силъ удержаться отъ пошлаго смѣха.

— Ну, отбаловали-же вы ее! засмѣялась и горничная.

— По дѣломъ вору и мука!

— Кофею вы не хотите-ли? спросила горничная.

— Нѣтъ, въ трехъ домахъ пила! Ну его! махнула рукой Коптяева, и стала собираться домой. — У меня еще дѣловъ по маковку.

Она теперь съ нетерпѣніемъ ждала слѣдующаго дня, чтобы ошеломить брата новостями. Но насталь слѣдующій день, а братъ не шелъ. Пришелъ день и къ концу, а брата все не было. Коптяева была какъ на иголкахъ. Она полагала, что братъ запилъ. На другой день она не вытерпѣла и чѣмъ свѣтъ понеслась въ квартиру Лыткиныхъ. Она застала брата уже безъ памяти. Онъ лежалъ въ постели. Марья Егоровна было трудно не высказать всего слышаннаго Катеринѣ Ивановнѣ и Дашѣ, но она геройски превозмогла себя и только мелькомъ замѣтила Дашѣ:

— А ужь и зла-же на тебя Муратиха!

Даша пожала плечами и спокойно отвѣтила:

— Что-же мнѣ до нея за дѣло?

XXXV.

Какъ только выздоровѣлъ Андрей Егоровичъ, такъ тотчасъ-же сестра сообщила ему все, что узнала въ домѣ Муратовыхъ. Она теперь уже интересовалась „исторіей“, чувствуя, что братъ хочетъ „заварить какую-то кашу“. Преданная всею душою шпионству, разузнаванію новостей, слуховъ и скандаловъ, Марья Егоровна являлась первою помощницей въ тѣхъ дѣлахъ, которыя „заваривали кашу“, какъ она выражалась сама. Тамъ, гдѣ заваривалась каша, Марья Егоровна всегда оставалась въ барышахъ. Этихъ барышей ждала она и теперь. Какъ ни ругалась она съ братомъ, какъ ни третировалъ онъ ее, она все-таки признавала его умственное превосходство надъ собою и теперь понимала очень хорошо, что онъ не безъ цѣли не велѣлъ ей наекать Дашѣ о Баскаковѣ и приказалъ разузнать о денежныхъ средствахъ Баскакова. Но какіе планы были у него въ головѣ— этого она не могла понять и ее мучило любопытство.

— Что-же ты дѣлать-то будешь? спрашивала она брата, угощая его у себя кофе послѣ сообщенія ему новостей.

— Подаю на него прошеніе, что соблазнилъ несовершеннолѣтнюю дѣвушку, серьезно отвѣтилъ Лыткинъ, смотря прямо въ глаза сестрѣ.

— Такъ, отлично, отлично! радостно воскликнула она, потирая руки.— Я такъ и думала, такъ и думала!

Она поближе придвинулась къ брату.

— Ну и заставятъ или жениться, или выдать обезпеченіе, продолжалъ старикъ тѣмъ-же тономъ.

— А-а! Такъ вотъ ты для чего узнавалъ-то, много-ли у него денегъ, сообразила Коптяева.— Это нужно знать, нужно!

— Да, для этого.

— Я такъ и знала, такъ и знала!

— Ну, и вышла дура! лаконически отвѣтилъ Лыткинъ, и сталъ прихлебывать кофе.

Марья Егоровна растерялась и остолбенѣла.

— Да что-же ты, въ самомъ дѣлѣ... въ смущеніи начала она, вспыхнувъ отъ гнѣва.

— Дура, говорю, такъ дура и есть, хладнокровно повторилъ Лыткинъ.—Въ томъ-то и дѣло, что никакого тутъ обольщенія нѣтъ, а просто добрый человѣкъ помогаетъ бѣдной семьѣ... А это никому не запрещается. За это въ судъ не тянуть.

Лыткинъ вздохнулъ. Марья Егоровна въ недоумѣніи широко открыла глаза.

— Чего глаза-то пучишь? усмѣхнулся старикъ.—Въ томъ-то и горе, что сегодня онъ благодѣтельствуешь, а завтра бросить можешь. И никому жаловаться не можешь, роптать не смѣешь...

Онъ опустилъ голову и началъ барабанить пальцами по столу.

— Да какъ-же такъ? недоумѣвала Коптяева, окончательно сбита съ толку.

— Да вотъ такъ-же! проговорилъ Лыткинъ.—Не ходилъ-бы я понуривъ голову, если-бы какой-нибудь подлецъ мою дочь обезчестилъ, не сидѣлъ-бы у тебя теперь, а обивалъ-бы пороги въ судахъ да у родныхъ его. Лыткинъ безчестить свою дочь никому не позволитъ, Лыткинъ найдетъ на всякаго подлца управу. А теперь—теперь надоѣсть этому щелоперу кормить насъ, ну и не станеть, и не станеть... А потомъ что? Опять голодъ и холодъ, опять писанье прошеній мужичью... Старъ я, слабъ я сталъ, силъ нѣтъ пресмыкаться... отдыхъ нуженъ...

— Да ты ей сказалъ-бы... начала совсѣмъ растерявшаяся Марья Егоровна.

— Что сказать-то? Чтобы она къ нему на шею вѣшалась? Да? сурово спросилъ старикъ.—Опять ты дура. Да развѣ дочь-то у меня такая, развѣ Даша-то у меня тебѣ чета?

— Ахъ, Господи, невидалъ какая! Тоже, чай, не каменная! воскликнула Коптяева.

— Вотъ это ты вѣрно сказала: не каменная! задумчиво проговорилъ Лыткинъ.—Только боюсь я, что надоѣсть-то ему нянчиться съ нами раньше, чѣмъ онъ узнаеть, что она не каменная... И самъ-то онъ какой-то... Богъ его знаетъ, либо дуракъ, либо мокрая курица.

— Ты его видѣлъ?

— Мелькомъ. На глаза не лѣзу и Катеринѣ приказываю не лѣзть... Можетъ еще навозмоимъ глаза, отвадимъ... Тоже не при-

глядни мы... Вонъ и ты: пусти я тебя въ домъ да позволь тебѣ болтать, что попало, такъ ты такъ-то запугаешь Дашу, что она и отъ благодѣлнй откажется, и въ самомъ дѣлѣ себя его со-держанкой сочтетъ...

Коптяева только теперь сообразила тактику брата, и прониклась еще большимъ уваженіемъ къ нему. Онъ, тяжело кряхтя, поднялся со стула.

— Ну, я пойду, Марья! сказалъ онъ.

— Прощай, родной, прощай! Авось дѣло мука будетъ! необычайно привѣтливо проговорила Марья Егоровна, провожая его.

Она теперь была глубоко заинтересована участію Даши. Она никакъ не могла сообразить, какъ это Даша можетъ оставаться въ чистыхъ отношеніяхъ къ Баскакову, и въ-концѣ-концовъ приходила опять къ одному и тому-же отрадному для нея и для ея брата выводу, что и Даша не каменная. Это былъ грубый выводъ чловека, погрязшаго среди пошлой, будничной жизни и за-пасшагося только мелочной, жалкой практичностью. Это былъ животный цинизмъ, неимѣвшій возможности представить себѣ такіа чистыа отношенія, у которыхъ не было бы грязной подкладки. Къ несчастью, въ настоящемъ случаѣ ожиданія Марьи Егоровны должны были осуществиться, — осуществиться не вслѣдствіе тѣхъ мотивовъ, которые были доступны ея пониманію, — но все-же осуществиться.

XXXVI.

Отношенія Даши и Виктора Валерьяновича были довольно странны. Они любили другъ друга, но какъ-то боязливо, осторожно, нерѣшительно. Викторъ Валерьяновичъ краснѣлъ, рѣшаясь на робкій поцѣлуй; Даша была скупа на эти поцѣлуи. Но Викторъ Валерьяновичъ не тяготился своимъ положеніемъ и наслаждался этой платонической любовью. Въ его отношеніяхъ къ этой молодой дѣвушкѣ ярко сказались особенности его характера, его натуры. Въ немъ не было бурныхъ, страстныхъ порывовъ, которые заставляютъ чловека забыть все и надѣлать самыхъ сумасбродныхъ поступковъ. Ему было отрадно, что онъ можетъ сидѣть такъ близко подлѣ этого прелестнаго созданія, что онъ можетъ по цѣлымъ часамъ любоваться этимъ молодымъ лицомъ, что

онъ можетъ положить голову на эти колѣни любимой дѣвушки и мечтать Богъ знаетъ о чемъ, говорить, не думая о томъ, что говорится. Въ эти минуты, когда онъ сидѣлъ у ногъ дѣвушки, положивъ голову на ея колѣни, ласвая ея руку, заглядывая ей полузакрытыми глазами въ лицо, шопотомъ говоря слова любви, онъ походилъ и на больного ребенка, и на утомленнаго раннимъ развратомъ юношу. Дряблость, женственность, нерѣшительность, безсиліе сказывались теперь въ каждомъ его движеніи, въ каждомъ словѣ, сказывались потому, что здѣсь ему приходилось поступать самостоятельно, не по тому шаблону, по которому была вырощена его свѣтская жизнь. Въ свѣтѣ онъ казался и умнымъ, и самостоятельнымъ, и благороднымъ, однимъ словомъ, отличался всѣми добродѣтелями свѣтскаго человѣка, и въ этомъ не было ничего удивительнаго: у него былъ извѣстный шаблонъ, сообразно съ которымъ онъ могъ выкраивать каждую фразу, каждый поступокъ. Здѣсь было не то: здѣсь нужно было самому выбрать ту или другую дорожку и разсчитать, какъ удобнѣе будетъ идти по ней. На это у него не хватало ни силъ, ни ума, ни характера. Онъ цѣловалъ Дашу и боялся этихъ поцѣлуевъ; онъ не могъ оторваться отъ нее и не зналъ, что-же будетъ дальше; онъ говорилъ о женитбѣ на ней и не могъ начертать плана для осуществленія этой мысли. Если-бы на мѣстѣ Даши была въ эти минуты опытная и страстная женщина, — она пробудила-бы въ немъ порывы страсти, которыми въ-концѣ-концовъ должна была кончиться эта нѣга сладострастія. Но Даша болѣе всего боялась окончательнаго сближенія съ Викторомъ Валерьяновичемъ. Она боялась этого потому, что считала „за грѣхъ и за позоръ“ незаконную связь съ постороннимъ мужчиной. Она боялась этого потому, что ей страшно было сдѣлаться матерью незаконнаго ребенка. Она боялась этого потому, что Викторъ Валерьяновичъ казался ей такимъ „ребенкомъ“, котораго можно погубить, увлекши его. Всѣ эти „страхи“ и „ужасы“ охлаждали въ молодой дѣвушкѣ искренніе порывы страсти и ставили ее въ ложное положеніе къ любимому человѣку. Она подъ вліяніемъ страсти готова была броситься ему на шею и черезъ минуту подъ вліяніемъ страха, готова была бѣжать отъ него. Смотри такъ на вещи, молодые люди старались увѣрить себя, то они находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ жениха и невѣсты, и вовсе не замѣчали, что они стоятъ другъ къ другу въ от-

ношеніяхъ любовника и любовницы, правда, платоническихъ, но все-таки любовниковъ. Ихъ любовныя отношенія были-бы смѣшны, если-бы они не были такъ жалки. Эти отношенія были плодомъ привитыхъ къ нимъ съ дѣтства взглядовъ, плодомъ ихъ искалѣченныхъ натуръ. Правда, что Викторъ Валерьяновичъ и Даша развивались въ совершенно-различныхъ слояхъ общества, но правда и то, что и въ палатахъ Баскаковыхъ и въ подвалѣ Лыткиныхъ молодые люди съ дѣтскихъ лѣтъ насмотрѣлись на одинъ и тотъ-же развратъ и получили отвращеніе къ этому разврату; но какъ-бы ни было велико это отвращеніе къ разврату, онъ все-таки коснулся ихъ душъ, наложилъ свои слѣды на ихъ воображеніе, оставилъ въ нихъ неизгладимое впечатлѣніе. Они сами не развратничали такъ, какъ развратничали ихъ ближніе, быть можетъ, только потому, что такой развратъ возмущалъ эстетическое чувство Виктора, а въ запуганной, забитой судьбою Дашѣ пробуждалъ страхъ и стыдъ. Но не имѣя возможности отдаться ни беззавѣтной любви, ни беззавѣтному разврату, потерявъ способность понимать чуждое, что платоническое сластолюбіе не есть чистая и невинная любовь, эти больныя дѣти столицы незамѣтно для самихъ себя сближались все тѣснѣе и тѣснѣе, тѣмъ болѣе, что имъ приходилось въ сущности быть вмѣстѣ только въ четырехъ стѣнахъ, съ глазу на глазъ. Викторъ Валерьяновичъ не рѣшался въ весенніе дни поѣхать съ Дашей кататься на острова, не рѣшался пройти съ нею рука объ руку по людной улицѣ, не рѣшался поѣхать съ ней въ театръ. Подобныя явленія его съ Дашей публично дали-бы право называть ее его любовницей. Онъ уже зналъ, что въ свѣтѣ говорили про его связь съ какой-то „грязеткой“. Кто разгласилъ про эту связь, кто далъ Дашѣ названіе „грязетки“, — догадаться было не трудно. Баскаковъ очень хорошо понималъ, что показать эту „грязетку“ обществу—значило на всегда закрыть для нея двери въ это общество, давъ поводъ людямъ сказать потомъ, что онъ женился на своей содержанкѣ. Покуда свѣтъ не видалъ этой „грязетки“, до той поры толки о ней, о его связи съ ней, имѣли значеніе „сплетни“. Первое его появленіе вдвоемъ съ этою „грязеткой“ дало-бы право возвести сплетню на степень несомнѣннаго факта. Вѣдь свѣтъ очень хорошо зналъ, что никакая невѣста не станетъ за годъ, за два до свадьбы развѣзжати вдвоемъ съ своимъ женихомъ на гулянья и въ те-

атры. Не желая показывать Дашу никому, Викторъ Валерьяновичъ пересталъ почти являться въ обществѣ и большую часть свободнаго времени проводилъ въ уютной комнатѣ Даши. Толки, мечты, чтеніе, музыка, пѣніе, — все это тѣсно сближало молодыхъ людей, и порою, когда наставалъ часъ разлуки, Баскаковъ грустно говорилъ Дашѣ:

— Я, кажется, никогда-бы не ушелъ отсюда!

Онъ цѣловалъ ея руки, онъ заглядывалъ ей въ глаза. Она смущалась: ей самой становились тяжелы ихъ отношенія.

— И когда это настанетъ день, когда я назову тебя своею женою! восклицалъ онъ.

— Ты знаешь, что теперь этого сдѣлать нельзя, отвѣчала она. — Что скажешь твои родные...

— Что мнѣ до нихъ! говорилъ онъ.

— Нельзя-же тебѣ ни за что, ни про что огорчить и оскорбить тѣхъ, кто такъ любилъ, кто такъ любитъ тебя, замѣчала она.

— Ну, я спрошу ихъ позволенія, говорилъ онъ.

— И покажешь имъ необразованную, полуграмотную невѣсту? замѣчала она. — Вѣдь имъ придется краснѣть за меня, а мнѣ... Нѣтъ, я сама не рѣшилась-бы сдѣлаться твоею женою теперь...

— Милая, милая, ты права! опускалъ онъ голову.

Она задумывалась все сильнѣе и сильнѣе и передъ нею вставалъ роковой вопросъ: „на что-же я надѣюсь въ будущемъ?“ Когда онъ уходилъ, она проводила бессонныя ночи и въ ея головѣ мелькало: „Но возможна-ли вообще наша свадьба? Позволятъ-ли его дѣдъ и бабушка ему жениться на мнѣ? Едва-ли. А если не позволятъ, что тогда? Онъ женится помимо ихъ воли, огорчить ихъ, будетъ мучиться всю жизнь, что онъ отравилъ ради своего каприза всю остальную жизнь стариковъ“.

— А что, простили-ли-бы тебѣ твои дѣдъ и бабушка, если-бы ты женился на мнѣ противъ ихъ воли? спрашивала она при свиданіи у Виктора Валерьяновича.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Дѣдъ добрый человѣкъ, но онъ не прощаетъ неповиновенія и непокорности. У него на этотъ счетъ свои взгляды. Но зачѣмъ ты это спрашиваешь? Неужели ты думаешь, что если мнѣ придется выбирать между его лю-

бовью ко мнѣ и нашимъ обоюднымъ счастьемъ, то я пожертвую послѣднимъ?..

— О, нѣтъ, я знаю, какъ ты поступишь! сжимала она его руку.

„Не простять. Значить, онъ долженъ будетъ выйти изъ ихъ круга, бросить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, у которыхъ онъ можетъ встрѣтиться съ дѣдомъ и съ бабкой?“ думала она.

— Но вѣдь тебѣ было-бы очень тяжело встрѣчаться съ стариками послѣ ссоры, замѣчала она.

— Я и не встрѣчался-бы съ ними, отвѣчалъ онъ. — Если-бы мы поссорились, то мнѣ пришлось-бы оставить мой полкъ.

— Оставить полкъ? съ изумленіемъ спрашивала она.

— Да, служба въ нашемъ полку стоитъ очень дорого, замѣчалъ онъ, — а я не такъ богатъ. Я былъ-бы богатъ только въ томъ случаѣ, если-бы дѣдъ удѣлилъ мнѣ часть своего имѣнія. Да вѣдь это пустыяки, гдѣ служить. Я могу служить и въ другомъ полку, наконецъ, могу бросить военную службу... Мы уѣхали-бы изъ Петербурга, чтобы не встрѣчаться съ тѣми знакомыми, которые будутъ коситься на насъ... Ты знаешь, мнѣ нужна только ты...

— Милый, добрый мой! шептала она.

„Господи, какъ онъ любитъ меня, и за эту любовь я лишу его всего, что было дорого ему до сихъ поръ, думала она, — родныхъ, знакомыхъ, избранной имъ службы, надеждъ на поступленіе въ академію, столичной жизни, богатства, — всего, всего лишу его и дамъ за это только любовь... Но вѣдь она и теперь принадлежитъ ему... За что-же я отниму отъ него все?.. За право называться его женою, а не любовницей... за право, которое не дастъ мнѣ даже возможности стать съ нимъ рядомъ въ томъ кругу, въ которому принадлежитъ онъ теперь“.

Она грустно сълоняла свою голову. Ее смущали сотни и сотни вопросовъ.

„Какъ повліяетъ на него пережѣна жизни, службы, среды? Вынесетъ-ли онъ небогатую жизнь? Не упрекнетъ-ли онъ хоть когда-нибудь, хоть намекомъ ее за то, что онъ лишился всего ради нея? Имѣетъ-ли она право навязывать ему своихъ родныхъ? Не будетъ-ли ему тяжело содержать ихъ, жить съ ними? Вѣдь отецъ теперь еще ищетъ работы, стремится приобрести что-нибудь, а

послѣ ея замужества онъ будетъ радъ возможности жить на чужой счетъ. Она знаетъ своего отца. Теперь онъ прячется отъ Баскакова, а тогда онъ явится передъ зятемъ со всѣми своими грязными чувствами, взглядами, идеями. Не лучше-ли порвать эту связь теперь? Да развѣ онъ, Викторъ, согласится на это? Нѣтъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, онъ слишкомъ сильно полюбилъ ее, чтобы бросить ее. Да и въ состояніи-ли она сама оторваться отъ него? Но что-же дѣлать? что дѣлать?" И опять въ ея головѣ смутно, едва уловимо проносилась мысль: „теперь-бы умереть“.

Ее бросало въ дрожь при этой роковой, все чаще и чаще появлявшейся въ ея головѣ мысли.

А Викторъ Валерьяновичъ дѣлался все нѣжнѣе и пѣжнѣе. Онъ ласкался къ ней, какъ дитя къ матери, какъ малютка къ взрослой. Вообще во всей его фигурѣ, во всѣхъ его манерахъ было много чисто-дѣтскаго, добродушнаго, мягкаго. Заученная серьезность, холодность, полированность свѣтскаго человѣка, все это уступало здѣсь мѣсто слабости, мягкости, чувствительности и какой-то азіятской нѣгѣ. Иногда въ головѣ Даши мелькала мысль, что онъ похожъ на ребенка и что этого-то ребенка она погубить своею любовью. Въ эти минуты она съ глубокою нѣжностью глядѣла на него и давала мысленно обѣты погибнуть самой, но не погубить его. Въ эти дни Викторъ Валерьяновичъ отдавался весь своимъ сладкимъ чувствамъ, своей нѣгѣ, своему платоническому сладострастію и дѣлался еще болѣе младенцемъ, чѣмъ прежде; Даша-же, подъ вліяніемъ страха за будущее, работала головой и становилась все сосредоточеннѣе и серьезнѣе. Ихъ отношенія ублаживали его умъ и будили ея мысли.

XXXVII.

Въ свѣтѣ, между тѣмъ, шли все чаще и чаще толки о Викторѣ Баскаковѣ.

Аделаида Александровна была главнымъ источникомъ этихъ толковъ. Мысль о Викторѣ не давала ей покоя. Аделаида Александровна то сердилась на этого человѣка, то плакала о немъ. Знать, что онъ дѣлаетъ, отвлечь его отъ Даши, добиться прими-

ренія съ нимъ—вотъ что всего болѣе занимало ее. Казалось, если-бы Викторъ вернулся теперь къ ней снова, она обняла-бы его колѣни, она сдѣлалась-бы его рабой. Впервые ей стало вполнѣ ясно, что ради этого человѣка она готова на всевозможныя униженія. И чѣмъ ближе сходилса съ ней баронъ, тѣмъ дороже становился ей Викторъ, тѣмъ съ большею злобою она говорила объ этомъ человѣкѣ. Послѣ встрѣчи Муратовой съ Марьей Егоровной Коптяевой она пришла въ сильнѣйшее раздраженіе и впервые въ жизни даже обошлась очень грубо съ своею горничной.

Смущенная Маша, не зная, какъ задобрить барыню, не встати стала ей говорить, что Марья Егоровна рассказывала и ей, Машѣ, о своей племянницѣ. Аделаида Александровна всплила.

— Не смѣй мнѣ говорить объ этой мерзкой дѣвчонкѣ! закричала она.—Что мнѣ за дѣло, какъ она развратничаетъ!

Но слова горничной вдругъ напомнили Муратовой о Викторѣ. „Если-бы онъ не бросилъ ее, она не сошлась-бы съ барономъ, она не погибла-бы“.

Эта мысль промелькнула въ головѣ молодой женщины и никакой внутренней голосъ уже не шепталъ ей, что она начинаетъ даже путать хронологію событій для оправданія себя.

— Я, сударыня, только такъ, сконфузилась Маша. — Ужъ очень смѣшно, что она, какъ съ братомъ, живетъ съ Викторомъ Валерьяновичемъ.

Муратова вся покраснѣла; ей вспомнилось, что и съ нею Викторъ жилъ сначала, какъ братъ съ сестрою. Передъ нею вдругъ воскресли всѣ эти сцены; сидѣнье вдвоємъ въ тишинѣ будуара при слабомъ и мягкомъ свѣтѣ лампъ, тихій разговоръ или молчаливое мечтанье богъ-знаетъ о чемъ; онъ сидитъ у ея ногъ, положивъ курчавую голову ей на колѣни, она бессознательно касается рукой его шелковистыхъ волосъ; они смотрятъ на полупотухающій огонь въ каминѣ и уносятся въ грезахъ куда-то далеко, далеко, гдѣ ярче свѣтитъ солнце, гдѣ теплѣе воздухъ, гдѣ все цвѣтетъ.

На мгновенье Муратова словно опять отдалась сладкому чувству этой восточной лѣни, этой сладострастной нѣги; потомъ она вздрогнула, вспомнивъ, что ея мѣсто занимаетъ теперь другая, и по ея лицу скользнула не то злая, не то презрительная усмѣшка.

— Все это глупо... глупо!.. Нѣмецкая чувствительность! безсознательно пробормотала она.

— Да-съ и по-нѣмецки, и по-французски учать, поторопилась прибавить Маша, не понявъ словъ Аделаиды Александровны. — Гувернерки къ нимъ ходять...

— Что? спросила пораженная Муратова.

— Да-съ, Викторъ Валерьяновичъ нанялъ ей учительшу...

— А-а! Образованную содержанку хочеть имѣть! Стыдно ее показать кому-нибудь, неотесанною! засмѣялась Аделаида Александровна ироническимъ, злымъ смѣхомъ.

„Ужь не Викторъ-ли рассказываетъ въ свѣтѣ о моей связи съ этимъ жидомъ?“ мелькнуло въ ея головѣ и она уже готова была возвести это предположеніе на степень дѣйствительнаго факта, забывъ, что дѣло было очевидно для всѣхъ и безъ Виктора.

— Они жениться хотять на ней, добавила горничная.

Муратова вспыхнула.

— Кто ему позволить!.. Ступай и не смѣй мнѣ больше говорить о ней!

Аделаида Александровна осталась одна и заходила по будуару. „Какъ братъ съ сестрой живетъ, учить ее, хочеть жениться“, мелькало въ ея головѣ. „Нѣтъ, этому не бывать!“ Викторъ бросилъ ее, Муратову, для этой дѣвчонки. Онъ сдѣлалъ видъ въ театрѣ, что не видитъ ее, Муратову. Онъ не отвѣтилъ ей, Муратовой, на ея письмо, написанное къ нему послѣ ихъ разрыва, полное слезъ и моленій. Онъ, можетъ быть, распускаетъ про нее разныя слухи. Онъ теперь думаетъ насладиться счастьемъ съ этой дѣвчонкой, ввести ее въ свой кругъ. Эта дѣвчонка, быть можетъ, тоже подниметь передъ нею, передъ Муратовою, голову, и скажетъ: „я честная женщина“. Увидимъ! Ей, Муратовой, стоитъ сказать только слово—и всѣ знакомые Виктора будутъ знать, что онъ держитъ на содержаньи какую-то нищую, какую-то горничную, тогда что-то скажетъ Викторъ, какъ-то онъ введетъ въ свою семью эту дѣвчонку, развратницу, нищую, какъ-то сниметъ съ нея клеймо своей бывшей любовницы?

Черезъ день, черезъ два у Муратовой были гости. Въ числѣ ихъ былъ и Петръ Павловичъ Муратовъ. Разговоръ случайно коснулся Виктора Валерьяновича.

— А онъ такъ и испарился, лѣниво замѣтилъ Петръ Павловичъ.—Его нигдѣ даже не встрѣтишь.

— Онъ у ногъ своей подруги, засмѣялась Муратова.

— Вотъ какъ! Началь жить? небрежно усмѣхнулся Петръ Павловичъ.—Впрочемъ, лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Да, очень жаль только, что это совсѣмъ необразованная и жалкая личность, замѣтила съ пренебреженіемъ Аделаида Александровна.—Ты ее, кажется, видѣлъ. Она жила у меня недавно горничной. Я ее отыскала гдѣ-то въ трущобѣ и хотѣла ей помочь. Но это было уже вполне погибшее созданье... Впрочемъ, ты, Пьеръ, можешь быть, будешь имѣть счастье назвать ее родственницей. Викторъ думаетъ на ней жениться.

— Значить и тебѣ надо готовиться къ приему новобрачныхъ? иронически засмѣялся Петръ Павловичъ.

— Ну, нѣтъ, отъ этого-то онъ избавить хотя меня, потому что я слишкомъ хорошо ее знаю, пожала плечами Муратова.

Этого разговора было достаточно, чтобы на другой день по городу пронесся слухъ о связи Баскакова съ „падшей дѣвушкой“, на которой онъ думаетъ даже жениться. Одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ говорить:

Злое слово, катаясь, растетъ,

На подобіе снѣжнаго кома:

Бросишь горсть у себя изъ воротъ—

Встрѣтишь холмъ у сосѣдняго дома.

Въ отношеніи городскихъ толковъ и сплетенъ насчетъ ближняго это совершенно вѣрно. Баскаковъ сдѣлался въ нѣсколько дней свазкой тѣхъ салоновъ, гдѣ праздные, скучающіе люди были рады каждой сплетнѣ, и особенно сплетнѣ, касавшейся Баскакова. Фамилія Баскаковыхъ, какъ мы говорили, была незапятнанна, или по крайней мѣрѣ, считала себя незапятнанною—это заставляло общество злобно радоваться удобному случаю запятнать эту фамилію. Баскаковы держались въ сторонѣ отъ людей, которыхъ они считали высочками, новой аристократіей, буржуазными знаменитостями—это служило не малымъ поводомъ къ тому, чтобы злорадно трезвонить о предстоящемъ неравномъ бракѣ одного изъ этихъ чванныхъ старыхъ баръ. Самъ Викторъ Баскаковъ смущалъ до сихъ поръ золотую молодежь, свѣтскихъ гулякъ, титу-

лованныхъ *petits scévés* своею безупречною и скромною жизнью— это было важною причиною для умышленнаго преувеличенія его отношеній къ какой-то „грязеткѣ“, какъ окрестили Дашу въ свѣтѣ. Одни говорили, что Баскаковъ уже тайно женился на ней; другіе рассказывали, что онъ надѣлалъ ради нея долговъ, такъ-какъ она окружена баснословною роскошью; третьи передавали, что она его держитъ въ рукахъ, заставляетъ по цѣлымъ часамъ стоять у дверей и молить о правѣ войти къ ней; что она бьетъ его туплями за то, что ей испортила портниха платье, что даже ея мать и отецъ третируютъ его *en saaille*; четвертые рассказывали чудеса о ея безграмотности, о томъ, что она говоритъ „это“ вмѣсто „этого“, „будить“ вмѣсто „будетъ“ „ногаи“ вмѣсто „ногами“, что, однимъ словомъ, Машка-Соловей, хорошо извѣстная всѣмъ товарищамъ Баскакова, была образованнѣе подруги Виктора даже въ то время, когда еще ходила въ рубищѣ или канканировала ради куска насущнаго хлѣба въ залахъ разныхъ танцклассовъ.

Всѣ подобныя сплетни и басни доходятъ обыкновенно позже всего до того лица, до котораго онѣ касаются. До Виктора-же Валерьяновича имъ было еще труднѣе дойти, такъ-какъ онъ въ послѣднее время чуждался пріятелей еще больше, чѣмъ прежде. Правда, онъ слышалъ два-три намека, двѣ-три шутки насчетъ своихъ отношеній къ какому-то прелестному созданію, но онъ сумѣлъ такъ отвѣтить шутникамъ, что отбилъ у нихъ охоту шутить. Но если онъ былъ очень мало посвященъ въ эти толки, то были посвящены въ нихъ его родиче. Дядя Виктора Валерьяновича, графъ Матвѣй Ивановичъ Баскаковъ, сильно не долюблялъ этого „любимчика“ стариковъ Баскаковыхъ и былъ-бы радъ, если-бы старики почему-нибудь лишили Виктора наслѣдства. Дядя очень хорошо зналъ, что женитьба его племянника на какой-то „нищей“, на какой-то „дочери подвала“, на какой-то „грязеткѣ“ заставитъ стариковъ лишить внука наслѣдства. Но Матвѣй Ивановичъ былъ слишкомъ богатъ для того, чтобы ставить лишніа сто, двѣсти тысячъ выше фамильной чести. Онъ прежде всего помнилъ, что его племянникъ такой-же графъ Баскаковъ, какъ и онъ самъ, и что каждое пятно, которое ляжетъ на этого человека, ляжетъ на ихъ фамилію. Ни минуты не задумывался,

онъ вызвалъ Виктора Валерьяновича на объясненіе при первой ихъ встрѣчѣ.

— Про тебя, Викторъ, ходятъ какіе-то странныя, скажу даже болѣе—невѣроятныя слухи, замѣтилъ онъ.—У тебя тамъ завелась какая-то компрометирующая тебя связь.

— Это ложь! горячо возразилъ Викторъ Валерьяновичъ, никакъ не ожидавшій, что дядя узнаетъ о его отношеніяхъ къ Дашѣ раньше, чѣмъ онъ объяснитъ дѣло дѣду и бабушкѣ.—Правда, я надѣюсь жениться, но и только.

— На комъ? спросилъ дядя.

— На очень бѣдной дѣвушкѣ, отвѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Жившей гдѣ-то въ горничныхъ?

— Я надѣюсь объяснить все лично дѣду, когда онъ придетъ, отвѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.—Вамъ я могу только сказать одно: что дай Богъ, чтобы всѣ наши родные, которыхъ занимаетъ моя невѣста, были такъ-же честны, какъ она.

Дядя пожалъ плечами.

— Я думаю, нужно многое, кромѣ честности, чтобы вступить въ нашу семью, проговорилъ онъ.

— Я не буду умолять никого изъ родныхъ о томъ, чтобы былъ оставленъ за ихъ столомъ приборъ и для моей жены. Я женюсь лично для себя, замѣтилъ Викторъ Валерьяновичъ.

— Смотри, не потеряй права на приборъ за нашими столами и для себя.

— Вы знаете, что и прежде близкіе мнѣ люди не особенно старались, чтобы дать мѣсто этому прибору.

— Я исполнилъ свою обязанность, все дальнѣйшее—твое дѣло, проговорилъ дядя.

— Я вамъ очень благодаренъ, что вы такъ заботитесь обо мнѣ, отвѣтилъ племянникъ.

Дядя и племянникъ сухо оборвали разговоръ и перешли къ другимъ предметамъ. Но дядя написалъ пространное письмо за границу; племянникъ-же, въ свою очередь, счелъ нужнымъ послать туда письмо и отъ своего имени.

Гроза начинала собираться.

XXXVIII.

Еще сильнѣе, чѣмъ о Викторѣ Баскаковѣ, толковали въ свѣтѣ о Муратовой. Позорные слухи про ея связь съ барономъ Гельфрейхомъ быстро облетѣли всѣ салоны, гдѣ скучаетъ высшее петербургское общество.

Въ этомъ не было ничего особеннаго, ничего удивительнаго. Баронъ Гельфрейхъ любилъ разные предметы роскоши и искусства, любилъ богатство и женщинъ, но любилъ все это не такъ, какъ „скупого рыцаря“. Онъ любилъ эти предметы не потому, что ему пріятно было любоваться ими одному, но потому, что ихъ можно было выставлять на удивленіе толпы, хвастать ими, возбуждать ими зависть. Хвастовство было у него въ натурѣ. Онъ хвасталъ всѣмъ; и своимъ развратомъ, и своимъ умѣньемъ провести каждаго человѣка, и своимъ цинизмомъ, и своимъ тяжелымъ прошлымъ, которое онъ побѣдилъ свою энергію, своимъ умомъ, своею ловкостью. Вся его великолѣпная обстановка, всѣ его крупныя и гласныя пожертвованія, всѣ его лукулловскіе пиры были простымъ слѣдствіемъ потребности хвастнуть передъ обществомъ, пустить пылъ въ глаза, заставить говорить о себѣ. Безъ этой потребности онъ жилъ-бы такъ-же грязно, какъ жили его предки, онъ дрожалъ-бы надъ каждой копейкой, какъ дрожали они. Но, увлекаемый страстью къ хвастовству, онъ бросалъ деньги на-вѣтеръ, умѣя въ то-же время выжать ихъ изъ людей всѣми законными и незаконными средствами. Свѣтъ всегда очень скоро узнавалъ, когда баронъ покупалъ новую картину Айвазовскаго или когда баронъ мѣнялъ старую любовницу на новую. Свѣтъ узнавалъ тотчасъ-же имена этихъ женщинъ и не безъ зависти смотрѣлъ на этого уродливаго побѣдителя женскихъ сердецъ и изъ-за угла швырялъ съ злобою грязью въ этихъ женщинъ, нерѣдко преклоняясь при встрѣчѣ съ ними. Муратова не могла избѣгнуть общей участи. Баронъ не могъ пощадить ее, потому что онъ вообще не умѣлъ щадить женщинъ и междѣ всего походилъ въ этомъ отношеніи на рыцаря или свѣтскаго человѣка. Вообще этотъ выросшій въ грязи, едва грамотный, не особенно умный, носившій на себѣ печать пошлости человѣкъ, казалось, говорилъ „свѣту“ каждымъ своимъ поступкомъ: „посмотрите, какъ я пошлъ, циниченъ, наглъ, невѣжественъ и все

таки всё считаютъ за счастье пожать мою руку, потому что я богатъ?" Облизившись съ Муратовой, онъ требовалъ, чтобы она присутствовала на его пирахъ, чтобы она появлялась въ его ложахъ, чтобы она чаще посѣщала балы, гдѣ онъ ходилъ за нею, какъ тѣнь, и вездѣ и всюду ей приходилось прѣзжать на купленныхъ имъ лошадяхъ, о чемъ было извѣстно всѣмъ и каждому, вездѣ и всюду ей приходилось появляться въ подаренныхъ имъ бриліантахъ, о чемъ знали тоже всё и каждый, потому что эти бриліанты были куплены барономъ на публичномъ аукціонѣ у графовъ Бортъ или пріобрѣтены у Зефтигена и Болена, нескрывавшихъ ни отъ кого, кто купилъ ихъ извѣстныя многимъ chefs d'oeuvre. Муратова краснѣла, когда впервые она появилась на Невскомъ проспектѣ въ коляскѣ, подаренной барономъ; ее жгла бриліантовая нитка, впервые охватывавшая ея щею на одномъ изъ баловъ; ей казалось, что всё указывали на нее, Муратову, и говорили другъ другу:

— Вотъ продажная женщина, купленная вчера барономъ.

Когда за нею начинали теперь ухаживать молодые и старыя свѣтскіе развратники, она оскорблялась: ей казалось, что они вотъ-вотъ сейчасъ предложатъ ей за большую плату перейти на содержаніе къ нимъ. Но чувствительнѣе всего было для нея то, что она перестала заставать дома семью графа Матвѣя Ивановича Баскакова. Эта семья, строго державшаяся правилъ стариковъ Баскаковыхъ, заперла свои двери для Муратовой тотчасъ же, какъ только въ обществѣ разнеслись скандальные слухи о ея связи съ барономъ Гельфрейхомъ. Аделаидѣ Александровнѣ казалось, что даже швейцаръ Баскаковыхъ смотрѣлъ на нее съ пренебреженіемъ, когда говорилъ ея лакею:

— Господь нѣтъ дома!

Этотъ вѣжливый отказъ повторился два раза сряду, но при третьемъ визитѣ къ Баскаковымъ Муратова ясно разслышала, что ихъ швейцаръ сказалъ ея лакею:

— Господа не принимаютъ!

Въ первые два неудачные визита она еще могла думать, что она случайно не заставала дома своихъ родственниковъ; теперь она не сомнѣвалась болѣе въ томъ, что они не хотятъ ее принимать. Она сгорала отъ стыда, отъ гнѣва, отъ злости.

— Куда прикажете ѣхать? спросилъ ее лакей.

— Домой, домой! проговорила она въ волненіи.

Ей въ эту минуту казалось, что для нея уже закрылись навсегда двери аристократическихъ домовъ. Она ѣхала, прижавшись въ уголь коляски, и не замѣчала, что дѣлается вокругъ нея. А Невскій проспектъ, какъ обыкновенно бываетъ въ три часа дня, пестрѣлъ народомъ: золотая молодежь, продажныя женщины, выскочки-богачи, матушкины сынки, — все это несло въ какомъ-то безумномъ опьяненіи, выставляя на показъ свои богатства, иногда купленные паденіемъ и позоромъ. Муратова не обращала ни на кого вниманія. Въ ея головѣ только носились мысли о томъ, что ее не принимаютъ порядочные люди, что она опозорена. „Скоро пальцами будутъ указывать!“ вдругъ мелькнуло въ ея головѣ и она, вздрогнувъ, осмотрѣлась кругомъ на эти толпы народа. „Но чѣмъ-же лучше они? подумалось ей. — Развѣ я погубила кого-нибудь, развѣ я отняла чье-нибудь спокойствіе, развѣ я сдѣлала преступленіе передъ обществомъ?.. Если я передъ еѣмъ-нибудь виновата, такъ передъ собою, передъ своею совѣстью. А многіе-ли изъ нихъ могутъ покаяться только въ этомъ грѣхѣ? Почему-же они смотрятъ такъ гордо, такъ весело? Или это я отъ непривычки?“ Она задумалась на минуту и потомъ какъ-то машинально повернула голову вправо: рядомъ съ ея коляскою ѣхала другая коляска, болѣе нарядная, болѣе роскошная, чѣмъ ея экипажъ. Кучера, очевидно, не хотѣли уступить другъ другу и ѣхали рядомъ, стараясь обогнать другъ друга. Муратова взглянула въ собѣдную коляску; въ ней лежала Камила де-Борнь. Эта личность, хорошо извѣстная Петербургу, утонувшая въ сити бархатѣ и настоящихъ кружевахъ, съ бриліантовыми пряжками на затѣйливой бѣлой шляпѣ, украшенной бѣлыми перьями и едва державшейся на ея густыхъ бѣлокурыхъ локонахъ, купленныхъ въ Парижѣ — эта личность, прошедшая огонь и воду, дожившая до тѣхъ крайностей разврата, воспоминаніе о которыхъ возбуждаетъ отвращеніе въ самихъ развратникахъ, — эта личность, разорившая и доведшая до позора или до самоубійства десятки молодыхъ людей и разстроившая счастье многихъ семействъ, полужела въ своемъ блестящемъ экипажѣ съ невозмутимо-холоднымъ видомъ на шелковыхъ подушкахъ своего экипажа и надменнымъ, презрительнымъ взглядомъ смотрѣла на все окружающее. Казалось, ее не удивляло ничто; казалось, она считала

себя выше всего окружавшаго. На минуту Муратова встрѣтила этотъ взглядъ и невольно потушила глаза. Ей показалось, что эта женщина говоритъ ей: „ахъ, и вы тоже хотите тягаться съ нами, но какія вы жалкія женщины! Намъ стоить мигнуть вашимъ любовникамъ—и они будутъ у нашихъ ногъ; и что даютъ вамъ изъ милости ваши любовники?—половину того, что мы сами беремъ съ нихъ; и что у васъ за выраженіе лица—точно къ смерти приговоренныя смотрите вы; у васъ вѣдь есть совѣсть, правда, дрянная совѣсть, боящаяся только сплетень своего муравейника, но все-же она мучаетъ васъ“. Муратова почти испуганно взглянула на Камилу, а та по-прежнему спокойно и холодно лежала въ своемъ экипажѣ и, казалось, уже не замѣчала своей сосѣдки. Но вотъ ея кучеръ натянулъ возжи и лошади помчались быстро, далеко обогнавъ экипажъ Муратовой. Муратовой было въ эту минуту досадно, больно, обидно даже и то, что какая-нибудь „Камила“ смѣетъ обгонять ее, можетъ обгонять ее. Это было мелкое, постыдное чувство, но оно поднимало въ сердцѣ цѣлую бурю злобы, зависти и горечи.

Пріѣхавъ домой, она сердито сбросила съ себя ретонду, разбранила безъ всякой причины Машу и сдѣлала сцену несчастному Аркадію Павловичу. Онъ съѣхидся и поспѣшилъ убраться изъ дома. Черезъ полчаса пріѣхалъ баронъ. Онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа, въ „фолишонномъ настроеніи“, какъ выражалась Муратова, и проектировалъ въ умѣ устроить пикникъ въ своемъ загородномъ домѣ. Въ такія минуты баронъ бывалъ очень расточителенъ на поцѣлуи. Онъ вѣжливо и звучно приложился своимъ ослабленнымъ ртомъ къ рукѣ Аделаиды Александровны и удивился, что она очень холодно отвѣтила на его привѣтствіе.

— Мы, кажется, не въ духѣ? спросилъ онъ, сладко улыбаясь.

— Я сейчасъ была у Баскаковыхъ. Меня опять не приняли, отрывисто проговорила она, смотря въ сторону и хмуря брови.

— Ну? глупо спросилъ баронъ, не понимая, въ чемъ дѣло.

Его столько разъ въ былые годы не только не принимали въ нѣкоторыхъ домахъ, но даже выталкивали изъ нихъ, что онъ нисколько не удивлялся, что и Муратову могъ кто-нибудь не принять. Муратова нетерпѣливо передернула плечами.

— Что-жь, вамъ кажется этого мало? спросила она.

Баронъ растерялся, опять-таки не понимая ее.

— Меня не приняли, потому что я ваша любовница! рѣзко и отчетливо проговорила она.

— Но... началъ онъ, но Аделаида Александровна не дала ему времени кончить фразу.

— Да, меня начинаютъ презирать честные люди, они закрываютъ передо мною двери, они бросаютъ въ меня грязью, горячо заговорила она.—Вы отняли у меня честное имя, вы губили мою репутацію...

— Но вѣдь... мой другъ, ты сама, началъ баронъ.

— Что я сама? горячо воскликнула Муратова.—Что? Не скажете-ли вы, что я сама виновата въ томъ, что я полюбила васъ?.. Ну да, въ этомъ я виновата. Но развѣ я знала, что вы сдѣлаете меня сказкой города, что вы не съумѣете оградить мою честь отъ сплетенъ, что вы станете выставлять меня на позоръ?.. Вы не любите меня, а только хвастаете мною, хвастаете тѣмъ, что купили женщину, которую до васъ никто не могъ, не смѣлъ считать продажной.

Она зарыдала. Баронъ привыкъ къ подобнымъ женскимъ „капризамъ“, какъ онъ называлъ такія сцены, и попробовалъ обнять Муратову, но она рѣзкимъ движеніемъ отстранила его.

— Ну, полно, полно, ласково проговорилъ онъ.—Вотъ завтра тебѣ приведутъ пару новыхъ рысаковъ, привезутъ новую коляску—и всѣ эти честные люди будутъ завидовать тебѣ-же и раскаяваться въ своей честности, улыбнулся онъ.

Баронъ говорилъ развязно, спокойно, съ полной увѣренностью, что лишняя лошадь, лишній экипажъ вознаграждать вполне каждую женщину, скорбящую о потери чести. Муратова вся вспыхнула. Она быстро осушила слезы и взглянула на барона взглядомъ, полнымъ презрѣнія и гордости.

— А! такъ вы дѣйствительно смотрите на меня только какъ на продажную женщину! воскликнула она.—Вы точно думаете, что мнѣ можно заплатить за все, не только за мои ласки, за мою любовь, но и за мой позоръ, за мое паденіе! Вы ошибаетесь! Вы не на-столько богаты, вы не на-столько щедры, чтобы купить право унижать меня! Я не изъ тѣхъ женщинъ, для которыхъ деньги—все. Мнѣ нужно уваженіе, слышите вы, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, *ваше* уваженіе. Вы неспособны на это, вы, можетъ быть, не умѣете уважать даже самого себя. Ну, и

идите отъ меня. Мы никогда не сойдемся, если вы будете такъ же смотрѣть на меня, какъ смотрѣли и смотрите на всѣхъ.

Баронъ недоумѣвалъ. Онъ еще не изучилъ характера Аделаиды Александровны и не зналъ, какъ дѣйствовать въ сношеніяхъ съ нею.

— Я, право, не хотѣлъ... прошепталъ онъ въ смущеніи.

— Я вамъ говорю, что мнѣ нужны не деньги ваши, не ласки ваши, а ваше уваженіе ко мнѣ, къ моей чести! Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что вы думаете обо мнѣ, но я не позволю вамъ третировать меня, какъ послѣднюю проститутку, которой платятъ не только за ласки, но и за побои!

Муратова въ волненіи заходила по комнатамъ, тяжело дыша. Она подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ словъ раздражалась все болѣе и болѣе.

— Или вы не умѣете смотрѣть на женщинъ иначе, какъ на продажныхъ тварей? нервно продолжала она. — Ну, что-жь, въ такомъ случаѣ справьтесь, что платятъ разнымъ Камилкамъ и Альфонсинкамъ, и знайте, что если вы будете платить менѣе, то васъ бросать для какого-нибудь богатаго дурака, который дастъ больше, чѣмъ вы...

Баронъ что-то хотѣлъ сказать, но Муратова вытянулась во весь ростъ и указала ему на дверь.

— Ступайте вонъ! проговорила она дрожащимъ голосомъ.

Ея грудь стѣснялась отъ сдержанныхъ рыданій.

— Адель... прошепталъ растерявшійся старикъ, не трогаясь съ мѣста.

— Ступайте-же войтъ!.. Чего-же вы стоите?.. Слышите?.. Я... я...

Она опять зарыдала, пошатнулась и упала въ истерическомъ припадкѣ на кушетку. Баронъ подбѣжалъ къ ней въ испугѣ и сталъ хлопотать около нея. Онъ былъ взволнованъ не на шутку. Его впервые выгоняла женщина; обыкновенно онъ самъ бросалъ надобвшихъ ему любовницъ. Это расшевелило его сонные нервы. Впервые онъ ощущалъ что-то въ родѣ страха при мысли, что его броситъ, выгонитъ женщина.

— Машу позовите! слабо проговорила она минутъ черезъ пять, приходя въ себя.

Баронъ позвонилъ. Вошла горничная. Старикъ и она стали торопливо разстегивать лифъ Муратовой. Черезъ нѣсколько ми-

нута раздѣтая Муратова уже лежала въ постели. Баронъ сидѣлъ около нея и не выпускалъ изъ своихъ рукъ ея граціозную, полную руку, отъ времени до времени припадая къ ней губами.

— Аделъ, другъ мой, какая ты нервная... Ну, не сердись... Я старый циникъ... Ты знаешь... шепталъ онъ шамкающимъ и слащавымъ голосомъ, впиваясь глазами въ молодую женщину. — Венера моя... богиня... Ну, ты простила меня?.. А?..

Муратова лежала молча, съ полузакрытыми глазами.

— И какъ это такъ вдругъ — вспыхнула, загорѣлась... Ступайте вонъ!.. А, каково? бормоталъ съ глупой улыбкой баронъ. — Ахъ, порохъ, порохъ!.. Ты — сама страсть... страсть!..

Онъ совсѣмъ не понималъ, что онъ говоритъ; онъ даже не сознавалъ, что онъ выглядѣлъ и смѣшнымъ, и глупымъ въ эту минуту; онъ весь превратился въ зрѣніе и не могъ оторвать сластолюбивыхъ, алчныхъ глазъ отъ этихъ чудныхъ формъ все еще прекраснаго тѣла. Въ его головѣ мелькала только мысль о томъ, что эта-то женщина, умѣющая быть страстной, чуть-чуть не выскользнула изъ его рукъ именно въ то время, когда онъ только что началъ вполне наслаждаться ея ласками когда онъ началъ возбуждать въ свѣтѣ зависть своею близостью къ ней. Онъ походилъ, на человѣка, который втеченіе всей своей жизни не подозрѣвалъ, что его могутъ высѣчь, и котораго совершенно неожиданно все таки высѣкли для примѣра.

Только къ вечеру баронъ уѣхалъ домой, вымоливъ себѣ прощеніе и проведя цѣлый день около постели Аделаиды Александровны. „Что за женщина, что за женщина!“ шепталъ онъ съ слащавой, расплывающейся улыбкой, садясь въ свою карету и не помня, что онъ дѣлаетъ, гдѣ онъ находится, куда ѣдетъ. Его сухой, погрязшей въ денежныхъ расчетахъ натурѣ были нужны эти „возбужденія“.

— Дачу ей подарю, непременно дачу! бормоталъ онъ, осклабяясь. — Комнату одну въ восточномъ веусѣ... Садъ зимній для пикниковъ... Что за женщина... что за женщина!..

Муратова, оставшись одна, невольно задумалась о происшедшей между нею и барономъ сценѣ. Эта сцена не была подготовлена, не была обдуманна ею заранѣе. Аделаида Александровна дѣйствовала въ этомъ случаѣ, какъ всегда, подъ вліяніемъ нахлынувшихъ чувствъ, подъ вліяніемъ волненія. Въ ея рѣчахъ не было

ни цѣльности, ни связности, ни логической послѣдовательности, ни опредѣленной цѣли. Она говорила тѣ слова, которыя навѣртывались на языкѣ, и раздражалась этими „жалкими“ словами. Вспоминая все сказанное ею, она даже испугалась теперь. Что было-бы съ нею, если-бы баронъ дѣйствительно ушелъ и не вернулся болѣе къ ней? Ея дѣла еще далеко не были устроены. Баронъ далъ ей мужу дѣло, но это дѣло не было еще начато. При ея разрывѣ съ барономъ, Кушманъ могъ выбрать вмѣсто Аркадія Павловича другое подставное лицо. Хотя баронъ и не занимался самъ покупкой имѣній, не имѣлъ ничего общаго съ этой компаніей, но онъ вліялъ, какъ капиталистъ, на Кушмана и его друзей. Онъ могъ сказать этимъ людямъ, чтобы они бросили Аркадія Павловича. Кромѣ того, у барона были въ рукахъ ея векселя, скупленные имъ. Онъ могъ-бы опять сдѣлать ее нищею. По ея тѣлу пробѣжала дрожь при этой мысли. Но онъ не ушелъ, онъ просилъ у нея прощенія. Значитъ, онъ любитъ ее довольно сильно. Надо воспользоваться этимъ, надо поступать разсудительнѣе, надо быть менѣе опрометчивой. Правда, около нея увидаются и другіе развратники, готовые всегда купить женщину, подобную ей. Но неужели-же пасть еще ниже, начавъ мѣнять любовниковъ? Нѣтъ, нѣтъ, довольно и того, что въ обществѣ и теперь толкуютъ про нее; не слѣдуетъ производить еще новаго скандала. И изъ-за чего она такъ взволновалась? Вѣдь съ семьей графа Матвѣя Ивановича Васкакова она и такъ была не особенно близка и хороша. Ну, порвалась связь съ этимъ домою — остались другіе дома. Чѣмъ хуже семьи Васкаковыхъ кружокъ Марьи Петровны Прозоровой-Солонецкой? Нужно поддерживать сношенія съ нимъ, нужно пожертвовать въ общество Марьи Петровны лишнія сотни рублей — и всѣ члены этого общества преклонятся передъ ней. Они не могутъ не преклониться. Сама Марья Петровна имѣла въ жизни столько романовъ, что не станетъ слишкомъ строго судить ее, Муратову. Да развѣ и другія женщины этого круга живутъ не такъ, какъ она, Муратова? Но кто-же бросаетъ въ нихъ грязью? Муратова рѣшилась заѣхать на другой-же день въ заведеніе „Общества первой помощи“, гдѣ она не была уже довольно давно.

На слѣдующій день она входила въ домъ Прозоровой-Солонецкой, не ожидая, что здѣсь встрѣтитъ ее новый ударъ.

XXXIX.

У каждаго мошенника есть своего рода чувство чести. Воръ не считаетъ себя негодяемъ, когда онъ воруетъ, но онъ устыдился-бы, если-бы не сдержалъ своего слова относительно обѣщаннаго имъ дѣлежа съ другими ворами. Падшая женщина принимаетъ плату отъ перваго встрѣчнаго, но она вознегодовала-бы, если-бы этотъ первый встрѣчный далъ ей тѣ-же деньги въ видѣ милостыни. Марья Петровна Прозорова-Солонецкая могла сказать о своихъ бывшихъ „друзьяхъ“, какъ Иванъ Грозный говорилъ о своихъ жертвахъ: „имена ихъ, Господи, ты вѣси“, но она презирала женщинъ, продающихъ себя. Она любила и мѣняла своихъ „друзей“ не за деньги. Вслѣдствіе этого она была до глубины души возмущена, когда до нея дошли ходившіе въ городѣ толки о связи Аделаиды Александровны съ барономъ Гельфрейхомъ. Но, несмотря на все свое негодованіе, она не могла, подобно Баскаковнѣ, приказать своему лакею не принимать Аделанду Александровну: Аделаида Александровна была членомъ „Общества первой помощи“, членомъ комитета этого „общества“ и имѣла полное право за свои десять рублей ежегоднаго взноса скандализировать своимъ присутствіемъ всѣхъ членовъ этого „общества“. Не гнушаясь никакими деньгами, „общества“, подобныя „Обществу первой помощи“, не могли гнушаться и никакими лицами. Разбогатѣвшій обманами и преступленіями еврей, выскочившій въ люди „изъ ничего“, далеко не честный чиновникъ, женщина, нажившая состояніе своимъ паденіемъ, какая-нибудь балетная плясунья съ скабрзнымъ прошлымъ, заставившая жениться на себѣ какого-нибудь развратнаго юношу-графчика или выжившаго изъ ума старика-аристократа, — всѣ эти лица имѣютъ полное право за десять рублей ежегоднаго взноса сидѣть рядомъ съ самыми честными людьми въ благотворительныхъ обществахъ и посѣщать во время засѣданій этихъ обществъ тѣ аристократическіе салоны, которые безъ этихъ обществъ были-бы навсегда закрыты для всей этой орды падшихъ людей. Марья Петровна не могла быть разборчивѣе другихъ предсѣдательницъ филантропическихъ обществъ: ей нужно было или благотворить изъ своего кармана, или принимать вклады въ общество отъ всякаго сброда и ласково пожи-

мать грязныя руки этого сброда. Теперь она почувствовала сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, неудобства своего положенія. Она слышала, что Муратову называютъ „содержанкой Гельфрейха“, и ей приходилось волей-неволей принимать эту „содержанку“. Это ее бѣсило. Ей оставалось только одно средство избавиться отъ встрѣчъ съ Муратовой—это холодный и сухой приемъ. Это средство было пущено въ ходъ.

При первомъ своемъ появленіи въ комитетѣ Аделаида Александровна почувствовала, что всѣ дамы „общества“ знаютъ о ея связи съ барономъ и тяготеютъ ея присутствіемъ. Ей отвѣчали односложными фразами, отъ нея отходили прочь, при ней дамы обрывали разговоръ и только мужчины сгруппировывались около нея и говорили съ ней свободнѣе, чѣмъ слѣдовало. Никто не сумѣетъ такъ сильно дать почувствовать человѣку, что его презираютъ, какъ члены такъ-называемаго „свѣта“. Въ этомъ отношеніи съ ними могутъ поспорить развѣ только лакеи, холопы, дворовне.

Сконфуженная и раздраженная сухими отвѣтами и холодными взглядами, Аделаида Александровна скоро уѣхала изъ комитета, давъ себѣ слово не появляться болѣе здѣсь. Она пріѣхала домой въ такомъ волненіи, что ей необходимо было излить свою досаду. Горничная и мужъ явились первыми жертвами ея раздраженія. Но баронъ Гельфрейхъ на этотъ разъ былъ счастливѣе, чѣмъ наканунѣ. Аделаида Александровна гнѣвно передала ему свою неудачу, но уже не упрекала его. Она теперь сердилась не на него, а на этихъ „лицемѣрковъ“, „биготовъ“, „ханжей“. Онъ выслушалъ внимательно ея рассказъ и взялъ ее за руку.

— Милая Адель, ты смотришь на вещи совсѣмъ какъ дитя, ласково проговорилъ онъ.—Мало-ли кому завидуютъ эти барыни! Этимъ нельзя огорчаться. Это должно радовать. Плохо, когда человѣку и завидовать-то нельзя.

— Это не зависть, а презрѣніе, презрѣніе! взволнованно проговорила Муратова.

— Полно! обнялъ ее за талю баронъ.—Имъ просто досадно, что я предпочелъ тебя имъ—вотъ и все. Ну, не ѣзди къ нимъ. забудь о нихъ, подожди, когда онѣ сами пріѣдутъ къ тебѣ.

— Онѣ пріѣдутъ ко мнѣ? воскликнула Аделаида Александровна.—О, этого мнѣ долго придется ждать!

— Нѣтъ... У насъ теперь начало весны, въ раздумьи сказалъ

баронъ ироническимъ и холоднымъ тономъ.—Мѣсяца черезъ три начнутся въ „Обществѣ первой помощи“ первые симптомы денежнаго кризиса, а къ концу лѣта или къ началу осени кризисъ дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ, тогда и прїѣдутъ онѣ къ тебѣ.

— Зачѣмъ это? спросила Муратова.

— За деньгами, конечно, насмѣшливо пояснилъ баронъ.— Вѣдь если онѣ не умѣютъ быть любезными съ тобой, то, разумеется, и я перестану къ нимъ ѣздить, а перестану я ѣздить — имъ негдѣ будетъ достать въ долгъ денегъ... Онѣ поймутъ, на какихъ условіяхъ можно будетъ достать у меня денегъ...

— На какихъ-же это? спросила Муратова съ недоумѣніемъ.

— На условіяхъ полнаго уваженія къ тебѣ, мой другъ, пояснилъ баронъ и заглянулъ въ глаза Муратовой замаслившимися глазами.

Она улыбнулась.

— Ты вчера была несправедлива ко мнѣ, полагая, что я позволю всѣмъ этимъ барынямъ не уважать тебя, если я тебя люблю, провизнесъ онъ, цѣлуя ея руки.— Я заставлю ихъ не только уважать тебя, но ухаживать за тобою, носить тебя на рукахъ, исполнять твои желанія.

Муратова пристально взглянула на барона. Она начинала понимать, что онъ говоритъ не пустяя слова, что дѣйствуя, въ союзѣ съ нимъ, она дѣйствительно можетъ добыть не только богатство, но и почетъ. Правда, можетъ быть, за глаза про нее будутъ говорить дурно, на нее будутъ клеветать, но что кому за дѣло, что о немъ говорятъ за глаза?

— Ты меня очень любишь? проговорила она.

— Я только жалѣю, что я не на-столько молодъ, чтобы ты могла любить меня такъ-же, какъ я люблю тебя, отвѣтилъ онъ, вшиваясь губами въ ея руку.

— Что молодость! вздохнула она.— Въ тебѣ есть что-то, чего нѣтъ во всей нашей молодежи. Въ тебѣ есть какая-то непреклонная сила. Я только теперь начинаю понимать, что эта сила покоряетъ тебѣ всѣхъ. Для тебя, кажется, нѣтъ ничего невозможнаго...

Аделаида Александровна дѣйствительно начинала если не любить барона, то удивляться ему, бояться потерять его. Онъ былъ живымъ ея контрастомъ. Она до сихъ поръ дѣйствовала на-

угадъ, наобумъ, — онъ дѣйствовалъ всегда съ расчетомъ, навѣрняка; она падала духомъ при малѣйшей неудачѣ, — онъ при каждой неудачѣ дѣлался только упорнѣе и настойчивѣе. „Зачѣмъ онъ не молодѣ!.. Я, можетъ быть, полюбила-бы его!“ думала она. — „Впрочемъ, если-бы онъ былъ молодѣ, онъ и не полюбилъ-бы меня!..“ промелькнуло въ ея головѣ и въ ней проснулись горькія воспоминанія. Но если она и не могла полюбить барона, то ей уже начинало нравиться то чувство, которое являлось въ ней теперь подъ вліяніемъ барона, — чувство смѣлости и самоувѣренности. Когда баронъ стоялъ около нея, она вѣрила, что на свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго, что терпѣніе все превозмогаетъ. Она, съ свойственнымъ ей легкомысліемъ, даже начинала серьезно увѣрять себя, что она отдалась барону именно потому, что ее побѣдила его неотразимая сила воли, что ей понравилась его мужественная настойчивость. Безсознательно она искала въ своей душѣ оправданія для самой себя.

— Но прежде всего я хотѣлъ-бы уѣхать съ тобою отсюда на лѣто, сказалъ баронъ. — Мѣсяца два-три мы провели-бы за-границею, потомъ ты проведешь осень на дачѣ на Каменномъ острову, а тамъ начнется и зимній сезонъ. Ты должна провести его весело...

— Дай Богъ! вздохнула Муратова. — Боюсь я, что придется разойтись со всѣми...

— Полно! Ты не только не разойдешься ни съ кѣмъ, но еще въ-концѣ-концовъ можешь сдѣлаться предсѣдательницей „Общества первой помощи“. Нужно только умно дѣйствовать. Вообще, мой другъ, ты должна привыкнуть смотрѣть хладнокровно на вещи и не думать, что тебя считают какою-то преступницею. Повторяю еще разъ: тебѣ завидуютъ — и только.

Муратова замѣтно успокоилась. Она вѣрила барону.

Едва успѣлъ окончательно стаять снѣгъ, едва успѣла появиться зеленая трава, какъ Муратова поѣхала съ барономъ за-границу. Она была рада поѣздѣ. Ей хотѣлось вырваться изъ Петербурга, гдѣ она ежедневно встрѣчала во время катаній то Баскаковыхъ, то Марью Петровну, то дамъ изъ комитета „Общества первой помощи“. Уѣзжая изъ Петербурга, она надѣялась, что, потерявъ ее изъ виду, ея знакомые изъ высшаго круга перестанутъ говорить о ней.

Она не ошиблась. Уже черезъ два или три мѣсяца послѣ начала сплетень о ней въ кругу Марьи Петровны никто изъ дамъ не упоминалъ имени Муратовой. Онѣ не видали теперь ея блестящихъ нарядовъ и экипажей, онѣ не слышали преувеличенныхъ толковъ о щедрости барона относительно ея, и потому въ нихъ не пробуждалась зависть, а вслѣдствіе этого и охота къ сплетнѣ, къ бросанью грязью въ ослѣплавшее ихъ золото. Впрочемъ, лѣто дѣйствуетъ примирительно на людей вообще, а на жителей столицы въ особенности. Всѣ эти мелкіе и пошлые враги, утомленные долгою зимою, раздраженные безденежьемъ и потребностью роскоши, испытывающіе служебныя неприятности, развѣзаясь по дачамъ и деревнямъ, на нѣкоторое время забываютъ другъ о другѣ и успокаиваются.

Забуть-же о Муратовой было тѣмъ легче, что члены комитета въ „Обществѣ первой помощи“ были уже озабочены изысканіемъ средствъ для пополненія кассы, по обыкновенію начинавшей пустѣть въ лѣтнее время. Январскіе годовые взносы членовъ „общества“, по обыкновенію, истощались въ первое полугодіе и втеченіи второго полугодія „общество“ чувствовало себя въ отношеніи финансовъ въ положеніи турецкой имперіи.

XI.

Члены комитета „общества первой помощи“—эти невѣдающія, что творять, бѣлки, добровольно замкнувшіяся въ безвыходную клетку бесплодной филантропіи, вертѣлись въ своемъ колесѣ, несмотря на начинавшійся лѣтній зной, вертѣлись до изнеможенія, до упадка силъ, вертѣлись безъ выхода, безъ конца, безъ приближенія къ какой-бы то ни было цѣли, а денегъ все не было, а просящіе хлѣба рты все умножались и умножались. Положеніе становилось по-истинѣ траги-комическимъ.

Уже въ маѣ мѣсяцѣ Марья Петровна придумала устроить негласную лотерею въ „своемъ кружкѣ“, какъ она выражалась, и подняла на ноги своего розовенькаго и кругленькаго генерала. Пользоваться подобными незаконными средствами въ „обществѣ“ считалось дѣломъ очень обыкновеннымъ, такимъ-же обыкновеннымъ, какъ подсыпать лишнихъ пустыхъ билетовъ въ колесо гласной алегри,

какъ выставлять на показъ цѣнныя вещи, непускавшіяся въ лотерею. Все это мелкое плутовство и мошенничество не считалось позорнымъ и противозаконнымъ, такъ-какъ все это совершалось „для бѣдныхъ“. Пыхтя и отдуваясь, бѣдный генераль носился изъ конца въ конецъ города, добывая вещи для розыгрыша. Онъ не брезгалъ ничѣмъ и бралъ старыя серебряныя портсигары, портмоне, бокалы, чарочки, ложки,—однимъ словомъ, все, что только давали ему его пріатели, желавшіе какъ-нибудь отдѣлаться отъ его настойчивыхъ требованій. Розовенькій и кругленькій миролюбивый генераль дѣлался въ это время настоящимъ бандитомъ, и, такъ-сказать, бралъ за воротъ каждаго, требуя во что-бы то ни стало пожертвованія на благотворительную лотерею для своей Марьи Петровны. Онъ дѣлалъ это, такъ-же настойчиво, какъ когда-то требовалъ за столами англійскаго клуба членовъ въ ея только-что начинавшееся „общество“. Недѣли въ двѣ ему удалось набрать достаточное количество этихъ „добровольныхъ“ пожертвованій и Марья Петровна, пожертвовавъ отъ себя небольшое, довольно-сомнительное произведеніе Буше „Источникъ любви“, усадила своего генерала отдыхать отъ развѣздовъ за свертываніемъ лотерейныхъ билетовъ. Храбро совершавшій свои набѣги на чужую собственность, генераль чувствовалъ себя несчастнымъ во время этого отдыха. Его толстыя, коротенькіе пальцы совершенно не повиновались ему, когда приходилось скручивать въ трубочки маленькіе билеты, тѣмъ болѣе, что дѣло было спѣшное, такъ-какъ задача билетовъ шла довольно удачно: они разбирались на расхватъ, то-есть Марья Петровна дала по сотнѣ билетовъ десяти подчиненнымъ своего мужа и по пятидесяти билетовъ каждому изъ десяти членовъ комитета и приказала занести казначею въ кассовую книгу приходъ въ 1,500 рублей.

Такой успѣшный исходъ лотереи далъ возможность „обществу“ просуществовать безъ особенныхъ заботъ до половины іюля. Въ половинѣ-же іюля казначей снова заявилъ комитету, что касса общества пуста. Марья Петровна начинала терять присутствіе духа и, какъ и слѣдовало ожидать, накинулась на казначея съ упреками за то, что дѣла „общества“ съ каждымъ годомъ идутъ все хуже и хуже и что въ прошломъ году въ половинѣ іюля не было еще и помину о кризисѣ.

— Да вѣдь въ прошломъ году баронъ Гельфрейхъ далъ взаимному обществу двѣ тысячи рублей, пояснилъ казначей.

— Что вы мнѣ толкуете: баронъ, баронъ! Баронъ и теперь дастъ еще взаимны, воскликнула Марья Петровна.

— Ну, не думаю, пробормоталъ казначей, поднося къ носу открытую табакерку.—Во-первыхъ, баронъ теперь за-границей, а во-вторыхъ, его контора потребовала отдачи и тѣхъ двухъ тысячъ, которыя мы брали въ прошломъ году.

— Скажите, чтобы подождала. Откуда мы возьмемъ ей денегъ! горячилась Марья Петровна.

— Въ томъ-то и дѣло, что денегъ нѣтъ, а контора барона не хочетъ ждать. Я уже говорилъ съ управляющимъ; онъ отвѣтилъ, что баронъ не далъ ему никакихъ инструкцій на этотъ счетъ и что онъ долженъ взыскаъ эти деньги теперь-же. Пятисотъ рублей я уже внесъ, а гдѣ взять еще полторы тысячи... Да, за барономъ мы были какъ за каменной стѣной...

— Ахъ, отстаньте вы съ своимъ барономъ! Мы должны такъ поставить общество, чтобы оно не зависѣло отъ случайныхъ пожертвованій.—Всякое учрежденіе, вызванное насущною необходимостью и потребностями общества, должно стоять на своихъ ногахъ и не зависѣть отъ случайностей!

Казначей сомнительно покачалъ головой и вздохнулъ.

— И рады-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, пробормоталъ онъ, опять понюхавъ табакъ.

— Помощи непосильныя оказываемъ, на поддержку разныхъ грѣшницъ святныя деньги тратимъ, оттого и оскудѣніе у насъ. вздохнулъ Мефодій Мионовичъ Мафусамловъ, поднимая глаза къ потолку.

— Ну-да, вы хотѣли-бы, чтобы мы выдавали полтинники вашимъ старикамъ и старухамъ! разсердилась Марья Петровна.

— И полтинникъ—помощь старушкѣ божіей! Это только раз-вращенные новыми идеями ваши тунеядцы ни за что не считаютъ полтинникъ. А иная старушка божія на полтинникъ десять дней живетъ, опять вздохнулъ старикъ.

— Ну, и давайте имъ изъ своего кармана полтинники, отвернулась отъ него Марья Петровна.

По окончаніи засѣданія комитета одинъ изъ членовъ общества подошелъ къ казначею.

— Скажите пожалуйста, у Марьи Петровны вышло что-нибудь съ Гельфрейхомъ? озабоченно спросилъ онъ.

— Ничего особеннаго: Марья Петровна только не одобрила поведенія госпожи Муратовой, шутливо отвѣтилъ казначей и лукаво подмигнулъ глазомъ.

Собесѣдникъ его пожалъ плечами.

— Давно-ли напущена такая строгость! усмѣхнулся онъ. — Вѣдь и Муратова, можетъ быть, не одобряла поведенія самой Марьи Петровны въ былые дни... Впрочемъ, дѣло не въ томъ!.. Важно то, что Марья Петровна сама вредитъ обществу Богъ знаетъ ради чего... Если мы взялись за дѣло, то мы не можемъ пренебрегать ничѣмъ.

— Говорено, все было говорено, но у насъ есть свой душонокъ, проговорилъ казначей, уложивъ въ портфель бумаги и вставая съ мѣста.

— И что это у нея за обращеніе съ членами комитета? Она ихъ третируетъ en saпaille...

— Темпераментъ-съ, батюшка, темпераментъ во всемъ виновать, усмѣхнулся казначей. — Наша почтеннѣйшая Марья Петровна не женщина, а воплощенный темпераментъ.

— Пора-бы уходитьсь! Въ молодости ея темпераментъ былъ источникомъ наслажденія, а теперь онъ болѣе походитъ на сварливость...

Не менѣе казначей и другихъ членовъ комитета взволновалась и сама Марья Петровна. Она тотчасъ-же обрушилась на своего розовенькаго генерала, придравшись къ тому, что онъ ничего не дѣлаетъ, ни о чемъ не заботится и только занимается пустяками: занятіе пустяками состояло въ томъ, что генералъ клеилъ по цѣлымъ днямъ какіе-то коробочки, портфельчики и переплеты для книгъ, отдавшись всецѣло переплетному ремеслу. Страсть къ переплетному ремеслу, какъ говорили злые языки, появилась въ немъ совершенно неожиданно для него самого: однажды, лечась за-границей на водахъ отъ излишней тучности, онъ услышалъ отъ доктора, что ему, генералу, грозить ударъ, если онъ не будетъ заниматься гимнастикой или какимъ-нибудь механическимъ трудомъ. Генералъ испугался и рѣшился послѣдовать совѣту доктора: сначала онъ сталъ ѣздить на гимнастику, но лазаніе по лѣстницамъ и скаканье сильно утомляли его. Особенно-же пла-

чевно дѣйствовали на него руки отставного солдата, состоявшаго при гимнастикѣ и акуратно каждый день подходившаго къ генералу съ одной и той-же стереотипной фразой:

— Позвольте, ваше превосходительство, размять вамъ бока.

Генералу надобно разминать себѣ бока, и онъ рѣшилъ, что будетъ лучше заняться механическою работою. Рѣшеніе было тотчасъ-же приведено въ исполненіе: сначала онъ сталъ столярничать, но столярная работа вызывала усталость и заставляла его обливаться потомъ; онъ бросилъ ее и занялся токарней работою, но его толстые, коротенькіе пальцы едва сдерживали долото, а похожіе на деревянные обрубки ноги не успѣвали вертѣть колесо, такъ что оно поминутно останавливалось или вертѣлось въ обратную сторону; генералъ бросилъ и точенье и задумалъ заняться переплетнымъ искусствомъ: это дѣло оказалось очень легкимъ и онъ засѣлъ клеить коробочки, тетрабочки, портфельчики, и, сѣда согнувшись надъ столомъ и пыхтя глубококомысленно оттопыренными губами, глубоко вѣрилъ, что онъ теперь застраховалъ себя отъ удара, занявшись „мускульнымъ трудомъ“.

— Знаете, это необходимо послѣ умственныхъ занятій, говорилъ онъ знакомымъ, совѣтуя и имъ не пренебрегать „мускульнымъ трудомъ“.

Злые языки утверждали, что эта исторія такъ-же достоверна, какъ и то, что генералъ ухитрился однажды сдѣлать четыре ошибки въ словѣ, состоящемъ изъ трехъ буквъ, написавъ вмѣсто „еще“ — „эсчо“.

Застигнутой женою за этими-то спасительными для его здоровья занятіями, генералъ нѣсколько смутился и забормоталъ, что онъ „готовъ... готовъ помочь... но... но какъ-же... чѣмъ?“

— Вотъ живыя картины развѣ, при иллюминаціи, съ баломъ? пробормоталъ онъ, наконецъ.

— Какія это живыя картины? сердито спросила Марья Петровна.

— Такія... знаешь, обыкновенныя, забормоталъ сконфуженный генералъ, думая, что онъ непременно сказалъ глупость.— Вотъ... ты... ну, дамы-патронесы... Изобразите изъ себя что-нибудь... Пускать публику за деньги...

Онъ совсѣмъ сконфузился и смѣшался. Марья Петровна задумалась.

— Расходы большіе, проговорила она.— Окупится-ли?

— Отчего-же большіе? Вотъ я скажу, что надо...

Генералъ былъ очень радъ, что онъ изобрѣлъ источникъ дохода и что онъ можетъ быть полезенъ „обществу“ своей Марьи Петровны. Марья Петровна замѣтила, что „объ этомъ нужно серьезно подумать“, и въ слѣдующее-же засѣданіе комитета предложила устроить балъ съ живыми картинами и иллюминаціей въ ея саду. Комитетъ согласился съ радостью: лишнее развлечение лѣтомъ — кладъ для людей, скучающихъ на ежедневномъ дежурствѣ въ Павловскомъ саду. Кромѣ того, нѣкоторыя дамы-патронесы надѣялись на эффектныя роли въ живыхъ картинахъ. Тотчасъ-же выбрали особую комисію для устройства праздника и пригласили въ нее одного изъ художниковъ, состоявшаго членомъ „общества“ и принадлежавшаго къ числу тѣхъ смѣтливыхъ „новыхъ“ людей, которые давно поняли, какъ выгодно художникамъ и артистамъ втираться въ аристократическіе кружки. Засѣданія комисіи начали происходить ежедневно. Это были веселые дни для ея членовъ: этимъ господамъ приходилось болтать безъ умолку, рыскать изъ Павловска въ Петербургъ, волноваться по поводу каждой мелочи, присутствовать на репетиціяхъ живыхъ картинъ и маленькаго водевиля, который рѣшили разыграть члены „общества“, заказывать и выписывать изъ заграницы наряды. Главный спорный пунктъ состоялъ въ выборѣ картинъ. Художникъ предлагалъ сцены изъ „Прекрасной Елены“ и Олимпъ изъ „Орфея въ аду“. Члены комисіи протестовали, говоря, что ни одна изъ дамъ не согласится явиться въ слишкомъ откровенномъ нарядѣ боговъ. Остановились, наконецъ, на картинахъ: „Неравный бракъ“, „Игра въ жмурки“, „Стрекоза и Муравей“ изъ иллюстраціи Густава Дорэ къ баснямъ Лафонтена, и, наконецъ, „Состязаніе“ изъ „Прекрасной Елены“. Последнюю картину отвоевалъ художникъ, который самъ рѣшился позировать въ роли Париса. Впрочемъ, эта картина была вообще необходима, такъ какъ желающихъ позировать было слишкомъ много и обидѣть кого-нибудь отказомъ было неудобно. Въ видахъ экономіи картина „Неравный бракъ“ должна была представлять не вѣнчаніе, а обреченіе, то-есть могла состояться при обыкновенной комнатной обстановкѣ; „Стрекоза и Муравей“ тоже должна была составиться при комнатной обстановкѣ, безъ той декорации, которой требовалъ рисунокъ Дорэ.

О раздачѣ билетовъ, по обыкновенію, заботились не особенно много. Секретарь комитета велѣлъ писарю генерала написать письма ко всѣмъ членамъ „общества“ и приложить къ каждому письму билетъ. Въ письмѣ говорилось, что билетъ стоитъ три рубля и что невозвращенные за день до праздника билеты будутъ считаться взятыми. Посылались-же билеты за два дня до праздника, такъ-что большинство членовъ получало ихъ слишкомъ поздно и не успѣвало возвратить. Этотъ обычай разсылать билеты при письмахъ всѣмъ знакомымъ и незнакомымъ лицамъ практиковался „обществомъ“ съ давнихъ поръ и давалъ благопріятные результаты даже тогда, когда спектакли и концерты „общества“ выходили безобразными до послѣдней степени и принимали до того семейный характеръ, что вмѣсто обманувшихъ и непріѣхавшихъ артистовъ Марья Петровна насильно посылала на эстраду перваго подвернувшася ей подъ руку юношу, прося его „прочестъ что-нибудь“ и усердно аплодируя ему за невыносимое чтеніе всѣмъ надѣвшихъ произведеній.

Наконецъ насталъ и желанный праздникъ. Все шло отлично. Народу набралось много. Картины удались. Пьеса при помощи суфлера прочиталась безъ большихъ ошибокъ и остановокъ. Сверхъ всякаго ожиданія, даже появился на сцену какой-то престарѣлый артистъ, назначившійся въ програмѣ, и прочелъ юристическое стихотвореніе своего сочиненія. Члены комитета аплодировали всѣмъ и всему, поддерживая, такъ-сказать, семейнымъ образомъ одушевленіе въ публикѣ. Балъ тоже прошелъ недурно, и Марья Петровна, несмотря на свои „бальзаковскія лѣта“, декольтированная до послѣдней степени, танцевала, не отдыхая, съ увивавшеюся около нея молодежью, которая постоянно не отходила отъ этой потухающей звѣзды, давно покинутой людьми болѣе опытными и ищущими болѣе юныхъ красавицъ. Только къ третьему часу ночи разѣхались гости и настала тишина въ домѣ. Марья Петровна до того увлеклась „вечеромъ“, что еще рѣшилась прокатиться въ шарабанѣ послѣ бала съ тремя юношами, чтобы „подышать утреннимъ воздухомъ и освѣжиться“. Послѣ зимнихъ спектаклей въ „Обществѣ первой помощи“, она обыкновенно ѣздила съ такими-же юношами и двумя-тремя дамами-патронесами „не освѣжаться“, а „ужинать“ въ Борелю.

На второй день послѣ праздника членамъ комитета предстояло

разрѣшить самую трудную изъ своихъ обязанностей—опредѣлить расходы и доходы. Начались представленія и провѣрка счетовъ: оказалось, что чистый барышъ равнялся ровно 500 рублямъ. Именно этой суммы денегъ стояло платье, которое заказала въ этому балу одна изъ дамъ, фигурировавшая въ роли „Прекрасной Елены“. Марья Петровна упала духомъ.

— Изъ-за чего-же мы бились? взволновалась она. — Наше „общество“ не оказываетъ намъ поддержки. Я назначила небольшую плату за входъ, я выставила блюдо для приѣма добровольныхъ пожертвованій. И что-же? Мы получили какіе-то дрянные пятьсотъ рублей. На блюдѣ оказалось только двадцать рублей... Я полагаю, господа...

— Да вѣдь баронъ Гельфрейхъ не былъ на балу, а кто-же, кромѣ него, станеть бросать добровольно сотни рублей, съ ироніей замѣтилъ настойчивый казначей, перебивая потокъ ея гнѣвной рѣчи.

Этотъ чисто-практическій человекъ сильно упрекалъ въ душѣ Марью Петровну за то, что она „отвадила“ отъ „общества“ барона, и повторялъ его имя на засѣданіяхъ комитета, какъ Катонъ повторялъ свое „delenda Carthago“.

— Что вы мнѣ все указываете на барона! раздражилась Марья Петровна. — Это, наконецъ, изъ рукъ вонъ! Что-же вы мнѣ прикажете дѣлать? Не ѣхать-ли къ нему, не умолять-ли его спасти наше „общество“? Я, кажется, и такъ приношу не мало жертвъ общественной дѣятельности. Кто-же дѣйствуетъ, кромѣ меня? Не вы-ли, вносящій только безнадежность въ наши засѣданія? Мы должны поддерживать, ободрять другъ друга. Вы видите, что мнѣ тяжелѣе всѣхъ, а я не падаю духомъ, работаю. Меня, кажется, не за что упрекнуть.

— Я и не упрекаю, я вѣдь только на факты указываю, спокойно замѣтилъ казначей.

— Съ смиреніемъ должны люди нести свой крестъ, возвелъ въ потолоку глаза Мафусайловъ. — Смиренія въ насъ нѣтъ...

— Да скажите, пожалуйста, отчего это дѣйствительно баронъ охладѣлъ къ нашему обществу? вмѣшался въ споръ графъ Зябловъ.

— Ахъ, Богъ мой, вѣроятно, ему теперь нужны деньги на покушку какихъ-нибудь рысаковъ и бриліантовъ! съ презрѣніемъ отвѣтила Марья Петровна. — Почему я знаю!

— Да я думаю, ему и прежде были нужны деньги на эти предметы, замѣтилъ холодно графъ Зябловъ.

— Да, но теперь, вѣроятно, нужно тратить на это болѣе, чѣмъ тратилось прежде! раздражительно произнесла Марья Петровна.

— Все дѣло, сколько я могу понять, касается какихъ-то темныхъ слуховъ, сплетень, пожалуй плечами графъ Зябловъ. — Признаюсь, я не слѣжу за скандальной хроникой города и потому не могу въ настоящемъ случаѣ ничего сказать. Могу только заиѣтить одно, — что мы потеряли самаго полезнаго члена общества, и ужь, конечно, потеряли не потому, что у него не стало средствъ помогать „обществу“, или потому, что онъ понялъ бесполезность нашей дѣятельности.

Мнѣніе Зяблова раздѣляли всѣ мужчины, знавшіе или, лучше сказать, угадывавшіе причину охлажденія барона къ обществу. Каждый изъ этихъ мужчинъ очень хорошо, даже по опыту, зналъ, что всѣ эти барыни изъ комитета, начиная съ самой Марьи Петровны, имѣли въ своемъ прошломъ или настоящемъ точно такіе же романы, какъ романъ Муратовой; вся разница была въ томъ, что онѣ или умѣли лучше прятать, или не пользовались отъ своихъ покровителей и любовниковъ такими щедрыми дарами, какими пользовалась Муратова. Аделаида Александровна если и была чѣмъ-нибудь преступнѣе ихъ, такъ это своею вѣтреною откровенностью. Вслѣдствіе этого никто изъ мужчинъ не оправдывалъ щепетильности Марьи Петровны, и каждый сознавалъ, что Муратова была всегда однимъ изъ украшеній комитета, что она оживляла скучныя бесѣды во время засѣданій, что она была душою этихъ засѣданій. Наконецъ, всѣ мужчины, бывшіе членами комитета, мало-по-малу уже весною начали дѣлать попытки покороче сблизиться съ Муратовой, питая надежду, что и имъ перепадетъ хоть капля меду послѣ трапезы барона Гельфрейха. Дамы-патронесы, правда, были еще озлоблены на Аделаиду Александровну, завидуя ея обогащенію, но эти дамы въ то-же время были рады, что въ комитетѣ начинаются нападенія на вѣчно рѣзкую, вѣчно безцеремонную Марью Петровну. Эти барыни, горячо пожимавшія ей руки, цѣловавшія ее поцѣлуями сестеръ, были-бы очень рады, если-бы она пала, то есть, лишилась-бы званія предсѣдательницы общества. Вслѣдствіе этого, слыша на-

меки мужчинъ на то, что Марья Петровна виновата въ отчужденіи барона отъ общества, дамы молчали и не возражали. Марья Петровна красѣла и блѣднѣла; на ея лицѣ появились красныя пятна; ея и безъ того всегда короткое и тяжелое дыханіе сдѣлалось еще тяжелѣе, прерывистѣе.

— Но, господа, что-же дѣлать, что дѣлать? проговорила она крикливымъ голосомъ, стараясь покрыть перекрестные разговоры членовъ комитета.— Вы всё говорите, всё упрекаете другихъ, а исхода все-таки никто не указываетъ. Бритиковать легко, дѣло дѣлать трудно.

— Кажется, мы за старика Буало принялись, прошепталъ чей-то насмѣшливый голосъ на ухо сосѣду.

— Закрѣпить лавочку надо! хладнокровно пробормоталъ казначей, поднося къ носу табакерку.

— Здѣсь не лавочка! почти крикнула Марья Петровна.— Слышите: здѣсь не лавочка! Кто считаетъ наше дѣло—дѣломъ лавочки, тотъ сдѣлаетъ лучше всего, если удалится изъ общества... Мы никого не держимъ насильно!

— Ну, на удаленіе никто, я думаю, и не попроситъ позволенія, проговорилъ кто-то изъ членовъ.

— Мнѣ кажется, обществу будетъ не особенно выгодно, если его членамъ будутъ постоянно напоминать о ихъ правѣ выйти изъ общества, замѣтилъ небрежно графъ Забловъ.

Марья Петровна, которую оглушалъ шумъ и гамъ разговаривавшихъ и спорившихъ кругомъ нея членовъ комитета, чувствовала, что еще одинъ неловкій шагъ—и она окончательно вооружитъ противъ себя этихъ людей. Но она переживала подобныя бури не разъ въ году и научилась управлять этимъ „стадомъ барановъ“, какъ она называла комитетъ.

— Господа, господа, вы говорите всё вдругъ! Это невозможно! крикнула она на весь залъ, торопливо понюхавъ изъ флакона спирта.— Я не понимаю, изъ-за чего идетъ все это волненіе. Потерпѣло общество убытки? Сдѣлалъ комитетъ какую-нибудь неудачную попытку? Совсе нѣтъ! Мы разыграли лотерею и у насъ оказалось болѣе тысячи рублей чистаго барыша...

— Часть котораго пошла на уплату долга конторѣ барона Гельфрейха, равнодушно вставилъ между прочимъ казначей, какъ-бы комментируя отчетъ предсѣдательши.

— Прошу не перебивать меня! сверкнула на него глазами задыхавшаяся Марья Петровна, снова нюхая спиртъ. — Итакъ, я говорю: отъ лотереи у насъ была слишкомъ тысяча рублей барыша. Мы дали балъ съ живыми картинами и получили пятьсотъ рублей чистой прибыли...

— Это крайне мало, сказалъ кто-то изъ членовъ.

Марья Петровна только бросила на него гнѣвный взглядъ и продолжала:

— Значитъ комитетъ ведетъ свои дѣла добросовѣстно и волноваться намъ нечего. Но вы скажете, что все-таки у насъ нѣтъ денегъ. Но гдѣ-же въ благотворительныхъ обществахъ не бываетъ этихъ кризисовъ лѣтомъ? Это такіе пустяки, что волноваться тутъ нечего. Намъ нужны деньги? Я ихъ достану!

Послѣдняя фраза была произнесена съ эффектомъ. Члены комитета были поражены: они теперь забыли, что Марья Петровна была главною причиною охлажденія барона къ обществу и послѣдовавшаго затѣмъ финансоваго кризиса, и сознавали только одно то, что одна Марья Петровна обладаетъ такой магической силой спасать общество во время кризисовъ.

— Въ такомъ случаѣ нечего и говорить, послышалось въ одномъ концѣ стола.

— Если такъ, то и прекрасно, говорили въ другомъ концѣ.

— Господь cadaго умудряетъ! вздохнулъ Мафусанловъ, возводя къ потолку набожные взоры и въ благочестивомъ смиреніи вспоминая объ ослицѣ Валаама.

— Я хотѣла въ сегодняшнемъ засѣданіи попросить господина секретаря прочитать выработанный мною проектъ общины для спасенія падшихъ женщинъ, проговорила Марья Петровна. — Но я устала и потому отлагаю это до слѣдующаго засѣданія. Мы нашими мелочными спорами наполняемъ время засѣданій и отстраняемъ толки о болѣе существенныхъ для общества вопросахъ!

Она встала и, переваливаясь съ боку на бокъ, усталом походкою вышла изъ залы засѣданія, пожавъ на ходу нѣсколько рукъ. Въ залѣ задвигались стулья, зашуршали шелковыя платья.

— Съ этого надо было начать, ворчалъ казначей, складывая бумагу.

— Съ чего это? спросилъ графъ Зябловъ.

— Съ объясненія, что деньги будутъ, отвѣтилъ казначей. —

И какъ это легко разрѣшаютъ у насъ женщины финансовыя вопросы—это удивительно! Имъ-бы министерство финансовъ отдать въ управленіе. Ей-богу!

Онъ захихикалъ своимъ неслышнымъ смѣхомъ и побрѣлъ изъ залы.

— Вы сегодня у Излера? спросилъ его графъ Зябловъ.

— Какъ-же, какъ-же! вдругъ оживился казначей. — А, вы, значить, слышали? Что за дѣвочка! что за дѣвочка!

Онъ поднесъ къ губамъ свои дряблыя пальцы.

— En petit comité, конечно? спросилъ Зябловъ.

— Ну, разумѣется, разумѣется.

Графъ взялъ казначея подъ-руку и они пошли тихими шагами по тѣнистой алеѣ, серьезно перешептываясь между собою. Со стороны ихъ можно было счесть за дипломатовъ, обсуждавшихъ важный политическій вопросъ.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

СТОЛИЧНЫЙ ОМУТЬ.

(Изъ Т. Лидса.)

Пусть обливается отъ скорби сердце кровью,
Пускай отъ гнѣва жолчь кипитъ въ груди моей,—
Я все-таки стремлюсь съ болѣзненной любовью
Въ водоворотъ борьбы, стремлений и страстей.

Столица—это центръ и радостей, и горя,
Которыя землѣ приносятъ каждый вѣкъ,
И посреди ея измѣчиваго моря
На-сторожѣ всегда быть долженъ человѣкъ.

Бѣда заснувшему подъ дасковое пѣнье
Едва замѣтныхъ волнь, играющихъ, рѣзвась:
Проснется, можетъ быть, онъ только въ то мгновенье,
Когда уже пробьетъ его послѣдній часъ.

Но счастливъ тотъ, кого застанетъ непогода
Во всеоружіи, стоящимъ у руля
И крѣпнущимъ въ борьбѣ съ бунтующей природой,
Готовой оборвать всѣ снасти корабля.

Довольно только разъ узнать восторгъ побѣды
Надъ злобною судьбой—и насъ не обольстятъ
Ни сладостный покой, ни мирныя бесѣды,
Ни годы свѣтлыя безъ горя, безъ утраты.

И сладкій, тонкій ядъ безбурныхъ наслаждений
Убьетъ, быть можетъ, насъ, но онъ не утолитъ
Въ насъ жажды испытать опять въ пылу сражений
Запасъ духовный силъ. Такъ старый инвалидъ,

Въ деревнѣ тяготясь бездѣйственнымъ покоемъ,
Проводитъ день за днемъ, какъ-будто въ полуснѣ,
И дѣлается вновь по-прежнему героемъ,
Когда заходитъ рѣчь случайно о войнѣ.

Война! Какая смѣсь глубокихъ впечатлѣній!
Тяжелый переходъ съ приваломъ гдѣ-нибудь—
Въ степи или въ лѣсу, костровъ и свѣтъ, и тѣни,
Недолгій чуткій сонъ и снова трудный путь.

Съ врагами хитрыми негаданныя встрѣчи,
Призывный барабанъ, ожесточенный бой,
Побѣда иль уронъ и послѣ грозной сѣчи
Воспоминанье сценъ изъ схватки боевой;

Участье къ раненымъ, убитыхъ погребенье,
При грустной музыкѣ, при общей тишинѣ,
Съ слезами на глазахъ и съ чувствомъ умиленья
Къ тому, кто спасъ тебя невидимо въ огнѣ.

Нѣтъ, этихъ яркихъ сценъ и яркихъ впечатлѣній
Не можетъ замѣнить для стараго бойца
Однообразіе бездѣйствія и лѣни,
Похожихъ на покой могильный мертвеца.

А. Константиновъ.

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЛЯ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV.

УБОРКА.

Наступилъ, наконецъ, давно желанный день уборки.

Уже цѣлыя двѣ недѣли со страхомъ и надеждою носилъ его въ своемъ сердцѣ хлопотный людъ шишовскихъ полей. Собирались-было начать косьбу сейчасъ послѣ Казанской, да нанесло дожда съ теплой стороны и около недѣли стояла на дворѣ мокрая погода. Наливъ остановился и только къ Ильину дню обдуло колось. Афонасій Неумираевъ, сѣдой до желтаго столѣтній старикъ, съ головою, лысомъ какъ лодышка, каждое утро ходилъ на своихъ когда-то терпихъ, но теперь уже въ щепу высохшихъ ногахъ, крѣпко до колѣнъ обмотанныхъ въ онучи, — смотрѣть наливу зерна. Въ Спасахъ Афонасій почитался чѣмъ-то въ родѣ мѣстнаго домового, того „щура“ древнихъ славянъ, въ которомъ память о старомъ домодержцѣ и родоначальникѣ переродилась въ мистическія представленія о постоянномъ таинственномъ участіи какого-то покровительственнаго домашняго духа въ судьбахъ дома. Афонасій видѣлъ на своихъ глазахъ уже шестое поколѣніе людей и безъ всякаго фигуральнаго преувеличенія могъ считатьъ ся немъ, изъ котораго выросло цѣлое племя стволонъ, сучьевъ,

вѣтвей, вѣточекъ и побѣговъ всевозможныхъ степеней... Многіе спасскіе старики называли его дѣдушкой, и почти не было двора въ многолюдномъ селѣ, который-бы не приходился съ той или другой стороны роднымъ Афонасію. Это былъ, по-истинѣ, дѣдушка цѣлаго села. Иванъ Мелентьевъ помнилъ еще отца Афонасьева, Ларивона, такого-же высокаго и лысаго и такого-же столѣтняго старика съ сгорбленною спиною; Иванъ помнилъ, какъ ему, мальченку, сказывалъ Ларивонъ, будто и дѣдъ, и отецъ его были силачи и жили далеко за 100 лѣтъ, и будто за то и прозвали ихъ Неумираевыми. Еще на памяти Ивана старикъ Ларивонъ одинъ безъ сыновей убиралъ свою пасѣку въ олешникъ, накладывая и складывая съ телѣги тяжелые улья. Таковъ-же терпкій и крѣпкій въ работѣ былъ и Афонасій Неумираевъ, который теперь уже считалъ себѣ 110-й годъ. Только третье лѣто, какъ пересталъ онъ выходить въ поле съ косомъ; а то, бывало, раньше всѣхъ станеть на свой загонъ съ пятью сыновьями и пойдетъ-себѣ въ первой косѣ, горя мало, только на сыновей покрикиваетъ; чтобы не отставали... Да и теперь, когда уже руки, а особенно ноги, стали плохо слушаться, „будто деравяшки висятъ, словно-бъ не твои, а чужія чьи“, и теперь Афонасій еще ходилъ за сохою и молотилъ полегоньку на току. Болѣнь онъ никогда не былъ, во всю свою жизнь. А между тѣмъ на праздникахъ пилъ водку и ѣлъ не хуже молодого. Народъ его прозвалъ „Миколинъ-день“. Дѣйствительно, когда въ веселый и синій морозный день Афонасій выйдетъ изъ церкви на свѣгъ въ своей длинной сѣдой бородѣ, разруганный виномъ и холодомъ, съ огромною, какъ мѣсяцъ, лысиною, старый-престарый и виѣстѣ будто вѣковѣчный,—ну, чисто, кажется, вышелъ самъ зимній Микола... Каждую зиму старикъ таскался на своихъ ооченѣвшихъ рассохахъ въ „Кеивъ“, пользуясь чугунокъ только для того, чтобы идти рядомъ съ ней, по безошибочной прямой линіи полотна, топчя голыши своими самодѣльными лаптишками.

— Чтобъ я на старости лѣтъ да на бѣсовщину такую сѣлъ, будь ей не ладно! обыкновенно говаривалъ онъ про чугунокъ. — Святые отцы жили, хитростей этихъ дьявольскихъ не знали; Христовы апостолы, и тѣ пѣшкомъ ходили; намъ выше святыхъ отцовъ не быть! Да мнѣ близко-то ее видѣть постыло, кобылу эту чортову... Нехай ѣздить кто умнѣ насъ...

Въ худенькой шубенкѣ, едва обмотанный разными тряпочками, безъ валенокъ, проводилъ старикъ въ своихъ странствіяхъ по нѣскольку долгихъ недѣль въ самыя лютыя зимы.

— Какъ-же тебя, дѣдъ, волки не съѣдятъ? спрашивали иногда у него ребята. — Нонче вѣдь волковъ въ полѣ, что собакъ во дворѣ?

— Чего имъ ѣсть! спокойно отвѣчалъ старикъ. — Встрѣчаются, бываетъ; онъ себѣ идетъ стороною, а я себѣ иду стороною; поглядить да и пройдетъ мимо, а имъ что его трогать? Конечно, для опаски имѣешь у себя жезлъ такой, съ гвоздемъ коли укусить захочетъ какой, такъ жезломъ его прободу. Все-жъ живой человекѣ... Звѣрь долженъ человекѣка беречься...

Натрудить за зиму старикъ Афонасій свои старыя ноги, придетъ на печь, ноги опухнуть, какъ котлы; другіе за бабкой посылать, травы пьютъ; Афонасій самъ себя лечитъ: возьметъ ножикъ хлѣбный, поточить, да и распоретъ себѣ обѣ икры, чтобъ можно было кровь внизъ спустить. Стечетъ немножко — и пропаль опухъ. А животъ, случается, заболитъ, пошлетъ малаго въ контору или къ попу, выпроситъ кусочекъ сургуча да и проглотить. Смотришь—какъ рукой сняло.

Съ безпокойствомъ ожидали спасскіе мужички, когда „Миколинъ-день“ скажетъ сготовляться на работу.

— Молочка въ зернѣ не стало видать, да только все будто еще маленько волжано, съ серьезной увѣренностью сообщалъ Афонасій, возвращаясь съ поля.— Вотъ дай закалянѣть трошки.

Наконецъ, за день до Ильи-пророка Афонасій торжественно объявилъ, что „кормилица готова, зернышко на жарѣ словно рогомъ взялось“, и на 21-е, на другой день послѣ Ильи, съ первою зорькой закипѣла работа. Стали брать „кормилицу“, началась страдная пора. Словно по сговору, но безъ всякаго сговора, разомъ двинулся на поля весь окрестный мужицкій людъ... Вездѣ старики сказыали сготовляться на другой день Ильи. „Спасскіе со вторника становятся! надо и намъ!“ прошумѣло по селамъ. Словно войной ополчился народушко на поспѣвшій хлѣбъ: безмолвное и безлюдное море желтыхъ колосѣвъ, стелившееся отъ одного края Руси до другого необъятною ширью, вдругъ закипѣло, какъ муравьями, работающимъ народомъ. По всей неизмѣримой русской равнинѣ шатались и падали подъ дружными уда-

рами косъ сплошныя стѣны хлѣбовъ и ложились, подкошенные, такими-же сплошными, такими-же безконечными валами... Не владутъ рукъ косари; заря застаётъ ихъ въ полѣ утромъ, заря оставляетъ ихъ и вечеромъ въ полѣ. Дружно, нога въ ногу, плечо къ плечу, рядами надвигаются бѣлыя рубахи и красныя, бородатыя лица на клины ржи, словно на каре враговъ, разомъ взмахнули загорѣлыя руки, незнающія устали, разомъ мелькнули на солнцѣ сверкающія жала косъ. Торопится и спорится работа, пока Богъ ведро послалъ, пока не налетѣла откуда-нибудь градовая туча. Только въ обѣды, когда солнце взойдетъ на полдень, стихаетъ на полѣ крестьянская война. Лежать, будто трупы побитыхъ, гдѣ кто попалъ, подъ возами, подъ копнами, въ холодкѣ стоячаго колоса, на травянистыхъ межахъ, тѣ-же бѣлыя рубахи, тѣ-же потныя, красныя лица, кто ничкомъ къ землѣ, кто широко разметавши онѣмѣвшія руки и ноги прямо подъ припекомъ полдневнаго солнца. Не они легли, ихъ свалила, словно ноги подкосила, тяжелая работа; на эти два-три часа дѣйствительно необходимаго и дѣйствительно крѣпкаго сна словно въ омутъ провалились они: не разбудить ихъ даже выстрѣлъ пушки.

Нѣсколько недѣль сряду идетъ на поляхъ одушевленная война. Съ каждымъ часомъ безчисленнѣе и гуще становятся ряды тяжелыхъ копенъ, словно все поле ошетиливается грозными батареями. Все дальше и дальше уходятъ отъ наступающей рати косъ, со всѣхъ сторонъ охваченные ею, уже рѣдкіе теперь острова стоячаго хлѣба. Утромъ были, къ вечеру нѣтъ ихъ — лоскомъ лежать. Скажешь, таютъ на іюльскомъ солнцѣ... А косы все впередъ, неудержимо, неумоимо врѣзываются въ чащу звонкихъ колосовъ. Слѣдомъ за косой идетъ и вязка. Красныя сарафаны съ бѣлыми сорочками маковымъ цвѣтомъ разсыпаны по скошеннымъ жнивьямъ; куда ни глянешь — дугой гнется бабья спина, проворно снуютъ бабьи руки. Захлестывая за себя соломенные перевасыла, быстро перетягиваютъ онѣ тугіе, полночьсныя снопы и крестами взваливаютъ ихъ другъ на друга. Потъ градомъ льется по лицамъ, чернымъ отъ пыли, воеетъ хребетъ, ломаютъ

привычныя ноги, а вздохнуть нельзя: низко ужь солнце, впереди еще много невязанныхъ рядовъ, а на западѣ съ угрозой набираются сѣрныя, влажныя клочья.

— Ну, ну, бабы! важи, не зѣвай! сурово покрикиваетъ Василій, широко шагая своимъ крѣпко-разставленными ногами въ головѣ десяти косъ, весь насквозь промокшій отъ поту, безъ шапки и босикомъ; онъ взмахнулъ косою еще сильнѣе и шире, и въ тактъ ему, въ соревнованіе съ нимъ, такъ-же молодецки и смѣло взмахнули, словно вздрогнула молнія, всѣ десять косъ...

За второй Спасъ, чуть не до самаго Успѣньева дня, шла косьба. Потрудились-таки выносливыя мужицкія спины и коравныя мужицкія руки. Давно не помнилъ народушко такого урожая.

— Хоть-бы въ старину такая благодать! говорилъ Иванъ Мелентьевъ;—въ иржахъ съ конемъ не видно; овесъ человѣку по груди; кормочку далъ Богъ на зиму, да и зерно хорошо: не щуплое, не желобоватое, какъ лѣтошній годъ, а полное, сытое, на рукѣ встряхнешь—поросята лежать. Мирошникъ вѣсилъ намедни, безъ фунта 10 пудовъ тянетъ, что твоя пшеница! Ну, да и заморила-жь народушко, кормилица! Мужики съ нея совсѣмъ просто плеча повывернули... Тяжесть... Шутка-ли, какая вязь, да по двадцати по двѣ, по двадцати пяти на десятинѣ стала.

Новая картина на безпредѣльномъ русскомъ полѣ: поползли по немъ во всѣ стороны тяжело-нагруженные снопами возы безконечными вереницами; медленно, но безъ перерыва, опять съ зари до зари, тянутся они повсюду, куда ни кинешь взглядъ; издали кажется, будто желтое поле все сплошь закишѣло громадными пузатыми муравьями; возъ съ колесами и тихо шагающая лошадь сливаются въ одно осьминогое насѣкомое съ вздутымъ брюшкомъ.

Подъѣдутъ возы ближе, со скрипомъ и пылью, и видишь тѣ же бѣлыя рубахи, тѣ же до-красна загорѣвшія мужицкія лица, ничкомъ наверху возовъ. Съ безпечною удалью гонятъ они подъ горку эти громоздкіе и валкіе возы, чтобы легче взлетѣть на изволокъ; маленькія терпкія лошаденки несутся вскачь, догоняемыя по пятамъ надвигающейся тяжестью воза и едва послѣвая уходить отъ него; а мужицкая ухмыляющаяся рожа спокойно глядитъ съ верха воза на эту головоломную гонку. Только на возу и отдыхъ. На полѣ намахалась рука, вскидывая на возъ груз-

ные снопы, на гумнѣ ждеть та-же работа... То шла косьба, рѣзали врага долой съ корня, теперь нужно работать кошьемъ, колоть и вскидывать снопы вилами.

На гумнахъ, около мужицкихъ коноплянниковъ, какъ дома растутъ круглые, островерхіе одонки; словно гнѣзда яркихъ свѣжихъ грибовъ поднимаютъ теперь свои шляпки среди зелени рабить по околицамъ, среди темныхъ навозныхъ крышъ мужицкой деревни. Весело стало смотрѣть на села и хутора. Золотое обиліе глядитъ изъ околицы каждаго двора. Теперь не страшна мужику зима съ ея голоднымъ звѣвомъ, съ ея холоднымъ дыханіемъ: хлѣбушко людямъ, кормокъ скотинѣ, солома для печи, — все теперь у него на гумнѣ, укрытое отъ непогоды и расхищенья.

XV.

День рожденія Лиды.

На рожденіе Лиды долженъ былъ собраться весь уѣздъ. Татьяна Сергѣевна не ужѣла останавливаться на полумѣрахъ. Если она рѣшилась созвать къ себѣ „все общество“, она не могла ударить въ грязь лицомъ. Она была обязана показать всѣмъ этимъ Каншинымъ и tutti quanti, какъ слѣдуетъ принимать гостей въ настоящемъ дворянскомъ домѣ. Фантазія у Татьяны Сергѣевны была очень живая, вкусу очень много, а такъ-какъ вмѣстѣ съ этимъ она была положительно не въ состояніи противостоятъ увлеченіямъ своего подвижного характера и въ эту минуту разсматривала будущее съ самой пристрастной, розовой точки зрѣнія, то понятно, что робкіе намеки Ивана Кузмича о долгахъ, закладныхъ и необходимости перестроить заново „крупчатку“ не принесли ни малѣйшей пользы. Татьяна Сергѣевна обыкновенно самымъ искреннимъ образомъ давала себѣ слово, что дѣлаетъ такой непроезводительный расходъ въ послѣдній разъ; она лучше нѣсколько разъ пожметса, потерпитъ, но ужъ если разъ рѣшилась дѣлать, такъ надо дѣлать по-настоящему. Лидѣ исполнилось 18 лѣтъ и нужно отдать дань ея возрасту. Она, бѣдненькая, и безъ того осуждена на деревенскую прозу послѣ своихъ петербургскихъ мечтаній и послѣ всѣхъ стѣсненій и

трудоваго институтской жизни. Татьяна Сергѣевна уже пожила и ее нисколько не забавляютъ общественныя увеселенія, но Лида только начинаетъ жить; надо и объ ней подумать. Развѣ она виновата, что Татьяна Сергѣевна имѣетъ долги и что Ивану Кузьмичу нужно строить кручату? Вѣдь молодость бываетъ одинъ разъ. Тѣмъ болѣе Татьяна Сергѣевна увѣрена, что Лида сдѣлаетъ блестящую партію; а найти блестящую партію нельзя безъ нѣкоторой жертвы. Кажется, позволено поддерживать свой кредитъ цѣною какого-нибудь обѣда или вечера. Какіе-нибудь Каншины только и берутъ своею тарватостью, ихъ считаютъ Богъ знаетъ за какихъ богатыхъ невѣсть, а у нихъ, можетъ быть, все богатство на столѣ и въ нарядахъ. Словомъ, чѣмъ больше думала добрыйшая Татьяна Сергѣевна, тѣмъ настоятельнѣе и неизбѣжнѣе становились поводи къ торжеству. Она даже удивилась наконецъ, какъ могла откладывавать такъ долго этотъ необходимый шагъ.

Три повара съ вечера работали на обуховской кухнѣ. Одинъ изъ нихъ былъ знаменитый поваръ молодого Овчинникова, настоящій французъ, *monsieur Philippe*, вывезенный Овчинниковымъ изъ Парижа. Овчинниковъ платилъ ему 50 рублей въ мѣсяцъ и ежедневно отпускалъ къ его столу полъ-бутылки краснаго вина. М-г *Philippe*, гордо величавшій себя *chef'омъ*, еще наканунѣ представилъ Татьянѣ Сергѣевнѣ свое меню и на чистомъ парижскомъ нарѣчій перечислилъ ей ту массу всевозможныхъ русскихъ звѣрей, птицъ, припасовъ и приправъ, изъ которыхъ онъ долженъ былъ выжать тонкій букетъ своего французскаго стола. Татьяна Сергѣевна была заранѣе очарована возможностью угостить шишовское общество издѣліями неподдѣльнаго парижанина и, разумѣется, съ увлеченіемъ поддакивала всѣмъ нахальнымъ назначеніямъ хвастливаго француза. Меню было переписано во множествѣ экземпляровъ на кружевныхъ листочкахъ атласной золотообрѣзной бумаги, вынутой изъ затѣйливой *parterre* Лиды, и у Татьяны Сергѣевны замиралъ духъ отъ удовольствія, когда она дитовала своей французженѣ разныя *Bisque aux écrevisses*, *Timballe à la reine*, *marons glacés*, *pièce montée* и т. п. хитрости, очевидно незнакомыя даже по имени маме Каншиной и *tutti quanti*. Оркестръ музыки былъ выписанъ изъ Крутогорска. Оттуда-же вызванъ пиротехникъ съ цѣлымъ фургономъ фейервер-

ковъ и принадлежностей иллюминаціи. Купленъ былъ въ Крутогорскѣ нарочно для этого дня хорошенькій баркасикъ съ рулемъ, съ рѣшотками на скамеечкахъ, съ носомъ, выведеннымъ лебединою шеей. 50 человекъ мужиковъ и бабъ, въ зачетъ барщинныхъ дней, цѣлую недѣлю чистили старый паркъ, до котораго не дотрогивалась ничья рука въ продолженіи многихъ лѣтъ; рабочіе возили песокъ и голыши, плотники устраивали бесѣдки, скамеечки, тамъ, гдѣ ихъ не было, но гдѣ онѣ, по мнѣнію Татьяны Сергѣевны, были совершенно необходимы. Но главная забота и главное затрудненіе было въ устройствѣ живыхъ картинъ. Для этого уже за двѣ недѣли до торжества Иванъ Кузьмичъ очистилъ старый каменный манежъ и теперь ухищрялся помѣстить въ немъ огромное множество сидѣній и сцену. Картины долженъ былъ ставить Суровцовъ, какъ единственный изъ знакомыхъ Татьяны Сергѣевны, понимавшій сколько-нибудь въ живописи. Онъ хотѣлъ отклониться отъ всякаго участія въ устройствѣ картинъ, потому что по горло былъ занятъ уборкою. Однако Татьяна Сергѣевна приставала такъ неотступно, что Суровцову все-таки пришлось выбрать темы, указать, какіе наряды нужно для нихъ сдѣлать, и даже обѣщать оставить картины, когда все будетъ готово.

Татьяна Сергѣевна осталась вполнѣ довольна, когда сдѣлала утромъ общій осмотръ той половины дома, которая была назначена для пріема. Оба балкона—большой изъ гостиной и маленькій изъ Лидиной комнаты—походили скорѣе на два букета цвѣтовъ, чѣмъ на балконы. Тамъ была разбросана среди кадокъ деревьевъ очень изящная плетеная мебель, висѣли прехорошенькія лампы, пестрѣли ковры; Татьяна Сергѣевна рассчитала вѣрно, что въ жаркій іюльскій день балконы обратятся въ гостиныя.

Слѣзаться стали по-деревенски, довольно рано. Прежде всѣхъ пріѣхалъ Коптевъ съ дочерьми. Онъ былъ человекъ стараго звѣта и если ужъ собрался разъ въ гости, любилъ посвятить этому цѣлый день. Къ тому-же Татьяна Сергѣевна приходилась ему двоюродной сестрою и онъ считалъ неродственнымъ явиться прямо къ обѣду. Лида подхватила своихъ кузинъ подъ руки и умчала къ себѣ въ уборную. Порывамъ и ласкамъ Лиды не было конца. Она зацѣловала въ шею Надю и собственноручно взбила ей волосы своимъ черепаховымъ гребешкомъ. Варѣ она совершенно пережвнила прическу, всѣмъ что-нибудь наговорила милаго и

дружелюбнаго, всякою помогла въ чемъ-нибудь. Коптевы съ восторгомъ любовались Лидою: въ своей изящной бѣло-голубой уборной, сама вся въ бѣломъ и голубомъ, со взбитыми пухомъ пепельными волосами, съ яркимъ румянцемъ на счастливомъ и прекрасномъ лицѣ, граціозная, улыбающаяся, ласковая, она казалась имъ какою-то сказочною царевною. Лида сейчасъ-же повела кунинъ осматривать всѣ уголки дома, показывая имъ подарки матери, новую мебель, новыя альбомы, и меньше, чѣмъ въ четверть часа, во всей подробности рассказала имъ програму торжественнаго дня, перечислила всѣхъ, кто будетъ, кто не будетъ, и почему именно не будетъ. Нада съ сдержаннымъ, но теплымъ чувствомъ выслушивала дружескую откровенность Лиды и думала, что на свѣтѣ еще не было такого ангельски-добраго и ангельски-прекраснаго созданья.

Скоро послѣ Коптевыхъ пріѣхали Шиши, а за ними уже почти безъ перерыва, постоянно подѣвжали четверики въ каретахъ, тарантасныя тройки, фэтоны парами. Обуховскій домъ наполнился шумомъ, говоромъ и суетнею.

Пріѣхалъ Дмитрій Иванычъ, родной братъ Трофима Иваныча Коптева, высокій и сухощавый, представлявшій удивительный контрастъ съ своимъ братомъ, старикъ необыкновенно-акуратно одѣтый, съ необыкновенно-мягкими манерами, съ сѣдыми усами, такими-же бѣлыми и чисто-вымытыми, какъ воротнички его рубашки, полковникъ въ отставкѣ и мировой судья. Пріѣхалъ Демидъ Петровичъ Каншинъ, предводитель шишовскаго благороднаго дворянства, весь окрашенный въ черную краску, нафабранный, съ вставными зубами и съ жеманно-развязными манерами стариннаго курбеть-кавалера. Каншинъ корчилъ изъ себя чело-вѣка, неотступающаго отъ вѣка, не считалъ поэтому „приличнымъ патриархальный обычай—выѣзжать въ свѣтъ вмѣстѣ съ женою, дочерьми и прочею мягкою рухлядью“, какъ онъ выражался въ холостыхъ бесѣдахъ съ мужчинами. Такъ-какъ старикъ, несмотря на персидскую краску и вагентеймовскіе зубы, былъ завязанный волокита и дамскій любезникъ, то его передовые принципы были въ этомъ отношеніи весьма удобны для подобныхъ бесѣдъ.

Вмѣстѣ съ Каншинимъ пріѣхалъ и Овчинниковъ, его племянникъ, тотъ самый юный мировой посредникъ, съ которымъ такъ неудачно объяснялся, по порученію Нады, Трофимъ Иванычъ.

Овчинниковъ былъ первый богатъ и первый женихъ шишовскаго уѣзда. Четверня вороныхъ рысаковъ, безъ отиѣтинъ, на которыхъ подѣвжалъ Овчинниковъ къ дому Обуховыхъ, стоила ему, какъ было извѣстно всѣмъ присутствовавшимъ, ровно шесть тысячъ рублей серебромъ. Коляску онъ привезъ съ парижской всемірной выставки. Онъ былъ одѣтъ, обутъ съ головы до ногъ на Итальянскомъ бульварѣ Парижа и только бѣлье его застегивалось русскими бриліантами. Въ Парижѣ онъ выкрошилъ свои почернѣвшіе зубы, въ Парижѣ добылъ въ 25 лѣтъ широкую, какъ тарелка, лысину, едва теперь присыпанную мохомъ болѣзненныхъ волосъ; но даже Парижъ не могъ скрыть всѣми своими выкройками и поддѣлками его дряблага, обезсиленнаго тѣла и его противнаго угреватаго лица съ узенькимъ, идиотскимъ лбомъ. Въ общемъ юный Овчинниковъ представлялъ изъ себя весьма северную вѣшалку къ артистически-сшитому и дорого заплаченному платью.

Но самую важную и рѣдкую гостью Татьяна Сергѣевна считала баронессу Мейенъ, которая только первое лѣто проводила въ своемъ крутогорскомъ имѣніи и была извѣстна шишовскому обществу только по своей репутаціи: отиѣнно-образованной и умной дамы высшаго аристократическаго круга. Въ Шишахъ поговаривали, что дѣла барона Мейенъ поразстроились, служебное положеніе пошатнулось, и онъ непрочь основаться въ своемъ шишовскомъ имѣніи, если-бы его выбрали въ предводители на предстоящихъ выборахъ. Этихъ-же обстоятельствомъ объяснили шишовцы пріѣздъ барона съ баронессою въ обуховскій домъ, гдѣ они должны были встрѣтить все шишовское общество.

Появленіе баронессы обратило на себя напряженное вниманіе уѣздной публики. Баронеса была красивая и моложавая брюнетка среднихъ лѣтъ, высокаго роста, осанистая, довольно полная, одѣтая съ большимъ приличіемъ; она говорила просто и свободно, безъ всякой афектаціи, и обращалась со всѣми такъ-же естественно и просто; къ серьезному приличію ея тона примѣшивалась чуть уловимая струйка какой-то ласковости, невольна возбуждавшей къ ней симпатію. Шишовскія дамы были смущены и раздражены этою вѣжливою простотою, этимъ изящнымъ самообладаніемъ баронессы, въ которыхъ даже для самыхъ недалекихъ изъ нихъ сказывался несомнѣнный и непоколебимый авторитетъ. Мужчины, совершенно наоборотъ, сразу признали устами женолюбиваго Кан-

пина, что „баронеса дама чертовски комильфотная“ и что она до сихъ поръ бѣль фамъ.

— Чистая Юдифъ съ картинки въ этихъ золотыхъ обручахъ и съ этими черными косами! объяснялъ въ дополненіе Протасьевъ собравшимся вокругъ него мужчинамъ.

Баронъ Мейенъ прошелъ мало замѣченнымъ въ тѣни своей величественной супруги. Его беспорядочная начитанность и мистическо-фантастическій строй мыслей, направленный больше на спиритизмъ, чѣмъ на деревенское хозяйство, нисколько не способствовали шишовскимъ жителямъ понять его характеръ, а тѣмъ меньше почувствовать къ нему расположеніе. Такъ-какъ баронъ почти совершенно не понималъ деревни, ея интересовъ и степени ея развитія, а виталъ въ своихъ разговорахъ съ шишовцами въ сферахъ различныхъ высшихъ соображеній, не столько любопытныхъ, сколько скучныхъ и темныхъ въ невѣжественныхъ глазахъ черноземнаго помѣщика, то, понятно, всякій считалъ за большую пытку продежурить нѣсколько минутъ въ бесѣдѣ съ чужакомъ-барономъ и удивлялся его фантазіи поселиться въ прозаическомъ шишовскомъ уѣздѣ съ головою, набитою подобными бреднями.

Были гости и изъ Крутогорска—молодой блестящій адвокат Прохоровъ, которому были поручены „дѣла“ Татьяны Сергѣевны и который по поводу этихъ дѣлъ столь-же сильно, сколь смѣло и открыто, пріударялъ за Лидою.

Госпожа Каншина съ тремя дочерьми: Евой, Зоєю и Агатою, пріѣхала рѣшительно послѣ всѣхъ. Это сознаніе доставило ей не мало внутренняго торжества. Вопросы свѣтскаго приличія госпожа Каншина считала своею спеціальностью. Правду сказать, судьба ни разу не дала ей хлебнуть полного глотка настоящей свѣтской жизни въ какомъ-нибудь хорошемъ обществѣ Петербурга и Москвы, но неполноту своего знакомства съ этимъ дѣломъ госпожа Каншина вполне замѣнила несокрушимую вѣрою въ обязательность для всѣхъ и cadaго ея собственныхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Такимъ образомъ эта почтенная дама давно уже возвела въ догматъ, что позорно пріѣзжать первой на балъ или обѣдъ и что тотъ, кто всѣхъ важнѣе, долженъ пріѣхать послѣ всѣхъ. Этимъ способомъ она безъ затрудненія поставила себя и своихъ трехъ дочекъ въ завидно-возвы-

шенное положеніе. Въ Крутогорскѣ до сихъ поръ помнили оригинальную сцену, когда госпожа Каншина, какъ-то промахнувшись въ расчетѣ, явилась съ своими тремя граціями на маскарадъ въ дворянское собраніе ранѣе всѣхъ другихъ масокъ и, убѣдясь въ своей оплошности, тотчасъ-же съ негодованіемъ ринулась назадъ изъ залы въ карету съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться больше. Госпожа Каншина лучше всѣхъ и прежде всѣхъ знала, что баронеса Мейенъ пріѣхала въ уѣздъ и что она непременно будетъ у Обуховыхъ. Она фесѣдовала въ своей фантазіи съ этою великосвѣтскою баронесою, еще сидя передъ туалетомъ своей уборной; ради нея она такъ долго колебалась въ выборѣ платья, надѣвала свои богатѣйшіе уборы, пилила дочекъ за каждую малость въ ихъ туалетѣ. Она собиралась не на обѣдъ къ Обуховымъ, а на смотръ великосвѣтской дамы, которая не должна замѣтить въ ней и ея дочкахъ ничего, кромѣ высокаго приличія. Онѣ только двое въ шиповскомъ уѣздѣ понимаютъ это дѣло: она, госпожа Каншина, да баронеса Мейенъ; остальные шиповскія дамы—чистыя прачки, почти... почти даже не исключая генеральшу Обухову. Строго говоря, эта добрѣйшая Татьяна Сергѣевна скорѣе похожа на московскую болтливую попадью, чѣмъ на генеральшу и аристократку,—именно московскую, потому что въ ней нѣтъ ничего петербургскаго, ничего истинно свѣтскаго, никакой сдержанности, никакого тона. Толстая, добрая бабуха и больше ничего. Она, госпожа Каншина, даже удивляется, какъ можно было сохранить такіа манеры, проживъ столько лѣтъ въ Петербургѣ и все-таки видая „модей“. Вотъ что значитъ *раса*,—шила въ мѣшеѣ не утаишь. Другіе этого могутъ не знать, если желаютъ, но она, госпожа Каншина, прекрасно помнить, какого сорта былъ домъ, откуда покойный генералъ взялъ себѣ супругу; что Обуховы—старинная дворянская фамилія, объ этомъ она не станетъ спорить, но что какой-нибудь Сергѣй Онуфричъ Роговъ, сынъ шиповскаго исправника, былъ особенно блестящей дворянской фамиліи,—этого она, госпожа Каншина, нивагъ ужъ не думаетъ. Развѣ, быть можетъ, его особенно облагородила женитьба на дочери Пожидаева, выслужившагося майора, изъ сдаточныхъ,—за это она, конечно, не ручается. Она знаетъ только одно, что Каншины—дворяне de l'ancienne gache, и что даже пресловутая баронеса Мейенъ, несмотря на свое

курляндское чванство, врядъ-ли не вынуждена будетъ сознаться, что родъ Каншинныхъ будетъ немного поважнѣе какихъ-нибудь фон-Мейеновъ.

— Oh! consentez, que le sang fait tout! заканчивала она свои геральдическія размышленія, обращаясь къ Протасьеву, захавшему по-сосѣдству проводить ее до Обуховыхъ.

Однако, несмотря на то, что всѣ помыслы госпожи Каншиной за туалетомъ и въ каретѣ, во время перѣзда, были исключительно направлены на баронесу Мейенъ, она сочла долгомъ сдѣлать сначала видъ, что не замѣтила или не узнала ее. Когда же въ отвѣтъ на ея притворно-небрежное прищуриванье глазъ баронеса, на глазахъ всей шишовской публики, подошла къ ней съ дружелюбнымъ привѣтомъ—госпожа Каншина не видѣла предѣловъ своимъ любезностямъ.

Она, къ своему несчастью, ужасно близорука и черезъ это часто попадаетъ въ весьма непріятное положеніе; баронеса, вѣроятно, знаетъ, что прежде она была нисколько не близорука, но въ послѣдніе годы, особенно послѣ рожденія Агаты,—баронеса, кажется, знакома съ ея дочерью Агатою, ея маленькой, домашней артисткой,—такъ послѣ рожденія Агаты глаза ея очень ослабли. А пророс, у нея въ семействѣ всего по-немножку. Ева—немножко поэтеса, Зоя—художникъ: она премило рисуетъ акварелью цвѣты и растенія, а Агата—музыкантша. Госпожа Каншина будетъ считать себя счастливѣйшею матерью въ мірѣ, если дорогая баронеса, серьезное и многостороннее образованіе которой всѣмъ извѣстно, захочетъ обратить вниманіе на ея дочекъ,—баронеса извинитъ ея материнскую слабость: *авторы въ самолюбивы*; но безпристрастный приговоръ баронесы для нея выше всевозможныхъ похвалъ; она хочетъ и проситъ не комплиментовъ, а откровенной правды; очень можетъ быть, что она глубоко ошиблась въ воспитаніи своихъ дочерей, но совѣсть ея вполне спокойна; она вправѣ сказать, смотря прямо въ глаза всѣмъ и каждому, что сдѣлала для воспитанія своихъ дочерей все, что предписывалъ ей священный долгъ матери, на-сколько, конечно, ей позволили ея слабыя силы; конечно, при такомъ высокомъ образованіи, какъ у баронесы, и при такомъ близкомъ знакомствѣ съ чудесами заграничной жизни, она, вѣроятно, не сдѣлала-бы столько ошибокъ, но... овому талантъ, овому другой. Госпо-

жа Каншина считала-бы себя вполне награжденною за самоотверженіе цѣлой жизни, если-бы Ева, Зоя и Агата удостоились любви и одобренія баронеса, и если баронеса не располагала отпра-виться куда-нибудь въ будущій четвергъ, госпожа Каншина была-бы въ восторгѣ представить ей Еву, Зою и Агату, такъ-ска-зать въ ихъ родномъ гнѣздѣ, въ обстановѣ, гдѣ эти скромные сельскіе цвѣтки созрѣли и воспитались.

Суровцовъ давно пріѣхалъ къ Обуховымъ, но, по своей обя-занности постановщика картинъ, долженъ былъ все утро возиться въ манежѣ, почему онъ даже не надѣвалъ фрака до самого обѣ-да. Когда онъ явился въ домъ, толпа была въ полномъ сборѣ. Карточные столы были разставлены не только въ комнатахъ, но и на балконѣ, для дамъ. Мужчины, неигравшіе въ карты, сло-нялись между столами или толпились въ кабинетѣ, накуренномъ до того, что нельзя было различать фізіономій. Дѣвѣицы стали отдѣльно и прохаживались по комнатамъ и аллеямъ сада цѣлыми шеренгами, схватившись за руки. Немногіе кавалеры по-сидѣли и помоложе атаковали ихъ своими любезностями, а большинство отлынивало къ сигаркамъ, въ безцеремонный каби-нетъ, не рискуя на свѣтскую болтовню. Столъ былъ поданъ въ одной изъ широкихъ крытыхъ алей сада: блестящій, бесконечно-длинный и изысканный. Французъ Филиппъ убралъ какъ-то не-обыкновенно картинно вазы съ виноградомъ, апельсинами, гру-шами и конфетами, и сочинилъ для середины стола такую не-вѣроятную ріесе montée, что даже самъ улыбался и подмиги-валъ, проходя мимо нея.

Около стола съ двухъ сторонъ были устроены двѣ палатки: въ одной былъ буфетъ, въ другой музыканты. Обѣдать сѣли поздно, когда уже совсѣмъ ослабѣлъ жаръ іюльскаго дня. Мимо рѣшетки сада веда дорога въ поле, и нескончаемыя вереницы возовъ, высоко-нагруженныхъ снопами, тяжело тянулись по ней на утомленныхъ мужицкихъ лошаденкахъ. Мужики, въ пыли и въ поту, загорѣлые, въ одѣхъ бѣлыхъ рубахахъ, лежали жи-вотами на высотѣ возовъ, отдыхая во время переѣзда отъ пят-надцати-часовой работы. Съ безмолвнымъ удивленіемъ смотрѣли они съ этой высоты на безопасное, роскошное пиршество, гре-мѣвшее среди зелени сада, на яркіе наряды гостей, сверканіе серебра и хрустала, и сурово погоняли своихъ выносливыхъ ло-

шадокъ, преслѣдуемые шумомъ веселаго говора, звономъ божаловъ, хлопаньемъ пробоекъ и торжественными звуками музыки, игравшей туши.

— Ишь, малый, баре-то какъ пируютъ, не по-твоему! насмѣшливо замѣтилъ Иванъ Дубиночкинъ сосѣду, ѣхавшему позади.—Ты косушку одну возьмешь на три гривны, и то праздникомъ считаешь.

— Ты съ барями ровня, что-ли? Чего верстаешься? огрызнулся обидѣвшійся сосѣдъ.—Я косушку возьму, да на свои, а ты, можетъ, ведро, да на чужія. Благодарить Бога—миѣ еще ни разу кабатчикъ шен не костылялъ! А по тебѣ, должно, попало.

— Ты видалъ? Какъ-же!.. сердито перебилъ Иванъ, передергивая возжами и погоняя лошадь.

И долго-долго, до самой ночи, скрипѣли по дорогѣ такіе-же возы, на рыжихъ и гнѣдыхъ лошаденкахъ, и изумленно глядѣли съ нихъ на барское веселье загорѣлыя, бородатыя лица въ бѣлыхъ пропотѣвшихъ рубахахъ.

Погода необыкновенно благопріятствовала празднику. День былъ ясный, но вѣстѣ съ тѣмъ довольно прохладный. Послѣ обѣда всѣ тѣснились въ густыхъ аллеяхъ сада, приведенныхъ въ отличный порядокъ. Хотя этотъ порядокъ на цѣлую недѣлю задержалъ уборку, за то гости были въ искреннемъ удовольствіи; сколько зерна оснпалось съ каждой копны генеральшиной пшеницы и генеральшиной гречихи—это не тревожило рѣшительно никого, а всѣхъ менѣе саму Татьяну Сергѣевну, которая въ душѣ думала, что это только говорится такъ, для порядку, а что все-таки будетъ и пшеница, и гречиха. Лида вскружила головы и старымъ, и молодымъ. Она была невыносимо-хороша весь день, а послѣ обильно выпитаго шампанскаго впечатлительнымъ людямъ трудно стало смотрѣть на нее. Она поркала по саду, среди цвѣточныхъ клумбъ, подъ вѣтками тяжелой, сочной зелени, какъ царица сказочнаго царства. Она была вся голубая, съ головы до ногъ: голубые глазки, голубое платье; даже ботинки голубые, съ голубымъ шнуркомъ, даже всякая пуговка въ рукавчикѣ, сережка въ розовомъ ушкѣ, всякій цвѣточекъ, приволотый въ пепельные волосы, были голубые. Лида знала, Лида чувствовала, что на нее нельзя было смотрѣть. Все содержаніе этого дня была она, Лида. О ней только думали и говорили,

ее искали, въ нее вшивались взгляды. Другихъ не замѣчали при ней, другія были не нужны. Никогда Лида не ощущала такого полнаго блаженства. Все было у ея ногъ — она это видѣла ясно. Она счастливила мужчинъ однимъ взглядомъ, однимъ словомъ. Другія дѣвицы были только ея скромной свитой. Царица должна являться въ обстановѣ вполнѣ царственной... Неудивительно, если Лида, упоенная своимъ торжествомъ, совсѣмъ позабыла о своихъ подругахъ и видѣла передъ собою только однихъ мужчинъ, поклонниковъ и вздыхателей. Бѣдная Надя Коптева, въ своемъ простенькомъ платьицѣ, была совсѣмъ незамѣтна. А сестры ея, неотличившіяся красотой, и того меньше. Имъ было довольно скучно, потому что всѣ, кто не игралъ въ карты и не курилъ въ кабинетѣ, увивались однимъ сплошнымъ роемъ около Лиды. Надя съ удивленіемъ вспоминала обворожительную ласковость къ нимъ Лиды, когда еще никто не съѣзжался, и не могла понять ея внезапной перемены... Развѣ она забыла, что мы здѣсь? спрашивала сама себя Надя.

Суровцовъ хорошо разсмотрѣлъ Лиду уже послѣ обѣда, во всемъ блескѣ ея красоты, нѣсколько разгорѣвшейся отъ вина и солнечнаго жара. Его художественное чувство заговорило въ немъ съ неудержимою силою.

— Это Психея, покинувшая мраморъ, говорилъ онъ въ восторгѣ Протасьеву. — Это... это... сказать нельзя, какая прелесть... На нее смотрѣть страшно... Она дѣйствуетъ, какъ ядъ!

— А что, батенька, и вы разсмаковали? съ цинической усмѣшкой отвѣтилъ Протасьевъ. — Я давно говорилъ вамъ, что это лакомый кусочекъ... Бюстъ-то, посмотрите, стань... Есть что обнять и есть чему обнять. А глазенки! бѣсенята! За одинъ часъ можно полжизни отдать.

Суровцовъ немного нахмурился и замолчалъ.

— Пойдите курить! предложилъ Протасьевъ. — Мы опустили въ кабинетѣ жалюзи и тамъ теперъ прохладно.

Они пошли въ кабинетъ, гдѣ уже на диванахъ и креслахъ набилось порядочно народу.

— Рекомендую, господа, этотъ ликеръ!.. объявилъ Протасьевъ. — Вѣдь я распорядитель обѣда по части винъ. Veritable champagne... прямо изъ аббатства... Вы нигдѣ такого не найдете,

ни въ Петербургѣ, нигдѣ. Я обрыскалъ весь Парижъ и наслушался на слѣдъ... Это изъ моего погребъ...

Протасьевъ съ небрежною развязностью повалился въ качалку и не торопясь сталъ себѣ полоскать ротъ рюмкой шартрэза, изрѣдка покуривая гаганскую сигару.

— Да, господа, вотъ гдѣ раки зимуютъ... А мы и не знаемъ... У монаховъ! говорилъ онъ, легонько раскачиваясь. Вотъ кто постигъ истинный смыслъ жизни... Недаромъ они предаются такому глубокому умозрѣнію... Лучшая рюмка, лучшая сигара,—принадлежать монахамъ, господа! Это научная истина... Пью за ихъ здоровье!

Протасьевъ медленно глотнулъ изъ рюмки густую, какъ масло, душистую влагу.

— *Ma foi! c'est imrayable!*.. ломался Овчинниковъ, стараясь говорить въ тонъ Протасьеву и подражая его жестамъ.—Монахъ выдумалъ „воду жизни“, „*l'eau de vie*“; монахъ приготовляетъ шартрэзъ... вивать монаху!

— А какова, господа, наша Лидочка? перебилъ вдругъ Каншинъ, облизывая свои сладострастные губы и подмигивая Протасьеву маслянистыми глазами.—Деликатесь, конфеточка!

Онъ поднесъ къ своему истрепанному рту кончики своихъ гадкихъ пальцевъ и апетитно поцѣловалъ ихъ.

— Она невозможна, она убійственно хороша! вскрикнулъ Овчинниковъ, вскакивая съ дивана и неистово размахивая руками.—По моему, нельзя позволять такимъ женщинамъ показываться въ публикѣ... Онѣ доведутъ людей до возстанья, до скандала, до *que sais-je enfin*... Мы здѣсь одни, господа, безъ стѣсненія... Ну, скажите на милость, развѣ можно поглядѣть на Лидины губки и не поцѣловать? Не знаю, какъ вы, господа, а я человѣкъ слабый... Я растаиваю... я волнуюсь... Словожъ, съума сойти готовъ...

— Что поцѣлуй—звукъ пустой! замѣтилъ Протасьевъ.—Поцѣлуй—это стукъ въ кадку ея сердца, сказалъ восточный мудрецъ. Отопри!.. Вотъ въ чемъ, по моему, вся суть... Ну когда отопреть, другое дѣло.

— У васъ губа не дура! сладострастно подмигивался Каншинъ.—Не все-жъ Магометовъ рай... А знаете что, господа: если мой племяншъ женится на Лидѣ, онъ долженъ обязать Лиду всѣмъ

своимъ друзьямъ, а роднымъ и подавно, по поцѣлюю въ день... Слышишь, Nicolas... Ты самъ сказалъ: посмотрѣть на Лиду и не поцѣловать — невозможно! ну и держи слово. Господа, будьте-жь свидѣтелями!

— Bravo, bravo, mon vieux... Какое расхотѣлся старикъ! хохоталъ Овчинниковъ.

— Да вотъ, ругайся старикомъ... А посмотримъ на дѣлѣ, кто кого перешеголяетъ! хвастался Каншинъ.— Если-бы ты поработалъ на своемъ вѣку столько, сколько поработалъ твой дядюшка, лучшее украшеніе твоей жизни давно-бы почилъ мирнымъ сномъ.

— О! онъ завзятый! я его хорошо знаю!.. подтвердилъ Протасевъ, не выпуская сигары изъ рта. — Повѣришь-ли, въ прошломъ году мы были съ нимъ вдвоемъ въ Коренной... Вѣдь онъ любить отъ жены удрать. До новенькаго охотникъ... ну вотъ мы и гарсонничали съ нимъ на всѣ лады... Такъ можешь себѣ представить...—Протасевъ наклонился на ухо къ Овчинникову и что-то говорилъ ему тихо.

— Mais c'est impossible!.. Ну, это чортъ знаетъ что! хохоталъ Овчинниковъ, сочувственно поглядывая на дядю.—Послѣ этого не смѣю съ нимъ спорить, — уступаю Анакреону пальму первенства.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, господа! поддакивалъ имъ Демиидъ Петровнчъ,—а я своимъ жребіемъ доволенъ.

— А знаете что, господа? вдругъ вспомнилъ Протасевъ.— Тутъ и еще есть хорошенькая штучка. Вы ее проглядѣли...

— Кто такая? спросилъ Овчинниковъ.

— Одна изъ Коптевыхъ, ихъ цѣлый полкъ тутъ, кажется. Не знаю, какъ зовутъ... Дѣвчонка съ будущностью. Немного, что называется, gaide... деревянная какая-то... А матерьялъ есть; безъ всякой фальши, на чистоту.

— Что вы называете тутъ матерьяломъ? спросилъ Суровцовъ, до сихъ поръ молча курившій; его неприятно кольнуло въ сердце, когда Протасевъ упомянулъ о Надѣ.

— Матерьяломъ?.. Отъ слова матерія, *плоть* по-вашему, по-славянофильски, спокойно отвѣтилъ Протасевъ, оставивъ на Суровцова свои холодные глаза.—Вѣдь вы, вѣрно, славянофилъ?

— Это почему? Вы развѣ видѣли меня въ журмолкѣ?

— Нѣтъ, не видалъ. Но теперь вообще молодые люди больше

славянофилов, особенно изъ ученыхъ... „Все на почвѣ народности себя объявляютъ...“

Протасевъ опять отвернулся отъ Суровцова и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, обращаясь къ Овчинникову:

— Я съ тобою не схожусь въ этомъ случаѣ. Ты вотъ видишь Лидочку и больше никого. Безспорно, она роскошный ку-сочекъ. Но, по-моему, нѣтъ ничего болѣе пикантнаго, какъ полудѣвушка, полуребенокъ... тотъ возрастъ, который Альфонсъ Карръ такъ мѣтко называетъ *les femmes déjà jolies*... вотъ въ этомъ-то *déjà* и весь смакъ... Нѣкоторая недоспѣлость... *Déjà jolies, jolies* и *encore jolies*... Изъ этихъ трехъ мудрыхъ категорій я всегда предпочту первую. Если хороши *asperges - grimeuses*, то дѣвушки-*grimeuses* — чего-же лакомѣе? Забѣть, что Гѣте съ особенною любовью рисуетъ свою Миньону...

— Послушайте, Протасевъ! Можно-ли съ такою увѣренностью проповѣдывать такую вредоносную гиль, извините меня пожалуйста! остановилъ его Суровцовъ, серьезно возмущенный.— Вы примѣшиваете въ ваши развратные аппетиты и исторію, и философію, и литературу для того, чтобы все опошлить. Не достаточно-ли быть просто развратникомъ, безъ всякой философіи? Врядъ-ли убудетъ васъ отъ этого!

Каншинъ, Овчинниковъ и почти всѣ собесѣдники чуть не привскочили съ своихъ мѣстъ при рѣзкой выходкѣ Суровцова. Но Протасевъ отвѣчалъ ему, не шевельнувъ бровью и нисколько не измѣняя своего хладнокровнаго тона:

— Да вотъ видите-ли, мой добрѣйшій, я тоже немножко профессоръ. Въ этомъ смыслѣ я отчасти *existence manquée*. Право, чувствую въ себѣ способность профессуры и проповѣди... Вы не думайте, что я болтаю такъ, зря. Ошибаетесь. Я много думалъ и учился на своемъ вѣку, хотя и не имѣю степени магистра, но, повѣрьте, я истинный докторъ исторической философіи, и у меня тоже можно поучиться кое-чему... Мнѣ отлично извѣстна исторія міра, во всѣхъ деталяхъ... я на память знаю всѣ французскіе мемуары, чуть не съ XIII столѣтія... Только у меня своя система изученія исторій: я интересовался исторіею проституціи, и, изучивъ ее, узналъ всю исторію міра. Вы не вѣрите? А, ей-богу, это такъ. Всѣ эти ваши *histoire de la civilisation, histoire des peuples, Kultur und Sitten - ge-*

schichte — все это въ сущности одна огромная *histoire de la prostitution*. Это вѣтъ, на которомъ стоитъ всегда, всегда стоялъ и будетъ стоять земной шаръ. Пойми это, *mon cher*. Только это правда; все остальное — вранье; сладенькое-ли, тепленькое-ли, но все-таки вранье. Одна есть твердая точка опоры у людей — это потребность разврата, какъ вы говорите; потребность наслажденія, говорю я. Другимъ я не стану этого говорить, ни ему, ни ему. (Протасьевъ безцеремонно указалъ на Каншина и Овчинникова.) Они этого не поймутъ, потому что не охотники до философіи. Но вамъ, человѣку ученому и не-глупому, я могу это объяснить. Вотъ вамъ мое *profession de foi*, разъ и навсегда. Олимпъ основанъ на развратѣ, Римъ, Парижъ, Вавилонъ — все это развратъ. Все высшее стремится къ разврату. Почему-жъ не стремиться и намъ съ вами? Или вы, быть можетъ, предпочитаете подвергаться эксплуатаціи, чѣмъ эксплуатировать самому? Въ такомъ случаѣ извините: у насъ разные вкусы. Я за власть, не за рабство. Конечно, я не буду проповѣдывать этихъ вещей *au bas-peuple*, народу; тому и я, разумѣется, посоветую быть цѣломудреннѣмъ и не пить водки. Это обязанность благоразумія. Но самъ я буду пить мараскинъ и наслаждаться женщинами, какими только могу. Человѣкъ — существо развратное, это для меня аксіома. Я не хочу быть лучше другихъ: *homo sum*. Жаль только, что не хватаетъ силъ, что тѣло отказывается поспѣвать за желаніемъ. Скажу вамъ правду...

Протасьевъ нагнулся къ уху Суровцова и сообщилъ ему что-то.

— Ну васъ совѣмъ, съ исповѣдью! презрительно сказалъ Суровцовъ. — Мнѣ еще не случалось въ жизни встрѣчать такую самоувѣренную и самовосхваляющую испорченность. Знаете, если бы имѣли обычай вѣшать людей съ такими убѣжденіями, прибавилъ Суровцовъ, улыбаясь, — вы не должны-бы были особенно обижаться. Вѣдь общество должно-же имѣть право охранять себя отъ заразы.

Протасьевъ добродушно расхохотался.

— Вотъ забавно! Вѣшать... Нѣтъ, батюшка, вѣшать будемъ все-таки мы, а не насъ. Мы — сила, принципъ вѣка.

Брутогорскій адвокатъ Прохоровъ до такой степени упитался

изысканными блюдами Филиппа и винными поливаніями этихъ блюдъ, что почти дремалъ въ мягкихъ креслахъ кабинета, ободрая себя крошечными глотками любимаго своего ликера, *сгѣше de thé*, котораго граненый кубшинчикъ онъ съ этою цѣлью нарочно поставилъ около себя. Прохорову не разъ хотѣлось смѣяться и вступить въ интересный холостой разговоръ, поднятый Протасевымъ, но онъ не имѣлъ силъ даже соорудить улыбки, не только двинуть языкомъ. Только уже тогда, когда кабинетъ очистился отъ гостей, выпавшихъ въ садъ, и Протасевъ, уходя послѣднимъ, подошелъ къ нему закурить сигару, адвокатъ на-столько отлежался, что могъ процѣдить сквозь зубы:

— Знаете, Протасевъ, я во многомъ согласенъ съ вами... Вы вѣрно понимаете жизнь... Но... какъ вы рѣшаетесь говорить эти вещи громко? Въ нихъ можно вѣрить, но исповѣдывать ихъ не слѣдуетъ.

— Почему-жь это, мой добрыйшій?

— Да такъ, знаете... Общественная совѣсть возмущается... Не ловко...

— Гмъ... Въ васъ, адвокатахъ, всегда есть немножко крючка. Вы боитесь товаръ лицомъ показать. А я вольный философъ, вольтеріанецъ... Мой отецъ тоже былъ вольтеріанецъ, хотя и построилъ мужикамъ церковь во имя мученика Харлампія... Я не вижу причины говорить полусловами, а отпечатываю обыкновенно буква въ букву все, что считаю нужнымъ сказать.

— Ну, знаете, еще при мужчинахъ, куда ни шло. Но вѣдъ женщины... съ ними нельзя такъ... Онѣ любятъ культъ, романтику.

— Я всегда былъ дерзокъ съ женщинами, мой милыйшій, и совѣтую вамъ поступать по-моему, если хотите имѣть успѣхъ. Женщина требуетъ насилія, авторитета. Если она не поддается вамъ, значитъ, вы тряпка, она васъ не уважаетъ; наступайте на нее сильнѣе и она будетъ ваша...

— Когда-бъ вашими устами да медъ пить.

— И будете пить, любезныйшій, я увѣраю. Вы, вѣрно, читали Шекспира. Это лучший знатокъ женщинъ. Помните у него Ричарда III, горбатаго урода? онъ остановилъ женщину у гроба ея мужа, имъ убитаго, выслушалъ всѣ ея проклятія и — сдѣ-

лался ея любовникѣмъ!.. Таковъ настоящій мужчина и настоящая женщина. Вотъ вамъ и разгадка. Я всегда вспоминаю этотъ почтенный приѣздъ.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за человѣкъ, пробормоталъ Прохоровъ полуудивленно, полунасмѣшливо.—Алмагантова свала цинизма!

— Не дурно сказано! замѣтилъ Протасевъ, спокойно уходя изъ кабинета, съ сигарой во рту.—Алмагантова свала!.. Откуда вы это выдернули?..

М-ше Мейенъ пѣла въ диванной немного тронутымъ, но еще сильнымъ и звучнымъ контральто. Она была хорошей школы и могла доставить удовольствіе своимъ пѣніемъ даже человѣку, которому не въ диковину хорошее пѣніе. Суровцовъ слушалъ ее съ балкона, въ отворенное окно. Ему была видна вся публика, столпившаяся въ диванной. Надя Коптева стояла въ углу, у конца рояля, и, сложивъ вмѣстѣ маленькія ручки свои, какъ складываютъ дѣти на молитву, слегка разинувъ свой наивный, пухленькій ротикъ сердечкомъ, съ самымъ чистосердечнымъ наслажденіемъ глядѣла, не сводя глазъ, въ лицо поющей баронесы. Она, видимо, позабыла о публикѣ и была вся въ пѣніи. И многіе другіе слушали баронесу съ большимъ вниманіемъ. Мужчины подходили на цыпочкахъ изъ гостиной и безшумно останавливались на порогѣ. Только Лидочка никакъ не могла совладать съ своимъ нетерпѣніемъ: опустившись на мягкую кушетку такъ, что вся кушетка покрылась голубыми волнами ея оборокъ и шлейфовъ, Лида чувствовала, что хотя всѣ уши слушаютъ баронесу, но за то всѣ глаза смотрятъ на нее, Лиду. Она дѣлала видъ, что слушаетъ пѣніе, но, по правдѣ сказать, едва замѣчала, что поетъ баронеса. Ей казалось, что поза, которую она приметъ въ эту минуту, гораздо важнѣе всякаго пѣнія, и она поминутно вертѣлась на своей кушеткѣ съ капризными, но граціозными движеніями... Ей было мало безмолвнаго созерцанія ея граціи, безмолвнаго богопоклоненія толпы, стоявшей кругомъ. Баронеса съ своимъ контральто все-таки была царицей этой минуты и замѣтно увлекала слушателей. Лиду это нѣсколько раздражало. Ей не нравилось дѣлать съ кѣмъ-бы то ни было свое обаяніе, и она

въ первый разъ, пристально глядя на величавую, зрѣлую красоту баронесы, почувствовала жгучую зависть. „Отчего мама не внучила меня пѣть?“ досадливо думала Лида, кусая свои губки.

Баронеса пѣла нѣмецкія пѣсни Шуберта, сначала Wandeger, потомъ Lebwohl и, наконецъ, Eglkönig. Она придавала этой послѣдней пѣснѣ такую глубокую драматичность и такъ сьумѣла поддержать акомпаниментомъ Плэйелевскаго рояля могучіе звуки лѣсной бури, что даже люди, никогда не слыхавшіе ни о Гете, ни о Шубертѣ, ни о лѣсномъ царѣ, были приведены въ нервный трепетъ. Надя постепенно и незамѣтно для себя отдавалась впечатлѣнію пѣсни. Всѣ переходы ея тоновъ отражались на лицѣ Нади. Ея глаза то испуганно расширялись, то выражали материнскую нѣжность, убаюкивающую малютку; ротикъ ея раскрывался все больше и наивнѣе, лицо блѣднѣло и пылало. Надя очень рѣдко слышала пѣніе и никогда не слышала такого искуснаго и выразительнаго. Немудрено, что она увлекалась имъ съ непосредственностью дикарки. На Суровцова этотъ безмолвно-восторженный видъ Нади производилъ такое-же умиляющее впечатлѣніе, какое ощущалъ онъ нѣсколько времени тому назадъ въ Троицынъ день, въ Троицѣ на Придѣпахъ. Онъ хорошо примѣтилъ и притворно-разсѣянный, задѣтый заживо взглядъ Лиды. Лида очень нравилась Суровцову въ первое время знакомства съ нею. Онъ былъ готовъ увлечься ею совсѣмъ съ головою. Чувство художественности и молодости съ такою кипучею силою говорило въ немъ въ присутствіи Лиды, что никакое увлеченіе не было бы удивительно. Въ Троицынъ день въ первый разъ столкнулся Суровцовъ съ Лидою въ нѣкоторомъ соперничествѣ съ другою женщиною. Его больно кольнула тогда холодная поверхность въ отношеніяхъ Лиды и, какъ нарочно, въ противовѣсъ ей, въ первый разъ, осязательно для него, выступилъ наивно-теплый, полуребяческій образъ Нади. Сближеніе съ Надею по поводу Василья Мелентьева еще болѣе отдалило отъ Лиды помыслы Суровцова и заронило въ его душу первыя искры мечтаній, совсѣмъ не того характера. Теперь, когда Суровцовъ, сидя на балконѣ, никому незамѣтный, вливался всѣмъ своимъ внутреннимъ существомъ въ эти два прекрасные образа, почти одинаково интересовавшіе его, и сиделся безошибочно опредѣлить для

самого себя, куда влечетъ его и куда слѣдуетъ ему идти, — борьба оказалась сильнѣе и сомнительнѣе, чѣмъ онъ думалъ. Красота и грація Лиды никогда не были такъ ослѣпительны, какъ въ этотъ день ея торжества. Она, очевидно, капризничала и немножко дулась. Но развѣ въ самыхъ капризахъ безцѣннаго для насъ существа не заключается наша глубокая радость?.. Любовь ищетъ самопожертвованія и геройства и ей такъ сладко ухватиться за какой-нибудь поводъ къ нему. Развѣ абсолютную добродѣтель, безъ рѣзкихъ вкусовъ, съ безграничнымъ снисхожденіемъ, съ безропотнымъ терпѣніемъ, человекъ можетъ такъ обожать, какъ немножко грѣховодническую, но пылкую и увлекающуюся натуру, во всемъ ея причудливомъ разнообразіи? Лидѣ такъ шли эти надутыя губки, пухленькія и свѣжія, какъ только что налившійся, душистый южный плодъ; ея разсерженные глазки сверкали такими обольстительными огоньками... А какъ сидѣла она? Суровцову чудилась въ рукахъ кисть и палитра, и его такъ и позывало набросать на полотно эту восхитительно-небрежную позу, граціозную, какъ у играющей молоденькой пантеры... Конечно, съ нею не проживешь вполне мирно, съ нею одинъ день не будетъ похожъ на другой, съ нею многимъ рискуешь, думалось Суровцову, и ей много нужно, но за то и цѣна борьбы стоитъ ея усилій... Назвать своею, держать въ своихъ объятіяхъ эту сверкающую красавицу — чего не отдастъ человекъ за такое счастье?.. Вѣдь кто можетъ гдѣваться, тотъ способенъ и любить. Ну а потомъ? думалось Суровцову, когда постепенно художникъ задвигался въ немъ человѣкомъ дѣла и мысли. Она можетъ быть матерью? она можетъ быть хозяйкою въ небогатомъ домѣ? Она можетъ быть женою въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не одною игрушкой наслажденія, а вѣрнымъ другомъ на животъ и на смерть, на счастье и несчастье? О, нѣтъ! она Ундина, она русалка! говорилъ онъ испуганно самъ себѣ; — соблазнять можетъ, но не дастъ жизни... Взглядъ его самъ собою, словно ища спасенья, переносился на Надю. Вотъ она — мать и жена, звучало въ его сердцѣ; природа создала этого ребенка съ теплыми инстинктами любви и самоотреченья; они свѣтятся въ его глазахъ. Въ глубинѣ этихъ добрыхъ глазъ пристань семейнаго счастья... Они не измѣнятся, эти глаза; не будутъ жадно оглядываться на другое и новое. Они будутъ смо-

трѣть прямо и твердо, всегда на тебя. Довѣрься мнѣ, смѣло окунайся въ это тихое, свѣтлое озеро...

Сдержанныя рукоплесканія и нѣсколько тихихъ bravo, bravo! перебили Суровцова. Протасьевъ, Каншинъ, Овчинниковъ, Дмитрій Ивановичъ Коптевъ, стоя группою въ дверяхъ залы, аплодировали баронесѣ. Однако, она отказалась пѣть больше и, взявъ подъ руку Надю, направилась въ садъ. У Лиды свалилась гора съ плечъ и къ ней разомъ возвратилось ея игривое расположеніе духа.

— Господа! на лодеѣ кататься!.. кто хочетъ? Тамъ веселѣе будетъ! полушопотомъ и съ веселымъ подмигиваньемъ обратилась она къ Протасьеву и Овчинникову.

Но на бѣду Лиды, м-ше Каншина уже была у рояля.

— Зоя, спой что-нибудь, говорила она своимъ величаво-протяжнымъ голосомъ, почти насильно усаживая свою художавую дочь за рояль.— М-ше Обуховъ желаетъ, чтобы ты что-нибудь спѣла, chère amie!.. Ты такъ мило поешь итальянскія арии... Познакомь насъ съ чѣмъ-нибудь новенькимъ, что тебѣ недавно изъ Петербурга прислали... Ей, м-ше Обуховъ, постоянно присылаютъ изъ Петербурга все, что появится замѣчательнаго. Не можете себѣ представить, какая у нея бездна нотъ. Рѣшительно все, что выходитъ.

Татьяна Сергѣевна, въ обществѣ нѣсколькихъ дамъ и кавалеровъ, успѣшила приступить къ упрашиванью Зои.

— Ахъ, пожалуйста, доставьте намъ это удовольствіе, chère m-lle Каншинъ! мы такъ много слышали о вашемъ талантѣ... любезничала генеральша.— Вы, кажется, больше старинную музыку любите?

— Да... и старинную, съ конфузливой нерѣшимостью отвѣчала Зоя.

— О! она удивительный знатокъ старинной музыки, м-ше Обуховъ! съ увлеченіемъ вступилась госпожа Каншина.— Она у меня всякую музыку изучила. Это мое правило. У нея всегда были прекрасные учителя музыки... Намъ это дорого стоило, м-ше Обуховъ, но вы сами знаете... для дѣтей нѣтъ ничего дорогаго. Мы всѣмъ жертвовали.

— Тутъ есть старинныя вещи, только нѣмецкія... говорила Татьяна Сергѣевна, роясь въ нотахъ.— Вотъ, на примѣръ, Ифигенія Глука. Вы не знаете этой оперы?

— Нѣтъ, не знаю, м-ше Обуховъ, испуганно отказалась Зоя, довольно слабо бречавшая на фортепіано и оцѣнивавшая свой талантъ гораздо правдивѣе своей матушки.

— Пустое ты говоришь, cher ange, какъ-же ты не знаешь? обиженно настаивала госпожа Каншина.— У тебя-же всѣ оперы есть; я навѣрное знаю, что ты и эту знаешь... Ты ее еще при мнѣ играла, помнишь, когда у тебя былъ учителемъ monsieur Розенблумъ... О, какой это былъ профессоръ, chère générale! Онъ долго жилъ въ Италіи, хотя и нѣмецъ. Ты, вѣрно, забыла, Зоя! я увѣрена, что ты забыла... Но ты знаешь эту оперу. Какъ вы назвали ее, м-ше Обуховъ? Ну-да — Ифигенія. Навѣрно знаю, что ты играла. Ифигенія—вѣдь это Беллини?

— Нѣтъ, это Глука, м-ше Каншинъ, это изъ очень старыхъ вещей.

— Ну, да, Глука. Именно Глука, съ достоинствомъ подтвердила госпожа Каншина.— Какъ ты не вспомнишь, Зоя, что ты играла Глука?..

Однако, Зоя рѣшилась отбарабанить арію изъ „Севильскаго цирюльника“, причемъ довольно удачно портила своимъ маленькимъ, пискливымъ голосомъ все хорошее, что оставила отъ созданья артиста ея безцвѣтная игра... Мужчины, стоявшіе въ дверяхъ около Лиды, улыбались довольно безцеремонно, а Лида едва не прыскала со смѣху и искусила всѣ свои губки.

— Это, дѣйствительно, арія цирюльника! шепталъ ей на ухо Протасьевъ.

Однако, Зоя удостоилась аплодисментовъ, гораздо болѣе рѣшительныхъ, чѣмъ тѣ, которыми публика наградила баронесу, и если ни сама м-lle Zoë, ни ея славолубивая матушка не замѣтили ничего обиднаго въ этихъ немножко нахальныхъ рукоплесканіяхъ, то въ этомъ была ничуть не виновата веселая компанія Лидочки, дѣйствовавшая съ своей стороны съ достаточною откровенностью.

XVI.

Въ саду.

— Вы любите пѣніе, chère enfant; я любовалась вами, когда вы слушали Erlkönig! съ материнской лаской сказала баронеса, когда онѣ очутились однѣ въ саду.

— О, да, я ужасно люблю пѣнье! съ искреннимъ вздохомъ отвѣчала Надя.—Только я мало его понимаю. Нравится, а не знаю что... Я-бы очень желала хорошо знать музыку, но я никогда не училась.

— Вы-бы, душечка, могли еще и теперь заняться, только, конечно, нужно много усилій.

— Я думаю и таланта, прибавила, улыбнувшись, Надя.— А врядъ-ли у меня талантъ... Ужь, видно, нужно оставаться при томъ, что есть. Не всѣмъ быть артистами. Кому-нибудь нужно и слушать. Я и этимъ была-бы довольна.

— Вы должны бывать у меня какъ можно чаще, *chère petite*, рѣшительно сказала баронеса.—Мы должны быть близкими друзьями. Если вы любите музыку, я вамъ часто буду играть. Забирайте свою работу и пріѣзжайте по-просту на цѣлый день; визитовъ я не выношу. А такъ-какъ долгъ платежемъ красенъ, вы дадите мнѣ много совѣтовъ въ саду и въ цвѣтникахъ... Мой садовникъ безбожно запустилъ садъ. Вы, я слышала, вообще большая хозяйка...

— Я только и знаю, что хозяйничать, баронеса. Куда-бы я годилась, если-бы и этого не знала?

— О, вы не думайте такъ мало о себѣ, *chère petite*. Вы еще почти ребенокъ и все впереди васъ. Вы мнѣ очень нравитесь и желала-бы, чтобы я, съ своей стороны, также вамъ понравилась. Итакъ, будьте друзьями?

Баронеса дружески взяла въ обѣ свои руки маленькія ручки Нади и крѣпко потрясла ихъ.

— Я буду всякій день ждать васъ... хорошо?

Баронеса возвратилась въ гостиную, а Надя пошла дальше по алеѣ. Ее не тянуло въ общество. Мужчины почти не занимались ею, а если кто-нибудь и давалъ себѣ этотъ трудъ, такъ Надѣ было съ нимъ невыразимо скучно; Татьяна Сергѣевна разрывалась во всѣ стороны, чтобы занимать дамъ, а дѣвочки—подруги Нади, только и говорили, что съ мужчинами. Какой для нихъ былъ интересъ таскаться подъ руку другъ съ другомъ! Когда нѣтъ хотя одного мужчины, въ цѣлой толпѣ барышень нѣтъ разговора... Всѣ ждутъ и смотрятъ по сторонамъ: чего-жъ это не подходятъ?

Надя шла, слегка задумавшись, чувствуя въ душѣ какою-то

неприятную пустоту отъ празднаго шатанья втеченіи цѣлаго дня. Отправляясь сюда, Надя ждала не того. Она не избѣгала веселья и думала, что веселиться будетъ не одна Лида, а и она виѣсть съ нею, и всѣ... Суровцовъ будетъ съ ними, много и близко. Онъ съумѣетъ наполнить ихъ день, дастъ смыслъ ихъ играмъ и шуткамъ. Около него всегда хорошо, всегда узнаешь что-нибудь хорошее и ощутишь хорошее. И вдругъ Суровцова почти не было видно. То онъ прятался гдѣ-то въ сараѣ, готова живыя картины, то курилъ въ кабинетѣ, то сидѣлъ бирюкомъ подъ окномъ балкона, ни съ кѣмъ не говоря ни слова. Лида всѣхъ забыла, думала только о себѣ и своихъ любезникахъ. Поневолѣ Надѣ стало скучно и не хотѣлось входить въ домъ. Въ саду она, по крайней мѣрѣ, одна, въ своей привычной обстановкѣ. Однако, Надя не прошла одна и десяти шаговъ, какъ откуда-то вынырнулъ Алеша.

— Вы ходите однѣ? спросилъ онъ Надю, сильно сконфузаясь по своему обыкновенію.

— Ахъ, это ты, Алешечка! Одна. Надоѣло въ комнатѣ сидѣть...

Алеша пошелъ съ нею рядомъ и продолжалъ, глядя въ землю:

— Вы, должно быть, не любите гостей, Надя? Скажите правду, вѣдь не любите?

— Что-жъ тебѣ въ этомъ интереснаго, Алеша? улыбаясь отговаривалась Надя. — Ну, положимъ, не люблю. Я вѣдь деревенская дѣвушка, домосѣдка, дикарь... Я, дѣйствительно, не привыкла къ гостямъ... А все-таки это нехорошо, нужно приучаться къ людямъ, Алеша!

— Ахъ, нѣтъ, этого не нужно! съ глубокимъ вздохомъ сказалъ Алеша. — Зачѣмъ гости? Я-бы всегда желалъ быть одинъ. Одиниѣ гораздо лучше.

Надя сама вполне сочувствовала въ этомъ отношеніи Алешѣ и не была особенно расположена опровергать его. Она молча шла далѣе, разсматривая деревья.

— Давайте, походите побольше по саду! предложилъ ей Алеша заискивающимъ голосомъ. — Вы никогда не говорите со мною, Надя, а я часто хочу съ вами говорить... Вы это знаете?

— Нѣтъ, не знала, голубчикъ. Ты-бы давно мнѣ сказалъ, съ простодушною нѣжностью отвѣчала Надя. — Только я вѣдь ни о чемъ не умѣю говорить.

— Вот что! Пойдите лучше въ крытую аллею, предложите Алеша съ нѣкоторымъ восторгомъ.— Тамъ такая тѣнь, прохлада... Вы были въ нашей новой плетеной бесѣдкѣ?.. Вотъ чудо! Она тамъ-же, около крытой аллеи. Если я вамъ не покажу, вы и не увидите. Мимо пройдетѣ—не замѣтите.

— Нѣтъ, я не видала плетеной бесѣдки, Алеша; вѣдь это не та, что подъ липой, съ деревянными лавочками?

— О, нѣтъ, это совсѣмъ не та! Это новая. Увидите, какая!

Они вошли подъ зеленые своды необыкновенно тѣнистыхъ, подрѣзанныхъ кленовъ, которые уже сквозили золотомъ заката.

— Правда, хорошо тутъ? спрашивалъ Алеша, заглядывая въ глаза Нади съ умильной улыбкою.

— Да, Алешечка, тутъ славно... гораздо лучше комнаты.

— Видите, я правду сказалъ... Я ужъ знаю, что вы любите. Вы все любите то самое, что и я люблю. Вотъ вы не любите гостей и я не люблю. Вамъ скучно нынче и мнѣ скучно.

— Какой ты смѣшной, Алеша! Кто тебѣ сказалъ, что мнѣ скучно?

— Да ужъ скучно, я самъ знаю. Вотъ моей сестрицѣ Лидѣ никогда не скучно.

— Зачѣмъ-же ты говоришь это со злостью? Развѣ это дурно, что Лида всѣмъ довольна и не капризничаетъ, какъ ты?

— Ну-да, не капризничаетъ... пускай себѣ... говорилъ Алеша, упрямо мотая головою и глядя себѣ подъ ноги.— А только она дрянъ, я ее никогда не сравню съ собою.

— Ахъ, Алеша, Алеша! ты ужасно не добрый мальчикъ! Чѣмъ это такъ не нравится тебѣ сестра? съ неудовольствіемъ спросила Надя.

— Да... Вы не знаете ее, оттого вы такъ говорите. Вы сами бы не любили ее, когда-бъ узнали. Она никого не любитъ и думаетъ только о себѣ. Я ей какъ чужой.

У Нади сдѣлалось тяжело на сердцѣ и она ничего не возразила Алешѣ.

— Вы не думайте, Надя, что я такой казенькій, ничего не понимаю, продолжалъ Алеша; онъ видимо искалъ этого случая, чтобы высказаться.— Я вѣдь тоже наблюдаю людей и размышляю о нихъ. Мнѣ иногда цѣлую ночь не спится, а все представляются разные люди, какъ живые... Мать моя и вы, и Лида... и

всѣ... Вы мнѣ часто представляетесь ночью, Надя, потому что я объ васъ очень часто думаю.

— Зачѣмъ-же ты обо мнѣ думаешь, Алеша? Ты-бы лучше спалъ; вѣдь это очень вредно не спать; оттого вотъ ты такой блѣдный.

— Я ужъ не могу не думать, Надя, я созданъ такимъ, съ рѣшимостью объявилъ Алеша, поднимая на Надю свои глубокіе и одушевленные глаза. — Для меня нѣтъ большаго наслажденія, какъ думать... Отчего то, отчего другое... Знаете, Надя, меня часто мучаетъ вопросъ: почему люди такіе нехорошіе? Развѣ неприятно любить другъ друга и помогать другъ другу? Если-бы я былъ царь, я-бы дѣлалъ ужасно много добра... А вы, Надя?

— Я-бы тоже, Алеша; мнѣ очень нравится сдѣлать кому-нибудь добро. Для меня ничего нѣтъ лучше.

— Ну вотъ, и для меня тоже... Значить, я правду сказалъ.

Алеша опять засматривалъ въ глаза Нади съ доброю дѣтскою улыбкою.

— А вотъ что еще вы мнѣ скажите, Надя: вѣдь люди всѣ равны, да?

— Я думаю, что равны, Алеша... Богъ создалъ всѣхъ людей одинаковыми.

— Ну-да, и я знаю навѣрное, что равны. Я это читалъ въ отличной, въ отличной книгѣ... Другой нѣтъ такой книги... Отчего-же миссъ Гукъ бранить меня за то, что я друженъ съ Демкой? Она говоритъ, что джентльмену стыдно играть съ гадкимъ мужчинымъ мальчикомъ... Это ея любимое слово: джентльменъ. Да вѣдь Демка такой-же человѣкъ, какъ и я? и онъ совсѣмъ не гадкій: добрый такой, отличный; онъ мнѣ все, Надя, носить, вы только не говорите никому: дудочки, перепелевъ, галчаты, воробьиныя яйца... Какой онъ умный, Надя, если-бы вы знали! Право, мнѣ кажется, онъ умнѣе миссъ Гукъ. Какъ вы думаете, Надя?

— Онъ умный мальчикъ, я его знаю, Алеша; вѣдь это Степановъ сынъ, съ постоялыхъ двориковъ? Я его еще отъ коклюша вылечила.

Алеша молчалъ нѣсколько минутъ, что-то усиленно обдумывая.

Они подходили къ плетеной бесѣдкѣ.

— А вы знаете, Надя, опять заговорилъ Алеша, опустивъ по привычкѣ голову, — вѣдь меня никто дома не любитъ!

— Что ты, Алешечка? вздрогнула Надя отъ неожиданныхъ словъ Алеша. — Грѣшно тебѣ говорить такой вздоръ...

— Нѣтъ, Надя, я вамъ всегда правду говорю...

Онъ остановился, подумалъ и прибавилъ тихимъ голосомъ:

— И я самъ, Надя, никого изъ нихъ не люблю... никого...

— А маму? съ тяжелымъ замедленіемъ сердца сказала Надя; признанье Алеша ей причинило глубокую боль.

— Я и маму не люблю, Надя, твердо отвѣтилъ Алеша, широко отеревъ на Надю свои глаза.

— Ахъ, Алеша, Алеша, ты-бы лучше не говорилъ мнѣ этого. Я считала тебя добрымъ мальчикомъ. Развѣ можно не любить свою маму? Вѣдь всякій волченочекъ любитъ свою мать!

— Я ее тоже любилъ, Надя, а теперь я ее не люблю, въ раздумьи сказалъ Алеша, качая своей лобатой головой. — Потому что она меня сама не любитъ.

— Она тебя любитъ, Алеша, это неправда... Татьяна Сергѣевна такая добрая... Она даже чужихъ любитъ, не только своего сына. Какъ могло тебѣ придти это въ голову?

— Мама любитъ Лиду и больше никого. Она все дѣлаетъ для Лиды, продолжалъ Алеша, начиная волноваться, — а меня она отдала въ плѣнъ къ Гукшѣ, она отреклась отъ меня. Какая-же она мнѣ мать? Гукша мучаетъ меня — она не хочетъ заступиться за меня. Небойсь, за Лиду сейчасъ заступится... Лиду она никому не отдастъ. А чѣмъ Лида лучше меня? Она злая, холодная, она никого не любитъ, ни о комъ не поинитъ... Если-бы вы знали, Надя, Лиду! Она цѣлые дни зѣваетъ и наряжается, когда никого нѣтъ, а когда пріѣдутъ молодые мужчины — хихикаетъ съ ними и болтаетъ всякую чепуху. Ну что тутъ хорошаго? Она хоть и большая, а меньше меня знаетъ... Ей ничего не интересно, кромѣ ея гримасъ да нарядовъ... Мужчины ей лгутъ въ глаза, а она всѣмъ вѣритъ... Право, она чистая дурочка.

— Я тебя прошу, Алеша, не говори при мнѣ такихъ вещей серьезно сказала Надя. — Ты еще самъ влопъ и не долженъ никого осуждать. Я не хочу слушать дурныхъ вещей про твою мать и твою сестру, которыхъ я люблю.

— Я не буду ничего говорить про нихъ, Надя, если вы этого не хотите, покорно сказалъ Алеша.—Но только я всегда буду это думать.

Въ это время они поравнялись съ бесѣдкою, которой легкая и сквозная рѣшотка была сплошь заткана колыхавшимися зелеными плетями переступня; даже входа почти нельзя было замѣтить отъ нависшихъ на него со всѣхъ сторонъ вьющихся побѣговъ.

— Посидимте въ бесѣдѣ, предложилъ Алеша. — Тамъ отлично.

— Посидимъ, Алеша; я уморилась, цѣлый день на ногахъ.

На душѣ Алеши было необыкновенно хорошо, когда онъ вводилъ Надю за руку въ свою любезную бесѣдку. Ему казалось, что это его царство и что онъ принимаетъ Надю, какъ хозяйинъ. Онъ усадилъ ее на самую удобную скамеечку и не зналъ, что придумать, чѣмъ-бы порадовать Надю. Въ бесѣдѣ было, дѣйствительно, очень хорошо въ этотъ часъ дня. Заходившее солнце проникало сквозь слои широкихъ листьевъ нѣжнымъ зеленымъ золотомъ, которое ласкало взоръ, не согрѣвая, не ослѣпляя.

— Ну что, Надя, вѣдь хорошо здѣсь? Вѣдь я правду вамъ сказалъ? допытывался Алеша, поглядывая снизу въ глаза Нади съ самымъ искреннимъ желаніемъ найти въ нихъ признаки одобренія.

— Здѣсь очень хорошо, Алеша... Я люблю такую тѣнь.

Они посидѣли нѣсколько времени молча, любясь, какъ лучи солнца играли въ живыхъ зеленыхъ занавѣсахъ, облетавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ прохладнымъ шатромъ.

— А что, Надя, спросилъ вдругъ Алеша,—вы помните свою маму?

— Мою маму? Нѣтъ, Алеша: она умерла, когда мнѣ было два года; я не могу ее помнить. Но мнѣ часто представляется ея фигура, ея лицо. Почему-то я убѣждена, что она была именно такая.

— Вы любите свою маму? не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ продолжалъ спрашивать Алеша.

Надя не отвѣчала ему нѣсколько минутъ.

— Я ни съ кѣмъ не говорю о матери, Алеша, сказала она,

наконецъ, теплымъ и серьезнымъ голосомъ.—Но тебѣ я могу это сказать. Мнѣ иногда кажется, что моя мать не умерла и что она во мнѣ... Право... Когда я готова сдѣлать что-нибудь нехорошее, когда бываю несправедлива, нетерпѣлива,—во мнѣ говорить чей-то другой голосъ, добрый и умный... И мнѣ кажется тогда, что это мамаго ворить... И я ее слушаюсь... Вѣдь этого не можетъ быть: мать моя давно умерла... Отчего-же это мнѣ представляется, какъ ты думаешь?

— Я не знаю этого, Надя, отвѣчала Алеша задумчиво.—Значить, все-таки вы любите свою маму?

— Должно быть, люблю... Все хорошее—это отъ моей мамы... Такъ мнѣ всегда кажется.

Они опять замолчали.

— Ахъ, какъ-бы я желалъ любить всѣхъ! вздохнулъ черезъ нѣсколько минутъ Алеша.—Какое это наслажденіе—любить! Не любить—больно... Я-бы очень желалъ полюбить свою маму, Надя, а не умѣю этого сдѣлать... Вѣдь это очень не хорошо—не любить свою мать?

— Да, Алеша, это очень, очень дурно... Этого совсѣмъ нельзя.

— Говорите мнѣ это почаще, Надя... Васъ я всегда буду слушаться. Если-бы вы учили меня, развѣ я былъ-бы такой, какъ теперь, злой, гадкій, капризный? Я-бы отличный былъ, добрый-предобрый.

— Ахъ ты, дурачекъ, дурачекъ!.. Чему-жь бы я могла тебя учить. Я сама ничему не училась, а миссъ Гукъ такая ученая—книги сочиняетъ.

— Ученая! знаю я ее! съ презрѣніемъ сказала Алеша, взмахивая своимъ непослушнымъ вихромъ.—Она сушоная селедка, вотъ она кто! Я видѣлъ, какъ вы учили у себя деревенскихъ мальчиковъ. Развѣ селедка умѣетъ такъ учить? Какъ-бы не такъ! Вы все такъ интересно объясняете, такъ ласково, понятно; я-бы и не вышелъ изъ вашего класса... А эта дрянъ только кричить да стучить линейкой по столу. Вотъ если-бы меня мама къ вамъ послала учиться, вотъ-бы отлично-то было! Весело!..

— Нашелъ учительницу! смѣялась Надя.—Я гораздо меньше тебя знаю; мнѣ самой еще надо всему учиться.

Алешу, однако, развеселило это предположеніе.

— Хотите, я сюда десерту принесу? спросил онъ, вдругъ одушевившись желаніемъ чѣмъ-нибудь услужить Надѣ.

— Да что тамъ у васъ за десертъ?

— Тамъ все есть! тамъ прелесть что за штуки! горячился Алеша, разомъ переносясь своей дѣтской мыслию въ заманчивый міръ конфетъ и апельсиновъ..

— Ну, принеси что-нибудь, только не конфетъ, я конфетъ не люблю, а какихъ-нибудь плодовъ... Да ты, впрочемъ, въ гостиную побоишься войти... Вѣдь я тебя знаю, храбреца...

— А вотъ посмотрите, войду... для васъ я войду куда хотите, храбрился Алеша, убѣгая изъ бесѣдки.

Онъ воротился необыкновенно скоро, совсѣмъ запыхавшись; глазенки его сіяли счастьемъ и гордостью и онъ еще издали кричалъ Надѣ:

— Вѣдь вотъ-же вошелъ... я говорилъ, что войду! Посмотрите-ка, что я притащилъ вамъ.

— Это не ты одинъ, это и я тащилъ! вторилъ ему обиженный голосенокъ Бори, который бѣжалъ чуть не высунувъ языкъ, усиленно равняясь съ Алешей и для этой цѣли крѣпко уцѣпившись пальченками за Алешину курточку.

Они, дѣйствительно, натащили Богъ знаетъ сколько всякой всячины.

— Вотъ эти апельсины я взялъ! хвастался Боря, съ опасеніемъ поглядывая въ глаза Алеши, не посягнетъ-ли тотъ на его законное право.

— Молодецъ, Боря, и ты къ намъ прибѣжалъ! ласкала его Надя, запустивъ свои добрые, материнскіе пальцы въ льняные кудри Бори. — Это ты мнѣ все натащилъ, мышеночекъ?.. спасибо, голубчикъ!

— Вотъ, Надя, покушайте, горячо совѣтовалъ Алеша, весь увлеченный своею добычею. — Это вѣдь не конфеты, это каштаны въ сахарѣ, совсѣмъ свѣжіе; я съѣлъ два — чудо что такое... почти еще теплые!

— Буду, буду, всего отвѣдаю... успокоивала его Надя. — Принимайтесь-ка и вы со мной... Да сколько-жъ это вы награбили, плутишки! цѣлый подносъ наберется.

— Это мы все вамъ, Надя, говорилъ Алеша, съ любовью

смотря въ добрые глаза Нади.— Все сами кушайте. А чего не съѣдите, въ карманъ спрячьте... Я вамъ бумаги принесу.

— Это все тебѣ, Надя... Ты все это поѣшь, не бойся... мама и не видѣла, какъ мы набирали, серьезно поддерживалъ Алешу Боря.

— Нѣтъ, ужъ я одна не управлюсь! помогайте и вы, мнѣшата... точите понемножку, отъ души смѣялась Надя, выбирая свои любимыя вещи изъ наваленной кучи разныхъ лакомствъ.

Дѣти не заставили просить себя въ другой разъ и дружно принялись за работу. Однако, торопливо поѣдая конфекты и обдирая одинъ за другимъ апельсины, Алеша не переставалъ умильно глядѣть на Надю. Его несказанно радовала та простосердечная близость отношеній, въ которыя, такъ непривычно для него, становилась къ нему Надя. Зеленое, прохладное уединеніе бесѣдки, прекрасная какъ ангелъ и какъ ангелъ добрая дѣвушка, сидящая передъ нимъ, — переносили его воображеніе въ какую-то давно читанную, но памятную сердцу волшебную сказку, гдѣ добрая фея тайкомъ утѣшала бѣдныхъ дѣтей, которыхъ всѣ гнали и мучили.

— Ахъ, Надя, какое вы мнѣ сдѣлали удовольствіе, что пришли сюда! говорилъ растроганный Алеша.— Мнѣ давно не было такъ хорошо. Если-бы вы жили со мною, мнѣ никогда-бы не было скучно; ужъ я знаю. Я-бы не отходилъ отъ васъ. А вѣдь можно къ вамъ ѣздить? я думаю, мама пуститъ меня въ шарбанѣ съ кучеромъ? Только-бы не съ Гусней... Вы не уходите къ нимъ, Надя, пожалуйста, посидимте еще здѣсь... Что тамъ съ ними дѣлать?.. Я вѣдь видѣлъ, вы все однѣ были...

— Я не уйду, голубчикъ, я посижу съ тобою, ласково сказала Надя.

— А танцовать вы не пойдете? тревожно спросилъ Алеша.— Вотъ я такъ совсѣмъ не танцую; меня и учили, да я не хочу танцовать. Ну, зачѣмъ танцовать? скажите пожалуйста. Что въ этомъ хорошаго?

— Отчего-жъ не танцовать, Алеша? Я не люблю очень долго танцовать, до утра... А немного потанцовать весело.

— А мнѣ вотъ совсѣмъ не весело. Такъ вы думаете, Надя, не хорошо не танцовать? танцовать лучше?

— По-моему никогда не мѣшаетъ повеселиться и побѣгать...

Вѣдь это то-же бѣганье. А тутъ еще музика, народу много, огни... все веселѣе.

— Ну, такъ и я буду танцовать, если такъ! сказалъ Алеша.—Вы потанцуете со мною?

— Съ удовольствіемъ, голубчикъ, сколько тебѣ угодно.

— Я васъ еще объ одной вещи хотѣлъ спросить, Надя... немного смутившись, сказалъ Алеша.

— Скажи, голубчикъ.

— Мнѣ мама подарила золотой на имянны, а я его отдалъ Демкѣ, Надя. Вѣдь я хорошо сдѣлалъ, вѣдь ему нужнѣе, чѣмъ мнѣ?

— Конечно, хорошо. Только напрасно ты самому Демкѣ отдалъ: ты-бы лучше отдалъ его матери. А Демка потеряетъ или вздору накупить.

— Да онъ меня такъ просилъ, Надя. Онъ былъ такъ радъ, когда я ему далъ. Если-бы вы видѣли!.. Все его подшвыривалъ на солнышкѣ и смѣялся. Мнѣ самому было очень весело.

Надя не отвѣчала, но одобрительно смотрѣла на Алешу.

— Надя! хочешь орѣховъ? вдругъ вспомнилъ Боря, у котораго ротъ былъ въ эту минуту биткомъ-набитъ марсельскими сухими прянелами.—У меня есть отличные каленные орѣхи... Няня вчера принесла.

— Давай ихъ сюда, Боря! я очень люблю, каленные орѣхи! сказала Надя.

Боря озабоченно запустилъ свою бѣлую, пухлую рученку въ карманъ своихъ штанишекъ и сталъ вытягивать оттуда, какъ изъ колодца, крошечныя горсточкы лѣсныхъ орѣховъ.

— Держи-же, Надя, подставляй подоль, а то разсыпешь! командовалъ онъ серьезно, усиленно догребая на днѣ своего карманчика послѣдніе три орѣшка. Надя помирала со смѣху, держа растянутый платокъ съ двумя дюжинами орѣховъ...

— Эхъ, а щелкушки-то нѣтъ! надо за щелкушкой сбѣгать! съ досадою сказалъ Алеша.

— Ну вотъ, очень нужна твоя щелкушка! важно остановилъ его Боря, хмурия съ дѣловымъ видомъ свою пухлую восьми-лѣтнюю рожицу.—А камень на что? Я тутъ знаю такой камушекъ, что лучше всѣхъ твоихъ щелкушекъ...

Онъ побѣжалъ въ аллею и воротился черезъ минуту съ камнемъ въ руке.

— Видишь, какой гладкій! Клади, Надя, на скамейку всё орѣхи, я тебѣ всё ихъ поколю! говорилъ онъ покровительственно.

Если-бы кто-нибудь зашелъ въ эту минуту въ бесѣдку и увидалъ Надю въ сообществѣ двухъ мальчугановъ, самымъ искреннимъ образомъ отыскивающую съ ними зернышки среди орѣховой скорлупы и заботливо добывающую кускомъ кирпича недоколотые орѣхи, право, онъ съ трудомъ-бы повѣрилъ, что передъ нимъ сидитъ одна изъ невѣсть шишовскаго уѣзда, строгая семнадцати-лѣтняя хозяйка коптевскаго дома.

— А скороспѣлокъ, Надя, хочешь? съ тѣмъ-же покровительственнымъ видомъ спросилъ Боря, когда орѣхи были кончены.

— Да развѣ у васъ поспѣли?

— Вотъ еще! съ улыбкой снисхожденія сказалъ Боря.— Они еще къ Спасу поспѣли. Сладкія, бѣлыя, чистый медъ... Давай, побѣжимъ всё вмѣстѣ, натрясемъ скороспѣлокъ; теперь садовники ушли... Никого нѣту.

— Ну, ужь вы одни, ребята, бѣгите... А я посижу тутъ, подожду! сказала со смѣхомъ Надя.

— Пойдемъ скорѣе, Алеша, пока садовники не воротились! рѣшительно скомандовалъ Боря. — Да смотри, всё подбери, не зѣвай... а то я знаю тебя.

Они проворно исчезли въ алеѣ.

Надя осталась одна съ кучею десерта на скамьѣ и глубоко задумалась, глядя имъ вслѣдъ.

Въ одной изъ алеѣ сада, наиболѣе тѣнистыхъ, происходила сцена интимнаго характера. М-лле Ева Баншина, поэтеса шишовскаго уѣзда, шла подъ руку съ Протасевымъ. Хотя лицо Протасева выражало очень сильное неудовольствіе, но онъ, какъ подобаеть мужу, вполне владелъ своей рѣчью и своими жестами. Ева, напротивъ того, плакала самымъ малодушнымъ образомъ, едва не рыдая на весь садъ.

— Нѣтъ, я все, все понимаю! вопила она какимъ-то отча-

яннымъ полушопотомъ.—Но вѣдь я не ваша крѣпостная горничная, которыхъ вы бросали десятками... Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы обманули меня... Чтобъ я бросила всякую надежду, чтобы я, наконецъ, могла вамъ отвѣтить на вашъ поступокъ такъ, какъ онъ заслуживаетъ... У меня есть родные... У меня отецъ... Я во всемъ ему признаюсь... Слышите-ли?.. Я не позволю вамъ поступать со мною, какъ съ уличной дѣвчонкой...

— Послушайте, Ева, я васъ прошу успокоиться прежде всего! съ сдержаннымъ гнѣвомъ отвѣчалъ Протасьевъ, котораго мраморное лицо было теперь еще бѣлѣе отъ внутренняго волненія.—Я не могу съ вами разсуждать, пока вы въ такомъ экзальтированномъ состояніи. *Soyez prudente*, не преувеличивайте вещей. Не дразните себя пустыми подозрѣніями... Въ чемъ дѣло? скажите ясно, *posez la question*... Нужно всякое обстоятельство разсматривать отчетливо и послѣдовательно, какъ на судѣ присяжныхъ. *Primo*: чѣмъ вы недовольны мною? Извольте отвѣчать безъ позвн и безъ слезъ. Чѣмъ-съ?

— Вы не только безчувственны, какъ камень, вы еще нагли! съ горечью сказала Ева.— Вы хотите, чтобы оправдывалась я, а не вы... Два года вы ждете мнѣ, что женитесь на мнѣ: ждете то того, то другого... Вы все ждете — слышите-ли, Протасьевъ? Я теперь не вѣрю ни одному вашему слову... И вдругъ на моихъ глазахъ, забывъ все, что было между нами, вы осмѣливаетесь отерпѣто волочиться за эту пустую кокеткою. Вы хотите жениться на ней...

— Кто эта кокетка? Конечно, Лида Обухова?

— О, вамъ нечего спрашивать меня! горячилась, глотая слезы, Ева.—Всѣ горничныя дѣвки давно знаютъ, что вы женитесь на Лидѣ Обуховой.

— Въ такомъ случаѣ, онѣ знаютъ болѣе моего, съ притворнымъ спокойствіемъ замѣтилъ Протасьевъ.—Хотя я вамъ не совѣтоваль-бы черпать ваши свѣденія изъ такого ненадежнаго источника.

— Эти поѣздки верхомъ *en deux*, эти постоянныя *tête-à-tête* въ саду! о нихъ знаетъ весь уѣздъ, продолжала, не слушая его, Ева.—Мнѣ слишкомъ знакомы эти старыя ваши исторіи, чтобы я могла въ чемъ-нибудь сомнѣваться. О! я теперь только по-

нимаю всю глубину пропасти, въ которую вы вовлекли меня... Знаете, вы преступникъ, Протасевъ, глубокий преступникъ. У васъ въ душѣ нѣтъ ничего, кромѣ ледяного сарказма и жаднаго эгоизма... Вамъ никого не жаль... Вы никогда никого не любили и не можете любить... Вы демонъ, духъ зла и разрушенья...

— И вслѣдствіе такихъ своихъ качествъ обязанъ жениться на васъ? спросилъ Протасевъ, не мѣняя своего наиграннаго небрежнаго тона.

Ева вспыхнула отъ негодованія и нѣсколько секундъ не могла вымолвить слова.

— Подите отъ меня! сказала она наконецъ, стремительно вырывая свою руку.— Я не сдѣлала ничего, что-бы давало вамъ право такъ обидно обращаться со мною... Я не вымаливаю вашей женитьбы... Слышите-ли? Я напоминала вамъ только о томъ, въ чемъ вы сто разъ клялись мнѣ, чѣмъ вы сто разъ обманывали меня.

— Двѣ вещи, которыми не имѣю привычки заниматься, холодно вставилъ Протасевъ:—никогда не клянусь и не дамъ себѣ труда обманывать. Я слишкомъ лѣнивъ для этого.

— Вотъ что! вдругъ одумалась Ева, пожирая Протасева глазами ненависти.—Я знаю, что вы наглець, но я думаю, что вы къ тому-же трусь. Иначе вы не осмѣлились-бы бросить дѣвушку, которую вы опозорили передъ обществомъ. Я васъ любила и не стыжусь этого. Я вамъ все отдала. Когда нужно было ѣхать за границу, обманувъ отца, я сдѣлала это, не раздумывая; я знаю, что въ обществѣ не повѣрили моей страсти къ музыкѣ, что обо мнѣ ходятъ дурныя сплетни... Но я теперь вамъ не нужна. Вы поступаете какъ воръ. Украли и бѣжите. Это дѣлаетъ честь вашему рыцарству. Но воровъ вѣдь ловятъ за шиворотъ, вы знаете это? Я презираю вашу лживую любовь — эту мошенническую отмычку, которою воры отпираютъ замки. Но я хочу поймать васъ за шиворотъ. Я заставлю васъ жениться на себѣ, слышите-ли вы, негодный трусь?..

— Слышу, но, признаюсь, не совсемъ понимаю! отвѣтилъ Протасевъ съ гадкой усмѣшкой.—Негодный трусь, демонъ, воръ въ-концѣ-концовъ все-таки требуется въ благовѣрные супруги— дѣлать вашу любовь... Милые бранятся—только тѣшатся.

— Я больше ни слова не скажу вамъ! рѣшительнымъ голосомъ объявила Ева, грозно наступая на Протасьева. — Вы должны знать, что вамъ дѣлать. Я теперь хорошо знаю, что буду дѣлать я!

— Вотъ и отлично... Съ этого-бы и надо начать! сказалъ Протасьевъ, усиленно стараясь не выказать своего волненія. — Не бойсь наше отсутствіе давно всѣ замѣтили и намъ пора-бы на балконъ... Будемъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, публика не слыхала подробностей, хотя онѣ и очень интересны.

Ева быстро пошла по алѣѣ, путаясь и оступаясь на свое собственное платье. Она, повидимому, не видѣла, куда идетъ.

Протасьевъ ее догналъ.

— Дайте вашу руку, Ева! сказалъ онъ требовательно. — Мы оставили балконъ рука объ руку и должны такъ-же вернуться въ публику... Зачѣмъ другимъ знать, что было между нами?

Ева молча подала ему руку.

— Видите-ли, Ева, началъ Протасьевъ серьезнымъ тономъ, черезъ минуту молчанья. — Вы очень ошиблись, наступивъ на меня съ бранью и укорами... Я неуязвимъ съ этой стороны... Но я не такой негодяй, какимъ вы разрисовали меня... Я никогда не думалъ жениться на Лидѣ Обуховой и никогда на ней не женюсь, знайте это во всякомъ случаѣ... Я вообще не долженъ жениться ни на комъ, по многимъ причинамъ... По крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе... И вамъ слѣдовало-бы менѣе всего требовать этого отъ меня, потому что вы должны знать меня лучше другихъ... Признаюсь, хорошъ я буду мужъ и отецъ семьи... Вамъ не смѣшно представить себѣ меня съ ребеночкомъ на рукахъ?

Ева шла, ускоряя шагъ, и ничего не отвѣчала.

— Я не хвастаюсь особенными добродѣтелями, продолжалъ Протасьевъ, — *mais, ma foi, je suis tant soit peu loyal*, въ этой слабости мнѣ отказать нельзя... Вы говорите, я обѣщалъ жениться... Да, я обѣщалъ. Но я обѣщалъ глупость, которой-бы вамъ не слѣдовало принимать... Вы хотите, чтобы я все-таки сотворилъ эту глупость. — извольте, я сдержу свое слово: я женюсь на васъ. *Tant pis pour vous, chère demoiselle!*

— Вы ждете и ждете! стыдитесь повторять вашу ложь сотый разъ, лжець! гнѣвно прервала его Ева. — Вы мнѣ противны, не говорите больше ни слова. Само собою разумѣется, что наши

встрѣчи кончаются отнынѣ навсегда... Вы меня уже не трудитесь искать у кухни... О, я буду теперь ненавидѣть и ее, не только васъ... Надѣюсь, что я не встрѣчу васъ и въ моемъ собственномъ домѣ, подѣ тѣмъ кровомъ, который вы такъ долго оскорбляли... Мой отецъ нынче-же узнаетъ смыслъ вашихъ пріятельскихъ ночлеговъ у него и цѣну вашей дружбы... Я не буду падать себя... для меня теперь все кончилось!

— Это будетъ столько-же бесполезно, сколько глупо! процѣдилъ сквозь зубы Протасьевъ, въ первый разъ нахмуривъ свой мраморный лобъ. — Предоставьте лучше мнѣ переговорить съ вашимъ отцомъ... Можетъ быть, я улажу что-нибудь поумнѣе вашего. Или вы непремѣнно хотите заставить насъ стрѣляться? Такъ успокойтесь: Демида Петровича вы не поставите на барьеръ.

— Вы думаете, что всѣ такіе-же трусы, какъ Протасьевъ? сказала Ева, измѣря Протасьева вызывающимъ взглядомъ. Протасьевъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ эту минуту въ началѣ алеи, по которой шли они, появилась группа гуляющихъ. Ева торопливо усиливалась придать своему взволнованному лицу спокойный видъ, и когда они поравнялись съ группою гостей, она сказала съ самою невинною улыбкою:

— Ахъ, какая это у васъ очаровательная алея, м-ше Обуховъ! Какая прохлада и кабая полутьма... просто выйти не хочется!

— О, ужъ вы, поэтическая душа! Вы во всемъ найдете поэзію, даже въ моемъ бѣдномъ саду, съ ласковою игривостью погрозила ей пальчикомъ Татьяна Сергѣевна, которая нарочно вела цѣлую компанію дамъ похвастаться крытою алеєю.

На лодкѣ почти не успѣли покататься. Спѣшили къ живымъ картинамъ. Когда возвращались домой, уже взошла полная луна, и отраженіе береговъ съ рощами, камышами и мельницей придало рѣкѣ особенно поэтической колоритъ. Лида сидѣла на ругѣ въ какой-то синей матросской кофточкѣ и лакированной матроскѣ съ якоремъ на голубой лентѣ. Она нарочно выписала себѣ матроску для граціознаго, просторнаго катера, который Татьяна

Сергѣевна подарила ей. Хотя подарокъ былъ довольно дорогой, но за то и удовольствія доставлялъ Лидѣ безъ конца. Верховая лошадь и катанье на катерѣ были ея любимыми занятіями. Лида такъ ловко управляла рулемъ, что легкій катеръ ворочался, по мановенію ея руки, плавно и послушно, какъ магнитная стрѣла на своей стальной иглѣ. Мужчинъ она засадила за весла и помирала со смѣху, смотря на неловкія движенія своихъ вздыхателей. Протасевъ, какъ ни отбивался, тоже былъ вынужденъ сѣсть къ веслу и, засучивъ до бѣлья рукава своего сюртука, не выпуская изъ зубовъ сигары, поминутно обдавалъ все общество брызгами воды. Лида сильнѣе всего налегала на Протасева.

— Табаньте, табаньте, Протасевъ! кричала она съ хохотомъ. — Что-же вы перевертываете лодку! Смотрите, мы назадъ идемъ... Вы хотите, чтобы дамы сѣли за весла и поучили васъ.

Протасевъ былъ невозмутимъ, какъ англійскій матросъ.

— Я держусь теоріи: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ на насмѣшки Лиды. — Чѣмъ хуже буду грестъ, тѣмъ скорѣе вы меня прогоните. Мнѣ только этого и хочется... Къ тому-же я заглядываюсь на васъ, а это оправданіе слишкомъ законное...

— Вотъ я васъ оболью водой за любезничанье, хототала Лида. — На кораблѣ вы должны слушаться кормчаго, а не смотрѣть на него.

— Я поднимаю бунтъ противъ такихъ драконовскихъ постановленій, говорилъ Протасевъ совершенно спокойнымъ голосомъ. — И буду смотрѣть на кормчаго, даже подъ страхомъ быть выброшену за бортъ, въ морскую пучину... Право, эта тина для меня страшнѣе всякаго моря.

— Ну вотъ и будете сейчасъ тамъ! Столкните его въ воду, Прохоровъ! кричала, безконечно утѣшаясь, Лида.

— Я пристаю къ бунту, отвѣчалъ шутливо Прохоровъ, — если кормчій не сдѣлаетъ для меня исключенія. И потому я отказываюсь повиноваться.

— Ага! такъ вы всѣ бунтуете? Хорошо-же! помирала со смѣху Лида. — Mesdames, отнимите у нихъ весла, арестуйте ихъ... Они думаютъ, что мы безъ нихъ не управимся. Кладите ваше оружіе, messieurs, и удаляйтесь въ трюмъ... Вы арестованы...

Суровцовъ тоже былъ на лодкѣ. Близость Лиды увлекала его

неудержимо; онъ старался завести съ нею разговоръ съ какимъ-нибудь значенъемъ, освѣтить для себя ясное взгляды и развитіе Лиды, объяснить себѣ ея истинныя отношенія къ нему. Онъ нарочно сѣлъ съ этою цѣлью около нея на рулѣ. Но Лида не поддавалась ничему. Она срывалась съ удочки, какъ шаловливая рыбка, всякій разъ, какъ Суровцову казалось, что онъ зацѣпилъ ее на настоящій крючекъ и что пора тянуть. Казалось, для нея не существовало никакихъ вопросовъ, никакого интереса, кромѣ торжества своей красоты. Она привѣтливо шла на встрѣчу бесѣдѣ Суровцова, пока въ бесѣдѣ этой она видѣла попытку ухаживанья; но только-что замѣчала она его стремленіе остановиться на какомъ-нибудь вопросѣ для самаго вопроса, она дѣлала неожиданнѣйшій лукавый поворотъ къ Протасьеву, къ Прохорову, къ Овчинникову, къ кому-нибудь вообще и оставляла Суровцова въ досадномъ недоумѣніи. Очевидно, она никого изъ нихъ не предпочитала, ни о комъ изъ нихъ не думала серьезно, хотя съ Протасьевымъ шутила больше другихъ и безцеремоннѣе другихъ. Всѣ они были для нея мужчины, ухаживатели, поклонники. Кто былъ подходяще къ этой роли, тотъ и былъ для нея дороже. Даже когда Суровцовъ случайно заговорилъ съ нею о красотѣ вечерней природы, Лида немножко надулась. Развѣ могъ быть для мужчинъ какой-нибудь интересъ въ чьей-бы то ни было красотѣ, когда передъ ними на лицо красота ея, Лидочки?

— Вы часто катаетесь на катерѣ, когда одинъ? спрашивала ее Суровцовъ, погруженный въ свои элегическія фантазіи объ удивительныхъ поэтическихъ прогулкахъ съ подругой сердца.

— Когда одна? удивленно спрашивала Лида. — Зачѣмъ же я буду одна кататься? Когда у насъ никого нѣтъ, я постоянно капризничаю, а иногда плачу. Я не могу жить одна. Я-бы съ тоски умерла, если-бъ меня запереть одну въ деревнѣ.

— Положимъ, скучно.. сказалъ Суровцовъ. — Но вѣдь иногда и одному хочется побыть.

— Никогда не хочется! съ убѣжденіемъ вскрикнула Лида. — Что-же станешь дѣлать одинъ? говорить не съ кѣмъ, гулять не съ кѣмъ, танцевать не съ кѣмъ.

— Вы не любите читать? спросилъ Суровцовъ.

— Да, вотъ читать! съ нѣкоторою грустью сказала Лида. — Я очень люблю читать, только я читаю въ постели, ночью. Ахъ,

какъ это пріятно!.. особенно, если интересный романъ... Протасьевъ мнѣ даетъ прекрасные романы, самые новыя. Я иногда до трехъ часовъ ночи читаю.

— Французскіе?

— Конечно, французскіе! развѣ есть другіе романы?

— Положимъ, есть... Что вы теперь читаете?

— Не помню, право, заглавія, только чудесный... И, знаете, я остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ, когда Люси уже переѣзжаетъ въ городъ. Вы, конечно, читали этотъ романъ? Да вотъ досадно, вы еще второй части не привезли мнѣ, Протасьевъ! Это очень любезно съ вашей стороны...

— Ахъ, pardon, совсѣмъ изъ ума вонъ... Вы, кажется, m-me Vouagu теперь читаете!

— Да, да, что-то такое... Кажется, Бовари... Вѣдь Люси, это въ „Бовари“? говорила Лида.

Суровцовъ не добился отъ Лиды болѣе серьезнаго разговора. За то адвокатъ Прохоровъ благодушествовалъ впродолженіи всего катанья, занимаясь вмѣстѣ съ Протасьевымъ такимъ отчаяннымъ враньемъ, которое было пуше самой тщательно-выѣденной яичной скорлупы. О чемъ шло это вранье—невозможно было дать себѣ отчета, хотя Суровцовъ слышалъ всякое слово. Хохоту и удовольствію конца не было. Но всего любезнѣе было Лидѣ, когда Протасьевъ или Прохоровъ съ невозмутимою наглостью начинали громко говорить съ ней о комъ-нибудь изъ дѣвицъ, сидѣвшихъ въ средней части катера, придавая при этомъ своимъ рѣчамъ такой наивный и невинный видъ, какъ-будто они сами и не подозрѣвали ничего.

„Нѣтъ, сказалъ Суровцовъ самъ себѣ, когда катеръ вступилъ, наконецъ, въ темныя отраженія сада и сталъ причаливать къ пристани.—Ирребіи брошень! Изъ-за чего я томлюсь, какъ Тангейзеръ въ пещерѣ Венеры? Нужно страхнуть съ себя послѣднія колдовскія чары... Вонъ моя спасительная звѣзда! прибавилъ онъ, отыскивая глазами Надю.—Мой взоръ будетъ искать ее теперь вездѣ“.

Лида выпархивала въ это время изъ катера на пристань, высоко приподнятая подъ руки толпою окружавшихъ ее мужчинъ. Суровцовъ не былъ въ числѣ ихъ, хотя стоялъ ближе всѣхъ къ Лидѣ. Онъ нарочно протѣснился къ Надѣ и предложилъ ей руку.

Надя была задумчива и словно опечалена. Безъ малѣйшей улыбки, съ сухою серьезностью, она едва дотронулась до руки Суровцова и быстро взошла на пристань. Суровцову сдѣлалось отчего-то горько и стыдно на душѣ. Ему показалось, что Надя недовольна имъ. Это была правда. Онъ ни разу во все время катанья, ни съ однимъ словомъ не обратился къ Надѣ, занятый наблюденіемъ надъ Лидою. Надя видѣла только его одного и ждала только его рѣчей.

— Что вы такъ грустны, m-lle Nadine? Вы не простудились-ли? говорила Надѣ Ева Каншина, сидѣвшая съ ней рядомъ.

— О, нѣтъ, я не боюсь воды, отвѣчала тихо Надя. — А такъ, устала немного.

Ни одинъ мужчина не смотрѣлъ такъ внимательно на хорошенькаго кормчаго во время плаванья катера, какъ смотрѣла Надя. У Нади словно глаза вдругъ раскрылись. Лида очень нравилась Надѣ съ перваго дня ихъ встрѣчи. Она казалась ей неземною красавицею, простою, доброю, безконечно веселою. Но сегодня она видѣла Лиду во всемъ блескѣ ея красоты и веселья и не узнавала ее. Лида была теперь уже не ея подруга—Лида, а Лида—царица; толпа мужчинъ, самыхъ блестящихъ въ уѣздѣ, ловила ея взглядъ, ея слово. Самыя красивыя дѣвушки были незамѣтны рядомъ съ нею. Въ этомъ не было ничего удивительнаго для Нади.

„Лидѣ такъ и надо, думала она;—она такая красавица, такая милая“.

Надѣ поражало въ Лидѣ не торжество ея, не поклоненіе передъ нею, а бездушность Лиды. Ея теплое искреннее сердце сразу это почувало. Надя такъ мало еще знала жизнь, что самое невинное кокетство возмущало ее; но она рѣшительно не могла перенести вида Лиды, бойко кокетничавшей съ цѣлою толпою мужчинъ.

„Кого-же она любитъ? спрашивала сама себя Надя, тщетно глядявываясь въ ухаживателей Лиды.—Значить, ей всѣ равны, всѣ не нужны? И неужели ей дѣйствительно такъ весело со всѣми ними и имъ всѣмъ не стыдно говорить эти пустяки? Протасевъ, положишь,—онъ такой ледяной, безсердечный, ему все равно... Но Анатолій Николаичъ! Зачѣмъ онъ съ ними? Развѣ и онъ такой-же, какъ всѣ?“

Живныя картины были всё придуманы Суровцовымъ. Для трехъ приадаоннъ были выбраны три главныя картины. Ева Каншина, недавно еще считавшаяся первою красавицею уѣзда, но уже изрядно поблекшая и безъ бою уступившая свое мѣсто блестящей Лидѣ, — должна была фигурировать въ роли Рахили у колодца, чему очень способствовали ея большіе, еврейскіе глаза съ густыми рѣсницами и прекрасныя черныя косы, которыя она купила въ Вѣнѣ въ послѣднюю свою заграничную поѣздку. Надя выступила во второй картинѣ, сюжетъ которой былъ взятъ изъ Шатобріана: она представляла жрицу, пророчицу Велледу. На фонѣ живой зелени, надъ костромъ, гдѣ въ красивой позѣ лежалъ связанный молодой римскій воинъ, приготовленный къ сожженію, стояла жрица суровой богини въ бѣломъ, золотомъ шитомъ, костюмѣ Нормы, съ дубовымъ вѣнкомъ на головѣ, съ кошматою медвѣжьей шкурою, падавшей съ полуобнаженнаго плеча вмѣстѣ съ черными волнами распущенныхъ волосъ, съ пучкомъ священной омеги и золотымъ серпомъ жрицы въ опущенной рукѣ. Дѣвственная ножка, обутая въ золотыя ремни сандалій, съ рѣшимостью упиралась въ край костра, а изъ безпорочныхъ черныхъ глазъ, строго устремленныхъ на осужденнаго воина, смотрѣло само непоколебимое правосудіе.

Когда Суровцовъ, распорядившійся картинами, зажегъ сбоку, за сценою, красный бенгальскій огонь, то костеръ, казалось, запылалъ. Группа столпившихся воиновъ въ ихъ полуднянскихъ нарядахъ живописными силуэтами вырѣзалась на этомъ кровавомъ фонѣ и въ глазахъ дѣвственницы-жрицы внезапно засверкали такіе грозные огоньки, что казалось, будто надъ пламенемъ жертвеннаго костра стала сама неумолимая богиня брани. Сдержанный ропотъ удивленія невольно пронесся по публикѣ. На одно мгновенье всё словно увѣровало въ реальность картины и съ нескрываемымъ наслажденіемъ вглядывались въ неотразимый образъ дѣвы-пророчицы... Суровцовъ такъ растерялся отъ неожиданной полноты эффекта, что забылъ дать сигналъ опускать занавѣсъ, а стоялъ, скрестивъ въ нѣмомъ восторгѣ руки, какъ художникъ, окончившій завѣтную картину, стоитъ передъ нею... Послѣ всѣхъ выступила Лида. Съ нею въ картинѣ участвовала Лиза Коптева, Зоя Каншина и еще одна голубококая блондинка подъ пару Лиды. Картина представляла свиданье двухъ ангеловъ съ дочерью Кля-

на, Апап и Abolihamaп, изъ байроновскаго Heaven and Earth. Маскированный пальмовыми деревьями и широкими листьями фикуса и арума, статный херувимъ съ глубою и граціозною головою, съ распущенными по плечамъ нѣжными и блѣдными, какъ ленъ, волосами, съ парю красиво-вырѣзанныхъ воздушныхъ крылъ, сверкавшихъ сквознымъ серебромъ, тихо слеталъ на землю съ темнаго ночнаго неба, простирая впередъ руку съ пальмовой вѣткой. Этимъ херувимомъ была Лида. Другой ангелъ слеталъ нѣсколько далѣе, въ профиль къ публикѣ. На землѣ, покрытой травой и цвѣтами, ждали этихъ небесныхъ гостей, страстно протягивая къ нимъ руки, двѣ земныя красавицы: одна смуглая и горячая, какъ вакханка, въ оранжевомъ одѣяньи, убранномъ коралами и гроздами рябины; другая—нѣжная, меланхолическая блондинка, вся въ блѣдно-голубомъ. Картина была задумана смѣло и исполнена съ большимъ искусствомъ. Поза полета была такъ свободна и легка, что вводила въ иллюзію. Но когда зажгли за сценой голубой бенгальскій огонь и всѣ детали картины, лица, одежды, тропическія растенія, проступили фосфорическимъ свѣтомъ, то вся картина обратилась въ какой-то фантастическій сонъ. Лицо Лиды было въ упоръ облито этимъ волшебнымъ сіяніемъ; безчисленныя блестящія ея крылъ и одѣждъ трепетали въ этомъ голубомъ огнѣ, и зрителямъ казалось, что она дѣйствительно слетала съ горныхъ высотъ съ воздушною легкостью небожителя.

Отлушительныя рукоплесканія и крики „браво!“ посыпались со всѣхъ сторонъ, когда сталъ опускаться занавѣсъ.

XVII.

Сватовство Протасьева.

На третій день послѣ праздника Протасьевъ получилъ записку слѣдующаго содержанія:

„Любезный сосѣдъ, мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ серьезномъ дѣлѣ, близко васъ касающемся; когда вы будете дома, чтобы принять меня? Само собою разумѣется, что если вы пожалѣете кости старика и сами захотите завернуть къ намъ

на тарелку щей, то это будетъ весьма любезно съ вашей стороны. Во всякомъ случаѣ, увѣдомьте глубоко вашъ преданнаго сосѣда Демида Каншина“.

— Скажите, что буду завтра! сухо передалъ слугѣ Протасевъ.

Онъ цѣлыхъ два часа чистилъ ногти и не одѣвался къ обѣду, что у него означало важныя внутреннія волненія. Толстая и бѣлая, какъ булка, мамзель Мари изъ остзейскихъ провинцій, извѣстная у людей подъ краткимъ заглавіемъ „Нѣмки“, а у друзей Протасева подъ веселымъ именемъ „Маруськи“ напрасно приставала къ Протасеву и ластилась къ нему. Протасевъ былъ рѣшительно не въ духѣ, такъ-что вызвалъ толстую нѣмку на довольно грубыя ругательства, на которыя она вообще не скупилась, если дѣлали не по ней. Но Протасевъ велѣлъ ей убраться и даже заперъ на ключъ дверь кабинета, за что получилъ еще одно „Schweinigel“ и два-три „Dummegezel“ не въ счетъ абонента. Несмотря на его великосвѣтскія привычки и наружное изящество домашняго быта, Протасевъ всегда отличался большою грубостію отношеній, кто-бы ни игралъ въ его домѣ роль хозяйки, Марихонъ изъ Ревеля или Ганька изъ Мужланова. На этотъ разъ Ганька была переселена въ другое, сосѣднее имѣніе Протасева, Дергачи, потому что сварливая нѣмка не терпѣла магометанскихъ правилъ и прямо объявила Протасеву, что она выпарапаетъ глаза этой поганой русскою дѣвкѣ, если только гдѣ-нибудь встрѣтитъ ее; такимъ образомъ, Протасевъ долженъ былъ вести болѣе подвижной образъ жизни, чѣмъ-бы ему желалось, такъ-какъ Ганька еще особенно не наскучила ему и даже продолжала имѣть на него замѣтное вліяніе; ее онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ сравнить съ тѣми своими полуповинутыми Аспазіями, которыхъ онъ расселилъ по отдаленнымъ имѣніямъ своимъ и въ своемъ городскомъ домѣ и которыя, подобно знаменитымъ отставнымъ фавориткамъ великаго французскаго короля, болѣе нужны были Протасеву, какъ пособницы въ его новыхъ интригахъ, чѣмъ сами по себѣ. Къ Ганькѣ Протасевъ чувствовалъ особую близость еще потому, что весь былъ опутанъ ея многочисленною семьею втеченіи уже двадцати почти лѣтъ. Ганькинъ отецъ былъ камердинеромъ и первымъ довѣреннымъ лицомъ Протасева, Ганькина мать была его эконом-

кой, поваръ Протасьева былъ женатъ на Ганькиной старшей сестрѣ, амбарный ключникъ приходился Ганькѣ дядею. Такимъ образомъ вырваться изъ такой запутанной сѣти было довольно трудно. Хотя никто не осмѣлился перечить барину, когда онъ, возвратясь изъ Петербурга, поселилъ въ домѣ новую нѣмку, но дружная и неустанная дворовая интрига настойчиво работала свое дѣло, въ твердомъ упованіи на успѣхъ не сегодня, такъ завтра.

— Нѣмокъ много на свѣтѣ, батюшка Борисъ Андреевичъ, а мы у васъ все одни! говорила при всякомъ подходящемъ случаѣ старая Палаша, мать Ганьки, изучившая втеченіи двадцати лѣтъ всѣ складочки характера своего барина и возлюбленнаго гораздо лучше, чѣмъ зналъ ихъ самъ онъ. — Нѣмка, батюшка, хорошитъ, какъ-бы васъ разорить поскорѣе, а мы, ваши старые рабы, хорошимъ какъ-бы васъ поспокоить получше.

Протасьевъ говорилъ Палашѣ: „замолчи и убирайся вонъ!“ и Палаша, поставивъ утренній кофе, послушно убиралась вонъ; но на завтра она заговаривала опять о томъ-же, и не всегда попадала въ неудачную минуту. Камердинеръ, подавая барину умываться надъ серебряною лоханью и держа на своемъ плечѣ тонкое барское полотенце, тоже, словно нечаянно, обранивалъ разныя слова и новости, видѣтавшіяся въ тотъ-же узоръ. Такъ что самый недалъновидный человѣкъ, даже незамѣчавшій учащенныхъ поѣздокъ Протасьева въ Дергачи, могъ-бы заранѣе предсказать, что положеніе Марихонъ весьма непрочное. Въ настоящую минуту въ воображеніи Протасьева стояли именно всѣ эти Марихонъ, Ганьки, Анютки и Феньки, безъ которыхъ ему давно уже не мыслилась жизнь. Онъ никогда не ожидалъ, чтобы связь съ этою сентиментальной дѣвушкою могла кончиться такъ трагично, такъ глупо для него. И, главное, изъ-за чего? Онъ даже не былъ, собственно говоря, никогда влюбленъ въ нее настоящимъ образомъ. Конечно, онъ волочился, онъ игралъ изъ себя влюбленнаго; безъ этого нельзя. Но чувства къ ней не было никогда. Его Ганька доставляла ему гораздо болѣе истинныхъ наслажденій; она ему и милѣе, и понятнѣе. Какая ужасная досада, что это такъ разыгралось! Сначала Протасьевъ ничуть и не думалъ объ этой дѣвчонкѣ; признаться, хоть она была и красивая, да совершенно не въ его вкусъ. Онъ лю-

бить совсѣмъ не такихъ: немножко дерзкая, вызывающая физиономія—вотъ это въ его вкусъ, а ужь никакъ не эти плачущіе херувимы съ безцвѣтными выраженіемъ лица. Протасьевъ во время оно пошаливалъ съ почтенной м-ше Каишиной, когда она еще не была такъ почтенна. Надобно было чѣмъ-нибудь прикрыть частые визиты, прогулки по саду и разные *partis de plaisir*. Пришлось поневолѣ пріударивать за старшей дочкой. Къ несчастью, она приняла это серьезно; а тутъ маменька ея достаточно опротивѣла. Одно за однимъ и дошло дѣло до северной исторіи: Евѣ нужно было поѣхать за границу. Вотъ и причина вся. Если-бы не эта проклятая заграничная поѣздка, и думать-бы не стоило. Протасьевъ ненавидѣлъ женскія слезы и совершенно пасовалъ передъ ними. Ева требовала теперь женитьбы, а онъ чувствовалъ, что ему нечего отвѣчать. Нѣтъ ничего хуже, какъ эти связи съ уѣздными барышнями. То-ли дѣло столица или простая крестьянская дѣвушка! Тамъ исходъ легокъ. Уѣхать развѣ, поболтаться годокъ за границей? Она, можетъ быть, и успокоится въ это время. Но вотъ бѣда: на долги не поѣдешь, а кромѣ страшныхъ долговъ, ни копейки въ карманѣ. Фентисово, Дергачи, Воробьевка уже давно въ залогъ, давно просрочены и представлены къ продажѣ. На Мужлановѣ тоже большой долгъ, по закладной. Хлѣбъ весь давно проданъ и деньги потрачены. А долги разъедаютъ кругомъ свою ненасытную пасть. Людямъ даже восьмой мѣсяць жалованье не плачено; уже купцы по лавкамъ вмѣсто неуплаченныхъ за три года счетовъ побрали векселя съ страшными процентами. Куда ни оглянешься, вездѣ стоитъ должникъ. Въ городъ просто въѣхать нельзя, ни въ Шиши, ни въ Крутогорскъ, ни въ Новопольскъ, въ уѣздѣ котораго было самое доходное и самое большое имѣніе Протасьева—село Навозино: на улицѣ останавливаютъ, дѣлаютъ скандалъ. И потомъ все-таки совѣстно, какъ ни говори. Положимъ, Протасьевъ былъ философъ и свисока смотрѣлъ на предрасудки. Онъ-же не насильно любилъ: не хотѣла-бы сама—не любила. Она доставила удовольствіе ему, онъ ей; вотъ и всѣ расчеты кончены съ современной, истинно-развитой точкой зрѣнія. Но Протасьеву вспоминается, что онъ, кажется, общалъ ей жениться, да и притомъ не разъ, а много разъ; общалъ тогда именно, когда она такъ боялась и когда еще было время остановиться. Она назвала его въ саду у Обуховыхъ лгуномъ. И по-

томъ, если онъ не ошибается, трусомъ, негодяемъ. Протасьевъ, конечно, не станетъ негодяемъ отъ словъ какой-нибудь разсерженной дѣвчонки. Но вѣдь она какъ-будто нѣсколько права? Вѣдь человѣкъ, который что-нибудь обѣщаетъ и не дѣлаетъ, можетъ дѣйствительно показаться лгуномъ? Протасьевъ никогда не помирится съ мыслию, чтобы кто-нибудь имѣлъ право сказать ему въ глаза, что онъ лгунъ и негодяй. Онъ прежде всего ип *homme comte il faut, gentleman*. Да; если взять все во вниманіе, онъ считаетъ себя *обязаннымъ* жениться. *Обязаннымъ*, такъ. Но вѣдь не всякую обязанность можно выполнить. По крайней мѣрѣ, не сейчасъ выполнить, не сразу. Вѣдь на выполненіе нужны средства. Жену свою онъ не можетъ держать, какъ какую-нибудь Ганьбу; для жены нужно очень много. Семейный образъ жизни требуетъ полного обзаведенія вновь. Ну, хорошо; предположите, что онъ, Протасьевъ, согласенъ, что онъ завтра предложить ей официально руку и сердце. Ну, а потомъ? Куда они дѣнутся? Чѣмъ они будутъ жить? Если одного Протасьева посадить въ тюрьму, онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ и покончитъ дѣла къ общему удовольствію. Но если останется за нимъ *m-me* Протасьевъ, да еще, не дай Богъ, *messieurs* и *mesdemoiselles* Протасьевы—юніоры?.. Тогда что? Будетъ-ли это нравиться *m-lle* Евѣ Каншиной? Протасьевъ—дворянинъ, а не мужикъ, которому достаточно взять бабу, чтобы тянуть тягло. Онъ избѣженъ, избалованъ... Не виноватъ-же онъ, въ самомъ дѣлѣ, что онъ родился въ достаточномъ семействѣ, отъ благородныхъ родителей. Нѣтъ, тутъ необходимо вооружиться всею суровостью духа, а не распускать нюни. Женщина не можетъ всего обдумать, а умѣетъ только чувствовать. Рѣшить за нее долженъ мужчина, и Протасьевъ это рѣшаетъ. Онъ повторитъ ей, что сказалъ прежде,—что онъ *готовъ жениться*, что онъ считаетъ себя *обязаннымъ жениться* на ней. Отъ словъ своихъ онъ не отступаетъ. Это теоретическое рѣшеніе вопроса. За нимъ начинается практическая сторона. *Какъ жениться, когда жениться?* Отвѣтъ ясенъ: когда будутъ достаточныя средства, чтобы прожить вмѣстѣ. Въ настоящее время этихъ средствъ у Протасьева нѣтъ. Но если дѣла его измѣнятся, онъ въ ея полномъ распоряженіи. Онъ надѣется, что въ таковой постановкѣ *m-lle* Ева не найдетъ ни лжи, ни трусости. Если она стоять за ускореніе брака, пусть-же она и устранить

препятствія. Ея отецъ достаточно богатъ. Пусть онъ немедленно дастъ ей какихъ-нибудь пятьдесятъ тысячъ,—этимъ суммою Протасьевъ надѣется поправить свои дѣла,—и тогда—конецъ и Богу слава!.. Последняя мысль даже не на шутку понравилась Протасьеву. Онъ не зналъ хорошо состоянія Каншина; предполагалъ, какъ предполагаютъ о другихъ всѣ расточительные люди, неумѣющіе сами нажить ни одной копейки, что Каншинъ долженъ былъ непременно имѣть весьма кругленькій капиталъ. Что-жь? Если это такъ, то женитьба на Евѣ не представляетъ особеннаго бѣдствія... Нѣкоторыя имѣнія можно будетъ выкупить, самые неотвязчивые долги можно заплатить... Тогда можно ручаться, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за десять полного комфорта... Пока да пока что!.. Конечно, ужъ не будетъ той свободы, которая такъ необходима для современно развитаго человѣка... Пойдутъ эти хозяйственныя дразги... Эта *tagmailé*... Разныя тамъ претензіи охи да вздохи... Ужъ, конечно, тогда Маруську и Ганьку подалше пряхъ. А въ сущности, можетъ быть, это даже и лучше. Все какъ-будто нѣкоторое затрудненіе, преодоленіе препятствій, все нѣкоторымъ образомъ запретный плодъ. Это будетъ нѣсколько бодрить чувства. А то нѣкоторые признаки начали не на шутку пугать Протасьева. Избытокъ всегда влечетъ за собою утомленіе и даже пресыщеніе. Сохранить долѣе молодость чувствъ—тоже не послѣднее удобство.

Протасьевъ былъ въ весьма рѣшительномъ и даже спокойномъ настроеніи духа, когда явился на другой день къ Каншину. Онъ зналъ, что его звали для окончательныхъ объясненій, и его планъ былъ теперь вполне готовъ. Евы не было дома, м-ше Каншина, съ плохо скрытымъ смущеніемъ, сообщила мимоходомъ, что Ева еще вчера уѣхала погостить къ кузинѣ, вмѣстѣ съ Зоей и Агатой.

— Нестроевыя части прибраны, чтобы не мѣшать дѣйствіямъ; выдвинуты однѣ боевыя! сказалъ самъ себѣ Протасьевъ.—Надо ожидать серьезнаго патиска.

Г-жа Каншина была какъ трауромъ одѣта, съ особеннымъ меланхолическимъ выраженіемъ лица, которое должно было выражать, по ея мнѣнію, страдающую, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокую покорность ея персту Всевышняго. Весь домъ, казалось Протасьеву, былъ въ какомъ-то уныло-любопытномъ, тяжкомъ ожиданіи,

какъ бываетъ обыкновенно при наступленіи послѣдняго расчета съ жизнью кого-нибудь изъ домашнихъ. Всѣ говорили словно шопотомъ, коротко и смущенно, и избѣгали смотрѣть другъ на друга.

Протасьеву эти похоронныя приготовленія казались мѣщанскими до невыносимости. „Il faut prendre l'offensive et brusquer l'affaire!“ сказалъ онъ самъ себѣ.

Онъ развязно поднялся съ мѣста и сказалъ громко Каншину:

— Пойдите-ка на минутку въ кабинетъ, Демидъ Петровичъ, мнѣ нужно кое-что сказать вамъ...

Когда мужчины покидали гостиную, г-жа Каншина сочла необходимымъ испустить невольный вздохъ и воздѣть къ потолку свои глаза съ выраженіемъ совершеннаго самоотреченія. Она рассчитывала, что Протасьевъ долженъ былъ оглянуться на нее.

— Вотъ что, милѣйшій Демидъ Петровичъ, объявилъ Протасьевъ, опускаясь не спѣша въ мягкое кресло и затягиваясь сигарою. — Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что я люблю m-lle Еву...

При этомъ Протасьевъ замѣтно сдѣлался блѣднѣе и у него неприятно дрогнула нижняя губа.

— То-есть, какъ вамъ сказать?... Да, я дѣйствительно предполагалъ... Замѣчалъ нѣчто подобное... смущенно бормоталъ Каншинъ, котораго рука, игравшая серебряною спичечницею, ходила въ нервной лихорадкѣ.

— M-lle Ева тоже мнѣ сдѣлала честь своимъ добрымъ расположеніемъ... продолжалъ Протасьевъ, оправляясь окончательно и впадая въ свой обычный холодно-небрежный тонъ...

— А! я не зналъ!.. притворялся Демидъ Петровичъ, не глядя въ лицо Протасьева и считая приличнымъ улыбнуться. — Такъ у васъ взаимность?..

— Мы порѣшили между собою жениться... если, конечно, это не встрѣтитъ препятствій съ вашей стороны. Я полагаю, что, по убѣжденіямъ своимъ, вы предоставляете m-lle Евѣ свободу рѣшенія?..

— О, конечно, конечно!.. заторопился Каншинъ. — Разъ мои дѣти на ногахъ, они хозяева своихъ поступковъ. Я въ этомъ случаѣ американецъ... Тѣмъ болѣе, что я такъ искренно сочувствую ея выбору... Я-бы и самъ не могъ посоветовать ей ничего лучшаго...

Каншинъ былъ въ малодушномъ восторгѣ отъ такой легкой и

приятной развязки вопроса, въ которомъ онъ ждалъ для себя тяжелыхъ, щекотливыхъ столкновений и даже опасной ссоры.

Но Протасьевъ успѣшилъ во-время остановить его увлеченіе.

— Pardou, я перебью васъ... Я не договорилъ всего... Повторяю, я твердо рѣшился жениться и буду просить вашего согласія... Но вотъ гдѣ остановка: я не могу жениться въ настоящую минуту...

— Что за спѣхъ! Ждали больше, а меньше-то не трудно подождать. Вѣдь это тоже не калачъ купить: то да другое, разные сборы, приготовленія... утѣшалъ опять ободрившійся Демидъ Петровичъ, у котораго было сердце испуганно сжалось при оговоркѣ Протасьева.

— Да, да... Но вотъ видите, почтеннѣйшій Демидъ Петровичъ, я не хочу скрывать отъ васъ ничего... Помимо всего, что связываетъ меня съ m-lle Евю, я считаю васъ истиннымъ и старымъ другомъ. Вы знаете, я не люблю ложныхъ положеній и недомолвокъ. Мои дѣла теперь очень, очень запутаны. Если я не предприиму чего-нибудь рѣшительнаго, они запутаются еще больше; а тогда... при всей моей готовности... т. е. при всемъ моемъ искреннемъ желаніи... быстро поправился Протасьевъ, — жениться на m-lle Евѣ, — я буду вынужденъ остаться при одномъ желаніи...

Каншинъ не отвѣчалъ ничего и глядѣлъ прямо на Протасьева своими пытливыми, рысьими глазами. Онъ понималъ теперь, что вся суть кроется въ этихъ „но“, которыми обставлялъ Протасьевъ свое предложеніе; Каншинъ усиленно переворачивалъ въ своемъ мозгу всевозможные исходы и компромисы, которые представлялись ему; своимъ чутьемъ травленой лисицы онъ вѣрно чувалъ, на что билъ Протасьевъ, и теперь торопился только сообразить, на чемъ будетъ ему выгодно помириться. Каншинъ зналъ подлинную исторію любви Протасьева съ Евю. Приученный всѣмъ его прошедшимъ равнодушно переносить нравственные оскорбленія, если отъ этого не страдали его выгоды и если можно было только соблюсти наружный декорумъ въ глазахъ общества, онъ не имѣлъ силы возмущаться на внутреннюю гадость поступка Протасьева. Считаая пока свое самолюбіе въ безопасности, подъ ловко накинутаю маскою невѣденія, Каншинъ задался одною мыслию — не

разрывать дружбы съ Протасьевымъ, а такъ или иначе вынудить его прикрыть вызванный имъ позоръ и очистить женитьбою репутацію дочери. Чтобы достигнуть этого результата, Каншинъ готовъ былъ даже на нѣкоторыя матеріальныя пожертванія. Но онъ зналъ хорошо замашки человѣка, съ которымъ приходилось теперь имѣть дѣло, и боялся, что требованія Протасьева никогда не сойдутся съ его собственными намѣреніями.

— Такъ вотъ какое обстоятельство!.. мямлилъ между тѣмъ Протасьевъ, начинавшій конфузиться пытливымъ молчаніемъ своего собесѣдника. — Я теперь разсматриваю себя, добрыйшій Демидъ Петровичъ, такъ-сказать, на семейномъ совѣтѣ съ вами, потому что послѣ согласія, вами выраженного, могу считать себя въ нѣкоторомъ смыслѣ вашимъ семьяниномъ. Теперь ужъ это, какъ-бы выразиться, нашъ общій домашній вопросъ, а не мой личный... Я знаю, какъ вамъ дорога будущность вашей дочери... Поправляйте теперь меня, тогда и ей хорошо будетъ.

— Такъ, такъ, кивалъ Демидъ Петровичъ своей машинально улыбавшейся головою, раздумывая, что-бы такое предложить Протасьеву; — собственно говоря, вы что-же хотите отъ меня, любезный Борисъ Андреевичъ?

Онъ начиналъ держать себя относительно Протасьева гораздо самоувѣреннѣе и неуважительнѣе, когда увидѣлъ, что вопросъ сталъ на опредѣленную, дѣловую почву, гдѣ онъ сознавалъ свои силы.

Протасьевъ немного вспыхнулъ.

— *Parbleu!* то-есть мнѣ собственно отъ васъ ничего не нужно, ровно ничего; если я началъ говорить, то исключительно въ интересахъ будущности вашей дочери. Повторяю вамъ, мои дѣла запутаны, у меня нѣтъ денегъ, у меня есть долги. Не могу-же я предложить Евгеніи Демидовнѣ свою холостую конуру, *mes habitudes du garçon?*.. Нужно-жъ подумать о ней. Нужны-же ей средства!.. Вѣдь на долги жить нельзя, вы согласны съ этимъ?

— Такъ, такъ, продолжалъ Демидъ Петровичъ, не переставая кивать головою и выбивая пальцами по столу учащенную дробь. — Если я васъ понялъ, мой любезный Борисъ Андреевичъ, вы хотите знать, что я дамъ за Евою?..

— Нѣтъ, вы не совсѣмъ понимаете меня, съ досадою перебилъ его Протасьевъ. — Я скажу вамъ свой планъ въ двухъ

словахъ: *il faut couper court...* Ненавижу многоглаголанія... Мнѣ нѣтъ дѣла ни до того, что имѣете вы, ни до того, что будетъ имѣть Евгенія Демидовна... Я игнорирую лица... Повторяю вамъ, я считаю себя на настоящемъ *conseil de famille*. Предполагается, что мы одна семья, что наши интересы одни. Все мое—ея, все ея—мое, *point de difference...* У меня, вы знаете, большое состояніе, оно все принадлежитъ *m-lle Евѣ*, также какъ и мнѣ. Но это состояніе въ данную минуту—только въ одну эту данную минуту—находится въ нѣкоторой опасности; всѣ наши общія силы должны придти, *comme on dit*, на выручку; это настоящая просвѣщенная точка зрѣнія на союзъ семейный, какъ на товарищество извѣстнаго рода. Мы помогаемъ тому члену, который нуждается, ставимъ его на ноги. Понятно, что этого требуетъ наша общая выгода, *notre interet bien entendu*, какъ выражаются политико-экономы; чѣмъ сильнѣе каждый членъ тѣла, тѣмъ все тѣло сильнѣе,—на Западѣ это аксіома... Ну-съ, теперь я перенесу это теоретическое правило на чисто-практическую почву. У меня въ Навозинѣ, какъ вамъ извѣстно, огромный сахарный заводъ, въ Фентисовой крупчатка, очень доходная. И тотъ, и другая стоятъ третій годъ, потому что у меня нѣтъ оборотнаго капитала, арендаторы мнѣ разорили ихъ и нужно, по крайней мѣрѣ, тысячъ 50, чтобы завести новыя машины, приобрести первый матеріалъ для работы и вообще пустить ихъ въ ходъ. Я истрачу одновременно 40—50 тысячъ, и получу чистаго дохода, по крайней мѣрѣ, тысячъ 25 въ годъ; въ три, четыре года я уплачиваю всѣ долги и спасаю свое состояніе: выгоды ясны для маленькаго ребенка... *Eh bien, il s'agit à present de trouver cette méchante somme, voila tout!*

— Состояніе Евы, къ сожалѣнію, далеко не такъ велико, милѣйшій Борисъ Андреечъ, съ грустною фізіономією сообщилъ Кашкинъ, повидимому, крайне соболѣзновавшій о невозможности пособить Протасьеву въ исполненіи его блестящихъ проектовъ.— Ева можетъ имѣть никакъ не болѣе 25,000, и то не сейчасъ... Вы знаете, я человекъ небогатый... Деньги ея пристроены, нужно время собрать, дожидаться сроковъ, да еще уплатятъ-ли всѣ? Съ должниками такая комсія!

— *C'est facheux, c'est facheux, бормоталъ, нахмурившись,*

Протасьевъ, только теперь спохватившійся, не слишкомъ-ли онъ далеко зашелъ и не останется-ли онъ въ круглыхъ дуракахъ.

— И притомъ я долженъ объяснить вамъ, мой дорогой другъ, кроткимъ голосомъ продолжалъ Каншинъ, — что мое правило: счетъ дружбы не портить... Ева должна имѣть свое отдѣльное состояніе. Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Конечно, она будетъ присоединять свои доходы къ вашимъ; я въ томъ не сомнѣваюсь; между доброю женою и мужемъ не можетъ быть иначе. Но фондъ ея, какъ-бы ни былъ онъ скромнень, долженъ быть ея личною собственностію; она не должна класть его въ имущество ей непринадлежащее.

— Ну-съ, почтеннѣйшій Демидъ Петровичъ, сказалъ Протасьевъ, которому хотѣлось теперь попробовать немножко понугать своего пріятеля, — я высказалъ все, что имѣлъ сказать. Теперь умываю руки... Устраивайте какъ знаете, самъ себѣ я помочь не могу, я уже объяснилъ вамъ; съ своей стороны я предложилъ все, чего требовала моя совѣсть... и мои чувства къ м-лле Евѣ, прибавилъ онъ, запнувшись. — Въ остальномъ я неповиненъ.. Au revoir, cher ami, у меня нынче дѣла.

Протасьевъ всталъ съ кресла съ наигранно-невозмутимымъ видомъ и, не выпуская изъ рта сигары, протянулъ Каншину руку. Каншина, дѣйствительно, встревожила эта холодная рѣшимость Протасьева.

— Помилуйте, что вы? Какъ это можно? вскрикнулъ онъ укоризненно. — Вы только-что сдѣлали мнѣ такое неожиданное предложеніе, касающееся счастья моей дочери... Я еще не успѣлъ передать его женѣ... Не успѣлъ поблагодарить васъ за честь, за величайшее удовольствіе, которое вы мнѣ дѣлаете, вступая въ мою семью... И вдругъ уходить!..

Каншину особенно желалось какъ можно точнѣе сформулировать и публично заявить первую половину предложеній Протасьева, чтобы по-возможности отрѣзать ему отступленіе. Протасьевъ чувствовалъ это.

— Ah, mon Dieu! засмѣялся онъ. — Не преувеличивайте вещей, Демидъ Петровичъ; называйте ихъ своими именами... Будемъ точны, какъ американцы. Я явился къ вамъ пока еще не официальнымъ претендентомъ на руку вашей дочери. Понятно, я сдѣлалъ-бы это въ иной формѣ. Я пришелъ къ вамъ запро-

сто, какъ къ старому другу, какъ къ отцу m-lle Еввы, потолковать по-пріятельски, какъ намъ устроить и можно-ли это устроить... Между нами, если хотите, происходило то, что дипломаты называютъ *conférences préliminaires*... прибавилъ онъ шутливо. — Вы убѣдили меня, что мои планы невозможны, и я долженъ, *le soeur veillé*, отказаться отъ нихъ. Противъ рожна не попрешь, говорить русская пословица; подождемъ у моря погоды!..

Каншинъ досадливо чесалъ свой затылокъ.

— Какъ вы торопитесь, какъ вы торопитесь, мой другъ, говорилъ онъ, что-то обдумывала. — Можно-ли такъ торопиться въ подобныхъ важныхъ дѣлахъ? Вѣдь такъ только блохъ бьютъ.

— Блохъ бьютъ! *c'est charmant!*.. расхохотался Протасьевъ. — *D'ou l'avez-vous tirée cette drôle de phrase?*

— Вотъ что! вдругъ сказалъ Каншинъ, просіявъ какимъ-то внутреннимъ довольствомъ; — у меня тоже есть маленькій планъ относительно вашего дѣла. Можетъ быть, онъ окажется и не такъ глупъ, когда мы его обсудимъ вмѣстѣ... Что за вздоръ! Я васъ ни за что не пушу отъ обѣда... Мы потолкуемъ спокойно за рюмкою киршасера... Кстати, мнѣ прислали вчера отъ Елисаѣва божественныя вещи! Вамъ необходимо ихъ освятить, положить свое благословіе... Вы по праву нервосвятитель нашихъ скромныхъ трапезъ. Давайте вашу фуражку, пойдете къ жёнѣ. А, да вотъ и она! Вы легки на помятѣ, сударыня... Прошу васъ, какъ коменданта дома, арестовать сего непокорнаго юношу, бунтующаго противъ устава. Не шутя, онъ хочеть удрать отъ обѣда... Видано-ли это? И еще гдѣ? въ черноземной полосѣ Россіи, въ хлѣбосольномъ шишовскомъ уѣздѣ, у самого представителя уѣзда! Каковъ?

Демидъ Петровичъ вдругъ пришелъ въ необыкновенно игривое расположеніе духа. Ему показалось, что онъ рѣшилъ задачу, что теперь и овцы будутъ цѣлы, и волки сыты. За столомъ, послѣ жаренаго, вдругъ появилось шампанское. Протасьевъ вспыхнулъ и нахмурился. Онъ чувствовалъ, что Каншинъ поймалъ его на неосторожномъ словѣ и хочеть теперь вполне воспользоваться своимъ положеніемъ.

— Что это? За что мы нынче съ шампанскимъ? голосомъ дѣтскаго невѣденыя и дѣтской недогадливости изумилась m-me Каншина; — мой супругъ сталъ въ послѣднее время кутить. Моп-

сіеиц Протасьевъ, добавила она съ граціозною шутливостію, — по-журите его нежношко!

— Сегодня я дѣйствительно хочу покутить, если вы мнѣ это позволите, мой строгій комендантъ, шутиль въ отвѣтъ расходившійся Каншинъ, вставъ съ бокаломъ въ рукѣ. — Хотя это отчасти и тайна, но я, какъ старый болтунъ, выболтаю ее тебѣ... Ровно никого нѣтъ, nous sommes en famille... Борисъ Андреечъ сдѣлалъ намъ честь, жена, — просить руки нашей дочери Евы. Благодари его за эту честь... Конечно, онъ заявилъ мнѣ это еще неофициально, но между старыми друзьями какія церемоніи! Выпьемъ отъ всей души за здоровье нашего дорогого будущаго зятя... Человѣкъ! налей полнѣе! Чего зѣваешь!.. Я вполне увѣренъ, что мы приобрѣтемъ въ Борисѣ Андреевичѣ не только ближняго родственника, но еще истиннаго сына, истиннаго друга нашей семьи... Онъ всегда имъ былъ и, конечно, останется имъ на будущее время... Ура! За здоровье Бориса Андреевича!

Изумленіямъ m-ше Каншиной не было предѣловъ. Она ожидала всего, кромѣ этого; конечно, она давно замѣчала, что между Борисомъ Андреевичемъ и ея Евою что-то есть. Особенно замѣчала она это на своей бѣдной Евѣ, которая, несмотря на свои 18 лѣтъ, еще чистый младенецъ; она не умѣетъ скрывать своихъ сердечныхъ волненій. Да и какъ скрыть ихъ отъ пронизательнаго взора матери, которая о нихъ только думаетъ, ихъ только видитъ? Какая разница — мужчина! И особенно человѣкъ большого свѣта, въ родѣ Бориса Андреевича. Кто-бы когда-нибудь могъ подозрѣвать, что онъ способенъ почувствовать нѣжность и таить ее такъ долго? О, нынѣшній день будетъ въ одно и то-же время счастливѣйшимъ и несчастнѣйшимъ днемъ ея жизни. Счастливымъ потому, что она, m-ше Каншина, принимаетъ въ нѣдра своей любимой маленькой семьи какъ-бы новаго сына въ лицѣ дорогого ей Бориса Андреевича; несчастнымъ, разумѣется, потому, что она въ нѣкоторомъ смыслѣ отрываетъ отъ себя часть себя самой, теряетъ дочь, съ которой она до сихъ поръ не разлучалась ни на одинъ день. Само собою разумѣется, что эта неразлучность съ Евою была со стороны госпожи Каншиной такимъ-же безсознательнымъ и бесполезнымъ враньемъ, какъ и 18 лѣтъ Евы, которой, по самымъ умѣреннымъ расчетамъ, перевалило за 25 лѣтъ. Протасьевъ былъ озадаченъ, какъ рѣдко слу-

чалось ему быть, такою рѣшительною штукаю своего пріятеля. Однако, ему не оставалось ничего, кромѣ улыбокъ, кивковъ и пожатій поздравлявшихъ его рукъ. Отказываться отъ своихъ собственныхъ словъ, только-что сказанныхъ, было немислимо. Каншинъ то-и-дѣло поддиваль ему въ стаканъ шампанскаго.

— Пейте, голубчикъ, теперь нельзя! настаиваль онъ. — Когда же и пить, какъ не въ эти счастливыя минуты молодыхъ увлеченій... Это настоящее Моѣtte... Въ Крутогорскѣ и не пихали такого... Помните, у губернатора въ послѣдній разъ подавали? Дрянъ, водича подслащенная!

Послѣ обѣда, когда началась, въ тиши уединенія, проба разныхъ рѣдкостей, присланныхъ Елисеѣвичемъ, Каншинъ сообщилъ Протасѣеву планъ, который его совершенно ободрилъ. Протасѣевъ долженъ былъ заварить дѣло на своемъ сахарномъ заводѣ и на своей паровой крупчаткѣ не одинъ, какъ перстъ, а цѣлою компаніей. Каншинъ обѣщаль ему достать капиталы. Прежде всего Протасѣевъ долженъ былъ обратиться къ Татьянѣ Сергѣевнѣ Обуховой. Эта глупая баба, какъ объявилъ Каншинъ, вздумала заложить все свое имѣнье въ поземельномъ банкѣ по самой высокой спеціальной оцѣнкѣ; теперь на каждой десятинѣ ея земли лежитъ около 70 руб. долгу. Займомъ этимъ она расплатилась съ кредиторами, съ магазинами, съ своею собственною прислугою и рабочими и за оплатою всего у нея еще осталось 30,000 т., которыя она просила Каншина пристроить въ какое-нибудь выгодное предпріятіе. Надобно только торопиться. Эта взбалмошная баба въ одну недѣлю можетъ промотать цѣлый миліонъ. Съ ея капиталомъ можно завтра-же начать заказы и перестройки. А тѣмъ временемъ онъ, Каншинъ, подыщетъ другихъ компаньоновъ. Протасѣевъ упомянулъ-было своего друга Овчинникова, но Каншинъ поспѣшилъ увѣрить его, что ему отлично извѣстны дѣла Овчинникова, что всѣ его деньги на мѣстахъ и что вообще, хотя онъ ему и племянникъ, съ нимъ не особенно пріятно вести денежные счета. Каншинъ, дѣйствительно, не забылъ, что Овчинниковъ его племянникъ и что если онъ умретъ бездѣтнымъ, все его состоянье перейдетъ въ родъ Девида Петровича. Поэтому онъ находилъ крайне-легкомысленнымъ подбивать Овчинникова на такое рискованное предпріятіе, какое было въ головѣ у Протасѣева. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что весною Протасѣевъ же-

нится на Евѣ. Дѣла будутъ къ тому времени полагены, пригото- вленія въ домѣ Протасьева окончены, а Каншинъ надѣялся къ тому времени собрать капиталъ Евы.

Протасьевъ уѣхалъ отъ Демида Петровича уже поздно вече- ромъ, совершенно подкутившій и непоколебимо увѣровавшій въ золотыя горы, которыя ему сулило воображеніе отъ его сахарнаго завода и его паровой крупчатки.

На другой-же день онъ отправился вмѣстѣ съ Каншинымъ къ Татьянѣ Сергѣевнѣ и, къ счастью своему, еще успѣлъ захватить деньги. Она уже обѣщала ихъ адвокату Прохорову, который велъ въ Крутогорскѣ ея дѣла и который увѣрялъ ее, что она можетъ получать на нихъ по 50, по 100 и даже 200%, вложивъ ихъ въ одно новое предпріятіе, затѣянное въ Крутогорскѣ подъ руководствомъ самого Прохорова и состоявшее въ покупкѣ съ аукціона и перепродажѣ недвижимыхъ имѣній. Демида Петровича, разумѣется, увѣрилъ ее, что самъ Богъ избавилъ ее отъ ужаснѣйшаго риска, что вмѣсто суленныхъ 200% она въ одинъ годъ лишилась-бы всего капитала, что адвокаты вообще знаютъ хорошо статьи законовъ, но ничего не понимаютъ въ коммерческихъ дѣлахъ, и что если она хочетъ довѣриться его опытности и помѣстить свои деньги въ дѣйствительно-солидное и выгодное предпріятіе, то ей лучше войти въ компанію сахарнаго завода и паровой крупчатки, которую задумалъ основать Протасьевъ. Тутъ она, само собою, не рискуетъ ничѣмъ, потому что все огромное состоянье Протасьева обезпечиваетъ судьбу этихъ заводовъ. Заботясь о себѣ, онъ ужъ поневолѣ будетъ заботиться и объ ея интересахъ. Статистика послѣднихъ лѣтъ, по увѣренію Каншина, несомнѣнно доказала, что свекло-сахарное производство даетъ рубль-на рубль, что повышеніе таможеннаго тарифа на сахарный песокъ несомнѣнно ручается за дальнѣйшее процвѣтаніе этой промышленности и что земля Протасьева въ селѣ Навозинѣ, какъ извѣстно всему агрономическому міру, можно сказать, спеціально пригодна къ громаднмъ посѣвамъ свекловицы... Когда Каншинъ въ доказательство сталъ даже приводить цифры процентовъ извести и сахаристыхъ веществъ въ свеклѣ различныхъ мѣстностей, то Татьяна Сергѣевна до такой степени убѣдилась въ глубокой хозяйственной мудрости Демида Петровича и

въ несомнѣнныхъ выгодахъ рекомендуемаго предпріятія, что рѣшилась въ тотъ-же вечеръ написать Прохорову отказъ и послать его съ нарочнымъ въ Крутогорскъ, а деньги 30,000 руб. передала при Каншинѣ Протасьеву, подписавъ множество какихъ-то обязательствъ, объявленій и соглашеній, которыя, по словамъ Каншина, всегда въ этихъ случаяхъ подписываютъ. Вексель на 30,000 Протасьевъ долженъ былъ привести ей завтра отъ нотариуса, что онъ акуратно и исполнилъ.

Евгеній Марковъ.

(Продолженіе будетъ.)

РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ АМЕРИКѢ *).

(Окончаніе.)

VI.

ПРОТЕСТАНТОКІЯ СЕКТЫ.

Попытка опредѣлить догматическое различіе между пресвитеріанами, методистами и другими подобными сектами, особенно между методистами различныхъ толковъ, между пресвитеріанами-конформистами и пресвитеріанами-неконформистами, была-бы тяжкимъ и неблагодарнымъ трудомъ. Сами сектанты какъ-то ухитряются находить самыя тонкія отличія своей секты отъ другихъ, но человѣкъ посторонній, мало интересующійся подробностями, въ сущности неважными, второстепенными, въ которыхъ и лежитъ различіе, постоянно смѣшиваетъ секты одну съ другой и кончаетъ тѣмъ, что даетъ имъ общее названіе „ханжей и лицемеровъ“. Двѣ трети всѣхъ американскихъ протестантовъ отличаются вообще тѣмъ, что строго придерживаются библии и точнаго исполненія воскреснаго дня, исповѣдываютъ „вѣру безъ дѣлъ“, допускаютъ предопредѣленіе, малое число небесныхъ избранниковъ, вѣчность мученій ада. Они, собственно говоря, прямыя послѣдователи Нокса и Кальвина. Въ сущности, всѣ мелкія секты въ этой большой сектѣ различаются между собою скорѣе въ подробностяхъ своего внутренняго устройства, чѣмъ особенностями своего вѣроисповѣданія. Однакожъ, и эта разница болѣе кажущаяся, чѣмъ дѣйствительная. Во всѣхъ сектахъ безъ исключенія духовенство пользуется большимъ вліяніемъ и свою власть проявляетъ довольно деспотически,

*) См. № № 2-й и 3-й „Дѣла“ за 1876 г.

хотя протестантъ въ Соединенныхъ Штатахъ непремѣнно станетъ хвалиться передъ вами, что его вѣроисповѣданіе не требуетъ пассивнаго повиновенія духовенству, напротивъ, оно совершенно подчиняетъ духовную власть свѣтской.

Въ сущности, національной религіей въ Соединенныхъ Штатахъ слѣдуетъ считать методизмъ. Секта методистовъ своей численностью и вліяніемъ значительно превосходитъ остальные секты. Демократическій способъ управленія общинами льститъ прирожденнымъ американцу инстинктамъ свободы, индивидуальности и самоуправленія. Масса необработанныхъ умовъ (какъ между бѣлыми, такъ и между чернoвожами) или даже умовъ, слегка обтесанныхъ полуразвитіемъ, притягивается методизмомъ при помощи жаркихъ проповѣдей, грубаго размалевыванья блаженствъ райа, ужасовъ смерти и ада. Методизмъ — религія большинства: методистская церковь удовлетворяетъ стремленіямъ къ извѣстной умственной независимости и къ идеалу, доступному всякому по своей грубой простотѣ. Методизмъ, при всей строгости своей догматики, способенъ на уступки, когда видитъ, что безъ нихъ обойтись нельзя. Такъ методистскій священникъ креститъ дѣтей или погруженіемъ въ воду, или окропленіемъ, смотря по желанію родителей, или даже совсѣмъ не креститъ ихъ, предоставляя имъ исполнить эту церемонію, когда они, сдѣлавшись взрослыми, сами почувствуютъ, что ихъ посѣтило откровеніе Божіе, и захотятъ поступить въ церковь по собственной волѣ. Онъ готовъ на всякія уступки, если не видитъ отъ нихъ вреда для своей церкви.

Джонъ Веслей почти неизвѣстенъ внѣ секты методистовъ, но если взглянуть серьезно на его дѣятельность, нельзя не согласиться, что онъ имѣлъ болѣе вліянія на человѣчество, чѣмъ такіе извѣстные короли и императоры, какъ Людовикъ XIV и Наполеонъ I. Родившійся въ Линкольнширѣ въ концѣ прошлаго столѣтія, Веслей сдѣлался основателемъ секты методистовъ, прозванной такъ въ насмѣшку, за строго-методичный нравъ и за суровую систематичность привычекъ ея основателя. Онъ принадлежалъ къ англиканской церкви. Находя, что его реформаторскія идеи неприменимы къ этой церкви, онъ рѣшился сдѣлать попытку созданія новой религіи. Вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Витфильдомъ, онъ сталъ дѣйствовать на краснокожихъ и на колонистовъ Новой Англіи; его пропаганда сопровождалась зна-

чительнымъ успѣхомъ, который вскорѣ отразился и въ самой метрополит. Кортетъ и Пизарро умѣли только уничтожать и убивать; Веслей-же однимъ словомъ завоевывалъ души и умы. Позднѣе въ Соединенныхъ Штатахъ его государство распалось, по однимъ и тѣмъ-же причинамъ, какъ и государство политическое, на двѣ части: одна враждебная, другая преданная рабству. Появились методисты-сѣверяне и методисты-южане. По вопросу о пьянствѣ—этошъ любимомъ грѣхѣ янки—церковь сѣвера еще подраздѣлилась на методистовъ-епископаловъ и на методистовъ-веслеянцевъ; одни признавали законность продажи христіаниномъ рома, другіе считали такое барышничество дѣломъ безбожнымъ. Такимъ образомъ, секта Веслея и Витфильда раздѣлилась сначала на три секты, затѣмъ на дюжину и, наконецъ, на цѣлый рядъ мелкихъ сектъ.

Баптистская секта, также довольно многочисленная, вышла изъ методистской. Баптисты считаютъ крещеніе взрослыхъ, и притомъ только однихъ взрослыхъ, главнымъ догматомъ своей вѣры. Они также подраздѣлились на второстепенныя секты, на баптистовъ старой школы, баптистовъ-кампбелитовъ, нѣмецкихъ баптистовъ, баптистовъ-плавальщиковъ, баптистовъ свободной воли, просто свободныхъ баптистовъ и на множество другихъ сектъ, изъ которыхъ каждая предполагаетъ, что нашла настоящую истину и единственное средство къ спасенію.

Всѣ эти старинныя секты составили тотъ фундаментъ, тотъ геологическій нижній слой почвы, ту искусственно-наносную землю, на которой наслонились позднѣйшіе пласты. Принципы, ими проповѣдуемые, легли въ основаніе національнаго характера, со всѣми его хорошими и дурными сторонами. Нація принадлежитъ сектамъ и секты принадлежатъ націи. Старыя секты все еще пользуются огромной популярностью, и потому считаютъ себя вполне правотверными. Въ другимъ исповѣданіямъ онѣ относятся съ завистью и даже ненавистью и ихъ послѣдователей зовутъ *неверными*,—короче, онѣ нетерпимы и фанатичны. Проповѣдники этихъ сектъ на словахъ большіе ригористы. Это-то и нравится янки, который

не ищетъ легкой религіи, какъ не гоняется за дешевизной, ведетъ крупныя дѣла, хорошо платитъ, чтобъ получать хорошій товаръ: the genuine article. Онъ любитъ плотное, прочное, тяжелое, толстое; онъ желаетъ, чтобы и самую истину отпускали ему цѣлыми мѣшками. Чѣмъ ученіе грубѣе, тѣмъ оно кажется ему внушительнѣе. Онъ не довѣряетъ тому, что легко понять. Въ своихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ онъ недоувѣрчивъ, хитеръ и лукавъ; коварство его вошло въ пословицу. Вполнѣ увѣренный, что сладкіе пирожки поэзіи и раздушенныя конфеты, сбываемыя кондитерами либерализма, всѣ болѣе или менѣе отравлены, онъ требуетъ отъ своихъ духовныхъ наставниковъ, чтобъ они приносили ему „хлѣбъ жизни“ въ самомъ грубомъ его видѣ: чтобъ это былъ хлѣбъ домашній, дурно выпеченный, дурно поднявшійся, приготовленный изъ дурно-выдѣланной муки. „Я имѣю столько здраваго смысла, сколько можетъ имѣть человекъ, думаетъ янки;—я не нуждаюсь, чтобъ мнѣ проповѣдывали о томъ, что я отлично понимаю и знаю, и даже лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Нѣтъ, пусть мнѣ говорятъ о томъ, чего я не понимаю, но чему долженъ вѣрить. Вотъ для этого-то и нужны мнѣ священники“.

Эта приверженность янки къ грубой образности въ вопросахъ религіознаго содержанія напоминаетъ собою типъ французскаго крестьянина, превосходно изображенный Бонжеромъ. Французскій крестьянинъ хитеръ и лукавъ, подобно янки; онъ каждый годъ запасается дешевымъ календаремъ, чтобъ знать дни ярмарокъ, предсказанія погоды, когда будетъ дождь, когда вѣтеръ, когда градъ, изморозь или солнце. На его взглядъ, эти календари, весьма плохо отпечатанные, еще не довольно отвратительны по своей бумагѣ, слогу, картинамъ; онъ предпочелъ-бы бумагу, которая, по своей толщинѣ, не годилась-бы даже для заворачиванія свѣчей. Онъ съ большимъ наслажденіемъ разсматривалъ-бы полтипажи, гравированные на деревѣ такимъ-же первобытнымъ способомъ, какъ это могли-бы дѣлать гуроны или ирокезы. Между тѣмъ грубые и безобразные календари, приспособленные ко вкусу крестьянъ, обходятся дороже, чѣмъ кокетливыя и изящныя изданія съ золотымъ обрѣзомъ и иллюстраціями Гревена. Не доказываетъ ли такое направленіе вкуса французскаго крестьянина, что онъ не вѣритъ метеорологіи новѣйшихъ ученыхъ, но прекло-

няется предъ астрологіей; безусловно вѣря стародавнимъ предсказаніямъ, онъ отвергаетъ всѣ выводы новѣйшей науки. Точно также и янки думаютъ, что чѣмъ грубѣе религія, тѣмъ она болѣе истинна.

Болѣе образованные люди стараются вырваться изъ слишкомъ первобытнаго для нихъ методизма, обрабатываютъ его, украшаютъ, измѣняютъ во всѣхъ смыслахъ. Отсюда происходитъ множество второстепенныхъ сектъ, которыя болѣе или менѣе отдаляются отъ ученія Веслея, однакожь, не настолько, чтобы со-всѣмъ порвать съ методизмомъ. Только люди передовые совсѣмъ ускользаютъ изъ секты.

Конгрегационалисты — тѣ-же методисты, но они отличаются нѣсколько большей свободой дѣйствій, нѣкоторыми познаніями, нѣкоторою степенью образованія, и сравнительно болѣе либеральны.

Конгрегационалисты дѣлятся на множество отраслей: милленеры, опредѣляющіе годъ, въ который долженъ совершиться конецъ міра; милериты, опредѣляющіе даже день и часъ этого событія; перфекціонисты, достигающіе совершенства на землѣ, и многіе другіе.

О цвинглистахъ и кальвинистахъ говорить нечего, такъ-какъ они достаточно извѣстны въ Европѣ.

Универсалисты, по мнѣнію методистовъ, уже совершенные еретики. Нечестіе ихъ доходитъ до того, что они вѣрятъ, будто-бы людямъ будутъ прощены всѣ грѣхи и они возвратятся въ великую семью Отца небеснаго, который, говорятъ они, будетъ при скончаніи вѣковъ весь во всѣхъ, весь всѣмъ и весь для всѣхъ. Методисты не могутъ безъ ужаса говорить объ этомъ страшномъ догматѣ.

Изъ отчета о сектѣ универсалистовъ за 1875 г. видно, что къ ней принадлежало 31,000 взрослыхъ людей. Эта секта издавала 9 газетъ; богослуженіе совершали 674 священника; приходъ было 935, церквей 624.

Послѣдователи секты универсалистовъ по штатамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Въ восточн. штат. было	9,200	30 проц.
„ центральныхъ	7,100	23 „
„ западныхъ	12,800	41 „
„ южныхъ	1,100	3,5 „
„ Канадѣ	800	2,5 „
	<hr/>	
	31,000	100 проц.

Духовенство универсалистовъ обладаетъ недвижимою собственностію, приносящею дохода 2,000,000 долларовъ, что составитъ по 3,200 долларовъ на каждую церковь.

Унитаріи по своимъ вѣрованіямъ очень близки къ универсалистамъ и приближаются къ простымъ денстамъ.

Квакеры, шункфельдеры, виннебренаріи, сведенборгіане, моравскіе братья и менониты такъ похожи другъ на друга, что ихъ можно считать почти одной сектой.

Менониты, болѣею частью нѣмцы и голландцы, въ послѣднее время съ особеннымъ усердіемъ переселяются въ Соединенные Штаты. Ёдутъ туда и менониты изъ Россіи, желая избѣжать обязательной военной службы. Уже около 4,500 человекъ, переселившихся изъ Россіи, избрали для своихъ колоній земли по берегу озера Виннипега; къ нимъ постоянно прибываютъ новыя переселенцы. Правительство Соединенныхъ Штатовъ отдало сосѣднія съ ними земли исландцамъ, оставившимъ тысячами свою страну послѣ недавняго изверженія тамъ вулкановъ.

Многіе изъ нашихъ читателей знакомы съ интересной книгой Диксона „Новая Америка“. Въ ней превосходно описаны секты: шекеровъ, отвергающихъ любовь и бракъ, и перфекціонистовъ, допускающихъ въ принципѣ и на практикѣ, что каждый мужчина имѣетъ право быть многоженцемъ, а каждая женщина имѣетъ неограниченное число мужей. Описать ихъ и проанализировать ихъ вѣрованія было-бы очень интересно и даже поучительно, но объемъ этой статьи не позволяетъ намъ взяться за это.

Та-же причина удерживаетъ насъ отъ описанія секты мормоновъ. Едва-ли существуетъ другая современная секта, которую изучали-бы съ большимъ любопытствомъ и о которой знали-бы

болѣе, чѣмъ о мормонахъ. Но лучше ничего не говорить о ней, такъ-какъ говорить вкратцѣ, не впадая въ общія мѣста, было бы очень трудно.

Спириты, о которыхъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, вербуютъ послѣдователей во всѣхъ сектахъ и во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ; они дѣлаютъ это такъ ловко, что переходъ, напримѣръ, отъ самаго суроваго пресвитеріанства къ самому разнузданному спиритизму почти совершенно незамѣтенъ.

Такииъ образомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ всевозможныя секты, отъ обрядоваго методизма до чистаго деизма, — цѣлая лѣстница разнообразныхъ вѣрованій, очень близко соприкасающихся на сосѣднихъ ступеняхъ и значительно расходящихся, даже противоположныхъ, на крайнихъ ступеняхъ, т. е. на самой верхней и самой нижней. Здѣсь, какъ мы видимъ, каждый гражданинъ можетъ избрать себѣ ученіе, болѣе другихъ соотвѣтствующее довѣ разсудка и вѣры, которыми онъ обладаетъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ даже церковь крайнихъ скептиковъ, вѣрующихъ всему и въ то же время ничему невѣрующихъ. Она основана на отрицаніи положительныхъ догматовъ и доводитъ протестантскій принципъ свободнаго изслѣдованія до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Она ничего не утверждаетъ, но также ничего и не отвергаетъ. Ея послѣдователи дѣйствительно вѣрятъ только въ существованіе человѣческаго разума; это картезианцы, которые не пошли далѣе перваго предложенія системы: я мыслю, значитъ, существую. Ихъ церковь находится въ деревнѣ Флоренціи, въ Массачузетъ; она извѣстна подъ именемъ: Coasian Hall, что можно перевести: Зала Вселенной. Сюда могутъ войти безразлично и присоединиться къ сектѣ еврей, шекеръ, меконитъ, кальвинистъ, лютеранинъ, мормонъ, будистъ, китаецъ, индѣецъ, обожающій великаго Маниту, деистъ, пантеистъ и даже атеистъ. На прибитой надъ дверью доскѣ изъ бѣлаго мрамора выбитъ слѣдующій символъ вѣры этой секты: „мы уважаемъ въ себѣ и въ другихъ полную свободу ума и совѣсти. Мы признаемъ, что каждый человѣкъ обязанъ имѣть умъ и сердце постоянно готовыми къ принятію новой истины. Мы не ищемъ единства въ

вѣрѣ. Мы требуемъ отъ всякаго только искренности ума и поступковъ, признанія братства и равноправности людей. Во всемъ прочемъ мы не дѣлаемъ различія между нашими членами, ни въ отношеніи пола, ни цвѣта кожи, ни національности“.

„Эта програма, говорить „New-York Tribune“,—исполняется въ точности. Всякій, кто хочетъ, можетъ говорить проповѣди въ Cosmian Hall. Если ему угодно молиться, онъ можетъ обращаться къ Богу съ какою ему вздумается молитвой. Если онъ не вѣрить въ силу молитвы, онъ всходитъ на кафедру и говорить о томъ, что его преимущественно интересуеть. Если онъ предпочитаетъ пѣніе, онъ можетъ пѣть гимны по своему выбору. Если онъ жаждетъ читать біблію, онъ найдетъ экземпляръ священнаго писанія на пюпитрѣ. Но онъ можетъ принести съ собою коранъ, зендавесту, философскія произведенія Эмирсона, Мартино, Спенсера, Витмана, Миля или стихотворенія Броунинга, Тенисона, Лонгфелло,—выборъ зависить вполне отъ него. Только по окончаніи рѣчи или чтенія каждый изъ слушателей имѣетъ право встать и оспаривать то, что онъ слышалъ. „Право критики, говорить послѣдователи секты,—составляетъ важное преимущество нашего общества; широкое пользованіе этимъ правомъ приводитъ къ благимъ результатамъ, подрывая догматически-официальный тонъ, несогласующійся съ принципами демократіи“.

Въ этой интересной общинѣ перемѣшаны матеріалисты съ спиритуалистами; здѣсь встрѣчаются люди всевозможныхъ сектъ и различныхъ исповѣданій. Своимъ проповѣдникомъ, или, лучше, ораторомъ секта избрала Берлея, молодого человѣка, отлученнаго отъ церкви всѣми окрестными правовѣрными. Берлей—ярый аболіціонистъ, нѣсколько эксцентричный даже въ одеждѣ. Помощницею его нѣкоторое время была миссъ Поуэль, но теперь она оставила общественную дѣятельность и вступила въ бракъ. Въ воскресной школѣ при общинѣ главное вниманіе обращено на обученіе музыкѣ. Въ одномъ классѣ ея читается курсъ фізіологіи. Занавѣсомъ, передвигающимся на желѣзныхъ прутьяхъ, зала раздѣляется на двѣ части; одна изъ нихъ обращается, когда это бываетъ нужно, въ театральную сцену съ оркестромъ, а другая предназначается для публики. Зала украшена портретами замѣчательныхъ людей, какъ Шекспиръ, Рубенсъ, Александръ Гумбольдтъ, Джонъ Броунъ. Зала имѣетъ боковыя пристройки, въ которыхъ помѣщается клубъ, го-

стинны, кухни и нѣсколько буфетовъ. „New-York Tribune“ говорить, что эту залу слѣдовало-бы точнѣе называть не залой космоса, а залой хаоса.

Однакожь, если мы подумаемъ, то непременно согласимся, что хаосъ, удивляющій всѣхъ въ этой общинѣ, едва-ли многимъ отличается отъ хаоса, какой обнаруживается въ каждой залѣ Лондона, Парижа или Нью-Йорка, гдѣ сходятся виѣстъ материалисты, спиритуалисты, правовѣрные, неправовѣрные, католики, евреи, протестанты. Удивляются, что хаосъ можетъ существовать около двѣнадцати лѣтъ въ Сошіан Халл'ѣ, но онъ существуетъ гораздо долѣе въ нашемъ цивилизованномъ и образованномъ обществѣ. Надо, впрочемъ, сказать, что перенести въ церковь столкновение различныхъ мнѣній, тревожащихъ наше свѣтское общество, — идея чисто-американская.

Методизмъ, изъ котораго вышла масса самыхъ разнообразныхъ сектъ, самъ по себѣ представляетъ такую спутанность въ догматахъ, что чрезвычайно трудно опредѣлить, какіе изъ нихъ основныя, какіе случайныя, какіе, наконецъ, представляютъ собою отраженіе американской оригинальности, какіе приняты не въ силу религіозныхъ соображеній, а просто ради чисто-мірскихъ, практическихъ цѣлей. Одно можно сказать утвердительно, — что методизмъ во многомъ разошелся съ своимъ первообразомъ — лютеранствомъ.

Въ ряду другихъ сектъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ какъ протестантству, такъ и католичеству, лютеранство занимаетъ переходное положеніе: менѣе радикально, чѣмъ одно, менѣе консервативно, чѣмъ другое. Ему слѣдуетъ большинство нѣмцевъ, эмигрировавшихъ въ Соединенные Штаты, но неуспѣвшихъ еще объамериканиваться.

Лютеранство не сходитъ съ моральнымъ настроеніемъ населенія Соединенныхъ Штатовъ и, по всей вѣроятности, будетъ поглощено методизмомъ и сектами, изъ него исходящими. Однакожь, пока оно представляетъ еще довольно значительную силу. Въ 1875 году оно имѣло 4,639 церквей, 2,568 пасторовъ; обладало 15 теологическими факультетами и 16 колежами; издавало 50 газетъ (24 на нѣмецкомъ, 18 на англійскомъ, 4 на шведскомъ, 3

на норвежскомъ и 1 на датскомъ языкахъ.) Причастниковъ, т. е. взрослыхъ, въ этомъ году было 571,372 человекъ.

VII.

КАТОЛИКИ.

Кальвинизмъ, съ его чадами, методистами, пресвитеріанцами, конгрегационалистами и другими, развивался въ борьбѣ съ католицизмомъ. И католицизмъ, въ свою очередь, съ его чадами, галиканствомъ и ультрамонтанствомъ, развивался въ ненависти къ протестантизму. Изслѣдуя протестантство, по-необходимости приходится заниматься католицизмомъ, и наоборотъ. Протестантство и католицизмъ—два брата-врага; они взаимно ненавидятъ и проклинаютъ другъ друга. Самая радикальная борьба ведется между методизмомъ и ультрамонтанствомъ, двумя юными наслѣдниками соперничающихъ домовъ Монтеки и Капулетти, у которыхъ никогда не будетъ ни Ромео, ни Жюльетты. Впрочемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ они живутъ относительно довольно мирно между собою, но не потому, что они стали менѣе ненавидѣть другъ друга. Ненависть осталась прежняя, только поводовъ для столкновенія менѣе: населеніе штатовъ разбросано на огромномъ пространствѣ и каждое исповѣданіе можетъ жить, не иѣшая одно другому. Однакожъ, въ большихъ городахъ случаются ссоры между католиками и протестантами; въ Нью-Йоркѣ въ послѣдніе годы было два католическихъ возстанія, до сихъ поръ памятные населенію этого города.

Въ іюлѣ 1871 года живущіе въ Нью-Йоркѣ ирландцы-католики, сами всегда свободно пользовавшіеся правомъ манифестацій, вздумали помѣшать оранжистской процессіи. Существованіе въ наше время оранжистовъ или союзниковъ Вильгельма Оранскаго представляетъ чрезвычайно странную аномалію; смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, носить извѣстный ярлыкъ, когда поводъ для его носенія исчезъ давнымъ-давно. Оранжисты, т. е. ирландцы-протестанты, считающіе своей обязанностію досаждать ирландцамъ-католикамъ, вздумали отпраздновать съ большимъ торжествомъ побѣду, одержанную Вильгельмомъ Оранскимъ надъ своимъ тестемъ Яковомъ II

при рѣкѣ Бойнѣ 179 лѣтъ тому назадъ. Казалось-бы, ирландцамъ-католикамъ, въ виду недѣльной, но въ сущности невинной, за-тѣи, слѣдовало пожать плечами и спокойно пропустить мимо себя процесію оранжистовъ, выступавшихъ съ желтыми знаменами; но они поступили иначе, доказавъ, что у нихъ очень мало здраваго смысла. Они объявили, что если процесія оранжистовъ осмѣлится показаться на улицѣ, они встрѣтятъ ее палками и пулами. Нью-Йоркскіе либералы возмутились такой нетерпимостью и дали слово защитить оранжистовъ. Процесія пошла въ сопровожденіи городской милиціи и полицейскихъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Католики встрѣтили ее ружейными выстрѣлами и убили и ранили 20 человекъ. Милиція и полицейскіе сдѣлали залпъ и выхватили изъ рядовъ католиковъ 60 человекъ. Далѣе процесія продолжала свой путь безостановочно.

Еще ранѣе, въ 1863 году, нью-Йоркскія улицы были ареной борьбы между ирландцами-католиками и протестантами вообще. Городъ Нью-Йоркъ собиралъ охотниковъ для отправленія въ армію сѣверянъ. Ирландцы приняли сторону рабовладѣльцевъ изъ ненависти къ неграмъ, какъ къ конкурентамъ по работѣ, а также потому, что негры по большей части методисты. Произошло кровавое столкновеніе.

Большинство католиковъ (девять десятыхъ) въ Соединенныхъ Штатахъ принадлежитъ къ демократической партіи. Протестанты раздѣлялись въ вопросѣ о рабствѣ: одни принадлежали къ его противникамъ, другіе его защищали. Но католики, логично, хотя не гуманно, явились горячими защитниками патріархальнаго учрежденія и во время междоусобной войны дрались въ рядахъ рабовладѣльцевъ. Побѣдилъ Сѣверъ и уничтожилъ рабство, причину войны, но не уничтожилъ вражды между двумя соперничавшими фракціями, продолжающими борьбу и до сихъ поръ, хотя онѣ являются подъ другими именами и другими знаменами. Отдѣльныя лица могутъ иногда прощать, но партіи въ своей враждѣ непреклонны. Тори и виги будутъ поддерживать вражду другъ къ другу до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать конституціонная монархія въ Великобританіи, а можетъ быть и долѣе. Тори и

виги метрополи въ измѣненномъ видѣ, болѣе, впрочемъ, по внѣшности, чѣмъ по сущности, существуютъ и въ бывшей колоніи подъ именемъ демократовъ и республиканцевъ. Англійскіе торы симпатизируютъ американскимъ демократамъ, а виги — республиканцамъ. Какіе-нибудь сильныя перевороты могутъ создать новыя партіи, но пока старыя партіи существуютъ, между ними невозможно прочное соглашеніе. Въ основаніи ихъ дѣятельности лежитъ эгоизмъ и онѣ живутъ ненавистью.

Аболиционисты, одержавъ побѣду, не захотѣли разорвать своихъ враговъ до основанія: они оставили имъ почти всю ихъ собственность; поэтому рабовладѣльцы легко могли оправиться; залечивъ свои раны, они снова готовы къ борьбѣ. Много есть основаній предполагать, что эта борьба приметъ религіозный характеръ, что возникнетъ она между протестантами и католиками. По мѣрѣ того, какъ заселяется Союзъ, число поводовъ къ столкновенію должно увеличиваться, а при каждой встрѣчѣ протестантовъ съ католиками на аренѣ, гдѣ имъ приходится конкурировать, они вцѣпляются въ волосы другъ другу.

Извѣстно, что Грантъ выискиваетъ предлогъ, какъ-бы ему остаться президентомъ на третій срокъ, хотя этого не желаетъ даже его партія. Когда состоялся союзъ между демократами и католиками, онъ рѣшилъ, что шансы его на успѣхъ увеличатся, если онъ явится ревностнымъ поборникомъ протестантизма противъ интригъ ультрамонтанства. Онъ написалъ тенесійскому военному обществу письмо, надѣлавшее большого шума въ Соединенныхъ Штатахъ.

„Станемъ трудиться, писалъ онъ между прочимъ, — для обезпеченія у насъ свободы мысли, свободы слова, свободы прессы, истинной нравственности, религіозныхъ чувствъ, освобожденныхъ отъ всякихъ путъ, равенства, правъ и свободы всѣхъ, безъ ограниченія ея національностью, цвѣтомъ или религіей. Станемъ поощрять свободныя школы, постараемся, чтобы ни одинъ долларъ не былъ затраченъ на сектаторскую школу. Пусть ни одинъ штатъ не поддерживаетъ у себя учебныхъ заведеній, гдѣ оба пола не учатся совмѣстно, гдѣ не дается воспитаніе, свободное отъ атеистическихъ, языческихъ или сектаторскихъ вліяній... Будемъ строго держаться постановленій, узаконяющихъ отдѣленіе церкви отъ государства... И если въ будущемъ возникнетъ распря, то раздѣлять насъ бу-

детъ не мезонъ-дигсонская линія, но линія, проведенная между патриотизмомъ и умственнымъ развитіемъ съ одной стороны, и суевѣріемъ, честолюбіемъ и невѣжествомъ съ другой!“

Это заявленіе важно потому, что Грантъ предвидитъ возможность гражданской войны и утверждаетъ, что клерикальное честолюбіе можетъ сдѣлаться опаснымъ для американскихъ учрежденій, въ особенности для принципа отдѣленія церкви отъ государства.

Но если ультрамонтанскія интриги могутъ угрожать принципамъ новѣйшаго общества въ странѣ, гдѣ церковь отдѣлена отъ государства, то еще большая опасность отъ нихъ угрожаетъ странамъ, гдѣ не существуетъ этого отдѣленія. Религіозный вопросъ приобретаетъ теперь особую важность въ странахъ, гдѣ населеніе исповѣдуетъ различныя религіи. Интриги ультрамонтанъ въ Баваріи, Испаніи, Пруссіи, Италіи и Франціи заставили призадуматься государственныхъ людей. Иезуиты навели такой страхъ, что противъ нихъ ополчились въ Англіи — Гладстонъ, а въ Соединенныхъ Штатахъ — Грантъ.

Производство монсеньера Мак-Клюки въ кардиналы произвело тревогу въ Соединенныхъ Штатахъ, такъ-какъ это событіе послужило очевиднымъ доказательствомъ успѣха католицизма въ американской республикѣ. До сихъ поръ римская курія считала католическую епархію въ Соединенныхъ Штатахъ не настолько значительной, чтобы ее можно было поручить вѣденію высшаго сановника церкви, кардинала, хотя вашингтонское правительство два раза обращалось къ папѣ съ просьбой наградить кардинальской шапкой достойнѣйшаго изъ архіепископовъ. Въ первый разъ просилъ объ этомъ, въ 1850 году, президентъ Фильморъ, но получилъ отказъ. Въ 1863 году Линкольнъ просилъ папу наградить кардинальствомъ архіепископа Гюга. Но зависть монсеньера Бэйли, архіепископа балтиморскаго, помѣшала осуществленію желанія президента. Архіепископъ балтиморскій — примасъ въ Соединенныхъ Штатахъ, подобно тому, какъ архіепископъ лійонскій — примасъ во Франціи, а архіепископъ іоркскій — въ Англіи. Конечно, это не мѣшаетъ архіепископамъ парижскому, лондонскому и нью-

Йоркскому пользоваться большимъ вліяніемъ и обладать болѣе значительнымъ богатствомъ, чѣмъ ихъ примасы.

Наконецъ, папа, уже не дожидаясь представленій американскаго правительства, возвелъ монсеньера Мак-Клоки въ кардинальскій санъ. Это назначеніе было встрѣчено съ энтузіазмомъ не только католиками, что весьма понятно, но даже протестантами изъ богачей. Событіе это было отпраздновано съ великимъ торжествомъ въ Нью-Йоркѣ. Нѣсколько юныхъ протестантовъ, которымъ предстояло совершить бракъ, перешли въ католичество съ единственной цѣлью—быть обвиняемыми кардиналомъ. Въ числѣ перешедшихъ была дочь Ораса Грили, извѣстнаго издателя газеты „Tribune“, мидіонера, бывшаго нѣкогда однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ вожаковъ протестантской партіи.

Однакожь, сама газета „Tribune“, органъ либеральной буржуазіи, отнеслась съ ироніей къ торжествамъ по случаю назначенія въ Соединенные Штаты кардинала, которое, по ея мнѣнію, должно скорѣе огорчать истиннаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ, такъ-какъ этотъ фактъ ясно показываетъ успѣхъ католицизма въ странѣ чисто-протестантской и свободной, а католицизмъ постоянно враждебенъ свободѣ и развитію.

Дѣйствительно, успѣхи католицизма въ Соединенныхъ Штатахъ поразительны и должны радовать папскій престолъ. Въ 1801 году въ Бостонѣ и его окрестностяхъ было всего 1,000 католиковъ. Нѣсколько менѣе ихъ было во всѣхъ остальныхъ штатахъ Новой Англіи; вся католическая паства въ этой странѣ имѣла только четырехъ священниковъ. Теперь въ Новой Англіи шесть католическихъ епархій съ 6 епископами, съ 500 священниковъ и 1,000,000 католическаго населенія.

Такое-же быстрое возрастаніе числа католиковъ замѣчается и въ другихъ штатахъ Союза. Въ 1790 году въ Союзѣ насчитывалось всего 2,500 католиковъ; теперь ихъ 5,500,000. Католическое населеніе за это время возрасло въ 222 раза, а общее населеніе въ штатахъ только въ 14 разъ.

80 лѣтъ тому назадъ въ Союзѣ считалась только одна католическая епархія, теперь 7 архіепископствъ и 53 епископства; священниковъ тогда было 21, теперь 5,000; церквей было 4, теперь 6,051. И если по численности католическая секта занимаетъ теперь четвертое мѣсто, то по богатству своихъ храмовъ и

средствъ, какими обладаетъ духовенство, — второе, а вскорѣ будетъ занимать даже первое мѣсто. Въ его распоряженіи находится теперь 138 мужскихъ и 383 женскихъ монастырей съ 3,000 монаховъ и 10,000 монахинь; 18 семинарій съ 1,375 студентами, 68 колежей, 511 второразрядныхъ школъ, 1,444 приходскія школы и 300 благотворительныхъ заведеній. Въ школахъ, руководимыхъ католическимъ духовенствомъ, обучается 850,000 учениковъ и ученицъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ цѣнность недвижимаго имущества, принадлежащаго католической церкви въ Союзѣ, оцѣнивалась въ 10 миліоновъ долларовъ; теперь она цѣнится самимъ духовенствомъ въ 70 миліоновъ, дѣйствительную-же цѣну ея можно положить въ 100 мил. Но даже и эта цифра едва-ли будетъ истинной; извѣстно, что католическое духовенство умѣетъ находить такіе тайные источники доходовъ, о которыхъ общество узнаетъ часто много лѣтъ спустя послѣ того, какъ этотъ источникъ прекратился.

Такимъ образомъ, церковь монсеньера Мак-Клоки одна изъ самыхъ богатѣйшихъ въ Союзѣ. Но паства самая бѣднѣйшая; большинство ея состоитъ изъ ирландцевъ. Извѣстно, впрочемъ, что въ католицизмѣ, гдѣ духовенство богато, тамъ прихожане непремѣнно бѣдны.

Причинъ быстро возрастанія католическаго населенія въ Соединенныхъ Штатахъ очень много. Главнѣйшая изъ нихъ, безспорно, — эмиграція. Невозможно вполне точно опредѣлить, какии именно числомъ эмигрантовъ усиливается каждая изъ отдѣльныхъ сектъ, оспаривающихъ другъ у друга почву Союза, но приблизительно вѣрно можно опредѣлить изъ слѣдующей таблицы:

Въ послѣднія пять лѣтъ Соединенные Штаты пріобрѣли эмигрантовъ:

42%	—	579,000	чел.	—	англичанъ и ирландцевъ; большинство католики.
35%	—	492,500	„	—	нѣмцевъ; перевѣсъ на сторонѣ протестантовъ.

11%	—	158,000	„	—	канадцевъ; почти всѣ католики.
6%	—	85,000	„	—	разныхъ романскихъ племенъ, французовъ, итальянцевъ, испанцевъ, испано и португало-американцевъ; — почти всѣ католики.
3%	—	50,000	„	—	скандинавовъ, славянъ и другихъ.
3%	—	49,000	„	—	китайцевъ.
<hr/>					
100%	—	1,413,500			

Едва-ли мы ошибемся, если примемъ одно изъ слѣдующихъ двухъ отношеній: изъ 11 эмигрантовъ 6 католиковъ и 5 протестантовъ; или изъ 9 эмигрантовъ 5 католиковъ, 4-ре протестанта. При такомъ перевѣсѣ численности эмигрантовъ-католиковъ надъ эмигрантами-протестантами, немудрено, что прежнее значительное преобладаніе протестантскаго населенія надъ католическимъ въ Соединенныхъ Штатахъ съ каждымъ годомъ умалется и уже нѣсколько лѣтъ раздаются жалобы, что національный характеръ — пуританскій и чистокровнаго янки — постепенно измѣняется.

Трудность точнаго вывода зависитъ еще и отъ того, что притокъ эмиграціи мѣняется по годамъ не только въ абсолютныхъ числахъ, но и въ относительной пропорціи. Въ предпоследнемъ отчетномъ году, съ 1-го іюля 1873 года по 30 июня 1874 года, Союзъ приобрѣлъ 313,339 эмигрантовъ изъ 103 различныхъ странъ. Въ прошломъ отчетномъ году число эмигрантовъ изъ Великобританіи и изъ странъ, населенныхъ романскими и славянскими племенами, увеличилось, а изъ Германіи уменьшилось. Кромѣ того, для точности вывода необходимо принимать въ соображеніе контръ-эмиграцію, т. е. возвращеніе на родину эмигрантовъ, которымъ не посчастливилось въ новомъ отечествѣ. Въ послѣднее время торговый и промышленный кризисъ, продолжающійся уже около трехъ лѣтъ, усилилъ обратное движеніе изъ Соединенныхъ Штатовъ; уходятъ преимущественно нѣмцы и канадцы.

Трудно, почти невозможно, по неизмѣннѣю необходимымъ даннымъ,

въ точности изслѣдовать всѣ остальные причины быстрого возрастанія католическаго населенія въ Соединенныхъ Штатахъ. Гораздо легче опредѣлить главныя причины, отъ которыхъ зависитъ быстрое увеличеніе цѣнности имуществъ, принадлежащихъ католическому духовенству въ Соединенныхъ Штатахъ.

Католицизмъ умѣетъ изъ всего извлекать деньги. Онъ положилъ таксу не только за исполненіе обрядовъ, предписываемыхъ церковью, но и на грѣхи; католическое духовенство торгуетъ индульгенціями и въ покупателяхъ не имѣетъ недостатка. Преступленія искупаются не только покаяніемъ, но также пожертвованіями и денежными штрафами. Грѣхи и заблужденія оцѣниваются различно, смотря по матеріальнымъ средствамъ согрѣшившаго. Подобныя сдѣлки и даютъ популярность католицизму: легче заплатить извѣстную сумму, чѣмъ подвергаться скудѣ раскаянія и дѣйствительно исправиться. Въ странахъ полу-католическихъ, полу-протестантскихъ всякій знаетъ, что протестантъ менѣе расходуетъ на свою религію, чѣмъ католикъ. Протестантство менѣе требовательно въ денежномъ отношеніи, за то болѣе строго въ отношеніи нравственности.

Католическій папѣрь среднимъ числомъ получаетъ значительно больше, чѣмъ протестантскій пасторъ, имѣющій семейство и принужденный тратить на него весь свой доходъ. Католическій папѣрь холостъ; онъ тратитъ только часть своего дохода, остальное идетъ въ пользу общаго имущества католической церкви. Римская церковь представляетъ собою одно изъ самыхъ могущественныхъ финансовыхъ учрежденій; устанавливая догматомъ безбрачіе духовенства, папы имѣли въ виду сдѣлаться владыками міра, ибо самый прямой путь къ владычеству—обладаніе громаднѣйшими матеріальными средствами. Римская церковь теперь очень богата, но она была-бы несравненно богаче, если-бы время отъ времени отъ нея не отнимали часть захваченнаго ею добра. Реформа Лютера и Генриха VIII англійскаго значительно уменьшила богатства католической церкви. Революція 1793 года отняла у французскаго духовенства недвижимое имущество, цѣнностью въ нѣсколько сотъ миліоновъ рублей. И несмотря на эти кризисы, католическое ду-

ховенство снова богатѣло и продолжаетъ богатѣть, пока какой-нибудь переворотъ снова не заставитъ его возвратить часть захваченнаго у общества имущества.

Зарождающійся антагонизмъ между католиками и протестантами въ Соединенныхъ Штатахъ можетъ привести къ сильной борьбѣ, результатомъ которой, по всей вѣроятности, будетъ захватъ протестантскимъ правительствомъ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ католической церкви. Но если побѣдятъ католики, т. е. если правительство сдѣлается католическимъ, то трудно предсказать, къ какимъ послѣдствіямъ приведетъ это молодую республику, но едва-ли къ выгоднымъ для ея свободныхъ учрежденій.

VIII.

РЕЛИГИЯ НЕГРОВЪ.

Руководясь логикой, не слѣдовало-бы религію негровъ, принадлежащихъ большею частью къ сектамъ баптистовъ или методистовъ, разсматривать отдѣльно отъ этихъ сектъ. Къ тому же логика въ этомъ отношеніи вполне согласна съ христіанскимъ догматомъ, недопускающимъ разницы между грекомъ и варваромъ, между грѣшникомъ бѣлымъ или чернокожимъ. Первобытный грѣхъ лежитъ на всѣхъ одинаково, слѣдовательно и послѣдствія его для всѣхъ одинаковы. Но теорія не всегда согласна съ практикою. Американецъ, даже сѣверянинъ, который велъ войну за освобожденіе негровъ, за дарованіе имъ всѣхъ политическихъ и гражданскихъ правъ, — даже сѣверянинъ не можетъ выносить встрѣчи съ негромъ въ одномъ и томъ-же театрѣ, въ одномъ вагонѣ, въ одной залѣ. Сѣверянинъ проливалъ кровь за негра, дрался рука объ руку съ нимъ на полѣ сраженія, но ѣсть хлѣбъ за однимъ столомъ, пить воду изъ одного графина — это для него невозможно. У него съ негромъ одна религія, одинъ Богъ, одинъ Спаситель, но онъ почувствовалъ-бы отвращеніе и брезгливость стоять вмѣстѣ съ негромъ передъ однимъ престоломъ и пить съ нимъ вмѣстѣ изъ одной чаши кровь божественнаго Агнца, принесеннаго въ жертву за грѣхи міра. Трудно себѣ представить то пренебреженіе, съ

которымъ самые набожные люди южныхъ и даже сѣверныхъ штатовъ относятся къ религіознымъ обрядамъ негровъ. На словахъ они, конечно, протестуютъ противъ предположенія, что, по ихъ мнѣнію, существуетъ одинъ Богъ для душъ бѣлыхъ и другой для душъ негровъ, но поведеніе ихъ противорѣчитъ ихъ увѣренія.

Если догматика методиста-негра ничѣмъ не отличается отъ догматики бѣлаго методиста, то все-таки неоспоримо, что способъ проявленія своей вѣры у негровъ отличается гораздо болѣе усердной обрядностью, чѣмъ у бѣлыхъ. Европейцу, привыкшему къ своей спокойной, скромной и небросающей въ глаза религіи, покажется изумительнымъ методизмъ янки съ его „пробужденіемъ“ и „полевыми митингами“; но самый методизмъ янки кажется блѣднымъ и безцвѣтнымъ при сравненіи его съ методизмомъ негра. Для большей части цивилизованныхъ людей религія есть вѣра въ Высшее существо, въ Создателя міра. Но такое отвлеченное понятіе не имѣетъ никакого смысла для негра, слишкомъ наивнаго, чтобъ понимать что-нибудь въ нашихъ тонкихъ опредѣленіяхъ. Негръ—это большое дитя, это духовный обращенецъ каменнаго періода, который вырвали изъ его среды, перенесли черезъ океанъ и силою втолкнули въ нашу цивилизацію; онъ страстно желаетъ ее усвоить, но плохо понимаетъ ее. Негръ не смотритъ на религію только какъ на собраніе извѣстныхъ постановленій, которымъ слѣдуетъ повиноваться; онъ дѣлаетъ болѣе—онъ *живетъ своей религіей*, онъ предается ей безусловно, не размышляя. Цивилизованный человѣкъ изслѣдуетъ, сомнѣвается, но негръ сомнѣній не знаетъ, онъ по своей дѣтской натурѣ и сомнѣваться не въ состояніи; его вѣра чиста и тверда, цѣльна и прозрачна, какъ алмазъ, который чертитъ все, но на немъ никакимъ другимъ минераломъ начертить нельзя.

Негръ въ Соединенныхъ Штатахъ, обращенный въ рабство, лишенный политической и общественной жизни, до нѣкоторой степени лишенный даже жизни семейной, бросился въ жизнь религіозную съ чрезмѣрной горячностью; такимъ рвеніемъ онъ не отличался на своей прежней родинѣ, но тамъ условія его жизни были иныя. Въ его новомъ положеніи только религія охраняла его личность, мѣшала ему считать себя за животное или за вещь; она соединяла его съ человѣчествомъ и замѣняла ему все, что онъ

потерялъ въ своемъ правѣ человѣка. Поэтому-то онъ и предался религіи до самозабвенія, чему отчасти способствовалъ его жгучій темпераментъ. Негръ чувственъ и пылокъ; онъ нуждается въ сильныхъ ощущеніяхъ, какъ англо-саксонецъ или германецъ не можетъ обойтись безъ вѣрскихъ напитковъ. Негръ до страсти приверженъ ко всему трагическому; если онъ чувствуетъ страхъ, отвращеніе или радость, онъ предается этому чувству вполне, въ самомъ крайнемъ его проявленіи. Ему легко являются видѣнія, онъ видитъ пророческіе сны, его ухо охотно приметъ гласу добрыхъ и злыхъ духовъ, наполняющихъ воздушное пространство. Вѣчно завистливые и вѣчно все критикующіе бѣлые упрекаютъ его за это усердіе. Они говорятъ, что христіанство негра скорѣе фетишизмъ, только слегка замаскированный, что его методизмъ очень схожъ съ поклоненіемъ „воду“, т. е. священной змѣѣ—національной религіи негровъ, отличающейся дикими мистеріями и допускающей даже человѣческія жертвоприношенія и людоедство. Бѣлые обвиняютъ негровъ-баптистовъ въ томъ, что они въ глубинѣ лѣсовъ иногда устраиваютъ торжественныя празднества „воду“, сопровождающіяся возмутительной грубостью и убійствами; были, будто-бы, даже случаи людоедства. Ничего нѣтъ удивительнаго, если языческая обрядность и теперь еще примѣшивается къ христіанскимъ вѣрованіямъ негровъ, когда въ Европѣ, въ глухихъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ еще живы языческія суевѣрія и составляютъ фонъ религіи крестьянъ этихъ мѣстностей. Какъ-же могли внезапно отказаться отъ своихъ суевѣрій эти бѣдные идолопоклонники, перенесенные въ христіанскую страну съ береговъ Гвинеи, изъ глубины Мозамбика или Судана, посвященные въ тайны христіанства такими-же несчастными рабами, какъ и они сами? Могли-ли они, ознакомившіеся съ цивилизаціей посредствомъ ударовъ плетью жестокаго надсмотрщика надъ рабами, не смѣшивать дорогихъ имъ впечатлѣній юности, когда они были относительно свободныѣ, съ впечатлѣніями зрѣлаго возраста, когда они были превращены въ рабовъ? Впрочемъ, съ прекращеніемъ ввоза негровъ чисто-африканскій культъ „воду“ сталъ исчезать, а методизмъ негровъ сталъ съ каждымъ днемъ очищаться отъ національно-африканскихъ примѣсей. Но бѣлые стоятъ на своемъ, они говорятъ, что методизмъ негровъ—только нѣсколько видоизмѣненная форма древняго фетишизма. Допустимъ,

что они правы. Но развѣ католицизмъ бретонскаго или овернскаго крестьянина, тирольскаго горца или абруцскаго разбойника многимъ отличается отъ негритянскаго методизма? Однако, католицизмъ по-необходимости терпитъ всѣ суевѣрія, которыми заражены эти наивные люди, — иначе и поступать ему нельзя; мало того, онъ примѣняется къ нимъ и, благодаря своей податливости, держитъ въ рукахъ невѣжественную массу.

Негры-методисты къ своимъ вѣрованіямъ не добавили поклоненія иконамъ, оставаясь на почвѣ протестантизма. Посредствомъ одного своего воображенія, безъ помощи всякихъ наружныхъ знаковъ, негръ доходитъ до того, что видитъ самого Христа, обращается къ нему, слышитъ его отвѣты, бесѣдуетъ съ нимъ. Бѣлые, желающіе удержать за собою послѣднее слово, говорятъ, что исполненіе религиозныхъ обрядовъ неграми производитъ въ нихъ такіе нервныя феномены, которые доходятъ до экстаза. Они утверждаютъ, что видѣнія негровъ — простыя галюцинаціи и что ихъ мистическіе восторги составляютъ патологическое состояніе. Все это прекрасно, но бѣлые забываютъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто на собраніяхъ „ревивалей“, на ихъ-же „полевыхъ митингахъ“.

Для насъ, конечно, безразличенъ этотъ споръ и намъ нѣтъ никакой надобности высказываться за ту или другую сторону; факты для насъ важнѣе теорій. Мы опишемъ одинъ религиозный негритянской митингъ, изъ числа тѣхъ первобытныхъ митинговъ, которые были весьма обыкновенны во время рабства, но со времени освобожденія негровъ стали принимать иной характеръ.

Большая зала, чистая и освѣщенная газомъ. Присутствуетъ на митингѣ негровъ около 150-ти человѣкъ. Все это народъ сосредоточенный, черный, какъ смола. Впрочемъ, между ними можно насчитать съ пол-дюжины мулатовъ; бѣлыхъ — ни одного. Всѣ одѣты опрятно. На нѣкоторыхъ чернокожихъ дамахъ бѣлыя платья; на головахъ-же всѣ радужныя цвѣта. Пасторъ — старикъ съ бѣлой бородой; лицо очень выразительное. Онъ всходитъ на возвышеніе и импровизируетъ молитву, произнося ее медленно, низкимъ голосомъ. Вѣрные, закрывъ глаза и опустивъ голову на руки, кажутся погруженными въ самое глубокое размышленіе. Священникъ читаетъ мѣсто изъ книги Бытія и начинается описывать сотвореніе міра. Мы

изложимъ здѣсь вступленіе его въ рѣчь, но, къ сожалѣнію, переводъ нашъ не можетъ вполнѣ точно передать оригинальный, при-
сущій только негру, способъ выраженія:

„Братья мои! Прошло 6,877 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Богъ создавалъ міръ, когда утреннія звѣзды пѣли вмѣстѣ. Это случилось не вчера. Если вы не вѣрите, читайте книгу Іова и вы сами увидите; это было третьяго дня?—нѣтъ. Я былъ тамъ?—нѣтъ. Я былъ слишкомъ маленькій, маленькій, но если Богу угодно, я пойду на небо тоже; и звѣзды, и я, мы будемъ пѣть вмѣстѣ: алилуія! алилуія! Богъ небесный сдѣлалъ міръ и все, что въ немъ. Богъ повѣсилъ міръ на потолокъ неба, на большой крюкъ? Да, да! Употреблялъ Онъ молотокъ для крюка? — нѣтъ; употреблялъ гвозди?—нѣтъ; Онъ употреблялъ только слово божіе“.

Далѣе въ своей рѣчи проповѣдникъ рассказываетъ о своемъ обращеніи.

„Если мы не можемъ проповѣдывать о Богѣ, мы можемъ говорить о Богѣ. Если не можемъ говорить о Богѣ, мы можемъ жить въ Богѣ. Если не можемъ жить въ Богѣ, мы можемъ умереть въ Богѣ. Я тоже служу Богу 42 года; я служу Богу больше, чѣмъ рабъ Моисей блуждалъ въ пустынѣ. Послѣ 42 лѣтъ, если я не знаю еще Бога, для меня лучше запереть лавочку, пойти въ домъ Бога и увидѣть его тамъ. Іисусъ взял мою душу изъ ада; моя душа горѣла, какъ головня. Это было 42 года тому назадъ. Это было во Фридрихсбургѣ, въ старой Виргиніи. Слава Іисусу! Слава Богу! Я не боюсь ада, я обращенный. Но не всѣ обращенные, и эти необращенные будутъ горѣть въ огнѣ. Если вы, братья, не хотите умереть въ черную ночь, вы, братья, должны молить Іисуса, чтобы онъ держалъ свѣчку. Милость Бога и свѣчка въ сердцѣ доброму брату! Дьяволъ лаетъ, левъ рычитъ, но доброму брату бояться нечего. Ангелъ придетъ съ зажженной свѣчкой свѣтить доброму брату дорогу на небо...“

Это, конечно, дѣтская рѣчь, но она сильно дѣйствовала на чувства слушателей. Самъ проповѣдникъ, охваченный душевнымъ волненіемъ, плакалъ и рыдалъ, кричалъ и прыгалъ.

„Да, да, добрый братъ, ты не умрешь ночью, продолжалъ онъ,—тебѣ слѣдуетъ умереть только въ день вѣчный. Христосъ принесетъ свѣчку. Если Христосъ принесетъ малую свѣчку, Богъ Отецъ

также принесетъ свѣчку. Съ тремя свѣчами—свѣчкой Іисуса, свѣчкой Бога Отца, свѣчкой святого Духа — будетъ свѣтло доброму брату; ночи нѣтъ для него, никогда больше не будетъ ночи!“

По жѣрѣ того, какъ рѣчь, сначала монотонная, переходила въ живую и страстную, присутствующіе, обратившись въ слухъ, съ большимъ интересомъ слѣдили за поученьемъ, искупающимъ свою наивность живостью произношенія, пылкостью и заразительностью воодушевленія проповѣдника.

Потомъ собраніе стало пѣть духовныя пѣсни, извѣстныя у негровъ подъ именемъ „спиритуаловъ“. Эти пѣснѣ импровизированы христіанскими рапсодами, пѣвцами и поэтами; онѣ не отличаются строгой послѣдовательностью, иногда не имѣютъ даже смысла. Поются онѣ со всевозможными жестами, движеніями головой, руками, ногами, всѣмъ тѣломъ, сопровождаются вскрикиваніями, воплями, вздохами и ликованіями, на что косо смотрятъ бѣлые миссіонеры и проповѣдники, но чего негры непремѣнно придерживаются, говоря, что поступаютъ согласно библіи. („Это есть въ библіи, это есть въ Матвеѣ“.) Негры, конечно, правы, сохраняя, пока имъ доставляетъ удовольствіе, свой невинный обычай ликованій; обычай этотъ, впрочемъ, очень древній и въ свое время составлялъ принадлежность всѣхъ религій въ ихъ первобытномъ состояніи.

Кричать, пока охрипнешь, было всегда одной изъ формъ религіознаго экстаза. Мы видимъ, что нѣкоторыя дикія племена и въ наше время еще не выучились говорить; они скорѣе кричатъ, свистать и визжать. На слѣдующихъ ступеняхъ своего развитія люди доходятъ до музыкальной, протяжной пѣсни, до рифмованнаго языка; при дальнѣйшемъ развитіи люди уже возвышаются до прозы, которая составляетъ высшую степенъ развитія языка и можетъ считаться плодомъ самаго большого усилія человѣческой мысли. Нужно замѣтить, что негры недавно еще считали свое пѣніе, т. е. свои крики, необходимою частью богослуженія. Церкви или, скорѣе, часовни ихъ называются домами хваленій или пѣснопѣнія. Ночи, проводимыя ими въ молитвахъ, пѣніи и пляскахъ, называются хвалебными ночами. Въ эти ночи, даже лѣтомъ, раскладывается въ очагѣ или передъ домою большой огонь.

Знакомые съ негритянской музыкой могутъ подумать, что ихъ религіозныя пѣсни сложены тоже на живые, плясовые мотивы; дѣй-

ствительно, между ними есть и такія, но онѣ составляютъ исключеніе; большинство-же этихъ пѣсень въ высшей степени меланхоличны, какъ испанскіе „soledades“, и поются жалобнымъ, монотоннымъ голосомъ, что сильно раздражаетъ нервную систему.

Какъ психологическую рѣдкость, мы приведемъ два или три изъ самыхъ распространенныхъ спиритуаловъ, доказывающихъ, насколько умъ негра узокъ, бѣденъ, какимъ малымъ запасомъ знаній онъ обладаетъ! Пѣсни эти точно пріотворяютъ передъ нами дверь его хижины и мы бросаемъ взглядъ внутрь его жалкаго, съ низкимъ потолкомъ, темнаго и убогаго шалаша. Первые два изъ сообщаемыхъ ниже спиритуаловъ принадлежатъ къ такъ-называемой іорданской категоріи этихъ пѣсень. Погруженные въ „великую скорбь“, бѣдные рабы со вздохами ожидали своего освободителя, своего Моеся, явившагося имъ, послѣ долгаго ожиданія, въ лицѣ Линкольна. Они бѣжали изъ Египта, мѣста своего рабства, они блуждали по громаднымъ, безконечнымъ пустынямъ. Широко разлившіяся и глубокія воды Іордана отдѣляли ихъ отъ Ханаанской, обѣтованной земли, той страны съ молочными и медовыми рѣками, которая была дана имъ въ наслѣдство:

„Мой братъ, берегись сатаны!
Моя армія переходитъ черезъ рѣку,
Мой братъ, берегись сатаны,
Моя армія переходитъ черезъ рѣку“.

Далѣе мы будемъ пропускать этотъ припѣвъ между куплетами.

„Сатана очень занятъ;
Мой братъ, осыпь твое лицо пепломъ,
Надѣнь кожаный фартукъ,
Мы станемъ переходить Іорданъ,
Эту рѣку, что течетъ, вѣчно течетъ,
Мы станемъ переходить Іорданъ,
Мы станемъ переходить чрезъ воду глубокую,
Мы станемъ переходить рѣку.
Армія Фараона уже потонула,
Мы станемъ переходить большой потокъ!“

И вотъ они рѣшаются, наконецъ, начать переправу:

„Михаиль гребетъ къ берегу, алилуія!
Лодка Михаила—евангеліе святое, алилуія!

Берегъ—это небо! алилуія!

Скажи: пришла-ли туда моя маменька? алилуія!

Смотри, вотъ она на вершинѣ утеса, алилуія!

На утесъ во имя Христа вскочила маменька, алилуія!

Михаилъ, Михаилъ, греби съ пѣсню: алилуія!

Ангель Гавріиль труби въ трубу, алилуія!

Моя сестра, помогай, помогай грести, алилуія!

Иорданъ широкъ, онъ быстръ, алилуія!

Иисусъ стоитъ тамъ, онъ зоветъ насъ, алилуія!

Скажи: будетъ-ли тамъ онъ, мой масса? алилуія!"

Во время войны съ рабовладѣльцами полки негровъ, переходя рѣку или хватаясь за весла, всегда пѣли одинъ изъ этихъ гимновъ.

Нужно признаться, что между этими гимнами и народными пѣснями нѣтъ большой разницы, но все зависитъ отъ чувства, которое негры влагаютъ въ исполненіе своихъ религиозныхъ пѣсень. Насъ поражаетъ и напѣвъ ихъ, и слова потому только, что мы мало размышляемъ. Наша религія чисто-духовная, она охватываетъ преимущественно высшія чувства нашей души. Но когда возбужденіе ума такъ сильно, что заставляетъ трепетать каждую жилку, каждый мускуль, то тѣло невольно пускается въ плясъ. Негръ пляшетъ подъ свои гимны, потому что онъ поетъ ихъ всѣмъ сердцемъ; его „ликванія“ вызываютъ священную пляску. Негръ пляшетъ вокругъ Евангелія, какъ вакханки плясали вокругъ торжествующаго Бахуса, возбужденныя до крайности своимъ пѣніемъ. Пляска воинственная, пляска свадебная, пляска похоронная—только различный размѣръ физическихъ движеній, умѣряющихъ сильное душевное движеніе и мѣшающихъ ему перейти въ беспорядочный шумъ. Два сходныя слова *lasc* и *leich* (*lai*, *vigelai*) обозначали у германцевъ жертвоприношенія богамъ и религиозныя танцы, которые происходили въ кругу (*Ringelreihen*), какъ хоры въ Греціи и Италіи и какъ хвалебныя митинги негровъ.

Во время общихъ моленій негровъ, когда молитвы и поученія успѣли уже произвести свое дѣйствіе, вѣрующіе складываютъ въ кучи около стѣнъ всѣ скамейки, запѣваютъ одинъ изъ вышеприведенныхъ гимновъ, становятся одинъ подлѣ другого и начинаютъ двигаться. Шагъ постепенно ускоряется и мало-по-малу переходитъ

въ прыжки; ударяя себя по бедрамъ или по колѣнямъ, или-же ударяя рукой объ руку, выбиваютъ тактъ. Таковъ общій типъ „либованій“ и сопровождающихъ ихъ танцевъ, но типъ этотъ имѣетъ нѣсколько видовыхъ различій. Моленья въ Виргиніи происходятъ иначе, чѣмъ въ Георгіи, Алабамѣ, Флоридѣ и южной Каролинѣ. Точно также въ каждомъ штатѣ, въ каждомъ кантонѣ предпочитаютъ одинъ какой-нибудь танецъ и даютъ ему имя этого кантона.

Обратимся теперь къ собраніямъ „сенсешеніонистовъ“. Они имѣютъ большое сходство съ только-что описанными, но отличаются отъ нихъ тѣмъ, что имѣютъ при себѣ большой оркестръ; это тѣ-же „ревивали“ и „полевые митинги“, составленные исключительно изъ африканскаго племени, несравненно болѣе способнаго къ возбужденію, чѣмъ бѣлые. Для подобныхъ описаній лучше всего пользоваться разсказомъ умнаго, безпристрастнаго, но благосклоннаго свидѣтеля; мы очень довольны, что можемъ привести здѣсь отрывокъ письма одного француза, челоуѣка вполне компетентнаго, живущаго въ Соединенныхъ Штатахъ:

„Собраніе происходитъ въ большой часовнѣ. Священникъ читаетъ одно мѣсто изъ Новаго Завѣта и объявляетъ, что будетъ говорить о распятіи Христа. Присутствующіе, обратившись всѣ въ слухъ, съ живымъ интересомъ слѣдятъ за фазисами развертывающейся передъ ними драмы. Въ нѣкоторые моменты по всей толпѣ пробѣгаетъ дрожь. Головы слушателей часто приходятъ въ волнообразное движеніе. Вскорѣ къ нѣкоторымъ лицамъ начала приливать кровь, что выражается у негровъ болѣе темною окраскою кожи. На этихъ подвижныхъ лицахъ стали появляться легкія и быстрыя, какъ свѣтъ, нервныя подергиванья, потомъ появились гримасы, болѣе или менѣе продолжительныя, повторяемая зѣвота, широкое открытіе рта, сопровождаемое дрожью и содраганіемъ во всѣхъ членахъ. Изъ разныхъ концовъ залы слышатся подавленные вздохи, глухія восклицанія, всѣ признаки не безъ труда сдерживаемаго волненія.

„Теперь, въ свою очередь, слушатели стали дѣйствовать на проповѣдника, который, сильно растрогавшись, началъ повышать тонъ своего краснорѣчія и роскошными красками рисовалъ картины страстей Господнихъ. Вокругъ него старшіе, т. е. ранѣе другихъ

присоединившіеся къ методизму, охваченные возрастающимъ волненіемъ, безпокойно ерзали на своихъ стульяхъ. Изрѣдка они съ силою потирали руки и съ энергіею били себя въ грудь. Ихъ тревожное состояніе тотчасъ-же передалось остальнымъ присутствующимъ и вскорѣ удары сильныхъ рукъ стали поражать каждую грудь. Съ разныхъ сторонъ слышались жалобныя стоны. Всѣ разомъ умоляли Христа простить ихъ, осуждали себя за грѣхи. Потомъ слова затерались въ невнятныхъ звукахъ и перешли въ вопли то печали, то гнѣва.

„Но вотъ священникъ, съ мрачнымъ взглядомъ, потрясаемый конвульсивными движеніями, сталъ биться въ борьбѣ съ духомъ-вдохновителемъ. Находился-ли онъ въ полномъ сознаніи? Его безпорядочныя жесты, неоконченныя и непослѣдовательныя фразы позволяли сомнѣваться въ томъ, что онъ владѣлъ своими способностями. Но вѣрующіе, хотя и неспособные схватить смыслъ его словъ, если-бы даже они и не были лишены его, оставались тѣмъ не менѣе подъ обаяніемъ голоса своего учителя. Если онъ останавливался, чтобъ перевести дыханіе, слушатели становились спокойнѣе. Если онъ топалъ ногой или изъ груди его вырывался могучій звукъ,—топанье и вопли удваивались. Господствуя надъ этимъ концертомъ дивныхъ криковъ, проповѣдникъ казался дирижеромъ оркестра потрясенной толпы; онъ заставлялъ, по своему желанію, дрожать каждый нервъ ея, то сдерживая, то давая полную свободу самому страшному гаму. Между тѣмъ начинался періодъ галлюцинацій и экстаза. Толпа духовидцевъ доходила до высшаго блаженства—созерцанія самого Бога. Одни, съ закрытыми глазами, съ открытымъ ртомъ, съ отпечатлѣвшимся на лицѣ счастьемъ, сосредоточенные въ общемъ расслабленіи и погруженные въ грезы, качались съ равномѣрностью маятника. Другіе, наоборотъ, въ бреду подпрыгивали въ жестокихъ судорогахъ и безумныхъ кривляніяхъ. Нѣкоторыя лица съ низкими и вдавленными лбами, выдающимися челюстями, отвисшими и раздутыми губами, искривлялись ужасными гримасами. Невозможно оставаться безчувственнымъ при видѣ этихъ стучащихъ и кричащихъ возбужденныхъ людей.

„Въ особенности женщины подвергались жестокиимъ пыткамъ. Многія изъ нихъ бились въ конвульсіяхъ съ вывернутой 'назадъ шей. Нѣкоторыя, какъ въ падучей болѣзни, катались по землѣ.

Иногда ихъ сосѣдки, пользуясь минутой сознанія, переносили ихъ на разложенные въ углу часовни матрацы, и потомъ снова, еще съ большей силой отдаваясь видѣньямъ, впадали въ судороги и испускали крики. Одна молодая дѣвушка, казалось, страдала плясочной св. Витта. Другая, наоборотъ, была въ настоящемъ припадкѣ каталепси и ея неподвижность статуи странно противорѣчила гримасамъ и прыжкамъ ея подругъ.

„Этотъ-то чрезмѣрный экстазъ и составляетъ отличительную черту религіи негровъ. Эти священныя конвульси составляютъ славу вѣрующихъ; въ негритянской церкви косо смотрятъ на женщину, которая не испытываетъ ихъ. По словамъ вѣрующихъ, Богъ отдаляется отъ нея. Чтобъ возвратить себѣ общественное уваженіе, ей надо „имѣть вѣру“, т. е. подвергаться экзальтаци въ виду собравшихся вѣрующихъ.

„Въ часъ утра окончилось это торжество, и окончилось оно по причинѣ нервнаго истощенія всѣхъ молящихся. Уже давно ослабѣвшій проповѣдникъ размышлялъ о чемъ то, или вѣрнѣе, спалъ на своемъ попитрѣ. Для этихъ мозговъ, къ которымъ прилила такъ сильно кровь, настала минута спячки. Постепенно наступило молчаніе. Изрѣдка только слышались стоны, какъ-бы вызываемые болью. Все собраніе казалось заснувшимъ. Только изрѣдка нѣсколько вѣрующихъ, какъ-бы пробуждаясь, вставали, окидывали толпу тупымъ взглядомъ и, покачиваясь, выходили изъ двери. Въ эту минуту Лиза, моя гувернантка, принимавшая дѣятельное участіе въ молитвахъ, собравшись съ силами, подошла ко мнѣ и мы вышли.

„Ахъ! сказала она мнѣ, когда мы были уже на улицѣ, — существуютъ еще люди, которые говорятъ, что Иисусъ Христосъ умеръ не для негровъ! Зачѣмъ посѣщаль-бы онъ насъ, если-бы умеръ не за насъ?

„И въ самомъ дѣлѣ Христосъ посѣщаетъ ихъ, потому что они убѣждены искренно, что видятъ Его“.

И замѣтно ужь онъ отъ ходьбы утомленъ:
Еле-еле по камнямъ шагаетъ.

Чтобъ немного вздохнуть (знать, не близкожь былъ путь),
Онъ къ скалѣ выступавшей прижался...
Вдругъ въ лощинѣ глухой, за высокой горой,
Чей-то хохотъ веселый раздался.

Мальчижь быстро вскочилъ и въ минуту же былъ
На высокой, скалистой эстрадѣ...
Турки быстро идутъ, разговоры ведутъ
О богатой и скорой наградѣ.

Увидавши врага, что поля и луга
Разорялъ и топталъ въ озлоблени,
Мальчижь весь поблѣднѣлъ и къ врагу возгорѣлъ
За деревню родимую мщеньемъ.

И дрожащей рукой самый крупный, большой
Сбросилъ камень въ турецкихъ низамовъ;
И забывши весь страхъ, съ гнѣвнымъ блескомъ въ глазахъ,
Сбросилъ онъ и другой въ супостатовъ.

Пораженъ весь отрядъ... но одинъ изъ солдатъ
На эстрадѣ малютку замѣтилъ,
И привычной рукой карабинъ дорогой
Прямо въ сердце ребенка намѣтилъ;—

Словно снапъ онъ упалъ у подножя скалъ,
Обагривъ кровью землю сырую...
Такъ малютка герой легъ своей головой
За поля, за деревню родную.

Много лѣтъ ужь прошло. Но про подвигъ его
Память вѣрный народъ сохраняетъ.
И про крошку-бойца, про героя-юнца
Мать, качая дитя, напѣваетъ.

А. Кругловъ.

РЕНЕГАТЪ.

РОМАНЪ

ЖЮЛЯ КЛАРЕТИ.

ГЛАВА XIX.

Знаменитая рѣчь Мишеля Бертье о незаконныхъ дѣтяхъ была встрѣчена республиканскими газетами не одинаково сочувственно. Однакожь большая часть ихъ съ радостью встрѣтили блестящій успѣхъ юнаго трибуна, но нѣкоторые изъ нихъ выражали свое удивленіе, что онъ избралъ такую тему для своей рѣчи. Вообще-же депутаты показывали неограниченный восторгъ, а строгіе республиканцы едва скрывали свое неудовольствіе.

Старый, суровый Дельклодъ, высказывая открыто свое мнѣніе о рѣчи Мишеля Бертье, говорилъ между прочимъ: „Мы ждали, что пламенный ораторъ громко заявитъ о поправныхъ правахъ народа, а увидали на трибунѣ краснорѣчиваго, но идиличнаго защитника оболъченныхъ женщинъ. Бертье обязанъ былъ произнести филиппику въ духѣ Мишеля изъ Буржа, а онъ произнесъ монологъ изъ „Idées de madame Aubray“.

Мишель Бертье очень обидѣлся этимъ отзывомъ, хотя въ немъ не было ничего оскорбительнаго или жестокаго.

— Эти якобинцы все тѣ-же, говорилъ онъ, — они вѣчно и всѣмъ недовольны.

Но за то онъ съ наслажденіемъ упивался восторженными похва-
лами, которыя расточали ему почти во всѣхъ газетахъ, сравни-

вавшихъ его по краснорѣчю съ Верньо и даже отдававшихъ ему первенство надъ знаменитымъ ораторомъ жирондистовъ. Вообще въ исполненіи возложеннаго на него долга онъ видѣлъ только удовлетвореніе своего самолюбія. Онъ зналъ лучше другихъ, и въ томъ числѣ Дельеода, что отъ него ждали не сантиментальной рѣчи, но онъ презрительно улыбался тупости людей съ узкими принципами, которые не признавали всей пользы легкой тактики и громаднаго значенія его первой рѣчи, какъ аванпостной перестрѣлки для послѣдующихъ генеральныхъ сраженій.

„Они меня вполнѣ оцѣнятъ, думалъ онъ, — когда увидятъ, для чего я съ самаго начала растрогалъ своихъ слушателей. Это вѣрнѣйшій путь къ уничтоженію враговъ“.

Онъ наввно въ это вѣрилъ и, встрѣтивъ Пьера Менара, спросилъ:

— Вы также меня осуждаете?

— Нѣтъ; ваша рѣчь великолѣпна и справедлива. Но отъ васъ ждали другого, вотъ и все. Конечно, это другое не заставить себя ждать.

— Слава-богу, отвѣчалъ Мишель, — что вы не принадлежите къ тѣмъ непреклоннымъ людямъ узкихъ принциповъ, которые не признаютъ тактику.

— Конечно, я ее признаю, но, прибавилъ Менаръ, — помните, что на землѣ нельзя обойтись безъ принциповъ, какъ на водѣ безъ компаса. Бываютъ зимою такіе темные, туманные дни, что ничего не видно сквозь окружающую мглу, но поднимите глаза къ верху — и вдали отъ грязи, мязмовъ и мрака сверкаютъ звѣзды на безоблачномъ небѣ. Туманъ — это личный интересъ, а звѣзды — принципы.

Мишель Бертъе находилъ теперь, что даже Менаръ, несмотря на его добродушіе, былъ слишкомъ строгимъ пуританиномъ. Въ головѣ юнаго трибуна происходила тяжелая работа, иѣчто вродѣ таинственнаго разложенія. Вступая въ законодательный корпусъ съ твердымъ намѣреніемъ высказать подъ его сводами горькую правду, онъ почувствовалъ очень естественно, что опасно говорить о вызвышенныхъ принципахъ представителямъ матеріальныхъ интересовъ. Онъ находилъ, что избиратели были слишкомъ требовательны и что прежде, чѣмъ явиться призракѣмъ прошедшаго, ему надо было добиться авторитета.

„Я желалъ-бы видѣть, что они сдѣлали-бы на моемъ мѣстѣ“, думалъ онъ, пожимая плечами.

Люди, предавшіеся всецѣло одной ненависти къ деспотизму, казались ему варварами и невѣждами.

— Необходимо вести политику по научной системѣ, говорилъ онъ часто, ставя расчетъ выше совѣсти.

Къ тому-же среда, въ которой вращалась баронеса Ривъ, научила его смотрѣть съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на то, что прежде возбуждало его энтузіазмъ. Постоянныя сношенія съ противниками, часто очень ловкими и всегда чрезвычайно любезными, ежедневные разговоры о мелочахъ жизни, обмѣнъ комплиментами и такъ далѣе—сдѣлали его болѣе снисходительнымъ къ враждебнымъ убѣжденіямъ. Избиратель, поручающій своему депутату высказывать его потребности, не находится за будисами законодательнаго собранія и потому часто сохраняетъ иллюзіи, которыя улетучиваются при близкомъ сношеніи съ лицами, казущимися издали совершенно иными, чѣмъ вблизи. Сколько ежедневныхъ уступокъ дѣлаютъ по слабости или изъ приличія люди, вступающіе на эту арену суровыми, незапятнанными пуританами! То не хватаетъ храбрости отвернуться отъ протянутой руки, то приходится отвѣчать любезностью на комплиментъ, то нѣтъ основанія отказаться отъ рюмки вина, предложенной въ буфетѣ, и т. д., и т. д.

Мишель Бертъе принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не умѣютъ устоять противъ соблазнительныхъ любезностей высокопоставленныхъ лицъ. Къ тому-же, критически относясь къ недостаткамъ своихъ противниковъ, онъ не могъ не отдавать справедливости ихъ талантамъ,—и по всѣмъ этимъ причинамъ его злоба къ сторонникамъ императорскаго правительства ежедневно смягчалась.

Однажды вечеромъ, въ проливной дождь, Мишель вышелъ изъ законодательнаго корпуса и, не найдя фіакра, отправился пѣшкомъ по набережной. Вдругъ онъ услышалъ, что его зоветъ кто-то по имени изъ окна проѣзжавшей мимо кареты.

— Если у васъ нѣтъ никакой колесницы, громко произнесъ веселый голосъ,—то я къ вашимъ услугамъ, г. Бертъе.

Мишелю показался этотъ голосъ знакомымъ; полагая, что его зоветъ одинъ изъ товарищей депутатовъ лѣвой стороны, онъ по-

спѣшилъ къ каретѣ, но, къ величайшему изумленію, увидалъ передъ собою одного изъ министровъ, съ которыми онъ могъ на другой-же день вступить въ жестокую борьбу. Мишель инстинктивно остановился.

— Полноте, безъ церемоній! воскликнулъ министръ со смѣхомъ;— мѣсто, которое я вамъ предлагаю, не можетъ васъ скомпрометировать. Я васъ завезу по дорогѣ.

Мишель хотѣлъ отказаться отъ этого любезнаго предложенія, но ему показалось смѣшнымъ и нелѣпнымъ такъ далеко прости- рать свою непримиримость. Поэтому онъ послѣ минутнаго колебанія вошелъ въ карету и сѣлъ рядомъ съ министромъ, который, ничего не спросивъ у Бертье, крикнулъ кучеру:

— Въ улицу Тетбу! Вы видите, прибавилъ онъ, добродушно улыбаясь,— я знаю вашу адресъ, и если-бъ пришлось васъ арестовать, то я не справлялся-бы у квесторовъ собранія или у префекта.

— Вы правы, отвѣчалъ Бертье тѣмъ-же тономъ;— вы можете этимъ путемъ выиграть нѣсколько минутъ, а во время государственнаго переворота иная минута бываетъ дороже ста лѣтъ.

— Каждая минута дороже ста лѣтъ во всякое время, отвѣчалъ министръ болѣе серьезнымъ тономъ,— и я не понимаю, признаюсь вамъ, зачѣмъ такіе хорошіе граждане, какъ вы и ваши друзья, теряете на бесполезную оппозицію то драгоценное время, которое вы могли-бы употребить на полезное служеніе родинѣ вмѣстѣ съ нами.

— О-о, ваше превосходительство, замѣтилъ Бертье,— вы злоупотребляете правами хозяина, стараясь меня подкупить.

— Подкупаютъ только людей посредственныхъ, отвѣчалъ министръ,— но принимаютъ съ распростертыми объятіями способныхъ личностей.

Мишель понялъ, что, какъ гость министра, онъ не могъ ничего отвѣчать, тѣмъ болѣе, что открытое признаніе его талантовъ министромъ польстило юному трибуну.

Когда карета остановилась передъ домою, въ которомъ жилъ Мишель, министръ протянулъ ему руку и онъ, естественно, пожалъ ее. Вообще Бертье не очень сожалѣлъ объ этомъ происшествіи, но на другой день весь Парижъ говорилъ о немъ.

— Бертье уже возсѣдаетъ на государственной колесницѣ, сказалъ со смѣхомъ Курбонъ, одинъ изъ правительственныхъ депутатовъ;—если его избиратели узнаютъ объ этомъ, онъ погибъ.

— Аминь, отвѣчалъ его товарищъ Маморель.

Исторія съ каретой его превосходительства, конечно, не имѣла никакого значенія и самъ Бертье охотно разсказалъ-бы о ней всякому. Гораздо серьезнѣе было другое событіе, о которомъ ничего не знали его товарищи, именно свиданіе Мишеля съ герцогомъ *** у баронесы Ривъ.

Это было на другой день послѣ первой, дѣйствительно политической, рѣчи Бертье. На этотъ разъ онъ былъ пламенно краснорѣчивъ, какъ Берье, и логиченъ, убѣдителенъ и простъ, какъ Тьеръ. Онъ прослѣдилъ исторію послѣднихъ лѣтъ имперіи съ той минуты, какъ Франція, отуманенная взятіемъ Пуэблы, очулась только отъ пушекъ Садовы и спрашивала себя не только о томъ, что дѣлали съ ея свободой, но и что сдѣлаютъ съ ея независимостью. Сынъ Винцента Бертье искренно, горячо требовалъ отъ имени всей націи права думать, дѣйствовать и отстаивать свою свободу внутри и безопасность извнѣ. Наконецъ онъ произнесъ рѣчь, которой отъ него такъ давно ожидали. Онъ произнесъ ее искусно, съ тактомъ, и если вникнуть во внутренній смыслъ его словъ, то становилось очевиднымъ, что онъ заботился болѣе всего о томъ, чтобъ обезпечить себѣ отступленіе. Это не было прямымъ объявленіемъ войны, а скорѣе предупрежденіемъ о возможности военныхъ дѣйствій. Онъ говорилъ о новомъ поколѣніи—надеждѣ отечества, какъ-бы совѣтуя императору воспользоваться его услугами. Онъ противопоставилъ юныхъ, полныхъ силъ бойцевъ старымъ эгоистамъ, бремя которыхъ выносить несчастная страна. Вообще эта блестящая рѣчь была столько-же сатирой прошедшаго, какъ мольбой о будущемъ. Но общественное мнѣніе видѣло въ ней только нападки на личное управленіе и твердую рѣшимость вступить съ нимъ въ бой.

Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, было громадное. Латинскій кварталъ поднесъ адресъ Мишелю Бертье, студенты посѣтили его густой массой, а вечеромъ на бульварѣ Сен-Мишеля произошла нѣкоторый беспорядокъ оттого, что полиція запрещала кричать: да здравствуетъ Бертье! Это торжество доставляло, ко-

нечно, большое удовольствіе трибуну, но онъ уже не заботился столько о своей популярности среди толпы, сколько о томъ, чтобъ его боялись въ Тюльери.

— Я желалъ-бы видѣть, говорилъ онъ наивно, — лицо императора, когда онъ читалъ мою рѣчь въ Мониторѣ.

Устроила-ли сама баронеса свиданіе Мишеля Бертье съ герцогомъ *** — неизвѣстно, но она, конечно, была достаточно на это умна и ловка.

Казалось, что она дала себѣ слово заставить Мишеля съечь все, чему онъ прежде поклонялся, и что она не хотѣла дозволить ему ни минуты поддаваться опьяняющему вліянію популярности.

Мишель сидѣлъ у нея, когда доложили о пріѣздѣ герцога ***. Обыкновенно баронеса, находясь наединѣ съ Мишелемъ, никого не принимала, но тутъ она извинилась передъ нимъ, увѣряя, что невозможно прогнать такую важную особу.

Герцогъ *** въ годину упадка второй имперіи былъ, быть можетъ, самымъ преданнымъ слугою ея. Онъ сохранилъ вѣру въ ея принципы и хотя не былъ одаренъ такимъ гибкимъ умомъ, какъ Морни, онъ все-же отличался замѣчательнымъ знаніемъ людей. Конечно, онъ не всегда проявлялъ эту способность, и часто, имѣя въ рукахъ власть, онъ своими самовольными выходками, неудачными циркулярами и либеральными крайностями, за которыми слѣдовали судебныя преслѣдованія, оказывалъ болѣе вреда, чѣмъ пользы правительству. Но онъ сохранялъ большое вліяніе на императора, какъ товарищъ его юности, искренній другъ, видѣвшій его въ бѣдности, по уши въ долгахъ, безъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ честолюбивыхъ мечтаній.

Мишель Бертье не былъ знакомъ съ герцогомъ и видалъ его въ законодательномъ собраніи только издали, въ трибунѣ прежнихъ министровъ. Онъ не сожалѣлъ, что случай свелъ его съ этой вліятельной личностью, но не могъ не подумать:

„Странныя бываютъ обстоятельства въ жизни: нѣсколько дней тому назадъ я ѣхалъ въ каретѣ съ министромъ, а теперь я буду бесѣдовать съ герцогомъ ***“.

Онъ нисколько не подозрѣвалъ той роли, которую Франсина

играла въ этомъ свиданіи, и даже не спрашивалъ себя: одинъ-ли слѣпой случай свелъ его съ его естественнымъ противникомъ?

Герцогъ выразилъ удивленіе, увидавъ Бертье, и потомъ высказалъ съ тонкимъ искусствомъ дипломата, полускрытымъ подъ военной откровенностью, чувства, которыя онъ питалъ къ юному трибуну, несмотря на политическое ихъ разногласіе. Очевидно, ему были извѣстны всѣ мысли Мишеля Бертье и всѣ слабья его стороны; онъ зналъ, что отличительной чертой молодого человѣка были эгоизмъ и жажда власти, зналъ, что слѣдовало льстить его самолюбію художника и актера. Поэтому онъ съ блестящей ловкостью закидалъ Мишеля хитро-придуманными похвалами, которыя захватывали дыханіе молодого человѣка.

— Я тѣмъ болѣе восхищаюсь вами, г. Бертье, говорилъ герцогъ, — что вы взяли на себя тяжелое, неблагодарное дѣло. Вы рождены, чтобъ управлять государствомъ, — это видно съ перваго взгляда, — а вы пошли въ оппозицію. Вы отличаетесь знаніемъ, энергіей, твердой волей; вы не словоохотливый клубный ораторъ, а государственный дѣятель, знающій, куда онъ идетъ, и заставляющій уважать свои дѣйствія. Я васъ сожалью. Да, я васъ сожалью, продолжалъ герцогъ, тогда какъ Бертье смотрѣлъ на него съ изумленіемъ, но уже готовый поддаться соблазну; — съ подобными блестящими способностями вы принадлежите къ такой партіи, которая менѣе всего можетъ ихъ оцѣнить. Извините меня, но мы, не правда-ли, говоримъ откровенно и я прошу заранѣе простить меня, если я скажу что-нибудь лишнее. Да, г. Бертье, жаль, что вы даромъ расходуете въ рядахъ оппозиціи въ двадцать разъ болѣе таланта, чѣмъ нужно было-бы для управленія народомъ, который съ восторгомъ будетъ рукоплескать вамъ до той минуты, когда безжалостно сброситъ васъ съ Тарпейской скалы. Что значать ваши великолѣпныя рѣчи въ сравненіи съ дѣятельностью человѣка, повелѣвающаго и заставляющаго себя повиноваться? Префектъ, отправляющій по телеграфу предписаніе своему помощнику, приноситъ болѣе пользы, чѣмъ вы цѣлою рѣчью, въ которой Цицеронъ могъ-бы многому поучиться, хотя-бы, напр., французскому языку. Не въ рѣчахъ, а въ дѣлѣ управленія страной можетъ выказаться такой человѣкъ, какъ вы. Вы мнѣ скажете, что вы достигнете власти. Хорошо, но какимъ путемъ? Та-

же самая революція, которая дастъ вамъ власть, похоронитъ васъ подъ своими бушующими волнами; рабъ толпы, васъ избравшей, рабъ вашего прошедшаго, вы не будете въ состояніи управлять толпою, которая будетъ тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ болѣе вы своимъ краснорѣчіемъ разожгли ея страсти. Вы государственный человѣкъ, г. Бертье, а государственные люди не пользуются сочувствіемъ вашихъ товарищей, которые умѣютъ, надо отдать имъ справедливость, быть смѣлыми въ борьбѣ, мужественными въ несчастіи и великими въ изгнаніи, но никогда не знаютъ, какъ воспользоваться своею побѣдой. *Государственный человекъ*—составляло самое презрительное оскорбленіе, которое бросалъ въ лицо жироидистамъ Марать. Ваши друзья въ настоящее время придадутъ подобное-же значеніе слову *умѣренный*, которымъ они клеймятъ каждаго челоука, нежелающаго идти въ политикѣ до невозможныхъ крайностей. Вы принадлежите къ упорной расѣ Казимира Перье отца, а желаете разыграть роль Ледрю Ролена, который, несмотря на свою честность, провалился,—вы это знаете лучше меня. Обязательства, которыя вы теперь принимаете на себя, будутъ сильно тяготить васъ въ минуту торжества, а замѣтите, что это торжество еще очень невѣрное и императоръ не дозволитъ себя изгнать, какъ Люи-Филиппъ, безъ выстрѣла. Всѣ эти мысли вошли мнѣ въ голову при чтеніи вашей великолѣпной рѣчи, которую я видѣлъ, между прочимъ, въ рукахъ императора. Его величество нашель эту рѣчь превосходной по идеямъ и формѣ; это, можетъ быть, вамъ непріятно, но я заявляю фактъ. Вы жалуетесь, что молодое поколѣніе не оцѣнивается по достоинству властью. Вы не правы. Не наша вина, что вся молодежь идетъ, по модѣ, въ оппозицію. Сен-Бевъ однажды окончилъ статью о Прево-Парадолѣ примимъ заявленіемъ, что двери власти для него отворены и его примутъ съ распростертыми объятіями, когда только онъ вздумаетъ покинуть улицу. Парадолъ предпочелъ отвѣчать грубой бранью и назвалъ Сен-Бева холопомъ. Неужели вы скажете, что за нимъ не довольно ухаживали? По вашимъ словамъ, въ Тюльери только старые эгоисты; я пойду далѣе и скажу, что эти лица болѣе, чѣмъ эгоисты. Я не хочу ихъ назвать ихъ настоящимъ именемъ. Однажды вечеромъ я говорилъ объ этомъ наединѣ съ императоромъ и доказывалъ, что ему приносятъ большой вредъ многіе

изъ окружающихъ его лицъ. Онъ отвѣчалъ очень просто: „Мы довольствуемся тѣмъ, что подъ рукою“; на этомъ разговоръ и кончился. Онъ совершенно правъ. Но если когда-нибудь найдется человекъ молодой, рѣшительный, гениальный, который возьметъ на себя трудъ осуществить союзъ имперіи со свободой, несколько несоставляющій брака *in extremis*, какъ воскликнулъ Пельтанъ, васъ перебивая, — то въ этотъ день Франція получитъ правительство истинно прогрессивное; министръ, создавшій подобное правительство, могъ-бы навѣрно рассчитывать на безсмертіе, скорѣе, чѣмъ всѣ трибуны на свѣтѣ. Говоря съ вами, я такъ увлекся, что обнаружилъ слабую сторону крѣпости, которую вы осаждаете. Дѣйствуйте! Мы готовы вамъ дать энергичный отпоръ, но если, къ вашему несчастью, вы возьмете силою крѣпость, то на васъ обратятся ружья вашихъ-же солдатъ. Наступитъ день, когда вы пожелаете задержать движеніе машины, которую вы сами пустили въ ходъ. Многіе до васъ погибли въ борьбѣ, а я не полагаю, г. Бертье, чтобъ вашимъ идеаломъ государственнаго правленія была вѣчная революція.

Мишель не вѣрилъ своимъ ушамъ. Герцогъ ***, котораго онъ считалъ олицетвореніемъ произвола и насилія, довѣрчиво разговаривалъ съ своимъ противникомъ, и было-бы непроситительно злоупотребить его довѣріемъ.

„Онъ мягко стелить, думала баронеса, слушая длинную рѣчь важнаго сановника, — или, лучше сказать, онъ подноситъ кружку молока къ устамъ голоднаго“.

Она съ улыбкой смотрѣла на этихъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ говорилъ просто, безыскусственно, откровенно, а другой слушалъ блѣдный, кусая губы и отъ времени до времени откидывая назадъ свои длинные волосы, какъ-бы въ припадкѣ мигрени.

— Бѣдный Мишель, сказала себѣ баронеса, — ему должно быть очень жарко.

Разговоръ продолжался нѣсколько времени; потомъ герцогъ всталъ, простился съ хозяйкой дома и дружески, но съ замѣтнымъ уваженіемъ поклонился Бертье.

— Ты понялъ, что тебѣ хотѣлъ сказать герцогъ? спросила баронеса, когда она осталась наединѣ съ Мишелемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣзко.

— Полно, такой человѣкъ, какъ ты, не можетъ не понять того, на что ясно намекалъ герцогъ.

— Такъ ему было поручено меня купить?

— Купить! какое гадкое слово! Ему, вѣроятно, не было ничего поручено. Онъ только признавалъ себя побѣжденнымъ и просилъ мира. Понимашь теперь? И какою цѣною!

— Да, какой цѣной! произнесъ Мишель, невольно вспоминая Пьера Менара.

— Я никогда не видала, чтобъ власть такъ униженно преклонялась передъ отдѣльной личностью, сказала Франсина, также затрогивая слабую струну Бертье—честолюбіе.

— Да, да, это правда, произнесъ Мишель съ лихорадочнымъ волненіемъ;—онъ совершенно ясно предложилъ мнѣ...

— Что?

— Да все, что я захочу. Такъ моя рѣчь очень ихъ напугала! Императоръ ее прочиталъ. Я это зналъ... Быть министромъ! какое безуміе! Я потеряю поддержку своихъ друзей и не привлеку на свою сторону враговъ.

— Всякая власть немедленно окружается новыми друзьями.

— Довольно, не будемъ болѣе говорить объ этомъ, сказалъ Бертье сурово, какъ бы страдаая отъ происходившей въ немъ внутренней борьбы;—нашему святому дѣлу измѣнять нельзя.

— Кто говоритъ объ измѣнѣ? Развѣ обезпеченіе либеральныхъ реформъ принятіемъ въ свои руки власти значитъ измѣна? Если такъ, то измѣнникъ и лоцманъ, ведущій корабль прямо въ гавань. Робертъ Пиль также измѣнникъ; и нѣтъ ни одного великаго государственнаго человѣка въ англійскомъ парламентѣ, который не былъ-бы измѣнникомъ.

— Мы не въ Англии, а во Франціи.

— Мы потому и подвержены безконечнымъ революціямъ, что трусливые политическіе дѣятели, когда имъ предлагаютъ власть, отказываются въ страхѣ, что скажетъ гражданинъ Пьеръ Менаръ. Впрочемъ, къ чему я вѣшиваюсь! У тебя лихорадка... Руки горятъ, виски стучать... Мой бѣдный Мишель, ты вовсе не рожденъ быть государственнымъ человѣкомъ, какъ увѣряетъ герцогъ; ты просто романистъ и поэтъ. Ты въ этой послѣдней ро-

ли былъ-бы гораздо болѣе на мѣстѣ и осмѣялъ-бы человѣка, который на предложеніе: „хотите имѣть власть дѣлать добро“, отвѣчалъ-бы: „проходите“.

Мишель никогда въ жизни не чувствовалъ такого волненія и безпокойства. Въ его ухахъ раздавались соблазнительныя слова герцога и ловкія подстрекательства Франсины. Онъ закрывалъ глаза и едва не затыкалъ ушей; но тогда передъ нимъ какъ-бы возставалъ безмолвный призракъ Винченца Бертъе, декабрьскаго изгнанника.

На другой день герцогъ *** получилъ слѣдующую записку:

„Браво, любезный герцогъ! мы колеблемся, дрожимъ, вздыхаемъ. Маріана плачетъ и кричитъ, но въ глубинѣ сердца она хочетъ выдти замужъ, и ее выдадутъ, такъ-какъ никто не можетъ сравниться съ вами въ искусствѣ завлекать людей въ свои сѣти.“

Ваша союзница и поклонница

Франсина Ривъ“.

ГЛАВА XX.

Человѣческое слово походитъ на зерно: проникнувъ черезъ ухо въ умъ, оно быстро даетъ отростки. Послѣ разговора съ герцогомъ *** Бертъе находился въ возбужденномъ состояніи; онъ подвергся спеціальному недугу честолюбцевъ и въ немъ происходила борьба рѣшимости и колебанія, довольства и злобы. Онъ съ какимъ-то горькимъ наслажденіемъ повторялъ слова герцога о неблагодарности толпы, и его самолюбіе возставало противъ мысли, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ народа.

„Но даже для самого народа, думалъ онъ,—не будетъ-ли пользы, если я буду его вести, а не слѣдовать за нимъ?“

Онъ вспоминалъ теперь объ отцѣ и спрашивалъ себя, какую пользу принесло его самопожертвованіе. Въ чему послужило его изгнаніе? Конечно, онъ оставилъ послѣ себя великій примѣръ самоотверженія, но какой практической результатъ могла принести его дѣятельность для будущаго?

— Политика моего отца и Менара сантиментальная, говорилъ

онъ самъ себѣ, — а теперь нужна политика, основанная на практическомъ оцнѣ.

Онъ нашелъ уже готовую фразу, которую всякій измѣнникъ прикрываетъ свое вѣроломство. Съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ вѣра въ принципы въ немъ все болѣе и болѣе изглаживалась и отъ прежнихъ пламенныхъ стремленій осталась во всей своей силѣ только жажда власти. Но чтобъ прикрыть передъ своей собственной совѣстью всю низость его мелкаго честолюбія, онъ увѣрялъ себя, что призванъ служить человечеству, призванъ служить Франціи. Въ этой пустой, громкой фразѣ было только одно справедливое слово — *служить*. Дѣйствительно, Мишель Бертъе былъ теперь ничто иное, какъ слуга, готовый служить тому, кто ему больше заплатитъ.

Однако, въ законодательномъ корпусѣ никто не подозрѣвалъ того, что происходило въ душѣ Мишеля. Внутри у него кипѣла кровь, боролись самыя противоположныя чувства, а съ внѣшней стороны онъ оставался все тѣмъ-же холоднымъ, суровымъ человекомъ съ вѣчно гордой, иронической улыбкой. Только замѣтно было, что онъ принималъ не столь горячее участіе въ парламентскихъ комисіяхъ и въ собраніяхъ лѣвой стороны. Онъ молчалъ по такимъ вопросамъ, которые прежде побудили-бы его произнести пламенные рѣчи. Все это удивляло его друзей. Самые преданные изъ нихъ говорили: „онъ ждетъ удобнаго времени“. Но скептики отвѣчали: „онъ видоизмѣняется“.

Около этого времени много говорили въ Парижѣ о дуели, едва не состоявшейся между молодымъ адвокатомъ Эмануэлемъ Ришаромъ, другомъ Бертъе, и однимъ борзописцемъ мелкой печати, который написалъ о Мишелѣ Бертъе слѣдующую жестокую, ядовитую фразу:

„Бываютъ такія политическія мнѣнія, которыя извѣстными людьми считаются за безпокойныхъ дѣтей, и чтобъ въ данную минуту ихъ не было слышно, они ихъ заранѣе укладываютъ спать“.

Мишель, повидимому, не заботился о томъ, что о немъ говорили; онъ шелъ къ мерцавшей вдали цѣли, хотя и невѣрной, колеблющейся поступью, но все-же шелъ. Когда его мысли не были заняты разговоромъ съ герцогомъ или когда онъ забывалъ и

минуту соблазнительную баронессу, передъ нимъ возставалъ образъ прелестной, богатой Полины Моранжи и онъ спрашивалъ себя съ внутреннимъ содроганіемъ, — не отъ любви, а отъ жажды богатства — не жениться-ли ему на ней? Эту мысль о возможности сдѣлаться миліонеромъ черезъ блестящую женитьбу поддерживалъ въ немъ Гонтранъ Верженъ, постоянно выхвалявшій прелести супружеской жизни, казавшіяся ему тѣмъ болѣе радужными, что его бракъ былъ отложенъ по случаю смерти какого-то родственника его невѣсты. Мишель теперь ему не противорѣчилъ, а, напротивъ, подстрекалъ къ продолженію разговора.

— Да, сказалъ однажды Мишель, — мнѣ прежде бракъ былъ противенъ, а теперь я о немъ думаю.

— Главное — сдѣлать хорошій выборъ, отвѣчалъ Гонтранъ; — и непремѣнно самому. Нѣтъ ничего хуже свахъ. Вотъ, напримеръ, я выбралъ себѣ прекрасную невѣсту и увѣренъ, что буду счастливъ. А вѣдь, право, меня побудило къ тому только одно сожалѣніе къ молодой дѣвушкѣ, которая виснетъ въ провинціи и каждый день играетъ на фортеціано все одну и ту-же пьесу Мендельсона.

— А вотъ я такъ никого не нашелъ, замѣтилъ Бертъе; — ни изъ сожалѣнія, ни изъ интереса я не остановилъ своего выбора ни на комъ.

— А по любви?

— Что?

— Полина Моранжи прелестная молодая дѣвушка, сказалъ Гонтранъ съ улыбкою.

— Ты съума сошелъ! воскликнулъ Бертъе, поблѣднѣвъ; — графиня Моранжи прелестна, но...

— Но что?

— Она слишкомъ богата.

— Помилуй, съ той будущностью, которая открывается передъ тобою, ты богаче всякаго миліонера. Ты, Мишель, будешь министромъ!

Всѣ, повидимому, согласились окружить соблазнами Мишеля Бертъе. Конечно, Верженъ говорилъ совершенно въ иномъ духѣ и смыслѣ, чѣмъ герцогъ, но все-же его слова подстрекали одинаково честолюбивныя стремленія молодого человѣка.

По уходѣ Гонтрана Мишель опустилъ голову въ холодную воду, — такъ приливала кровь къ его вискамъ. Онъ чувствовалъ, что слабѣетъ. Власть и богатство были теперь въ его рукахъ. Герцогъ предлагалъ одно, а графиня Моранжи могла доставить другое. Чтобъ сдѣлаться министромъ и миліонеромъ, ему стоило только сказать одно слово. Но это слово, этотъ шагъ на встрѣчу протягивающей свои объятія второй имперіи назывались — измѣной.

Прежде, чѣмъ отправиться въ парламентъ, онъ почувствовалъ необходимость освѣжиться и пошелъ пѣшкомъ въ паркъ Монсо. Въ одной изъ тѣнистыхъ его алей онъ вдругъ остановился въ изумленіи.

На-встрѣчу ему шла Полина Моранжи подъ руку съ отцомъ, а за ними слѣдовалъ докторъ Лоро, который говорилъ громко и смѣялся, въ надеждѣ развеселить молодую дѣвушку.

„Дѣйствительно, подумалъ Мишель, — судьба играетъ мною“.

Онъ снялъ шляпу, поклонился Полинь, пожалъ руку графа и поздоровался съ докторомъ.

Моранжи былъ очень радъ этой встрѣчѣ. Полинь нездоровилось и докторъ прописалъ ей прогулку пѣшкомъ.

— Представьте себѣ, сказалъ графъ Мишелю, — докторъ Лоро, злоупотребляя своимъ положеніемъ князя науки, читаетъ намъ цѣлый курсъ антропологіи.

— Человѣку надо все знать, отвѣчалъ докторъ; — я вовсе не желаю, по примѣру медика Мольера, представить молодой дѣвушкѣ пріятное зрѣлище вскрытія тѣла, но я убѣжденъ, что графиня Моранжи интересуется моими рассказами.

Дѣйствительно, Лоро старался побороть мистическія идеи, преобладавшія въ головѣ Полины, и возбудить въ ней интересъ къ жизни и къ наукѣ. Онъ часто говорилъ своему другу:

— Я хочу исправить то, что ты испортилъ. Я старый холостякъ и люблю твою дочь, какъ свою. Мнѣ слишкомъ больно было-бы видѣть ее въ монастырѣ и потому я рѣшился всѣми силами отворотить ее отъ этого самоубійства.

Онъ зналъ, что свѣтская мелочная жизнь не имѣетъ никакого вліянія на Полину, и обращался съ ней не какъ съ избалованнымъ ребенкомъ, взявшимъ себѣ въ голову какой-нибудь капризъ, а какъ съ возвышенной женщиной, стремящейся къ самопожер-

твованію. Онъ хотѣлъ возбудить въ ней интересъ къ той умственной работѣ, которая составляетъ славу нашего времени. Она до сихъ поръ думала только о Богѣ, а онъ желалъ познакомить ее съ человѣчествомъ. Добродушно, безъ всякаго педантизма, онъ расточалъ передъ нею всѣ сокровища ума и науки съ цѣлью пріохотить къ жизни бѣднаго ребенка, жаждавшаго смерти. Онъ даже часто смѣялся надъ своей страстью къ антропологiи и съ веселымъ юморомъ рассказывалъ свои путешествія въ до-историческія страны; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ краснорѣчиво высказывалъ все, что было великаго и почтеннаго въ наукѣ, изучавшей смерть для того лишь, чтобъ похитить у нея тайну жизни; онъ съ пламеннымъ одушевленіемъ описывалъ труды ученыхъ, которые вели свѣтъ по пути прогресса; онъ открывалъ передъ Полиной невѣдомый ей міръ, стараясь замѣнить мистическія мечтанія молодой дѣвушки положительными фактами. Эта борьба ученаго во имя науки противъ отжившихъ преданій, это стремленіе спасти не больное тѣло, а больной умъ, отличались неподдѣльнымъ величіемъ.

Въ послѣднее время докторъ отгадалъ, что въ этой психологической борьбѣ онъ имѣлъ не гласнаго, но могучаго помощника—Мишеля Бертъе. Онъ понялъ ранѣе ея самой инстинктивную любовь, пробудившуюся въ ея сердцѣ къ пламенному защитнику страждущихъ и угнетенныхъ.

„Вотъ поддержка, на которую я рассчитывалъ, думалъ онъ;—при содѣйствіи любви моя побѣда обезпечена!“

Однако, Мишель Бертъе не вполне нравился доктору. Не раздѣляя крайнихъ мнѣній Лафатера, Лоро былъ все-же на-столько фizioномистъ, что отгадывалъ нравственнаго человѣка по его физической оболочкѣ, а красивая голова Бертъе не предсказывала ничего хорошаго.

„Это безпокойный человѣкъ, думалъ докторъ;—для достиженія своей цѣли онъ способенъ на все. Впрочемъ, утопающій, хватаясь за брошенный ему шестъ, не спрашиваетъ, изъ какого онъ дерева—изъ сосноваго или краснаго. Дѣло только въ томъ, чтобъ былъ шестъ. Для насъ орудіемъ спасенія является Мишель Бертъе—и надобно примириться съ нимъ. Къ тому-же онъ человѣкъ ум-

ный, способный, а только дураки ни на что не годятся. Кто знаетъ, быть можетъ, Полина сдѣлаетъ изъ него героя!"

Поэтому докторъ Лоро раздѣлялъ надежды Моранжи и не высказывалъ Бертье своего мнѣнія о немъ.

Такимъ образомъ, встрѣча въ паркѣ Монсо была пріятною случайностью для всѣхъ четверыхъ. Мишель и графъ Моранжи вступили въ политическій разговоръ и Полина только изъ приличія вставляла иногда свое слово. Потомъ перешли къ первой рѣчи Мишеля въ парламентѣ и молодая дѣвушка спросила Бертье, не имѣлъ-ли онъ свѣденій о Клотильдѣ Балю, письмо которой онъ такъ краснорѣчиво читалъ у баронесы. Всѣ ея поиски до сихъ поръ ни къ чему не привели, такъ-какъ въ громадномъ Парижѣ несчастное существо исчезаетъ, какъ слеза въ бурномъ потокѣ. Мишель вспомнилъ теперь съ сожалѣніемъ, что онъ обѣщалъ Полину предупредить ея посѣщеніе несчастной дѣвушки, и теперь твердо рѣшился исполнить свое обѣщаніе.

— Я отыщу Клотильду живой или мертвой, сказалъ онъ.

— Вы меня очень обяжете, узнавъ ея адресъ, отвѣчала Полина;—я глубоко интересуюсь этой дѣвушкой.

„Потому только, что онъ прекрасно прочелъ ея письмо, подумалъ докторъ Лоро;—о, человѣческая натура, человѣческая натура!“

— Я надѣюсь, что вы сами привезете къ намъ этотъ адресъ, произнесъ графъ Моранжи;—вы мнѣ доставите большое удовольствіе вашимъ посѣщеніемъ.

Мишель съ радостью принялъ это приглашеніе и горячо поблагодарилъ графа. Полина была очень блѣдна и взволнована, но, очевидно, довольна встрѣчею.

Разставшись съ графомъ и его дочерью, Мишель отправился въ законодательный корпусъ. По дорогѣ онъ спрашивалъ себя, означаетъ-ли приглашеніе Моранжи безмолвное согласіе назвать его своимъ зятемъ, или это была простая вѣжливость? Отвѣчая на эти вопросы, онъ то рисовалъ въ соблазнительныхъ краскахъ брачную жизнь съ Полиной, приносившей ему въ приданое миліоны, то отчаявался въ достиженіи подобной блестящей цѣли.

Въ этотъ день его товарища въ палатѣ нашли, что онъ былъ задумчивъ и безпокойно сидѣлъ на мѣстѣ, судорожно проводя ру-

кою по волосамъ во время цвѣтистой рѣчи государственнаго министра о благоденствіи имперіи и слабости германскихъ государствъ. Отовсюду слышались восклицанія:

- Бертье выходитъ изъ себя!
- Бертье будетъ отвѣчать!
- Бертье пробуждается!
- Пробужденіе льва!

Но Бертье не пробуждался; онъ даже не слушалъ министра. Онъ видѣлъ передъ собою спокойное, мраморное лицо Полины Моранжи и спрашивалъ себя, не слѣдовало-ли ему пожертвовать ради нея уже пріѣвшей ему безумной страстью Франсины, какъ нѣкогда онъ пожертвовалъ этой страсти преданною любовью Ліи? Казалось, ему доставляло удовольствіе жечь то, что наканунѣ онъ боготворилъ; впрочемъ, въ эту минуту онъ думалъ только о Полинѣ и Франсинѣ, а образъ Ліи, которую онъ нѣкогда искренно любилъ, уже совершенно ступевался въ окружающей его мглѣ.

Но если онъ забылъ Лію, то она его не забывала. Она принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя, однажды отдавъ свое сердце, назадъ его не берутъ и вѣчно оплакиваютъ свою первую любовь. Она добровольно подвергнула себя уединенной жизни. Она не хотѣла быть обязанной чѣмъ-бы то ни было Бертье и считала своимъ единственнымъ утѣшеніемъ, что ея ребенокъ будетъ имѣть въ ней все—и отца, и мать.

Она сохранила отъ прежней своей жизни маленькую сумму и какая-то старая родственница оставила ей въ наслѣдство три тысячи франковъ. Этихъ денегъ ей было достаточно на первое время. Что-же касается будущаго, то она могла работать. Работой она достигала двойной цѣли: обезпечивала существованіе ребенка и заглушала грустныя мысли, тяжелыя страданія.

Это не значило, чтобъ она боялась страданій; напротивъ, они ей были дороги, какъ лучшее средство искупить свое прошедшее.

„Быть можетъ, отецъ меня простилъ-бы, если-бъ видѣлъ мои слезы“, думала она.

По временамъ она чувствовала прежнее желаніе возвратиться къ родителямъ и вымолить у нихъ прощеніе. Но ея теперешнее

положеніе, служившее ей радостью, могло возбудить къ ней только презрѣніе другихъ.

„Нѣтъ, говорила она себѣ, — я подожду; они могутъ прогнать преступную женщину, но не прогонятъ невиннаго ребенка. Я не пойду къ нимъ прежде, чѣмъ родится мой сынъ“.

Она была увѣрена, что у нея будетъ сынъ, и уже видѣла его, съ большими глазами, розовыми губками и пухлыми щечками. Она называла его уже заранѣе Даніелемъ, по имени ея отца. Сынъ! Въ этомъ словѣ заключался для нея цѣлый міръ надеждъ. Благодаря ему несчастная, погибшая дѣвушка сдѣлается уважаемымъ, священнымъ существомъ — матерью. Кромя того, она инстинктивно надѣялась, что Мишель Бертъе, узнавъ о рожденіи сына, возвратится къ своей покинутой Ліѣ.

Рожденіе ребенка всегда представляетъ страшную драму. Человѣкъ входитъ въ жизнь и выходитъ изъ нея съ болѣзненнымъ крикомъ. Первое его дыханіе ознаменовывается воплемъ; потомъ являются слезы.

Бѣдная Лія была одна, когда она почувствовала приближеніе родовъ. Она такъ напугалась первыхъ страданій, что стала громко рыдать. Всѣ сосѣдки собрались къ ней. Привратница побѣжала за бабкой, а Лія, блѣдная, какъ полотно, просила одну изъ сосѣдокъ, г-жу Делатръ, снести Мишелю Бертъе письмо, которое она приготовила заранѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ она просила, чтобы давно купленную ею колыбель поставили рядомъ съ ея постелью.

— Я хочу, чтобы ребенокъ, съ самой минуты рожденія, находился при мнѣ, промолвила она сквозь слезы.

Но этому желанію воспротивилась бабка, которая шопотомъ сказала г-жѣ Делатръ:

— Роды очень тяжелы. Ребенокъ, кажется, будетъ мертвымъ. Если мать увидитъ его, пожалуй, это ее убьетъ.

— Бѣдная, замѣтила г-жа Делатръ: — неужели она умретъ?

— Она или ребенокъ. Надо выбирать, отвѣчала бабка; — впрочемъ, бываютъ чудеса.

Однако Лія не умерла и ребенокъ родился живой. Но онъ долго былъ безъ чувствъ, и несчастная женщина, не слыша его плача и забывая свои страданія, промолвила съ ужасомъ:

— Онъ мертвый! Да, я знаю, что онъ мертвый! Господь меня проклялъ.

Но когда черезъ нѣсколько времени къ ея кровати подошли люди, въ которой лежалъ ребенокъ съ закрытыми глазами, она залилась счастливыми слезами и припала своими блѣдными губами къ теплому тѣлу маленькаго Даниеля. Судьба дѣйствительно исполнила ея желаніе и дала ей сына.

— А знаменитое письмо, столь схожее съ приглашеніемъ на похороны, сказала г-жа Делатръ:— прикажете его отправить по адресу?

— Нѣтъ, теперь вы его можете сжечь, отвѣчала съ слабой улыбкой Лія.

Несмотря на свою слабость, она хотѣла непремѣнно сама кормить, но бабка сомнѣвалась, чтобъ на это у нея хватило силъ. Дѣйствительно, нравственныя и физическія страданія совершенно разстроили ея здоровье. А когда она мало-по-малу стала оправляться, то съ испугомъ начала замѣчать, что маленькій Даниель былъ страшно изнуренъ и едва дышалъ.

„Неужели у меня не довольно молока?“ спрашивала она себя въ отчаяніи, но боялась отвѣчать на этотъ роковой вопросъ.

Наконецъ бабка прямо и рѣшительно объявила, что надо взять кормилицу.

— Кормилицу! воскликнула Лія, ревниво прижимая къ своей груди ребенка и сверкая глазами, словно у нея собирались отнять ея дорогое дѣтище.

— Посмотрите на него сами, отвѣчала бабка.

Голова ребенка едва держалась на исхудалыхъ плечикахъ, тѣло его было блѣдное, матовое, вѣки тяжело опускались надъ безжизненными глазами. Лія вздрогнула. Ей стало страшно, чтобъ Даниель не умеръ на ея рукахъ.

— Да, да! воскликнула она въ отчаяніи;— кормилицу, поскорѣе кормилицу.

Бабка отправилась тотчасъ въ контору кормилицъ и привезла здоровую на видъ крестьянку, съ заплаканными глазами отъ разставанья съ своимъ ребенкомъ, отправленнымъ въ деревню.

Лія впилась глазами въ эту соперницу, отнимавшую у нея Даниеля. Кормилица, съ своей стороны, съ любопытствомъ осматри-

валась по сторонамъ и не могла скрыть своего удивленія при видѣ изнуреннаго, блѣднаго младенца. Она хотѣла его покормить, но ребенокъ не взялъ груди; у него какъ-бы не хватало силъ воспринять живительную влагу. Кормилица положила его обратно въ колыбель и послѣ минутнаго размышленія вызвала бабу въ другую комнату.

— Мнѣ здѣсь дѣлать нечего, сказала она грубымъ, недовольнымъ тономъ:—ребенокъ умретъ къ вечеру; а моя дочь еще не отправлена въ деревню. Я хочу сейчасъ возвратиться въ контору.

Бабка старалась ее уговорить остаться и пугала отвѣтственностью передъ закономъ за жизнь вѣреннаго ей младенца. Но кормилица объ этомъ и слышать не хотѣла. Споръ между ними становился все громче, какъ вдругъ въ комнату вбѣжала Лія слышавшая за стѣною ихъ разговоръ.

— Вы боитесь, чтобъ ребенокъ не умеръ при васъ! воскликнула она, дико сверкая глазами;—вы не увидите его смерти. Ступайте вонъ! А если его можно спасти, то его спасетъ не чужая женщина, а мать. Вонъ, вонъ!

Это вѣжное, слабое созданіе теперь казалось страшнымъ съ распущенными черными волосами и съ безумнымъ пламенемъ въ глазахъ. Испуганная кормилица поспѣшно удалилась, а Лія стала лихорадочно ходить по комнатѣ.

— Доктора, доктора! воскликнула она, наконецъ, обращаясь къ бабкѣ;—найдите, приведите самаго знаменитаго! Дайте ему тысячу, двѣ тысячи франковъ! Слава-богу, я могу заплатить доктору по-царски.

Бабка ни мало не оскорбилась недовѣріемъ къ ея познаніямъ и отправилась за докторомъ, хотя была твердо увѣрена, что судьба ребенка рѣшена.

Лія осталась одна съ г-жею Делатръ и, взявъ ребенка на руки, сѣла противъ камина. Маленькій Даніель лежалъ неподвижно, едва переводя дыханіе.

— Посмотрите! Посмотрите! воскликнула вдругъ сосѣдка.— Онъ проситъ груди.

Дѣйствительно, губы ребенка зашевелились, какъ-бы отыскивая что-то въ пространствѣ. Лія вскрикнула отъ радости, но черезъ секунду ударила себя по груди изо всей силы.

— Боже мой! Боже мой! воскликнула она съ отчаяніемъ,—я не могу его кормить! У меня нѣтъ молока!

— Послушайте, сказала г-жа Делатръ,—вы уже достаточно поправились, чтобы выдти на воздухъ, и ходите гораздо быстрее меня. Ступайте къ Дамуазо. Онъ продаетъ искусственное молоко и нѣкогда спасъ графа Парижскаго. Купите стьянку этого молока, у насъ есть рожокъ... и ребенокъ спасенъ.

Лія накинула на плечи шаль, а на голову шерстяной платокъ, и отправилась по данному ей адресу: „Дамуазо, бульваръ Клиши“. Войдя въ магазинъ, она очутилась передъ толстой дамой, которая сидѣла за столомъ, уставленнымъ различными запечатанными стьянками.

„Въ этихъ стьянкахъ жизнь Даниеля“, подумала Лія и произнесла вслухъ:—Позвольте мнѣ бутылку молока.

— Для больного?

— Для ребенка.

— Вамъ нужно молока отъ коровы, кормленной морковью на нашей фермѣ?

— Я не знаю, но дайте мнѣ молока, дайте мнѣ молока для моего ребенка!

— У васъ есть рецептъ доктора?

Лія не предвидѣла этого вопроса. Неужели необходимъ рецептъ для нѣсколькихъ капель молока умирающему ребенку?

— У меня нѣтъ рецепта, отвѣчала она,—но мой ребенокъ умираетъ. Мнѣ сказали, что ваше молоко его спасетъ. Дайте бутылку и я вамъ за нее заплачу на вѣсь золота.

— Наше молоко не такъ дорого, отвѣчала дама съ улыбкой,—но мы продаемъ его только помѣсячно или пополумѣсячно. Прикажете доставлять вамъ молоко мѣсяцъ или двѣ недѣли?

— Сколько вамъ угодно, но дайте мнѣ теперь, сейчасъ, бутылку молока.

— Ваша фамилія и адресъ? спросила дама, открывая большую книгу.

— Лія Германъ, бульваръ Клиши.

— Мы сосѣди, замѣтила дама, не обращая вниманія на отчаяніе Ліи, которая ломала себѣ руки при мысли, что ея Даниель, можетъ быть, уже умеръ.

— Кто у васъ докторъ?

— У меня нѣтъ доктора, а бабка, г-жа Летренъ.

— Этого достаточно, сказала дама, подавая молодой женщинѣ запечатанную бутылку;— съ завтрашняго дня вы будете получать ежедневно такую бутылку до 1-го числа. Счетъ мы сведемъ послѣ.

— Благодарю васъ! воскликнула Лія и бросилась къ дверямъ, прижимая къ сердцу драгоценную бутылку и повторяя про себя:— какая радость! Это жизнь моего Даниѣла.

Она боялась только, чтобъ этотъ жизненный эликсиръ не опоздалъ, и въ дверяхъ своей квартиры безумно воскликнула:

— Онъ живъ?

— Скорѣй, скорѣй молока, отвѣчала г-жа Делатръ, которая уже приготовила рожокъ.

Дрожащей рукой Лія поднесла къ губамъ ребенка рожокъ и вскрикнула отъ радости, когда неподвижныя губки его стали мало-по-малу втягивать въ себя молоко. Горячія, счастливыя слезы матери оросили лицо спасеннаго отъ голодной смерти младенца.

ГЛАВА XXI.

Родительскія обязанности не очень тяготили Мишеля Бертье. Въ то время, когда Лія переносила всѣ заботы, опасенія и страданія, сопровождавшія рожденіе Даниѣла, онъ даже не зналъ, что у него былъ сынъ.

„Я скрою отъ него ребенка, пока могу, думала Лія; — потомъ, когда онъ выростетъ, мы увидимъ“.

Она теперь любила Мишеля не менѣе прежняго, но онъ воплощался уже въ Даниѣлѣ, который наполнялъ всю ея жизнь. Она не была теперь одна, грустная, брошенная, и мало-по-малу воскресала къ новой жизни.

— Когда онъ выростетъ, говорила себѣ также Лія,— то я увижу, какъ отецъ не проститъ насъ обоихъ ради его прелестной улыбки.

Подъ отцомъ она разумѣла старика Германа, и, такимъ обра-

зомъ, Даниель былъ для нея живой надеждой, олицетвореннымъ прощеніемъ.

Для Мишеля Бертье этотъ ребенокъ вовсе не существовалъ. Онъ родился и едва не умеръ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, а Мишель не думалъ даже о томъ, чтобъ Лія могла сдѣлаться матерью. Если-же мысль объ этомъ и входила ему въ голову, то онъ тотчасъ успокоивалъ себя словами:

— Она меня, конечно, извѣститъ.

Впрочемъ, ему не было времени думать о маленькомъ существѣ, случайно одолженномъ ему жизнью, или о нѣкогда любимой женщинѣ; онъ былъ теперь слишкомъ взволнованъ и поглощенъ ежедневными клеветами, сплетнями и толками о его предстоящемъ переходѣ на сторону имперіи. Политическая дѣятельность его подвергалась самой разнообразной критикѣ и даже мелкія газеты издѣвались надъ нимъ, называя его *экс-непримиримымъ* и *представителемъ каретной оппозиціи*, намекая на случайное возвращеніе его домой изъ палаты въ каретѣ министра. Эманюэль Ришаръ горячо защищалъ своего друга въ печати отъ всѣхъ нападокъ, но это была плохая услуга, такъ-какъ онъ придавалъ смутнымъ обвиненіямъ, носившимся въ публикѣ, опредѣленную форму и они только съ каждымъ днемъ высказывались все громче и громче. Конечно, эта предполагавшаяся измѣна непримиримаго депутата всего болѣе возбуждала негодованія въ его избирателяхъ, и Пьеръ Менаръ долженъ былъ въ публичномъ собраніи защитить сына Винцента Бертье отъ прямо заявленнаго обвиненія въ вѣроломствѣ.

— Берегитесь, сказалъ онъ: — вѣчная подозрительность — одинъ изъ недуговъ нашей партіи. Слѣдуетъ быть неумолимымъ къ доказанной измѣнѣ, но необходимо осторожно относиться къ сплетнямъ, которыя могутъ глубоко оскорбить честнаго человѣка.

Однако эта защита нисколько не успокоила взволнованныхъ избирателей и стали поговаривать объ учрежденіи чего-то въ родѣ суда чести, на которомъ онъ былъ-бы обязанъ передъ лицомъ всѣхъ оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Отъ него требовали и желали только одного — объясненія, оправданія. Наконецъ, было рѣшено послать къ нему депутацію для выраженія неудовольствія избирателей.

Ораторами этой депутаціи были избраны Жанъ Левабръ, отвѣчавшій Мишелю на банкетъ послѣ его выборовъ, и Рушродъ, работникъ, пріобрѣвшій въ послѣднее время большую славу въ публичныхъ собраніяхъ своими энергичными рѣчами по социальнымъ вопросамъ. Впрочемъ, онъ пользовался не всеобщимъ довѣріемъ и, выбранный делегатомъ отъ рабочихъ на выставку 1867 года, онъ, говорятъ, сблизился съ императорскимъ правительствомъ, что доказывалось его запиской, помѣщенной въ „Сборникъ отчетовъ рабочихъ делегацій“, напечатанномъ по приказанію императора. Въ этомъ трудѣ онъ требовалъ реформъ, но подъ условіемъ, чтобы онѣ были дарованы императоромъ по его доброй волѣ. Однако его пламенное краснорѣчіе и умѣніе затрогивать слабыя струны слушателей заставляли многихъ забывать его уступки императорскому правительству, въ оправданіе которыхъ онъ самъ говорилъ, что въ социальныхъ вопросахъ цѣль оправдываетъ средства.

Такимъ образомъ, однажды утромъ къ Мишелю Бертье явилась депутація изъ двѣнадцати рабочихъ и Жанъ Левабръ въ пламенныхъ выраженіяхъ представилъ изумленному, безмолвному Бертье страшную картину страданій народа, вѣчно обманываемаго тѣми, кому онъ довѣряется. Онъ напомнилъ ему формальные его обѣщанія и, сравнивая ихъ съ его парламентскими рѣчами, окончилъ свою рѣчь словами:

— Я вамъ самимъ предоставляю сдѣлать заключеніе.

Мишель былъ смущенъ, но, какъ ловкій адвокатъ, онъ скоро оправился и призвалъ къ себѣ на помощь все свое краснорѣчіе. Отвѣтъ былъ блестящій; Мишель то говорилъ шуточнымъ тономъ, то прикидывался оскорбленнымъ. Какъ, его подозреваютъ? Что-же онъ сдѣлалъ, что-же онъ сказалъ несогласнаго съ принципами истинной современной политики, основанной на опытѣ? Къ тому же явившаяся къ нему депутація представляла-ли дѣйствительно его избирателей? Могли-ли десять человекъ говорить отъ имени тысячи? Что ему было поручено избирателями? Основать свободу, — и онъ ежедневно трудился надъ этимъ великимъ дѣломъ. Ему поручено ниспровергнуть имперію? Но для этого надо было ждать удобной минуты, такъ-какъ неудавшіяся революціи только приводятъ къ жестокимъ реакціямъ.

— Если-бъ республика въ эту минуту находилась въ моей сжатой рукѣ, то я не разжалъ-бы ея изъ боязни, что республика будетъ недолговѣчна. Высшая мудрость часто заключается въ умѣннн ждать.

Отвѣтъ Бертье былъ встрѣченъ депутаціей очень холодно. Среди нея были люди, являвшіеся въ квартиру Мишеля, въ алеѣ Трюденъ, послѣ его выбора, и они теперъ не узнавали его.

— Далеко отъ ален Трюденъ до улицы Тетбу, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— А еще далѣе отъ Парижа до Байенн, отвѣчалъ Мишель;— если дѣйствовать по-вашему, то тысячи людей отправились-бы въ изгнаніе завтра, такъ-какъ вооруженное возстаніе въ настоящее время не можетъ быть успѣшно.

— Дѣло идетъ не о возстаніи, замѣтилъ Рупродъ, — а о томъ, исполняли-ли вы ваше полномочіе.

— Впредь, прибавилъ Жанъ Левабръ, — мы будемъ требовать отъ нашихъ депутатовъ принятія обязательнаго уполномочія.

— Я никогда-бы на это не согласился.

— Такъ васъ не выбрали-бы.

— А если-бы вашъ депутатъ не исполнилъ подобнаго обязательнаго уполномочія, то что-бы вы съ нимъ сдѣлали?

— Мы протестовали-бы.

— Такъ протестуйте, отвѣчалъ Мишель, — моя совѣсть чиста.

— Гражданинъ Бертье, сказалъ Левабръ, — время не ушло, вы еще можете сдѣлаться достойнымъ представителемъ народа. Явитесь его заступникомъ. Много на свѣтѣ незаслуженныхъ несчастій, много страданій, которыя слѣдуетъ утишить, много недуговъ, требующихъ исцѣленія. Блянусь, гражданинъ, наверху слишкомъ много эгоизма, а внизу слишкомъ много несправедливостей. Обратите на это вниманіе и не забывайте, что есть раны, которыя могутъ быть смертельны, если ихъ во-время не залечить. Увѣряю васъ, гражданинъ, страшныя несчастія грозятъ намъ въ будущемъ, если не будетъ сдѣлано своевременныхъ жертво-ваній. Пусть народу окажутъ не милосердіе, а справедливость, и все еще спасено.

Много еще говорилъ въ томъ-же духѣ убѣжденный, пламенный представитель угнетенныхъ, страждущихъ, голодныхъ, и Бертье,

несмотря на свой эгоизмъ, былъ тронутъ страшною правдой, звучащей въ его словахъ. Онъ не зналъ, что отвѣчать, и, произнеся нѣсколько избитыхъ фразъ, нѣсколько новыхъ обѣщаній, нахекнулъ на спѣшную работу, какъ предлогъ къ окончанію его бесѣды съ депутаціей.

Но теперь заговорилъ Рушродъ. Онъ обратился къ Мишелю очень рѣзко и требовалъ настоятельно, чтобъ онъ исполнилъ данное ему полномочіе, чтобъ въ слѣдующее-же засѣданіе законодательнаго корпуса онъ заявилъ прямое обвиненіе противъ министровъ и самого императора. Мишель молча пожалъ плечами, а нѣкоторые члены депутаціи покрыли рукоплесканіями своего оратора.

— Мы вамъ даемъ время до завтра, прибавилъ Рушродъ; — подумайте; утро вечера мудренѣй, но завтра мы ждемъ отъ васъ энергичной рѣчи.

Съ этими словами онъ махнулъ рукой своимъ товарищамъ и они направились къ дверямъ. Онъ послѣдовалъ за ними, но потомъ вдругъ быстро вернулся и послѣшно сказалъ почти на ухо Мишелю:

— Все это пустяки, одна болтовня. Когда я могу поговорить съ вами наединѣ? Я васъ научу, какъ ихъ обойти.

— Неужели? отвѣчалъ Мишель, гордо поднявъ голову.

— Это все простяки, сказалъ Рушродъ, фамиліарно взявъ за руку удивленнаго молодого человѣка; — а у Левабра — пунктикъ. Я приду къ вамъ завтра.

Потомъ онъ послѣшно вышелъ изъ комнаты, но на порогѣ громко повторилъ:

— Утро вечера мудренѣе; до завтра, гражданинъ.

На улицѣ депутація остановилась.

— Ну что? спросили рабочіе другъ друга.

— Этотъ человѣкъ будетъ министромъ, произнесъ Левабръ, — а я во время его управленія умру на барикадѣ.

— Мы это еще увидимъ, прибавилъ Рушродъ глубокомысленно.

Эта депутація избирателей Мишеля Бертъ надѣлала много шума и, быть можетъ, ускорила развязку, которой уже давно ожидала баронеса. Мишель былъ дѣйствительно очень разгнѣванъ этой выходкой. Гордость мѣшала ему дать искренній отвѣтъ

людямъ, довѣрія которыхъ онъ такъ недавно искалъ. Обязательное уполномочіе казалось ему самымъ худшимъ изъ оскорбленій.

Газеты подняли эту исторію, а авторы модныхъ въ то время оперетокъ, въ которыхъ поднимались на смѣхъ герои и боги древности, написали новую пьесу подъ названіемъ: „Клеонъ.“ Преслѣдуемый своими избирателями, Клеонъ, избранникъ народный, не могъ сѣсть за банкетъ у финансиста Гнатона или зайти къ куртизанкѣ Фалое, чтобъ въ ту-же минуту не появились передъ нимъ два гнѣвныхъ избирателя съ громкимъ протестомъ: „Клеонъ, народъ тебя выбралъ не для того, чтобъ наѣдаться у богача или веселиться у гетеры“. Пьеса должна была появиться на театрѣ Variétés, но цензура потребовала такихъ значительныхъ измѣненій, что авторы отказались отъ ея представленія. Это, однако, не помѣшало одной аріи сдѣлаться очень популярной, такъ что ее распѣвали, благодаря игривой музыкѣ Офенбаха, на всѣхъ веселыхъ ужинахъ:

Cléon gémit, c'est positif,
 Sur le mandat impératif.
 Le mandat im
 Le mandat pé
 Le mandat ra
 Le mandat tif
 Le mandat impératif.

Министръ Муленвилье, остановивъ однажды Мишеля Бертъ въ залахъ законодательнаго корпуса, замѣтилъ, что цензура не дозволила представленія оперетки изъ уваженія къ тому, котораго называли Клеономъ.

— Мы не хотимъ, сказалъ онъ, — чтобъ выводили на общее посмѣяніе людей, которыхъ всякое разумное правительство должно считать дѣятелями будущаго.

Мишель отвѣчалъ, что всѣ сатирики должны были пользоваться своими правами, и онъ нисколько не желалъ, чтобъ ради него запретили Клеона.

— Свобода прежде всего, прибавилъ онъ.

— Если не для васъ, то для насъ Клеонъ не будетъ представленъ.

Мишель въ глубинѣ души былъ очень радъ этому запрещенію,

но онъ не могъ открыто отречься отъ своей любви къ безусловной свободѣ. Постоянныя и мелкія нападки выводили его, наконецъ, изъ себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что наступила минута, какъ выражалась баронеса, для выбора между толпой и избраннымъ меньшинствомъ. Онъ ясно видѣлъ, что его вліяніе въ демократическомъ лагерѣ съ каждымъ днемъ уменьшалось и что его товарищи, члены лѣвой стороны, обращались съ нимъ очень холодно. Напротивъ того, сторонники императора расточали ему всевозможныя любезности и замѣчали шопотомъ, что онъ, несмотря на свое прошедшее и воспоминаніе объ отцѣ, былъ человѣкъ *возможный*, даже *необходимый*.

Да, онъ былъ необходимъ, и какъ еще! Имперія, придя въ дряхлость, вздумала ухаживать за свободой. Но старыя ея слуги были слишкомъ скомпрометированы для подобной интрижки и необходимы были новыя люди. Кто-же лучше Вертье могъ примирить націю съ правительствомъ, видимо клонившимся къ упадку?

Однако Мишель чувствовалъ какой-то инстинктивный страхъ при мысли, что онъ послѣ столь долговременной и пламенной борьбы съ имперіей сдѣлается ея слугою. Но чему, въ сущности, онъ будетъ служить—имперіи или свободѣ? Въ этомъ былъ вопросъ. Видя ежедневно въ дѣлѣ своихъ товарищей по оппозиціи, онъ спрашивалъ себя, приносили-ли они какую-нибудь пользу прогрессу.

„Что они сдѣлали? думалъ онъ;—говорятъ краснорѣчивыя рѣчи! Все слова, слова, гдѣ-же дѣло? Однимъ почеркомъ пера, имѣя власть, могъ-бы создать въ десять минутъ болѣе реформъ, чѣмъ они придумаютъ ихъ въ десять лѣтъ“.

Когда человѣкъ утѣшается подобными софизмами и видитъ передъ собою подобную будущность, онъ погибъ невооруженно.

— Вы правы, сказалъ однажды Мишель баронесѣ:—ради моего достоинства и пользы либеральныхъ принциповъ, я не могу долѣе оставаться среди людей, сомнѣвающихся въ моей честности потому только, что я болѣе практиченъ. Если правительство сдастся на капитуляцію и слова герцога перейдутъ въ область фактовъ, то я рѣшился перепрыгнуть черезъ бездну, зияющую между моимъ прошедшимъ и будущимъ.

— Наконецъ-то! воскликнула баронеса, внутренне торжествуя

свою побѣду;—вотъ чего я давно отъ тебя ждала. Черезъ годъ, черезъ полгода ты будешь министромъ.

— Хорошо, но я буду министромъ всемогущимъ, окруженнымъ людьми многоуважаемыми и вполнѣ преданными какъ мнѣ, такъ и дѣлу, которому я служу.

— Это уже ты самъ выговоришь у правительства. Главное, что ты рѣшился. Хочешь, я напишу герцогу?

— Что ты ему напишешь?

— Что я его жду сегодня вечеромъ и что онъ встрѣтитъ здѣсь тебя.

— Хорошо.

Баронеса немедленно сѣла къ своему письменному столу и быстро начала водить перомъ по глазированной свѣтло-зеленой бумагѣ.

Мишель смотрѣлъ съ любопытствомъ на эту блестящую, соблазнительную женщину и спрашивалъ себя, неужели отъ ея слова теперь зависѣла вся его жизнь.

— Рѣшительно, это настоящая, идеальная любовница для такого человѣка, какъ я, сказалъ онъ самъ себѣ;—но мнѣ теперь нужна не любовница, а жена.

Когда записка была кончена, онъ прочелъ ее. Это было простое, избитое приглашеніе на чашку чая; имя Бертье упоминалось только въ *post scriptum*'ѣ. И, однако, эта маленькая записка казалась Мишелю роковой, драматичной. Сколько самолюбивыхъ надеждъ заключалось въ этомъ конвертѣ, который подносила къ своимъ губамъ баронеса съ странной, почти иронической улыбкой.

Баронеса позвонила.

— Вы хотите сейчасъ послать письмо?

— Да.

— По почтѣ?

— Нѣтъ, съ Феликсомъ.

— А!

Мишель инстинктивно почувствовалъ непреодолимое желаніе схватить письмо, разорвать его и воскликнуть: нѣтъ, я не хочу видѣть герцога.

— Въ васъ не проснулась-ли совѣсть? спросила Франсина съ ироніей.

— Совѣсть?

— Да. Или Жанъ Левабръ и гражданинъ Рушродъ бросаютъ тѣнь на эту маленькую, бѣдную записку? Кстати, Рушродъ вернулся къ вамъ и объяснилъ, чего онъ отъ васъ лично хотѣлъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Бертье, не спуская глазъ съ письма.

— А Феликсъ не идетъ! воскликнула баронеса и снова позвонила.—Рѣшительно, наши слуги стали всѣ демократы и никто не хочетъ служить.

Мишель ничего не отвѣчалъ.

Франсина, держа въ лѣвой рукѣ письмо, а правой постукивая по нему, впилась своими сѣрыми глазами въ глаза Бертье и съ вызывающей улыбкой заплѣла въ полголоса:

Le mandat im
 Le mandat pé
 Le mandat ra
 Le mandat tif
 Le mandat impératif.

Наконецъ дверь открылась и вошелъ Феликсъ.

— Герцогу ***! сказала баронеса, отдавая письмо слугѣ.

Мишель подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на проходящихъ, боясь поддаться соблазну воротить Феликса. Онъ машинально выбивалъ пальцами по стеклу послѣдніе такты знаменитой арии изъ *Клеона*.

Вдругъ онъ обернулся и, посмотрѣвъ баронесѣ прямо въ лицо, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Дѣло кончено. Если сегодня вечеромъ герцогъ объявитъ, что императоръ приметъ мою политику, я принадлежу имперіи или имперія принадлежитъ мнѣ. Я задыхался, я не жилъ все это время. Теперь я счастливъ, я увѣренъ въ себѣ. Рубиконъ перейденъ. А если найдутся люди, которые назовутъ меня измѣнникомъ, я ихъ уничтожу подъ ударами либеральныхъ реформъ.

— Или подъ ударами ружейныхъ прикладовъ, прибавила баронеса съ усмѣшкой;—труденъ только первый шагъ.

ГЛАВА XXII.

Пора была Мишелю Бертье на что-нибудь рѣшиться. Лавировать болѣе было невозможно. Его старые пріятели становились слишкомъ недовѣрчивы, его новые друзья требовали доказательствъ его дружбы. Еще немного—и онъ сдѣлался-бы чѣмъ-то отрицательнымъ, ненужнымъ никому. Близка была минута, когда онъ перестанетъ олицетворять оппозицію для однихъ и свободу для другихъ. Его начинали понимать и одинъ знаменитый человѣкъ громко говорилъ о немъ:

— Это олицетворенное самолюбіе и самый эгоистичный человѣкъ на свѣтѣ. Присутствуя на свадьбѣ, онъ жалѣетъ, что онъ не женихъ, на котораго обращены всѣ взгляды; являясь на крестины, онъ завидуетъ ребенку, привлекающему на себя всеобщее вниманіе; слѣдуя за похоронами, онъ готовъ умерѣть со злобы, что въ эту минуту онъ не мертвецъ, передъ которымъ всѣ снимаютъ шляпы.

Но это колоссальное самолюбіе могло быть полезно императорскому правительству. На новомъ свиданіи герцога *** съ Бертье у баронесы Ривъ были ясно опредѣлены условія мира или, лучше сказать, союза. Бертье обязался въ самомъ непродолжительномъ времени произнести длинную министерскую рѣчь, въ которой онъ разовѣетъ програму юной политической школы, вступавшей въ отворенныя двери власти. Эта програма должна была въ одно и то-же время быть строго-либеральной, чтобъ сохранить сочувствіе и побѣдить колебаніе нѣкоторыхъ либераловъ, и твердо-консервативной—для успокоенія старыхъ слугъ имперіи, вѣчно опасавшихся какихъ-бы то ни было реформъ. Но, главное, эта рѣчь должна была отличаться безусловной, искренней преданностью династіи. Блестящій представитель оппозиціи обязался сложить оружіе передъ Цезаремъ въ виду спасенія Франціи и свободы.

Послѣ этой рѣчи правительство обязалось признать его своимъ и герцогъ обѣщалъ, что самъ императоръ изъявитъ публично свое одобреніе. Какая слава! Какой блестящій результатъ! Мишель Бертье торжествовалъ.

Совѣсть, о которой говорила Франсина, вовсе не просыпалась. Жажда успѣха, страхъ паденія и возможность приобрѣтенія въ одно и то-же время власти и богатства—совершенно его поглощали, не оставляя ни одной свободной минуты для размышленія о прошедшемъ, объ отцѣ, о своей первой любви, клятвахъ юности.

Ему казалось, что подготовляемая имъ рѣчь была осью, на которой вращался весь міръ. Онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и наединѣ съ своими мыслями громоздилъ софизмъ на софизмъ для доказательства, что его политика нравственна и поведение благородно. Онъ не видалъ теперь ни Полины, ни Франсины. Онъ жилъ одинъ самъ съ собою и предвкушалъ свой будущій успѣхъ, внутренне рукоплескалъ страшному, громовому удару, который онъ подготовлялъ.

Этотъ день, торжественный и драматичный, когда онъ долженъ былъ твердыми шагами, какъ солдатъ, идущій на сраженіе, или побѣдитель, вступающій въ Капитолій, взойти на трибуну и публично отречься отъ своего прошедшаго,—этотъ рѣшительный, грозный, ужасный день быстро приближался. Наконецъ, наступилъ канунъ этого дня, когда ему предстояло перейти черезъ бездну и сжечь свои корабли.

Была ночь. Мишель сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ, освѣщеннымъ лампою съ матовымъ абажуромъ. Онъ перечитывалъ сдѣланныя имъ замѣтки для знаменитой рѣчи и заранѣе разчитывалъ, какое впечатлѣніе произведетъ та или другая выходка оратора; потомъ онъ вскакивалъ, ходилъ взадъ и впередъ и повторялъ, какъ актеръ, эффектные мѣста своей рѣчи, причемъ самъ поддавался впечатлѣнію собственнаго краснорѣчія, словно художникъ не совершенно еще умеръ въ этомъ политическомъ дѣятелѣ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ произведеніемъ и говорилъ съ гордостью, что его краснорѣчіе было достаточно могуче и гибко, чтобы во всякое время найти достойный отвѣтъ всякому, кто вздумалъ-бы его перебивать.

„Вотъ наступила рѣшительная минута! думалъ онъ: — завтра я не буду уже одинокимъ голосомъ, требующимъ свободы. Я буду всемогущимъ голосомъ власти, предписывающимъ практическое примѣненіе своихъ идей“.

Подойдя къ окну, онъ сталъ смотрѣть на улицу, гдѣ съ каждой минутой прохожіе попадались рѣже и рѣже; онъ вспоминалъ тотъ лѣтній вечеръ, когда онъ смотрѣлъ на Парижъ съ балкона ален Труденъ, спрашивая себя, что готовилъ ему великій городъ: побѣду или поражение, жизнь или смерть. Только нѣсколько мѣсяцевъ отдѣляли его отъ этой лихорадочной минуты и, однако, какъ онъ далеко ушелъ отъ нея! Теперь ничто не удерживало его отъ достиженія блестящей цѣли его честолюбивыхъ мечтаній. Ничто! Развѣ въ послѣднее мгновеніе представится непредвидѣнная преграда? Но какая могла быть эта преграда? Чего было ему бояться?

Воспоминаніе объ отцѣ и рассказы Менара о декабрьской барикадѣ, о мрачной жизни въ изгнаніи приходили, правда, ему на умъ, но все это надо было забыть, отъ всего этого отрѣшиться. Къ чему новымъ поколѣніямъ мстить за старья, къ чему было питать старую ненависть? Политика, которую хотѣлъ основать Мишель, отворачивалась отъ всякаго лишняго бремени, могущаго только задержать торжествующее шествіе побѣдителей. Надо было смотрѣть только впередъ, а не назадъ.

Вдругъ Мишель вздрогнулъ. Раздался громкій, лихорадочный звонокъ. Кто могъ придти такъ поздно? Мишель взглянулъ на часы: было десять минутъ перваго.

„Надо отворить, подумалъ онъ, — я уже давно отпустилъ слугу“.

Но какой-то невѣдомый страхъ охватилъ его сердце. Какъ всѣ честолюбцы, онъ былъ подверженъ странной слабости — суевѣрью. Часто въ рѣшительныя минуты онъ прибѣгалъ къ гаданью. Какая вѣсть ожидала его наканунѣ великаго дня? Не была-ли это Франсуа? Не видала-ли она герцога? Не отступилъ-ли императоръ отъ своихъ обѣщаній?

— Что-же, пойдѣмъ и увидимъ, сказалъ Бертъ вслухъ и, блѣдный, смущенный, поспѣшилъ къ дверямъ, держа лампу въ рукѣ.

На лѣстницѣ ему послышались сдержанный стонъ, заглушенное рыданіе. Онъ быстро отворилъ дверь. Въ комнату вбѣжала женщина и Мишель Бертъ воскликнулъ съ ужасомъ:

— Лія!

Она взглянула ему прямо въ лицо и страннымъ, рѣзкимъ, угрожающимъ голосомъ произнесла:

— Да, Лія. Это тебя удивляетъ? погоди, ты узнаешь, зачѣмъ я пришла.

Она сдѣлала шагъ впередъ и Мишель машинально далъ ей дорогу, но въ ту-же минуту ему пришла въ голову мысль не пускать ее далѣе, и онъ бросился за нею; но глубокой, рѣшительный взглядъ молодой дѣвушки остановилъ его. Преграда, которой онъ не ждалъ, явилась передъ нимъ во всемъ ужасѣ таинственнаго сфинкса.

Его всего болѣе поражала страшная блѣдность Лии. Это былъ живой мертвецъ съ впалыми глазами, исхудалымъ отъ страданій лицомъ и вытянувшимся, какъ клювъ, носомъ. Но, несмотря на происшедшую въ ней перемѣну, совершенно обезобразившую ее, лицо Лии выражало смѣлую рѣшимость, которой онъ въ ней никогда не подозрѣвалъ.

Мишель хотѣлъ тотчасъ узнать, зачѣмъ пришла эта женщина. Онъ боялся ея.

Она прошла прямо въ его кабинетъ, словно знала дорогу, и ея глаза прежде всего остановились на вышитыхъ ею занавѣскахъ.

— Какая я была дура, промолвила она съ горькой улыбкой.

— Лія! воскликнулъ Мишель. — Что случилось? Что съ тобой?

— Что со мной? отвѣчала она судорожнымъ, ироническимъ тономъ. — Ничего. Я пришла къ тебѣ умереть.

— Умереть!

Онъ отскочилъ отъ нея. Она сошла съ ума? Или больная притаскилась къ нему, чтобъ отомстить за всѣ свои страданія ужаснымъ зрѣлищемъ предсмертной агоніи?

— Умереть? повторилъ онъ дико. — Зачѣмъ умереть? Зачѣмъ ты хочешь умереть?

— Зачѣмъ? Я отравилась.

Она произнесла эти слова просто, впиваясь своими черными глазами въ его искаженное страхомъ лицо.

— Отравилась?

— Да.

— Ты отравилась?.. Лія! полно, это неправда... Какое безуміе! Ты не могла отравиться!

Ему казалось, что онъ видѣлъ ужасный сонъ; нервный смѣхъ сдавливалъ ему горло, а роковая блѣдность Ліи леденила его сердце.

— Да, я отравилась. Я пришла, чтобъ показать тебѣ, что дѣлается съ женщинами, которыхъ вы бросаете, какъ ненужную ветошь. Ты говорилъ всегда, что мы будемъ принадлежать другъ другу вѣчно, всю жизнь и *даже послѣ*. Вотъ я и пришла, чтобъ и послѣ смерти остаться съ тобою. Мнѣ этого только и хотѣлось. Я теперь довольна.

Она опустила въ изнеможеніи на кресло и Мишель старался прочесть въ ея глазахъ роковую истину.

— Ты ничего не знаешь, продолжала она рѣзко:—мой ребенокъ... твой ребенокъ... ты его никогда не видалъ... ты отъ него отрекся, какъ отъ меня... но онъ все-же былъ твой... онъ умеръ. Слышишь, онъ умеръ, какъ мой отецъ умеръ, не простивъ меня... Да, онъ умеръ! И сколько дней, сколько ночей онъ метался въ своей колыбели... Ты не знаешь, какъ сильны дѣти, какъ и они не хотятъ разстаться съ жизнью! Я няньчила его, я плакала, я молилась! Но что значать молитвы проклятой? Даниель умеръ! Ты не знаешь даже, что его звали Даниелемъ! Онъ похолодѣлъ на моихъ рукахъ... его отняли у меня... унесли... бросили въ яму. Что мнѣ было дѣлать? Я и отравилась.

— Такъ это правда? воскликнулъ Мишель, обезумѣвъ отъ страха.

— Правда-ли? Да посмотри на меня. Ты скажешь, что я и прежде была такая-же блѣдная. Нѣтъ, слезы—ужасныя румяна!.. Да, я умираю, я умру у тебя, но прежде я тебѣ расскажу все, что я выстрадала, все, что вынесла по твоей милости. Да, Мишель, моя смерть, смерть ребенка—все это твое дѣло; если-бъ онъ родился сильнѣе и у меня не пропало-бы молоко, то онъ остался-бы живъ. Онъ былъ для меня жизнью, радостью. Онъ умеръ—и все кончено! Слушай.

И съ пламеннымъ, трагическимъ краснорѣчіемъ она разсказала немногосложную, печальную исторію маленькаго Даніеля. смерть котораго, по ея словамъ, заставляла и ее умереть. Мишель слушалъ, едва переводя дыханіе, дрожа всѣмъ тѣломъ. Онъ ударялъ себя по лбу, хваталъ ее за руки, перебивалъ, умоляя подумать о себѣ, готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни. А она находила какое-то дикое счастье въ воспоминаніяхъ о своемъ ребенкѣ и подробно, до послѣднихъ мелочей, описывала отцу хорошенькое личико, темные волосы, кружевной чепчикъ, ангельскую улыбку и необыкновенныя способности четырехлѣтняго ребенка.

Мишель при этомъ разсказѣ несчастной матери не могъ не вспомнить письма Клотильды Балю, которое онъ такъ драматично читалъ у баронесы Ривъ, и свою собственную краснорѣчивую рѣчь въ законодательномъ корпусѣ.

— Ліа! восклицалъ онъ, — Ліа! умоляю тебя, скажи мнѣ, неужели ты приняла яду?

Она странно улыбалась, и, какъ-бы радуясь его страданіямъ, вызывала передъ нимъ дорогой для нея образъ маленькаго Даніеля, описывала его первую улыбку, его лепетъ, свои надежды, ласки, заботы. Но всему этому суждено было кончиться смертью. Ребенокъ сталъ кашлять. Она думала, что это была маленькая простуда, но припадки кашля становились все сильнѣе и сильнѣе. Онъ блѣднѣлъ, чахнулъ; днемъ его трясла лихорадка, ночью душилъ кашель. Докторъ дѣлалъ все, что могъ, но вскорѣ ему пришлось ухаживать за двумя больными. Ліа не спала ночей и онъ тщетно давалъ ей опиумъ, постоянно увеличивая пріемъ; она не могла спать, потому, вѣроятно, что не хотѣла.

— Вы себя убьете, дитя мое, говорилъ докторъ.

— Конечно, если Даніель умретъ.

Ребенокъ умеръ. Всѣ окружающіе Лію думали, что она сойдетъ съ ума. Она, однако, извѣстила объ его похоронахъ своихъ родителей, не желая, чтобъ Даніеля бросили въ яму, какъ собаку, безъ родственниковъ и религіозной церемоніи. Но старикъ Германъ умеръ, а жена его уѣхала въ Мэцъ къ своему семейству.

— Отецъ умеръ, произнесла страннымъ голосомъ Лія; —я это предчувствовала. Но я вскорѣ его увижу.

Бѣдная женщина была одна въ Парижѣ. О Мишелѣ нечего было и думать.

— Это его только обезпокоитъ, сказала она рѣзко.

Возвратясь съ кладбища послѣ похоронъ Даниеля, Лія оставалась до самаго вечера въ какомъ-то обморокѣ; потомъ она очнулась, произнесла еврейскую молитву, написала нѣсколько словъ матери и выпила весь остатокъ опиума, который она нарочно сохранила, какъ величайшее для себя утѣшеніе. Послѣ этого она накинула на плечи шаль и прямо пошла къ Мишелю Бертье въ алейю Труденъ, не зная, что онъ переѣхалъ.

Привратникъ боялся дать новый адресъ депутата разстроенной, почти безумной женщины, но она сунула ему въ руку золотой и быстро промолвила:

— Развѣ вы меня не знаете? Я его любовница.

— Пренная?

— Да, пренная, отвѣчала она рѣзко.

Ея появленіе въ квартирѣ Мишеля привело его въ неописанный ужасъ. Пока она говорила, онъ холодно размышлялъ о страшныхъ для него послѣдствіяхъ смерти Лія. Если она говорила правду, если она умретъ у него въ квартирѣ, то всѣ его честолюбивныя мечты, всѣ его надежды погибли. Вотъ роковая преграда, которую онъ считалъ невозможной. Его побѣдоносный путь пересѣкала смерть женщины, которую онъ любилъ нѣкогда болѣе Франсины, болѣе всѣхъ.

Всѣ нервы Мишеля были напряжены, голова его горѣла, онъ видѣлъ передъ собою страшную фантазмагорію: полицію, докторовъ, судебного слѣдователя, толпу сосѣдей, сбѣжавшихся къ нему въ квартиру и окружавшихъ безжизненный трупъ несчастной женщины. Въ его ухахъ раздавались компрометирующіе его толки обвиненія; онъ уже читалъ скандальныя статьи газетъ и предвѣшалъ всѣ роковыя послѣдствія смерти Лія.

— Я погибъ, я погибъ! говорилъ онъ себѣ въ неописанномъ, пошломъ испугѣ.

Но дѣйствительно-ли Лія умирала? Какой ядъ она приняла? Неужели нельзя было ее спасти?

— Лія! воскликнулъ онъ, — моя бѣдная Лія, что ты чувствуешь?

— Еще ничего; голова кружится, но это пріятное чувство. Хорошо умирать, только пить хочется.

— Какой ты приняла ядъ?

— Вотъ, отвѣчала она и, вынувъ изъ кармана, подала Мишелю темную стельянку съ надписью: Laudanum.

— Ты все это выпила?

— Да, и еще другую, отвѣчала она съ грустной улыбкой.

Мишель схватилъ шляпу и бросился къ дверямъ.

— Куда ты? спросила Лія.

— За противоядіемъ.

— Зачѣмъ? Я хочу умереть. И къ тому-же поздно.

Но Мишель ее не слушалъ; онъ выбѣжалъ, какъ съумасшедшій, на улицу и направился въ ближайшую аптеку. Его преслѣдовала теперь новая мысль:

— А что, если тебя станутъ подозрѣвать въ ея отравленіи?

Онъ ненавидѣлъ, онъ проклиналъ Лію; онъ готовъ былъ вынести ее на рукахъ изъ своей квартиры и бросить на улицу. Но это было невозможно и ее надо было спасти.

Аптека была заперта и ему пришлось долго звонить. Наконецъ, дверь отворилъ мальчикъ и объявилъ, что аптекарь спитъ.

— Разбудите его! воскликнулъ Мишель; — мнѣ надо лекарство для умирающей.

Мальчикъ пожалъ плечами и пошелъ за хозяиномъ, который явился черезъ нѣсколько минутъ въ халатѣ и туфляхъ. Мишель поспѣшно и съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ гнѣва рассказывалъ, въ какомъ ужасномъ положеніи онъ находился.

— Дѣло идетъ о женщинѣ? спросилъ аптекарь, зѣвая.

— Да.

— Она молода?

— Да.

— Какой ядъ?

— Laudanum.

— О! всё смѣси изъ опіума страшно дѣйствуютъ. Какіе у нея симптомы?

— Головокруженіе и жажда.

— Сколько она приняла?

— Не знаю; кажется, двѣ такія стьянки, отвѣчалъ Мишель, показывая взятую у Ліи стьянку.

Аптекарь взглянулъ на стьянку, опять зѣвнулъ и спросилъ хладнокровно:

— Давно?

— Не думаю. Я не спросилъ; вѣроятно, не болѣе часа.

— Еще не поздно. Смерть наступаетъ въ промежутокъ между семью и двѣнадцатю часами. Если черезъ двѣнадцать часовъ ваша больная оправится, то она спасена.

Мишель посмотрѣлъ на часы; было пять минутъ второго.

— Однако не надо терять времени, продолжалъ аптекарь;— не ходите за докторомъ, возьмите виннаго камня и давайте больной отъ 5 до 15 сантиграмовъ. Не бойтесь: у нея выступитъ холодный потъ, будетъ тошнота, нервные судороги и оледенѣніе тѣла. Это ее спасетъ. Потомъ давайте ей каждыя пять минутъ попеременно чашку крѣпкаго кофе и чашку воды съ нѣсколькими каплями уксуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ трите ей руки и ноги щеткой или суконкой. Наконецъ, если больная оправится, то ей необходимъ въ первое время тщательный уходъ. Главное — не давайте никакой пищи, кромѣ жидкой.

Мишель повторилъ слова аптекаря, взялъ лекарства и, поблагодаривъ, бросился къ дверямъ.

— Извините, сказалъ аптекарь, — какъ ваша фамилія?

— Моя фамилія?

— Конечно; вы пришли просить противоядія и я вамъ далъ виннаго камня безъ рецепта. Мнѣ надо знать...

— А развѣ вы меня не знаете? спросилъ Мишель, недоумавшій о послѣдствіяхъ его обращенія въ аптеку.

— Нѣтъ.

Мишель вздохнулъ свободнѣе.

— Меня зовутъ Гонтранъ Верженъ.

— А гдѣ вы живете?

— Въ улицѣ Омаль, № 12.

Бертъе выбѣжалъ на улицу, говоря про себя:

— Послѣ я все объясню Гонтрану.

Придя домой, онъ засталъ Лію въ своемъ кабинетѣ, на томъ-же самомъ большомъ креслѣ. Ядъ дѣйствовалъ медленно, но вѣрно. Первые симптомы головокруженія и жажды смѣнились чѣмъ-то вродѣ столбняка.

— Лія! воскликнулъ Мишель,— вотъ противоядіе. Ты спасена.

— Что это? спросила она, когда Мишель всыпалъ въ стаканъ одинъ изъ принесенныхъ имъ порошковъ.

— Это винный камень. Но не все-ли тебѣ равно? Это спасеніе! Это жизнь!

Горькая улыбка показалась на блѣдныхъ губахъ молодой дѣвушки. Ея потухающій взглядъ прочелъ ясно въ глазахъ Бертъе всѣ его эгоистическія опасенія и низкій страхъ непріятныхъ послѣдствій лично для него отъ ея смерти.

— Къ чему? промолвила она, отталкивая отъ себя стаканъ съ противоядіемъ,— я не отравлена.

— Что ты говоришь! воскликнулъ Мишель, отскакивая отъ нея и гнѣвно сверкая глазами.

— Ты не стоишь даже, чтобъ кто-нибудь умеръ ради тебя, сказала Лія съ презрительной энергіей;— ты съ гордостью думалъ-бы, что твоя прежняя любовница, какъ меня только-что назвалъ привратникъ, отравилась изъ любви къ тебѣ. Это было-бы слишкомъ выгодной для тебя рекламой. Нѣтъ, не радуйся: я не отравилась. Я страдаю, умираю не ради тебя. Я не приняла опіума, я солгала.

— Что-же правда? воскликнулъ Бертъе:— ты прежде меня обманывала или теперь лжешь? Ты хочешь мнѣ отомстить и меня погубить?

— А ты вѣдь меня погубилъ, отвѣчала она тихо;— нѣтъ, повторяю, я не приняла яду.

Мишель спрашивалъ теперь себя: не во снѣ-ли онъ все это видитъ? Самыя противорѣчивыя мысли боролись въ немъ. Говорила-ли Лія теперь правду? Но къ чему было ей лгать? Если-же

теперь она не лгала, то зачѣмъ она обманула его, сказавъ, что пришла умереть?

„О, сердце женщины, кто тебя разгадаетъ!“ думалъ онъ.

Между тѣмъ время шло и Лія съ принужденной улыбкой повторяла иронически:

— Ты видишь, я не умираю.

Въ дѣйствительности-же смерть приближалась. Она чувствовала горечь во рту, какую-то слабость во всемъ тѣлѣ, сердце ея сжималось словно въ тискахъ, дышала она съ трудомъ, припадки тошноты схватывали ее ежеминутно, а въ головѣ у нея бродили странныя, дикія мысли. Наконецъ, она закрыла глаза и передъ нею длинной вереницей потянулась вся ея прежняя жизнь: она видѣла себя въ родительскомъ домѣ на площади Сорбонны, въ маленькой кофейной, куда ее водилъ въ дѣтствѣ по субботамъ старикъ Германъ; она чувствовала, что у нея на колѣняхъ сидѣлъ маленький Даниэль и напѣвалъ ей колыбельную пѣсенку.

Мишель Бертье съ ужасомъ слѣдилъ по ея блѣдному, покрытому потомъ лицу за дѣйствіемъ яда.

— Несчастная! воскликнулъ онъ наконецъ, — ты меня обманула, ты солгала, ты умираешь.

— Да, отвѣчала Лія съ выраженіемъ горькой радости; — я хотѣла выиграть время, чтобы ядъ подѣйствовалъ. Теперь все кончено. Ты не думалъ, что сегодня ночью у тебя на квартирѣ будетъ мертвецъ. Я жила тобою и умираю ради тебя.

— Лія, Лія! воскликнулъ Мишель внѣ себя отъ отчаянія: — выпей ради Бога, выпей!

И онъ поднесъ къ ея губамъ противоядіе, но она его оттолкнула. Ему пришла въ голову мысль схватить ее за шею и насильно влить въ горло спасительную влагу, но она могла закричать, и разбудить сосѣдей.

— Я погибъ невозвратно, произнесъ онъ громко, схватившись руками за волосы.

Лія смотрѣла на него съ презрѣніемъ. Этотъ человѣкъ, бросившій несчастную, оболыченную имъ женщину, недумавшій никогда о своемъ ребенкѣ, теперь, въ виду умирающей, только заботился о себѣ. Имъ овладѣлъ низкій, эгонистичный страхъ. Что скажутъ

о немъ завтра? Его рѣчь, его великолѣпная, торжественная рѣчь, довѣріе императора, власть, почести, будущность — все исчезало! Отречься отъ своего прошедшаго, разорвать всѣ сношенія съ своими друзьями, смѣло вступить въ бой съ цѣлою націей и въ послѣднюю минуту, передъ самой побѣдой спотѣнуться — обо что? О безжизненный трупъ отравившейся гризетки. Это было невозможно, немислимо!

Тогда этотъ человѣкъ, гордый, честолюбивый, жертвовавшій всёмъ для власти, унизился передъ несчастной, покинутаю и мѣ любовницей до мольбы, до слезъ. Онъ ползалъ у ея ногъ, ломалъ себѣ руки, плакалъ, цѣловалъ ея платье, умолялъ ее жить.

— Для кого? Даниѣль умеръ, говорила Лія.

— Для меня, для меня! отвѣчалъ наивно устрешенный эгоистъ; — заклинаю тебя, Лія, нашей прошедшей любовью, нашимъ счастіемъ, прими противоядіе.

Онъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ и, рыдая, просилъ, какъ милостыни, выпить предлагаемый стаканъ.

— Вотъ онъ у моихъ ногъ, какъ бывало прежде, горько промолвила Лія, качая головой.

— Да, да, живи, Лія, и я буду тебя любить, я къ тебѣ возвращусь! восклицалъ Мишель внѣ себя; — умоляю тебя памятью нашего ребенка, Лія, не умирай!

При воспоминаніи о Даниѣлѣ она вскочила и хотѣла съ отращеніемъ оттолкнуть отъ себя Мишеля, но вдругъ почувствовала какую-то жалость къ нѣкогда любимому человѣку и, бросивъ на него долгій, убійственный взглядъ, рѣзко сказала:

— Дай!

„Она спасена“, подумалъ Вертье, когда она выпила противоядіе.

Послѣ всѣхъ этихъ тревоженій Лія почти безъ чувствъ опустилась на кресло. Мишель взялъ ее на руки и перенесъ на свою постель. Разстегивая на ней платье, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, какъ она исхудала.

Ядъ дѣйствовалъ съ математической точностью. За головокруженіемъ слѣдовало искусственное оживленіе, потомъ тошнота и, наконецъ, столбнякъ. Она теперь лежала на постели неподвижно,

бессознательно, словно мертвая. Она по временамъ, однако, выходила изъ забытья и отвѣчала Мишелю, но такъ тихо, такъ отрывочно, точно она была далеко. Лицо ея было блѣдное, спокойное, кожа почти холодная, пульсъ былъ частый, сжатый. Только иногда нервная дрожь пробѣгала по всему ея тѣлу.

„Боже мой! думалъ Мишель,—неужели приближается смерть?“

Можетъ быть, противоядіе было дано слишкомъ поздно или въ слишкомъ большомъ приѣмѣ? Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на часы и рассчитывалъ, что было еще только половина третьяго, слѣдовательно, ему предстояла цѣлая ночь мученій и страха.

— Дуракъ, трижды дуракъ, что я когда-нибудь любилъ эту женщину! говорилъ онъ въ глубинѣ своей души, гдѣ боролись самыя противоположныя чувства: воспоминаніе о прошлой любви и пламенная ненависть.

Однакожь противоядіе дѣйствовало и Лія страдала болѣе возвращаясь къ жизни, чѣмъ умирая. Мишель сидѣлъ подлѣ нея и черезъ каждыя пять минутъ, по приказанію аптекаря, давалъ ей кофе и воду съ уксусомъ.

Такъ прошла эта трагическая ночь и при первыхъ лучахъ восходящаго солнца Мишель съ низкимъ чувствомъ эгоистичнаго удовольствія взглянулъ на тихо спавшую Лію, въ положеніи которой давно уже произошелъ спасительный кризисъ, и, совершенно позабывъ о ней, сталъ думать о своей предстоящей рѣчи. Но все-же онъ не отходилъ отъ больной, такъ-какъ время у него было свободное до часу пополудни.

Согласно предсказанію аптекаря, Лія начала приходиться въ чувство ровно черезъ двѣнадцать часовъ; пульсъ сдѣлался ровнѣе, кожа покраснѣла и послѣ общей испарины она открыла глаза. Въ первую минуту она не поняла, гдѣ находилась; она словно очнулась отъ страшнаго сна и съ испугомъ озиралась по сторонамъ. Но она была совершенно здорова, только чувствовала сильную слабость, въ виски стучало, какъ послѣ мигрени, и во рту было сухо. Она едва слышнымъ голосомъ попросила пить.

„Она спасена“, подумалъ Мишель и, позвавъ слугу, приказалъ ему не отходить отъ больной до его возвращенія.

Передъ отъѣздомъ онъ написалъ нѣсколько словъ Гонтрану

и объяснилъ въ довольно смутныхъ выраженіяхъ (изъ боязни скомпрометировать себя), почему онъ воспользовался его именемъ.

— Однакожь, сказалъ себѣ Мишель съ своимъ обычнымъ эгоизмомъ, — я и не подумалъ, что это происшествіе можетъ разрушить его свадьбу, если только узнаетъ о немъ семейство невѣсты. Впрочемъ, нечего бояться: врачи тѣла такъ-же обязаны хранить тайну, какъ и врачи души!

Отправивъ это письмо съ комисіонеромъ, онъ переодѣлся, повторилъ свои приказанія слугѣ и, выходя на улицу, сѣлъ въ проѣзжавшую мимо извозничью карету.

— Въ законодательный корпусъ—и живо! закричалъ онъ возницѣ.

Лошади поскакали и Мишель, свободно вздохнувъ, сказалъ себѣ, что успѣхъ его рѣчи несомнѣненъ, такъ-какъ, очевидно, въ эту ночь судьба была за него, а не противъ него.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

VII.

Мы знаемъ уже, что французское общество передъ революціей, создавъ себѣ искусственную и фантастическую жизнь, прозябало чисто-растительными инстинктами. Оно не думало, да и не могло думать о своемъ положеніи, предоставивъ его на волю судьбы. Никто не предвидѣлъ, что будетъ завтра, и каждый жилъ только своимъ настоящимъ, безъ мысли, безъ чувства, безъ надеждъ и стремленій. Господствующее сословіе, въ рукахъ котораго сосредоточивались высшіе интересы страны, всего менѣе понимали настоящее положеніе вещей. Человѣкъ высшаго круга, гнушій спину въ переднихъ версальскаго дворца, вѣтъ его отдавалъ всего себя свѣту, и „свѣтскія приличія, говоритъ Тэнъ—подобно вьющемуся растенію, обвили все его существо, всю его жизнь, во всѣхъ ея, даже самыхъ мелочныхъ, проявленіяхъ“. На все существовали извѣстныя правила, которыя никто не рѣшался нарушать, боясь быть осмѣяннымъ. Правила эти съ точностью и обстоятельностью китайскаго кодекса приличій опредѣляли, какъ слѣдуетъ ходить, сидѣть, кланяться, подавать какую-нибудь вещь, поднимать перчатку, держать вилку, снимать и надѣвать шляпу и т. п. *) Мало того, они вторгались во внутренній, ин-

*) Тэнъ приводитъ, между прочимъ, изъ книги «Paris, Versailles et les provinces» слѣдующій характеристическій эпизодъ: Нѣкая дѣвица выхлопотала черезъ своихъ родныхъ пенсію въ Марсели, знаменитому въ то время танцмейстеру, пользовавшемуся громкой репутаціей въ большомъ свѣтѣ. Обрадованная барышня бѣ-

тимный міръ человѣка, они предписывали ему, какъ и что онъ долженъ чувствовать, думать и говорить въ томъ или другомъ случаѣ, какъ долженъ вести себя въ отношеніи жены, дѣтей, любовницы, въ отношеніи лицъ выше и ниже себя поставленныхъ, какинъ образомъ онъ долженъ выражать свое горе, радость, отчаяніе, гнѣвъ, восторгъ и т. п.

Все, что уклонялось отъ разъ на всегда определенной норы поведенія или образа жизни, все это безпощадно преслѣдовалось и изгонялось. И чѣмъ больше человѣкъ уступалъ свѣту, тѣмъ требовательнѣе онъ становился: число дозволенныхъ (свѣтскими приличіями) поступковъ, темъ для разговора и даже самыхъ словъ постоянно уменьшалось.

Ни въ чемъ не допускалось естественности: все, начиная отъ самыхъ пустыхъ мелочей и кончая чувствами и мыслями, было дѣланное, вычурное, искусственное. „Истинное чувство здѣсь встрѣчается такъ рѣдко, говорилъ г. de V. (у Шамфера),—что когда я возвратился въ Версаль, я нѣсколько разъ останавливался на улицѣ, чтобы поглядѣть хотя на собаку, гложущую кость“.

Повидимому, это общество,—общество напудренныхъ, расфранченныхъ, вѣчно присѣдающихъ и расшаркивающихся маріонетокъ,—обречено было на вѣчный застои; никакія силы не могли, казалось, вывести его изъ тѣхъ условныхъ формъ жизни и приличій, которыя оно разъ на - всегда себѣ усвоило, къ которымъ оно приросло, какъ улитка къ раковинѣ. Оно не допускало никакого разнообразія, ни малѣйшей эксцентричности; каждый считалъ своею священнѣйшею обязанностью походить на всѣхъ и всѣ на cadaго. Индивидуальность, личная независимость и самостоятельность были стерты въ порошокъ, вытравлены деспотическимъ гнетомъ салоннаго „savoir vivre“. Никому и въ голову

жить къ своему учителю и подаетъ ему королевскій декретъ о назначеніи ему пенсін. Учитель беретъ бумагу и съ негодованіемъ бросаетъ ее на полъ. «Сударыня, развѣ я васъ не училъ, какъ нужно подавать что-нибудь? Поднимите сейчасъ эту бумагу и подайте мнѣ ее какъ слѣдуетъ». Сконфуженная барышня подняла бумагу и по всѣмъ правиламъ свѣтскихъ приличій, съ поклонами и присѣданіями, приподнесла своему суровому ментору королевскій декретъ. «Хорошо, сударыня, теперь я возьму, хотя вы согнули локоть не совсѣмъ такъ, какъ слѣдуетъ; благодарю васъ».

не приходило протестовать, никто даже въ глубинѣ души своей не возмущался невыносимымъ гнетомъ; напротивъ, всѣ подчинялись ему съ величайшею охотою, какъ выдресированное животное подчиняется своему привычному игу; и если-бы кто-нибудь изъ этихъ обезличенныхъ, по одному шаблону выероенныхъ куколокъ, вздумалъ отстаивать свою самостоятельность даже въ самыхъ ничтожнѣйшихъ мелочахъ, его - бы въ одно мгновеніе уничтожили всеобщимъ, дружнымъ, презрительно - ироническимъ смѣхомъ.

И, однакожь, въ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи, кодексъ приличій и модъ, образъ мыслей, чувствъ, взаимныхъ отношеній—все въ этомъ обществѣ перевернулось вверхъ дномъ. Изъ яраго гонителя всего естественнаго и непосредственнаго оно вдругъ превратилось въ восторженнаго поклонника „природы“. Все, что до сихъ поръ безжалостно осмѣивалось и строго воспрещалось подъ страхомъ остракизма,—все это сдѣлалось теперь какою-то святынею или, лучше сказать, для всѣхъ обязательною модою. Салонъ сталъ бредить „возвращеніемъ на лоно природы“. Люди хорошаго тона начали воспѣвать деревню и простоту сельскихъ нравовъ. Какъ прежде они должны были представлять изъ себя безсердечныхъ истукановъ, неспособныхъ ни на какое человѣческое чувство, такъ теперь, наоборотъ, они обязаны были разыгрывать роль самыхъ сантиментальныхъ, самыхъ нѣжныхъ и слезливыхъ, вѣчно воркующихъ голубковъ и голубокъ.

Салонная литература, салонный театръ, салонная живопись—все проникается какимъ-то буклическимъ романтизмомъ. Салонные петиметры захлебываются отъ восторга, мечтая о блаженствѣ естественнаго состоянія, о любовныхъ идиліяхъ въ дѣвственномъ лѣсу, о „свирѣли“ пастушковъ и пастушекъ. Высшій свѣтъ толпится передъ „Деревенскою невѣстою“, „Разбитою кружкою“, „Возвращеніемъ кормилицы“ и другими сельскими и домашними идиліями Греза. Когда въ театрѣ дадутъ чувствительную драму въ родѣ „Отца семейства“ или что-нибудь подобное, мужчины плачутъ, женщины считаютъ для себя обязательнымъ пасть въ обморокъ. Въ „Меркуріѣ“, модномъ журналѣ того

времени, печатаются „нравственныя сказки“ Мармонтеля, „Федеративный союзъ Гименея и Любви“, „Ревнивый“, „Пасторальный романсъ“, „Анакреонтическая ода, посвящаемая дѣвицѣ С. Д.“, и т. п. На другой день послѣ сентябрьскихъ убійствъ журналъ печатаетъ длинное стихотвореніе: „Къ тѣни моей кенарейки“.

Всѣ чувства, которыя до сихъ поръ было принято скрывать, осмѣивать, топтать въ грязь, теперь, напротивъ, выставляются на показъ всѣмъ, утрируются, доводятся до комической аффектаціи. Когда какой-нибудь авторъ читаетъ въ салонѣ свое произведеніе (непремѣнно чувствительное), для присутствующихъ обязательно восторгаться, рыдать, всхлипывать, а кто-нибудь (конечно, изъ дамъ) непремѣнно долженъ упасть въ обморокъ. „Вошло въ моду, особенно среди молодыхъ барышень, рассказываетъ г-жа Жанлисъ,—при видѣ старика Вольтера волноваться, блѣднѣть, разнѣживаться, иногда даже терять чувства; когда онъ входитъ, ему бросаются на шею, лепечуть безсвязныя слова, рыдаютъ,—однимъ словомъ, стараются выказать передъ нимъ самую страстную любовь“. Жанлисъ смѣется надъ этою аффектаціею, но сама она выкидываетъ штуки ничуть не лучше. Чтобы занять, напр., своихъ гостей, она приказываетъ жившей у нея сиротѣ Памелѣ разыгрывать роль Элоизы. Памела распускаетъ волосы, становится на колѣни, воздвѣгаетъ очи къ небу, стараясь придать своему лицу вдохновенный видъ. Общество въ восторгѣ; дамы утираютъ глаза платками, мужчины—неистово аплодируютъ. Также г-жа Жанлисъ основала „общество постоянства“ и въ самое непродолжительное время завербовала въ него около ста человѣкъ „рыцарей“ изъ самыхъ высшихъ сферъ. Чтобы быть принятымъ въ это общество, нужно было или разгадать какую-нибудь загадку, или разрѣшить какой-нибудь нравственный вопросъ, или сказать рѣчь о „добродѣтели“. Каждый членъ (дама или кавалеръ), сообщившій обществу „о трехъ добродѣтельныхъ поступкахъ“, получалъ золотую медаль. У каждого „рыцаря“ былъ свой „братъ по оружію“, у каждой дамы—своя подруга. Каждый имѣлъ девизъ; девизъ этотъ, вставленный въ рамку, хранился въ „Храмѣ Чести“,—такъ называлась роскошно-убранная палатка, устроенная Лозеномъ въ одномъ изъ его садовъ.

Вообще въ то время между аристократами было въ большой модѣ устраивать въ своихъ садахъ, паркахъ, даже кабинетахъ и салонахъ „храмы чести“, „дружбы“, „любви“, алтари и жертвенники „благотворительности“, „Гименея“ и т. п.

Аффектація и сентиментальность проявлялись даже въ костюмахъ; дѣтей перестаютъ пудрить, мужчины не носятъ болѣе шпаги, спариваютъ галуны съ своихъ фраговъ, бросаютъ кружева и т. д. Женщины надѣваютъ „платья à la Жанъ-Жакъ Руссо, весьма скромныя, безъ лишнихъ украшеній и сообразныя съ принципами великаго философа“. Въ головной уборъ онѣ вставляютъ теперь маленькіе портреты дочери, матери, канарейки, собачки и т. п. Портреты непременно украшаются волосами отца или „друга сердца“. Имѣть „друга сердца“ безусловно обязательно для каждаго салоннаго кавалера, для каждой салонной барыни. Къ „другу сердца“ обязательно чувствовать „сильную, пламенную“ и въ то-же время „тихую и нѣжную“ страсть. „Друзья сердца“ должны видѣться не меньше трехъ разъ въ день; когда они говорятъ одинъ другому чувствительныя вещи, они должны понизить голосъ до тихаго ласкающаго шопота, склонить голову набокъ, обмѣниваться нѣжно-страстными взглядами и ежесекундно обниматься и цѣловаться.

Разумѣется, эта новая модная игра въ „нѣжныя чувства“ не могла не отразиться и на частной, семейной жизни салонной аристократки, въ которую она теперь превратилась изъ сурово-феодалской. Если прежде „быть влюбленнымъ“ значило быть „смиреннымъ“, то теперь, наоборотъ, любовью щеголяли, гордились, ее торжественно выставляли на показъ всему свѣту. Свѣтъ требовалъ самой чистой, самой добродѣтельной, самой идиллической любви. Влюбленные никогда не должны были разлучаться, они вѣчно должны были сидѣть обнявшись, нѣжно воркуя и цѣлуясь. Мужъ обязанъ былъ смотрѣть въ глаза своей женѣ; жена ни на одну секунду не должна была покидать мужа. Семейная жизнь, семейныя добродѣтели стали теперь „святынею“, передъ которою каждый лицемерно обнажалъ голову и падалъ ницъ. Ни со стороны мужа, ни со стороны жены не допускалось ни малѣйшей грубости. Мужья начали всюду появляться подъ руку съ женами, и жены ѣздили за мужьями даже въ лагерь, на войну. Вос-

питаніе дѣтей, которое, какъ мы видѣли, поручалось до этихъ поръ прислугѣ, сдѣлалось теперь въ глазахъ свѣта „священнѣйшею и благороднѣйшею“ обязанностью родителей, призваніемъ матери, долгомъ отца. Всѣ родители непремѣнно хотѣли сдѣлать изъ своихъ сыновей Эмилей, изъ своихъ дочерей—Элоизъ. Молодыя матери ни за что не соглашались отдавать дѣтей кормилицамъ. „Кормленіе грудью“ вошло даже въ моду и юныя аристократки кормили своихъ младенцевъ во время утреннихъ пріемовъ совершенно открыто, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ галантныхъ кавалеровъ...

Идеаль „свѣтскаго человѣка“ совершенно измѣнился. Свѣтскій человѣкъ долженъ былъ теперь носить самую простую, даже грубую одежду, à la Франклинъ; онъ долженъ быть человѣкомъ „строгихъ нравовъ“, нѣжнымъ семьяниномъ, вѣрнымъ мужемъ, любящимъ отцомъ, обладать самою утонченною чувствительностью, относиться къ ближнимъ гуманно, сострадательно, разыгрывать роль филантропа. „Вкусъ къ каскадамъ, статуямъ, къ разнаго рода вычурнымъ украшеніямъ, говоритъ Тэнъ,—прошелъ; любили одни только англійскіе сады. Королева устраиваетъ сельскій домикъ въ Трианонѣ, и тамъ, одѣтая въ бѣлое коленкоровое платье, съ газовымъ воротничкомъ на шеѣ, въ простой соломенной шляпѣ, она удила рыбу или наблюдала, какъ доили коровъ. Этикетъ стирается, сходитъ подобно румянамъ, давая мѣсто живой краскѣ, вызываемой внутренними душевными волненіями. Принцеса Аделаида, желая доставить удовольствіе крестьянкамъ, беретъ скрипку и заступаетъ мѣсто отсутствующаго сельскаго скрипача. Герцогиня Вурбонъ выходитъ утромъ инкогнито для того, чтобы раздавать милостыню и „посѣщать бѣдняковъ на ихъ чердакахъ“. Дофина выскакиваетъ изъ коляски, чтобы помочь раненому почтальону или крестьянину, опрокинутому оленемъ. Король и графъ Артуа собственноручно помогаютъ извозчику вытащить его телѣжку изъ грязи. Никто болѣе не думаетъ сдерживаться, принимать на себя важный видъ, сохранять свое достоинство, скрывать и подавлять слабости своей природы во имя „требованія приличій“... „Быть добрымъ ко всѣмъ, всѣми любимымъ, сдѣлать всѣхъ людей счастливыми“—вотъ въ чемъ стало теперь заключаться честолюбіе салонныхъ героевъ и героинь.

Конечно, стоило только попристальнѣе взглядѣться въ образъ жизни чувствительнаго салоннаго кавалера или салонной дамы, чтобы сейчасъ-же убѣдиться, что вся эта чувствительность есть не болѣе, какъ простая мода, удовлетвореніе тѣмъ самымъ „требованіямъ приличій“, во имя которыхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ она такъ зло осмѣивалась и такъ тщательно изгонялась изъ салона.

Семейныя привязанности, филантропія, идиллическая любовь, нѣжная дружба, восхищеніе природою и т. п. — все это было напускное, дѣланное, афектированное. „Свѣтъ“ потребовалъ *естественности* и *сантиментальности*; маріонетки подчинились этому новому требованію такъ-же пассивно и такъ-же безпрекословно, какъ они подчинялись и всѣмъ его прежнимъ требованіямъ. Это совершенно понятно. Но откуда явились эти новыя требованія. этотъ неожиданный запросъ на *сантиментальность* и *естественность*?

Историки, подобные Тэню, отвѣчаютъ на этотъ вопросъ безъ малѣйшаго затрудненія. Это, видите-ли, была, по ихъ мнѣнію, естественная, неизбѣжная реакція человѣческой природы противъ безсердечныхъ и деспотическихъ требованій салона. Человѣкъ, разсуждаютъ они, — не можетъ вѣчно лицемерить и заглушать въ себѣ всѣ свои чувства, всѣ свои внутренніе порывы. Онъ не можетъ вѣчно ходить въ маскѣ и удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ въ душной атмосферѣ замкнутаго кружка. Сколько-бы удовольствій ни представляла ему салонная жизнь, но въ концѣ-концовъ она должна ему надоесть. Онъ откроетъ въ ней пустоту; онъ почувствуетъ, „что ему чего-то недостаетъ“; онъ начинаетъ беспокоиться — и тутъ-то вотъ, при помощи услужливыхъ писателей, завѣса спадаетъ съ его глазъ. Онъ убѣждается, что ему недостаетъ именно *чувства* и *естественности*; обрадованный своимъ открытіемъ, онъ бросается въ противоположную крайность, — онъ становится чувствительнымъ до приторности и „естественнымъ“ до искусственности.

Тэнъ, какъ подобаешь глубокомысленному философу, да вдобавокъ еще психологу, вполне доволенъ подобнымъ объясненіемъ. Но, разумѣется, для простого смертнаго, чуждаго глубокомысленности философа, оно покажется чистѣйшимъ вздоромъ. Салонные

кавалеры и дамы уже потому одному не могли восчувствовать ни малѣйшей пустоты въ окружавшей ихъ салонной жизни, что ихъ, по словамъ самого-же Тэна, готовили къ ней съ пеленокъ. Она ихъ вполне удовлетворяла,—удовлетворяла потому, что они не здоровые, нормальные люди, а люди изуродованные, искалѣченные, больные; эти люди не лицеѣрили, играя роль легкомысленныхъ, бездушныхъ, безсердечныхъ болтуновъ, неспособныхъ ни къ какой искренней привязанности, ни къ какому глубокому чувству или даже простому ощущенію. Они дѣйствительно были неспособны ни любить, ни ненавидѣть, ни вообще испытывать какія-бы то ни было сильныя душевныя волненія. Маска, которую они носили въ свѣтѣ, давно уже перестала быть для нихъ маскою; она срослась съ ихъ фізіономією, сдѣлалась частью ихъ самихъ. Искусственность салонной жизни не могла вызвать въ нихъ реакціи, потому что эта искусственность была для нихъ вполне естественна.

Очевидно, не въ протестъ ихъ дряблыхъ натуръ должны искать мы объясненія того „новаго духа“, которымъ повѣяло въ салонахъ въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Новыя потребности, новыя идеалы не могли зародиться на этой песчаной, высохшей, неплодной почвѣ. Но гдѣ-же и при какихъ условіяхъ они должны были развиться и какими образомъ усвоили ихъ себѣ салонныя маріонетки?

VIII.

Пока французское дворянство прожигало свою жизнь, прошивало и проѣдало государственный бюджетъ въ аристократическихъ салонахъ и будуарахъ, экономическій прогрессъ дѣлалъ свое дѣло. Крѣпостное право разорило помѣщиковъ и превратило ихъ феодальныя права въ невыносимое бремя для нихъ-же самихъ. Земледѣліе пришло въ совершенный упадокъ, тѣмъ болѣе, что (какъ мы увидимъ ниже) вся тяжесть государственныхъ расходовъ падала почти исключительно на одну землю. Сельское хозяйство стало дѣломъ весьма невыгоднымъ и переселенія изъ селъ въ города постоянно возрастали. Параллельно съ этимъ крѣпла и развивалась городская промышленность. Дешевизна труда, обу-

словливаемая положеніемъ сельскихъ рабочихъ, давала возможность городскимъ промышленникамъ реализовать громадныя барыши. Недостатокъ внутренняго сбыта благопріятствовалъ расширенію оборотовъ виѣшной торговли, усиленію класса купцовъ. Мало-по-малу эти купцы и промышленники прибрали къ своимъ рукамъ всё производительныя силы Франціи: въ ихъ кассахъ и банкахъ сосредоточились всё ея движимыя капиталы; но этихъ они еще не удовлетворялись; они стали скупать у разорившихся феодаловъ земли и такимъ образомъ сдѣлались полными хозяевами экономическихъ судьбъ страны. Безъ преувеличенія можно сказать, что къ концу XVIII вѣка они представляли единственно живую, реальную экономическую силу Франціи.

Но сила экономическая всегда идетъ рука объ руку съ силою политической. И дѣйствительно, въ ихъ рукахъ, задолго еще до революціи, сосредоточивались не только всё богатства, но и вся дѣйствительная власть. Государство, создавъ для дворянъ почетныя sinecеры, устранило ихъ (какъ мы уже говорили) отъ всякаго дѣйствительнаго участія въ управленіи государственными дѣлами, передавъ ихъ въ исключительное завѣдываніе бюрократіи. Бюрократія-же эта, въ большинствѣ случаевъ, вербовалась изъ одной буржуазіи. Она засѣдала въ судахъ и парламентахъ. она, именемъ короля, управляла провинціями, собирала и распредѣляла налоги и наполняла собою всё щели той административной губки, которая высасывала изъ Франціи всё ея производительныя силы, всё ея лучшіе соки...

Громкая фраза маленькаго аббата Сіеза, будто буржуазія (tiers-états) до 89 года была „ничѣмъ“, есть не болѣе, какъ только громкая фраза, лишняя всякаго реального содержанія. Историки почему-то ухватились за нее и подъ ихъ перьями она превратилась въ какой-то неопровержимый историческій догматъ. Благодаря этому обстоятельству, въ умахъ большинства людей представленіе о французской революціи срослось съ представленіемъ о началѣ буржуазной эры. Между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ революціонное движеніе конца XVIII вѣка если и совпадаетъ съ какии-нибудь „началомъ“, то скорѣе съ „началомъ конца“ этой эры, чѣмъ съ началомъ ея начала.

Опредѣлить съ точностью день и часъ, когда именно буржуа

изъ возраста младенческой неправопособности перешелъ въ возрастъ политической и экономической возмужалости — конечно, весьма трудно, если только возможно. Но, во всякомъ случаѣ, 89-й годъ засталъ его въ порѣ полной зрѣлости: онъ уже успѣлъ къ этому времени окончательно выдѣлиться изъ народа, разрушить барьеры, отдѣлявшіе его отъ дворянства, прибрать къ своимъ рукамъ всѣ главнѣйшіе источники экономической производительности страны, добиться власти, подчинить себѣ общественное мнѣніе и литературу и сдѣлаться всеобщимъ кредиторомъ. Еще за долго до 89 года его уже боялись, у него заискивали, ему льстили; при Лоу онъ уже начинаетъ сознавать свою силу и гордо поднимать голову; и тогда уже это былъ не слабый и безпомощный ребенокъ, а смѣлый и отважный юноша, готовый, очертя голову, бросаться въ самыя отчаянныя спекуляціи, въ самыя рискованныя предпріятія. Въ министрѣ-спекулянтѣ вполне олицетворялся весь буржуа съ его ненасытными позывами къ даровой наживѣ, съ его непомерною алчностью, съ его нравственными и политическими идеалами. Это былъ министр-буржуа по-преимуществу; поэтому и время его господства было золотымъ вѣкомъ для буржуазіи. Она стала при немъ богатѣть и разживаться, расширила свои торговыя предпріятія, дала толчекъ промышленности и банковымъ спекуляціямъ. Войны французскихъ королей остановили и задержали на время развитіе ея спекулятивной дѣятельности, но за то въ короткіе мирныя промежутки, напр., послѣ эскъ-шательскаго договора въ 1748 г., послѣ парижскаго—въ 1773 г., наконецъ, въ царствованіе Людовика XVI силы ея удваивались и она росла не по днямъ, а по часамъ. Вотъ нѣсколько цифръ, дающихъ наглядное приблизительное понятіе о быстротѣ этого роста: въ 1720 году изъ Франціи вывозилось товаровъ на 106 миліоновъ фр., въ 1735 г.—на 124 мил., въ 1748 г.—на 192 мил., въ 1755 г.—на 257 мил., въ 1776 г.—на 309 мил., въ 1788 г.—на 354 мил. Въ 1786 году одна колонія С.-Доминго послала въ метрополию на 131 мил. сырыхъ продуктовъ, и измѣнъ того получала на 44 мил. различныхъ произведеній французской промышленности.

Вольтеръ въ своей исторіи Людовика XV (*Siècle de Louis XV*) говорить: „Промышленность съ каждымъ днемъ дѣлаетъ все но-

вне и новыя успѣхи. При видѣ этихъ громаднѣхъ богатствъ, этихъ великолѣпныхъ построекъ въ Парижѣ и провинціи, этой массы элегантнѣхъ экипажей, всѣхъ этихъ удобствъ и изысканности; всего, однимъ словомъ, что называется „роскошью“, нельзя не сознаться, что благосостояніе страны возрасло за послѣднее время, по меньшей мѣрѣ, разъ въ двадцать... Промышленность обогатила средній классъ. Торговля даетъ теперь несравненно больше, чѣмъ прежде. Высшіе классы теперь не такъ уже богаты, какъ прежде, но за то увеличилось богатство буржуазіи, а вслѣдствіе этого уменьшилось и разстояніе, отдѣляющее послѣднюю отъ первыхъ. Въ прежнее время служба у аристократовъ была единственнымъ ресурсомъ ея существованія, теперь-же промышленность открыла тысячи другихъ ресурсовъ, совершенно неизвѣстныхъ сто лѣтъ тому назадъ“.

Неккеръ еще въ 1781 году говорилъ, что сумма косвенныхъ налоговъ (налогъ на потребление) ежегодно возрастаетъ, по крайней мѣрѣ, на 2 миліона. Это постоянное возрастаніе налога на потребление служило, по мнѣнію одного изъ тогдашнихъ администраторовъ, несомнѣннымъ доказательствомъ быстрого развитія всѣхъ отраслей промышленности и торговли. По словамъ Юнга, промышленные города Франціи могли смѣло соперничать тогда съ важнѣйшими промышленными городами Англіи. „Бордо-же, говоритъ онъ,—по своему богатству и своимъ торговымъ оборотамъ имѣлъ себѣ соперника только въ одномъ Лондонѣ“. Тотъ-же авторъ утверждаетъ, что морская торговля Франціи развивалась въ то время съ несравненно большею быстротою, чѣмъ въ Англіи.

Буржуазія богатѣла. Парижъ былъ вполне въ ея власти; это была ея столица, какъ Версаль былъ столицей отживающаго феодализма. Версаль поражалъ своею щегольскою роскошью, своимъ салоннымъ блескомъ, Парижъ—своею промышленностью и своими солидными богатствами. Онъ снабжалъ уже и тогда (и тогда болѣе даже, чѣмъ теперь) весь цивилизованный міръ лучшими произведеніями въ области ума и вкуса: лучшія книги *), луч-

*) Его книжная торговля по своимъ оборотамъ въ 4 раза превосходила въ то время книжную торговлю Лондона; обороты ея доходили до 45 миліоновъ въ годъ.

шіе эстампы, лучшія картины, статуи, золотыя вещи, лучшая мебель, лучшіе экипажи, самыя модныя костюмы, самыя дорогіе уборы и украшенія, самыя изящныя бездѣлки, — все это только и можно было получить въ Парижѣ и все это принадлежало французской буржуазіи.

Овладевъ „столицю міра“, сдѣлавшись главнымъ хозяиномъ и распорядителемъ всѣхъ богатствъ Франціи, буржуазія силою своихъ капиталовъ покорила себѣ и дворянство, и короля, и все государство. Самыя аристократическія, самыя благородныя руки въ королевствѣ смиренно протягивались къ ней за милостынею. И она не жалѣла милостыни, хотя никогда не давала ее иначе, какъ подъ хорошею процентъ и подъ благонадежное обезпеченіе.

Вся аристократія, весь дворъ были у нея въ неоплатномъ долгу. Государство выплачивало ей однихъ процентовъ въ 1776 году до 106 мил., а въ 1789 до 206 мил. Уже при Калоннѣ оно было должно ей болѣе 1½ миллиардовъ ливровъ. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что вся тогдашняя Франція, съ ея королемъ и дворянствомъ, съ ея войскомъ и бюрократіею, со всѣми ея дворцами, со всею ея роскошью, блескомъ и великолѣпіемъ—вся она помѣщалась въ карманѣ разбогатѣвшаго буржуа.

Въ это время съ буржуазіею могло соперничать своими богатствами только духовенство, въ рукахъ котораго сосредоточивались громадныя движимыя и недвижимыя капиталы; ему принадлежала пятая часть земли всей Франціи, обширныя наследственные замки, дворцы и безчисленныя, вѣками накопившіяся, монастырскія угодья. Весь капиталъ французскаго духовенства равнялся почти четыремъ миллиардамъ, а доходъ его простирался до двухъ сотъ миліоновъ. (Тэнъ, 18—19 стр.) Бенедиктинскіе монахи Клуни, числомъ до 298 человекъ, получали ежегоднаго дохода 1,800,000 ливровъ; монахи Сэн-Мора, которыхъ насчитывалось до 1,672 душъ, оцѣнивали одно движимое имущество своихъ церквей и домовъ въ 24,000,000, а ежегодный доходъ до 7,000,000. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ возрастала скромный динарій св. Петра у монашествующей братіи—это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ; Домъ-Рокуръ,

абать монастыря Клерво, обладалъ ежегодной рентой отъ 300,000 — 400,000 ливровъ; кардиналъ Роганъ, архіепископъ страсбургскій, имѣлъ болѣе миліона дохода; иноки Сэн-Клода, въ горахъ Юры, были собственниками 12,000 крѣпостныхъ людей. Наконецъ, были мѣстности, гдѣ $\frac{3}{4}$ земли находились въ исключительномъ владѣніи монастырей, и т. д. Но это было богатство мертвое, служившее не производительнымъ источникомъ страны, а той паразитической матеріальной силой, на которую опиралось духовенство, какъ господствующая партія, и которая обезпечивала ему авторитетъ и преобладаніе надъ бѣдными и безправными народами. Богатство-же буржуазіи, созданное промышленнымъ движеніемъ, не было мертвымъ капиталомъ; оно постоянно видоизмѣнялось, росло и развивалось, расширяя больше и больше сферу экономической жизни народа. Оно также тянуло изъ него свои лучшіе соки, но кое-что и возвращало ему изъ своихъ остатковъ.

Вмѣстѣ съ богатствомъ буржуазіи возрастала и ея притязательность. Въ началѣ XVIII вѣка она еще смиренно склоняла голову передъ каждымъ аристократомъ и тщательно устранилась отъ вмѣшательства въ общественныя дѣла. Когда въ 1718 году парижскіе адвокаты вздумали было фрондировать, дерзость ихъ возбудила одинъ только смѣхъ. „Эти дураки тоже суютъ носъ въ наши дѣла!“ хохоталъ регентъ, и весь дворъ и все дворянство вторили ему. Даже ихъ собственные собратья, даже сами адвокаты порицали ихъ. „Мой отецъ и я, писалъ позже адвокат Барбе, — мы не мѣшались въ эти безпорядки, мы отстранялись отъ этихъ раздражительныхъ и безпокойныхъ людей“. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „Я думаю, что каждый долженъ честно исполнять свою обязанность, не мѣшаясь въ государственныя дѣла, въ которыхъ онъ не призванъ и на которыя онъ не можетъ оказывать никакого вліянія“.

Но во второй половинѣ того-же вѣка взглядъ этого сословія на свои отношенія къ государству радикально измѣняется. Государство — его должникъ; оно хочетъ знать степень его состоятельности, оно непосредственно заинтересовано въ его хозяйствѣ. Буржуазія не могла не видѣть, что хозяйство это находится въ крайнемъ разстройствѣ: дефицитъ возрасталъ изъ году въ годъ; государ-

ство не въ состояніи было выполнять своихъ обязательствъ, оно задерживало по мѣсяцамъ и по полугоду жалованье, не выдавало ренты, произвольно понижало ее, измѣняло денежный курсъ, отсрачивало до безконечности уплату процентовъ и вообще пользовалось всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы какъ-нибудь обогатить своихъ кредиторовъ. Кредиторы, вѣряя ему свои капиталы, каждую секунду могли ждать, что оно объявитъ себя банкротомъ *); они не только не могли рассчитывать на обратное полученіе своихъ ссудъ, но даже и на полученіе процентовъ по нимъ. Разумѣется, крупные капиталисты не были от этого въ большомъ проигрышѣ: они умѣли ловить рыбу въ мутной водѣ и искусно пользовались финансовыми затрудненіями правительства для набиванія своихъ собственныхъ кармановъ. Но мелкая буржуазія, ссужавшая казну черезъ двадцатныя руки и притомъ по мелочамъ,—буржуазія, для которой исправное полученіе пенсій и рента составляло вопросъ жизни, имѣла много оснований быть недовольною и роптать. Уже въ 1727 году скромный и благонамѣренный Барбье съ горечью пишетъ въ своемъ дневникѣ: „У сотни бѣдныхъ семей отнимаютъ ихъ пожизненную ренту, которую они приобрѣли, ссудивъ короля деньгами и которая составляла единственный источникъ ихъ существованія; и въ то-же время отставнымъ чиновникамъ, занимавшимъ важныя должности и обогатившимся на счетъ народа, даютъ по пятидесяти шести тысячъ ливровъ ежегодной пенсіи, для того, чтобы они могли ничего не дѣлать и спокойно отдыхать“. Прошло еще 23 года и тотъ-же Барбье, утверждавшій въ 1718 году, что не дѣло буржуазіи соваться въ политику и что она не должна „смѣть свое сужденіе имѣть“ о дѣлахъ государственныхъ,—этотъ-же Барбье отважно критикуетъ существующую систему государственныхъ податей.

„Поземельный налогъ, пишетъ онъ въ 1750 г.,—долженъ быть пропорціоналенъ: его слѣдуетъ равномерно распредѣлять между

*) Со времени Генриха IV до министерства Ломени включительно государство объявляло себя банкротомъ 56 разъ. Финансисты и политики того времени, въ родѣ Лиге, Безенвала, настаивали на необходимости прибѣгнуть къ этой «спасительной мѣрѣ» еще разъ. По ихъ мнѣнію, одна только насильственная конфискація капиталовъ кредиторовъ и могла поправить государственные финансы.

всѣми подданными короля, всѣми членами государства, сообразно съ дѣйствительною стоимостью ихъ имуществъ. Въ Англии, напр., земли дворянства, духовенства и буржуазіи обложены одинаковымъ налогомъ; между ними не дѣлается никакого различія. Ничего не можетъ быть справедливѣе этой системы“.

Проходить еще 10 лѣтъ—и волна недовольства вздымается все выше и выше. О правительствѣ говорятъ дурно въ кофейняхъ, на улицахъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ; полиція ничего не можетъ сдѣлать: если-бы арестовывать всѣхъ недовольныхъ, откровенно сознается она, то „пришлось-бы арестовать всю Францію“.

Книгопродавецъ Гарди рассказываетъ, что въ 1744 г., во время болѣзни короля въ Мецѣ, въ церкви Богородицы было заказано 6000 обѣдѣнъ о его выздоровленіи. Въ 1757 году, послѣ неудачнаго покушенія Дамьена, число заказанныхъ обѣдѣнъ сократилось до шестисотъ, а въ 1774 году, во время болѣзни короля, отъ которой онъ умеръ, заказано было всего только *три* обѣдни.

Съ особенною силою недовольство буржуазіи высказывалось въ литературѣ. Литература, какъ и промышленность, какъ и всѣ вообще производительныя силы страны, находилась въ полномъ ея распоряженіи. Всѣ сколько-нибудь выдающіеся писатели того времени, всѣ тѣ литературныя знаменитости, которыя держали въ своихъ рукахъ камертонъ общественнаго мнѣнія не только Франціи, но и цѣлой Европы,—всѣ они вышли изъ ея среды и олицетворяли въ себѣ ея интересы, ея стремленія, ея идеалы и сокровенныя мечтанія. Вольтеръ былъ сынъ нотариуса; Дидро — сынъ ножевщика; Руссо и Бомарше—дѣти часовщиковъ, д’Аламберъ — найденнышъ, воспитанный стекольщикомъ; Мармонтель — сынъ деревенскаго портного; Лагарпъ—сынъ бѣдняковъ, вскормленный и воспитанный милостью частной благотворительности; Гельвецій—сынъ буржуа-чиновника и т. д.

Но въ чемъ-же заключались ея интересы, ея идеалы и мечтанія? Во-первыхъ, она была недовольна существующимъ порядкомъ,—онъ былъ для нея недостаточно устойчивъ, слишкомъ мало гарантировалъ ея карманныя интересы. Держа *de facto* въ своихъ рукахъ всю администрацію страны, судъ, народное образованіе и,

наконецъ, литературу, она была не расположена терпѣть надъ собою какое-бы то ни было главенство, хотя-бы даже главенство чисто-номинальное; она съ презрѣніемъ смотрѣла на расфранченнаго щеголя-дворянчика, увязшаго по горло въ долгахъ, неспособнаго ни работать, ни „накоплять“, и въ то-же время задравшаго передъ нею носъ; ей надобѣлъ произволъ правительства, благодаря которому она каждую минуту должна была трепетать за безопасность своихъ кармановъ; вообще, она, сознавая свою силу, хотѣла не только управлять, но и царствовать. Если прибавить къ этимъ основнымъ причинамъ недовольства массу мелочныхъ дразгъ и непріятностей, которыя ей приходилось испытывать чуть не ежедневно при столкновеніи съ разнаго рода отжившими, утратившими всякой практической смыслъ, феодальными привилегіями *), то ея недовольство станетъ для насъ вполне понятнымъ и дальнѣйшія разясненія будутъ совершенно излишніи.

*) Для иллюстраціи сказаннаго приведемъ хоть слѣдующій эпизодъ, заимствованный Тэнномъ у С.-Бева.

Барнавъ, будучи еще ребенкомъ, былъ однажды съ матерью и отцомъ въ гренобльскомъ театрѣ. Мать помѣстилась съ сыномъ въ ложъ, которую губернаторъ провинціи (почетная синекюра, безъ всякой опредѣленной должности), герцогъ де-Тонеръ, раньше уже общалъ однимъ своимъ знакомымъ. Хотя г-жа Барнавъ и заплатила за свое мѣсто, но, въ виду требованія губернатора, директоръ театра попросилъ ее удалиться изъ ложи. Барнавъ отказывается. Къ ней посылаютъ полицейскаго офицера, но и онъ возвращается ни съ чѣмъ. Тогда въ ложу являются четыре солдата, съ намѣреніемъ выпроводить упрямую женщину насильно. Партеръ (занятый преимущественно буржуазіей) беретъ сторону Барнавъ. Дѣло грозило дойти до схватки; чтобы избѣжать скандала, мужъ Барнавъ самъ увелъ жену изъ театра, провозгласивъ во всеуслышаніе: «Я удаляюсь по распоряженію губернатора!»

Буржуазная публика вознегодовала; рѣшено было, что никто не пойдетъ въ театръ до тѣхъ поръ, пока г-жѣ Барнавъ не будетъ дано удовлетворенія. И дѣйствительно, театръ нѣсколько мѣсяцевъ оставался пустымъ, пока, наконецъ, г-жа Барнавъ не согласилась простить нанесенную ей обиду. Но сынъ ея (будущій депутатъ) не такъ скоро ее забылъ. Онъ поклялся отомстить оскорбившей его власти и «поднять буржуазію во что-бы то ни стало изъ того униженія, на которое она, какъ ему казалось, была обречена».

Подобная исторія (въ нѣсколько иномъ только вариантѣ) приключилась и съ Лакруа—будущимъ членомъ конвента. По всей вѣроятности, и большинству изъ его членовъ приходилось имѣть не мало подобныхъ, въ высшей степени непріятныхъ для самолюбія, столкновеній съ разными герцогами, графами, маркизами и иными титулованными особами.

Недовольство существующимъ порядкомъ необходимо должно было привести къ критикѣ его.

Но чѣмъ могла руководиться эта критика?

Буржуазія сознавала свою силу; но, полная самообольщенія, она не понимала и не хотѣла понимать противоположности своихъ интересовъ съ интересами народа. Она искренно вѣрила, что у народа нѣтъ и не можетъ быть никакихъ другихъ желаній, никакихъ другихъ потребностей, кромѣ ея желаній, ея потребностей. Ея дѣло казалось ей дѣломъ всего человѣчества, всего народа, и наоборотъ. Исходя изъ этой ошибочной точки зрѣнія, она съ легкомысленною отвагою взяла за руководящій принципъ своей критики весьма опасный для нея принципъ „общаго блага, общей пользы“. Понятно, къ чему должна была привести ее подобная критика. Она привела ее къ „Contrat social“ Руссо, къ утопіямъ абата Морели, Мабли, къ „Sur l’homme“ Гельвеція и т. д.

Такимъ образомъ, сама того не подозревая, буржуазія воплотила свое недовольство существующимъ порядкомъ въ такія формы, которыя всего менѣе соотвѣтствовали ея реальнымъ интересамъ. Она стала съ жадностью читать и распространять книги и теоріи, отъ которыхъ нѣсколько лѣтъ спустя сама-же должна была торжественно отречься. „Contrat social“ сдѣлался, благодаря этому недоразумѣнію, настольною книгою всякаго образованнаго человѣка; ею зачитывались, ее выучивали наизусть и цитировали при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; буржуазія, и мелкая, и крупная, видѣла въ Руссо своего пророка, а въ его книгѣ—свой коранъ.

Но не ради однихъ только общественныхъ утопій она поклонялась своему Руссо. Его произведенія отвѣчали и другой ея потребности—потребности, которую мы можемъ назвать потребностью къ сентиментальной идилліи.

Дѣло въ томъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка буржуазія, хотя и была объединена общимъ духомъ недовольства, но она далеко не представляла изъ себя цѣлостнаго, замкнутаго сословія; она уже начинала „разлагаться“. Среди нея образовалась своя аристократія (крупные промышленники, банкиры, аферисты,

разбогатѣвшіе подрядчики и откупщики государственныхъ налоговъ, высшая чиновная бюрократія и т. п.) и своя демократія (мелкіе торговцы, чиновники, адвокаты, небогатые рантьееры и т. п.). Буржуа-демократы, какъ говорится, въ потѣ лица своего добывали свой хлѣбъ. Они пользовались среднимъ благосостояніемъ, которое хотя и обезпечивало имъ нѣкоторый досугъ, но не допускало никакихъ излишествъ. Они по-необходимости должны были—если хотѣли сводить концы съ концами—вести самый строгій и умѣренный образъ жизни, у нихъ не было ни времени, ни средствъ предаваться какимъ-бы то ни было экстраординарнымъ наслажденіямъ, выходящимъ изъ тѣсныхъ рамокъ домашней, семейной жизни. Такимъ образомъ, въ силу своего экономическаго положенія, они должны были „блюсти чистоту“ патріархальныхъ нравовъ, должны были быть вѣрными мужьями, любящими отцами, покорными дѣтьми, бережливыми и расчетливыми домохозяевами; должны были ненавидѣть всякую роскошь (въ чемъ-бы она ни проявлялась, хотя-бы даже въ костюмѣ), изысканность, изнѣженность, всякое барство. Трудолюбивые, выносливые, цѣломудренныя, бережливые до скупости, съ весьма ограниченными потребностями и неразвитыми вкусами, они были олицетворенными представителями всѣхъ буржуазныхъ добродѣтелей.

Совершеннѣйшую противоположность имъ составляла буржуазная аристократія; обладая громадными средствами, привыкшая „срывать куши“ въ самыхъ рискованныхъ спекуляціяхъ, она не дрожала надъ каждою копейкой и не изнуряла себя трудомъ. Жилось ей легко и весело... разумѣется, она ни въ чемъ себѣ не отказывала... Буржуазныя добродѣтели были-бы ей не къ лицу, онѣ не соотвѣтствовали ея положенію и она смѣялась надъ ними. Не представляя изъ себя ничего замкнутого, легко доступная для всѣхъ и каждого, необремененная никакими традиціями и преданіями, стоящая въ сторонѣ отъ „большого свѣта“ (хотя и принятая въ немъ), она не стѣсняла себя никакими условными формами, никакими рутинными кодексами „приличій“, она наслаждалась жизнію безъ всякихъ „правилъ“ и „церемоніаловъ“, наслаждалась какъ умѣла, не оглядываясь ни назадъ, ни по сторонамъ.

Въ этомъ отношеніи она была чораздо послѣдовательнѣе са-

лонныхъ аристократовъ. Тѣ, во имя своей „дворянской чести“, во имя разныхъ чисто-сословныхъ соображеній, опутали себя съ головы до ногъ всевозможными ограниченіями и стѣсненіями. Буржуа-же, напротивъ, чувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ всѣхъ этихъ путъ; онъ былъ полнымъ хозяиномъ своей жизни и своего поведенія. Въ салонахъ Версаля каждый приносилъ себя въ жертву всѣмъ; личная воля, личная инициатива стирались и исчезали передъ абсолютными требованіями разъ навсегда установленныхъ „свѣтскихъ приличій“. Въ салонахъ парижскихъ банкировъ, „дѣльцовъ“, откупщиковъ и литераторовъ каждый заботился только самъ о себѣ, о своемъ личномъ наслажденіи. Салонъ дворянъ-аристократовъ создалъ безличныхъ, бездушныхъ и бессмысленныхъ маріонетокъ; салонъ-же буржуа-аристократовъ — самодовольныхъ, необузданно-чувственныхъ, циническихъ, себялюбивыхъ эгоистовъ.

Само собою понятно, что буржуазный салонъ, въ которомъ царили Вольтеръ, Гельвецій, Гольбахъ, Дидро, Ла-Метри, долженъ былъ стать въ самыя враждебныя отношенія къ буржуазной семьѣ, которая свято чтитъ Руссо и плакала надъ чувствительными сказками Мармонтеля. Между ними не было почти ничего общаго: это были два отдѣльные міра, рѣзко отличавшіеся одинъ отъ другого по своимъ нравамъ, воззрѣніямъ, по своимъ идеаламъ. Борьба между ними была неизбѣжна. Прежде всего, конечно, она проявилась въ той области, которую буржуа раньше захватилъ въ свои руки, — въ области литературы; а затѣмъ, когда передъ нимъ открылась болѣе широкая политическая арена, онъ не замедлилъ свести ее съ высоты теоретическихъ принциповъ на чисто-практическую почву.

Такимъ образомъ, въ періодъ, непосредственно предшествовавшій революціи, французская литература, олицетворяя съ себѣ интересы, потребности и идеалы буржуазіи, должна была въ одно и то-же время проповѣдывать грубый сенсуализмъ и защищать истиническій идеализмъ, поклоняться эгоизму, разнузданной чувственности, и пѣть гимны сантиментальной чувствительности, охранять святость и неприкосновенность буржуазной семьи со всѣми ея добродѣтелями, и рисовать идеалы, подрывающіе въ самомъ корнѣ не только буржуазную семью, но и вообще всѣ тѣ общественныя

учрежденія, въ которыхъ заключается главная сила, главная опора буржуазіи.

Какъ ни странно, какъ ни дико эти противорѣчивыя положенія, но въ буржуазной литературѣ они были вполне необходимы и неустранимы; каждое изъ нихъ, какъ мы это показали, отвѣчало какой-нибудь реальной потребности буржуазнаго міра, — потребности, вызванной и обусловленной данными практической жизни.

Но какими образомъ эти новые стремленія и идеалы, зародившіеся на буржуазной почвѣ, могли найти себѣ доступъ въ салоны версальской аристократіи и почему именно изъ всѣхъ господствовавшихъ въ то время направленій она обнаружила наибольшую склонность къ „чувствительно-сентиментальному“, къ идеаламъ простой, безыскусственной жизни „на лонѣ природы“?

Теперь уже намъ очень не трудно будетъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

П. Гр—али.

(Продолженіе будетъ.)

ДАНИЕЛЬ ДЕРОНДА.

РОМАНЪ

ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

ГЛАВА XVI.

Люди, подобно планетамъ, имѣютъ видимую и невидимую исторію. Астрономъ проводитъ непрерывную нить по мрачнымъ, невѣдомымъ пространствамъ съ помощью строгой дедукціи и такимъ образомъ объясняетъ всякую видимую имъ дугу въ орбитѣ планеты; исполняя свою задачу такъ-же основательно, лѣтописецъ человѣческихъ дѣйствій долженъ провести послѣдовательную нить по скрытымъ закоулкамъ чувствъ и мыслей, которые приводятъ въ каждому моменту дѣйствія или моменту ягучаго страданія, замѣняющему дѣйствіе, подобно могучему крику Прометей, дышащему большей силой, чѣмъ небо и вода, которыхъ онъ молилъ о помощи, чѣмъ божество, которое онъ гордо вызывалъ на бой.

Исторія Деронды была не совсѣмъ обыкновенной. Главную эпоху въ ней составлялъ свѣтлый, теплый іюльскій день, полный солнечнаго блеска и благоуханія розъ, лепестки которыхъ усеивали лужокъ, окаймленный съ трехъ сторонъ древнимъ готическимъ монастыремъ. Даніель, мальчикъ лѣтъ тринадцати, лежалъ на травѣ подъ тѣнью дерева и, поддерживая обѣими руками свою кудрявую голову, читалъ книгу; подлѣ него на складномъ стулѣ сидѣлъ его наставникъ, также занятый чтеніемъ. Книга, открытая

передъ мальчикомъ, была „Исторія итальянскихъ республикъ“ Сисмонди; онъ страстно любилъ исторію и жаждалъ знать, чѣмъ наполнено было время, протекшее отъ потопа, что дѣлалось въ отдаленныя времена. Неожиданно онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на своего наставника и сказалъ беззаботнымъ, дѣтскимъ голосомъ:

— М-ръ Фрезеръ, отчего у папъ и кардиналовъ было всегда такъ много племянниковъ?

Наставникъ, способный молодой шотландецъ, исполнявшій должность секретаря сэра Гюго Малинджера, неохотно оторвался отъ своей политической экономіи и отвѣчалъ яснымъ, рѣшительнымъ тономъ, придающимъ двойную силу истинѣ, высказываемой шотландцемъ:

— Ихъ дѣтей называли племянниками.

— Зачѣмъ?

— Для приличія; вы знаете, что католическіе патеры не могутъ жениться и потому ихъ дѣти незаконныя.

Произнеся эти слова съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, м-ръ Фрезеръ снова углубился въ свое чтеніе, а Деронда, какъ-бы ужаленный, быстро привсталъ.

Онъ всегда называлъ сэра Гюго Малинджера дядей, и когда однажды спросилъ его о своихъ родителяхъ, то баронетъ отвѣчалъ: „Ты лишился отца и матери въ младенчествѣ и вотъ почему я принялъ тебя на свое попеченіе“. Напрягая тогда свою память, онъ смутно сталъ припоминать, какъ его кто-то очень цѣловалъ, какъ его со всѣхъ сторонъ окружала тонкая, благоухающая ткань, какъ его пальцы неожиданно попали на что-то твердое и онъ расплакался. Всѣ другія его воспоминанія сосредоточивались на томъ маленькомъ мірѣ, среди котораго онъ продолжалъ жить. Впрочемъ, въ то время онъ и не заботился узнать больше; онъ такъ любилъ сэра Гюго, что не имѣлъ повода сожалѣть о потерѣ невѣдомыхъ ему родителей. Ему жилось очень хорошо у дяди, веселаго, снисходительнаго, красиваго человѣка, только-что достигшаго блестящаго полудня жизни; Даниэль считалъ его совершенствомъ. Помѣстье, гдѣ протекала эта мирная, веселая жизнь, было однимъ изъ лучшихъ въ Англіи, какъ ни смотрѣть на него: съ исторической, романтической или-же практической точки зрѣнія. Самый домъ былъ очень живописенъ и своимъ архи-

тектурнымъ стилемъ походилъ на старинное аббатство. Другое имѣніе находилось въ другомъ графствѣ и было сравнительно бѣднѣе помѣстьемъ. Малинджеры вели свое происхожденіе отъ Гюго Малингра, прибывшаго въ Англію съ Вильгельмомъ Завоевателемъ и бывшаго, подобно своему вождю, болѣзненнаго тѣлосложенія, чѣмъ, по счастью, вовсе не отличались его потомки. Два ряда этихъ потомковъ, прямыхъ и побочныхъ вѣтвей, смотрѣли на маленькаго Даніеля въ портретной галереѣ: тутъ были рыцари въ блестящей бронѣ, съ острыми бородами, и красавицы въ фижахъ и брыжжахъ; серьезные государственные люди въ черныхъ бархатныхъ кафтанахъ и прелестныя женщины съ маленькими дѣтьми на рукахъ; улыбающіеся политики въ громадныхъ парикахъ и полныя, крови съ молокомъ дѣвушки и т. д., и т. д. до самаго сѣра Гюго и его младшаго брата Генлея. Этотъ послѣдній женился на миссъ Грандкортъ и принялъ ея имя вмѣстѣ съ помѣстьями, соединивъ такимъ образомъ два старинные рода и два древніе герба. Его сынъ Генлей Малинджеръ Грандкортъ въ настоящее время болѣе знакомъ читателямъ, чѣмъ сѣръ Гюго и его племянникъ Даніель Деронда.

Въ портретѣ юнаго сѣра Гюго, въ стоячихъ воротничкахъ и высокомъ галстухѣ, сѣръ Томасъ Лоренсъ вѣрно представилъ живое выраженіе его лица и сангвиническій темпераментъ, еще сохранившіеся въ оригиналѣ, но нѣсколько польстилъ физическимъ очертаніямъ лица, удлинивъ носъ, который въ дѣйствительности былъ гораздо короче, чѣмъ можно было ожидать у Малинджера. По счастью для фамиліи, носъ сохранился въ младшемъ его братѣ и во всей его красотѣ перешелъ къ Малинджеру Грандкорту. Но въ Даніель Дерондѣ семейный типъ во всѣхъ его различныхъ видоизмѣненіяхъ нѣсколько не отражался. Это не мѣшало ему быть красивѣе всѣхъ предковъ сѣра Гюго и въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ могъ служить образцомъ для живописца, желающаго написать поразительной красоты отрока; смотря на него, вы не могли не подумать, что его предки творили великія дѣла въ прошедшемъ, а потомки ознаменуютъ себя большими подвигами въ будущемъ. Подобныя прелестныя дѣтскія лица всегда возбуждаютъ въ насъ тревожное опасеніе, чтобъ ихъ не осквернили и не изуродовали грубыя униженія и гнетущія печали, столь обыкновенныя на житейскомъ пути.

Въ настоящую минуту, на зеленомъ лужкѣ, среди благоухающихъ розъ, Даниель Деронда впервые познакомился съ подобной печалью. Новая мысль вошла въ его голову и подъ ея влияніемъ стали измѣняться его обычные чувства, подобно тому, какъ мысль объ опасности или грозовыя тучи измѣняютъ веселыхъ, беззаботныхъ путешественниковъ. Онъ сидѣлъ неподвижно, обернувшись спиною къ наставнику, а на лицѣ его ясно обнаруживалась внутренняя борьба. Багровый румянецъ, покрывшій сначала его щеки, мало-по-малу исчезъ, но черты его сохранили то странное выраженіе, которое часто сопровождаетъ умственный обзоръ давно знакомыхъ фактовъ. Онъ не жилъ съ мальчишками своего возраста и его умъ представлялъ сочетаніе дѣтскаго невѣденія съ необыкновеннымъ для возраста знаніемъ, что гораздо чаще случается въ дѣвочкахъ, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Прочитавъ Шекспира и много историческихъ сочиненій, онъ могъ разсуждать съ благоразуміемъ ребенка-скоропѣлки о людяхъ, рожденныхъ внѣ брака и вслѣдствіе того несчастныхъ въ жизни, такъ-какъ они должны были сдѣлаться героями, чтобъ встать на одинаковую доску съ ихъ законнорожденными братьями. Но онъ никогда не примѣнялъ къ себѣ эти подчеркнутыя свѣденія, потому что его жизнь шла слишкомъ спокойно и счастливо, чтобъ ему входили въ голову подобныя мысли до настоящей минуты, когда вдругъ въ головѣ его блеснуло роковое подозрѣніе, что его судьба могла быть одинаковой съ судьбою племянниковъ палъ и что человекъ, котораго онъ называлъ дядей, могъ быть въ дѣйствительности его отцомъ. Многія дѣти, даже моложе Даниеля, узнаютъ впервые горе въ видѣ неожиданнаго открытія, что ихъ родители не только не могли покупать все, что имъ вздумается, какъ они воображали, но были бѣдны или, по крайней мѣрѣ, въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ; Даниелю же горе представилось въ видѣ таинственнаго незнакомца съ маской на лицѣ и отъ котораго можно было ожидать обнаруженія страшной истины. Пламенный интересъ, съ которымъ Даниель относился къ прошедшимъ или воображаемымъ событіямъ, повѣствуемымъ въ книгахъ, теперь неожиданно сосредоточился на его собственной исторіи и онъ старался объяснить себѣ все, что ему было извѣстно, и отгадать все ему неизвѣстное. Горячо любимый дядя принялъ

образъ отца, который имѣлъ отъ него страшную тайну и совершилъ противъ него великое преступленіе. А что случилось съ его матерью? Объ этихъ роковыхъ тайнахъ Даниель не могъ ни у кого спросить, такъ-какъ одна мысль о нихъ была для него жгучимъ страданіемъ. Люди, дѣтство которыхъ протекло мирно, счастливо, поймутъ этотъ страхъ упомянуть или услышать что-нибудь позорное о своихъ родителяхъ. Новыя представленія такъ всецѣло овладѣли имъ, что не позволяли ему и сомнѣваться въ дѣйствительности воображаемыхъ имъ фактовъ. Тяжелое сознаніе борьбы между бурнымъ потокомъ чувства и страхомъ его обнаруженія, наконецъ, нашло себѣ облегченіе въ крупныхъ слезахъ, медленно покотившихся по его щекамъ.

— Даниель, вы не замѣчаете, что сидите на загнутыхъ листахъ вашей книги, произнесъ неожиданно м-ръ Фрезеръ, и эти слова заставили очнуться Даниеля.

Онъ немедленно вынулъ изъ-подъ себя книгу, всталъ и, не оборачивая головы, отошелъ въ сторону отъ своего наставника, чтобъ незамѣтно отереть слезы. Теперь, когда прошло первое невыносимое впечатлѣніе разразившагося надъ нимъ удара, онъ созналъ, что не имѣлъ никакихъ достовѣрныхъ фактовъ, а только пополнялъ пробѣлы въ своей исторіи, какъ онъ дѣлывалъ съ біографіями Перикла и Колумба въ отношеніи ихъ жизни до достиженія знаменитости. Однако все-же было нѣсколько обстоятельствъ, дѣйствительность которыхъ была очевидна. Но черезъ минуту всѣ его предположенія приняли въ его глазахъ преступный характеръ религіознаго сомнѣнія и низкаго подслушиванья у дверей тайны, долженствовавшей оставаться для него сокровенной; эта реакція была тѣмъ сильнѣе, что всѣ чувства юнаго Даниеля были чрезвычайно утончены и благородны. Всѣ эти колебанія въ мысляхъ и чувствахъ привели его въ-концѣ-концовъ къ новому взгляду на всѣ событія его жизни. Мысль, что другіе знали и скрывали многое объ его происхожденіи, что онъ самъ ни за что не желалъ-бы обнародованія ими этой тайны, развила въ немъ преждевременную сосредоточенность и чуткость. Онъ теперь обращалъ вниманіе на такія слова, которыя до рокового іюльскаго дня прошли-бы незамѣченными мимо его ушей; каждая мелочь, которая съ помощью воображенія могла быть

связана съ подозрѣваемой имъ истиной, возбуждала въ немъ новыя, неизвѣстныя ему до сихъ поръ чувства.

Одно изъ подобныхъ пустыхъ обстоятельствъ, случившееся мѣсяцъ спустя, произвело на юношу глубокое впечатлѣніе. Даниель отличался не только серебристымъ дѣтскимъ голосомъ, но и замѣчательнымъ музыкальнымъ инстинктомъ, такъ-что съ ранняго дѣтства пѣлъ романсы, самъ себѣ аккомпанируя на фортепьяно. Впослѣдствіи сэръ Гюго далъ ему учителей и часто заставлялъ его пѣть при гостяхъ. Однажды утромъ, въ ненастную погоду, баронетъ прибѣгнулъ къ этому развлеченію своихъ друзей, и послѣ того, какъ мальчикъ очень искусно спѣлъ извѣстный романсъ „Нѣжное вхо“, сказалъ съ улыбкой:

— Подойди сюда, Данъ.

Мальчикъ подошелъ къ нему съ неохотой. На немъ была вышитая полотняная блуза, рельефно выставлявшая его красивую головку, а серьезное выраженіе лица среди общихъ похвалъ, придавало ему необыкновенную прелесть.

— Хотѣлъ-бы ты быть великимъ пѣвцомъ, спросилъ сэръ Гюго, — и, какъ Маріо, собирать ежедневную дань всеобщаго восторга?

Даниель вспыхнулъ и послѣ минутнаго молчанія отвѣчалъ гнѣвнымъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Нѣтъ, ни за что.

— Ну, ну, хорошо, отвѣчалъ сэръ Гюго съ удивленіемъ и нѣжно потрепалъ по плечу мальчика.

Но Даниель отвернулся и поспѣшно вышелъ изъ гостиной. Придя въ свою комнату, онъ легъ на широкій подоконникъ, гдѣ любилъ проводить свободныя минуты, смотря на старинныя дубы парка, отдаленный лѣсъ и зеленую просѣку, соединявшуюся съ небомъ на горизонтѣ. Онъ хорошо зналъ жизнь джентльмена, наслѣдственнаго землевладѣльца, и, не думая много о себѣ (отличаясь впечатлительностью и живымъ воображеніемъ, онъ легко забывалъ себя и увлекался какимъ-нибудь историческимъ героемъ), онъ вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не предполагалъ, чтобъ его судьба могла измѣниться и чтобъ его положеніе въ свѣтѣ могло разниться отъ того положенія, которое занималъ его дядя, такъ горячо его любившій. Поэтому его поразило въ самое сердце неожиданное открытіе, что дядя, быть можетъ, отецъ, думалъ о

такой для него карьерѣ, которая не только не походила на его собственную, но считалась недостойной сыновей англійскихъ джентльменовъ. Онъ часто бывалъ въ Лондонѣ съ сэромъ Гюго и посѣщалъ оперу для развитія своего музыкальнаго таланта, такъ что ему были знакомы триумфы знаменитыхъ пѣвцовъ; но, несмотря на его музыкальнѣйшій талантъ, онъ съ негодованіемъ отворачивался отъ мысли, что онъ, Даниэль Деронда, сталь-бы, разодѣвшись какъ кукла, пѣть для потѣхи людей, видѣвшихъ въ немъ только свою потѣху. Одного факта, что сэръ Гюго допустилъ возможность его появленія на сценѣ, казалось Даниэлю достаточнымъ доказательствомъ, что онъ по происхожденію не принадлежалъ къ классу джентльменовъ, подобныхъ баронету. Узнаетъ-ли онъ когда-нибудь горькую тайну о своемъ происхожденіи? Придетъ-ли время, когда дядя откроетъ ему все? Его пугала эта перспектива и онъ предпочиталъ невѣденіе страшной дѣйствительности. Если его отецъ совершилъ какое-нибудь преступленіе, то онъ лучше желалъ никогда этого не знать; уже одна мысль, что о немъ было извѣстно кому-нибудь, его сильно терзала. Онъ спрашивалъ себя, кто именно изъ домашнихъ знаетъ тайну его происхожденія, и смутно припоминалъ, что однажды, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, управляющій сэра Гюго, Ванксъ, во время прогулки завелъ его къ себѣ въ домъ и сказалъ женѣ съ странной улыбкой: „Двѣ капли воды—мать“. Въ то время онъ не обратилъ вниманія на это мелочное обстоятельство, но теперь оно приобрѣтало важное значеніе. Какъ онъ могъ доходить на мать, а не на отца? Его мать была-ли сестрою сэра Гюго или, можетъ быть, вовсе не родня; его отецъ могъ быть братомъ сэра Гюго, переимѣнившимъ свою фамилію, какъ м-ръ Генлей.

Малинджеръ женился на миссъ Грандкортъ, но въ такомъ случаѣ отчего сэръ Гюго никогда не говорилъ о своемъ братѣ Дерондѣ, хотя часто упоминалъ о братѣ Грандкортѣ?

До сихъ поръ Даниэль не заботился о семейномъ генеалогическомъ деревѣ, которое висѣло въ кабинетѣ дяди, но теперь онъ почувствовалъ неудержимое стремленіе къ этому пергаменту; однакожь его удержала мысль, что его могутъ застать за разсматриваніемъ этого документа, а онъ ни за что не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь даже заподозрилъ въ немъ мучившее его сомнѣніе.

Подобная внутренняя борьба часто развиваетъ характеръ мо-

лодого человѣка или молодой дѣвушки, въ то время, какъ родители спорятъ между собою, въ чемъ болѣе воспитательнаго элемента: въ точныхъ наукахъ или въ классической литературѣ? Если-бъ Даниель не былъ одаренъ такой пламенной, любящей натурой, то неизвѣстная ему тайна его происхожденія и безпокойное предположеніе, что другимъ она извѣстна, могли возбудить въ немъ ожесточеніе и гордый антагонизмъ. Но врожденная мягкость его чувствъ не позволяла негодованію взять надъ нимъ верхъ. Даниель любилъ почти всѣхъ окружавшихъ его лицъ, хотя подчасъ не прочь былъ ихъ и подразнить, конечно, за исключеніемъ дяди. Къ нему Даниель чувствовалъ ту глубокую, сыновнюю привязанность, въ силу которой сынъ чувствуетъ себя счастливымъ уже при одномъ присутствіи родителей, хотя-бы они и не занимались имъ въ данную минуту. Печать сѣра Гюго, его часы съ золотой цѣпочкой, привычка разговаривать съ собаками и лошадьми, манера курить сигары, — все это имѣло особую прелесть въ глазахъ мальчика. Сѣръ Гюго былъ стойкимъ выгомъ и потому Даниель считалъ торіевъ и радикаловъ одинаковыми противниками истины, а сочиненія дяди, отъ блестящихъ путешествій до журнальныхъ статей и политическихъ памфлетовъ, казались ему такими образцами совершенства, которые могли служить мѣриломъ познаній другихъ людей.

Понятно теперь, какую горечь почувствовалъ Даниель, когда въ его умѣ зародилось подозрѣніе, что предметъ его пламенной, преданной любви не безукоризненъ. Дѣти требуютъ, чтобъ ихъ герои непремѣнно были безъ малѣйшаго пятнышка, и легко убѣждаются въ подобномъ безупречномъ совершенствѣ; быть можетъ, первое открытіе несостоятельности своихъ героев производить на впечатлительнаго ребенка такой-же всеокушающій ударъ, какъ уничтоженіе обычнаго вѣрованія въ взрослому человѣкѣ.

Однакожь вскорѣ послѣ сцены, возбуждившей снова тревожное волненіе въ душѣ Даниеля, оказалось, что, по всей вѣроятности, сѣръ Гюго только шутилъ. Онъ послалъ за Даниелемъ однажды утромъ и при входѣ мальчика въ бібліотеку откинулся на спинку кресла, говоря:

— Подойди сюда, Данъ, и сядь рядомъ со мною.

Мальчикъ повиновался и сѣръ Гюго съ любовью положилъ руку на его плечо.

— Что съ тобой, дитя мое? продолжалъ онъ;—въ послѣднее время ты какъ-будто грустенъ.

Даниель не хотѣлъ выказать своей слабости и черезъ силу удержался отъ слезъ, но не могъ произнести ни слова.

— Конечно, всякая перемена въ жизни тяжела для людей, живущихъ счастливо, прибавилъ сэръ Гюго, нѣжно проводя рукою по чернымъ кудрямъ мальчика;—но ты не можешь получить такого воспитанія, какъ я желаю, не разставшись со мною. Къ тому-же въ школѣ тебя ожидаетъ много удовольствій.

Даниель думалъ совершенно о другомъ и, нѣсколько успокоившись, спросилъ:

— Такъ я поступлю въ школу?

— Да, я хочу отправить тебя въ Итонъ. Ты долженъ получить воспитаніе англійскаго джентльмена, а для этого необходимо поступить въ публичную школу, а оттуда въ университетъ, конечно, въ Кембриджъ, гдѣ я самъ воспитывался.

Румянецъ показался на щекахъ Даниеля и мгновенно исчезъ.

— Что ты на это скажешь? спросилъ сэръ Гюго съ улыбкой.

— Я желалъ-бы быть джентльменомъ, отвѣчалъ рѣшительно Даниель,—и поступить въ школу, если это необходимо для сына джентльмена.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ сэръ Гюго молча смотрѣлъ на него, понимая теперь, почему его разсердило предложеніе сдѣлаться опернымъ пѣвцомъ.

— Такъ тебѣ не будетъ жаль разстаться съ старымъ дядей? спросилъ онъ нѣжно.

— Очень, очень жаль, отвѣчалъ Даниель, схвативъ руку сэра Гюго,—но развѣ я не буду возвращаться домой на праздники?

— Конечно, будешь, но теперь я желаю тебя помѣстить къ новому наставнику, чтобы исподволь тебя подготовить къ школьной жизни.

Этотъ разговоръ успокоилъ Даниеля. Изъ него хотѣли сдѣлать джентльмена, слѣдовательно его предположенія могли быть невѣрными. Онъ пересталъ задумываться, повидимому, безъ всякой причины и въ немъ проснулось сильное влеченіе къ новизнѣ; онъ теперь весело пѣлъ цѣлый день, плясалъ съ старыми слугами, раздавалъ имъ подарки на прощаньи и нѣсколько разъ давалъ наставленіе груму, какъ обходиться съ его маленькой лошадкой.

— Какъ вы думаете, м-ръ Фрезеръ, я знаю меньше всѣхъ мальчиковъ въ школѣ? спрашивалъ Даниэль.

— Вездѣ есть дураки, отвѣчалъ глубокомысленно Фрезеръ;— вы не будете хуже другихъ, но въ васъ нѣтъ и задатковъ Порсона или Лейбница.

— Я не хочу быть ни Порсономъ, ни Лейбницею, отвѣчалъ Даниэль;—я скорѣе желалъ-бы быть великимъ государственнымъ мужемъ, какъ Периклъ или Вашингтонъ.

— Ага! не думаете-ли вы, что они обходились безъ грамматики и алгебры? замѣтилъ Фрезеръ, но въ сущности онъ считалъ своего ученика способнымъ на все, если только онъ захочетъ серьезно приняться за работу.

Въ школѣ все пошло прекрасно и Даниэль былъ очень доволенъ своимъ новымъ существованіемъ; ему пришлось только перенести одно разочарованіе. Онъ вступилъ съ самаго начала въ дружескія отношенія съ однимъ изъ товарищей, но когда тотъ, рассказавъ ему подробно о своихъ родителяхъ, ожидалъ отъ него такой-же откровенности, то Даниэль отшатнулся отъ него, хотя любящая натура сильно влекла его къ заключенію дружескихъ узъ. Всѣ, въ томъ числѣ и наставникъ, считали его очень срытнимъ, сосредоточеннымъ мальчикомъ, но никто не ставилъ ему этого въ вину, такъ-какъ онъ былъ очень добръ, простъ и отличался быстротою, какъ въ ученѣ, такъ и въ играхъ. Конечно, и его наружность имѣла не малое вліяніе на благоприятное мнѣніе о немъ всей школы; въ настоящемъ случаѣ безмолвная красота не лгала.

Однакожь, передъ первыми каникулами онъ получилъ изъ дома неожиданную вѣсть, увеличившую въ немъ грустное настроеніе, которое можно сравнить въ нѣкоторомъ отношеніи съ щеколивостью Вайрона касательно его хромой ноги. Сэръ Гюго написалъ ему, что онъ женился на миссъ Раймондъ, прелестной молодой дѣвушкѣ, которую Даниэль, вѣрно, помнилъ. Въ письмѣ было прибавлено, что это обстоятельство нисколько не мѣшало ему провести праздники дома и что онъ найдетъ въ леди Маллинджеръ новаго друга, заслуживающаго вполне его любви. Сэръ Гюго поступилъ въ этомъ случаѣ какъ вообще всякій человѣкъ, который, сдѣлавъ для себя что-либо пріятное, поздравляетъ всѣхъ съ своимъ счастьемъ. Не будемъ винить его за это,

пока мы не узнаемъ вполне побуждавшихъ его причинъ. Но ошибку въ его поведеніи относительно Деронды можно объяснить равнодушіемъ къ мыслямъ другихъ, особенно дѣтей, которое часто встрѣчается въ самыхъ добродушныхъ людяхъ, спокойно и счастливо живущихъ на землѣ. Никто лучше его не зналъ, что вообще Даниеля считали его сыномъ, но его тѣшило это подозрѣніе и онъ никогда не думалъ, что самъ ребенокъ могъ придти въ смущеніе теперь или впоследствии отъ своего таинственнаго происхожденія. Онъ любилъ его, на-сколько умѣлъ, и желалъ ему всевозможнаго добра. Въ виду легкомысленнаго отношенія даже почтенныхъ людей къ воспитанію, едва-ли можно подвергать большому упреку сэра Гюго Малинджеръ. Онъ оставался холостякомъ до сорока пяти лѣтъ и всегда считался очаровательнымъ, изящнымъ человѣкомъ; поэтому неудивительно, что онъ имѣлъ такого хорошенькаго сына, какъ Даниель. Мать ребенка, быть можетъ, принадлежала къ большому свѣту или была случайно встрѣчена сэромъ Гюго въ его заграничныхъ путешествіяхъ. Единственное лицо, которое могло выразить неудовольствіе за попеченіе о немъ сэра Гюго, не могло быть спрошено по малолѣтству, а впоследствии никто и не подумалъ объ его чувствахъ.

Къ тому времени, когда Деронда долженъ былъ поступить въ университетъ, леди Малинджеръ подарила уже своему мужу трехъ прелестныхъ дѣвочекъ, къ величайшему разочарованію сэра Гюго, состояніе котораго, за неизбѣнымъ наслѣдника мужского пола, должно было перейти къ его племяннику Малинджеру Грандпорту. Теперь Даниель уже болѣе не сомнѣвался насчетъ своего происхожденія. Болѣе подробныя свѣденія убѣдили его, что сэръ Гюго былъ его отецъ, но такъ-какъ онъ никогда не говорилъ съ нимъ объ этомъ предметѣ, то, вѣроятно, желалъ, чтобъ Даниель зналъ про себя тайну его происхожденія и безмолвно принималъ-бы его попеченія. Бракъ сэра Гюго могъ усилить озлобленіе Деронды и возбудить въ немъ ненависть, къ леди Малинджеръ и ея дѣтямъ, которыя угрожали лишить его любви сэра Гюго; но ненавидѣть невинныя человѣческія преграды—такая нравственная нелѣпость, что Деронда не былъ на нее способенъ, и даже негодованіе, примѣшивавшееся къ его любви къ сэру Гюго, принимало форму страданія, а не страсти. Съ развитіемъ въ его

умѣ идеи терпимости ко всѣмъ заблужденіямъ. онъ обыкновенно примѣнялъ эту идею и къ настоящему случаю. Сознаніе несправедливаго лишенія наслѣдства или физическаго недостатка можетъ ожесточить себялюбивую, сосредоточенную натуру. Но болѣе возвышенная личность, видя, что ея горе тонетъ въ ириадѣ другихъ горестей, только развиваетъ въ себѣ гуманность и сочувствіе ко всѣмъ несчастнымъ. Рано пробудившаяся въ Даниелѣ чуткость къ извѣстнымъ впечатлѣніямъ навела его на размышленія о различныхъ вопросахъ жизни, придавала новое направленіе его совѣсти, возбудила въ немъ сочувствіе ко многому и стремленіе къ извѣстной цѣли, которыя отличали его отъ другихъ юношей гораздо болѣе, чѣмъ какія-нибудь способности.

Однажды, въ концѣ лѣтнихъ каникулъ, послѣ экскурсіи съ своимъ наставникомъ по Рейну и непродолжительнаго пребыванія въ аббатствѣ, Даниель, наканунѣ поступленія въ Кембриджъ, сказалъ сѣру Гюго:

— Чѣмъ вы хотите меня одѣлать, сэръ?

— Чѣмъ хочешь, мой милый мальчикъ, отвѣчалъ баронетъ; — я предлагалъ уже тебѣ поступить въ армію, но ты отказался, къ большому моему удовольствію. Ты можешь самъ выбрать то поприще, къ которому ты чувствуешь болѣе влеченія, но теперь еще рано дѣлать выборъ: прежде надо осмотрѣться и узнать свѣтъ. Университетъ представляетъ прекрасную дверь для вступленія въ жизнь. Онъ даетъ молодому человѣку случай одержать первые успѣхи, а часто успѣхъ даетъ опредѣленную форму неяснымъ стремленіямъ. На-сколько мнѣ извѣстно, ты съ своими способностями можешь посвятить себя любому занятію. Ты уже теперь такъ углубился въ классическіе языки, что перешеголялъ меня, и если они тебѣ надобли, можешь въ Кембриджѣ заняться математикой, какъ я въ твои годы.

— Я полагаю, сэръ, отвѣчалъ, покраснѣвъ, Даниель, — что въ выборѣ занятій я долженъ руководствоваться и финансовыми соображеніями. Вѣдь мнѣ придется жить своимъ трудомъ.

— Не совсѣмъ. Конечно, я тебѣ совѣтую не быть расточительнымъ, да ты и не имѣешь къ этому расположенія, но нѣтъ причины отказывать себѣ въ необходимомъ. Ты будешь получать достаточное для холостяка содержаніе: ты можешь всегда раз-

считывать на 700 ф. ст. въ годъ. Ты можешь пойти въ адвокаты, сдѣлаться литераторомъ или избрать политическую карьеру. Признаюсь, послѣднее всего болѣе было-бы мнѣ по сердцу. Я очень желалъ-бы имѣть тебя всегда подъ рукою и грести въ одномъ челнокѣ.

Деронда былъ сильно смущенъ. Онъ сознавалъ необходимость поблагодарить дядю, но другія чувства волновали его. Естественноѣе всего было задать вопросъ объ его происхожденіи, но ему казалось, что въ эту минуту было невозможно упоминать о немъ или подвергнуть сѣра Гюго унижительному признанію. Его щедрость къ Даніелю была тѣмъ замѣчательнѣе, что въ послѣднее время онъ выказывалъ особую экономію и всячески старался отложить побольше денегъ изъ пожизненныхъ доходовъ съ помѣстій на приданое дочерей; поэтому въ головѣ Даніеля блеснула мысль, что назначаемыми ему деньгами онъ не былъ-ли обязанъ своей матери. Конечно, это смутное предположеніе такъ-же скоро исчезло, какъ и появилось.

Сѣръ Гюго, повидимому, не замѣтилъ ничего страннаго въ Даніелѣ и продолжалъ съ своей обычной словоохотливостью:

— Я очень радъ, что ты, кромѣ классическихъ языковъ, занимаешься французскимъ и нѣмецкимъ. Дѣло въ томъ, что сдѣлать изъ себя греческо-латинскую машину и умѣть цитировать цѣлыя страницы классическихъ драматурговъ по одной данной строфѣ—не можетъ принести никакой практической пользы, если не посвятить себя ученой карьерѣ. Вѣдь въ жизни никто не играетъ въ такія загадки и никогда не бываетъ запроса на греческихъ драматурговъ. Вообще замѣть, что слишкомъ много цитатъ въ рѣчи лишаютъ ее самостоятельности. Впрочемъ, настоящіе ученые занимаютъ въ обществѣ видное мѣсто и часто въ политикѣ приводятъ кстатіи массу своихъ свѣдѣній. Это люди нужные, и если ты имѣешь влеченіе къ ученымъ степенямъ, то я ничего не имѣю противъ этого.

— Нѣтъ, кажется, опасеній, чтобъ я сдѣлался ученымъ, и надеюсь, что вы не почувствуете слишкомъ большого разочарованія, если я не возьму червухъ ученыхъ степеней.

— Нѣтъ, нѣтъ; я желалъ-бы, чтобъ ты не осрамился, но Бога-ради не приходи до ученаго тупоумія, какъ, напримѣръ, молодой Бреканъ, который вышелъ изъ университета съ двумя уче-

ными степенями, а съ тѣхъ поръ ни на что неспособенъ, кромѣ вышиванія подтяжекъ. Мнѣ хотѣлось-бы только, чтобъ ты вступилъ въ практическую жизнь съ хорошимъ паспортомъ. Я не встаю противъ нашей университетской системы; мы, дѣйствительно, нуждаемся въ общемъ умственномъ развитіи, какъ въ спасительномъ противовѣсѣ противъ грошей и хлопчатки, особенно въ парламентѣ. Конечно, я совершенно забылъ греческій языкъ, но классическія занятія образовали мой литературный вкусъ и, безъ сомнѣнія, благотѣльно отразились на моихъ собственныхъ сочиненіяхъ.

Даниель сохранилъ почтительное молчаніе насчетъ этого вопроса. Восторженная увѣренность въ превосходствѣ сочиненій сэра Гюго и въ безусловномъ преимуществѣ виговъ среди политическихъ партій мало-по-малу въ немъ разсѣялась. Онъ не принадлежалъ къ лучшимъ ученикамъ въ Итонѣ и хотя нѣкоторыя науки давались ему такъ-же легко, какъ искусство грести, но онъ не обладалъ тѣми способностями, которыя требуются въ юношахъ, желающихъ блестятъ въ такихъ школахъ, какъ Итонъ. Въ немъ развилось сосредоточенное стремленіе къ широкому, всестороннему знанію, которое не соотвѣтствуетъ терпѣливой работѣ на узкомъ пути, ведущемъ къ научнымъ степенямъ. По счастью, онъ былъ скромнень и смотрѣлъ на свои посредственные успѣхи просто какъ на фактъ, а не какъ на доказательство гениальности. Все-же Даниель не совершенно измѣнилъ высокому о немъ мнѣнію Фрезера: онъ отличался рѣдкой натурой, пламенно-сочувственной, хотя сосредоточенной, и пылкимъ воображеніемъ. Эти качества не рѣзали глазъ при первомъ взглядѣ, но постоянно выражались въ его отношеніяхъ къ другимъ, что давало поводъ его товарищамъ упрекать его въ нравственной эксцентричности.

— Деронда былъ-бы первымъ среди насъ, если-бы имѣлъ болѣе самолюбія, говорили они.

Но какъ могъ онъ проложить себѣ дорогу, когда чувствовалъ отвращеніе къ борьбѣ съ другими за первенство и останавливался по собственной волѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ цѣли, предпочитая, вопреки знаменитому изрѣченію Кляйва, быть ягненкомъ, а не мясникомъ? Однакожь, ошибочно было полагать, что Деронда не имѣлъ своего рода самолюбія; мы знаемъ, какъ глубоко страдалъ онъ при мысли, что его происхожденіе было омрачено по-

зорнымъ пятномъ; но бывають случаи, когда сознаніе нанесеннаго имъ вреда развиваетъ въ человѣкѣ не жестокую рѣшимость наносить другимъ вредъ и пользоваться чужими несчастьями, какъ ступенями для своего возвеличанія, а, напротивъ, ненависть ко всякому злу. Онъ также подвергался вспышкамъ гнѣва, также готовъ былъ наносить удары, но не въ такихъ случаяхъ, какъ можно было-бы ожидать. Во всемъ, что касалось его самого, инстинктъ возмездія у него съ самаго дѣтства былъ подчиненъ всепримиряющему чувству любви. Любовь удерживаетъ самолюбивое, гнѣвное я въ подчиненномъ положеніи, такъ-что, наконецъ, оно привязываетъ къ своему униженію и не возвышаетъ болѣе голоса. Такимъ образомъ, съ годами чувства Деронды къ сѣру Гюго хотя и видоизмѣнились подъ вліяніемъ критическаго взгляда, но отличались той гуманной терпимостью, которая примиряетъ критику съ любовью. Старинный, дорогой сердцу домашній очагъ, со всѣмъ, что въ немъ заключалось, не исключая леди Малинджеръ и ея дочерей, былъ для него такъ-же святъ, какъ въ дѣтствѣ, только онъ смотрѣлъ на него подъ другимъ угломъ зрѣнія. Святыня не представлялась уже сверхъестественной, совершенной, но человѣческая рука, создавшая эту святыню, возбуждала въ немъ такое теплое, почтительное чувство, котораго не могло поколебать никакое неожиданное открытіе. Конечно, самолюбіе Деронды, даже въ самые ранніе, весенніе дни его жизни, не ставило себя цѣлью грубое торжество физической силы или пошлые, обыденные триумфы учащейся молодежи; быть можетъ, это происходило оттого, что онъ еще въ дѣтствѣ сжегъ всѣ зачатки подобнаго мелочнаго эгоизма на пламени возвышенныхъ идей. Удерживать себя отъ того, къ чему другіе стремятся, требуетъ не меньшей энергіи, и юноша, цитающій неудержимое влеченіе къ ящичку съ карандашами товарища, нисколько не энергичнѣе другого, который чувствуетъ столь-же неудержимое влеченіе отдать товарищу свой ящичекъ съ карандашами. Однакожь, Деронда вовсе не избѣгалъ уродливыхъ съ его точки зрѣнія сценъ школьной жизни; напротивъ, онъ охотно присутствовалъ при нихъ, нѣжно заботясь о томъ изъ товарищей, который самъ не умѣлъ заботиться о себѣ. Это видимое, часто компрометировавшее его чувства товарищество дѣлало его популярнымъ, такъ-какъ гуманное влеченіе къ изслѣдованію причинъ человѣческихъ страданій, развившееся въ немъ

такъ-же рано, какъ другого рода гениальная способность въ поэтѣ, написавшемъ „Королеву Мэбъ“, въ девятнадцать лѣтъ,—отличалось такой добротой, что его невольно приписывали товариществу. Но довольно; въ человѣкѣ много скрытаго не только зла, но и добра, которое нельзя описать ни словомъ, ни перомъ, и можно только отгадать каждому изъ насъ, соразмѣрно нашему внутреннему развитію.

Въ Кембриджѣ Даніель производилъ такое-же впечатлѣніе на всѣхъ окружающихъ его, какъ и въ Итонѣ. Всѣ интересовавшіеся имъ единогласно говорили, что онъ могъ-бы достигнуть перваго мѣста, если-бъ онъ смотрѣлъ на ученіе только какъ на средство къ достиженію успѣха, а не какъ на орудіе для развитія мыслей и мнѣній, такъ-какъ, придерживаясь этого послѣдняго взгляда, онъ критиковалъ методы и подвергалъ оцѣнкѣ тотъ грузъ, который онъ долженъ былъ нести на себѣ только напрягая всѣ свои силы. Сначала университетскія занятія имѣли для него большую прелесть: относясь равнодушно къ классическимъ языкамъ, онъ энергично принялся за математику, къ которой еще въ дѣтствѣ выказалъ необыкновенную способность, и съ удовольствіемъ почувствовалъ свою силу въ сравнительно новой отрасли знанія. Это чувство довольства собою и похвалы наставника побудили его держать экзаменъ на первую ученую степень по математикѣ; онъ желалъ сдѣлать пріятное сѣру Гюго своими успѣхами; занятіе высшей математикой, вліяя на него тѣмъ чарующимъ образомъ, которымъ дѣйствуетъ всякая серьезная умственная работа, развивало въ немъ новую охоту къ труду.

Но вскорѣ явилась на его пути старая преграда. Въ немъ все болѣе и болѣе стало развиваться стремленіе къ основательнымъ, рациональнымъ научнымъ занятіямъ, немѣвнымъ ничего общаго съ поверхностнымъ, узкимъ зубреніемъ, требуемымъ для экзамена. (Дѣло происходило пятнадцать лѣтъ тому назадъ, когда англійская университетская система не представляла безусловнаго совершенства.) Въ минуты сильнаго неудовольствія къ тѣмъ несовершеннымъ методамъ, которые не обращаютъ вниманія на изслѣдованіе принциповъ, составляющихъ жизненную связь всѣхъ знаній, онъ упрекалъ себя въ самолюбивомъ стремленіи къ пріобрѣтенію тѣхъ преимуществъ, которыя даетъ ученая степень англійскаго университета, и въ немъ просыпалось тогда желаніе про-

силь сара Гюго, чтобы онъ позволилъ ему выйти изъ Кембриджа и продолжать независимое занятіе наукой за границей. Зародышъ этого стремленія уже замѣтенъ былъ въ его дѣтскомъ пристрастіи къ всеобщей исторіи и желаніи близко ознакомиться съ жизнью иностранныхъ государствъ, подобно странствующимъ студентамъ среднихъ вѣковъ. Теперь онъ жаждалъ такой подготовки къ жизни, которая не ограничила-бы его опредѣленной рамкой и не лишила-бы его возможности послѣдующаго выбора, основаннаго на свободномъ умственномъ развитіи. Такимъ образомъ ясно, что главный недостатокъ Деронды заключался въ нерѣшительности и колебаніи его мыслей, что поддерживалось его положеніемъ: ему не было необходимости немедленно наживать кусокъ хлѣба или поспѣшно вступить на какое-нибудь опредѣленное поприще, а его чуткость къ полутаинственному своему происхожденію заставляла его желать какъ можно долѣе остаться въ нейтральномъ положеніи относительно общества. Другіе люди, думалъ онъ, имѣли опредѣленные занятія и мѣсто въ жизни, а ему нечего было торопиться. Но планъ Даниеля о продолженіи научныхъ занятій за границей, по всей вѣроятности, остался-бы въ области мечтаній, если-бъ неожиданныя обстоятельства не помогли ему его осуществить.

Эти обстоятельства заключались въ пламенной дружбѣ, которая, начавшись въ университетѣ, продолжалась и въ послѣдующей его жизни. Въ одно время съ Даниелемъ поступилъ въ Кембриджъ и занималъ комнату рядомъ съ нимъ юноша, отличавшійся эксцентричностью. Его сжатые черты лица и бѣлокурные волосы, ниспадавшіе на плечи, напоминали старинные портреты первыхъ германскихъ живописцевъ, а когда веселая шутка оживляла его блѣдное лицо, то въ его глазахъ и улыбкѣ обнаруживался юморъ зрѣлаго человѣка. Отецъ его, замѣчательный граверъ, умеръ одиннадцать лѣтъ тому назадъ и его мать должна была воспитывать на свои очень скудные средства трехъ дочерей. Гансъ Мейриксъ чувствовалъ себя столбомъ или, лучше сказать, сучковатымъ пнемъ, служащимъ поддержкой этимъ слабымъ вѣдущимся растеніямъ. Въ немъ не было недостатка въ способности и честномъ намѣреніи сдѣлаться дѣйствительно надежной поддержкой своей семьи; легкость и быстрота, которыя онъ обнаруживалъ въ научныхъ занятіяхъ, могли обезпечить ему такіе-же успѣхи въ

Кембриджъ, какъ въ школѣ, въ которой онъ получилъ первоначальное воспитаніе. Единственная опасность, грозившая преградить ему путь къ достиженію ученой степени, заключалась въ легкомысленныхъ вспышкахъ, которыя происходили не отъ дурныхъ привычекъ, а отъ неумѣнья сдерживать себя, причѣмъ онъ готовъ былъ на такіе поступки, которые мало-по-малу могли развить въ немъ самые предосудительные недостатки.

Гансъ въ хорошія минуты былъ добрымъ, любящимъ существомъ и въ Дерондѣ нашелъ себѣ друга, тѣмъ болѣе преданнаго, что случайныя уклоненія юноши съ истиннаго пути возбуждали въ немъ искреннее сожалѣніе. Дѣйствительно, Гансъ жилъ болѣе въ комнатахъ Деронды, чѣмъ въ своей, откровенно бесѣдовалъ съ нимъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, занятіяхъ и надеждахъ, рассказывалъ ему о бѣдности его прежней домашней жизни, о своей любви къ матери и сестрамъ, о своей страсти къ живописи, которую онъ, однакожь, рѣшился побороть, чтобъ имѣть возможность лучше обезпечить жизнь дорогихъ для него существъ. Онъ не требовалъ ничего въ замѣнъ своего довѣрія и смотрѣлъ на Деронду какъ на олимпійца, ни въ чемъ ненуждавшагося; подобный эгонизмъ въ дружбѣ довольно часто встрѣчается въ общительныхъ, живыхъ натурахъ. Даниэль былъ этихъ очень доволенъ и мало-по-малу привыкъ заботиться о немъ, какъ о братѣ, удерживать его въ минуты его слабости и разными ловкими ухищреніями не только пополнять недостатокъ его денежныхъ средствъ, но и спасать его отъ угрозавшихъ ему опасностей. Подобная дружба легко принимаетъ характеръ нѣжной любви; одинъ расправляетъ свои могучія крылья, находя отраду въ покровительствѣ слабаго, а другой съ наслаженіемъ ищетъ пріюта подъ ихъ сѣнью. Мейрикъ готовился къ экзамену для полученія ученой степени по классическимъ языкамъ, и успѣхъ, имѣвшій для него во многихъ отношеніяхъ громадное значеніе, былъ тѣмъ вѣроятнѣе, что его трудолюбіе поддерживалось стойкой дружбой Деронды.

Но неосторожность Мейрика въ началѣ осенняго семестра едва не уничтожила всѣхъ его надеждъ. Съ обычнымъ рѣзкимъ переходомъ отъ ненужныхъ расходовъ къ излишнимъ лишеніямъ, онъ употребилъ почти всѣ свои деньги на покупку старой гравюры и возвратился въ Кембриджъ изъ Лондона въ третьемъ классѣ,

гдѣ ему такъ надуло въ глаза, что у него сдѣлалось серьезное воспаленіе, грозившее на вѣки испортить его зрѣніе. Этотъ неожиданный несчастный случай побудилъ Деронду пожертвовать собою и своими занятіями для друга; онъ энергично принялся помогать Гансу въ его классическихъ занятіяхъ, надѣясь такимъ образомъ замѣнить ему глаза и доставить возможность выдержать экзамень. Желая скрыть отъ семьи свою болѣзнь, Мейрикъ остался въ Кембриджѣ на рождественскіе праздники подъ предлогомъ серьезныхъ занятій и Даниэль также не поѣхалъ домой.

Видя, что ради него Деронда пренебрегаетъ своими математическими занятіями, Гансъ часто говорилъ ему:

— Ой, дружище, ты меня выручаешь, а себя губишь. Съ вашей математикой въ одинъ день можно забыть все, что выубрилъ въ сорокѣ.

Деронда не соглашался, чтобъ онъ чѣмъ-нибудь рисковалъ, и поддался вполнѣ чарующему вліянію дружбы и отчасти вновь проснувшемуся въ немъ интересу къ прежнимъ классическимъ занятіямъ. Но все-же, когда Гансъ, оправившись, могъ уже самъ читать, Деронда съ новой энергіей старался вернуть потерянное время. Всѣ его усилія, однакожь, ни къ чему не повели; за то Мейрикъ одержалъ полную побѣду, что доставило ему большое удовольствіе.

Успѣхъ, быть можетъ, примирилъ-бы Деронду съ университетскими занятіями, но пустота всего, начиная отъ политики до мелочныхъ забавъ, никогда насъ такъ не поражаетъ, какъ въ минуту неудачи. Понесенное имъ пораженіе въ сущности не имѣло для него серьезнаго значенія, но потеря времени на занятіе, несоотвѣтствовавшее его желаніямъ, возбудила въ немъ совершенное отвращеніе къ нимъ и смутное намѣреніе покинуть Кембриджъ приняло теперь опредѣленную форму. Говоря объ этомъ планѣ Мейрику, онъ объяснилъ, что очень радъ неожиданному обороту дѣлъ, уничтожившему въ немъ всякое колебаніе, но, конечно, призналъ, что въ случаѣ серьезнаго сопротивленія сэра Гюго ему придется уступить.

Счастье и благодарность Мейрика были парализованы безпокойствомъ о другѣ. Онъ вѣрилъ въ искренность желанія Деронды заниматься за-границей, но онъ чувствовалъ, что ради него Да-

нелю поставилъ себя въ невыгодное положеніе относительно сэра Гюго.

— Если-бъ ты получилъ ученую степень, сказалъ онъ мрачно, насупивъ брови,—то въ глазахъ сэра Гюго могъ-бы съ честью выйти изъ университета, но теперь ради меня ты испортилъ свою будущность и я не могу ничего сдѣлать для тебя.

— Нѣтъ, можешь; ты долженъ выйти первымъ изъ Кембриджа и это будетъ лучшимъ результатомъ всѣхъ моихъ занятій.

— Чортъ возьми! ты спасъ изъ воды дворняшку и хочешь, чтобъ она была красивой лавреткой. Многіе поэты изображали въ трагедіяхъ страданія человѣка, продавшаго свою душу чорту изъ личныхъ интересовъ, а я напишу трагедію, въ которой герой продалъ свою душу Богу и разстроилъ тѣмъ всю свою жизнь.

Мейрикъ не удовольствовался выраженіемъ на словахъ своего сожалѣнія о понесенной Даниелемъ по его милости потерѣ, но написалъ сэру Гюго и объяснилъ въ пламенныхъ выраженіяхъ, что Деронда непремѣнно получилъ-бы ученую степень, если-бъ не пожертвовалъ ему всѣмъ своимъ временемъ передъ экзаменомъ.

Оба друга отправились въ Лондонъ вѣсть: Мейрикъ съ радостной вѣстью къ матери и сестрамъ, жившимъ въ маленькомъ домикѣ въ Челси, а Деронда съ твердой рѣшимостью сообщить свой планъ сэру Гюго. Онъ болѣе всего надѣялся на пристрастіе баронета ко всякаго рода эксцентричностямъ, но не ожидалъ встрѣтить такъ мало сопротивленія съ его стороны. Сэръ Гюго принялъ его нѣжнѣе обыкновеннаго, не упрекнулъ за неудачу и выслушалъ его просьбу о поѣздѣ за-границу скорѣе съ серьезнымъ вниманіемъ, чѣмъ съ удивленіемъ.

— Такъ ты не хочешь быть англичаниномъ до мозга костей? сказалъ онъ, наконецъ, пристально смотря на Даниеля.

— Я хочу быть англичаниномъ, но желаю познакомиться съ другими точками зрѣнія и отдѣлаться отъ исключительныхъ, узкихъ англійскихъ методовъ въ научныхъ занятіяхъ.

— Понимаю, ты не хочешь быть обыкновеннымъ, пошлымъ юношей, и я не имѣю ничего противъ твоего желанія сбросить съ себя нѣкоторые изъ національныхъ предрасудковъ. Миѣ самому принесло большую пользу долгое пребываніе за-границей. Но Бога ради продолжай одѣваться по-англійски и не привыкай къ дурнымъ сигарамъ. Да вотъ еще, милое дитя мое.. добро-

та и самопожертвованіе вещи хорошія, но не надо ими злоупотреблять. Какъ-бы то ни было, я согласенъ на твой отъездъ, только подожди немного: я кончу дѣла въ комитетѣ и мы поѣдемъ вмѣстѣ.

Такимъ образомъ желаніе Деронды исполнилось. Но прежде отъезда за-границу онъ провелъ нѣсколько часовъ въ домѣ Ганса Мейриба, гдѣ онъ познакомился съ его матерью и сестрами. Застѣнчивыя молодыя дѣвушки съ любопытствомъ замѣтили каждую черту въ лицѣ друга и благодѣтеля ихъ брата. Онъ казался имъ совершеннымъ идеаломъ, и послѣ его ухода меньшая изъ нихъ принялась подъ руководствомъ старшихъ за его портретъ въ видѣ принца Карамальзамана.

ГЛАВА XVII.

Въ прекрасный іюньскій вечеръ Деронда гребъ въ лодкѣ вверхъ по Темзѣ. Около года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ возвратился въ Англію изъ за-границы съ убѣжденіемъ, что его воспитаніе окончено и что онъ долженъ занять мѣсто въ англійскомъ обществѣ; хотя изъ угожденія сэру Гюго и чтобъ оградить себя отъ праздности, онъ началъ приготовляться къ адвокатурѣ, но съ каждымъ днемъ только усиливалось его колебаніе относительно выбора жизненнаго поприща. Онъ всегда любилъ грести, и теперь, живя въ Лондонѣ съ Малинджерами, находилъ всего болѣе удовольствія въ уединенныхъ прогулкахъ по рѣкѣ. Онъ держалъ свою лодку въ Пѣтнеѣ, и когда только сэръ Гюго не нуждался въ его присутствіи, онъ считалъ для себя величайшимъ праздникомъ грести до заката солнца и потомъ возвращаться домой при блескѣ звѣздъ. Это не значило, чтобъ онъ находился въ сентиментальномъ настроеніи, но онъ былъ въ томъ созерцательномъ расположеніи духа, которое часто встрѣчается въ современныхъ молодыхъ людяхъ, спрашивающихъ себя съ горечью, стоитъ-ли принимать участіе въ борьбѣ жизни; я, конечно, говорю такихъ молодыхъ людяхъ, которые могутъ предаваться непроизводительному труду подобныхъ разсужденій, получая отъ 3—5% съ капитала, нажитаго не ихъ трудомъ. Сэръ Гюго не мало удивлялся, что юноша, представлявшій блестящій конт-

расть съ болѣзненными и плаксивыми экземплярами челоувѣчества, могъ носиться съ идеями, которыя, не заслуживъ вниманія его, развитаго вкуса, были только туманными иллюзіями; это особенно поражало его потому, что Деронда не хотѣлъ быть литераторомъ, ремесло котораго заключается именно въ наживаніи денегъ оригинальными, подчасъ нелѣпыми идеями.

Въ темно-синей фуфайкѣ и такой-же маленькой фуражкѣ, съ коротко выстриженными волосами и большой шелковистой бородой, Даниель сохранилъ только отдаленные слѣды прежняго херувимчика. Но всякій, кто не видалъ его съ дѣтства, могъ-бы его узнать по его своеобразному взгляду, который Гвендолина назвала почему-то страшнымъ, хотя въ сущности онъ выражалъ мягкую наблюдательность. Теперь онъ что-то тихо напѣвалъ; голосъ у него былъ высокій баритонъ; впрочемъ, достаточно было взглянуть на его могучую фигуру и рѣшительное, серьезное лицо, чтобъ положительно отвергнуть всякую возможность встрѣтить въ немъ очаровательнаго, изнѣженнаго тенора, рѣдко создаваемого природою безъ соотвѣтственныхъ пожертвованій. Руки его не были маленькія, пухлыя, съ длинными пальцами, какъ-будто брезгающими до чего-нибудь прикасаться, а большія, гибкія, сильныя, подобныя тѣмъ, которыя рисовалъ Тиціанъ, желая представить соединеніе силы съ изяществомъ. Точно также было большое сходство между лицомъ Деронды и этими портретами Тиціана: тотъ-же блѣдно-смуглый цвѣтъ лица, тотъ-же высокій лобъ, тѣ-же спокойныя, пронизательныя глаза. Онъ не походилъ теперь, какъ въ дѣтствѣ, на серафима, а былъ совершенно земнымъ, мужественнымъ созданиемъ; но при взглядѣ на него вы все-же получали высшее понятіе о челоувѣческомъ достоинствѣ. Подобныя типы встрѣчаются на всѣхъ ступеняхъ общества и часто насъ поражаетъ такое лицо въ рабочемъ, неожиданно поднимающимъ на насъ глаза, чтобъ отвѣтить на какой-нибудь вопросъ. Многие, желая сказать Даниелю что-нибудь пріятное, выражали свое мнѣніе, что его лицо не могло не остановить на себѣ всеобщаго вниманія; но эти комплименты только сердили его, такъ-какъ, смотря на себя въ зеркало, онъ постоянно съ горечью думалъ о той, на которую долженъ былъ походить и о судьбѣ которой онъ не смѣлъ ни у кого спрашивать.

Около моста Кью, на Темзѣ и на ея берегахъ между шестью

и семью часами вечера еще довольно оживлено. На дорожкахъ по берегу видѣлись гуляющіе, а по рѣвѣ тянулись барки. Деронда налегъ на весла, чтобъ поскорѣе миновать этотъ оживленный уголокъ, но вдругъ увидаль передъ собою большую барку, и, взявъ въ сторону, чтобъ дать ей проходъ, остановился у самаго берега. Тутъ онъ продолжалъ безсознательно напѣвать въ полголоса, какъ въ продолженіи всего пути, баркаролу гондольера изъ „Отелло“, въ которой Россини положилъ на музыку знаменитыя строфы Данта:

„Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria“ *).

Трое или четверо прохожихъ остановились на берегу и смотрѣли, какъ барка проходила подъ мостъ; по всей вѣроятности, они обратили вниманіе на молодого джентльмена въ лодкѣ, но тихіе звуки его пѣсни, конечно, поразили только стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него маленькую фигуру, какъ-бы одицетворявшую то горе, о которомъ онъ безсознательно пѣлъ. Это была молодая дѣвушка лѣтъ восемнадцати, небольшого роста, худая, съ маленькимъ, нѣжнымъ лицомъ, въ большой черной шляпѣ, изъ-подъ которой видѣлись черныя кудри, зачесанныя за уши, и въ длинномъ шерстяномъ бурнусѣ. Руки ея безпомощно висѣли, а глаза были устремлены на воду съ неподвижнымъ, мрачнымъ отчаяніемъ. Увидавъ ее, Деронда пересталъ пѣть; вѣроятно, она прислушивалась къ его голосу, не обращая вниманія, откуда онъ неся, потому что теперь она неожиданно, съ испугомъ, осмотрѣлась по сторонамъ. Ихъ взгляды встрѣтились на одно мгновеніе, но для лицъ, смотрящихъ пристально другъ на друга, мгновеніе кажется долгимъ промежуткомъ времени. Взглядъ молодой дѣвушки походилъ на взглядъ газели, обращающейся въ бѣгство: въ немъ не было ни стыда, ни страха, а только застѣнчивое смущеніе, что не мѣшало ей, однакожъ, посмотрѣть ему прямо въ глаза и потомъ быстро отвернуться. Дерондѣ показалось, что она едва-ли совнала, что вокругъ нея происходило; мучилъ-ли ее голодъ или какое-нибудь страшное горе? Онъ почувствовалъ къ ней сожалѣніе и глубокое сочувствіе; но черезъ

*) Нѣтъ болѣе горя, какъ горе воспоминанія о счастливомъ времени.

минуту она обернулась и пошла къ сосѣдней скамейкѣ подъ тѣнью дерева. Онъ не имѣлъ никакого права оставаться долѣе на этомъ мѣстѣ и слѣдить за нею; бѣдно одѣтая, грустная женщины часто встрѣчаются на улицахъ, и эта молодая дѣвушка сосредоточила на себѣ его вниманіе только нѣжными чертами своего лица и необыкновенной, своеобразной красотой; но это именно и удерживало его отъ попытки предложить ей непрощенное утѣшеніе. Онъ принялся поэтому грести изо всей силы и вскорѣ очутился далеко вверхъ по рѣкѣ, но образъ несчастной дѣвушки преслѣдовалъ его. Онъ то думалъ, что она, вѣроятно, имѣла романтическую исторію, то упрекалъ себя за предрассудокъ, въ силу котораго интересное личико должно было непремѣнно имѣть и интересное приключеніе, наконецъ, оправдывалъ свое сочувствіе къ ней тѣмъ, что горе всегда трагичнѣе въ прелестномъ, нѣжномъ ребенкѣ. Въ послѣднее время Деронда сосредоточилъ всѣ свои мысли на своей будущей судьбѣ, но колебаніе его насчетъ выбора жизненнаго поприща имѣло тѣсную связь со всѣмъ міромъ, прошедшимъ и настоящимъ, такъ что новый образъ безпомощнаго горя, только-что имъ видѣнный, послужилъ тотчасъ лишнимъ звеномъ въ общей цѣпи причинъ, удерживавшихъ его отъ подчиненія той рутинѣ свѣта, которая заставляетъ людей оправдывать все существующее зло и радиться въ чужія официальные мнѣнія, какъ въ мундиръ.

Возвращаясь домой, Даніель почти не гребъ, довольствуясь теченіемъ, которое тихо несло его внизъ. Когда онъ достигъ Ричмондскаго моста, солнце уже садилось и близко было время сумерекъ, которое онъ любилъ проводить на рѣкѣ въ мечтательномъ созерцаніи. Онъ выбралъ уединенный уголокъ берега противъ садовъ Кью, причалилъ лодку и легъ въ ней на спину, положивъ голову на подушки въ уровень съ бортомъ, такъ что онъ видѣлъ всѣ окружающіе его предметы, а его нельзя было различить въ нѣсколькихъ шагахъ. Долго не сводилъ онъ глазъ съ открывавшагося передъ нимъ широкаго вида на зеркальную поверхность рѣки, въ которой отражалось блестящее, радужное небо, и терпѣливо ждалъ, пока появится ночной часовой, дѣлающій переключку звѣздамъ, по фантазіи восточныхъ поэтовъ. Онъ забывалъ мало-по-малу все и полу-задумчиво, полу-мечтательно смѣшивалъ свое „я“ съ окружающей его природой, какъ вдругъ

его взглядъ остановился на невысокихъ ивахъ, покрывавшихъ противоположный берегъ. Среди нихъ что-то мелькнуло; страшное предчувствіе сжало его сердце. Черезъ мгновеніе у самой воды показалась маленькая фигурка молодой дѣвушки, освѣщенная умирающими лучами солнца. Онъ боялся испугать ее неожиданнымъ движеніемъ и безмолвно слѣдилъ за нею. Она осмотрѣлась по сторонамъ и, убѣдившись, что никто не могъ ей помѣшать, повѣсила шляпу на ближайшее дерево, сняла съ себя шерстяной бурнусъ и опустила его въ воду, потомъ вытащила и сдѣлала шагъ впередъ. Деронда понялъ, что она хотѣла обернуть себя мокрымъ бурнусомъ, какъ саваномъ; нечего было долѣе ждать. Онъ вскочилъ и послѣшно переправился на другой берегъ. Несчастная, вида, что ея намѣреніе открыто, упала на берегъ, закрывъ лицо руками. Вскочивъ на песокъ, Даніель тихо подошелъ къ ней и нѣжно произнесъ:

— Не бойтесь... Вы несчастны... Довѣрьте мнѣ ваше горе... Скажите, что я могу для васъ сдѣлать?

Она подняла голову и взглянула на него. Лицо его было повернуто къ свѣту и она его узнала. Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ она молчала, не сводя съ него глазъ. Наконецъ, тихимъ, мелодичнымъ голосомъ съ иностраннымъ и вѣсть съ тѣмъ съ чисто-англійскимъ акцентомъ промолвила:

— Я васъ видѣла прежде... nella miseria...

Не понимая, на что она намекала, Деронда подумалъ, что она заговорила отъ горя и голода.

— Вы пѣли, продолжала она, какъ-бы во снѣ, — *nessun maggior dolore...*

— Да, да, отвѣчалъ Даніель, постигая теперь, въ чемъ дѣло;—я часто пою эту баркаролу. Но вамъ здѣсь оставаться нельзя. Позвольте мнѣ отвезти васъ домой въ моей лодкѣ. Позвольте мнѣ достать изъ воды вашъ бурнусъ.

Онъ не хотѣлъ безъ ея разрѣшенія дотронуться до бурнуса, который снова сползъ въ воду, и ему показалось, что она, лихорадочно сжала руку, которой держала одинъ конецъ бурнуса. Но глаза ея были по-прежнему устремлены на него.

— Вы, кажется, добрый человѣкъ, промолвила она; — быть можетъ, вашими устами говорить Богъ.

— Довѣрьтесь мнѣ. Позвольте мнѣ вамъ помочь. Я умру прежде, чѣмъ дозволю кому-нибудь васъ обидѣть.

Она встала и потащила за собою мокрый бурнусъ, но, при ея чрезвѣрной слабости, онъ былъ слишкомъ тяжелъ для нея и она выпустила его изъ рукъ. Эта маленькая фигурка съ безпомощно опущенными руками и пристально устремленнымъ на Даниеля взоромъ была по-истинѣ трогательна.

— Воже мой! произнесъ съ глубокими чувствами Деронда, который при видѣ этой несчастной, покинутой дѣвушки не могъ не подумать съ замраженіемъ сердца: „быть можетъ, моя мать была такая-же“.

Эти слова, которыми на всемъ свѣтѣ, на западѣ и на востокѣ, выражается состраданіе къ несчастью, внушили, повидимому, молодой дѣвушкѣ довѣріе къ Дерондѣ. Она подошла къ лодкѣ и уже положила маленькую руку на его руку, какъ вдругъ остановилась.

— Мнѣ некуда идти, промолвила она; — у меня здѣсь нѣтъ никого.

— Я васъ отвезу къ почтенной дамѣ, у которой нѣсколько дочерей, поспѣшно отвѣчалъ Деронда, какъ-бы обрадовавшись тому, что дочь, изъ котораго она бѣжала, былъ далеко отъ этого мѣста.

Но она все еще колебалась и застѣнчиво прибавила:

— Вы принадлежите къ театру?

— Нѣтъ, я не имѣю ничего общаго съ театромъ, отвѣчалъ Деронда рѣшительнымъ тономъ и прибавилъ съ нѣжной мольбою:—я отвезу васъ къ доброй, почтенной дамѣ, у которой вамъ будетъ очень хорошо. Не надо терять времени; вы можете здѣсь занемочь. Жизнь еще доставитъ вамъ много счастья; право, на свѣтѣ есть добрые люди.

Она болѣе не сопротивлялась, ловко прыгнула въ лодку и усѣлась на подушкѣ, точно это было ей привычное дѣло.

— У васъ было что-то на головѣ? спросилъ Деронда.

— Шляпа, отвѣчала незнакомка;—она на деревѣ.

— Я принесу ее, воскликнулъ Деронда, удерживая ее рукою;—не бойтесь, лодка не отойдетъ.

Онъ выскочилъ на берегъ, досталъ шляпу и мокрый бурнусъ, который, сложивъ, бросилъ на дно лодки.

— Намъ надо увести бурнусъ, сказалъ онъ весело, — а то люди, видѣвшіе васъ, могутъ подумать, что вы утонули. Я очень

сожалѣю, что не могу вамъ предложить ничего, кромѣ куртки; надѣньте ее; въ этомъ ничего не будетъ неприличнаго. Дамы, возвращаясь поздно вечеромъ по рѣкѣ, часто надѣваютъ мужскіе пальто и сюртуки.

Онъ съ улыбкой протянулъ ей свою куртку; она взяла ее, грустно улыбнулась и накинула себѣ на плечи.

— У меня есть бисквиты, — хотите? сказалъ Деронда.

— Нѣтъ, я не могу ѣсть. У меня оставалось немного денегъ, чтобъ купить хлѣба.

Онъ молча сталъ грести и они быстро понеслись по теченію. Она не смотрѣла на него, но слѣдила за взмахами веселъ, полулежа на подушкѣ и какъ-бы начиная находить прелесть въ теплотѣ и въ замѣнѣ смерти жизнью. Сумерки уже наступили; багровыя полосы исчезли на небѣ и звѣзды являлись одна за другой на перекличку, но луна еще не всплыла надъ деревьями и зданіями. Въ полумракѣ Даниель не могъ ясно видѣть выраженіе лица молодой дѣвушки. Его все еще мучило опасеніе за ея умственныя способности, такъ-какъ попытка на самоубійство, была очевидна; онъ хотѣлъ заговорить съ нею, но удерживался желая прежде заслужить ея довѣріе своимъ скромнымъ поведеніемъ.

— Я люблю прислушиваться къ плеску воды, сказала она, наконецъ.

— И я также.

— Если-бъ вы не подоспѣли на помощь, я теперь была-бы уже мертвой.

— Не говорите объ этомъ. Я надѣюсь, что вы никогда не будете сожалѣть, что я удержалъ васъ отъ такого страшнаго дѣла.

— Не знаю, зачѣмъ мнѣ радоваться, что я не умерла. *Maggior dolore e miseria* продолжались долѣе *tempo felice*.. *Dolore*, прибавила она задумчиво, — *miseria* — эти слова мнѣ кажутся живыми.

Деронда молчалъ; онъ не хотѣлъ ее разспрашивать, боясь выказать притязаніе на право благодѣтеля или недостатокъ уваженія къ ней.

— Я думала, что въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, продолжала она, — смерть и жизнь равны передъ Богомъ. Наши отцы уби-

вали дѣтей и самихъ себя, чтобъ сохранить въ чистотѣ души. Я дѣйствовала съ той-же цѣлью, но теперь мнѣ Богъ приказываетъ жить, хотя я, право, не знаю, какая мнѣ предстоитъ жизнь.

— Вы найдете себѣ друзей. Я вамъ ихъ найду.

— Нѣтъ, отвѣчала она мрачно, качая головой,—у меня на свѣтѣ только мать и братъ. Но я не могу ихъ найти.

— Вы англичанка? Вы должны быть англичанка; вы такъ отлично говорите по-англійски.

Она отвѣчала не тотчасъ, а бросила на Деронду застѣнчивый, но пристальный взглядъ, отъ котораго онъ инстинктивно покраснѣлъ, хотя и не могъ его вполне различить.

— Вы хотите знать, англичанка-ли я? повторила она.

— Я ничего не хочу знать, исключая того, что вы сами мнѣ скажете, отвѣчалъ онъ;—но не лучше-ли вамъ отдохнуть и не говорить?

— Нѣтъ, но я вамъ скажу. Я родилась въ Англии, но я еврейка.

Деронда ничего не отвѣчалъ, но удивился, что самъ не призналъ въ ней еврейскаго типа, хотя всякій, видавшій нѣжныя лица испанскихъ молодыхъ дѣвушекъ, могъ принять ее за испанку.

— Вы меня не презираете? спросила она грустно.

— Я не такъ глупъ.

— Конечно, есть много дурныхъ евреевъ.

— Также, какъ и христіанъ; но вѣдь это не можетъ служить побужденіемъ для меня презирать васъ.

— Моя мать и братъ были хорошіе люди, но я ихъ никогда не найду. Я прибыла сюда издалека, изъ-за границы. Я убѣждала... но я вамъ не могу всего рассказать. Я думала, что найду мать, что Богъ меня приведетъ къ ней. Но потомъ я предалась отчаянію и сегодня цѣлый день у меня звучало въ ушахъ только одно слово: никогда! никогда! Теперь опять... я начинаю думать, что я ее найду. Не даромъ-же Богъ велитъ мнѣ жить.

Тутъ силы ей измѣнили, она закрыла лицо руками и горько зарыдала. Деронда надѣялся, что слезы успокоятъ ее, и началъ обдумывать, какъ исполнить ему свой трудный планъ—представить молодую дѣвушку леди Малинджеръ. Она, конечно, была доброй-

шая женщина, но, по всей вѣроятности, онъ не застанетъ ее дома, а въ такомъ случаѣ онъ можетъ опасаться, что слуги блестящаго аристократическаго дома примутъ дурно несчастную дѣвушку. Но куда-же было помѣстить ее? Эта мысль тѣмъ болѣе беспокоила его, что отвѣтственность за результатъ этой странной исторіи лежала на немъ и что дѣвушка произвела на него сильное впечатлѣніе. Вдругъ ему пришло въ голову отвезти молодую дѣвушку къ м-съ Мейрикъ, домъ которой онъ часто посѣщалъ послѣ возвращенія изъ-за границы. Гансъ Мейрикъ находился въ Италіи, и Деронда былъ убѣжденъ, что, явившись въ маленькій домикъ въ Чельси, онъ найдетъ теплый пріемъ у почтенной матери трехъ дочерей, которыя знали жизнь только по книгамъ и, конечно, выкажутъ романтическую готовность помочь горю прелестной еврейки, похожей на Реваку Вальтеръ-Скотта. Тѣмъ болѣе, что, исполняя просьбу Деронды, онѣ будутъ дѣлать угодное своему любимому Гансу.

„Онъ слишкомъ добръ, чтобъ побояться принять ее“, подумалъ онъ и рѣшился ѣхать въ Чельси.

Поѣздка въ кабъ по многолюднымъ улицамъ послѣ безмолвнаго уединенія рѣки показала ему безконечной; но, по счастью, молодая дѣвушка, утомленная всѣми тревоженіями дня и продолжительными рыданіями, тихо задремала. Что-же касается Даниеля, онъ чувствовалъ, что въ этотъ вечеръ постарѣлъ и вступилъ въ новую фазу жизни. Душа его была преисполнена радостью, что ему удалось спасти человѣка, но въ головѣ его уже возбуждалось сомнѣніе, дѣйствительно-ли онъ спасъ молодую дѣвушку, избавивъ ее отъ смерти.

ГЛАВА XVIII.

Домъ м-съ Мейрикъ былъ снаружи маленькій, невзрачный, уединенный, но отрадно, что въ туманномъ Лондонѣ существуютъ еще до сихъ поръ подобныя скромныя, мирныя жилища, въ которыхъ царствуетъ изящный вкусъ и отсутствіе всякой пошлой мишуры. Всѣ предметы внутренняго убранства были одинаково дороги матери, какъ воспоминаніе объ ея брачной жизни, и тремъ ея дочерямъ, какъ необходимая часть того маленькаго міра, въ

которомъ онѣ до сихъ поръ жили. М-съ Мейрикъ отказывала себѣ во многомъ, но сохранила любимыя ея мужемъ картины, и ея дѣти научились исторіи человѣчества по портретамъ и историческимъ сценамъ, украшавшимъ ихъ маленькія комнаты. Мебель была также старая и, за исключеніемъ фортепьяно и картинъ, ни одинъ закладчикъ не взялъ-бы ничего подъ залогъ: но среди этой простой, небросавшейся въ глаза обстановки проходила счастливая семейная жизнь, которой было доступно все, что есть высшаго въ музыкѣ, живописи и поэзіи, хотя въ тяжелое въ матеріальномъ отношеніи для семьи время, когда Кэти еще не имѣла постоянной работы, въ домѣ не всегда была служанка для топки печей и уборки комнатъ.

М-съ Мейрикъ и ея дочери были соединены тройными узами — семейной любви, поклоненія идеаламъ и энергичнаго трудолюбія. Одно время Гансъ желалъ, чтобъ онѣ жили удобнѣе и нѣсколько роскошнѣе, но встрѣтилъ единодушное, самоотверженное сопротивленіе; эта жертва съ ихъ стороны дала ему возможность предаваться своей страсти къ изящнымъ искусствамъ, не бросая университета. Его мать и сестры жили тихо, не пользуясь никакими развлеченіями, и только когда Гансъ возвращался домой изъ университета, онѣ посѣщали оперу, покупая билеты не ниже галерей.

Смотря на эту мирную, счастливую семью, собравшуюся, по обыкновенію, въ маленькой гостиной, отворенное окно которой выходило въ садъ, невольно хотѣлось, чтобъ она никогда не перемѣняла своего образа жизни. М-съ Мейрикъ читала вслухъ, сидя у лампы; подлѣ нея Эми и Мабъ вышивали подушки на продажу, а поодаль, за особымъ столомъ, при свѣтѣ двухъ свѣчей. Кэти рисовала на завазъ картинки для иллюстрированныхъ книгъ. Всѣ четыре женщины были миниатюрны, вполне соразмѣрно ихъ маленькимъ комнатамъ. М-съ Мейрикъ была живая полу-французенка, полу-шотландка; несмотря на то, что ей еще не наступило полныхъ пятидесяти лѣтъ, ея волосы, выбивавшіеся изъ-подъ скромнаго квакерскаго чепца, были почти совершенно сѣдые, но брови темныя, также какъ и блестящіе глаза; черное платье вродѣ монашеской рясы прекрасно шло къ ея маленькой фигуркѣ, не превышавшей пяти футовъ. Дочери очень походили на мать, только у Мабъ волосы были свѣтлыя, какъ у Ганса. Все въ

этихъ дѣвушкахъ было просто, непринужденно, отъ волосъ, зачесанныхъ à la chinoise, до сѣрыхъ платьевъ съ узкими юбками, составлявшими совершенную противоположность моднымъ въ то время криколинамъ. Всѣхъ ихъ четверыхъ, если-бъ онѣ были посковня, можно было-бы спрятать въ обыкновенный дамскій чемоданъ. Единственный большой предметъ въ этой комнатѣ былъ Гафизъ, персидская кошка, спокойно лежавшая на креслѣ, обитомъ коричневымъ сафьяномъ.

М-съ Мейрикъ читала „Histoire d'un Conscrit“ Эрмана Шатриана, и когда она окончила книгу, Мабъ воскликнула:

— Мнѣ не приходилось читать лучшей повѣсти!

— И неудивительно, Мабъ, замѣтила Эми:—тебѣ всегда болѣе всего нравится только-что прочтенная книга.

— Это не повѣсть, сказала Кэти,—а историческій эпизодъ. Мы ясно видимъ лица солдатъ, слышимъ ихъ рѣчи, даже бѣненіе ихъ сердецъ.

— Называйте эту книгу, какъ хотите, отвѣчала Мабъ, — но она пробуждаетъ во мнѣ стремленіе къ добру и состраданію къ ближнимъ. Она дѣлаетъ меня похожимъ на Шиллера, и я хотѣла-бы объять весь міръ. А пока, прибавила она, обвивая руками шею матери,—я васъ поцѣлую, милая мама.

— Когда ты входишь въ такой азартъ, то всегда бросаешь на полъ работу, сказала Эми, указывая на свалившуюся со стола канву;—а все-бы лучше кончить подушку, не запачкавъ ее.

— О-о, промолвила Мабъ, поднимая свою работу,—какъ-бы я желала ухаживать за тремя ранеными.

— Да, и ты расплескала-бы бульонъ, подавая его больнымъ, замѣтила Эми.

— Оставь въ покоѣ бѣдную Мабъ, сказала м-съ Мейрикъ.— Дай мнѣ свою работу, дитя мое, я буду продолжать, а ты предавайся на свободѣ своимъ восторгамъ.

— Однакожь, вы, мама, саркастичнѣе Эми, произнесла Кэти, не поднимая глазъ съ своего рисованья.

— Нѣтъ, я рѣшительно не могу сидѣть! воскликнула Мабъ, вскакивая съ мѣста.—Ахъ! если-бъ случилось что-нибудь необыкновенное, хоть второй потошъ, напиримѣръ! Развѣ поиграть съ горя?

Она открыла фортепьяно при общемъ смѣхѣ сестеръ, но въ эту

минуту на улицѣ послышался шумъ колесъ и у скромнаго дома остановился кэбъ.

— Кто это? произнесла м-съ Мейрикъ, поспѣшно направляясь въ переднюю.—Десять часовъ и Феба спитъ.

— М-ръ Деронда!

Это восклицаніе матери поразило молодыхъ дѣвушекъ; онѣ бросили свою работу, а Кэти произнесла шопотомъ:

— Ну, вотъ и случилось что-нибудь необыкновенное.

Отвѣтъ Деронды на привѣтствіе м-съ Мейрикъ былъ произнесенъ такъ тихо, что не долетѣлъ до гостиной; въ ту-же минуту м-съ Мейрикъ затворила дверь.

— Я знаю, что злоупотребляю вашей добротой, прибавилъ Деронда послѣ разсказа о своемъ необыкновенномъ приключеніи,—но я рѣшительно не знаю, что мнѣ дѣлать съ бѣдной молодой дѣвушкой. Нельзя отдать ее на руки чужимъ. Я рассчитывалъ на ваше человѣколюбіе и надѣюсь, что вы не сочтете мой поступокъ неприличнымъ.

— Напротивъ, отвѣчала м-съ Мейрикъ,—вы мнѣ дѣлаете честь своимъ довѣріемъ. Я совершенно понимаю ваше затруднительное положеніе. Ступайте, приведите ее, а я предупрежу моихъ дѣвочекъ.

Пока Деронда ходилъ за незнакомкой на улицу, м-съ Мейрикъ возвратилась въ гостиню.

— Твое желаніе исполнилось, Мабъ, сказала она;—тебѣ будетъ за кѣмъ ухаживать, только не за тремя ранеными солдатами, а за бѣдной дѣвушкой, которая съ отчаянія хотѣла утопиться. М-ръ Деронда во-время подоспѣлъ къ ней на помощь и привезъ ее къ намъ, не имѣя для нея другого вѣрнаго убѣжища. Онъ говоритъ, что она еврейка, но, кажется, образованная: знаетъ итальянскій языкъ и музыку.

Молодые дѣвушки были очень удивлены, но лица ихъ тотчасъ выразили самое теплое состраданіе. Только Мабъ какъ-бы испугалась столь быстрому, почти сверхестественному исполненію ея желанія.

Между тѣмъ Деронда подошелъ къ кэбу и, обращаясь къ бѣдной, дрожавшей незнакомкѣ, сказалъ:

— Я привезъ васъ къ добрейшимъ людямъ. Это семейство очень хорошее; здѣсь есть такія-же молодые дѣвушки, какъ вы. Пойдете!

Она послушно подала ему руку и послѣдовала за нимъ. Появленіе ея въ блестяще-освѣщенной маленькой гостиной, гдѣ ее ждали миниатюрныя обитательницы скромнаго жилища, могло-бы возбудить состраданіе и въ зачерствѣлыхъ сердцахъ. Сначала ее ослѣпилъ неожиданный свѣтъ, но, почувствовавъ нѣжное пожатіе руки и видя передъ собою сочувственныя, добрыя лица, она какъ-бы ожила.

— Вы, вѣрно, устали, дитя мое? произнесла м-съ Мейрикъ.

— Мы будемъ за вами ухаживать, мы будемъ васъ любить! воскликнула Мабъ, схватывая ее за руку.

Теплая встрѣча въ чуждомъ для нея домѣ такъ сильно подѣйствовала на незнакомку, что въ глазахъ ея впервые сверкнуло довольство. Бросивъ быстрый взглядъ на Деронду, какъ-бы относя къ нему свое неожиданное счастье, она сказала м-съ Мейрикъ:

— Я чужестранка... еврейка. Вы, можетъ быть, думаете, что я дурная женщина.

— Нѣтъ, мы увѣрены, что вы хорошая дѣвушка! воскликнула Мабъ.

— Мы не думаемъ ничего дурнаго о васъ, произнесла м-съ Мейрикъ;— успокойтесь, вы здѣсь все равно, что дома. Присядьте; мы сейчасъ дадимъ вамъ поужинать и уложимъ спать.

Незнакомка молча взглянула на Деронду.

— Вы безъ малѣйшаго опасенія можете остаться здѣсь, сказалъ онъ.

— Я ничего не боюсь и останусь у этихъ добрыхъ ангеловъ.

М-съ Мейрикъ взяла ее за руку и хотѣла посадить, но бѣдная дѣвушка не желала воспользоваться челоуѣколюбивымъ гостеприимствомъ этой доброй семьи прежде, чѣмъ откроетъ имъ, кто она.

— Меня зовутъ Мирой Лапидотъ. Я пріѣхала одна изъ Праги, откуда бѣжала, не желая подвергнуться позору. Я думала найти въ Лондонѣ мать и брата. Меня отняли у матери ребенкомъ. Теперь всё дома новыя и я не могла разыскать своихъ. Я здѣсь давно и у меня денегъ было немного. Вотъ почему я дошла до отчаянія.

— Наша мама будетъ за вами ухаживать! воскликнула Мабъ.— Посмотрите, какая у насъ славная, маленькая мама!

— Сядьте, вамъ пора отдохнуть, сказала Кэти, пододвигая стулъ, а Эми выбѣжала изъ коннаты, чтобы заварить чай.

Мира болѣе не сопротивлялась и граціозно сѣла на стулъ, поджавъ свои маленькія ножки и смотря съ нѣмой благодарностью на своихъ новыхъ друзей.

— Позвольте мнѣ завтра зайти къ вамъ часовъ въ пять, сказалъ Деронда, понимая, что ему здѣсь болѣе нечего дѣлать.

— Да, пожалуйста; до тѣхъ поръ мы совершенно познакомились.

— Прощайте, произнесъ Деронда, подходя къ Мирѣ и протягивая ей руку.

— Да благословить васъ Богъ отцовъ моихъ, сказала она, вставая и смотря ему прямо въ глаза съ уваженіемъ, — и да сохранить Онъ васъ отъ всякаго зла, какъ вы сохранили меня. Я не думала, что на свѣтѣ есть такіе добрые люди. Вы встрѣтили меня бѣдную, несчастную и протянули мнѣ руку.

Деронда не могъ ничего отвѣтить отъ душевнаго волненія и, молча поклонившись, вышелъ изъ коннаты.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ДѢВИЧІЙ ВЫБОРЪ.

ГЛАВА XIX.

Назвать Деронду романтичнымъ было-бы несправедливо, однакожь подъ его спокойной, сосредоточенной внѣшностью скрывалась пламенная натура, которая легко находила поэтическій, романтичный элементъ въ событіяхъ ежедневной жизни. Дѣйствительно, эти элементы существуютъ въ настоящее время точно также, какъ и въ прошлые вѣка, но, конечно, не для флегматичныхъ натуръ, которыя во всѣ времена считали ихъ глупымъ заблужденіемъ. Они существуютъ свободно въ одной комнатѣ съ микроскопомъ и даже въ вагонѣ желѣзной дороги; ихъ обращаетъ въ бѣгство только пустота въ головахъ современныхъ людей. Какъ могутъ небо и земля, отдаленная планета и грудь матери, питавшей насъ, имѣть поэтическій отбѣнокъ для человѣка, который не одаренъ ни умомъ,

ни чувствомъ, душа котораго не трепещетъ братской любовью къ близкимъ и далекимъ?

Для Деронды встрѣча съ Мирой имѣла такое-же значеніе, какъ для Ореста и Ринальдо ихъ необыкновенныя приключенія. До утра онъ не могъ сомкнуть глазъ и снова переживалъ тѣ минуты, въ которыя онъ видѣлъ Миру на берегу рѣки и въ домѣ м-съ Мейригъ. Если онъ бралъ книгу, чтобъ немного забыться, то образъ молодой дѣвушки снова возставалъ передъ нимъ между строками. Онъ не только видѣлъ то, что дѣйствительно случилось на его глазахъ, но дополнялъ воображеніемъ неизвѣстное ему прошедшее и вѣроятное будущее. Страстное желаніе Миры отыскать мать, соотвѣтствовавшее его собственнымъ чувствамъ, возбуждало въ немъ теплую симпатію и рѣшимость помочь ей въ ея поискахъ. Если ея мать и братъ находились въ Лондонѣ, то ихъ можно было найти, принявъ необходимыя къ тому мѣры. Но тутъ естественно въ головѣ Деронды возникли тѣ-же опасенія насчетъ родственниковъ Миры, которыя такъ часто терзали его въ отношеніи собственной его матери. Отыскавъ ихъ, Мира могла подвергнуться еще большему несчастью. Она говорила, что ея мать и братъ были люди добрые, хорошіе, но вѣдь это могло ей только казаться, и къ тому-же со времени ея разлуки съ ними прошло десять или двѣнадцать лѣтъ, во время которыхъ могли произойти самыя роковыя перемены. Несмотря на его обычное стремленіе принимать сторону несчастныхъ жертвъ человѣческихъ предразсудковъ, Деронда никогда не чувствовалъ симпатіи къ евреямъ; напротивъ, видѣнные имъ экземпляры этой расы, на какой бы общественной ступени они ни находились, одинаково возбуждали въ немъ антипатію; если-же онъ иногда и встрѣчалъ образованныхъ, ученыхъ евреевъ, то они переменяли свою вѣру и совершенно смѣшались съ туземцами той страны, гдѣ обитали. Онъ вспоминалъ теперь все, что слышалъ и читалъ о еврейскихъ обычаяхъ, и хотя всегда протестовалъ противъ заключенія о настоящемъ на основаніи прошедшаго, но относительно современныхъ евреевъ придерживался общаго мнѣнія, что они сохранили всѣ достоинства и недостатки долго преслѣдуемой расы. Поэтому онъ съ ужасомъ представлялъ себѣ старую еврейку, мать Миры, и ея молодого брата; чѣмъ прелестнѣе, очаровательнѣе и невиннѣе казалась ему эта молодая дѣвушка, тѣмъ съ большей антипатіей думалъ онъ

объ ея низкихъ, грубыхъ, быть можетъ преступныхъ родственникахъ. Его живое воображеніе рисовало цѣлыя картины: онъ видѣлъ себя въ сопровожденіи полицейскаго сыщика въ мрачной, отдаленной улицѣ, гдѣ въ какой-нибудь несчастной труппѣ грязная, скупая старуха торговала у бѣдной, голодной женщины ея послѣднія цѣнныя вещи, или онъ представлялъ себѣ въ другой, болѣе блестящей, но столь-же отвратительной обстановкѣ молодого еврея, который предлагалъ свои услуги для всевозможныхъ самыхъ позорныхъ дѣлъ. Впрочемъ, тотъ фактъ, что родственники Миря были евреи, не игралъ очень значительной роли въ опасеніяхъ Деронды, и если-бъ они были христіане, его воображеніе рисовало-бы, быть можетъ, еще болѣе страшныя картины, такъ-какъ въ этомъ отношеніи его опытъ былъ обширнѣе.

Но что ему дѣлать съ Мирой? Ей необходимы вѣрный пріютъ и покровительство; онъ почувствовалъ, что не долженъ былъ, какъ честный человѣкъ, ограничиваться одной своей личной помощью, и чѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное ею на него, тѣмъ болѣе онъ желалъ, чтобъ она считала себя вполне независимой. Смутныя представленія о возможномъ будущемъ, хотя и казавшіяся ему слишкомъ фантастичными, возбуждали въ немъ рѣшимость не скрывать ни отъ кого своихъ отношеній къ Мирѣ. Онъ съ дѣтства ненавидѣлъ тайны о важныхъ семейныхъ дѣлахъ, ненавидѣлъ тѣмъ болѣе, что нѣжныя чувства мѣшали ему раскрыть подобную тайну, касающуюся его лично. Зная, что на свѣтѣ много бываетъ истинъ, которыя скрываются только потому, что могутъ принести позоръ лицамъ, нисколько въ томъ виновнымъ, онъ давно далъ себѣ слово никогда не дѣлать ничего, что можетъ требовать тайны и навлечь позоръ на другихъ. Несмотря на всю рѣшимость исполнить свое слово, онъ, однакожъ, иногда опасался, чтобъ окружающій свѣтъ не подчинилъ его правиламъ той снисходительной философіи, въ силу которой люди признаютъ всѣ свои дѣйствія прекрасными, безупречными.

Сначала онъ хотѣлъ рассказать на другое-же утро о своемъ приключеніи сэру Гюго и леди Малинджеръ, но его удержала мысль, что, быть можетъ, м-съ Мейригъ узнаетъ отъ Миря подробности ея прежней жизни, и потому, засыпая, наконецъ, подъ утро, онъ рѣшилъ отложить это объясненіе до того времени, когда онъ на другой день возвратится домой изъ скромнаго домика въ Челси.

ГЛАВА XX.

Мира отлично спала всю ночь; на другое утро, сойдя въ гостиную въ черномъ платьѣ. Мабъ и съ въощимися темными волосами, она казалась совершенно другимъ существомъ, чѣмъ наканунѣ, и, очевидно, начинала отдыхать отъ горя и бессонницы, оставившихъ ярачный слѣдъ въ синихъ полосахъ подъ ея глазами и въ исхудалыхъ, блѣднѣхъ щекахъ. Мабъ отнесла ей въ спальню кофе и съ гордостью свела ее внизъ, обращая вниманіе сестеръ на маленькія войлочные туфли, за которыми она сама бѣгала въ сосѣдній магазинъ, такъ-какъ во всемъ домѣ не нашлось обуви достаточно маленькой для миниатюрныхъ ножекъ Мира.

— Мама! Мама! воскликнула Мабъ, хлопая въ ладоши, — посмотрите, какъ эти туфли прелестны на ея ножкахъ. Она Сандрильона и я удивляюсь, какъ такія маленькія ножки могутъ ее поддерживать.

Мира взглянула на свои ноги, кокетливо выглядывавшія изъ подъ короткаго платья, оканчивавшагося на щиколкахъ, и улыбнулась, какъ невинный ребенокъ.

„Едва-ли у этой дѣвушки могутъ быть дурныя мысли, но надо быть осторожной“, подумала м-съ Мейрикъ и сказала вслухъ съ улыбкой:

— Вѣроятно, имъ приходилось выносить много усталости, но сегодня онѣ отдохнутъ.

— Она останется съ вами, мама, и расскажетъ вамъ много интереснаго безъ меня, сказала Мабъ, надувъ губы при мысли, что ей придется пропустить нѣсколько главъ интереснаго романа.

Она должна была идти на урокъ; Кэти и Эми уже давно ушли: первая понесла рисунки, а вторая отправилась за покупками. М-съ Мейрикъ была очень рада остаться наединѣ съ Мирой и поговорить съ нею о ея прошлой жизни.

По уходѣ Мабъ въ маленькой гостиной, выходившей на рѣку, воцарилась мирная тишина, прерываемая только мяуканьемъ кошки и однообразнымъ стукомъ маятника большихъ часовъ на каминѣ. М-съ Мейрикъ полагага, что это спокойствіе наведетъ Миру на откры-

венную исповѣдь, и не хотѣла испортить дѣла разспросами. Молодая дѣвушка сидѣла въ своей прежней позѣ, скрестивъ руки и ноги; сначала глаза ея блуждали по всей комнатѣ, а потомъ сосредоточились съ глубокимъ уваженіемъ на м-съ Мейрикъ. Наконецъ, она тихо заговорила:

— Я помню лучше всего лицо моей матери, хотя мнѣ было только семь лѣтъ, когда меня увезли отъ нея, а теперь мнѣ девятнадцать.

— Это очень понятно, отвѣчала м-съ Мейрикъ:—первыя впечатлѣнія всегда долго остаются въ памяти.

— Да, это были мои первыя впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что жизнь моя началась въ маленькой, бѣленькой постели, надъ которой стоитъ, наклонившись, мама и поетъ еврейскіе гимны. Слова этихъ гимновъ я не понимала, но мама меня имъ учила и они мнѣ казались полными любви и счастья. Часто и теперь я вижу во снѣ ея лицо, наклоненное надо мною, и, какъ ребенокъ, протираю къ ней руки, которыя она, бывало, покрывала поцѣлуями. Хотя прошло много времени, но я увѣрена, что узнала-бы ее теперь.

— Вы должны, однакожь, разсчитывать, что увидите въ ней большую переѣву, сказала м-съ Мейрикъ; — посмотрите на мои сѣдые волосы: десять лѣтъ тому назадъ они были русые. Дни, мѣсяцы и года оставляютъ замѣтные слѣды, особенно въ сердцахъ, обремененныхъ горемъ.

— Да, она, конечно, много горевала обо мнѣ. Но если-бы мы могли найти другъ друга, я, кажется, своей любовью вознаградила-бы ее за все, что она претерпѣла. Что-же касается меня, то увидавъ ее, я забыла-бы всѣ свои страданія. Да, я дошла уже до отчаянія. Весь міръ казался мнѣ несчастнымъ, преступнымъ; никто мнѣ не оказалъ искренней помощи; мнѣ казалось, что моей матери нѣтъ уже въ живыхъ и что только смерть могла насъ соединить. Но въ послѣднюю минуту, когда я хотѣла уже броситься въ воду и считала смерть самымъ большимъ милосердіемъ, я вдругъ увидала истинно добраго человѣка и захотѣла жить. Странно сказать, съ той минуты я начала надѣяться, что и мать моя еще жива. Теперь-же, у васъ въ домѣ, я вполне успокоилась. Мнѣ ничего не нужно; я могу ждать, потому что надѣюсь, вѣрю и благодарна... о, какъ я благодарна!

Вы не подумали дурного обо мнѣ, не отвернулись отъ меня съ презрѣніемъ.

Мира говорила съ жаромъ, но оставалась неподвижной, какъ статуя.

— Многіе на нашемъ мѣстѣ сдѣлали-бы то-же самое, отвѣчала м-съ Мейрикъ, на глазахъ которой выступали слезы.

— Но я ихъ не встрѣчала и они меня не нашли.

— Какимъ образомъ васъ разлучили съ матерью?

— Мнѣ страшно говорить объ этомъ, но я не должна отъ васъ ничего скрывать. Меня увезъ изъ дому отецъ. Я думала, что мы ѣдемъ въ маленькое путешествіе, и была очень довольна. Но мы отправились на корабль и вышли въ море. Я занемогла и думала, что моей болѣзни не будетъ конца. Это мои первыя страданія. Наконецъ, мы вышли на берегъ въ Америкѣ, и мнѣ суждено было вернуться въ Европу только черезъ нѣсколько лѣтъ. Отецъ утѣшалъ меня обѣщаніями, что мы скоро возвратимся къ матери. Я ему вѣрила и все спрашивала, скоро-ли мы поѣдемъ; потомъ я старалась какъ можно быстрѣе научиться грамотѣ, чтобъ написать письмо матери. Однажды, увидавъ меня за писаніемъ, отецъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни и сказалъ, что моя мать и братъ умерли и мы не возвратимся домой. Я очень мало помнила брата, который рѣдко жилъ дома. Но все-же мнѣ было его жаль, а о матери я плакала цѣлыя ночи. Я не сомнѣвалась въ словахъ отца, но мама такъ часто являлась мнѣ во снѣ, что я пришла къ убѣжденію о невозможности ея смерти. Впрочемъ, я видѣла ее не только во снѣ ночью, но и днемъ, закрывъ глаза.

Мира остановилась и нѣжная улыбка показалась на ея лицѣ, точно ей въ эту минуту снова представилось видѣніе, наполнявшее радостью ея сердце.

— Отецъ обращался съ вами хорошо? спросила миссъ Мейрикъ.

— Да, онъ былъ очень ласковъ и заботился о моемъ воспитаніи. Я потомъ узнала, что онъ былъ актеръ и что Кобургъ, куда онъ постоянно ходилъ изъ дому до отъѣзда въ Америку, былъ театр. Онъ не только игралъ на сценѣ, но былъ режиссеромъ и писалъ или переводилъ пьесы. Игра его была не перво-степенная; но онъ зналъ нѣсколько языковъ и прежде былъ учи-

телемъ. Съ нами жила долго одна пѣвица-итальянка; она вмѣстѣ съ отцомъ учила меня; кромѣ того, ко мнѣ ходилъ учитель декламации. Я много работала и девяти лѣтъ выступила на сцену. Отецъ имѣлъ много денегъ и мы вели беспорядочную, но роскошную жизнь; къ намъ постоянно приходили мужчины и женщины, съ утра до вечера раздавался крикъ, смѣхъ, споръ, и хотя многіе меня ласкали, но ни одно изъ видѣнныхъ мною тогда лицъ не было мнѣ по сердцу, тѣмъ болѣе, что я всегда вспоминала о мамѣ. Даже и въ то время, когда я ничего еще не понимала, мнѣ не нравилась наша обстановка, а потомъ я очень быстро набралась хорошихъ мыслей изъ пьесъ и повѣи, изъ Шекспира и Шиллера. Отецъ рѣшился сдѣлать изъ меня пѣвицу, такъ-какъ мой голосъ для ребенка былъ удивительный и онъ далъ мнѣ лучшихъ учителей. Но меня очень мучило, что онъ хвастался мною и во всякое время заставлялъ пѣть на показъ, точно я была не живое существо, а органъ. Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, я сыграла на сценѣ роль маленькой дѣвочки, брошенной въ лѣсу, которая, не понимая своего горя, пѣла, плетя вѣнки. Играть мнѣ было не трудно, но я ненавидѣла рукоплесканія и похвалы, которыя мнѣ казались холодными, неискренними. Меня также очень мучила противоположность, которая существовала между нашей жизнью на сценѣ и дома: актрисы казались на сценѣ добрыми, нѣжными, чувствительными, а выйдя за кулисы, становились грубыми, сварливыми. Отецъ иногда замѣчалъ мою сосредоточенность, такъ-какъ я жила совершенно особой жизнью, сама въ себѣ; а синьера сказала однажды послѣ репетиціи: „она никогда не будетъ артисткой; посмотрите, она не можетъ представлять никого, кромѣ себя; теперь это хорошо, но послѣ у нея не будетъ никакой мимики, никакого сценическаго искусства“. Отецъ разсердился на нее и они поссорились. Я очень плакала, потому что ея слова рисовали мнѣ будущее въ очень мрачномъ свѣтѣ. Правда, я никогда не желала быть артисткой, но отецъ готовилъ меня къ сценической карьерѣ. Вскорѣ послѣ того синьера покинула насъ и ко мнѣ стала ходить гувернантка; она учила меня разнымъ предметамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ я продолжала по временамъ играть на сценѣ. Я чувствовала все болѣе и болѣе отвращенія къ нашей жизни и жаждала ее переимѣнить, но куда мнѣ было идти? Я боялась свѣта и къ тому-же чувствовала, что дурно было

бы бросить отца. А я ни за что не хотѣла поступать дурно, потому что тогда мнѣ пришлось-бы ненавидѣть себя. Кромѣ того, поступая дурно, я потеряла-бы тотъ счастливый внутренній міръ, въ которомъ я жила съ своей матерью. Вотъ что я чувствовала въ эти долгіе годы.

— Развѣ васъ не учили, въ чемъ заключается человѣческой долгъ? спросила м-съ Мейрикъ.

— Нѣтъ, меня учили только, что я должна исполнять всѣ желанія отца. Онъ не слѣдовалъ правиламъ нашей религіи и, повидимому, желалъ, чтобъ я ее вовсе не знала. Но я помнила, что мама водила меня ребенкомъ въ синагогу, и однажды, уже живя съ отцомъ, но еще маленькой дѣвочкой, ушла изъ дому и искала по улицамъ синагогу; меня привелъ домой какой-то лавочникъ и отецъ очень сердился. Я сама сильно перепугалась и оставила въ сторонѣ всякую мысль о синагогѣ. Однакожь послѣ отъѣзда отъ насъ синьеры отецъ нанялъ меблированныя комнаты у одной еврейки и она по моей просьбѣ водила меня въ синагогу и давала мнѣ читать священныя книги. Такимъ образомъ я узнала немного нашу религію и исторію нашего народа, которыя мнѣ были дороги главнымъ образомъ потому, что мама отличалась набожностью. Мало-по-малу я перестала бираивать о ней у отца и начала подозрѣвать, что онъ меня обманулъ насчетъ смерти матери и брата. Этотъ обманъ казался мнѣ столь ужаснымъ, что я стала ненавидѣть всякую неправду. Тогда я написала тайкомъ матери, зная, что мы жили въ Лондонѣ, въ Кольманской улицѣ, близъ Блэкфрайерскаго моста, и что наша фамилія была Когенъ, хотя отецъ называлъ себя Даниеломъ, такъ-какъ, по его словамъ, эту фамилію носили его предки въ Польшѣ. Но я не получила никакого отвѣта. Вскорѣ потомъ мы покинули Америку и я была очень рада, когда отецъ объявилъ, что мы поѣдемъ въ Гамбургъ. Я знала нѣмецкій языкъ очень хорошо и могла декламировать цѣлыя нѣмецкія пьесы, а отецъ говорилъ по-нѣмецки лучше, чѣмъ по-англійски. Мнѣ тогда было тринадцать лѣтъ и я знала, съ одной стороны, очень много, а съ другой—очень мало о жизни. Дѣти, мнѣ кажется, не могутъ чувствовать того, что я тогда чувствовала. Во время морскаго путешествія у меня родились совершенно новыя мысли. Отецъ для забавы пассажировъ игралъ, пѣлъ и кривлялся, такъ что мнѣ

было противно на него смотрѣть. Однажды я случайно услышала, какъ одинъ пассажиръ сказалъ другому: „онъ умный, но подлый жидъ; онъ готовитъ дочку для продажи“. Эти слова навели меня на мысль, что мои несчастья происходили отъ моего еврейскаго происхожденія; но меня утѣшило сознание, что мои страданія составляли только малую часть великихъ бѣдствій нашего народа, котораго презираютъ за грѣхи немногихъ его недостойныхъ сыновъ. Но вы меня не презираете, прибавила Мира, неожиданно перемѣняя тонъ и переходя отъ горькаго сѣтованія къ теплой благодарности.

— Мы постараемся спасти васъ, дитя мое, и отъ несправедливаго презрѣнія другихъ, отвѣчала м-съ Мейрикъ съ жаромъ;— но продолжайте; расскажите мнѣ все.

— Мы жили въ разныхъ городахъ, всего долѣе въ Гамбургѣ и Вѣнѣ. Я стала снова учиться пѣнью, а отецъ по-прежнему жилъ театромъ, хотя много вывезъ денегъ изъ Америки. Я, право, не знаю, зачѣмъ онъ оттуда уѣхалъ. Впродолженіи нѣкотораго времени онъ возлагалъ громадныя надежды на мое пѣніе и заставлялъ меня постоянно играть, подготавливая къ дебюту въ оперѣ. Но на повѣрку оказалось, что мой голосъ слишкомъ слабъ для театра, и мой вѣнскій учитель сказалъ отцу: „не насилуйте ея голоса, онъ не годится для сцены; это золото, но не самородокъ, а золотой песокъ“. Отецъ былъ этимъ сильно разочарованъ, хотя онъ на все смотрѣлъ очень легко. Подобное легкомысліе, при всей его любви ко мнѣ, меня несказанно мучило, тѣмъ болѣе, что онъ надо всѣмъ смѣялся; смѣялся и надъ своими соотечественниками. Мнѣ кажется, глупо смѣяться надо всѣмъ. Неужели вся жизнь только бессмысленный водевиль? Если такъ, то къ чему существуютъ трагедіи и оперы, въ которыхъ изображаются люди страдающіе и совершающіе великія дѣла? Я теперь поняла, зачѣмъ онъ желалъ, чтобъ я играла первыя роли въ серьезныхъ операхъ и пѣла классическую музыку; все это ради денегъ. Поэтому моя любовь къ нему и благодарность за его попеченія мало-по-малу охладѣли и я стала чувствовать къ нему только сожалѣніе. Онъ очень постарѣлъ, перемѣнился и часто безъ всякой видимой причины плакалъ. Я тогда прижималась къ нему и молча молилась за него. Въ эти минуты я чувствовала, что онъ все-же мнѣ близокъ, хотя онъ никогда не довѣ-

рялъ мнѣ своего горя. Вскорѣ наступило самое горькое время. Мы прожили нѣсколько времени въ Пештѣ и потомъ возвратились въ Вѣну, гдѣ отецъ помѣстилъ меня на одинъ изъ маленькихъ театровъ предмѣстій. Онъ тогда самъ не принималъ никакого участія въ театральныхъ предпріятіяхъ и проводилъ все свое время въ игорномъ домѣ, хотя всегда аккуратно проводилъ меня въ театръ. Я была очень несчастлива; меня принуждали играть и пѣть ненавистныя для меня роли; мужчины приходили за кулисы и заговаривали со мною съ дерзкой улыбкой, а женщины смотрѣли на меня презрительно. Вы не знаете подобной жизни; это просто адъ; и чѣмъ я становилась старше, тѣмъ она была для меня ненавистнѣе, но лучшаго существованія мнѣ не предстояло и я должна была работать изъ повиновенія къ отцу. Но я знала, что голосъ мой съ каждымъ днемъ слабѣлъ и что я играла отвратительно. Въ одинъ несчастный день я получила извѣстіе, что отца посадили въ тюрьму; онъ меня потребовалъ къ себѣ и, не говоря, за что онъ арестованъ, приказалъ отправиться къ одному графу, который могъ его освободить. Я пошла по адресу и узнала въ графѣ джентльмена, котораго видѣла впервые наканунѣ за кулисами. Это очень меня взволновало, такъ-какъ онъ странно смотрѣлъ на меня и цѣловалъ мнѣ руки. Я передала ему порученіе отца и онъ обѣщалъ немедленно къ нему отправиться. Дѣйствительно, въ тотъ-же вечеръ отецъ возвратился домой вмѣстѣ съ графомъ. Съ тѣхъ поръ графъ постоянно сталъ преслѣдовать меня своими любезностями, подъ которыми, мнѣ казалось, скрыто было презрѣніе къ еврейкѣ и актрисѣ. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, толстый, съ мрачнымъ лицомъ, которое прояснялось только при взглядѣ на меня. Но отъ его улыбки у меня по тѣлу пробѣгалъ морозъ. Я не могла дать себѣ точнаго отчета, почему онъ мнѣ былъ противнѣе всѣхъ людей, но бываютъ такія безотчетныя чувства. Отецъ постоянно расхваливалъ его и уходилъ изъ комнаты, когда онъ являлся къ намъ. Однажды графъ спросилъ, люблю-ли я сцену, и когда я отвѣчала: нѣтъ, онъ сказалъ, что мнѣ не зачѣмъ долѣе играть и что онъ приглашаетъ меня жить въ своемъ великолѣпномъ замкѣ, гдѣ я буду царицей. Онъ всегда говорилъ по-французски и называлъ меня „petit ange“; я понимала, что онъ добивался моею любви, но чувствовала, что никакой вельможа не можетъ

искренно и безъ необходимой доли презрѣнія любить еврейку. Его предложеніе привело меня въ негодованіе и я выбѣжала изъ комнаты, говоря: „лучше я останусь всю жизнь на сценѣ“. Сначала отецъ сказалъ мнѣ, что я не поняла графа, а потомъ прямо заявилъ, что мнѣ не слѣдовало отказываться отъ такого прекраснаго предложенія. Ужасъ объялъ мое сердце, и хотя графъ не показывался болѣе, но я чувствовала, что отецъ былъ заодно съ нимъ. Мои подозрѣнія усилились еще болѣе, когда отецъ объявилъ, что мой контрактъ съ театромъ нарушенъ и что мы должны ѣхать въ Прагу. Тогда впервые я рѣшилась бѣжать отъ него и отправиться въ Лондонъ для разысканія матери. Я отложила въ саквояжъ самыя необходимыя вещи и небольшую сумму денегъ, которая у меня находилась, а также продала нѣсколько ненужныхъ вещей. Все это я не выпускала изъ своихъ рукъ, во время путешествія, поджидая удобнаго случая для исполненія моего плана. Я твердо рѣшилась не поддаваться соблазну и не попадать въ разрядъ тѣхъ презрѣнныхъ женщинъ, которыхъ я такъ много видала; поэтому вы можете себѣ представить, какъ ненавистенъ мнѣ былъ отецъ, за спиной котораго я постоянно видѣла графа! Днемъ и ночью мнѣ мерещилось, что онъ завезетъ меня куда-нибудь и броситъ въ жертву графу, отъ котораго мнѣ уже не будетъ спасенія. Въ Прагу мы пріѣхали ночью и на улицѣ, у входа въ великолѣпный отель, я увидала при свѣтѣ фонарей страшную для меня фигуру графа. Болѣе откладывать моего бѣгства было нельзя; я всю ночь не сомкнула глазъ, а на разсвѣтѣ, надѣвъ бурнусъ и шляпку, незамѣтно вышла изъ гостиницы, гдѣ мы остановились, и отправилась на желѣзную дорогу. Когда солнце взошло, я уже ѣхала въ Дрезденъ. Я плакала отъ радости и боялась только, чтобъ отецъ меня не догналъ. Въ Брюсселѣ оказалось, что у меня было мало денегъ, и я продала все, что могла; несмотря на это, я пыталась только хлѣбомъ и, конечно, не добралась-бы до Дувра, если-бы не одно обстоятельство. Изъ Кельна я ѣхала въ вагонѣ съ молодымъ рабочимъ, который заговаривалъ съ мною нѣсколько разъ и предлагалъ раздѣлить съ нимъ его пищу, но я отказывалась, а потомъ, когда онъ вышелъ на какой-то станціи, то я нашла въ карманѣ своего бурнуса золотую монету. Благодаря этой деликатной помощи, я добралась до Англій, а въ Лондонъ пришла

пѣшкомъ. Во время всѣхъ моихъ странствій меня утѣшала одна надежда, конечно, я вижу теперь, бессмысленная, что въ Лондонѣ меня встрѣтитъ мать. Прибывъ сюда, я прежде всего разыскала Блэкфрайерскій мостъ и стала спрашивать Кольманскую улицу и Кобургскій театръ. То и другое оказались давно уничтоженными. Я была одна, безпомощная, въ громадномъ городѣ, и отчаяніе овладѣло мною. Около моста стоялъ пароходъ и народъ торопился къ нему. Толпа на улицахъ меня пугала; на оставшіеся пенсы я купила кусокъ хлѣба и взяла билетъ на пароходъ. Мнѣ хотѣлось набраться немного силъ и въ уединеніи обдумать свое положеніе. Меня высадили на берегу, право не знаю гдѣ; было уже поздно; я сѣла подъ ближайшее дерево и вскорѣ заснула. Когда я проснулась утромъ, то солнце было уже высоко и птички пѣли. Я встала и пошла по берегу, потомъ вернулась назадъ. У меня не было никакой цѣли. Жизнь мнѣ постыла и я боялась свѣта. Что мнѣ было дѣлать? Со времени разлуки съ матерью я переносила много страданій, но меня поддерживала надежда; теперь и она исчезла. Мнѣ предстояла только голодная смерть, но она наступила-бы не скоро. Я вспомнила, что наши предки убивали своихъ дѣтей, чтобъ они не сдѣлались богоотступниками. Мнѣ казалось, что я имѣла право лишить себя жизни, ибо жить я не могла иначе, какъ предавшись позору и злу. Я пыталась молиться Богу, но и Онъ, казалось, меня покинулъ. Чѣмъ больше я думала, тѣмъ болѣе мною овладѣвало неудержимое влеченіе къ вѣчному спокойствію на днѣ рѣки. Такъ прошелъ цѣлый день. Когда солнце начало садиться, я почувствовала неожиданную силу исполнить свое намѣреніе. Вы знаете, что потомъ случилось. Онъ вамъ все разсказалъ. Я была не одна на свѣтѣ, онъ протянулъ мнѣ руку помощи и надежда снова проснулась въ моемъ сердцѣ.

Выслушавъ разсказъ Миры, м-съ Мейригъ молча ее поцѣловала.

Вечеромъ она передала ея разсказъ вкратцѣ Дерондѣ и прибавила въ видѣ заключенія:

- Она жемчужина и грязь къ ней не пристала.
- А что вы думаете о розыскѣ ея матери? спросилъ Деронда.
- О, ея мать должна быть хорошая женщина, отвѣчала рѣ-

шительно м-съ Мейрикъ, — иначе какъ-же-бы она могла остаться такой честной, имѣя негодяя отца? Я опасаясь, однакожь, что ея мать умерла.

Деронда былъ нѣсколько разочарованъ этимъ отвѣтомъ. Онъ сталъ убѣждать м-съ Мейрикъ, что гораздо благоразумнѣе не торопиться съ розыскомъ матери, тѣмъ болѣе, что это могло привести къ грустннмъ результатамъ, а онъ долженъ на нѣсколько мѣсяцевъ уѣхать за-границу и потому вся тяжесть, быть можетъ, неприятнаго дѣла могла-бы пасть на м-съ Мейрикъ, если она не откажется пріютить у себя несчастную дѣвушку.

— Я-бы очень огорчилась, если-бъ ее отъ меня отняли, сказала м-съ Мейрикъ; — она будетъ жить у меня въ комнатѣ Ганса.

— Но согласится-ли она ждать? спросилъ съ безпокойствомъ Деронда.

— Не бойтесь этого. Ея натура самая терпѣливая и поворная. Вы видите, какъ долго она повиновалась отцу, и сама не понимаетъ, какъ у нея хватило силъ убѣжать отъ него. Ея надежда найти мать туманна и неопредѣленна; она только твердо увѣрена, что, такъ или иначе, ея мать найдется, потому что въ ее спасли и мы обращаемся съ нею по-человѣчески.

Деронда вручилъ м-съ Мейрикъ небольшую сумму денегъ для покрытія расходовъ на Миру. М-съ Мейрикъ нашла ее достаточной до того времени, какъ Мира, по примѣру ея дочерей, вѣроятно, станетъ сама зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба. Не противорѣча м-съ Мейрикъ, Деронда, однакожь, выразилъ желаніе, чтобъ Мирѣ дали отдохнуть какъ можно дольше.

— Конечно, мы торопиться не станемъ, отвѣчала м-съ Мейрикъ; — будьте спокойны, мы ее не обидимъ. Дайте мнѣ вашъ адресъ и я васъ буду увѣдомлять о томъ, что здѣсь дѣлается. Несправедливо васъ оставлять въ невѣденіи о результатѣ вашего добраго дѣла. Къ тому-же мнѣ хотѣлось-бы увѣрить себя, что, ухаживая за Мирой, я дѣлаю что-нибудь и для васъ.

— Это совершенно справедливо. Безъ вашей помощи вчера я не зналъ-бы что дѣлать и Мира не была-бы спасена. Я скажу Гансу, что лучшее въ его дружбѣ — знакомство съ его матерью.

На этомъ разговоръ ихъ окончился и они вышли въ другую

комнату, гдѣ Мира спокойно слушала рассказы своихъ новыхъ подружекъ о Дерондѣ, его благородномъ поступкѣ съ ихъ братомъ и о приписываемыхъ ему Гансомъ добродѣтеляхъ.

— Кэти ставитъ свѣчи передъ его портретомъ, сказала Мабъ, — Эми призываетъ его имя на помощь во всякомъ затрудненіи, а я ношу на шеѣ его автографъ въ ладонѣхъ, какъ талисманъ. Теперь, когда онъ привезъ васъ къ намъ, мы должны сдѣлать еще что-нибудь необыкновенное въ его честь.

— Онъ, вѣроятно, слишкомъ важная особа, чтобъ нуждаться въ подобныхъ мелочахъ, сказала Мира съ улыбкой; — онъ, можетъ быть, стоитъ очень высоко въ свѣтѣ.

— Да, онъ гораздо выше насъ по положенію въ обществѣ, отвѣчала Эми: — его родственники важныя аристократы. Вѣроятно, онъ преклоняетъ голову на тѣхъ атласныхъ подушкахъ, которыя мы вышиваемъ.

— Я очень рада, что онъ знатный, замѣтила Мира съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ.

— Отчего? спросила Эми подозрительно.

— Потому, что я до сихъ поръ не любила важныхъ людей.

— О, м-ръ Деронда не такой ужъ важный, сказала Кэти: — онъ не помышляетъ намъ думать дурно обо всѣхъ лордахъ и баронахъ Англіи.

Когда Даниэль вошелъ въ комнату, Мира встала, бросивъ на него нѣжный взглядъ благодарности. Трудно было найти существо съ такимъ полнымъ отсутствіемъ излишней смѣлости и излишней робости. Ея сценическій опытъ не оставилъ на ней никакого слѣда и ея манеры, повидимому, не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ она девяти лѣтъ играла роль брошеннаго ребенка. Деронда чувствовалъ, что онъ видѣлъ передъ собою нѣчто совершенно новое, неизвѣстный ему женскій типъ. Онъ смотрѣлъ на нее и прислушивался къ ея словамъ, какъ-будто она принадлежала къ другой, совершенно различной отъ него расѣ.

Но по этой самой причинѣ онъ остался очень недолго у м-съ Мейрикъ; онъ инстинктивно удерживался отъ всего, что можно было принять за пошлое любопытство или притязаніе на право требовать откровенности отъ особы, которой онъ оказалъ услугу. Такъ, напримѣръ, ему очень хотѣлось услышать ея пѣніе, но выразить это желаніе было-бы слишкомъ грубо, такъ-

какъ она не могла ему отказать. Вообще онъ рѣшился окружить эту молодую дѣвушку самымъ строгимъ уваженіемъ. Отчего? Трудно было опредѣлить побуждавшее его чувство, но часто смутныя, неясныя ощущенія переходятъ мало-по-малу въ глубокую страсть, продолжающуюся всю жизнь.

Черезъ нѣсколько дней Деронда простился съ обитательницами скромнаго домика въ Челси и отправился на два мѣсяца въ Лейбронъ съ сэромъ Гюго и леди Малинджеръ.

Онъ разсказалъ имъ исторію Миры. Баронетъ выразилъ желаніе, что лучше было не отыскивать ея матери и брата. Леди Малинджеръ очень заинтересовалась бѣдной молодой дѣвушкой и, упомянувъ о существованіи общества для крещенія евреевъ, выразила надежду, что Мира приметъ христіанство; но замѣтивъ улыбку сэра Гюго, замолчала, боясь, что сказала глупость. Она вообще считала себя очень ограниченнымъ и слабымъ созданіемъ, особенно въ виду постоянного рожденія дочерей, вмѣсто желаемаго мужья сына. Въ минуты смущенія она обыкновенно говорила себѣ: „я спрошу Даниеля“. Такимъ образомъ Деронда былъ необходимымъ членомъ семейства, и сэръ Гюго мало-по-малу пришелъ къ заключенію, что всего лучше было держать этого подставнаго сына постоянно при себѣ.

Вотъ все, что можно сказать о жизни Деронды до того времени, когда онъ увидалъ Гвендолину Гарлетъ въ Лейбронъ за игорнымъ столомъ.

(Продолженіе будетъ.)

РОБЕРТЪ БЁРНСЪ.

(Шотландскій народный поэтъ.)

I.

Въ ряду тѣхъ немногихъ европейскихъ именъ, которыя, благодаря своему гению и необыкновеннымъ усиліямъ, пробились изъ народной среды къ литературной дѣятельности и славѣ, имя Роберта Бернса пользуется вполнѣ заслуженной извѣстностію. Около ста лѣтъ прошло послѣ его смерти, а память о немъ такъ-же свѣжа въ Шотландіи, какъ и во время его жизни; надъ его могилой давно поставленъ великолѣпный мавзолей, его пѣсни, полныя тоски, отчаянія и глубокой ироніи, сдѣлались достояніемъ народа; онѣ проникли во всѣ сословія и уголки Шотландіи и далеко распространились за предѣлы отечества Бернса. Ихъ поетъ пастухъ Австраліи и Новой Зеландіи, рудокопъ Калифорніи и Колумбіи, колоннестъ и матросъ Америки; онѣ служатъ настольною книгой для шотландскаго фермера и англійскаго лорда.

Но нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, и современники Бернса составили ему на-долго самую печальную репутацію. Рутинная и фарисейская нравственность, которую онъ такъ безпощадно разоблачалъ въ своихъ сатирахъ, записала его въ число *погибшихъ*. Дѣйствительно, Бернсъ имѣлъ много недостатковъ и даже совершилъ много проступковъ, но онъ всегда дѣйствовалъ откровенно, не прибѣгая ни къ іезуитскимъ маневрамъ, ни къ лицемерію тѣхъ ханжей, надъ которыми онъ такъ весело и ядовито подсмѣивался. Вотъ этой-то откровенности и особенно его злого смѣха не могли простить ему въ сущности гораздо болѣе, чѣмъ онъ, порочные,

но съ виду самые добродѣтельные его современники. „Я ненавижу, говорилъ Бернсъ,—не слабости и пороки людей, а то глубоко-развращающее фарисейство, которое прикрываетъ маской добродѣтели свою внутреннюю грязь“. Фарисеи приводили Бернса въ какое-то бѣшенство, и онъ съ торжествующимъ злорадствомъ представлялъ себя въ глазахъ ихъ несравненно хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ самъ охарактеризовалъ себя въ одной изъ замѣтокъ своей памятной книжки: „Думаю, писалъ онъ въ апрѣлѣ 1783 года,—что всѣхъ молодыхъ людей можно раздѣлить на двѣ категоріи: на разсудительныхъ и на легкомысленныхъ. Разсудительными я называю тѣхъ, идеалъ которыхъ заключается въ возможно большей наживѣ денегъ и въ желаніи играть въ своемъ околудѣ почетную роль. Легкомысленными я назову рѣшительно всѣхъ молодыхъ людей съ безкорыстными стремленіями и съ жаждою наслажденій,—тѣхъ, кто съ беззаботною веселостію переноситъ свою бѣдность и не кладетъ къ ногамъ золотого тельца святого чувства независимости“.

Таковъ и былъ, дѣйствительно, Бернсъ. Онъ родился и умеръ бѣднякомъ, онъ всю жизнь рвался къ свободѣ, считая ее идеаломъ человѣческаго счастья; онъ увлекался и разочаровывался, боролся и падалъ, но никогда, и въ самомъ паденіи своемъ, не терялъ ни пламенной вѣры въ лучшее будущее человѣчества, ни цѣли своего призванія, какъ поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что съ точки зрѣнія солиднаго, добродѣтельнаго, растолстѣвшаго и до скуки пошлаго фермера и моралиста, онъ былъ ни на что негодный человѣкъ; у него не было ни амбаровъ, полныхъ хлѣба, ни домотой обстановки, ни практическаго такта, ни той *порядочности*, которою отличались окружавшіе его фарисеи; но если-бъ онъ все это имѣлъ, тогда не было-бы ни пѣсень Бернса, ни его горячей любознательности, ни его искренняго негодованія и подавляющей ироніи, и онъ прошелъ-бы незамѣтно и безслѣдно, какъ тысячи тысячъ современныхъ ему добродѣтельныхъ посредственностей. Въ его мозгу не отпечатались-бы ни тѣ потрясающія картины человѣческаго несчастія и паденія, ни тѣ комичныя картины фарисейской морали и тайнаго разврата, которыя цѣликомъ перешли въ его лучшія произведенія.

Главное значеніе Бернса, какъ поэта, заключается въ его безискусственномъ и искреннемъ отношеніи къ той темной народной

жизни, которая была предметомъ и его вдохновенія, и его личныхъ страданій. Онъ созерцалъ эту жизнь не изъ прекраснаго далека, подобно другимъ поэтамъ, она вдохновляла его не какъ присяжнаго поклонника музъ, а какъ человѣка, непосредственно участвовавшего въ ней, на себѣ самомъ испытавшаго всѣ ея невзгоды и лишения. Когда Бернсъ рисуетъ намъ печальную картину бѣдной матери, склонившейся надъ колыбелью умирающаго отъ голода ребенка, — матери, которая жметъ свою исхудалую грудь, чтобы выжать изъ нея хоть каплю молока, вы чувствуете, что это не кабинетная фантазія поэта, а горькая дѣйствительность, которую онъ наблюдалъ собственными глазами. Изъ отрывковъ его памятной книжки читатель увидить, до какой степени онъ глубоко заглядывалъ въ народную душу и какъ правдиво передавалъ ежедневныя впечатлѣнія окружающаго его міра! Все задавленное нуждой, все обиженное и отверженное находило въ немъ самое горячее сочувствіе, но онъ не идеализировалъ, не прикрашивалъ народныхъ страданій, а относился къ нимъ, какъ мыслитель и критикъ. Онъ понималъ, что ложными слезами не поможешь злу, не смоешь его съ челоуѣчества, и потому, не унижаясь до пошлой лести передъ сильнымъ, онъ не рабствовалъ и передъ слабымъ. Такъ, выставляя на видъ нравственное паденіе „бродячей сволочи“, онъ бичуетъ своей сатирой тѣхъ самодовольныхъ глупцовъ, которые презираютъ ее, но онъ иронизируетъ и надъ этой *сволочью*, которая покорно опускаетъ руки передъ подавляющимъ ее несчастьемъ.

Но если главная сила поэзіи Бернса заключается въ глубокой правдѣ содержанія, то главная прелесть формы ея — задушевная простота и искренность его гуманнаго, добраго, всепрощающаго чувства. Онъ не поддѣлываетъ своихъ поэтическихъ экстазовъ, не ищетъ своихъ сюжетовъ въ чемъ-то далекомъ, недостижимомъ, — онъ беретъ ихъ изъ источника самой жизни, той жизни, которою онъ самъ живетъ. Что ежедневно попадаетъ ему на глаза — радость и горе совершенно не героическихъ личностей, любовь, надежды, опасенія и разочарованія какихъ-нибудь поденщиковъ и работницъ, — однимъ словомъ, жалкая будничная жизнь служить для него постоянной вдохновляющей темой. Онъ всегда, во всемъ просто и естественъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ то порывистъ, то граціозенъ. Описанія его очень наглядны; они такъ живо представляютъ картину, ко-

тору онъ хочетъ изобразить, что читатель проникается одной мыслию и однимъ чувствомъ съ поэтомъ. Эту черту приписывали его необыкновенному искусству выраженія тѣхъ образовъ, которые создавались въ его воображеніи. Иногда естественный тонъ его переходитъ въ патетическій, но это не мѣшаетъ ему быть въ то же время мыслителемъ, хотя самъ онъ не признавалъ въ себѣ этого качества и считалъ себя только мечтателемъ и пѣснопѣцемъ. Эти два свойства: умѣнье мыслить и умѣнье выражать свою мысль, и создали того *Эйрширскаго барда*, который до сихъ поръ остается самымъ любимымъ поэтомъ Шотландіи.

Робертъ Бернсъ родился 25 января 1759 года, въ скромной шотландской хижинѣ въ Эйрширскомъ княжествѣ, на берегу рѣчки Дунъ. Отецъ его, Вильямъ Бернсъ, пришелъ на берега Дуна съ сѣвера, изъ Кинкординшира, гдѣ всѣ его предки отличались свободолубіемъ и нѣсколько мятежническимъ духомъ.

Надо замѣтить, что исторія Шотландіи представляла собой, съ самыхъ отдаленныхъ временъ и почти до половины прошлаго столѣтія, цѣлый рядъ кровавыхъ возстаній и постоянную борьбу народа за его независимость отъ англійскаго деспотизма. Болѣе населенная и могущественная Англія всегда стремилась подчинить себѣ Шотландію и обратить ее въ одно изъ своихъ княжествъ. Но Шотландія не уступала. И если какой-нибудь шотландскій король принималъ унижительную зависимость и подчиненіе англійской коронѣ, народъ называлъ его предателемъ, отдѣлывался отъ него, и, поголовно возставъ, прогонялъ своихъ поработителей. Это повторялось въ шотландской исторіи безчисленное множество разъ и выработало въ народѣ духъ оппозиціи, твердость характера, доходящую до желѣзнаго упорства.

Національная фізіономія шотландскаго народа стала формироваться, какъ опредѣленный типъ, со времени реформаціи, т. е. со времени вступленія на англійскій престолъ Маріи Тюдоръ (въ 1553 году.) Реформація была занесена въ Шотландію бѣжавшими отъ преслѣдованій кровожадной Маріи Тюдоръ англичанами. Марія Тюдоръ (дочь Генриха VIII и Катерины Арагонской), какъ извѣстно, жгла протестантовъ на кострахъ, четвертовала ихъ и въ-

шала. Шотландія во время ея царствованія была еще независимыиъ королевствомъ и давала приютъ несчастнымъ бѣглецамъ.

Бѣглецы занесли въ нее новые религіозные догматы, за которые страстно ухватился шотландскій народъ. Народное самосознаніе стало все болѣе и болѣе пробуждаться. Къ политической борьбѣ присоединилась еще и религіозная. Приверженцы старой вѣры и пионеры новой выступили другъ противъ друга яркими врагами. Тутъ еще рѣзче, чѣмъ когда-либо, раздѣлились сословія. Лорды-феодалы, постоянно старавшіеся то хитростью, то силой заставить народъ свой признать надъ собою господство Англіи, оказались защитниками католичества; народъ-же, закусивъ удила, подъ начальствомъ своего сильнаго и безстрашнаго реформатора Джона Нокса, все большими и большими массами примыкалъ къ религіозной реформѣ. Но исконная ненависть шотландцевъ къ англичанамъ, къ Генриху VIII и ко всѣмъ его реформамъ, заставила ихъ отвергнуть англиканскую религіозную реформу и применить къ ученію Кальвина. Такимъ образомъ, Шотландія храбро отстояла свои права молиться такъ, какъ ей хотѣлось; но она была менѣе счастлива въ своей политической борьбѣ. При Яковѣ I, сынѣ Маріи Стюартъ, она естественно была присоединена къ Англіи, такъ-какъ Яковъ былъ прямой и единственный наслѣдникъ обѣихъ коронъ.

Съ этого времени борьбу Шотландіи за независимость можно собственно считать оконченною, хотя и были попытки возобновить ее. Сильная Англія крѣпко держала въ рукахъ свою безпокойную сосѣдку и не была очень разборчива въ средствахъ, когда нужно было ее усмирять. Послѣ послѣднихъ неудачныхъ попытокъ къ освобожденію въ концѣ XVII столѣтія, и въ особенности послѣ возстаній въ началѣ и срединѣ XVIII столѣтія для водворенія на шотландскомъ престолѣ снова дома Стюартовъ, независимо отъ англійской короны, — попытокъ, которыя ни къ чему не привели и только заставили напрасно пролить много шотландской крови, — Шотландія не поднимала больше вопроса о своемъ освобожденіи и сосредоточила всѣ свои силы на улучшеніи своего внутренняго экономическаго быта.

Въ этихъ-то именно послѣднихъ возстаніяхъ и принимали участіе дѣдъ, дядя и отецъ Бернса. Семья Бернсовъ въ это время лишилась всего и разбрелась по разнымъ городамъ Шотландіи,

отыскивая себѣ насущное пропитаніе. Отецъ Бернса, участвовавшій въ возстаніи 1745 года, долженъ былъ навсегда оставить мѣсто своего рожденія. Онъ пріѣхалъ въ Эдинбургъ, гдѣ былъ сперва поденщикомъ, а потомъ садовникомъ. Работа давалась ему не легко; наконецъ, онъ поступилъ на постоянное мѣсто къ одному большому поземельному собственнику Эйршира. Онъ пробылъ у него нѣсколько лѣтъ, потомъ перешелъ на другое мѣсто, и, наконецъ, взялъ въ аренду семь акровъ земли, на рѣчкѣ Дунъ, съ цѣлью разводить цвѣты и овощи и продавать ихъ на ближайшемъ рынкѣ. Здѣсь онъ построилъ себѣ небольшую земляную избушку и поселился въ ней съ своей молодой женой Агнессой Браунъ. Это было уже въ 1757 году; черезъ два года у нихъ родился первый ребенокъ — Робертъ.

Старикъ Бернсъ былъ человѣкъ далеко не дюжинный. Самъ повѣ въ автобіографическомъ письмѣ, къ которому мы впоследствии возвратимся, адресованномъ, въ 1787 году, къ одному изъ его пріятелей и покровителей, доктору Муру, говорить о своемъ отцѣ слѣдующее: „Мой отецъ былъ сынъ довольно зажиточнаго фермера сѣверной Шотландіи. Послѣ всевозможныхъ политическихъ смуть и переворотовъ онъ долженъ былъ изъ-за насущнаго куска хлѣба скитаться съ мѣста на мѣсто. Столкновенія съ людьми развили въ немъ большую наблюдательность и опытность. Я мало встрѣчалъ людей, которые-бы такъ хорошо знали человѣчество, со всѣми его привычками и недостатками, какъ мой отецъ. Самъ же онъ былъ человѣкъ прямой и неподкупной честности, но вмѣстѣ съ тѣмъ страшно вспыльчивый, такъ что ужиться съ людьми онъ не могъ, и поэтому я родился сыномъ очень бѣднаго работника“. Несмотря, однакожь, на свою крайнюю бѣдность, Вильямъ Бернсъ понималъ цѣну образованія и считалъ его лучшимъ залогомъ личнаго счастья своихъ дѣтей. Съ малыхъ лѣтъ онъ сталъ учить ихъ, сперва самъ, потомъ посылалъ ихъ въ частную школу. Онъ не останавливался ни передъ какими лишеніями и жертвами, лишь-бы дать дѣтямъ хорошее образованіе. Онъ вставалъ вмѣстѣ съ зарей и ложился поздней ночью, чтобы заработать лишній грошъ на книги для дѣтей и на плату учителю.

Не одинъ старикъ Бернсъ придавалъ такое значеніе образованію. Исторія его развитія въ Шотландіи весьма любопытна. Послѣ окончанія войны за независимость вмѣстѣ съ соціально-эконо-

мическимъ прогрессомъ пробудилась и потребность народнаго образованія. Въ половинѣ XVIII столѣтія, когда не только въ Англіи, но и на всемъ континентѣ народъ былъ еще совершенно безграмотенъ, въ Шотландіи сплошь и рядомъ можно было встрѣтить людей, умѣющихъ читать, писать и немного знающихъ арифметику. Подъ довольно неотесанной наружностью шотландцевъ и подъ ихъ нѣсколько грубоватымъ нарѣчіемъ скрывались весьма порядочныя знанія, особенно для того времени, и чрезвычайная любознательность. Можно считать, что первые зачатки народнаго образованія были положены Яковомъ VI. Декретомъ отъ 10 декабря 1616 года, выработаннымъ въ его тайномъ совѣтѣ, повелѣвалось: „всѣмъ епископамъ королевства Шотландіи *входитъ въ переговоры и соглашенія* какъ съ помѣщиками, такъ и съ крестьянами *для учрежденія и приличнаго содержанія* въ каждомъ приходѣ народной школы“. Этотъ декретъ былъ подтвержденъ и Карломъ I въ 1633 году, и къ нему еще былъ прибавленъ пунктъ, уполномочивавшій епископовъ наложить на *каждый плугъ* (т. е. на каждую ферму) извѣстный налогъ для учрежденія и поддержанія въ приличномъ видѣ народныхъ школъ. Налогъ этотъ епископы должны были установить съ согласія окружныхъ помѣщиковъ или-же, за ихъ отказомъ, принять участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, съ согласія *большинства* жителей ихъ епархій. Къ сожалѣнію, эта мѣра принесла мало пользы; епископы обращались преимущественно къ помѣщикамъ, а помѣщики, считая образованіе для народа скорѣе роскошью, чѣмъ насущною потребностью, вовсе и не думали о немъ.

Во время междуцарствія (т. е. въ революцію Кромвеля и послѣ казни Карла I) парламентъ издалъ новый декретъ, въ которомъ помѣщикамъ вмѣнялось въ *непрелѣнную обязанность* предоставить каждому приходскому священнику извѣстную, опредѣленную парламентомъ, сумму денегъ для учрежденія въ его приходѣ народной школы, „*бесплатно доступной для дѣтей бѣднѣйшихъ земледѣльцевъ*“. Въ томъ-же декретѣ имъ повелѣвалось озаботиться о пріисканіи порядочныхъ учителей для школъ и обзакуратной уплатѣ назначеннаго имъ жалованья.

Этотъ парламентскій декретъ былъ уничтоженъ въ 1660 году Карломъ II, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ изданъ во времена междуцарствія и не скрѣпленъ королевскою властью.

Впродолженіи остального царствованія его народныя школы пришли въ упадокъ, но въ концѣ XVII столѣтія парламентъ снова поднялъ этотъ вопросъ и окончательно выработалъ и утвердилъ уставъ о народномъ образованіи. Былъ установленъ небольшой поземельный налогъ на поддержаніе *школъ* и *приходскихъ церквей*, для своевременнаго сбора котораго были назначены особые комитеты.

Послѣ парламентскаго декрета 1696 года за дѣло народнаго образованія взялись весьма энергично и сочувственно. Школы открылись во всѣхъ 877 приходахъ. Въ 1709 году общество *христіанской пропаганды* пожертвовало на школы очень значительную сумму; въ 1715 году великобританскій соединенный парламентъ ассигновалъ двѣ тысячи фунтовъ стерлинговъ на увеличеніе запаснаго капитала шотландскихъ народныхъ школъ. Скоро потребность образованія возросла до такой степени, что вся Шотландія покрылась, рядомъ съ правительственными, и частными школами. Въ одной изъ нихъ воспитывался Бернсъ. Въ эпоху, когда онъ родился, народное образованіе шотландцевъ стояло на первомъ планѣ въ Европѣ. Земледѣліе процвѣтало; уровень нравственности былъ неизмѣримо выше другихъ государствъ; преступленія сильно уменьшились. Въ предисловіи своихъ комментариевъ къ законамъ Шотландіи *Юмъ*, между прочимъ, говоритъ: „мы можемъ положительно утверждать безъ всякаго преувеличенія, что за эти послѣднія тридцать лѣтъ въ Шотландіи нельзя считать болѣе пяти, шести смертныхъ приговоровъ въ годъ за грабежъ и разбой, между тѣмъ какъ судъ одного города Манчестера посылаетъ на висѣлицу въ одну четверть своихъ засѣданій вдвое больше преступниковъ, и это происходитъ оттого, что шотландскій народъ по образованію стоитъ несравненно выше англійскаго...“

Образовательная реформа шла въ Шотландіи рука объ руку съ реформой религіозной. Протестантскіе проповѣдники, замѣнявшіе католическихъ патеровъ, съ фанатизмомъ, свойственнымъ людямъ новаго культа, взялись за ревностное выполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, въ числѣ которыхъ было и наблюденіе за учителями въ народныхъ школахъ. Въ учителя большею частію поступали молодые кандидаты изъ будущихъ пасторовъ. Отъ пасторовъ требовались очень солидныя знанія, и потому между учите-

лями было много людей образованныхъ. Они умѣли возбудить въ шотландскомъ народѣ такую любознательность, что даже фермеры и простые работники лишали себя нѣкоторыхъ матеріальныхъ удобствъ, лишь-бы сыновья ихъ имѣли возможность получить не только общее образованіе, но и классическое. Общее образованіе стоило въ тѣ времена приблизительно шесть шиллинговъ въ годъ; классическое вдвое дороже.

Первыя шесть или семь лѣтъ своей жизни Робертъ Бернсъ провелъ въ той убогой избенкѣ, гдѣ родился. Наконецъ, отецъ его собрался съ средствами и арендовалъ по сосѣдству маленькую ферму. Но почва оказалась совершенно неплодной, и несчастное семейство бѣдствовало. Недостатки и лишения, однакожь, не помѣшали Бернсу посылать двухъ старшихъ сыновей въ школу. Уже съ шести и пяти лѣтъ они ходили въ приходское училище, гдѣ училъ приходскій пасторъ. Но пасторъ скоро былъ назначенъ въ болѣе почетный приходъ, и тогда старикъ Бернсъ не хотѣлъ больше посылать сыновей въ приходскую школу. Онъ уговорилъ нѣсколько ближайшихъ фермеровъ сложиться и нанять своего учителя. Учителемъ постушилъ къ нимъ молодой человекъ, по имени мистеръ Мордошъ, который жилъ у Бернса на всемъ готовомъ и получалъ скудное вознагражденіе. Мистеръ Мордошъ чрезвычайно полюбилъ дѣтей, но еще больше полюбилъ старика, считая его идеаломъ человека и семьянина. Дѣтей онъ училъ чтенію, письму, арифметикѣ и грамматикѣ, но отецъ никогда не допускалъ, чтобы дѣти учились чему-либо безсознательно, механически. Поэтому онъ постоянно говорилъ съ ними о новопріобрѣтенныхъ познаніяхъ и объяснялъ имъ непонятныя имъ вопросы. Такимъ образомъ дѣти его, Робертъ и Джильбертъ, съ малыхъ лѣтъ привыкли мыслить и отдавать себѣ отчетъ во всемъ, что слышали и видѣли.

Изъ двухъ братьевъ всѣ окружающіе предполагали въ меньшомъ, Джильбертѣ, болѣе задатковъ стать когда-либо литераторомъ или поэтомъ, чѣмъ въ Робертѣ. Джильбертъ былъ веселый, остроумный, шаловливый и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковый мальчикъ, между тѣмъ какъ старшій братъ его былъ задумчивъ, меланхоличенъ и даже угрюмъ. Только временами на него находили минуты бѣшенно-веселости. Замѣчательно, что ритмъ псалмопѣнія положительно не давался ему; онъ, подобравшій впоследствии такое множество прекрасныхъ пѣсенъ къ мелодіямъ, съ малыхъ лѣтъ не могъ про-

пѣть вѣрно ни одного псалма. Въ дѣтствѣ онъ до страсти любилъ сказки съ колдовствомъ, превращеніями, мертвецами и чертями. Читая или слушая ихъ, онъ доходилъ до какого-то тупого, *идіотическаго*, какъ онъ потомъ самъ говорилъ, энтузіазма.

„Близкіимъ знакомствомъ со всевозможными сказками, писалъ онъ,—я обязанъ старухѣ Бетти Дэвидсонъ, которая много лѣтъ прожила въ нашей семьѣ. Старуха эта по-истинѣ была замѣчательна своимъ невѣжествомъ, легковѣріемъ и суевѣріемъ. У нея была едва-ли не самая полная колекція разныхъ сказаній и пѣсенъ о чертяхъ, привидѣніяхъ, вѣдьмахъ, колдунахъ, лѣшихъ, домовыхъ, русалкахъ, мертвецахъ, великанахъ, заколдованныхъ замкахъ и тому подобномъ вздорѣ. Чтеніе всѣхъ этихъ небылицъ возбуждало мое воображеніе и до сихъ поръ (т. е. до двадцати восьми лѣтъ, когда Бернсъ писалъ эти замѣтки) они нагоняютъ на меня иногда невольный ужасъ. Въ моихъ ночныхъ прогулкахъ я иногда боязливо оглядываюсь и прислушиваюсь, хотя врядъ-ли есть на свѣтѣ человѣкъ, менѣе меня вѣрящій во всю эту чепуху“.

Но все-же *чепуха* эта оставила глубокой слѣдъ на Бернсѣ. Продолженіи всей своей поэтической карьеры онъ иногда возвращался къ ней и создавалъ дикія, странныя и въ то-же время чудесныя фантазіи. Фантазію онъ унаслѣдовалъ отъ матери, точно такъ-же, какъ и наружность. Агнесса Браунъ была женщина замѣчательной красоты, съ большими черными глазами, отличавшаяся благородствомъ манеръ и страшно любившая баллады и пѣсни. Она пѣла ихъ или декламировала Роберту, и слухъ его съ дѣтства привыкъ къ стихотворному ритму. Кромѣ азбуки, библіи, грамматики, первыми книгами Бернса были: „Сборникъ“ Мэзона, состоящій изъ отрывковъ прозы и стиховъ, „Жизнь Ганнибала“, „Видѣнія Мирзы“, „Пѣсни“ Адисона и „Исторія жизни сэра Вильяма Валласа“, знаменитаго народнаго вождя во время возстанія Шотландіи въ XIII-мъ вѣкѣ.

Среди этой скромной крестьянской обстановки жизнь Бернсовъ на фермѣ была крайне уединенная. Дѣти росли безъ товарищей, внѣ всякаго общества. Учитель скоро оставилъ ихъ для болѣе выгоднаго мѣста и тогда дѣтей училъ самъ отецъ, въ зимніе вечера при свѣтѣ сальной свѣчки, такъ-какъ днемъ они должны были помогать ему въ его работахъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Дѣти уже хорошо усвоили элементарныя знанія школьнаго уче-

нія. Когда Роберту Бернсу наступилъ четырнадцатый годъ, отецъ его очутился въ крайне стѣсненномъ положеніи; собственникъ фермы умеръ, наследники передали всѣ дѣла управляющему. За Бернсомъ оказались недоимки. Бѣдная семья надрывалась надъ работой, чтобы расквитаться съ долгомъ, но управляющій все болѣе и болѣе осаждалъ ее. Четырнадцати-лѣтній мальчикъ Робертъ долженъ былъ работать, какъ взрослый человекъ. Онъ не доѣдалъ, не досыпалъ, и выбивался изъ силъ, чтобы помочь своему отцу. Этотъ періодъ его жизни, безъ сомнѣнія, повліялъ на все его будущее. Въ немъ развилась гордость бѣдняка, сознающая, какъ трудно достается ему кусокъ хлѣба, и страстное стремленіе къ независимости. Трудъ, вѣчный трудъ, не разгибая спины, и такіе-же вѣчные недостатки, перебиванье впроголодь и дерзкіе угрозы управляющаго съ обѣщаніемъ выгнать „нищихъ“, если они не заплатятъ въ срокъ деньги, и рядомъ съ этимъ жажда знаній, развитія и неизбежность мускульнаго труда до изнеможенія— все это не могло не повліять на юношу, не развить въ немъ того болѣзненнаго раздраженія, той нервной впечатлительности, которыя остались присущи его нравственному темпераменту на всю жизнь. Иногда имъ овладѣвало такое отчаяніе, что онъ готовъ былъ заглушить его первымъ юнавшимся одуряющимъ кутежемъ; но тогда онъ былъ еще подъ строгимъ надзоромъ отца и долженъ былъ подавлять свое отчаяніе въ самомъ себѣ. Онъ проводилъ бессонныя ночи, среди тревожныхъ сомнѣній и вопросовъ, волновавшихъ его юношеское воображеніе: онъ спрашивалъ себя: отчего на свѣтѣ все устроено по какому-то дикому произволу? Отчего тунеедецъ, имѣющій всѣ средства для своего умственнаго развитія, коснѣеть въ праздности, а онъ, бѣдный Робертъ, жаждущій знаній и готовый жертвовать всѣми своими силами для удовлетворенія этой жажды, все-таки не можетъ и мечтать объ осуществленіи своихъ стремленій? Онъ мучился надъ разрѣшеніемъ этихъ и подобныхъ имъ вопросовъ, онъ добывался разъясненія ихъ отъ друзей и товарищей, но никто изъ окружающихъ его не могъ дать ему успокоительнаго отвѣта; всѣ констатировала только существующій фактъ. Тогда Бернсъ остановился на мысли, что его плохое образованіе, его невѣжество не позволяютъ ему понимать самыхъ простыхъ вещей; онъ всей душой рвался учиться, набираться познаній, чтобы разсѣять мракъ и путаницу осаждавшихъ

его сомнѣній; но отецъ его былъ уже старъ и часто прихварывалъ, такъ что не могъ исполнять трудныя полевныя работы, а братъ былъ нѣженъ по тѣлосложенію, — и вотъ Робертъ вмѣсто книгъ снова принимался за плугъ и косу, утѣшая себя мыслью, что только имъ однимъ и держится вся семья. А семью свою онъ всегда любилъ, въ трудную пору онъ не жалѣлъ для нея своихъ силъ, а во время хорошихъ заработковъ отдавалъ почти все, что пріобрѣталъ. До шестнадцати лѣтъ у Бернса рѣшительно не было свободнаго дня, чтобы посвятить его умственному труду; и только теперь, въ награду за труды сына, отецъ послалъ его на три недѣли послѣ жатвы опять къ прежнему учителю, мистеру Мордошу, который былъ въ то время учителемъ въ мѣстечкѣ Эйрѣ. Робертъ еще разъ повторилъ грамматику и занялся немножко французскимъ языкомъ. Въ это-же лѣто Бернсъ въ первый разъ влюбился и написалъ свои первые стихи.

„Вы, безъ сомнѣнія, знаете, говоритъ онъ въ томъ-же письмѣ къ доктору Муру, — нашъ обычай давать парню, во время жатвы, въ помощницы дѣвушку. На шестнадцатомъ году моей жизни помощницей у меня была очаровательная дѣвушка, немного моложе меня. Я не довольно хорошо знаю англійскій языкъ, чтобы передать на немъ всю ея прелесть, но на нашемъ нарѣчій я скажу, что она была „a bonnie, sweet, sensie lassie (прелестная, нѣжная, веселая дѣвушка.) Сама того не зная, она впервые заставила сердце мое забиться и, вопреки педантической осторожности и холодной философіи, впервые познакомила меня съ тѣмъ благотворнымъ чувствомъ, которое согрѣваетъ и озаряетъ человѣческое существованіе. И въ голову мнѣ не приходило говорить ей о любви, но я чувствовалъ себя вполне счастливымъ, когда мы возвращались вечеромъ съ работы рука объ руку. При звукѣ ея голоса всѣ струны моего сердца дрожали, какъ золова арфа. При всѣхъ другихъ чарующихъ свойствахъ, она обладала прелестнымъ голосомъ. Она любила пѣть и пѣла хорошо, и я сталъ слагать для нея пѣсни. Конечно, мнѣ и въ голову не приходило, чтобы пѣсни мои имѣли какое-нибудь достоинство и хотя нѣсколько походили на пѣсни, сочиненныя людьми, знающими по-гречески и по-латыни; но я слышалъ, что сынъ какого-то мелкаго джентри, влюбившись въ работницу, служившую у его отца, написалъ ей стихи; послѣ этого и я рѣшился сочинить стихи моей возлюбленной...“

Первымъ стихотворнымъ произведеніемъ Бернса была пѣсенка, сочиненная для этой хорошенькой дѣвушки, подѣ названіемъ „Красавица Нелли“.

„Я не думалъ, что сдѣлаюсь поэтомъ, говорить онъ въ своей памятной книжкѣ (августъ 1783 года),—до тѣхъ поръ, пока не влюбился. Но тутъ чувство мое заговорило такъ сильно, что я сталъ выражать его стихотворнымъ ритмомъ. Я очень люблю мою первую пѣсенку, хотя по исполненію она грѣшитъ во многомъ. Но она дорога мнѣ по воспоминанію: я написалъ ее въ такую пору моей жизни, когда сердце мое было еще непорочно и переполнено честными, добрыми стремленіями, когда я еще не имѣлъ понятія о глубокой развращенности бѣднаго человѣчества“.

Труды Роберта и лишенія семьи Бернсовъ не привели, однако, къ счастливымъ результатамъ: арендный контрактъ былъ уничтоженъ управляющимъ за просрочку уплаты и семья должна была искать себѣ другого пріюта. Бернсы переселились на ферму Лоплеа, въ приходѣ Торболтопъ. Робертъ и Джильбертъ поступили къ отцу въ работники: онъ платилъ имъ по семи фунтовъ стерлинговъ въ годъ жалованья. Молодость брака свое; несмотря на труды и недостатки, Бернсъ съ удовольствіемъ всегда вспоминалъ объ этомъ періодѣ своей жизни. Съ одной стороны, дѣла отца пошли немного успѣшнѣе и семья надѣялась поправиться; съ другой—Бернсъ увлекся пробудившимся въ немъ чувствомъ любви. Онъ искалъ постоянныхъ романическихъ приключеній, и въ этомъ отношеніи составилъ себѣ довольно громкую извѣстность въ окологдѣ. Юноши повѣряли ему свои любовныя тайны и избирали его въ свои товарищи. Въ то-же время онъ пристрастился и къ танцамъ.

Строгому и суровому кальвинизму не удалось уничтожить въ шотландцахъ любви къ танцамъ и къ музыкѣ. Несмотря на злѣйшую борьбу, поднятую противъ нихъ его фанатическими представителями, любовь къ музыкѣ или къ мелодіи съ давнихъ временъ и до сихъ поръ составляетъ одну изъ характеристическихъ особенностей шотландскаго народа, и, вѣроятно, беретъ свое начало въ безчисленномъ множествѣ ихъ національныхъ пѣсень, переходящихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Особенно богата шотландская народная поэзія любовными пѣснями. Онѣ прелестны по своей простотѣ и скорѣе по вѣжности, чѣмъ по страстности своего содержанія.

Въ нихъ много романтической идеальности. Онѣ развили въ народѣ мечтательность и стремленіе къ поэтической обстановкѣ въ любовныхъ приключеніяхъ. Молодой земледѣлецъ, кончая свой трудъ, отправляется на свиданіе съ своей милой. Онѣ долго бродить подѣ окнами ея жилища и подаетъ ей нѣсколько раз условленный знакъ прежде, чѣмъ своенравная красавица соблаговолить выйти къ нему на свиданіе. Она выходитъ къ нему тайкомъ, старается, чтобъ этого не замѣтили ея близкіе, и гдѣ-нибудь въ сторонѣ выслушиваетъ признаніе своего обожателя. Мы найдемъ у Бернса нѣсколько прелестныхъ пѣсенокъ, воспѣвающихъ эти романтическія свиданія. Въ нихъ онѣ мастеръ своего дѣла: молодость его была преисполнена подобными приключеніями. Но шотландскій юноша былъ далекъ отъ грязнаго разврата; онѣ довольствовался любовной идиліей и рѣдко заходилъ за предѣлы благоразумія. Случаи соблазна или прелюбодѣянія были рѣдки, возбуждали всеобщее негодованіе и влекли за собой страшную кару, доходившую даже до смертной казни.

Особенно строго наказывалась въ этихъ случаяхъ женщина. Провинившуюся приводили предѣ церковное судилище, публично позорили передѣ всеѣмъ приходомъ, выставляли на видѣ ея безнравственность, позволяли себѣ дѣлать ей публично самыя грубые вопросы и оскорбленія, и духовныя лица отрѣшали ее на болѣе или менѣе долгій срокъ отъ церкви или-же приговаривали нѣсколько воскресеній подѣ-рядѣ сидѣть во время богослуженія на скамьѣ кающихся. Мужчины подвергались тѣмъ-же публичнымъ посрамленіямъ, но переносить эту кару было имѣ несравненно легче, чѣмъ женщинамъ, — общественное мнѣніе относилось къ послѣднимъ гораздо строже.

Такія жестокости породили очень своеобразную форму брака, которая и до сихъ порѣ еще существуетъ въ Шотландіи. Шотландскіе законы, съ одной стороны, карая прелюбодѣяніе, съ другой — дали ему лазейку къ выходу. Шотландскіе законы о бракѣ признали бракъ дѣйствительнымъ, если лица, желающія считаться мужемъ и женой, своевременно заявятъ объ этомъ извѣстному числу свидѣтелей. Они сами должны назначить, съ котораго числа они желаютъ считать себя супругами, и дѣти, родившіяся отъ нихъ не ранѣе установленнаго закономъ срока, признаются законнорожжденными. Впрочемъ, относительно дѣтей въ Шотландіи всегда

были очень либеральныя постановленія. Стоило родителямъ незаконнаго ребенка вступить въ бракъ, чтобы онъ былъ не только признанъ законнымъ, но даже пользовался-бы всѣми правами старшинства передъ дѣтьми, рожденными послѣ брака, а слѣдовательно и наслѣдства. Въ царствованіе англійскаго короля Генриха III англійскій парламентъ сдѣлалъ попытку ввести подобныя-же законы и въ Англии, но англійскіе баронеты единодушно и съ негодованіемъ отвергли подобное нововведеніе. Нужно, однако, замѣтить, что такіе браки и въ Шотландіи не одобряются общественнымъ мнѣніемъ, и родственники граждански поженившимися остаются крайне недовольны. Вернсъ, какъ мы увидимъ ниже, былъ сначала женатъ „морганатическимъ“ бракомъ и только впоследствии скрѣпилъ его официально-церковнымъ обрядомъ.

По своей страсти къ танцамъ и къ пѣснямъ Вернсъ былъ истинный шотландецъ. Уроки танцевъ онъ посѣщалъ тѣмъ охотнѣе, что встрѣчался на нихъ съ дѣвицами и хоть сколько-нибудь нарушалъ однообразіе своей трудовой жизни. Приходъ Торболтонъ, къ которому принадлежала новая ферма Вернса, былъ гораздо больше прежняго ихъ прихода Эйръ. Торболтонъ было большое село. У Вернса образовался порядочный кругъ молодыхъ товарищей, сходиться съ которыми льстило его самолюбію, такъ какъ онъ былъ между ними самый начитанный и остроумный юноша. Ему было уже девятнадцать лѣтъ, но онъ не переставалъ стремиться къ болѣе и болѣе серьезному образованію. Въ концѣ лѣта, освободившись отъ полевыхъ работъ, онъ отпросился въ школу прихода Киркосвальдъ, гдѣ былъ учителемъ его дядя, славившійся въ околоселѣ своими математическими познаніями. Подъ руководствомъ дяди онъ сталъ изучать математику, гномонику, межевое и чертежное искусства. Дядя не могъ нахвалиться быстротой его сообразительности и его превосходными успѣхами. Но руки его были необходимы на фермѣ и онъ долженъ былъ бросить свои занятія, чтобы возвратиться къ плугу. Эти математическія и чертежныя занятія, однако, имѣли большое вліяніе на его будущее. Впослѣдствіи, когда онъ былъ вынужденъ необходимою исеать себѣ правительственнаго мѣста, они помогли ему пристроиться. Пребываніе въ Киркосвальдѣ было ему полезно еще и тѣмъ, что онъ познакомился тамъ съ нѣкоторыми новыми для него личностями, которыя потомъ вошли въ его пѣсни и поэмы. — Вотъ

какъ онъ самъ говоритъ о своемъ пребываніи въ Киркосвальдѣ:

„Я приобрѣлъ тамъ много полезныхъ знаній, а главное — ознакомился съ темной стороной человѣчества. Въ ту пору велась въ Киркосвальдѣ большая торговля контрабандой, и я познакомился съ нѣкоторыми контрабандистами. До знакомства съ ними я совершенно не имѣлъ понятія о томъ, что такое „задорныя схватки“ или „пьяный разгулъ“. Въ Киркосвальдѣ я впервые научился наполнять свой стаканъ, залпомъ выпивать его и безъ страха вступать въ драку. Это, однако, мнѣ не мѣшало усидчиво работать надъ геометрией и любоваться прелестной дочерью моего ближайшаго сосѣда“.

По возвращеніи своемъ изъ Киркосвальда Бернсъ задумалъ написать трагедію. „Съ юныхъ лѣтъ, говоритъ онъ въ одной изъ рукописей, найденной послѣ его смерти, — я имѣлъ большое влеченіе къ трагизму. Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, когда я задумалъ цѣлую трагедію и составилъ ея планъ; но я не имѣлъ возможности хорошенько обдумать и обработать ее, потому что на насъ обрушились тогда разныя несчастія и я долженъ былъ взяться за усиленный мускульный трудъ“.

Работалъ Робертъ Бернсъ по-прежнему энергично, не разгибая спины по цѣлымъ днямъ. Вратъ его, Джильбертъ, говоритъ, что въ нѣкоторыхъ работахъ никто въ околосѣ не могъ сравняться съ Робертомъ. Такъ, на примѣръ, онъ считался первымъ косаремъ во всей мѣстности, но во время работъ мысль его, казалось, была далека отъ нихъ. Въ то время, какъ борозда ложилась ровной лентой изъ-подъ рѣзца его плуга или какъ трава падала изъ-подъ косы, онъ слагалъ пѣсни, думалъ надъ славными дѣлами шотландскихъ патріотовъ или переносился въ какую-нибудь другую область своей фантазій. Въ праздничные и воскресные дни онъ убѣгалъ одинъ на берега рѣчки Эйръ или уходилъ въ лѣсъ и бродилъ тамъ по цѣлымъ часамъ. Особенно любилъ онъ лѣсъ во время зимней бури и вьюги; онъ упивался молніей и ударами грома, и въ это время всего болѣе чувствовалъ всю мощь и прелесть природы.

„Такъ-какъ я принадлежу къ разряду такъ-называемыхъ „чуждыхъ людей“, читаемъ мы подъ 1784 годомъ въ памятной книжкѣ Роберта, — то у меня есть нѣкоторые вкусы, доставляющіе наслажденіе только мнѣ одному. Такъ, на примѣръ, зима —

мое любимѣйшее время года. Ничто такъ не говоритъ моему воображенію, какъ уединенная прогулка въ лѣсу или въ горахъ, въ зимній бурный день. Когда вѣтеръ завываетъ между стволами деревъ и со свистомъ разлетается по долинамъ, тогда я чувствую въ себѣ всего больше вдохновенія и часто съ энтузіазмомъ вспоминаю о томъ, что, на метафорическомъ языкѣ „еврейскаго барда“, мчится на крыльяхъ вихря“.

Мечтательный, вѣчно увлекающійся и влюбчивый, Бернсъ, наконецъ, остановился на одной бѣдной дѣвушкѣ и рѣшился жениться на ней. Теперь онъ долженъ былъ серьезно подумать о своемъ обезпеченіи; съ этой цѣлью онъ задумалъ перебраться въ Ирвейнъ для изученія обработки льна—ремесла, отъ котораго онъ надѣялся имѣть болѣе выгоды, чѣмъ отъ земледѣлія. Невѣстой его была дочь бѣднѣйшаго работника, которая служила коровницей на ближайшей фермѣ. Она не отличалась особенной красотой, но была очень умна и жива по характеру. Ихъ любовь была цѣлымъ романомъ. Бернсъ, переселившійся въ Ирвейнъ, писалъ ей письма, которыя сохранились еще и до сихъ поръ и представляютъ необыкновенный образецъ изящества выраженій и возвышенности чувствъ въ корреспонденціи между мужикомъ и коровницей. Бернсъ находилъ эту дѣвушку такою привлекательною, что много лѣтъ спустя, когда онъ уже увидѣлъ знатныхъ барынь изъ высшихъ сферъ Эдинбурга и замѣчательныхъ красавицъ, онъ все-же говорилъ, что ни одна женщина не внушала ему такого уваженія къ себѣ и такого страстнаго желанія раздѣлить съ нею радости и печали жизни, какъ бѣдная работница Элисонъ Бегби.

Поѣздка его въ Ирвейнъ была крайне неудачна. Онъ очень нуждался, жилъ въ каморкѣ, за которую не могъ платить болѣе шиллинга въ недѣлю, и питался одной овсяной похлебкой. Въ письмѣ къ доктору Муру онъ такъ описываетъ свое пребываніе въ Ирвейнѣ: „Мой двадцать третій годъ былъ для меня весьма важной эпохой, ибо я рѣшилъ, наконецъ, устроить свою жизнь и приняться за что-нибудь серьезное. Я избралъ обработку и выдѣлку льна и поѣхалъ въ ближайшее мѣстечко, чтобы усовершенствоваться въ этомъ ремеслѣ. Но изъ этого дѣла ничего не выгорѣло. Мой хозяинъ былъ отъявленный мошенникъ, который наживалъ деньги, придерживаясь теоріи воровства и на-

дуванья. Скоро послѣ моего поступленія къ нему онъ обанкротился весьма печальнымъ манеромъ: вся его лавочка сгорѣла до тла отъ неосторожности его пьяницы - жены въ то время, когда мы, на новый годъ, шатались по ярмарочнымъ каруселямъ. Когда мы вернулись, то увидѣли однѣ только головешки. Такимъ образомъ, я очутился настоящимъ поэтомъ, безъ крова и шилинга въ карманѣ. Я долженъ былъ оставить свои занятія за неимѣніемъ средствъ продолжать ихъ, такъ-какъ грозныя тучи уже собирались надъ головой отца. Къ довершенію несчастія, отъ меня отказалась моя невѣста въ самыхъ обидныхъ для меня выраженіяхъ. Я впалъ въ такую меланхолію, что въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ни одна свѣтлая мысль не посѣтила меня и я чувствовалъ себя никому болѣе ненужнымъ человѣкомъ“.

Вотъ какую замѣтку можно прочесть въ его памятной книжкѣ по поводу его мрачнаго настроенія: „Мартъ 1784 года. Былъ одинъ періодъ въ моей жизни, когда умъ мой совершенно надломился и я впалъ въ глубокое отчаяніе. Это было слѣдствіемъ многихъ потерь и несчастій, сперва долго грозившихъ, а потомъ обрушившихся на нашу семью, да и вслѣдствіе безнадежности, что когда-либо осуществятся мои завѣтныя мечты. Здоровье мое тоже надломилось. Я страдалъ тою страшною болѣзнью, которая называется ипохондріей или упорной меланхоліей. Когда я былъ въ пароксизмъ этого ужаснаго состоянія (одно воспоминаніе о немъ заставляетъ меня и теперь содрагаться), я повѣсилъ мою лиру на вѣткѣ ивы и бралъ ее въ руки только въ рѣдкія свѣтлыя минуты“.

Въ послѣдніе годы жизни въ Бернсѣ все болѣе и болѣе стала развиваться меланхолія, которую приписывали скорѣе обстоятельствамъ, чѣмъ болѣзненному расположенію. Но слѣдя за его біографіей, видно, что и въ юности на него находили припадки ужасной душевной тоски, не говоря уже о дѣтствѣ, которое онъ провелъ весьма сосредоточенно и серьезно.

Его письмо къ отцу за нѣсколько дней до пожара въ Ирвейнѣ показываетъ, какъ мрачно онъ смотрѣлъ на свое будущее: „Дорогой батюшка, писалъ онъ ему въ концѣ декабря, — я откладывалъ со дня на день это письмо въ надеждѣ увидѣть васъ въ новый годъ, но у меня такъ много занятій, что я не могу при-

ѣхать къ вамъ. Здоровье мое нѣсколько поправилось, сонъ сталъ крѣпче и вообще я чувствую себя нѣсколько бодрѣе. Но мое общее нервное разстройство такъ дѣйствуетъ на мою голову, что я не могу спокойно думать о моихъ прошлыхъ и предстоящихъ расходахъ. При мысли о нихъ сердце мое начинаетъ такъ сильно биться, что я весь дрожу, и мнѣ пріятно думать, что, можетъ быть, мнѣ суждено скоро распрощаться со всѣми страданіями и лишеніями нашей жалкой жизни. Увѣрю васъ, что жизнь страшно тяготитъ меня; кажется, что я охотно и безъ всякихъ сожалѣній раздѣлялся - бы съ нею когда угодно. Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣну можетъ имѣть для меня жизнь? Зачѣмъ я существую и къ чему я увидѣлъ свѣтъ? Впереди я предвижу только вѣчную борьбу съ нуждой. Я стараюсь приготовить встрѣтить ее храбро и безропотно покориться лишеніямъ и неизвѣстности“.

Въ *post scriptum*’ѣ этого письма стоитъ: „Овсяная мука моя почти вся вышла, но я возьму, немного въ долгъ, пока вы не снабдите меня новой“.

Изъ частыхъ повтореній въ его письмахъ, запискахъ, стихахъ о его жалкой долѣ, о бѣдности, о его заброшенности видно, до какой степени мысль остаться на-вѣкъ непризнаннымъ талантомъ убивала его. Она порождала въ душѣ его ту страшную агонію чувствъ, которую можно только сравнить съ агоніей голоднаго человѣка, который видитъ передъ собой кусокъ хлѣба и не имѣетъ возможности достать его. Людямъ, поставленнымъ въ счастливыя матеріальныя условія, могутъ показаться химерическими страданія человѣка, который каждый день просыпается съ мыслью, что самая дорогая для него жизненная цѣль, самая первая, самая главная никогда не осуществится. Но для Вернса эти *химерическія* страданія были дѣйствительнымъ зломъ, которое онъ чувствовалъ такъ живо и говорилъ о нихъ такъ просто, что въ искренности его словъ нельзя сомнѣваться. Есть люди, которые, выходя изъ области удовлетворенія первыхъ потребностей, непосредственно переходятъ въ область фантазіи, и всѣ надежды, опасенія, радости и печали ихъ колеблются сообразно съ успѣхомъ или неуспѣхомъ созданнаго ими идеала. И чѣмъ меньше надежды на осуществленіе этого идеала, тѣмъ упорнѣе дѣлаются они, тѣмъ энергичнѣе они дѣвуются къ нему; онъ всасывается въ каждую каплю

крови, въ каждую фибру ихъ, онъ дѣлается какимъ-то неизбѣжнымъ атрибутомъ организма, превращается въ *idée fixe*, въ неотразимый образъ, съ которымъ сливается все существованіе этихъ людей. Одна изъ причинъ ранней смерти Бернса заключалась именно въ неудовлетворенности его стремленій. Семья, дѣти, неудача его заѣли. По самодурному капризу обстоятельствъ, неизбѣжность кормить нѣсколько ртовъ сдѣлала изъ поэта акцизнаго чиновника, изъ человѣка, всю жизнь мечтавшаго о независимости, — казеннаго сборщика недоимокъ и покрывателя контрабандистовъ. Могла-ли жизнь хуже насмѣяться надъ человѣкомъ? Могъ-ли онъ дорожить ею и не переходить отъ крайности униженнѣйшаго самоубиенія въ крайность безумнаго разгула? Фантазія — страшная вещь, и напрасно люди относятся съ небрежной улыбкой „къ фантастическимъ страданіямъ“. Такія нервныя, впечатлительныя организаціи, какъ Бернсъ, сплошь и рядомъ погибають подъ гнетомъ этихъ страданій. Въ судьбахъ творческой человѣческой мысли многое множество подобныхъ жертвъ.

Если-бы Бернсъ не любилъ свою идею, если-бы онъ не страдалъ изъ-за нея и не плакалъ-бы по ней кровавыми слезами, онъ-бы не былъ теперь первымъ поэтомъ Шотландіи и свѣтъ никогда не узналъ-бы, сколько истинной гуманности, сострадательности, великодушія и всепрощенія таилось въ этомъ сердцѣ простого мужика и вѣсть съ тѣмъ сколько оно должно было вынести борьбы, страданій, униженій прежде, чѣмъ перестать биться.

Душевное уныніе Бернса въ эту и въ послѣдующую эпоху его жизни постоянно выражалось въ его стихотвореніяхъ. Вотъ, на примѣръ, „Обращеніе къ мышѣ“, которое онъ написалъ въ то время, когда, проходя съ плугомъ, случайно разорилъ гнѣздо полевого звѣрька. Работникъ, пахавшій вѣсть съ нимъ, держа въ рукахъ кирку, побѣждалъ за звѣрькомъ съ намѣреніемъ убить его. Бернсъ остановилъ его и снова сталъ молчаливо пахать. Весь этотъ день онъ былъ задумчивъ. Ночью онъ обликнулъ работника, съ которымъ спалъ въ одной комнатѣ, и прочелъ ему слѣдующіе стихи:

Трусливый сѣренькій звѣрёкъ!
 Великъ же твой испугъ: ты ною

Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
 Поменьше трусь!
 Вѣдь я не золъ и за тобой
 Не погонюсь.

Увы! съ природой наша связь
 Давно на вѣкъ разорвалась...
 Бѣги, звѣрекъ! Хоть я, какъ ты,
 Жилецъ земли
 Убогій: самъ терплю бѣды,
 Умру въ пыли.

Воришка ты; но какъ же быть?
 Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
 Неужто колоса не взять
 Тебѣ въ запасъ,
 Когда такая благодать
 Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ;
 Почти съ землей сравнялся онъ...
 И не найдешь ты въ полѣ мховъ
 На новый домъ;
 А вѣтеръ—грозень и суровъ—
 Шумить кругомъ.

Ты видѣлъ—блѣкнули поля
 И зимнихъ дней ждала земля;
 Ты думалъ: „будетъ мнѣ тепло,
 Привольно тутъ!“
 И что-же—плугъ мой нанесло
 На твой пріютъ.

А сколько стоило хлопотъ
 Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
 Пропало всё—и трудъ, и кровь;
 Нигдѣ вокругъ
 Пріюта нѣтъ отъ холодовъ,
 Отъ бѣлыхъ вьюгъ.

Но не съ тобой однимъ, звѣрекъ,
 Такія шутки шутить рокъ!
 Не вѣренъ здѣсь ничей расчётъ:
 Спокойно ждемъ
 Мы счастья, а судьба несетъ
 Невзгоду въ домъ.

И доля горестнѣй моя:
 Вся въ настоящемъ жизнь твоя;
 А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
 Рядъ темныхъ лѣтъ
 И съ содраганьемъ ожидать
 Грядущихъ бѣдъ.

Послѣ пожара въ Ирвейнѣ Бернсъ вернулся домой и опять взялся за плугъ. Въ Ирвейнѣ ему попала въ руки книга съ поэмами очень хорошаго шотландскаго поэта Фердгюсона, которая имѣла на него самое благотворное вліяніе: она пробудила въ немъ всѣ силы его таланта и постоянно вдохновляла его. Въ короткое время онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ поэмъ и пѣсней.

Тамъ-же онъ сошелся съ людьми легкомысленными и распущенными и отчасти поддался ихъ вліянію. — „Въ Ирвейнѣ, пишетъ онъ, — я подружился съ очень милымъ и даровитымъ человѣкомъ, Ричардомъ Брауномъ. Онъ былъ сынъ простого работника, но, покровительствуемый очень богатымъ и вліятельнымъ сквайромъ нашего участка, получилъ хорошее образованіе. Къ несчастію, благодѣтель его умеръ въ то самое время, когда онъ долженъ былъ начать свою жизненную карьеру. Бѣдный парень пришелъ въ такое отчаяніе, что записался въ матросы. Послѣ цѣлаго ряда удачъ и неудачъ американское коммерческое судно высадило его на берега Шотландіи безъ всякихъ средствъ. Человѣкъ этотъ былъ необыкновенно уменъ, взгляды его были оригинальны и многосторонни. Я всегда былъ самолюбивъ и гордъ, но онъ первый указалъ мнѣ, въ чемъ собственно должны состоять истинное самолюбіе и истинная гордость. Онъ превосходно изучилъ и жизнь, и человѣчество, и я заслушивался его разсказовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ единственный человѣкъ, превосходившій меня въ легкомысліи относительно женщинъ. Онъ весьма небрежно относился къ незаконнымъ связямъ, о которыхъ я прежде думалъ съ ужасомъ. Въ этомъ отношеніи дружба съ нимъ повредила мнѣ и заставила меня сдѣлать очень дурной поступокъ, результатомъ котораго было мое стихотвореніе: „Привѣтствіе поэта къ его незаконному ребенку“.

За этотъ „дурной поступокъ“, какъ называетъ его Бернсъ,

онъ не легко отдѣлался: по приговору мѣстнаго духовенства, онъ долженъ былъ загладить его, сидя во время нѣсколькихъ воскресныхъ мессъ на церковной скамьѣ *кающихся*. Сомнительно, чтобъ раскаяніе его было искренне, потому что вскорѣ послѣ него онъ написалъ три или четыре стихотворенія, которыя привели въ ужасъ всѣхъ ханжей околodgeа и въ которыхъ они даже узрѣли нѣчто такое, что доводитъ людей сперва до острога, а потомъ и до висѣлицы.

А между тѣмъ въ памятной книжкѣ его можно прочесть слѣдующую замѣтку: „Сентябрь.—Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ философомъ мистеромъ Смитомъ въ его „Теоріи нравственныхъ чувствъ“, что упреки совѣсти—самое тяжелое чувство, какое только можетъ отягощать человѣческую душу. Человѣкъ можетъ съ нѣкоторымъ терпѣніемъ переносить несчастія, постигающія его помимо его воли; но когда онъ сознаетъ, что дошелъ до несчастія своими собственными проступками и глупостями, онъ долженъ сдѣлать надъ собой отчаянное усиліе, чтобъ терпѣливо вынести сознание своего униженія“.

Съ этихъ поръ можно считать юность Бернса оконченною, и онъ вступаетъ въ новый періодъ, полный противорѣчій, страстей, прекрасныхъ порывовъ и дурныхъ поступковъ, идеальныхъ фантазій и пошловатыхъ дѣйствій, вызывающихъ рефлексіи, раскаяніе, самобичеваніе, проклятіе. И изъ всего этого омута личныхъ страданій возникаютъ чудесныя поэтическія произведенія, которыя обезсмертили его имя въ исторіи шотландской поэзіи.

Вскорѣ послѣ его любовной исторіи съ печальной развязкой публичнаго покаянія онъ записался въ члены масонской ложи. Это возбудило противъ него всѣхъ *почтенныхъ* людей, а онъ хохоталъ надъ ними и писалъ на ихъ счетъ комическія поэмы, читавшіяся съ большимъ любопытствомъ во всемъ околodgeѣ. Слава объ его умѣннѣ *слагать стихи*, наконецъ, распространилась въ довольно обширномъ кругу сосѣдей. Его любовныя пѣсенки начинали предпочитаться всѣмъ прочимъ шотландскимъ пѣснямъ этого рода; его поэмы и баллады заучивались наизусть и расходились по всей мѣстности во множествѣ рукописныхъ экземпляровъ. А между тѣмъ Бернсъ внутренне страдалъ еще сильнѣе прежняго; теперь онъ окончательно сознавалъ въ себѣ талантъ, предчувствовалъ его силу, а между

тѣмъ у него не было ни возможности, ни средствъ разработать его. „Августъ 1784 года. Какъ мнѣ ни отрадно читать произведенія шотландскихъ поэтовъ, помѣчаетъ онъ въ это время въ своей памятной книжкѣ,—воспѣвающихъ нѣкоторые города, лѣса, рѣки, вершины горъ моей родины, однако, меня иногда беретъ грусть, что лучшіе наши пѣвцы ничего не написали о такихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, Коррикъ, Кейль, Кекнингамъ, прославленные сильнымъ и свободолюбивымъ духомъ своихъ жителей. Въ этихъ странахъ призывъ къ борьбѣ за независимость и за религіозную свободу находилъ всего болѣе отголосковъ. Тамъ родился славный Валласъ, спаситель моей родины. И до сихъ поръ не было порядочнаго шотландскаго пѣвца, который-бы воспѣлъ романтическія мѣстности Эйра, съ его горными вершинами и быстрымъ потокомъ Дуна. О, какъ охотно я-бы пополнилъ этотъ пробѣлъ! Но увы, я не обладаю ни достаточнымъ талантомъ, ни достаточными свѣденіями, чтобъ выполнить эту трудную задачу. Я темный человѣкъ и долженъ всю жизнь остаться темнымъ, хотя врядъ-ли найдется поэтъ, сердце котораго такъ тревожно билось-бы и замирало при мысли о возможности дойти до желанной цѣли“ *).

„Сентябрь.—Въ баладахъ нѣкоторыхъ нашихъ древнихъ бардовъ встрѣчается такое благородство и такая трогательная нѣжность чувства, которыя доказываютъ, что онѣ были написаны первоклассными поэтами. У меня всегда болитъ сердце, когда я подумаю, что имена этихъ замѣчательныхъ пѣвцовъ на-вѣки осуждены оставаться въ неизвѣстности“.

„О, вы, невѣдомые міру гѣніи, чувствовавшіе такъ глубоко и такъ задушевно выражавшіе свои чувства! самый послѣдній, самый смиренный изъ поклонниковъ музы, сознающій себя ничтожествомъ предъ вами и все-же съ восторгомъ взирающій на пройденный вами путь и всѣмъ сердцемъ стремящійся послѣдовать за вами на своихъ слабыхъ крыльяхъ—бѣдный сельскій бардъ шлетъ вамъ свой теплый, сердечный привѣтъ! Нѣкоторые изъ васъ въ чудныхъ стихахъ своихъ говорятъ, что они были несчастны—онъ тоже былъ несчастливъ и въ жизни, и въ любви. Жизнь дала

*) Бернсу удалось выполнить впоследствии свою задачу: онъ написалъ нѣсколько чудесныхъ патріотическихъ стихотвореній.

ему только труды, лишенія и бѣдность, а ту, которую онъ страстно любилъ, онъ потерялъ. Подобно вамъ, онъ находитъ утѣшеніе лишь въ своей музѣ. И счастливъ-бы онъ былъ, если-бы муза его обладала такою силою воображенія и такою звучностью стиха, какъ ваша благословенная лира“.

Скоро на Бернса налетѣла новая туча. Между отцомъ его и собственникомъ фермы возникли недоразумѣнія по поводу арендныхъ условій. Отецъ его, человѣкъ упорный, сознавая себя правымъ, не хотѣлъ сдѣлать собственнику уступки. Дѣло дошло до суда. Хотя старикъ Бернсъ и былъ правъ, но судъ рѣшилъ въ пользу лорда-собственника. Издержки на эту тяжбу поглотили всѣ наличныя небольшія средства семейства. Нужда и лишенія опять стучались въ дверь, но старикъ, боровшійся съ ними шестьдесятъ три года, былъ избавленъ отъ необходимости снова начинать борьбу: смерть великодушной избавительницей явилась къ нему на помощь.

Послѣ смерти отца совершенно разоренная семья Бернсовъ переехала на новую крошечную ферму, переарендованную его четырьмя старшими дѣтьми (всѣхъ дѣтей у него было семь) незадолго до его смерти и въ виду грозящаго разоренія.

„Я началъ свои занятія на новой фермѣ, говоритъ Робертъ Бернсъ,—съ твердымъ рѣшеніемъ стать человѣкомъ положительнымъ и благоразумнымъ. Я принялся читать сельско-хозяйственныя книги, рассчитывалъ каждую мѣру зерна, ѣздилъ на рынки,—однимъ словомъ, несмотря на сидящаго во мнѣ демона и на неугомонность моей плоти, я, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ сталъ бы разумнымъ человѣкомъ. Но въ первый-же годъ случившійся у насъ неурожай перевернулъ вверхъ дномъ все мое благоразуміе и я кинулся въ свою прежнюю жизнь, какъ выдается только что вымытая свинья въ свою любимую канаву, чтобъ досыта выпачкаться въ ея грязи“.

Въ это время все графство Эйрширъ представляло собою разсадникъ теологическихъ дебатовъ и распрей. Все духовенство раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи: на такъ-называемыхъ приверженцевъ старой вѣры или евангелистовъ и на приверженцевъ новой вѣры или рационалистовъ. Представители этихъ партій вступали въ схватки на церковныхъ дворахъ, отдѣльвали другъ

друга въ проповѣдяхъ, печатали другъ противъ друга обличительные памфлеты и брошюры. Шотландскій народъ, необыкновенно интересовавшійся во всё времена религіозными вопросами, принималъ живѣйшее участіе въ этихъ спорахъ. Представители *старой вѣры*, закоренѣлые кальвинисты, ставили своимъ основнымъ принципомъ слѣпое повиновеніе традиціи и, опираясь на свой духовный авторитетъ, стремились деспотически управлять своей паствой. Представители *новой вѣры* меньше придерживались строгаго догматизма и требовали, вмѣсто слѣпона подчиненія авторитету, анализа и реформъ. Это были большею частію люди, получившіе хорошее образованіе, слѣдившіе за литературой и интересовавшіеся свѣтскими дѣлами. Бернсъ примкнулъ къ нимъ и увлекся теологической полемикой. Она вполне согласовалась съ его умственнымъ темпераментомъ и съ его душевнымъ настроеніемъ въ эту пору. На засѣданіяхъ масонской ложи, за праздничнымъ столомъ друзей, на ярмаркахъ, на церковныхъ папертяхъ, въ трактирахъ, — однимъ словомъ, гдѣ только можно было говорить, онъ декламировалъ, доказывалъ, осмѣивалъ, забрасывалъ сарказмами приверженцевъ старой вѣры, и своими ядовитыми эпиграмами доводилъ до ярости своихъ допотопныхъ противниковъ. Наконецъ, ему подвернулся случай окончательно осмѣять ихъ. Два почтенные богослова старой вѣры, пасторъ Россель и пасторъ Муди, на смерть поссорились изъ-за межи ихъ приходоѡвъ. Дѣло дошло до консисторскаго суда. Бернсъ присутствовалъ на этомъ судѣ и почтенные пастыри полемизировали такъ, что едва не вступили въ рукопашный бой. По поводу этой потѣшной сцены Бернсъ написалъ сатиру: „Два пастыря“. Сатира эта произвела взрывъ восторга. Ее переписывали, заучивали, повторяли. Бернсъ сдѣлался героемъ дня. Двери всѣхъ прогресивныхъ людей ему открылись, онъ расширилъ кругъ своихъ знакомствъ, и даже многіе пасторы новой вѣры стали дружески приглашать его въ свой домъ. Подъ впечатлѣніемъ одушевленія и радости, что, наконецъ-то, люди начинаютъ признавать его талантъ, онъ написалъ еще нѣсколько стихотвореній, изъ которыхъ лучшее: „Священная ярмарка“, незатрогивающее основнаго принципа религіозныхъ вѣрованій, но представляющее картину злоупотребленій тогдашняго духовенства. Духовенство очень покровительствовало сборищамъ, ко-

торыя были прозваны народомъ „The Holy Fair“ (священная ярмарка). На эти ярмарки стекался самый разнокалиберный людъ, даже комедіанты и фокусники. Посрединѣ воздвигалась палатка съ кафедрой, съ которой проповѣдывали пасторы разныхъ лагерей свое ученіе. Такъ проходило утро. Остатокъ-же дня и цѣлую ночь предавались пьянству и разгулу, доходящему до вакханалій. Мы приведемъ здѣсь отрывокъ изъ этой сатиры:

„Въ одно лѣтнее воскресное утро я вышелъ взглянуть на хлѣбныя поля и подышать свѣжимъ воздухомъ. Восходящее солнце бросало свои золотые лучи на всю окрестность. Зайцы скакали по бороздамъ, жаворонки пѣли, кружась въ воздухѣ.

„Я шель, озираясь кругомъ, любуясь природой, когда мнѣ повстрѣчались три женщины. На двухъ изъ нихъ были черныя мантии, на третьей—свѣтло-сѣрый плащъ.

„Двѣ первыя были похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. На ихъ вытянутыхъ и безцвѣтныхъ фигурахъ было кислое выраженіе.

„Третья шла, припрыгивая, какъ молодая коза, и внезапно остановилась, какъ только мы повстрѣчались.

„Снявъ вѣжливо шляпу, я обратился къ ней: „Милая дѣвушка, сказалъ я, — вы, кажется, знаете меня? И я гдѣ-то видѣлъ ваше хорошенькое личико, но не могу припомнить, гдѣ именно“. Она засмѣялась, взяла меня за руки и отвѣтила мнѣ: „Ты хорошо знаешь меня, ради меня ты часто грѣшилъ. Называюсь я Шуткой. Я твоя старая пріятельница, твой лучшій другъ. А изъ этихъ дѣвицъ одна зовется Суевѣріемъ, другая — Лицемѣріемъ. Идемъ мы всѣ трое на „священную ярмарку“, чтобъ поразвлечься тамъ часокъ или два. Пойдемъ вмѣстѣ со мной за этой прелестной парочкой, мы тамъ до-сыта нахохочемся.

„Я съ большимъ удовольствіемъ принимаю твое приглашеніе“, отвѣтилъ я и пошелъ по дорогѣ, ведущей къ мѣсту ярмарки. По дорогѣ тянулась густая толпа прохожихъ и проѣзжихъ. Тутъ были и фермеры, разодртые въ пухъ и прахъ, которыхъ перядочно поталкивали ихъ рабочіе; и парни-подростки въ красивыхъ широкихъ курткахъ, и молодыя дѣвушки, хотя и босоногія, но въ шелковыхъ платьяхъ и въ разноцвѣтныхъ украшеніяхъ. Онѣ несли съ собой свѣжій творогъ и вкусные сдобные пироги.

„У всѣхъ входовъ на „священную ярмарку“ стояли черныя шляпы *) съ своими тарелками, наполненными пол-пенсами. Мы тоже положили свою ленту, и тогда только насъ пропустили посмотреть на любопытное зрѣлище. Иные бѣжали туда съ скамьями, съ стульями или съ табуретами; другіе были заняты веселыми сплетнями и рассказывали ихъ во всеулышаніе.

„Въ одномъ мѣстѣ поставленъ былъ балаганъ, въ которомъ давали представленія странствующіе комедіанты; въ другомъ — Рэсеръ-Джессъ **) и двѣ-три дѣвицы сомнительнаго поведенія всматривали прохожихъ. Тутъ собрался цѣлый кружокъ подобныхъ же женщинъ, съ низко-обнаженными шеями, а тамъ кружокъ легкомысленныхъ парней, первыхъ распутниковъ изъ Кильмарка. Тутъ нѣкоторые погружены были въ размышленія о своихъ грѣхахъ, они вздыхали и молились; тамъ помѣщались замѣчательные образцы степенныхъ людей, съ гордыми, торжественными лицами; еще дальше—цѣлая компанія весельчаковъ, кивающихъ и подмигивающихъ проходившимъ дѣвицамъ съ вызывающей улыбкой.

„О, какъ счастливъ тотъ, кто въ этотъ день приходитъ на ярмарку съ своей возлюбленной! Онъ можетъ безнаказанно сперва положить руку на спинку ея стула, потомъ незамѣтно обнять ея шею и, наконецъ, ея станъ.

„Но вотъ настаетъ тишина—она вызвана появленіемъ Муди ***) въ дверяхъ священной палатки, съ его неистощимымъ запасомъ проклятій. Если-бъ Рогатому было дозволено, какъ во дни дны, шнырять между божьимъ людомъ, то одинъ взглядъ на фигуру Муди былъ-бы достаточенъ, чтобъ заставить его отъ страха обратиться ко своимъ чертямъ.

„Но послушайте, какъ Муди объясняетъ свои кальвинистскія догмы! Какъ онъ при этомъ оретъ и бьетъ по кафедрамъ кула-

*) Черныи шляпами назывались церковные старшины, носившіе по воскресеньямъ и праздникамъ черныя шляпы и ходившіе съ тарелкой собирать на бѣдныя.

**) Рэсеръ-Джессъ была дочь содержательницы кабака, гдѣ происходили попойки нищихъ той мѣстности, гдѣ жилъ Бернсъ.

***) Муди былъ пасторъ изъ Рикортонна и никогда не пропускалъ ни одной священной ярмарки. Бернсъ въ нѣсколькихъ чертахъ описалъ его фотографически вѣрно.

комъ! То онъ торжественно спокоенъ, то входитъ въ дикій азартъ, топааетъ ногами и прыгаетъ. Его длинный подбородокъ, его вытянутое къ небу лицо, его неистовый визгъ и жесты заставляютъ каждое набожное сердце нарывать въ огромный пузырь, какъ нарывааетъ кожа отъ пластыря съ испанской мушкой.

„Но вотъ въ палатѣхъ раздался другой голосъ! Вся аудиторія шумить и волнуется, столпы церкви встаютъ съ своихъ мѣстъ, — они не могутъ спокойно сидѣть отъ негодованія. Смитъ *) начинаетъ свою спокойную рѣчь; онъ говоритъ о нравственности и о долгѣ. Какое значеніе могутъ тутъ имѣть его слова, основанныя на разумѣ и на нравственности? А его изысканные жесты и хорошій англійскій языкъ ужь и подавно не у мѣста. Онъ опредѣляетъ нравственную сторону человѣка, какъ Сократъ или Антонинъ, или другой какой-нибудь нечестивый еретикъ, и вовсе не навязываетъ слѣпой вѣры въ истину.

„Его смѣняетъ Пибисъ изъ Ватеръ-Фита и тѣмъ прерываетъ его ядовитую чепуху. Онъ снова подхватываетъ библейскія слова, какъ они были истолкованы Муди, и этимъ заставляетъ „здравый смыслъ“ бѣжать безъ оглядки.

„Вслѣдъ за нимъ маленькій Миллеръ **) начинаетъ свою умѣренную болтовню, хотя онъ вѣрить въ нее столько-же, сколько вѣрять въ бабушкины сказки. Но что-жъ изъ этого? Святой отецъ желаетъ добиться дарового домика; ему для этого нужно ловко погладить умѣренныхъ по шерсткѣ, хотя его природный умъ едва-едва позволяетъ ему удерживаться отъ смѣха.

„Но вотъ святой трактиръ начинаетъ наполняться разнымъ народомъ: тутъ начинаетъ кричать продавецъ сухарей и пива, тамъ стучитъ продавецъ стаута въ пинтахъ. Поднимается шумъ, гамъ, перемѣшанный съ выкрикиваніемъ проповѣдей и цитатами изъ проповѣдей Кальвина.

„Я радуюсь, что могу вынуть стаканъ хорошаго напитка: это

*) Докторъ Смитъ былъ пасторомъ въ Гальстонѣ. Бернсъ думалъ похвалить его за спокойную манеру держать проповѣдь, но Смитъ принялъ его слова за сатиру и обидѣлся.

**) Пасторъ Миллеръ изъ Кильмарка былъ замѣчательно маленькаго роста. Бернсъ думалъ одно время, что онъ льнетъ къ умѣренной партіи. Говорятъ, что вслѣдствіе этого куплета Миллеру долго не давали повышенія.

гораздо вкуснѣе, чѣмъ слушать болтовню представителей всѣхъ старыхъ вѣрованій и ученій. Стаканъ хорошаго вина оживляетъ умъ, пробуждаетъ любознательность, заставляетъ стремиться къ приоб- рѣтенію все новыхъ и новыхъ познаній.

„Группы молодыхъ людей и дѣвушекъ разѣстились около столиковъ и, спасая душу, не забываютъ и тѣло, весело потягивая свой грогъ. Одни смѣются и критикуютъ или чье-нибудь платье, или чью-нибудь наружность; другіе отошли въ уголокъ и стова- риваются, гдѣ они встрѣтятся подъ вечеръ.

„Но внезапно раздается, точно труба на страшномъ судѣ, го- лось Блэкъ-Росселя *) и раскатывается по всей палатѣ, какъ пушечный выстрѣлъ. Его пронызывающія слова, его молниеносные взгляды заставляютъ содрогаться всѣ суставы и проникаютъ до мозга костей; его картина ада, наполненная чертями, потрясаетъ душу ужасомъ, а ноги лихорадкой.

„Адъ, кричитъ онъ, — это безпредѣльный, бездонный котелъ, весь наполненный горячей лавой, въ которомъ мгновенно расплав- ляются самые твердые металлы!“ При этихъ словахъ дремлющіе внезапно вскакиваютъ и спросонокъ думаютъ, что вокругъ нихъ уже кипитъ этотъ страшный котелъ. Но, очнувшись, съ радостью замѣчаютъ, что приняли за кипѣніе котла звучный хрипъ заснув- шаго сосѣда.

„Сказка моя вышла-бы слишкомъ длинна, если-бы я переска- залъ все, что говорилось и что дѣбалось въ этотъ день...

„Сколько каменныхъ сердецъ грѣшниковъ и грѣшницъ превра- тилось въ человѣческія сердца, созданныя изъ плоти и крови! Иныя дѣйствовали въ одурающемъ порывѣ страстной любви, дру- гія—подъ одурающимъ впечатлѣніемъ водки“.

Какъ эта, такъ и другія сатиры его, разоблачавшія темныя стороны клерикаловъ, произвели большое волненіе въ околдѣхъ. Образовались двѣ очень рѣзкія партіи—партія друзей Вернса и партія его враговъ. Друзья превозносили его до небесъ и востор-

*) Блэкъ-Россель былъ сперва пасторомъ въ Кильмарекъ, потомъ въ Стерлин- гъ. Онъ отличался оглушительнымъ голосомъ. Когда онъ говорилъ, то точно громъ гремѣлъ. Проповѣдывалъ онъ всегда такіе ужасы, отъ которыхъ дыбомъ волосы вставали.

гались его талантомъ; враги ненавидѣли его и скрежетали зубами при одномъ его имени.

Но Бернсъ интересовался теологическими темами только случайно и подъ влияніемъ его друзей; житейскіе, насущные вопросы были и доступны его творчеству, и живѣе чувствовались имъ. Къ этому періоду его жизни относятся лучшія и разнообразнѣшія его стихотворенія, какъ, напримѣръ, „Суботній вечеръ крестьянина“, „Мы рождены для страданій“, „Веселые нищіе“.

Сюжетъ „Суботняго вечера“ незатѣйливъ. Онъ взятъ изъ будничной жизни шотландскаго крестьянина. Мы застаемъ его въ полѣ; онъ кончилъ работу и съ отрадой думаетъ объ отдыхѣ. Онъ собираетъ свои земледѣльческія орудія и, при лучахъ заходящаго солнца, направляется къ дому. Ему на-встрѣчу весело бѣгутъ его дѣти, прыгая и хлопая въ ладоши. Вдали онъ видитъ свою хижину съ уютнымъ очагомъ, около котораго хлопочетъ его любящая жена. Онъ представляетъ себѣ ея привѣтливую улыбку и забываетъ и трудъ, и усталость. Скоро послѣ его возвращенія старшія дѣти, работающія на окрестныхъ фермахъ, приходятъ навѣстить родителей. Между ними дочь ихъ Дженни — краса и гордость семейства. Въ дверь раздается робкій стукъ — это ея женихъ. Онъ тоже присоединяется къ патриархальной семьѣ, слушаетъ наставленія отца и его разумные совѣты. Вечеръ проходитъ въ тихой бесѣдѣ, пока отецъ не откроетъ завѣтную книгу. Тогда всѣ благо овѣнно слушаютъ священное слово, потомъ становятся на колѣна и набожно читаютъ молитву.

„По сравненію съ этой простой, но искренней молитвой, говорить Бернсъ, — какъ жалка папускная торжественность, которую щеголяютъ попы и ученые теологи! Какъ искусственна ихъ болтовня, какъ презрѣнна ихъ внѣшняя, поддѣльная набожность, неисходящая изъ сердца! Истинное благочестіе встрѣчается только въ хижинѣ, и пока можно будетъ отдыхать на такихъ простыхъ, но отрадныхъ картинахъ, до тѣхъ поръ старая Шотландія будетъ страной уважаемой и великой. Князья и лорды — креатуры королей, а честный человѣкъ — благороднѣйшее созданіе Творца. Въ нравственномъ отношеніи хижина далеко оставляетъ за собою замокъ. Что такое вся пышность знатности, какъ не мишура, часто украшающая отчаяннаго негодяя и развратника?“

Бернсъ кончаетъ это стихотвореніе слѣдующими прекрасными стихами:

Тогда съ дѣтьми старикъ-отецъ прощался
И на покой ихъ всѣхъ благословлялъ;
Когда-жь одинъ съ женою оставался,
Онъ снова въ прахъ главу свою склонялъ
Предъ тѣмъ, кто птицъ согрѣлъ и напиталъ
И въ блескъ одѣлъ цвѣты весеннихъ лилій,
Чтобъ Онъ имъ всѣмъ насущный хлѣбъ послалъ.

Стихотворенія свои Бернсъ записывалъ въ минуты отдохновенія отъ работъ въ тетрадь, которую хранилъ на чердакѣ. Его меньшая сестра, очень любившая его, каждый день бѣгала смотрѣть: не прибавилось-ли въ ней чего-нибудь новенькаго.

Тетрадь эта, изъ которой я уже привелъ нѣсколько выдержекъ, начиналась вступленіемъ, въ которомъ говорилось: „Здѣсь собраны нѣкоторые наброски, пѣсни и эскизы Роберта Бернса, человѣка, не одареннаго талантомъ наживать деньги и еще меньшимъ талантомъ сберегать ихъ, но тѣмъ не менѣе человѣка съ нѣкоторымъ умомъ, честнаго и любящаго всѣхъ своихъ ближнихъ, какъ добродѣтельныхъ, такъ и порочныхъ. Такъ-какъ онъ не получилъ порядочнаго образованія, а воспитывался межъ плугомъ и косой, то произведенія его, конечно, сильно отзываются неотесанностью, свойственною его мужицкому происхожденію. Но они все-таки заслуживаютъ нѣкотораго вниманія любопытнаго наблюдателя надъ человѣческимъ сердцемъ, потому что это плоды его собственныхъ, никѣмъ ненавѣянныхъ размышленій, и изъ нихъ можно видѣть, что простой пахарь способенъ думать и ощущать то-же, что думаютъ и ощущаютъ люди, принадлежащіе къ болѣе счастливымъ классамъ общества“.

Такимъ образомъ шла жизнь Бернса до весны 1785 года, когда онъ увидѣлъ на чьей-то свадьбѣ Джени Арморъ, дочь довольно зажиточнаго каменщика. Страсть загорѣлась въ немъ съ обычной ея силой. Результаты показали, что и бѣдная дѣвушка полюбила хотя *не разумно, но искренно*, какъ говорятъ англичане. Черезъ годъ послѣ встрѣчи съ нею дѣла Бернсовъ опять разстроились, и семья, выбиваясь изъ силъ, не могла свести концы съ концами, а тутъ вдругъ Джени призналась ему, что она

должна скоро стать матерью. Это извѣстіе поразило его какъ громомъ и его единственною мыслью было загладить передъ Джэни свою вину. Обвѣнчаться съ нею безъ позволенія родителей, которые были противъ этого брака, онъ не могъ, и потому воспользовался послабленіемъ въ шотландскихъ брачныхъ законахъ и вручилъ дѣвушкѣ бумагу, въ которой онъ признавалъ ее женой и объявлялъ себя отцомъ будущаго ребенка. Этой бумаги было достаточно для освященія ихъ брачныхъ узъ. Но отецъ Джэни такъ разсвирѣпѣлъ, когда узналъ о любовныхъ отношеніяхъ дочери съ Бернсомъ и о ея беременности, что силой заставилъ ее возвратитъ ему брачное обязательство, изорвавъ его на глазахъ несчастной, и тѣмъ уничтожилъ вмѣстѣ съ бумагой ея доброе имя.

Бернсъ былъ въ отчаяніи, когда узналъ о поступкѣ старика Армора. Онъ прибѣжалъ къ нему, предлагалъ возобновитъ уничтоженную бумагу, говорилъ, что готовъ сдѣлаться простымъ поденщикомъ, лишь-бы только имѣть счастье жить съ своей любимой женой и будущимъ ребенкомъ; наконецъ, что онъ готовъ отправиться въ Америку и оттуда высылать ей денежное обезпеченіе. Старикъ ничего не хотѣлъ слышать и былъ непоколебимъ: онъ не хотѣлъ отдать за него дочь. Джэни-же, запуганная и больная, въ послѣдней порѣ беременности, не нашла въ себѣ силы идти наперекоръ рѣшенію отца и матери.

По ихъ требованію, она запретила Бернсу посѣщать ее. Это страшно оскорбило его. Въ немъ заговорили всѣ его чувства: то гордость, то страсть, то гнѣвъ, то отчаяніе волновали его. Ему опротивѣла его родина, опротивѣла безплодная ферма, впереди онъ опять увидѣлъ призракъ нищеты и разоренія, и онъ рѣшился оставить свою страну. Онъ принялъ мѣсто бухгалтера у доктора Дугласа и долженъ былъ уѣхать въ Ямайку, въ его помѣстья.

Въ порывѣ злости, гнѣва, мести противъ Джэни Арморъ онъ затѣялъ престранную вещь: онъ сдѣлалъ предложеніе другой дѣвушкѣ и былъ ею принятъ. Они обмѣнялись библиями, по шотландскому обычаю, и клялись другъ другу въ вѣрности на берегахъ рѣчки Эйръ. На слѣдующій день Мэри Кампбэль—такъ звали дѣвушку—уѣхала къ роднымъ въ Гриннокъ, чтобъ приготовить свое приданое, и тамъ внезапно скончалась. Вѣсть о ея смерти дошла до Бернса, когда онъ еще былъ у себя на фермѣ; онъ пошелъ къ женщинѣ, получившей печальное посланіе, и, до-

слушавъ его до конца, долго сидѣлъ молча, съ лицомъ, искаженнымъ отъ страданій, потомъ вышелъ, не простясь и что-то нашептывая. Нѣсколько времени спустя явилось прекрасное стихотвореніе: „Горная Мери“ (Highland Mary.) Вотъ оно:

Вершины, берега потоковъ и ручьевъ,
Вкругъ замка гордаго сверкающихъ змѣю,
Одѣньтесь красотой таинственныхъ лѣсовъ
И освѣжитесь лазурною водою,
Чтобъ лѣто поскорѣй могло сюда придти,
Дыша своей красой обильной и просторной.
Ахъ, здѣсь я ей сказалъ послѣднее прости,
Послѣднее моей любимой Мери горной...

Зеленый старый дубъ намъ радостно киваль
И нѣжились цвѣты въ саду, благоухая,
Когда въ послѣдній разъ къ груди я прижималъ
Любимицу мою, подъ ивой отдыхая.
Блаженныхъ тѣхъ часовъ и тѣни даже нѣтъ...
Нѣтъ къ прошлому пути сквозъ запертыя двери...
Она была милѣй, чѣмъ жизнь, чѣмъ ясный свѣтъ,
Родимыхъ чудныхъ горъ—моя святая Мери!..

Обѣтовъ пламенныхъ, лобзаній и тоски
Полна была минута разставанья...
И съ клятвой вновь сойтись на берегу рѣки
Насильно грустное свершалось прощанье...
Но смерть неожиданная безвременно пришла
И, беспощадная, цвѣтокъ любви скосила...
И душу свѣтлую подруги унесла
И бѣлымъ саваномъ бездушную покрыла!..

Поблекнувъ, алыя смѣжилися уста,
Что часто я лобзалъ такъ радостно и нѣжно...
И взоръ, въ которомъ такъ сіяла красота,
Ужъ не глядитъ теперь и страстно, и мятѣжно...
Пусть сердце пылкое истлѣло въ прахъ нѣмой,
То сердце, что любить умѣло такъ покорно;—
Но вѣчно будетъ жить въ груди моей больной
Воспоминаніе о милой Мери горной...

Послѣ этой странной исторіи, которая промелькнула въ его жизни какъ зарница, Бернсъ хотѣлъ тотчасъ-же уѣхать въ Ямайку, но у него не хватало средствъ добраться до мѣста: ему не

доставало девяти фунтовъ. Друзья посовѣтовали ему сдѣлать подписку на изданіе его сочиненій. Собравъ триста пятьдесятъ подписей, т. е. обезпечивъ себя покупателями своей книги, онъ охотно послѣдовалъ этому совѣту и отправился въ ближайшій городокъ Кильмаркъ, гдѣ самъ держалъ корректуру своего изданія, которое явилось въ свѣтъ въ количествѣ шестисотъ экземпляровъ.

„Невозможно описать, говоритъ одинъ изъ его современниковъ, Геронъ,—съ какимъ восторгомъ стихи его были приняты и читались повсюду. Старые и молодые, знатные и простолюдины, ученые и невѣжды, всѣ были одинаково очарованы, взволнованы, восхищены. Я находился въ то время въ городкѣ Галловей, на самой границѣ графства Эйршира, и хорошо помню, какъ даже поденщики и работницы, тяжелымъ трудомъ приобрѣтающіе ничтожныя деньжонки, охотно отдавали ихъ за книжку Бернса. Мнѣ она попала въ руки случайно: мнѣ далъ ее одинъ изъ пріятелей. „Вотъ какъ, сказалъ я съ насмѣшкою, вертя ее въ рукахъ,—нынче и пахари дѣлаются поэтами“. Я открылъ ее на удачу, идя ко сну, и закрылъ тогда, когда солнце уже стояло высоко на горизонтѣ...“

Произведеніями Бернса заинтересовались многія лица, пользующіяся большимъ вліяніемъ въ литературѣ и въ свѣтѣ. Всѣмъ казалось необыкновеннымъ явленіемъ, что простой мужикъ могъ напечатать цѣлый томъ превосходныхъ стихотвореній. Его шестисотъ экземпляровъ разошлись менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца, и его подбивало приняться за новое изданіе.

„Моему самолюбію чрезвычайно льстило, пишетъ онъ,—что мнѣ сдѣлали такой блистательный пріемъ, и, кромѣ того, я былъ счастливъ, что выручилъ двадцать фунтовъ стерлинговъ чистаго барыша. Это приходилось очень кстати: я могъ тотчасъ-же сѣсть на корабль и не опасаться больше тюрьмы, укрываясь то у одного пріятеля, то у другого“.

А въ тюрьму хотѣлъ посадить его тотъ-же отецъ Джени Арморъ. Онъ одумался и подалъ на него искъ, въ которомъ требовалъ съ него пять фунтовъ въ годъ для обезпеченія будущаго ребенка. Искъ этотъ былъ признанъ правильнымъ и Бернса могли во всякое время накрыть и заставить уплатить деньги, илже посадить въ тюрьму.

„Получивъ деньги отъ изданія, пишетъ онъ дальше,—я сло-

жилъ свой чемоданъ, простился съ друзьями и уже хотѣлъ уѣхать, когда получилъ письмо отъ одного изъ моихъ друзей, доктора Блекуэля, которое вдругъ перевернуло всѣ мои планы. Онъ звалъ меня въ Эдинбургъ для напечатанія второго изданія“.

Подъ вліяніемъ похвалъ и лестныхъ журнальныхъ отзывовъ о его поэтическомъ талантѣ, Бернсъ рѣшился переселиться въ Эдинбургъ. Ему страстно захотѣлось увидѣть людей, выйти изъ своего бѣднаго темнаго угла, посмотрѣть на свѣтъ, на блескъ, на шумъ; расширить кругозоръ своей мысли и своего знанія свѣта. Родные его, польщенные его славой, и въ особенности братья, всегда очень любившія его, не только не имѣли ничего противъ его отъѣзда, но даже уговаривали его отправиться поскорѣе. Онъ, наконецъ, рѣшился, и 18 ноября 1786 года отправился въ столицу Шотландіи.

Съ этого времени начинается новая жизнь для Бернса, — жизнь, полная какихъ-то загадочныхъ внутреннихъ метаморфозъ и энергической борьбы съ самимъ собою, которая составляетъ любопытный психологическій этюдъ.

Н. Ал—ева.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ВСТРѢЧА.

Кто-то въ коляскѣ промчался стрѣлой;
Облако пыли густое
Только осталось.—И вдругъ предо мной
Встало давно прожитое:
Вспомнилась юность, былые года
Свѣжихъ порывовъ, стремлений,
Чувства, кипѣвшія въ сердцѣ тогда,
Масса живыхъ впечатлѣній...
Вижу я снова какъ-будто во снѣ
Прежнее время и встрѣчи!
Образъ твой грустный рисуется мнѣ,
Слышатся кроткія рѣчи...

Вотъ въ закоулкѣ скосявшійся домъ
Съ крышей, поросшей травой.
Помню каморку унылую въ немъ:—
Будто сейчасъ предо мною
Голыя стѣны, скоробленный полъ,
Жалкій коверъ изъ рогожи,
Стулъ неуклюжій, некрашенный столъ,
Ширмы, убогое ложе...
Мрачно и холодно. Свѣчка одна
Трепетный свѣтъ разливаетъ.
Вѣтеръ, врываясь сквозь щели окна,
Пламя ея задуваетъ.
Поздно, ужъ полночь. Всѣ спятъ. Тишина
Въ домѣ царитъ гробовая,—
Ты, только ты не ложила одна,
Горькій свой хлѣбъ добывая.
Блѣдно лицо и туманны глаза;
Брови и губы сдвигаетъ
Нервная дрожь,—и порою слеза
Съ длинной рѣсницы сбѣгаетъ...

Кто твой отецъ—неизвѣстно тебѣ.
Мать твоя хлѣбъ добывала
Тяжкимъ трудомъ; ежедневно себѣ
Силы она надрывала.
Ты родилась подъ несчастной звѣздой!
Въ дразгахъ житейской невзгоды,
Въ тяжелой борьбѣ съ безысходной нуждой
Шли твои юные годы.
Часто случалось сидѣть напролетъ
Ночи для спѣшной работы.
Мучилъ тебя подавляющій гнетъ

Горькой вседневной заботы!..
 Вскорѣ ударъ привелось испытать
 Ранней потери: скончалась
 Жертвой чахотки любимая мать—
 Ты безъ поддержки осталась.
 Въ общемъ бою изъ-за хлѣба одна
 Въ омутѣ жизни ты билась,
 Выпила горькую чашу до дна,
 Силь и здоровья лишилась...

Вспомнилось мнѣ, какъ пошли мы тогда
 Дружно съ тобой, рука-въ-руку,
 Въ путь по тернистой дорогѣ труда...
 Вспомнилъ потомъ я разлуку—
 Новый ударъ, нанесенный судьбой,
 Новая слезы и горе:
 Насъ разлучили внезапно съ тобой
 Волны житейскаго моря!..

Нѣсколько лѣтъ съ той поры протекло,
 Много другихъ впечатлѣній
 На душу мнѣ въ это время легло,
 Мрачныхъ и свѣтлыхъ явленій
 Много съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось увидеть.
 Прежнія лица и рѣчи
 Въ памяти стали блѣднѣть, исчезать...
 Вдругъ, въ неожиданной встрѣчѣ,
 Мнѣ метеоромъ представилась ты.
 Въ этой мелькнувшей головкѣ
 Вижу опять дорогія черты;
 Но... при какой обстановкѣ!
 Кони, коляска, блестящій нарядъ,
 Нѣжный румянецъ поддѣльный,
 Съ наглой усмѣшкой бросаемый взглядъ,—
 Видъ пустоты безпредѣльной!..
 Роскошью, блескомъ и нѣгой теперь
 Ты свою жизнь окружила.
 Больше, не будетъ тяжелыхъ потерь,—
 Прежнія ты позабыла!
 Время лишеній, заботъ и труда
 Больше тебя не коснется;
 Спать твоя совѣсть—и чувство стыда
 Въ сердцѣ пустомъ не проснется!
 Нагло несешь ты позорный вѣнецъ,
 Тѣшишься жизнью постыдной!..
 Грустно начало и жалокъ конецъ
 Доли твоей незавидной!

М. Верцеліусъ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПУРИ.

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ.)

(Два міра, ром. въ 4 частяхъ, Н. Алѣевой. Спб., 1875. — Въ глуши, ром. въ 4 частяхъ, Марко-Вовчка. Отеч. Зап., 1875. — Подростокъ, ром. въ 3 частяхъ, Ф. Достоевскаго. Отеч. Зап., 1875. — Сила характера, ром. Смирновой. Отеч. Зап., 1876 г.)

V.

Герой „Глуши“,—длиннаго-предлиннаго романа Марко-Вовчка, — юный помѣщикъ съ „прекрасными ногтями“, въ „бѣлоснѣжномъ бѣльѣ“ и „изящномъ костюмѣ“, „привлекательной наружности“, Владиміръ Петровичъ Хрущовъ. Это человекъ выхоленный, изнѣженный, вялый, флегматическій, всецѣло занятый своимъ микроскопическимъ я, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ жизни невыходящій и неспособный выйти изъ тѣснаго круга своихъ личныхъ, мелко-эгоистическихъ, пошленькихъ интересовъ.

„Заурядные“ читатели и фельетонная критика усмотрѣли въ барчукѣ, правда, еще какіе-то возвышенные принципы, — принципы, которые, будто-бы, идутъ въ разладъ съ природными инстинктами и потребностями его дрянной натуреи. Въ этой дисгармоніи принциповъ и натуре, по ихъ мнѣнію, и заключается сущность и главный интересъ хрущовскаго характера.

Заурядные читатели и на этотъ разъ, какъ и всегда, попали пальцемъ въ небо. Впрочемъ, винить ихъ за это особенно нельзя: они повѣрили только автору на слово и, на основаніи этой вѣры, наговорили много разной чепухи. Авторъ-же, очевидно, самъ не понимаетъ своего героя. Автору непременно хочется ви-

дѣтъ въ немъ не одного изъ самыхъ заурядныхъ и, если хотите, даже безцвѣтныхъ пошляковъ, а человѣка „съ высшими стремленіями“, съ гуманными и благородными принципами, но стремленіями и принципами чисто-головными, невошедшими въ его плоть и кровь, а потому и неспособными воплотиться въ его жизни, перейти въ его активную дѣятельность.

Только съ этой точки зрѣнія на Хрущова и можно объяснить себѣ самую фабулу разсказа, — фабулу, лишенную, какъ мы увидимъ ниже, всякой реальной правды. Въ самомъ дѣлѣ, если-бы авторъ не навязалъ ему возвышенныхъ стремленій и благородныхъ принциповъ, то его вліяніе на Маню, пробужденіе Мани, ея любовь къ герою, ея разочарованіе въ немъ — вообще весь ея романъ былъ-бы совершенно непонятенъ и даже невозможенъ. И вотъ ради-то правдоподобія разсказа авторъ и долженъ былъ выставить своего героя въ ложномъ свѣтѣ, и, надѣливъ его, какъ говорится, плохимъ сердцемъ, наградить хорошей головой. Въ сущности же у него и въ головѣ, и въ сердцѣ кромѣ дряни ничего не было и не могло быть. Между требованіями всѣхъ прочихъ, менѣе благородныхъ, органовъ его изнѣженнаго и избалованнаго организма не существуетъ ни малѣйшаго противорѣчія, никакого разлада.

Хрущовъ — эгоистъ до мозга костей, онъ замкнулъ свою жизнь, какъ и всѣ подобные ему герои, въ тѣсный кругъ брюшныхъ и половыхъ интересовъ. Помимо этихъ интересовъ для него ничего не существуетъ; они составляютъ единственную цѣль его жизни, ими сплозна исчерпывается все ея содержаніе. Онъ не можетъ себѣ представить, какъ „обѣдать безъ портвейна“, какъ „носить старомодные сюртуки“ или „не мѣнять ежегодно обивки мебели“. Онъ не видитъ ничего выше и благороднѣе амурныхъ занятій. До 30-ти лѣтъ онъ исключительно занятъ одною лишь половомъ жизнью; онъ ловеласничаетъ, ухаживаетъ, кокетничаетъ, влюбляется, побѣждаетъ женскія сердца — и онъ вполне счастливъ и доволенъ. Но вотъ одна барышня или, лучше сказать, барыня (мужнина жена), съ которой онъ предпринялъ „блаженное путешествіе по чужой землѣ“, измѣвила ему, — и онъ совсѣмъ растерялся, упалъ духомъ. „Жизнь моя, восклицаетъ онъ, — разбита, счастье для меня невозможно!..“ Съ горя онъ вернулся съ „чужой земли“ на род-

ныя поля и, проявляя коварство свѣта и непостоянство женщинъ, рѣшился всецѣло предаться „наслажденію природой“. „Я могу еще находить наслажденіе въ природѣ, утѣшалъ онъ себя. — Да, что-бы ни говорили, природа — великая отрада!.. Какой скорби не смягчить этотъ тихій, ясный вечеръ, видъ этой вѣчно-юной, цвѣтущей земли!..“ Однако скорбь его была такъ велика, что одной природы оказалось недостаточно для уврачеванія ранъ его нѣжнаго, любвеобильнаго сердца. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ средству болѣе радикальному. „Я, говоритъ онъ, — все потерялъ и жизнь мнѣ въ тягость... но я не хочу съ нею покончить... Это было бы червечуръ малодушно. Да, человекъ, который уже ничего не ждетъ для себя, ничего для себя не требуетъ, можетъ сдѣлать много добра... быть можетъ, я еще уврачую не одну душу... освобожу отъ нищеты, отъ нравственнаго гнета... Я всегда понималъ радости первыхъ христіанъ (!?)... Въ Россіи обширное поле для дѣйствія... Безъ дѣтскихъ порывовъ, безъ смѣшныхъ самообольщеній, я твердо и спокойно буду служить людямъ...“

Видите-ли, когда онъ вздумалъ „служить людямъ“! Для него это „служеніе“ равносильно самоубійству! „Все потеряно, жизнь не общаетъ мнѣ никакихъ радостей и утѣшеній, мнѣ-бы слѣдовало пустить себѣ нулю въ лобъ... но“.. но вѣдь это будетъ слишкомъ больно, лучше ужъ буду служить людямъ, авось — чѣмъ чортъ не шутитъ — еще и амуръ какой подвернется!

И авторъ увѣряетъ послѣ этого, что у его героя есть какіе-то идеалы, какіе-то принципы! Помилуйте, да развѣ въ подобную голову можетъ войти какая-нибудь здоровая человѣческая мысль? Развѣ у этого пошлаго барчука могутъ быть какія-нибудь отвлеченныя убѣжденія и опредѣленныя цѣли? *

Сопоставляя благонамѣренныя рѣчи дубровскаго помѣщика съ его поступками и съ его отношеніями къ Манѣ, мы не находимъ ни малѣйшаго противорѣчія между его теоретическимъ міросозерцаніемъ и его практическою дѣятельностью.

Подобный герой „глуши“ замутить, очевидно, не могъ. Наслаждаться деревенскимъ комфортомъ, развлекаться амуромъ съ окрестными барышнями и „мужниными женами“, предпринимать время отъ времени заграничные вояжи, говорить въ земскихъ собраніяхъ либеральныя рѣчи, зачитываться „Вѣстникомъ Европы“,

сочувствовать всѣмъ „благимъ начинаніямъ“ и общепользнымъ предпріятіямъ, жить со всѣми въ мирѣ, радѣть о земскихъ школахъ и больницахъ, немножко будировать противъ мѣстной бюрократіи, всегда и во всемъ ставить свои личные интересы выше интересовъ своихъ ближнихъ, не допускать никакихъ эсцесовъ ни въ словахъ, ни въ поступкахъ,—однимъ словомъ, лавировать между двумя водами, *быть* совершенно безличнымъ, но *казаться* вѣчно дѣятельнымъ и самостоятельнымъ лицомъ, — таковъ былъ идеаль Хрущова, и изъ романа не видно, чтобы онъ когда-нибудь чувствовалъ желаніе уклониться отъ него или даже хотя немножко отрицательно отнестись къ нему.

Идеаль этотъ вполнѣ соотвѣтствовалъ всѣмъ его инстинктамъ и наклонностямъ и какъ нельзя лучше подходилъ къ той степени умственного и нравственного развитія, на которой онъ стоялъ.

Однако, повторяю опять, Марко-Вовчокъ смотритъ и долженъ смотрѣть на своего героя совсѣмъ иначе. Онъ видитъ въ немъ какого-то новѣйшаго Рудина, говорящаго пламенные рѣчи—къ несчастію, самыхъ-то рѣчей онъ не приводитъ, такъ-что приходится вѣрить на-слово— „о братствѣ и равенствѣ“, „о справедливости, о правѣ бѣднаго на счастье, о долгихъ страданіяхъ женъ, матерей и дѣтей, о варварствѣ дѣлать изъ своего брата раба“ и т. п. Авторъ хочетъ увѣрить насъ, будто герой его преисполненъ возвышеннѣйшихъ и благороднѣйшихъ мыслей, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ проповѣдникъ и апостолъ „новыхъ идей“, но что такъ-какъ эти „новыя идеи“ шли въ разрѣзъ съ его личными интересами, то онъ и ограничивалъ свое служеніе имъ „одними лишь словами“. Тенденція романа, какъ видите, хотя и очень стара и избита, но все-же недурна и все еще не лишена нѣкоторой современности. Къ несчастію, авторъ совершенно не съумѣлъ осуществить ее. Вмѣсто „раздвоеннаго“ Рудина онъ изобразилъ одного изъ самыхъ обиденнѣйшихъ и однообразнѣйшихъ пошляковъ, — одного изъ современныхъ либеральныхъ Молчалиныхъ.

Вслѣдствіе такого невѣрнаго освѣщенія героя, героиня тоже является въ ложномъ свѣтѣ и весь романъ отзывается какою-то

фальшью, полнѣйшимъ отсутствіемъ не только художественной, но и простой житейской правды. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте хорошенько: ну, какое вліяніе могъ оказать этотъ благонамѣренный Молчалинъ на впечатлительную, увлекающуюся, непосредственно-честную и искреннюю Маню? Могъ-ли онъ заронить въ ея дѣвственно-непорочную душу „жизни чистой, человѣчной благотворное зерно“?

Помилюйте, да вѣдь подобные господа если и могутъ вліять на непорочныя души деревенскихъ дѣвственницъ, то ужь, конечно, совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ авторъ заставляетъ вліять своего героя. Они не возбуждаютъ возвышенныхъ порывовъ, не увлекаютъ на путь честныхъ стремленій и отреченія отъ своего я въ пользу общаго блага,—о, нѣтъ, они, напротивъ, охлаждаютъ и сдерживаютъ всякія увлеченія и эксцесы.

Понятно, что при встрѣчѣ съ „задумывающимися“ юношами и юницами наши Молчалины должны производить на нихъ такое-же дѣйствіе, какое производитъ ушатъ холодной воды, вылитый на голову горячечнаго больного. Они и смотрять-то даже на этихъ юношей и юницъ, какъ на горячечныхъ больныхъ.

Да, именно такъ Хрущовъ и смотрѣлъ на Маню. Во всѣхъ ея „благородныхъ“ увлеченіяхъ, въ ея желаніи беззавѣтно и всецѣло отдаться служенію „идеямъ“, въ ея пренебрежительномъ отношеніи къ „умѣренности и акуратности“, этому вѣчному девизу всѣхъ Молчалиныхъ, онъ видѣлъ какую-то „странную дикость“, что-то ненормальное, болѣзненное, рѣшительно несообразное съ требованіями „благоразумія“ и „здраваго смысла“.

Онъ и самой Мани это прямо высказывалъ. „Зачѣмъ-же... зачѣмъ-же утрировка? убѣждалъ ее благоразумный Молчалинъ. — Ты могла-бы, пожалуй, и учить, и утѣшать, но не утрируя...“

Съ точки зрѣнія своихъ принциповъ онъ былъ, конечно, вполне правъ. Но у Мани-то, у нея-то откуда явилась эта „утрировка“, эта беззавѣтная любовь къ „идеямъ“, это упорное стремленіе жить сообразно съ ними, наконецъ, откуда явились эти идеи, влекущія ее куда-то впередъ?

VI.

Разумѣется, авторъ имѣетъ полное право отвѣчать и не отвѣчать на эти вопросы. И если-бы онъ не желалъ на нихъ отвѣчать, если-бы онъ, изображая данный характеръ, устранился отъ всякихъ попытокъ объяснить его генетическое развитіе, то критика и не обратилась-бы къ нему съ назойливыми: да *какъ*, да *откуда* это, да *почему*? Авторъ могъ-бы тогда прямо заявить ей, что ему нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до того, какъ и почему образовался, при какихъ обстоятельствахъ выработался описываемый имъ характеръ; онъ передаетъ свои непосредственныя впечатлѣнія, свои житейскія наблюденія, воплощая ихъ въ художественную форму, и если эти впечатлѣнія правильны, если эти наблюденія соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ, реальнымъ фактамъ, то онъ исполнилъ свою задачу и больше отъ него нечего и требовать. Пусть ужъ сама критика ломаетъ себѣ голову надъ вопросомъ о происхожденіи даннаго характера, пусть она сама рѣшаетъ, на-сколько при данныхъ условіяхъ подобный типъ возможенъ или невозможенъ. И какъ-бы она ни рѣшила этотъ вопросъ, авторъ тутъ не причемъ; при самомъ неблагоприятномъ для него случаѣ (когда, напр., окажется, что данныя условія нисколько не гармонируютъ съ даннымъ характеромъ), она можетъ развѣ упрекнуть его только за то, что онъ обратилъ свое художественное око на явленіе черезчуръ исключительное, ненормальное, изъ ряда вонъ выходящее. Но, конечно, и этотъ упрекъ будетъ неоснователенъ, ибо „художества“ спокойнѣе вѣка считаются „свободными“, а, слѣдовательно, каждый авторъ воленъ выбирать себѣ сюжетъ по собственному вкусу и усмотрѣнію.

Совсѣмъ, однако, другое дѣло, если авторъ самъ, такъ-сказать, беретъ на себя отвѣтственность за реальное правдоподобіе описываемаго характера; если онъ не только говоритъ: „вотъ, смотрите; какіе на свѣтѣ бываютъ люди“, но еще прибавляетъ: „вотъ такъ-то и такъ-то; при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ“, — тутъ уже критика имѣетъ полное право требовать отъ автора категорическихъ отвѣтовъ на имъ-же самими поставленные вопросы,

и если отвѣты окажутся неудовлетворительными, то она, не пускаясь ни въ какую дальнѣйшую провѣрку и не собирая никакихъ новыхъ доказательствъ, на основаніи одного лишь его собственнаго показанія, должна будетъ признать въ изображаемыхъ имъ образахъ отсутствіе не только художественной, но и вообще всякой житейской правды.

Марко-Вовчокъ не просто рисуетъ характеръ Мани въ тотъ моментъ, когда она сошлась съ Хрущовымъ; авторъ старается объяснить намъ, почему именно этотъ характеръ вышелъ такимъ, а не другимъ; подъ какимъ влияніемъ, при какихъ условіяхъ онъ выработывался и развивался. Благодаря этимъ объясненіямъ, онъ самъ себя уличаетъ во лжи. Главнымъ развивателемъ Мани былъ нашъ современный Молчалинъ; по одному уже этому вы можете судить, въ какомъ духѣ и направленіи должно было совершиться Манино развитіе. Изъ нея должна была выработаться скромная, пожалуй, начитанная и даже умная, но прежде всего и болѣе всего благоразумная, расчетливо-умѣренная, положительная барышня, нѣчто въ родѣ Софьи Фамусовой, только съ болѣе либеральной подкладкой и болѣе широкимъ кругозоромъ мысли. А между тѣмъ авторъ представляетъ Маню страстною идеалисткою, преисполненною самыми благородныхъ увлеченій, ни въ чемъ незнающею ни мѣры, ни середины. Какъ-же это могло случиться?

Авторъ пытается объяснить это „художественное“ чудодѣйство весьма оригинальнымъ соображеніемъ. „Путеводитель ея (т. е. Хрущовъ), въ тотъ періодъ, когда онъ ее только развивалъ, говорилъ ей лишь о борьбѣ со зломъ и мракомъ, о служеніи добру, о необходимости простора и свѣта, о долгѣ человѣка неуклонно слѣдовать по пути правды“ и т. п., но о томъ, какъ слѣдуетъ вести эту борьбу, въ чемъ именно долженъ состоять этотъ путь правды, какія трудности нужно преодолѣть во имя служенія добру и т. п., обо всемъ этомъ онъ тщательно умалчивалъ, и впервые затронулъ эти деликатные вопросы тогда только, когда Маня сдѣлалась его любовницею.— Тутъ только, говоритъ авторъ, — онъ выставилъ ей на видъ не только трудности и терніи этого пути (т. е. пути правды), но и наглядно указалъ, какъ опасно по нему быстро стремиться“. — „Мани же, продолжаетъ авторъ, — противно было ползти улѣткою, ей хотѣлось бѣжать, бѣжать,

пока не будет достигнута цѣль, къ которой она стремилась...“ Отсюда взаимныя недоразумѣнія и разрывъ; но о разрывѣ послѣ: теперь нѣсколько словъ по поводу объясненія.

Несообразность его очевидна съ перваго взгляда. Прежде всего, могъ-ли такой благоразумный и умѣренно-либеральный барчукъ, какъ Хрущовъ, проходить молчаніемъ „трудности и тернія“, когда именно эти-то „трудности и тернія“ составляютъ главную исходную точку зрѣнія современнаго молчалинскаго міросозерцанія? Хрущовы, толкуя о необходимости борьбы со зломъ, никогда не скажутъ: „нужно бороться со зломъ, хотя это и трудно“; нѣтъ, они выражаются такъ: „трудно, очень трудно бороться со зломъ, хоть это и нужно“. Необходимость борьбы у нихъ всегда стоитъ на второмъ, на заднемъ планѣ, а трудность—на первомъ. Это-то именно и составляетъ характеристическую особенность вѣхъ ихъ проповѣдей. Они васъ сначала огорошатъ, обольютъ нѣсколькими ушатами холодной воды, осмѣютъ ваши горячія увлеченія и беззавѣтные порывы, и уже тогда, когда „уймутся волненія вашихъ страстей“, когда вы охладитесь, успокоитесь и всецѣло проникнетесь мыслию о невозможности „прати противъ рожна“, когда готовы будете опустить съ отчаяніемъ руки, они, съ самодовольною улыбочкою, раскроютъ передъ вами узенькую перспективу какой-нибудь узенькой дѣятельности, разукрасятъ, разцвѣтятъ ее, сдѣлаютъ изъ мухи слона, и вы, чтобы не сидѣть сложа руки, пачнете съ жадностью ловить эту муху, какъ утопающій ловить соломенку. О, Хрущовы—народъ хитрый, они рассчитываютъ вѣрно, и неопытная, „дѣвственная“ душа, разъ попавшая въ ихъ сѣти, почти уже никогда не выбивается изъ нихъ.

Но если Хрущовъ не могъ говорить „о пути правды“, не говоря, въ то же время, о его „трудностяхъ и терніяхъ“, то еще менѣе могла сдѣлать это сама Маня. Какъ, вы хотите насъ увѣрить, что у нея были свои идеалы, что она любила ихъ, что она готова была принести имъ въ жертву все, рѣшительно все... даже свою любовь, и тутъ-же вы прибавляете, будто она относилась къ нимъ на-столько платонически, что вопросъ о ихъ осуществимости, вопросъ о средствахъ, даже и на умъ ей не приходилъ? Согласитесь, если ее хоть сколько-нибудь интересовалъ этотъ вопросъ, не могла-же бы она проходить его молчаніемъ въ

своихъ развивательныхъ бесѣдахъ съ Хрущовымъ. Да и сама она не могла о немъ не думать. У кого есть хоть какой-нибудь идеалъ, кто хоть какъ-нибудь разрѣшилъ себѣ вопросъ, что дѣлать, тотъ ео ipso разрѣшаетъ и вопросъ, какъ дѣлать. Послѣдній вопросъ заключается въ первомъ, какъ часть въ цѣломъ. Легко, конечно, сказать, что вотъ, молъ, у такого-то человѣка хотя умъ постоянно и занятъ мыслью о борьбѣ добра со зломъ и мракомъ, о служеніи добру и т. п., но ему, въ то же время, совершенно чужды представленія о средствахъ борьбы, о путяхъ служенія добру и т. п., — сказать это, и даже написать, очень легко, но въ дѣйствительности, однакожь, этого никогда не бываетъ и быть не можетъ. Одно изъ двухъ: или Маня, зарядившись двумя, тремя общими идеями, никогда надъ ними не задумывалась, никогда не старалась разяснить ихъ себѣ, сдѣлать изъ нихъ какіе-нибудь практическіе выводы и примѣненія, или она, дѣйствительно, отнеслась къ нимъ сознательно: переработала, дополнила, развила, анализировала ихъ, продумала и прочувствовала, прониклась ими всею своею душою и всѣмъ своимъ сердцемъ. Въ первомъ случаѣ, изъ нея должна была-бы выйти пустая, глупая, дрянная фразерка, совершенно неспособная не только „жить по идеямъ“, но даже и имѣть какія-бы то ни было осмысленныя идеи. Это была-бы одна изъ самыхъ заурядныхъ, кисейныхъ барышень, какъ-разъ по вкусу современному Молчалину, и ужь, конечно, она никогда не разошлась-бы съ нимъ и не разочаровалась-бы въ немъ. Вѣдь Молчалинъ, по сравненію съ нею, все-таки сила, да еще какая сила!

Во второмъ случаѣ, Маня должна-бы была раскусить Хрущова гораздо раньше, чѣмъ сошлась съ нимъ, и она опять-таки не имѣла-бы никакихъ разумныхъ основаній такъ поздно въ немъ разочаровываться.

Такимъ образомъ, изъ объясненія самого автора оказывается, что въ обоихъ случаяхъ отношенія героини къ герою не могли-бы быть таковы, какими они изображены въ романѣ.

Но это еще не все. Объясненіе автора противорѣчитъ всему, что онъ рассказываетъ о жизни Мани до и послѣ ея окончательнаго сближенія съ Хрущовымъ. Пока Маня еще не сдѣлалась любовницею Молчалина, она весьма тихо и мирно прозябала въ домѣ

своей „благодѣтельницы“, не заявляла себя никакими „подвигами“, никакими благородными увлеченіями и вообще ничѣмъ не обнаруживала своей „вышей природы“. Никто тогда не считалъ ее ни идеалисткою, ни фантазеркою, никто не подозрѣвалъ, что въ ея головкѣ роются какія-то идеи, которымъ она безусловно предана и во имя которыхъ она способна на всевозможныя жертвы. Очевидно, идеи эти, — если онѣ у нея и были тогда, — очень мало ее мучили; по крайней мѣрѣ, она очень тщательно скрывала ихъ и не дѣлала ни малѣйшихъ попытокъ прилагать ихъ къ жизни. Но вотъ является ея развиватель; она начинаетъ съ нимъ амуричать, переселяется въ его усадьбу, и тутъ-то начинается ея утрированное (по выраженію Хрущова) служеніе „идеѣ добра“. А между тѣмъ именно въ это-то время Молчалинъ и просвѣщалъ ее насчетъ „трудностей и терній“ пути правды. Но какъ-же это? Значить, восторженной идеалисткою, „рыцаремъ идей“ она сдѣлалась совсѣмъ не тогда, когда Молчалинъ разыгрывалъ роль Рудина, а именно тогда, когда онъ явился во всемъ своемъ молчалинскомъ блескѣ. Вслѣдствіе этого, внезапная метаморфоза Мани изъ скромной и немножко добродѣтельной деревенской барышни въ самоотверженную „служительницу добра“, въ ревностную просвѣтительницу разныхъ Поленекъ и Апполошенекъ (которыхъ, замѣтимъ въ скобкахъ, она знала и прежде и относилась къ нимъ совершенно индифферентно) представляется чѣмъ-то совершенно необъяснимымъ, какимъ-то *deus ex machina*. Такъ-же мало объяснимо и превращеніе Поленьки, весьма простоватой, глупенькой и нравственно совсѣмъ неразвитой чумички.

Вообще вся концепція романа, исторія героини и ея отношеній къ герою поражаютъ васъ своею лживостью и искусственностью. Авторъ хотѣлъ написать нѣчто тенденціозное, но тенденціозное ему никогда не удается, что уже критика и замѣчала ему по поводу его „Живой души“. И еще на бѣду свою, онъ выбираетъ субъектами для проведенія своихъ тенденцій людей, принадлежащихъ къ міру, очевидно, совершенно ему незнакомому.

Нагляднѣе всего въ этомъ можно убѣдиться по его послѣднему произведенію.

Ну, что такое, въ самомъ дѣлѣ, эта Мана? Авторъ увѣряетъ, будто она очень много читала, будто у нея есть какіе-то идеалы.

А между тѣмъ эта „начитанная“ дѣвица разыгрываетъ передъ своимъ возлюбленнымъ роль какой-то наивной дурочки. На его молчалинскія разсужденія она не находитъ никакихъ возраженій и, повидимому, теоретически даже согласна съ нимъ. Когда онъ убѣждаетъ ее, что „послѣшность доводитъ только до бѣды“, она вѣритъ ему и начинаетъ даже опасаться за него. Но ей самой, видите-ли, почему-то „противно ползти улиткою“. Почему? Она сама этого не знаетъ и не умѣетъ объяснить. Молчалинъ кажется ей превосходнѣйшимъ человѣкомъ, она его любитъ до такой степени, что по одному его слову—и то сказанному не въ серьезъ, а такъ, для примѣра—бросается въ пропасть—не въ иносказательную, а въ дѣйствительную, настоящую пропасть. Но несмотря на это, ей невыносимо съ нимъ жить. Опять-таки—почему?—едва-ли она въ состояннн дать на это какой-нибудь осмысленный, опредѣленный отвѣтъ. Въ своемъ прощальномъ письмѣ къ возлюбленному она выражается на этотъ счетъ такимъ образомъ: „Я бѣгу, потому что такъ лучше, скорѣе, потому что боюсь съ тобою прощаться, боюсь твоего горя. Я не хочу такъ жить, какъ жила, не могу. Пробовала, старалась—и не могу. Я измучилась, а теперь рѣшила—и легко. Ты увѣришь, что я дитя, мечтательница; нѣтъ: правда, добро—не мечты. Вѣдь ближе же люди, есть-же и теперь люди, которые для правды не жалѣютъ ни себя, ни своего счастья... Я чувствую, я знаю, что ты не пойдешь, куда меня тянетъ, а потому лучше намъ разстаться“. „Куда меня тянетъ“... но куда-же ее тянетъ? Во время своего сожителства съ возлюбленнымъ, когда ея руки были вполне развязаны и никто, ни въ чемъ не стѣснялъ свободы ея дѣйствій, когда влюбленный Молчалинъ смотрѣлъ ей въ глаза, она ничего болѣе не дѣлала, какъ только занималась частною филантропіею (и притомъ крайне неумѣло), да обучала грамотѣ Полю и Апполошку. Занятія совершенно невинныя и вообще свойственныя всѣмъ добродѣтельнымъ деревенскимъ барышнямъ. Молчалинъ ничего противъ нихъ не имѣлъ, ему хотѣлось только, чтобы Маня удѣляла немножко болѣе времени на амурныя упражненія, немножко болѣе заботилась о своихъ костюмахъ и немножко менѣе довѣряла разнымъ Матренамъ. Можетъ быть, эти-то желанія и были немножко глупы, но, во всякомъ случаѣ,

не на-столько-же они были предосудительны, чтобы изъ-за них стоило расходиться съ любимымъ человѣкомъ. А между тѣмъ никакихъ другихъ причинъ расхожденія въ романѣ не указано. Въ письмѣ, правда, говорится, что Хрущовъ относился къ Манѣ вообще какъ къ ребенку, къ „мечтательницѣ“. Но вѣдь въ этомъ опять-таки была виновата сама Маня. Зачѣмъ-же она такъ глупо вела себя относительно его? Зачѣмъ она ни себѣ не опредѣлила, ни ему не говорила, чего именно она хочетъ, куда именно она стремится? Зачѣмъ она молчала и робѣла, когда онъ развивалъ передъ нею свою молчалинскую мудрость? Вообще всѣ ея поступки запечатлѣны были такою наивностью, что не только Молчалины, но и всѣ безпристрастные люди не могли-бы иначе отнестись къ ней, какъ къ „ребенку“, какъ къ „мечтательницѣ“. Очень можетъ быть, что у этого ребенка было предоброе и пренѣжное сердце, но за то въ умственномъ отношеніи это была Флурансова курочка съ вырѣзанными верхними полушаріями мозга.

И эту-то Флурансову курочку намъ выдаютъ за новую женщину, живущую идеями! О, г. Марко-Вовчокъ, помилосердствуйте! Бросьте эти темы, онѣ совсѣмъ не про васъ, и не пишите никогда романовъ съ современными тенденціями! Конечно, ваше желаніе идти въ уровень съ вѣкомъ весьма похвальное желаніе, но... но вѣдь одного похвальнаго желанія еще недостаточно. Нужно хорошо знать и понимать тотъ міръ, тѣхъ людей, тѣ чувства и интересы, которые вы желаете подвергать своему художественному воспроизведенію. Это—азбучная, тривиальная истина, не спорю; но зачѣмъ-же вы ее забываете? Очень можетъ быть, это происходитъ потому, что вы черезчуръ преувеличиваете силу и разбѣръ вашего таланта, въ которомъ, извините меня, тоже одного подушарія не хватаетъ.

Вы совсѣмъ не принадлежите къ разряду тѣхъ всеобъемлющихъ художниковъ, для которыхъ въ „человѣческомъ сердцѣ ничто не тайна“, которые способны подмѣчать и правильно, т. е. художественно, обобщать самые разнообразные характеры, способны отзываться на самые разнообразные запросы времени. Нѣтъ, сфера вашего художественнаго творчества весьма ограничена. Изъ всевозможныхъ типовъ вамъ доступенъ одинъ лишь типъ: типъ добродушнаго, нѣжнаго, немножко плакси-

ваго, сантиментальнаго и любопытнаго малоросса; изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ—чувство любви, не любви реальной, не любви грубо-чувственной, а какой-то идеальной, млѣющей, меланхолической, небесной; изъ всѣхъ разнообразныхъ житейскихъ отношеній вы лучше всего воспроизводите отношенія, устанавливающіяся между людьми властными, сильными, но эгоистичными и жестокими, и людьми безвластными и безгласными, загнанными, но за то нѣжными, любящими и вообще прекраснодушными.

Этими отношеніями, этими чувствами, этими характерами вполне исчерпывается и опредѣляется поле художественнаго круговора автора „Въ глуши“. Правда, даже и въ области явленій, доступныхъ его „художественному оку“, онъ не всегда вѣрно воспроизводитъ дѣйствительность; излишняя сантиментальность, приторный лиризмъ и здѣсь нѣшаютъ ему видѣть предметы въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и заставляютъ его нерѣдко разсыропливать и подкрашивать грубый реализмъ жизни; но все-таки, пока онъ не выходилъ за предѣлы этой, болѣе или менѣе хорошо знакомой ему сферы, въ его произведеніяхъ не было и сотой доли той фальши, искусственности, того лицемерія и поддѣлки, которыя мы находимъ въ нихъ теперь.

VI.

На романъ „Подростокъ“ стоитъ остановиться,—стоитъ уже по тому одному, что надъ этимъ произведеніемъ трудилась не дѣтская, не нѣжная висточка слезоточиваго Марко-Вовчка, а мастерская кисть одного изъ замѣчательнѣйшихъ и, я немногимъ ошибусь, если скажу—одного изъ первокласснѣйшихъ художниковъ (конечно, я говорю только о россійскихъ художникахъ) нашего времени,—времени, столь богатаго по части всевозможныхъ „художествъ“ и столь бѣднаго по части художественныхъ талантовъ...

Но... да простятъ меня мой великодушный читатель: я имѣю противъ него нѣкоторый злой умыселъ, я хочу подвергнуть его долготерпѣніе новому испытанію... „Какъ, неужели опять эстетика?“ Да, читатель, какъсь впередъ: эстетика. И самъ знаю, что это надоѣло тебѣ хуже горькой рѣдьки, но никакъ нельзя безъ эстетики; невозможно говорить о „Подросткѣ“, не сказавъ ни слова объ его авторѣ.

По поводу „Бѣсовъ“ мнѣ уже разъ приходилось бесѣдовать о талантѣ г. Достоевскаго; сознаюсь, поводъ этотъ былъ выбранъ не особенно удачно. „Бѣсы“, безспорно, одно изъ самыхъ слабыхъ, самыхъ „нехудожественныхъ“ произведеній автора „Мертваго дома“, „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, автора „Преступленія и наказанія“. Я старался объяснить тогда „нехудожественность“ и „слабость“ этого романа, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ вышелъ изъ своей сферы и забрался въ такія полестины, гдѣ его художественный инстинктъ не способенъ ничего видѣть, кромѣ обратной стороны медали... Дѣло въ томъ, что г. Достоевскій, хотя и безспорно талантъ крупный, но въ высшей степени односторонній. Главная сила этого таланта заключается въ психологическомъ анализѣ. Очень немногіе изъ современныхъ художниковъ—тутъ ужъ я имѣю въ виду не однихъ только русскихъ беллетристовъ—умѣютъ такъ глубоко заглядывать въ человѣческую душу, какъ онъ. Однако, какъ ни глубоко этотъ анализъ, но онъ все-таки страдаетъ крайнею односторонностью. Копаюсь во внутреннемъ мірѣ чловѣка, авторъ съ особенною любовью останавливается лишь на нѣкоторыхъ его сторонахъ и почти совершенно игнорируетъ остальные. Вслѣдствіе этого почти всѣ дѣйствующія лица въ его произведеніяхъ являются людьми односторонними, не вполне нормальными, весьма сильно смаживающими на пациентовъ изъ сумасшедшаго дома. Въ ихъ психической жизни нѣтъ ни порядка, ни гармоніи, она почти всегда находится подъ фатальнымъ гнетомъ одного какого-нибудь психическаго мотива—одного какого-нибудь чувства или мысли. Сосредоточивая на этомъ преобладающемъ мотивѣ все свое вниманіе, авторъ, по необходимости, долженъ утрировать его, доводить до болѣзненной напряженности. Онъ смотритъ на человѣческую душу сквозъ увеличительное стекло и это стекло онъ всегда наводитъ лишь на извѣстныя душевныя состоянія, на извѣстные явленія и факты психическаго міра; эти-то излюбленные имъ состоянія, явленія и факты всегда выдвигаются у него на первый планъ, принимаютъ чрезвычайные, непропорціонально огромные размѣры и, само собою понятно, производятъ на читателя рѣзкое, сильное, нерѣдко потрясающее впечатлѣніе.

Съ эстетической точки зрѣнія, это, если хотите, большой не-

достатокъ. Авторъ не въ состояніи создать цѣлостнаго, всесторонне, гармонически - развитаго художественнаго характера. Всѣ его герои, говоря словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ „Подросткѣ“, это— „люди безумія“. Тою же печатью „безумія“ запечатлѣнъ у него обыкновенно и самый планъ романа. И это вполне понятно: отъ столкновенія „безумныхъ людей“ ничего другого и произойти не можетъ, кромѣ вещей дивныхъ, нелѣпныхъ, безумныхъ. Какъ въ ихъ внутреннемъ мірѣ, такъ и въ ихъ жизни, все поражаетъ васъ своею странностью, беспорядочностью, несообразностью, своею неожиданностью. Событія слѣдуютъ одно за другимъ безъ всякой, повидимому, внутренней необходимости; элементъ случайнаго является преобладающимъ элементомъ и поверхностный читатель долженъ составить себѣ очень невыгодное мнѣніе о художественной фантазіи автора. А между тѣмъ у этой фантазіи есть своя логика, и логика весьма послѣдовательная. Авторъ ни на минуту не забываетъ, съ какого рода субъектами онъ имѣетъ дѣло; онъ понимаетъ, что подобныя субъекты не могутъ такъ говорить и такъ поступать, какъ говорятъ и поступаютъ обыкновенные, нормальные люди. То, что для послѣднихъ будетъ и странно, и случайно, и дико, и нелѣпо, то для первыхъ вполне естественно, разумно и логично.

Но какъ бы ни былъ авторъ правъ съ своей точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ его произведенія, благодаря только-что указаннымъ причинамъ, никогда не производятъ и не могутъ производить цѣлостнаго художественнаго впечатлѣнія. Правда, въ нихъ попадаются отдѣльныя мѣста и вводные эпизоды (въ родѣ, напр., разсказа чиновника Ермолаева въ романѣ „Преступленіе и наказаніе“ или эпизода съ Олей—въ „Подросткѣ“), въ высшей степени замѣчательные по своей художественной правдѣ, но эти отдѣльныя мѣста и эпизоды совершенно теряются и исчезаютъ въ общей массѣ несообразностей и уродливостей.

Поэтому повторяю опять то, что уже я, кажется, говорилъ по поводу „Бѣсовъ“ и что гораздо раньше меня высказывалъ Добролюбовъ по поводу „Униженныхъ и оскорбленныхъ“: — значеніе г. Достоевскаго, какъ художника, съ чисто-эстетической точки зрѣнія, очень и очень не велико. Въ самомъ дѣлѣ, эстетика требуетъ отъ художника прежде всего художественной правды. Но вотъ именно

этому-то ея основному, элементарному требованію, — въ которомъ, впрочемъ, уже содержатся и всѣ остальные ея требованія, — г. Достоевскій никогда не удовлетворялъ и не можетъ удовлетворить; художественная правда, какъ и правда научная, есть ничто иное, какъ правильное обобщеніе частныхъ единичныхъ явленій; она отличается отъ послѣдней только тѣмъ, что выражается не въ отвлеченной логической формулѣ, а въ живомъ конкретномъ образѣ. Но для того, чтобы обобщеніе было правильно, чтобы въ немъ не было никакихъ натяжекъ, никакой искусственности, никакого произвола, необходимо обладать способностью отличать въ явленіи случайное отъ постоянного, ненормальное отъ нормального, второстепенное отъ главнаго. Г.-же Достоевскій если и обладаетъ этою способностью, то только въ весьма и весьма слабой степени. Особенность его таланта въ томъ-то именно и состоитъ, что онъ всегда склоненъ исключительное, аномальное, временное, преходящее, случайное возводить въ нѣчто постоянное, нормальное, преобладающее. Не говоря уже о томъ, что его „художественнымъ взорамъ“, какъ замѣчено выше, доступны лишь нѣкоторые уголки человѣческой души и что поэтому его художественныя наблюденія страдаютъ односторонностью, онъ даже и въ этихъ хорошо знакомыхъ ему уголкахъ, даже и въ этихъ одностороннихъ наблюденіяхъ никогда почти не въ состояніи сохранить вполне объективнаго безпристрастія; всегда онъ что-нибудь да вложитъ отъ себя, что-нибудь прикраситъ, расцвѣтитъ, преувеличитъ и исказитъ.

Въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ, это, если можно такъ выразиться — хотя я знаю, что выраженіе не вполне соответствуетъ моей мысли — субъективно-пристрастное отношеніе къ наблюдаемымъ явленіямъ переходитъ за предѣлы всякаго благо-разумія и приличія... Происходить-ли это у автора сознательно или бессознательно — рѣшить это, конечно, трудно, потому что роль критика не есть роль психіатра. Однако, въ большинствѣ случаевъ, эту особенность авторскаго творчества, по всей вѣроятности, слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что Бѣлинскій, въ одномъ разговорѣ съ г. Достоевскимъ, называлъ „блудодѣніемъ таланта“ (см. „Дневникъ писателя“, № 2, февраль, стр. 48.)

Объ этомъ „блудодѣніи“ самъ г. Достоевскій очень не

дурно говорить въ своемъ „Дневникѣ“. „Мнѣ кажется, откровенно сознается онъ, говоря, очевидно, о себѣ, хотя имѣетъ въ виду другихъ,—мнѣ кажется, чрезвычайно рѣдко человѣкъ способенъ совладать съ своимъ дарованіемъ, и что, напротивъ, почти всегда талантъ поработаетъ себѣ своего обладателя, такъ-сказать, какъ бы схватывая его за шиворотъ (да, именно въ такомъ унижительномъ нѣрѣдко видѣ мы находимъ самого г. Достоевскаго) и унося его на весьма далекія разстоянія отъ настоящей дороги. У Гоголя гдѣ-то (забылъ гдѣ) одинъ враль началъ о чемъ-то рассказывать и, можетъ быть, сказалъ-бы правду, „но сами собою представились такія подробности“ въ рассказѣ, что уже никакъ нельзя было сказать правду.“ „Во всякомъ талантѣ есть всегда эта нѣкоторая, почти неблагодарная, излишняя „отзывчивость“, которая всегда тянетъ увлечь самага трезваго человѣка въ сторону.

Реветь-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ...

или тамъ что-бы ни случилось, тотчасъ-же и пошелъ, и пошелъ человѣкъ, и выгралъ, и размазался, и увлекся...“ Въ томъ-же „Дневникѣ“ г. Достоевскій удачно сравниваетъ талантливаго человѣка съ однимъ московскимъ купчикомъ, которому папаша оставилъ, послѣ своей смерти, капиталъ. У купчика была мамаша; она тоже вела какую-то комерцію и—запуталась. Чтобы выручить ее, нужно было заплатить много денегъ. Купчикъ очень любилъ мамашу, но все-таки платить за нее не сталъ: „Все-же намъ никакъ нельзя безъ капитала. Это чтобы капиталу нашего лишиться — это намъ никоимъ образомъ невозможно, потому какъ намъ никакъ невозможно, чтобы самимъ безъ капиталу“. „Примите за аллегорію, говоритъ г. Достоевскій,—и приравняйте талантъ къ капиталу, что даже и похоже, и выйдетъ такая рѣчь: „это чтобъ намъ безъ блеску и эффекту—это намъ никоимъ образомъ невозможно, потому какъ намъ никакъ невозможно, чтобы намъ совсѣмъ безъ блеску и эффекту“.

Примѣните всѣ эти мѣткія и нелишенные остроумія замѣчанія къ таланту автора „Идіота“, „Вѣсовъ“, „Подростка“, „Преступленія и наказанія“, и вы безъ всякихъ дальнѣйшихъ комментариевъ поймете его частыя уклоненія „на весьма далекія разстоянія отъ настоящей дороги“, вы поймете, почему онъ иногда „и

сказалъ-бы правду, но сами собою представляются такія подробности въ разсказѣ, что ужь правды никакъ нельзя сказать...“ Талантъ его, видите-ли, обладаетъ „почти неблагодарною“, излишнею отзывчивостью, а отзывчивость эта такого рода, что чуть „тамъ что случилось“—убьетъ-ли студентъ ростовщика, нагробить-ли дочь своему отцу, всплыветъ-ли наружу какое-нибудь ловкое мошенничество,—онъ сейчасъ-же „и пошелъ, и пошелъ, и выигралъ, и размазался, и увлекся“.

Очень можетъ быть, что эта „неблагодарная“ отзывчивость, эта склонность къ бессознательному вранью присуща болѣе или менѣе всякому таланту. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ самъ г. Достоевскій; ему и книги въ руки! Кому-же лучше и судить о талантѣ, какъ не самому таланту. Но, во всякомъ случаѣ, его-то таланту она присуща въ наивысшей степени, такъ-что въ плодахъ этого таланта всего труднѣе провести границу, гдѣ собственно оканчивается вранье и начинается правда... Мало того, она составляетъ характеристическую особенность его художественнаго творчества.

Этой особенности критика никогда не должна терять изъ виду: только непрестанно памятуя о ней, она можетъ придти къ правильной оцѣнкѣ характеровъ, воспроизводимыхъ авторомъ, и убеждаться отъ тѣхъ увлеченій и отъ того „блудодѣйствования“, въ которое самъ онъ такъ часто впадаетъ.

„Однако, позвольте, замѣтить намъ, пожалуй, придирчивый читатель (а придирчивыхъ читателей развелось теперь ужасно много: это оттого, конечно, что скука смертная ихъ одолевала),—позвольте: если г. Достоевскій, какъ вы изволили сказать, не даетъ намъ цѣлостныхъ, художественныхъ характеровъ, если онъ все свое вниманіе обращаетъ на явленія болѣе или менѣе исключительныя, на такія душевныя состоянія, которыя относятся скорѣе къ области психіатріи, чѣмъ психологіи, то какой-же особенный интересъ могутъ представлять его произведенія для обыкновеннаго критика, для критика не специалиста по душевнымъ болѣзнямъ?“

Для критика-эстетика—весьма небольшой, готовъ съ этимъ безусловно согласиться. Но въдь наша-же критика (по крайней мѣрѣ,

петербургская критика) и не претендует на эпитет „эстетической“. Эстетическія красоты, художественные достоинства и недостатки того или другого беллетристическаго произведенія интересуют ее очень мало, почти даже совсѣмъ не интересуютъ. *Какъ живописуетъ авторъ*—этотъ вопросъ для нея не особенно существенъ. Для нея несравненно важнѣе вопросъ, *что* онъ живописуетъ и представляетъ-ли или не представляетъ собою это *что* какой-нибудь общественный интересъ.

И вотъ именно съ этой-то точки зрѣнія общественнаго интереса произведенія г. Достоевскаго и представляютъ критикѣ весьма благодарный и весьма обильный матеріалъ. Хотя живописуемая имъ душевныя состоянія и относятся болѣе къ психіатріи, чѣмъ къ психологіи, но въ большинствѣ случаевъ ихъ болѣзненный, патологическій характеръ зависитъ не столько отъ самой природы, сколько оттого, что авторъ черезчуръ ужъ ихъ утрируетъ, черезчуръ выставляетъ ихъ на первый планъ, черезчуръ размазываетъ и разукрашиваетъ. Они у него получаютъ непропорціонально-сильное освѣщеніе, а потому и кажутся исключительными, ненормальными. Но вотъ именно благодаря этому обстоятельству, ихъ пониманіе значительно облегчается, они становятся видными для самыхъ близорукихъ людей, а критика черпаетъ въ нихъ драгоценный матеріалъ для характеристики цѣлаго типа не только отвлеченныхъ чувствъ и страстей, но и живыхъ, конкретныхъ характеровъ.

Разумѣется, все это было-бы еще не особенно важно, если-бы эти явленія нашего внутренняго міра, тѣ „душевныя состоянія“, на которыхъ авторъ останавливаетъ свое исключительное вниманіе, если-бы они, взятая сами по себѣ, не имѣли никакого другаго значенія, кромѣ чисто-медицинскаго, если-бы они не находились ни въ какомъ болѣе или менѣе непосредственномъ отношеніи къ общественнымъ интересамъ. Въ этомъ случаѣ произведенія автора могли-бы подлежать лишь спеціальной, научно-медицинской критикѣ; для критики-же публицистической они имѣли-бы столько-же, если не менѣе, значенія, сколько она имѣютъ для критики эстетической.

Но вотъ въ томъ-то и дѣло, что въ романахъ г. Достоев-

скаго затрогиваются обыкновенно *) такіа психическія явленія, которыя играютъ весьма видную рольъ въ жизни извѣстныхъ классовъ, извѣстной среды нашего общества, и которыя представляютъ, слѣдовательно, весьма любопытный матеріалъ для оцѣнки общественнаго и умственнаго состоянія этой среды, этихъ классовъ.

Въ двухъ своихъ первыхъ большихъ произведеніяхъ— въ романахъ „Бѣдные люди“ и „Униженные и оскорбленные“— и во многихъ другихъ мелкихъ очеркахъ авторъ выдвигаетъ на первый планъ и съ необыкновенною подробностью анализируетъ ту группу явлений, то „душевное состояніе“, которое по-преимуществу характеризуетъ русскихъ интеллигентныхъ забытыхъ людей, пришпиленныхъ судьбою и обстоятельствами, постоянно оскорбляемыхъ и попираемыхъ мимоидущими счастливыми, трепещущихъ, запуганныхъ, то безсловесныхъ и приниженныхъ, то озлобленныхъ и ожесточенныхъ. Макаръ Алексѣевичъ Дѣвушкинъ, Голядкинъ, Прохарчинъ, наконецъ, личность болѣе интеллигентная—Иванъ Петровичъ (въ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“) — съ одной стороны; Ихменевъ, Нелли, Свидригайло, Рогожинъ и т. п.— съ другой— все это представители „забытыхъ“ людей, воплощающихъ въ себѣ, хотя и въ различныхъ степеняхъ, одни и тѣ-же чувства, одно и то-же душевное состояніе. У однихъ только это душевное состояніе проявляется въ какой-то холопской приниженности, въ вѣчномъ оплевываніи своего собственнаго человѣческаго достоинства, въ непрестанномъ самоуниженіи, въ какой-то кроткой, почти даже трогательной безотвѣтности и безобидности. У другихъ, напротивъ, въ злобномъ ожесточеніи на все и всѣхъ, въ постоянномъ недовольствѣ самимъ собою, въ глухомъ, затаенномъ протестѣ, проявляющемся обыкновенно наружу въ какихъ-нибудь дивихъ, бессмысленныхъ и совершенно нецѣлесообразныхъ формахъ. Первые прячутся, трепещутъ, не шелохнутся, дышать даже боятся; послѣдніе самодурничаютъ, бушуютъ, и, за отсут-

*) Я говорю обыкновенно, но не исключительно. Независимо отъ этихъ явлений, представляющихъ, такъ-сказать, общій интересъ, авторъ любитъ останавливаться и на явленіяхъ уже чисто-патологическихъ, какъ, напр., на анализѣ симптомовъ, сопровождающихъ паучью болѣзнь, на раздвоеніи нашего „я“ и т. п. Анализъ этотъ у него превосходенъ, но литературной критикѣ тутъ нечего дѣлать. Пусть этимъ занимаются гг. Бадницкіе и Четотвы.

ствіемъ дѣйствительнаго самоуваженія, напускають на себя суетную гордыню и усвоиваютъ себѣ пренебрежительно-злбный взглядъ на всѣхъ окружающихъ ихъ людей.

Но обо всѣхъ этихъ характерахъ мы здѣсь не будемъ распространяться; критика уже сказала о нихъ свое слово и дала имъ надлежащую оцѣнку. „Приниженные“ и „ожесточенные“ исчерпали, повидимому, полный типъ „забитыхъ“ и „несчастливыхъ людей“. Итогъ былъ подведенъ,—итогъ не особенно утѣшительный. „Мы нашли, такъ заканчиваетъ критикъ свою статью о „забитыхъ людяхъ“,—что забитыхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ личностей у насъ много въ среднемъ классѣ, что имъ тяжело и въ нравственномъ, и въ физическомъ смыслѣ, что, несмотря на наружное примиреніе съ своимъ положеніемъ, они чувствуютъ его горечь, готовы на раздраженіе и протестъ, жаждутъ выхода... Гдѣ этотъ выходъ, когда и какъ онъ совершится—это должна показать сама жизнь“.

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, прошло много времени и утекло много воды. Что-же, найденъ-ли выходъ, указала-ли его жизнь?

Въ самомъ этомъ вопросѣ заключается уже и отвѣтъ на него. Но дѣло не въ отвѣтѣ: его заранее можетъ предугадать даже и такой проникательный критикъ, какъ г. Заурядный. Дѣло въ томъ, что хотя выходъ-то и по сіе время еще не отысканъ, но безцѣльное и бессмысленное озлобленіе перестало удовлетворять наиболѣе развитую и сравнительно наиболѣе счастливую часть забитыхъ людей. Они, эти наиболѣе развитые и счастливые, поняли, наконецъ, что сколько тамъ ни ворчи и ни злись, а легче отъ этого не будетъ. А между тѣмъ и примириться имъ съ своимъ положеніемъ никакъ было невозможно, да и выбиться-то изъ него казалось еще невозможнѣе.

Они стали задумываться, мысль напряженно работала; идеи нарастали за идеями; умъ все болѣе и болѣе отвлекался отъ будничной, практической дѣятельности, все дальше и дальше уносился въ беспечальную область отвлеченныхъ идеаловъ. Скоро оказалось, что въ этой-то области и слѣдуетъ искать спасенія. Выходъ въ нее никому возбраненъ не былъ; она гостеприимно открывала свои объятія всякому желающему. И такъ-какъ она при

этою общала душевное спокойствіе (по крайней мѣрѣ, хоть на время) и забвеніе, то, разумѣется, желающихъ оказалось не мало. И вотъ на мѣсто или, лучше сказать, рядомъ съ людьми „ожесточенными“ и „озлобленными“ появились теперь люди идейные. Первые искали выхода въ чувственной разнузданности, въ дикихъ и безумныхъ порывахъ животныхъ чувствъ и инстинктовъ; вторые — въ мірѣ идей и „высшихъ идеаловъ“.

Такимъ образомъ, идейные люди представляютъ третью, наиболѣе интеллектуальную, категорію забытыхъ людей. Анализу ихъ „души“ г. Достоевскій посвятилъ „Преступленіе и наказаніе“ и „Подростка“. Въ первомъ изъ этихъ произведеній анализъ этотъ крайне одностороненъ и неполонъ, а въ „Подросткѣ“ онъ достигаетъ той глубины, той обстоятельности и той сравнительной объективности, никогда, однакожъ, неспособной отрѣшиться — какъ, мы замѣтили выше, — отъ чисто-субъективнаго элемента, благодаря которому автору такъ хорошо удалось воспроизвести въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ господствующее настроеніе души забытыхъ людей двухъ первыхъ категорій, — людей „привиженныхъ“ и „ожесточенныхъ“. И мнѣ кажется, послѣдній романъ г. Достоевскаго имѣетъ почти такое-же значеніе для оцѣнки *идейныхъ* забытыхъ людей, какое имѣлъ его первый романъ („Вѣдныя люди“) для оцѣнки людей типа Дѣвушкиныхъ, Голядиныхъ и имъ подобныхъ.

Вотъ почему критика, не вполне еще забывшая свое прошлое, критика, оставшаяся вѣрно своимъ принципамъ и неутрачившая сознанія своихъ обязанностей и своихъ задачъ, должна отнестись къ этому роману съ особеннымъ вниманіемъ. Я это и постараюсь сдѣлать, хотя, сознаюсь напередъ, въ немъ собрано такъ много драгоценнаго матеріала для характеристики души русскаго „идейнаго человѣка“, что я заранѣе отказываюсь исчерпать ихъ вполне и всесторонне. Ограничусь только опредѣленіемъ наиболѣе общихъ чертъ и наиболѣе существенныхъ особенностей людей этого типа, — типа, хотя и новаго, но уже отжившаго, сходящаго со сцены, уступающаго свое мѣсто людямъ иного закала, иного характера...

VIII.

„Идейные люди“ выработывались и развивались на той-же почвѣ, которая выростила Дѣвушкиныхъ, Голядкиныхъ, Прохарчиныхъ и т. п. Они состоятъ съ ними въ самомъ близкомъ родствѣ, они родные братья Ивановъ Петровичей (герой „Униженныхъ и оскорбленныхъ“, отъ лица котораго ведется рассказъ), законныя дѣти Ихменевыхъ, Свидригайлъ, Версиловыхъ и иныхъ представителей поколѣнія „отцовъ“.

Нѣ радостно проходило дѣтство этихъ дѣтей подѣ кровомъ ихъ разоренныхъ, ожесточенныхъ и „униженныхъ и оскорбленныхъ“ родителей. Они росли въ загойѣ; съ самыхъ раннихъ лѣтъ имъ приходилось быть невольными свидѣтелями униженія ихъ отцовъ; на ихъ глазахъ оплевывались и оскорблялись самыя святыя права и человѣческія чувства... мало того, имъ самимъ не разѣ доводилось подвергаться этому процессу оплеванія и пассивно подчиняться господству бессмысленной, дикой силы. Прежде, чѣмъ они начали что-нибудь понимать, прежде, чѣмъ они начали мыслить, они уже были озлоблены и ожесточены. Озлобленный, „униженный и оскорбленный“ ребенокъ—всегда эгоистъ. Они и были эгоистами, они и выросли эгоистами, эгоизмъ навсегда остался выдающеюся и наиболѣе существенною чертою ихъ характера.

Ну что-же могло выйти изъ подобныхъ подростковъ? Повидимому—копія отцовъ, вторыя изданія Дѣвушкиныхъ, Голядкиныхъ, Свидригайлъ, Рогожиныхъ, Ихменевыхъ и ихъ близнецовъ. Разумѣется, такъ-бы и случилось, такъ-бы и должно было случиться, если-бы нѣкоторыя постороннія обстоятельства не вмѣшались въ дѣло и не внесли нѣкоторой смуты, хаоса и взаимнаго недоразумѣнія въ темный и таинственный міръ забытыхъ людей. Вѣковѣчные устои ихъ жизни на минуту пошатнулись, почва заколебалась подѣ ихъ ногами. Каждый почувствовалъ себя *какъ-будто* независимѣе, а въ то-же время и *безпомощнѣе*. Начались сомнѣнія и вопросы: „Да какъ-же теперь быть? Да что-же изъ этого выйдетъ? Да неужели-же и взаправду приходитъ конецъ всему тому, къ чему такъ привыкли и о чемъ уже такъ давно перестали думать „униженные и оскорбленные“?“ Явился спросъ

на мысль. Сознавалась необходимость приспособиться къ новымъ формамъ жизни, къ новымъ условіямъ житейской обстановки.

И какъ-разъ въ эту-то, можно сказать, роковую минуту дѣти Версиловыхъ, Ихменевыхъ и др. вступали въ тотъ возрастъ, который изъ всѣхъ человѣческихъ возрастовъ отличается наибольшою воспримчивостью, наибольшою „отзывчивостью“ на всѣ впечатлѣнія внѣшняго міра. Само собою понятно, для нихъ не могло пройти безслѣдно то, что смутило даже ихъ отцовъ. Имъ пришлось *задуматься*, задуматься крѣпко о самихъ себѣ, — о чемъ никогда не задумывались ихъ родители. Такимъ образомъ, ихъ развитіе получило неожиданный толчекъ, выбившій ихъ изъ обывденной колеи, заставившій ихъ рано встать на собственные ноги и прокладывать себѣ новыя, еще непроторенные пути. Въ сущности-же новыя пути мало чѣмъ отличались отъ старыхъ, но все-таки они требовали нѣкоторыхъ особыхъ приспособленій; явилась необходимость въ нѣсколько иной дресировкѣ, чѣмъ та, черезъ которую проходили отцы. Дресировка была неуѣбная, такъ-сказать пробная, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе изъ нихъ даже поотстали отъ отцовъ по части цѣлостности и законченности характера. Въ жизнь имъ, дѣйствительно, пришлось вступать какими-то неоперившимися *подростками*.

Однако уже и въ этихъ неоперившихся подросткахъ можно было прослѣдить двѣ господствующія черты отцовскаго типа, на которыя я указывалъ выше. Въ характерѣ однихъ ясно обрисовывалась наслѣдственная приниженность и забитость, ищущая отрады и утѣшенія въ уединенномъ созерцаніи своего реального ничтожества въ настоящемъ и своего возможнаго возвышенія въ будущемъ. Въ характерѣ другихъ на первый планъ выступало то злобно-эгоистическое ожесточеніе, которое нерѣдко приводило отцовъ къ самымъ возмутительнымъ и самымъ бессмысленнымъ злодѣянамъ.

Но у дѣтей эти черты значительно видоизмѣнились. Дикая разнузданность темныхъ эгоистическихъ инстинктовъ приняла видъ болѣе благообразный, но за то и болѣе омерзительный. Разгулъ озлобленной природы, безумные порывы „униженнаго и оскорбленнаго“ человѣка, выродились въ холодный, расчетливый развратъ, въ самую ординарную нравственную испорченность. Свидригайлъ

и Рогожины заставляють васъ по временамъ содрагаться; Ламберты и Тришатовы внушаютъ къ себѣ одно лишь презрѣніе, и даже не презрѣніе, а какое-то гадливое... сожалѣніе. Нравственные безумцы выродились въ нравственныхъ идиотовъ. Этого требовали новыя условія жизни: заурядное мошенничество, „пакостничанье“ изъ-за угла, „потихоньку и понемножку“, стало теперь дѣломъ болѣе выгоднымъ и менѣе опаснымъ сравнительно съ „злодѣйскими“ чудодѣйствіями „широкихъ натуръ“. Широкимъ натурамъ пришлось сократиться. Дѣти это уразумѣли и сократились... по крайней мѣрѣ, на первое время.

Не меньшей метаморфозѣ подверглась и другая типическая черта забытыхъ людей. Мечты отцовъ оказались уже совсѣмъ не утѣшительными для дѣтей; горизонтъ ихъ мысли на-столько расширился, что Дѣвушкинская философія перестала ихъ удовлетворять; она годилась только до тѣхъ поръ, пока „устой жизни“ были на-столько тверды и непоколебимы, что въ голову забытыхъ людей и мысли даже не могло запасть о ихъ переходномъ состояніи и тлѣнности. Дѣвушкинъ былъ, напр., рѣшительно не въ состояніи себѣ представить, какъ можетъ начальство „не задавать тону“ своему подчиненному и приниженному. „Да вѣдь на томъ и свѣтъ стоитъ, рассуждаетъ онъ, — что всѣ мы одинъ передъ другимъ тону задаемъ, что всякъ изъ насъ одинъ другого распекаетъ. Безъ этой предосторожности и свѣтъ-бы не стоялъ и порядка-бы не было“. Далѣе, онъ твердо вѣровалъ, что „всякое состояніе опредѣлено Всевышнимъ на долю человѣческую. Тому опредѣлено быть въ генеральскихъ эполетахъ, этому служить титулярнымъ совѣтникомъ; такому-то повелѣвать, а такому-то повинаться. Это уже по способности человѣка рассчитано; иной на одно способенъ, а другой на другое, а способности устроены самимъ Богомъ“.

Разъ человѣкъ усвоилъ себѣ такую философію, онъ необходимо долженъ не только примириться съ некрасивой дѣйствительностью, но даже и умиляться передъ нею, находить свой міръ лучшимъ изъ наилучшихъ міровъ. Его мечты и утопіи не могутъ идти далѣе несбыточныхъ желаній сдѣлаться вдругъ генераломъ, жениться на богатой вупчихѣ, заслужить благоволеніе начальства и т. п. Голядкинъ (въ „Двойникѣ“), желая какъ-нибудь утѣ-

шиться послѣ всѣхъ своихъ жизненныхъ неудачъ, превращаетъ себя, въ мечтахъ, конечно, въ идеально-ловкаго, умнаго, красиваго, пронирливаго и находчиваго малаго, отъ котораго всѣ безъ ума, который всюду принимается съ распростертыми объятіями и который не только не трепещетъ, но, въ нѣкоторомъ родѣ, даже за носъ водить свое начальство. Онъ испытываетъ невыразимое удовольствіе, сравнивая самимъ имъ созданнаго, идеальнаго Голядкина (двойника) съ Голядкинымъ реальнымъ. Онъ находитъ, что послѣдній все-таки лучше перваго, и эта мысль успокоиваетъ его.

Разумѣется, подобными игрушками „дѣти“ не могли уже болѣе тѣшиться. Утративъ вѣру (подорванную въ нихъ самою жизнью) почти во все то, во что вѣрили ихъ отцы, они не могли успокоиться на ихъ философіи и, подобно имъ, примириться съ житейскими невзгодами и вообще со всею массою разныхъ „прижимокъ“, оскорбленій и униженій.

Отсюда само собою понятно, что ихъ „идеи“ должны были рѣзко отличаться отъ ребяческихъ фантазій ихъ отцовъ. Понятно также, въ чемъ именно должно было состоять это различіе. Впрочемъ, если-бъ даже для нѣкоторыхъ изъ читателей это было и непонятно, то пусть они обвиняютъ въ этомъ не меня, а самого автора. Самъ г. Достоевскій говоритъ о содержаніи этихъ идей или черевчуръ двусмысленно, или... или черевчуръ ужъ глупо. Руководится-ли онъ въ этомъ случаѣ какими-нибудь посторонними соображеніями, или-же онъ и въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ и путается—рѣшать этого я не берусь, да оно и не особенно интересно. Для характеристики идейныхъ забытыхъ людей важно не столько самое содержаніе „идей“, сколько ея общее направленіе и въ особенности ихъ отношеніе къ ней. Каково-же это общее направленіе и какъ относятся къ „идеѣ“ мечтательные барчуки? Это само собою выяснится изъ анализа характера одного изъ ихъ представителей, Аркадія Макаровича Долгорукаго, незаконнаго сына помѣщика Версилова и одной изъ его крѣпостныхъ „дѣвокъ“.

II. Никитинъ.

ВОСТОКЪ ИЛИ ЗАПАДЪ?

(Россия и Азия. — Сборникъ изслѣдованій и статей по исторіи, этнографіи и географіи, написанныхъ въ разное время В. В. Григорьевымъ-ориенталистомъ. Сиб., 1876.)

I.

Есть что-то роковое, какъ-бы заранѣе predetermined вѣ поступательномъ ходѣ человѣческаго прогресса. Достаточно знать его прошедшее и настоящее, чтобы до известной степени опредѣлить будущее, подобно тому, какъ знаніе основныхъ элементовъ прямолинейной геометрической фигуры вполне достаточно для опредѣленія ея площади.

Многовѣковой и многострадальной процессъ историческаго роста человѣческихъ обществъ, на-сколько онъ освѣщенъ историческою и философскою критикою, несомнѣнно подтверждаетъ, что ростъ этотъ повинуется тѣмъ-же простымъ и неизмѣннымъ законамъ жизни, въ силу которыхъ растеніе, подчиняясь всевозможнымъ вліяніямъ, задерживающимъ или искривляющимъ его стволъ, совершаетъ циклъ своего вегетативнаго развитія въ той мѣрѣ, въ какой являются благоприятными для него, съ одной стороны, почва, питающая его мочку и корень, съ другой — атмосфера, въ которой растеніе дышетъ и, такъ-сказать, расправляетъ свои члены. Вся трудность предрѣшенія вопроса о будущихъ судьбахъ человѣчества заключается въ томъ, что для рѣшенія этой задачи не вполне выяснены наукою основные элементы жизни человѣчества — его прошедшее и настоящее.

Впрочемъ, и на основаніи тѣхъ недостаточныхъ данныхъ, которыми располагаетъ наука, возможно до нѣкоторой степени указать тотъ путь, по которому должно совершиться развитіе человѣческихъ обществъ въ возможно близкомъ будущемъ, и едва ли такое предрѣшеніе вопроса, при всей его видимой проблематичности, будетъ гадательно.

Культурный ростъ человѣчества, насколько возможно прослѣдить его по даннымъ, признаннымъ историческою наукою за несомнѣнныя, прежде всего замѣчается на Востокѣ. Затѣмъ исторія, на основаніи другихъ фактовъ не менѣе достаточной вѣскости и на основаніи цѣлаго ряда послѣдовательныхъ, одно изъ другого вытекающихъ явленій, констатируетъ и дальнѣйшій периплъ человѣческаго прогресса, который, начавшись на крайнемъ Востокѣ, въ Азіи, заканчиваетъ нынѣ наивысшій ростъ свой на самомъ крайнемъ Западѣ, въ Америкѣ. Это полный, кругосвѣтный циклъ человѣческаго прогресса, до котораго мы успѣли достигнуть своимъ черепашинымъ ходомъ. Подобно растенію, питающемуся достаточно благоприятной почвой, дерево человѣческой культуры росло въ томъ направленіи, въ какомъ оно находило наиболѣе для себя благоприятными условія, простирая свои вѣтви изъ Азіи въ Египетъ и Грецію, затѣмъ черезъ Сицилію въ Италію, изъ этой послѣдней въ Галлію и Испанію, потомъ въ Англію и позже всего въ Германію, наконецъ изъ Англіи и Испаніи черезъ океанъ—въ Америку. Въ общемъ итогъ это поступательное движеніе достигло громадныхъ результатовъ, но оно коснулось далеко не всѣхъ народовъ, прозябающихъ на земномъ шарѣ, и, въ числѣ избранныхъ націй, увлекло за собою только высшіе слои обществъ. Что же касается массъ того темнаго и глубокаго корня, на которомъ держится культурное дерево, то онѣ остаются пока въ первобытномъ состояніи, и потому человѣческому прогрессу остается впереди еще много труда и усилій.

Такимъ образомъ, исторія указываетъ, что до настоящаго времени поступательный ходъ культурнаго роста совершался по направленію отъ Востока къ Западу; но это не доказываетъ еще, что культурный человѣческій ростъ и всегда долженъ совершаться тѣмъ-же путемъ, „по-солонь“, какъ говорятъ наши раскольники. Онъ можетъ совершаться и въ обратномъ направленіи — отъ Запада къ Востоку. Одно несомнѣнное обстоятельство указываетъ

нашъ историческая наука—это то, что культурная почка образуется, назрѣваетъ и пускаетъ ростокъ въ той части культурнаго дерева, гдѣ особенно много накопилось подходящихъ соковъ, въ той именно части, гдѣ живымъ сокамъ дышать нечѣмъ и они задыхаются.

Россія стоитъ на перепутьи отъ Запада къ Востоку; она служить или, по крайней мѣрѣ, могла-бы служить связующимъ звеномъ этихъ двухъ противоположныхъ міровъ, посредницей между ними, какъ въ отношеніи умственнаго развитія, такъ и чисто-матеріальныхъ интересовъ. Принимая изъ рукъ Европы ея интеллектуальныя богатства, она могла-бы передавать ихъ коснѣющему въ застоѣ и невѣжествѣ Востоку, а отъ него брать его матеріальныя сокровища и отдавать ихъ Западу. Въ этомъ, казалось-бы, состоитъ главная миссія Россіи, ея историческая роль, но для исполненія этой роли, кромѣ географическаго положенія, нужны еще и многія другія условія, а именно — высокій уровень нравственныхъ и социальныхъ силъ, который необходимъ для цивилизаторской дѣятельности. Что-же касается нашего колонизаціоннаго движенія, то Востокъ служить для насъ единственной точкой опоры. По отношенію къ Европѣ Россія находится въ такомъ положеніи, что изъ нея ни въ какомъ случаѣ новые ростки не могутъ направляться къ западу—тамъ для ихъ развитія нѣтъ ни простора, ни подготовленной почвы. Остается одинъ выходъ—Востокъ, и этотъ выходъ неизбеженъ въ виду всей суммы экономическихъ и историческихъ условій, въ которыя поставила насъ тысячелѣтняя исторія русскаго народа. Начиная съ того времени, какъ, по лѣтописной легендѣ, Радимъ и Вятко съ своими родичами, тѣснямыя на Дунаѣ другими племенами, двинулись на самый востокъ Европы, а новгородская „чадь“ впоследствии потянулась къ Печорѣ, къ Вяткѣ и въ Біармію (пермскій край)—это тяготѣніе къ Востоку проходитъ окрашивающей струей чрезъ всю нашу исторію, наиболѣе рельефно сказываясь то въ покореніи гулящими людьми Сибири и самаго восточнаго ея конца — Камчатки, то въ новѣйшихъ движеніяхъ народа на Яикъ и за Яикъ, на „Дарью-рѣку“, на „сытовныя воды“ и „кисельные берега“, и т. д.

Великое историческое значеніе этого естественнаго тяготѣнія русскаго народа къ Востоку въ послѣднее время особенно начала понимать Англія и своекорыстно боится неизбежныхъ его послѣд-

ствій. Равнымъ образомъ азіатскій Востокъ въ недавнее время сталъ возбуждать во всей остальной Европѣ глубокой интересъ и все, что о Востокѣ говорится, а равно все, совершающееся въ этомъ темномъ царствѣ, привлекаетъ вниманіе всей западно-европейской интеллигенціи въ большей степени, чѣмъ все .остальное, совершающееся въ Старомъ, уже слишкомъ извѣстномъ, и въ Новомъ, еще только начинающемъ свою историческую роль, Свѣтѣ.

Для Россіи азіатскій Востокъ, какъ мы сказали выше, всегда имѣлъ значеніе капитальной важности, и если мы желаемъ по-возможности уяснить себѣ будущія судьбы русской земли, то, на основаніи закона объ опредѣленіи плоскости геометрической фигуры съ помощью основныхъ ея элементовъ, необходимо должны изучить основные элементы этихъ судебъ, т. е. наше прошедшее и настоящее по отношенію къ Востоку по-преимуществу.

И дѣйствительно, Востокъ многое уясняетъ намъ, несмотря на то, что на изученіе его потрачено наименьшее число интеллигентныхъ силъ русской земли. При дальнѣйшемъ изученіи его онъ можетъ уяснить намъ еще больше и, быть можетъ, укажетъ наиболѣе спасительный и ближайшій путь русскому народу къ искомому счастью.

Много глубокихъ соображеній высказываетъ въ этомъ отношеніи, хотя совершенно по поводу другихъ, чисто-научныхъ вопросовъ, одинъ изъ извѣстныхъ ориенталистовъ нашихъ, В. В. Григорьевъ. „Первыя времена народной жизни нашей, говоритъ онъ,—покрыты густою мглою, въ которой глазъ историка можетъ различать только немногія болѣе или менѣе свѣтлыя точки; но и на этотъ свѣтъ полагаться ненадежно: это не звѣзды неподвижныя, блестящія во мракѣ ночи; это летучіе огоньки надъ могилами нашихъ предковъ, безпрестанно пережѣняющіе мѣсто. Что представлялось намъ яснымъ и несомнѣннымъ вчера, оказывается сегодня темнымъ и проблематическимъ, отвергается, можетъ быть, завтра, какъ невѣрное и невозможное. Мы не знаемъ даже, когда появился, гдѣ обиталъ первоначально, къ какому племени принадлежалъ тотъ народъ или поколѣніе, именемъ котораго гордимся теперь мы, сорокъ миліоновъ сѣверныхъ славянъ, владѣющіе девятою частію земной поверхности. Мы не знаемъ, кто такіе были эти руссы или русь, которыхъ находимъ и на Волгѣ, и на Днѣпрѣ, на берегахъ черноморскихъ, на Балтикѣ и на Адри-

атиеѣ, подѣ Балканами и подѣ Карпатами, между поколѣніями славянскими и между финскими и скандинавскими. Не знаемъ, что за люди были варяги, играющіе столь важную роль въ древнѣйшей лѣтописи нашей,—шведы, датчане или славяне поморскіе. Не знаемъ основательно ни отношеній славянъ, финновъ, руси и варяговъ между собою, ни вообще отношеній древнѣйшей Россіи къ южнымъ и западнымъ славянамъ, тѣмъ менѣе еще—отношеній ея къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ. Не знаемъ ни степени образованности нашихъ праотцевъ, ни ихъ быта общественнаго и семейнаго, ни ихъ религіи языческой, ни того, какъ, когда и откуда пришла къ нимъ первоначально религія Спасителя. Не знаемъ, начинать-ли намъ исторію свою со временъ Митридата или съ IX, или съ XI вѣка по Р. Х. Короче, не знаемъ почти ничего положительнаго, неоспоримаго; большая часть написаннаго до сихъ поръ о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи основывается на шаткихъ началахъ. Подуетъ легонькій вѣтерокъ скептицизма—и системы, построенныя съ большимъ искусствомъ, но на основаніи непрочномъ, валятся и разбиваются въ дребезги. Мы пишемъ, разсуждаемъ, доказываемъ, и часто сами не знаемъ, вѣрить или не вѣрить тому, что пишемъ, о чемъ разсуждаемъ, что доказываемъ. Всѣ знанія наши объ этомъ темномъ времени не суть знанія того, *что и какъ было*, а знаніе разныхъ системъ и мнѣній о томъ, *что и какъ могло быть*,—системъ, отжившихъ свой вѣкъ, увядающихъ или еще цвѣтущихъ. Горько, но должно сознаться въ этой истинѣ. (Россія и Азія. О кувфическихъ монетахъ, 107—108.)

Это писано болѣе сорока лѣтъ назадъ. Что говорилъ такъ давно восемнадцати-лѣтній ориенталистъ, то могъ-бы онъ сказать теперь, уже старцемъ—такъ мало историческая наука двинула вопросъ, поставленный въ 1835 году ученымъ-юношей: къ вопросу этому втеченіи сорока лѣтъ прилагали всѣ наличныя силы свои русскіе ученые, и почти ни на шагъ не двинули его впередъ. Ни обширные, единичные труды Соловьева, ни знаменитое ученое единоборство Погодина и Кестомарова о варягахъ, ни поражение сильной своимъ упрямствомъ варяжско-норманской системы, ни смерть отъ внутренняго слабосилія системы варяжско-литовской, ни безпощадное истязаніе прежнихъ системъ новѣйшею системою Иловайскаго — ничто не въ состояніи было очистить

вопросъ о древнемъ періодѣ русской земли отъ той скептической паутины, въ которую запуталъ ее ученый „паукъ“ Каченовскій, какъ онъ удачно названъ въ одномъ изъ бессмертныхъ стихотвореній русскаго поэта. Лѣтопись Нестора скептики-ученые признали мутнымъ источникомъ — и по отношенію ко многимъ историческимъ вопросамъ очутились въ совершенномъ мракѣ. На лѣтописи, говоритъ г. Григорьевъ, — „какъ на скалѣ гранитной“, ученые строили всѣ свои системы. „Но съ тѣхъ поръ, какъ авторитетъ этой лѣтописи, дотолѣ незыблемый, какъ непогрѣшительность ея, до тѣхъ поръ признаваемая единогласно проповѣдниками самыхъ противоположныхъ ученій, подверглись сильнымъ ударамъ скептицизма и сказанія ея утратили въ глазахъ многихъ ту достовѣрность и уваженіе, которыми пользовались у прежнихъ критиковъ, системы ихъ шатнулись, рухнули — и тьма, тяготящая надъ древнею Русью, сгустилась еще болѣе. Подавленные обломками, оглушенные шумомъ этого паденія, мы не знаемъ теперь почти ничего о судьбахъ нашего отечества въ первые вѣка его жизни: сказанія современныхъ иноземныхъ писателей, сколько до сихъ поръ они извѣстны намъ, не представляютъ ничего дѣлаго, ничего такого, изъ чего-бы можно было реставрировать разрушенное зданіе древнѣйшей исторіи нашей, основывавшееся прежде на помянутой лѣтописи. Съ потерю довѣренности къ ней мы лишились единственнаго проводника въ катакомбахъ историческихъ изслѣдованій о судьбѣ нашихъ праотцевъ; затушили послѣдній факель, освѣщавшій намъ путь въ ихъ мрачныхъ извилинахъ, и остаемся блуждать въ совершенной темнотѣ...“ (Тамъ же, стр. 109.)

Что-жъ дѣлать въ такомъ отчаянномъ положеніи? спрашиваетъ молодой ученый. — На что рѣшиться? Махнуть рукой на все наше прошлое? — Но это было-бы противно всѣмъ требованіямъ науки, противно, наконецъ, законамъ человѣческаго духа и его пытливости. Умъ человѣческій нельзя принудить отказаться отъ попытки проникнуть въ самые сокровенные тайники жизни, будь это жизнь прошедшая, настоящая и даже будущая. Да иначе, впрочемъ, и немислима наука, „царство которой не знаетъ предѣла“...

И вотъ г. Григорьевъ смѣло указываетъ на Востокъ. Тамъ слѣдуетъ искать разъясненія многихъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ.

Обращаясь непосредственно къ научной сторонѣ вопроса о Востокахъ, г. Григорьевъ указываетъ—и, надо отдать ему справедливость, указываетъ первый—на необходимость изслѣдованія кувшинскихъ монетъ съ XI по VII вѣкъ нашей эры — это далеко за предѣлы нашего русскаго историческаго кругозора. „Огромное, изумительное количество этихъ монетъ, говоритъ онъ, — имѣющееся теперь у насъ, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Голландіи, Мекленбургѣ, Пруссіи и Польшѣ, въ рукахъ правительствъ и частныхъ людей, не ввезено съ Востока въ новыя времена, не собрано и не куплено въ Азіи путешественниками и торговцами; за немногими исключеніями, почти все оно доставлено почвою этихъ-же самыхъ странъ. А сколько еще этихъ драгоценностей исчезло въ плавильномъ горшкѣ, перелито невѣжественными ихъ владѣтелями и отрывателями на ложки, на посуду, на кольца, на шпоры!.. Кто знаетъ, сколько растопляется ихъ въ настоящую минуту! Большая часть, и, можетъ быть, важнѣйшихъ находокъ, нѣтъ сомнѣнія, пропала безъ вѣсти“... и т. д. (Тамъ-же, стр. 111.)

Наука и враги ея—кольца, шпоры, невѣжество, истребленіе письменныхъ памятниковъ... Всѣ количественныя силы, кажется, на сторонѣ противниковъ первой, у которой остаются только пощаженыя временемъ и невѣжествомъ, полузаржавленные, полустертые монеты; но наука при помощи этихъ, повидимому, ничтожныхъ союзниковъ дѣлаетъ чудеса: въ рукахъ ея эти обломки умершаго міра пріобрѣтаютъ громадное значеніе. Опираясь на эту силу, почтенный ориенталистъ смѣло утверждаетъ, что уцѣлѣвшія въ землѣ и попавшія въ кабинеты ученыхъ монеты сами въ себѣ заключаютъ разрѣшеніе важнѣйшихъ историческихъ и экономическихъ вопросовъ древняго міра, что для этого разрѣшенія онѣ „не только мало нуждаются въ помощи позднѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, лѣтописей, сагъ и тому подобнаго, но еще имъ-же самимъ могутъ служить опорой, объясненіемъ и дополненіемъ“. — „Думаю, продолжаетъ онъ,— что подземныя сокровища эти могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей исторіи нашего отечества, котораго не сдвинетъ никакой основательный скептицизмъ. Это современники VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, надъ которыми невидимо пролетѣло тысячелѣтіе, для которыхъ десять столѣтій прошли какъ десять минутъ, которые выходятъ въ нашъ

изъ гробовъ свидѣтельствовать истину, не прибавляя и не убавляя ни единого слова,—современники, сохранившіе всю свою свѣжесть, которыхъ мы можемъ разглядѣть, осязать, которые позволяютъ намъ убѣдиться всѣми чувствами, что они существовавши, дѣятельность, истина, а не призракъ, не мифъ, не сказка, не анахронизмъ, не описка переписчика, не вставка позднѣйшаго компилятора!“ (Тамъ-же, стр. 150.)

Какія-же побѣды дѣлаетъ наука въ союзѣ съ этими выходцами изъ гробовъ VII, VIII и ближайшихъ къ намъ вѣковъ?—Замѣчательныя, безспорно великія побѣды. То, о чемъ историки не могли мечтать, что безслѣдно сметено съ лица земли крыломъ всепожирающаго времени, оживаетъ передъ нашими глазами, и мы видимъ кипучую человѣческую жизнь и разумную дѣятельность въ такія времена и въ такихъ краяхъ, гдѣ мы ничего не могли предполагать кромѣ пустынь, лѣсовъ и дикихъ звѣрей и, по малой мѣрѣ, дикихъ людей, пещерныхъ обитателей или додождовъ. Выходцы изъ гробовъ, и выходцы эти, пришедшіе съ Востока, спасаютъ для исторіи цѣлыхъ *четыре столѣтія*, о которыхъ ни русская, ни какая-либо другая исторія не могла сказать *ни одного* достовѣрнаго слова. А эти пришедшіе къ намъ съ Востока мертвецы говорятъ капиталныя и неоспоримыя историческія, мало того—экономическія истины. Они говорятъ, что въ большей части земель нынѣшней Великой Россіи, уже за двѣсти лѣтъ до легендарнаго призванія варяговъ-руси и до „основанія русскаго государства“, жили не дикари, не пещерные люди, не антропофаги, а народы достаточно многочисленныя, достаточно богатыя и достаточно развитыя экономически, развитыя, можетъ быть, болѣе, чѣмъ ихъ потомки или замѣстители въ XI, XII и послѣдующихъ вѣкахъ; что эти невѣдомые обитатели нынѣшней Россіи вели постоянную торговлю съ отдаленнымъ Востокомъ; что торговлю эту мнимые дикари гиперборейскіе вели и съ народами, заселявшими балтійское побережье; что шла эта торговля, къ крайнему изумленію нашему, черезъ такія мѣстности Россіи, о которыхъ письменные памятники даже позднѣйшихъ вѣковъ молчатъ, какъ о пустыняхъ, гдѣ ничего, кромѣ звѣрей, не было,—шла черезъ нынѣшнія губерніи: казанскую, владимірскую, рязанскую, тульскую, смоленскую, минскую, моголевскую, витебскую, черезъ Курляндію и Лифляндію; болѣе сѣверная торговая жила направлялась черезъ

губерніи новгородскую, ярославскую, петербургскую и южную часть Финляндіи, черезъ тверскую, псковскую и Эстляндію, т. е. водными, единственно-возможными тогда путями—по Волгѣ, Окѣ, Днѣпру, западной Двинѣ съ одной стороны; по Волгѣ, Шекснѣ, Вытегрѣ, Свири, Невѣ, черезъ озера Бѣлое, Онежское и Ладожское—съ другой; наконецъ, третьимъ, срединнымъ путемъ—по Волгѣ, Тверцѣ, Мстѣ, Ильменю, Волхову. Эти живые мертвецы говорятъ, что если черезъ упомянутыя мѣстности шла торговля съ Востокомъ и Западомъ, то, слѣдовательно, мѣстности эти населены были людьми болѣе или менѣе промышленными, знавшими цѣну деньгамъ (до чего не вполне досрости современные потомки ихъ, наши захоластные мужички, не всегда умѣющіе считать), стоявшими на такой степени гражданственности, какой, по естественному ходу вещей, можно ожидать только отъ торговли, непрерывно продолжавшейся нѣсколько столѣтій,—людьми, которые не были такими дикарями, какими они представляются намъ по Нестору („живуще звѣринскимъ образомъ“), которые видали кое-что на своемъ вѣку, имѣли нѣкоторыя этнографическія, географическія и экономическія свѣденія о народахъ Востока и Запада; эти живые мертвецы говорятъ, что на пространствѣ перечисленныхъ нами губерній должны были находится города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя должны были пользоваться извѣстной безопасностью и въ которыхъ должны были быть развиты первыя начала гражданского благоустройства, а иначе торговля, особенно транспортная, между Востокомъ и Западомъ была-бы немислима.—Могильные свидѣтели говорятъ, наконецъ, что на восточной окраинѣ нынѣшней Россіи, въ среднемъ Поволжьѣ, обиталъ достаточно уже культурный народъ, болгаре, который имѣлъ свои богатые города, управлялся независимыми владѣльцами, чеканилъ свою монету, которая до сихъ поръ жива,—народъ, находившійся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, съ халифами багдадскими, спосившійся какъ отдѣльное политическое независимое тѣло и воевавшій не особенно счастливо съ русскими, этими невѣдомыми намъ предками великаго русскаго народа... Съ XI вѣка могильные свидѣтели перестаютъ говорить: ихъ нѣтъ, они исчезаютъ... Произошло что-то такое, что заставило нашихъ предковъ забыть и

Востокъ, и его привлекательные „диргеми“, и выгодную торговлю...
Надъ русскою землею снова распростерся иракъ...

II.

Итакъ, передъ нами встаютъ поразительные историческіе факты: мы сталкиваемся лицомъ-къ-лицу съ русскою землею VII вѣка, когда историческій формуляръ ея признано начинать только со второй половины IX! Это три вѣка лишнихъ, три вѣка въ глубь древности! Приобрѣтеніе трехъ вѣковъ въ исторической наукѣ — громадное приобретеніе.

Относимъ къ даннымъ фактамъ съ чисто-научной стороны, мы вправѣ спросить вмѣстѣ съ почтеннымъ комментаторомъ могильныхъ находокъ: „Обо многомъ изъ того, что повѣдали намъ находки, развѣ знали мы изъ другихъ источниковъ? Развѣ лѣтописи, саги, записки путешественниковъ и т. п. говорятъ о такой обширной и долговременной торговлѣ, существованіе какой въ Россіи, съ исхода VIII по начало XI столѣтія, открылось изъ монетъ; о такихъ постоянныхъ связяхъ ея съ Востокомъ и Западомъ, втеченіи болѣе двухсотъ лѣтъ, какія предполагаетъ эта торговля? Развѣ Россія представлялась намъ въ этихъ лѣтописяхъ, сагахъ и запискахъ такою, какою должна быть по монетамъ? Развѣ заикнулся хоть одинъ извѣстный источникъ о великомъ переворотѣ, вслѣдствіе котораго около половины XI вѣка пресѣклась или приняла другой видъ торговля азіятская на востокъ и сѣверъ Европы? Нѣтъ. Извѣстно было, правда, съ одной стороны, изъ сагъ и сѣверныхъ лѣтописцевъ, что ѣздили норманны въ Гардарикъ и Біармію для торговли; извѣстно было съ другой—изъ арабскихъ путешественниковъ и географовъ, что купцы какого-то народа русь, жившаго на островѣ, краснорочіе и крайне неопрятные, пріѣзжали въ Итиль къ казарамъ съ товарами, и что болгаре торговали вполчанку съ вису, въ землѣ ирака; да развѣ это то-же, что говорятъ находки? Развѣ изъ этихъ отрывочныхъ, неточныхъ сказаній можно видѣть всю значительность, древность и обширность торговли русской, которая открылись намъ изъ находокъ?“ (Тамъ-же, 164—165.)

Еще далѣе г. Григорьевъ такъ опредѣляетъ научную цѣну

помянутыхъ фактовъ: „Послѣ того, что узнали мы изъ находокъ, намъ понятно, наприимѣръ, вслѣдствіе чего посреди непроходимыхъ лѣсовъ и топкихъ болотъ Россіи, преимущественно западной, могли возникнуть города, о которыхъ Несторова лѣтопись упоминаетъ современно съ рожденіемъ Руси: Муромъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ, Новгородъ, Смоленскъ, Изборскъ, Черниговъ, Любечъ, Овручъ, Коростень, Полоцкъ; почему новгородская сага о призваніи чуждо и славянами трехъ братьевъ варяговъ, — сага, сохранившаяся въ лѣтописи Нестора, расадила братьевъ въ Ладогѣ, Бѣлозерскѣ и Изборскѣ; откуда проистекло благосостояніе и богатство Трузо, Юлина, Визби и другихъ городовъ славянъ прибалтійскихъ — богатство, которому не могли надивиться западные лѣтописцы; чѣмъ могла существовать торговля въ Біарміи; какъ могъ св. Олафъ закупать для себя дорогія ткани въ Гольмгардѣ; какими путемъ зашли въ Майнцъ саманидскіе диргемы Насра сына Ахмедова, и индійскіе товары, каковы: перецъ, инбирь, гвоздика, нардъ и другіе, которые въ концѣ XI столѣтія видѣлъ тамъ съ удивленіемъ испанскій арабъ Абу-Бекръ Тортуши; и какимъ образомъ могли имѣть арабскіе географы тѣ свѣденія о торговыхъ городахъ Балтійскаго моря, которыя у нихъ находимъ? Извѣстія этихъ географовъ о торговлѣ руси въ Хазаріи получаютъ новый видъ и цѣну; проблематическое существованіе торговыхъ связей съ славянами прибалтійскими становится несомнѣннымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ большое вѣроятіе получаетъ предположеніе, что въ числѣ норманновъ, опустошавшихъ въ IX вѣкѣ берега Франціи, Испаніи и Африки, были и жители Россіи. Такъ могилевскую находку (до 3,000 испанскихъ и другихъ монетъ, найденныхъ въ могилевской губерніи) очень можно считать однимъ изъ памятниковъ счастливаго разбоя какого-нибудь кривичскаго витязя, громившаго, въ числѣ другихъ, испанскія и африканскія владѣнія халифовъ“ (166—167.)

Это одна сторона медали — безспорно очень важная. Но для насъ, въ данномъ случаѣ, важнѣе другая сторона. Историческіе факты, добытые изъ земли, даютъ намъ возможность поставить лицомъ къ лицу Россію VII и VIII вѣка съ Россією второй половины XIX. При этой очной ставкѣ оказывается, что русскій народъ VII и VIII столѣтій, этотъ пещерный обитатель, этотъ „звѣрь“, какимъ его рисуетъ никогда его не видавшій изъ своей

монастырской кельи Несторъ, воображавшій, что только въ Кіевѣ и живутъ люди-поляне, „иѣвщіе стыдѣніе къ женамъ“, что этотъ звѣрь, ходящій въ лаптяхъ, а не въ сапогахъ, не только былъ купецъ, и купецъ всѣхъ трехъ гильдій, но и негоціантъ, который велъ заграничную торговлю съ далекимъ Востокомъ и былъ комисіонеромъ между этихъ Востокомъ и Западомъ. Положимъ, что это слишкомъ много, слишкомъ громко для радимича, кривича, дреговича или вятича; но что онъ торговалъ — это несомнѣнно; что у него водились деньги, заходившія въ его кувшинъ изъ Халифата, изъ Египта, Африки сѣверо-западной и сѣверной и изъ Испаніи, и что онъ могъ зарывать въ землю излишки своихъ капиталовъ за неимѣніемъ тогда московскихъ и иныхъ коммерческихъ банковъ — это также несомнѣнно.

Вотъ къ какимъ практически-экономическимъ выводамъ приводятъ насъ ученныя изслѣдованія почтеннаго ориенталиста.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ прямо въ глаза фактамъ и исторіи.

Нахождение въ землѣ, въ предѣлахъ нынѣшней русской государственной территоріи, громаднаго числа кладовъ съ восточными монетами VII, VIII, IX и X вѣковъ, а равно съ монетами, этихъ же вѣковъ, западно-европейской чеканки, несомнѣнно доказываетъ, что обитатели этой земли въ показанную эпоху вели обширный торгъ съ Востокомъ и Западомъ; что на русской землѣ стояли въ эту эпоху многіе богатые города, какъ главные торговые и экономическіе пункты; что, наконецъ, русскій народъ въ эту эпоху былъ не бѣденъ, не дичь, даже не невѣжествененъ, какимъ его рисуетъ монахъ, кромѣ своего Кіева и своей кельи ничего не видавшій, и то уже черезъ 200 — 300 лѣтъ послѣ того, какъ наиболѣе процвѣтала русская земля. И что-же? съ XI, XII и особенно съ XIII вѣка мы уже видимъ на мѣстѣ русской земли дичь непроходимую: вмѣсто людей на ней уже живутъ чуть не одни звѣри или люди, живущіе „звѣринскимъ образомъ“. Слѣдовательно, тутъ что-нибудь одно изъ двухъ: или ложь то, что говоритъ Несторъ, положимъ — не ложь, а недоразумѣніе, незнаніе; или ложь то, что говорятъ клады. Но послѣдніе лгать не могутъ: строжайшій ученый допросъ, которому подвергаетъ ихъ В. В. Григорьевъ, глубоко убѣждаетъ насъ въ томъ, что монеты не лгутъ; что свидѣтельство ихъ достовѣрнѣе всей массы историческихъ доказательствъ, построенныхъ на письменныхъ памятникахъ;

что въ VII — IX вѣкахъ дѣйствительно было въ русской землѣ то, что монеты говорятъ. Не вѣрять свидѣтельству этихъ живыхъ современниковъ, пришедшихъ къ намъ изъ VII — IX вѣковъ, положительно невозможно — это было-бы противно человѣческой логикѣ.

Итакъ, что-же случилось? Какой это былъ „великій переворотъ, вслѣдствіе котораго около половины XI вѣка пресѣклась или приняла другой видъ торговля азіятская на востокѣ и сѣверѣ Европы?“

В. В. Григорьевъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Не отвѣтила на него до сихъ поръ и вся коллективная работа русскихъ историковъ, трудящихся надъ изученіемъ нашего прошлаго болѣе столѣтія.

Между тѣмъ отвѣтъ былъ-бы вполне возможенъ, если-бы русская историческая наука въ самомъ началѣ не сдѣлала *ложнаго шага*. А что первый ея шагъ былъ ложенъ — это несомнѣнно. Этотъ первый ложный шагъ принадлежитъ знаменитому Шлецеру. „Русская исторія, по его словамъ, — начинается отъ пришествія Рюрика и основанія русскаго царства... Передъ сею эпохою все открыто мракомъ какъ въ Россіи, такъ и въ смежныхъ съ нею мѣстахъ. Конечно, люди здѣсь были, богъ-знаетъ съ которыхъ поръ и откуда сюда зашли, но люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, неотличавшіеся ничѣмъ, неимѣвшіе никакого сношенія съ другими народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ европейцемъ“ (Шлецеръ, перев. Языкова, 1809, стр. 419.) Какъ ни невѣжественно это лестное для нашихъ предковъ мнѣніе „просвѣщеннаго европейца“, однако оно было принято въ наукѣ и поддерживалось всею послѣдующею серіею учениковъ Шлецера, его дѣтьми, внуками и правнуками по исторической наукѣ, начиная отъ Карамзина и кончая Погодинымъ. „Дикіе, грубые, разсыянные славяне, говоритъ Шлецеръ въ другомъ мѣстѣ, — начали дѣлаться людьми (!!) только благодаря посредству германцевъ (!!), которымъ назначено было судьбою разсѣять въ сѣверозападномъ и сѣверовосточномъ мѣрѣ первыя сѣмена просвѣщенія. Кто знаетъ, сколько долго пробыли-бы русскіе славяне въ блаженной для получеловѣка безчувственности, если-бы не были возбуждены отъ этой безчувственности нападеніемъ нормановъ“ (тамъ-же, стр. 178.)

Ученикъ Шлецера, Погодина, такъ говорить о своихъ предкаxъ въ одной изъ своихъ лекцій: „Я начиналъ обыкновенно лекціи о русской исторіи съ 862 года, т. е. съ призванія князей варяго-русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о полянахъ и древлянахъ, вятичахъ и радимичахъ, кривичахъ и сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянахъ больше и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно“ (!) (Исслѣд., замѣч. и лек., т. II, стр. 321.)

Но то-ли говорятъ изслѣдованія В. В. Григорьева, главные выводы которыхъ мы привели выше? Ясно, что открытія почтеннаго ориенталиста остались какъ-бы незамѣченными со стороны русскихъ историковъ. Это или непостижимая близорукость, или непростительная предвзятость теоріи. Только одинъ изъ русскихъ ученыхъ, именно Бѣляевъ, въ своемъ изслѣдованіи: „Древнѣйшее русское право“, взглянулъ на до-историческую Русь не съ точки зрѣнія школьной рутинѣ. Онъ говорить, „что лѣтописецъ, христіанскій монахъ, односторонне смотрѣлъ на бытъ язычниковъ, на обычаи поганыхъ, невѣдущихъ закона Божія; что сѣверяне языческой эпохи не стояли на степени звѣролововъ и рыболововъ; что они имѣли общественные союзы, вели торговля сношенія съ отдаленнымъ Востокомъ, вообще стояли на несравненно высшей ступени цивилизаціи, нежели обыкновенно думаютъ“.

Только недавно молодые русскіе ученые поняли, что русская исторія въ своемъ пониманіи прошлаго должна-же, наконецъ, подвинуться дальше Шлецера и Погодина. Такъ мы видимъ, что то, что сказано было В. В. Григорьевымъ сорокъ лѣтъ назадъ, подтверждается молодыми учеными на основаніи новыхъ данныхъ, болѣе неопровержимыхъ, чѣмъ дѣтскія фантазіи Шлецера. Эти данныя—не болтовня людей, измышляющихъ разныя теоріи по своему вкусу, а живые памятники прошлаго, вставшіе изъ своего тысячелѣтнаго историческаго гроба. Г. Самоковасовъ, который своими раскопками древнихъ насыпей оказалъ несомнѣнную услугу русской исторіи, вотъ что, между прочимъ, говорить о до-исторической Руси: „Фактъ существованія во многихъ мѣстностяхъ сѣверянсконъ земли городищъ, остатковъ общественныхъ укрѣпленій,

а при нихъ общественныхъ кладбищъ, состоящихъ изъ сотенъ насыпей, донныя сохранившихся, между которыми встрѣчаемъ могилы, громадныя сооружеія, обязанныя своимъ возникновеніемъ труду многихъ лицъ, — указываетъ на существованіе у сѣверянъ языческой эпоха политическихъ обществъ. Одинаковый обрядъ погребенія, открываемый въ курганахъ одной группы и въ курганахъ разныхъ группъ, удаленныхъ другъ отъ друга на сотни верстъ, доказываетъ существованіе на всемъ пространствѣ земли сѣверянъ общихъ народныхъ обычаевъ. Различная величина могильныхъ насыпей одной группы кургановъ и различное богатство погребенныхъ, выражающееся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, въ лучшемъ или худшемъ качествѣ вещей, найденныхъ въ томъ или другомъ курганѣ, доказываютъ неравенство общественныхъ классовъ въ сѣверянскихъ обществахъ. Находимыя въ курганахъ монеты указываютъ на отдаленныя торговыя сношенія. Другія находки въ курганахъ даютъ возможность возстановить домашнюю жизнь язычника-сѣверянина, его одежду, костюмъ, вооруженіе, занятія, домашнюю обстановку и вѣрованія. Найдены остатки холстинныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ тканей; принадлежность костюма: разной формы и различного состава серьги, ожерелья, привѣски, кольца, бляхи, пряжки, пуговицы, застежки, булавки и пр.; принадлежности вооруженія: шлемы, кольчуги, щиты, мечи, копья, дротики, кинжалы, стрѣлы; вещи домашнего быта: глиняные, желѣзные и бронзовые сосуды, кубки, замки, ключи, ножи, оселки, гребенки, иглы, гвозди, долота, пряслицы, игральныя кости; удила, стремяна; серпы и три сорта хлѣбныхъ зеренъ указываютъ на земледѣльческій бытъ сѣверянина, а остатки принесенныхъ въ жертву животныхъ и другія частности погребенія рисуютъ его вѣрованія“ („Древ. и Нов. Рос.“, 1876 г., кн. 4, стр. 354—355.)

Вотъ что говорятъ современные, живые памятники о тѣхъ людяхъ, которые будто-бы „живаху въ лѣсѣ, яко-же всякій звѣрь“. Развѣ — какъ воображаетъ „просвѣщенный европеецъ“ — это „люди безъ правленія, живущіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые населяютъ ихъ лѣса“? Нѣтъ, теперь этого никто, надѣмся, не скажетъ. Напротивъ, всякій признаетъ справедливость словъ, которыми г. Самоєвасовъ заканчиваетъ свою статью о „древнихъ земляныхъ насыпяхъ“: — „Степень культуры даннаго народа, го-

ворить онъ, — выражается въ формахъ и условіяхъ его домашняго и общественнаго быта; но объ этихъ формахъ въ отношеніи сѣверянъ языческой эпохи лѣтописные источники не сообщаютъ почти никакихъ свѣденій. Въ противоположность тому древнія земляныя насыпи представляютъ богатый и безспорный матеріалъ къ возстановленію формы политическаго быта сѣверянъ языческой эпохи, ихъ общихъ обычаевъ, количества поселеній, образа жизни, домашней обстановки, занятій, костюма, вооруженія, торговыхъ сношеній, вѣрованій. И смѣешь предположить, что чѣмъ болѣе будутъ продолжены изслѣдованія древнихъ земляныхъ насыпей, тѣмъ богаче и положительнѣе будутъ знанія наши о бытѣ славянъ языческой эпохи, о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи. Если у сѣверянъ языческой эпохи находимъ остатки укрѣпленій, а при нихъ общественныя кладбища, могилы начальниковъ, общіе обычаи погребенія, множество разнообразныхъ вещей, положимъ, даже пріобрѣтенныхъ торговлею, то они уже „не живяху въ лѣсѣ, яко-же всякій звѣрь, ядуще все нечисто“, не были дикимъ, звѣроподобнымъ народомъ, какимъ ихъ представляли себѣ Гебгарди, Шлецеръ, Карамзинъ, а за ними и новѣйшіе историки. Это былъ народъ съ политическими союзами, земледѣльческій, культурный. Славяне языческой эпохи представляются намъ не разсѣянными, полудикими племенами, а сплоченными въ политическіе союзы. Отсюда понятнымъ дѣлается извѣстіе нашей лѣтописи о княженіяхъ языческой эпохи у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ, полочанъ, кривичей, сѣверянъ, о народныхъ собраніяхъ изначала у новгородцевъ, смольянъ, кіевлянъ, полочанъ и въ другихъ древнеславянскихъ волостяхъ, о князьяхъ славянскихъ языческой эпохи, „иже держажу“ избравшую ихъ землю... Все это дѣйствительныя историческіе факты, а не пустыя выдумки невѣжественныхъ переписчиковъ нашей лѣтописи, какъ думало большинство нашихъ историковъ“ (тамъ-же, стр. 357—358.)

Итакъ, все, что сказано было г. Григорьевымъ сорокъ лѣтъ назадъ, когда онъ, такъ-сказать, свелъ на очную ставку мертвецовъ изъ до-исторической Руси, то подтверждается теперь другими мертвецами изъ той глубокой древности, подтверждается самими кривичами и сѣверянами, ихъ гробами, ихъ еще не истлѣвшими одѣянными, оружіемъ, которымъ они защищали свободу, украшеніями, которыми они щеголяли, иглами, которыми они шили

свое платье, серпами, которыми они жали свой хлѣбъ, игральными костями, которыми они забавлялись, какъ забавляются теперь ихъ потомки въ англійскомъ и въ разныхъ дворянскихъ и недворянскихъ клубахъ. Шлецеру простительно было говорить, что мы, „дикіе и грубые“, прозавабшіе „въ блаженной для получеловѣка безчувственности“, начали дѣлаться людьми только благодаря посредству германцевъ“; но Погодину стыдно было-бы повторять эту болтовню, когда онъ уже могъ и долженъ-бы былъ знать результаты учёныхъ изслѣдованій г. Григорьева.

Итакъ что-же, наконецъ, случилось такого, что наши предки VII—VIII вѣковъ, вслѣдствіе какого-то „великаго переворота“, о которомъ упоминаетъ В. В. Григорьевъ, оказались стоящими выше на лѣстницѣ общественнаго развитія, чѣмъ очутились они въ XI и послѣдующихъ вѣкахъ?

А случилось то, что мы видимъ уже во всѣхъ письменныхъ памятникахъ, начиная отъ лѣтописи Нестора и кончая позднѣйшими его продолжателями...

Въ IX вѣкѣ, говоритъ лѣтопись,—русская земля призываетъ изъ-за моря какихъ-то варяговъ. Кто были эти варяги—для насъ это не имѣетъ никакого историческаго значенія. Откуда они пришли—это тоже не важно. Рѣшительно не важно даже и то, приходили-ли къ намъ какіе-то варяги, или это мифъ, обычная народная эпическая форма сказанія—„сказка о трехъ братьяхъ“—это для насъ рѣшительно все равно. Важно и исторически несомнѣнно только вотъ что: русская земля съ IX вѣка испытываетъ на себѣ то, что испытали всѣ историческія страны на земномъ шарѣ—подчиненіе первобытныхъ обитателей страны новому, большею частью пришлому элементу. Пришлой элементъ становится какъ-бы дрожжами для страны—и начинается броженіе элементовъ, а потомъ осажденіе ихъ въ государственной квашнѣ, сообразно удѣльному вѣсу cadaго. Это броженіе государственной квашни происходило когда-то въ Греціи, когда въ видѣ дрожжей влиты были въ нее пришельцы изъ малой Азіи. Такъ бродили и осаживались въ римской государственной квашнѣ итальянскіе элементы—aborигены, этрусскіе, сабиняне, латиняне, самниты и проч., когда въ Италію явились изъ-за моря свои варяги, потомки троянца Энея, римскіе „братья“...

Одновременно съ водвореніемъ на русской землѣ новаго при-
„Дѣло“, № 5, 1876 г.

шлаго элемента начинается броженіе элементовъ и въ этой странѣ, до тѣхъ поръ, повидимому, мирной, торговой и земледѣльской. Изъ тароватаго купца, Ставра Годиновича, водившаго торгъ съ Востокомъ и получавшаго оттуда богатства въ видѣ теаней или „диргемовъ“, изъ мирнаго пахаря, этого стихійнаго богатыря Микулы Селяниновича, русскій человѣкъ превращается въ воина, въ безпокойнаго богатыря Святогора, который мѣряется силушкой съ цѣлою вселенной. Народная поэзія сохранила намъ образъ этого первобытнаго русскаго человѣка—„оратая Микулы Селяниновича“:

Ореть въ полѣ оратай, посвистываетъ,
 У оратая сошка поскрипываетъ,
 А омѣшники по камешкамъ почиркиваютъ;
 Ореть въ полѣ оратай, понукиваетъ,
 На кобылушку свою погукиваетъ,
 Съ края въ край бороздки пометываетъ,
 Въ край уѣдетъ—и другого не видать;
 Изъ земли дубья-колодя вывертываетъ,
 А великіе каменя всѣ въ борозду валить;
 Только кудри у оратая качаются,
 Скатымъ жемчугомъ по плечамъ разсыпаются.
 У оратая кобылка-то соловая,
 На кобылкѣ гужики шелковые,
 Хвостъ-отъ до земли разстиляется,
 Грива колесомъ завивается.
 Сошка у оратая дубовая,
 А омѣшники на сошкѣ чиста серебра,
 На омѣшникѣ присошень красна золота.

А вотъ образъ до-историческаго „торговаго человѣка“ — Ставра Годиновича, „молодого торговаго гостя черниговскаго“. Вотъ что говоритъ Ставръ Годиновичъ на пиру у князя Владиміра-ясна-солнышка, отвѣчая на похвальбы князей и бояръ:

Нечѣмъ мнѣ, Ставру, предъ вами здѣсь, похвастати!
 Мнѣ похвастать, не похвастать отцомъ-матушкой:
 Отца-матушки моихъ въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 Мнѣ похвастать, не похвастать золотой казной:
 Золота казна торговая не тощится,
 Малы денежки торговыя не держатся.
 Мнѣ похвастать, не похвастать цвѣтнымъ платицемъ:
 Цвѣтны платица мои не носятя:

У меня есть тридцать молодцовъ,
Тридцать молодцовъ—портныхъ все мастеровъ,
Шьютъ кафтанцы мнѣ все снова-на-ново;
День держу кафтанчикъ, поддержку другой,
Да снесу кафтанчикъ въ лавоньку на рыночекъ,
Вамъ-же, князьямъ-боярамъ, повыпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать, не похвастать крѣпкимъ чоботомъ:
Чоботы мои не держатся:
У меня есть тридцать молодцовъ,
Тридцать молодцовъ—сапожныхъ мастеровъ,
Шьютъ мнѣ чоботы все снова-на-ново:
День держу ихъ, проношу другой,
Въ лавоньку снесу опять на рыночекъ,
Вамъ-же, князьямъ-боярамъ, повыпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
Мнѣ похвастать, не похвастать и добрымъ конемъ:
Добры кони у меня не ѣздятся:
У меня кобылочки все златошерстныя,
Все даютъ жеребчиковъ хорошенькихъ;
Что получше-то жеребчики—то ѣзжу самъ,
Что похуже—то сгоню на рыночекъ,
Вамъ-же, князьямъ-боярамъ, повыпродамъ,
А возьму съ васъ цѣну полную.
А и нечѣмъ мнѣ предъ вами хвастати.
Развѣ мнѣ похвастать молодой женой,
Василисой дочерью Микуличной?
Какъ во лбу-то у нея свѣтель мѣсяцъ,
По косицамъ—звѣзды частыя,
Бровушки чернѣе черна соболя,
Очушки яснѣе ясна сокола,—
Всѣхъ васъ, князей-бояровъ, продать да выкупить,
А тебя, Владиміра, сума сведеть.

Жена Ставра—дочь Микулы Селяниновича. Ясно, что народная поэзія намекаетъ этимъ на родство промысла земледѣльческаго и торговаго.

Но вотъ, какъ мы сказали выше, русскій оратай и торговый человѣкъ превращаются въ авантюриста, въ воина - богатыря, въ Святогора, котораго такъ рисуетъ народная поэзія:

На крутыхъ горахъ, на святыхъ горахъ,
Великанъ-богатырь Святогоръ сидѣлъ,

Да не ѣздилъ онъ на святую Русь:
 Не носила его мать-сыра-земля.
 Захотѣлося разъ богатырю
 Погулять въ раздольицѣ чистомъ полѣ—
 Засѣдлалъ онъ коня богатырскаго,
 Выѣзжаетъ на путь-дороженьку.
 Встрепенулося сердце молодецкое,
 Заиграла силушка по жилочкамъ,
 Такъ вотъ живчикомъ и переливается;
 А и грузно ему отъ этой силушки,
 Грузно, будто отъ тяжкаго бремени:
 Не съ кѣмъ силой-то богатырю помѣряться.
 И выкидываетъ онъ палицу булатную
 Выше облака ходячаго, изъ виду вонъ,
 На бѣлы руки опять подхватываетъ.
 „Кабы мнѣ да земную тугу найти,
 Утвердилъ-бы въ небеси кольцо,
 Привязалъ-бы къ кольцу цѣпь желѣзную,
 Притянулъ-бы небо къ землѣ-матушкѣ,
 Повернулъ-бы землю краемъ вверхъ,
 И смѣшалъ-бы земныхъ со небесными!“

Богатырь-воинъ напрасно, однако, хвастается своею силой...
 Онъ встрѣчается съ другою силой, хотя скромною, но великою,
 непобѣдимой:

Усмотрѣлъ онъ тутъ во чистомъ полѣ
 Добра молодца, пѣхотою идучи:
 За плечами у добра молодца
 Была малая сумочка переметная.
 Какъ припустить онъ скакать добра коня
 Во всю силу во лошадиную—
 Добрый молодецъ идетъ пѣхотою,
 Не нагнать его коню богатырскому.
 Какъ поѣдетъ тихою вольготою—
 Добрый молодецъ впередъ не наступываетъ.
 И окликнулъ Святогоръ добра молодца:
 „Гой еси ты, прохожій добрый молодецъ!
 Ты постой-ка, постой немножечко“.
 Обождалъ его прохожій добрый молодецъ,
 Полагалъ со плечъ со могучихъ
 На земь малую сумочку переметную.
 Говоритъ Святогоръ добру молодцу:

„А скажи-ка мнѣ, добрый молодецъ,
У тебя что за ноша въ этой сумочкѣ?“
Отвѣчаетъ ему добрый молодецъ:
„Ай-же, славный ты великанъ-богатырь!
Попытайся-ка взять мою ношицу
На свои на плечи на могучія,
Побѣжать съ ней по раздольицу чисту-полю“.
Опускался славный великанъ-богатырь
Со добра коня къ малой сумочкѣ,
Принимался за малую сумочку;
Принимался сперва однимъ перстомъ—
Эта малая сумочка переметная
На сырой землѣ не сворохнется.
Принимался тогда одной рукой—
Эта сумочка все не сворохнется.
Ухватилъ обѣими ручками—
Все-то съ мѣста она не сворохнется.
Принимался всею силою великою,
Припадалъ бѣлой грудью богатырскою
Къ той малой сумочкѣ переметной,
Захватилъ всею силою великою—
Во сыру землю угрызнулъ по колѣночки,
По бѣлу лицу не слезы—кровь течеть.
Уходило сердце молодецкое,
Только малый духъ подпустить успѣлъ
Подъ ту малую сумочку переметную,
Говорить самъ таковы слова:
„Не вздымалъ такой ноши я отъ роду!
Много силы во мнѣ, а не подъ силу.
Что во сумочкѣ твоей понакладано?
Кто ты самъ есть, удалый добрый молодецъ,
Какъ зовутъ тебя именемъ-отечествомъ?“
Отвѣчаетъ удалый добрый молодецъ:
„Въ моей малой сумочкѣ переметной
Вся земная тяга понагружена,
А я самъ—Микула Селяниновичъ...“

Глубокій историческій смыслъ имѣетъ это народное сказаніе: богатыри-воины начинаютъ господствовать надъ русскою землей, а „оратаи“, у которыхъ въ сумѣ „вся земная тяга понагружена“, отходятъ на второй планъ. Начинаются походы русскихъ людей на Византію—походы Аскольда и Дира, Олега вѣщаго, Игоря и

Святослава; воюють русскіе люди и съ хазарами, и съ болгарами, съ которыми еще такъ недавно вели торговлю и этой торговлей обогащались. Союзники русскихъ людей превращаются въ ихъ враговъ. Страна начинаетъ бѣднѣть, несмотря на то, что походы на Византию оканчиваются побѣдами: добыча расходуется по рукамъ воиновъ, но земля отъ этого не богатѣетъ, какъ не обогатилась Пруссія 5-ю миллиардами, взятыми у Франціи, и какъ вообще не обогащается страна, когда война отвлекаетъ населеніе отъ производительнаго труда. Ослабленіе земли замѣчается въ томъ, что на нее начинаютъ нападать дикіе кочевники—половцы, печенѣги и т. д. Уже Мономахъ жалуется, что половчинъ не даетъ русскому мужику пахать, отнимая у него рабочую лошадь.

Среди непрерывныхъ войнъ о мирныхъ сношеніяхъ съ сосѣдями, о торговлѣ съ Востокомъ и Западомъ не можетъ быть и рѣчи. Русскому человѣку уже нечего зарывать въ землю—нѣтъ у него больше ни „диргемовъ“ съ Востока, ни „шеляговъ“ съ Запада.

Теперь ясно, почему съ XI вѣка, какъ видно изъ изслѣдованій В. В. Григорьева, клады, столь многочисленныя съ монетами VII—IX вѣка, разомъ исчезаютъ—точно, какъ говорится, обрѣзало! Позднѣе X вѣка монетъ уже нѣтъ—торговля Востока и Запада чрезъ посредство русской земли надолго прекращается...

Вотъ гдѣ объясненіе того „великаго переворота“, о которомъ говорить почтенный ориенталистъ. По крайней мѣрѣ, другихъ объясненій исторія представить не можетъ, да всякое другое объясненіе и не будетъ согласоваться съ исторической правдой.

Такимъ образомъ, научныя открытія нашего ориенталиста вводятъ насъ въ до-историческую Русь, о которой намъ ничего не говорятъ письменныя памятники. Открытія эти до сихъ поръ достаточно не оцѣнены наукою; они какъ-бы даже были забыты, потому что къ нимъ никѣмъ не былъ примѣненъ сравнительно-историческій методъ, единственно цѣлесообразный и правильный въ прагматической исторіи, какъ наукѣ. А между тѣмъ открытія эти расширяютъ горизонтъ нашихъ историческихъ знаній едва-ли не болѣе, чѣмъ коллективная работа всѣхъ русскихъ историковъ, начиная отъ Татищева и Карамзина и кончая Соловьевымъ и Костомаровымъ.

Всѣми этими историками принесена болѣе или менѣе значительная польза русской исторіи въ ея частностяхъ; всѣми ими высказаны болѣе или менѣе иѣткія соображенія, объяснены тѣ или другія явленія изъ нашей прошлой жизни, освѣщены цѣлыя эпохи, разобраны цѣлыя ворохи архивныхъ бумагъ; но никто изъ нихъ не поднялъ изъ гроба остовъ Россіи VII, VIII и IX вѣка и ни у кого изъ нихъ мы не видимъ, что этотъ остовъ жилъ болѣе или менѣе полною жизнью, когда Россія, какъ государство, еще не существовала. За г. Григорьевымъ, такимъ образомъ, остается важная заслуга; онъ поставилъ передъ нами вопросъ: „что-же ты сдѣлалъ, русскій народъ, съ VII и по XIX вѣкъ? Что-же дали мы своему народу втеченіи тысячи лѣтъ?“ И мы были-бы поставлены втупикъ этимъ вопросомъ, если-бы стали отвѣчать на него съ полною искренностію и знаніемъ дѣла.

III.

Итакъ, мы познакомились, на-сколько намъ это было необходимо, съ основными элементами, которые легли въ основу историческаго развитія русскаго народа.

Элементы эти обнаруживаютъ, что русская земля втеченіи всего своего историческаго существованія испытывала на себѣ давленіе двухъ силъ и сама подчинялась тяготѣнію къ этимъ силамъ, сообразно ихъ удѣльному вѣсу въ каждую данную эпоху. Эти давленія и эти тяготѣнія разновременно исходили изъ двухъ противоположныхъ направленій — съ Востока и съ Запада. Въ самыя отдаленныя времена, когда русская земля еще не испытывала на себѣ вліянія Запада, она подчинялась въ большей или меньшей степени восточному тяготѣнію. Это послѣднее тяготѣніе нѣкоторые историки отрицаютъ; но объ этихъ ученыхъ г. Григорьевъ весьма остроумно выражается, что они не хотятъ вѣрить ничему, исходящему съ Востока; что „у насъ, какъ и въ большей части остальной Европы, привыкли думать, что на Востокъ пишутъ (и всегда писали) только басни да сказки и что къ азіатскимъ историкамъ нельзя имѣть никакой вѣры“; что „многимъ ученымъ кажется, что все, неосвященное печатію грецизма, подвержено величайшему сомнѣнію“; что, наконецъ, „труды Казири, Ассемани,

Эрбело, достойно оцѣниваемые только малымъ числомъ избранныхъ, неизвѣстны большей части ученыхъ, которые, слѣдуя господствующему мнѣнію, обвинявшему восточныхъ историковъ въ баснословіи, не любятъ ихъ еще и за то, что они часто противорѣчаютъ писателямъ греческимъ—предмету ихъ благоговѣйнаго удивленія и поклоненія“ (Россія и Азія. О древнихъ походахъ руссовъ на Востокъ, стр. 3, 5.)

Тяготѣніе русскаго народа къ Востоку, такъ сказать въ историческія времена, тяготѣніе политическое и, главнымъ образомъ, экономическое, выразилось, какъ мы видѣли выше, торговыми сношеніями русской земли съ Востокомъ, который, по изслѣдованіямъ В. В. Григорьева, оказалъ русской землѣ большую услугу въ поднятіи ея экономическаго благосостоянія.

Это доброе вліяніе Востока прекратилось тотчасъ-же, какъ только на русскую землю подулъ вѣтеръ съ Запада. Этихъ вѣтровъ принесены были въ русскую землю пришельцы изъ-за моря, а съ ними и всѣ невзгоды, тяготѣвшія надъ русскою землею ровно тысячу лѣтъ.

Теперь, на второй тысячѣ лѣтъ историческаго существованія Россіи, русскому народу приходится задаться вопросомъ: „Востокъ или Западъ?“ Востокъ, отвѣчаемъ мы, — но чтобы насъ не понялъ веривъ и вѣсь какой-нибудь казанскій литературный птичникъ, мы должны оговориться, что мы вовсе не хотимъ вмѣстѣ съ покойными славянофилами обзывать Западъ „гнилымъ“; не хотимъ также вмѣстѣ съ г. Соловьевымъ-младшимъ искать идеаловъ и спасенія на Востокѣ. Напротивъ, мы хотимъ сказать нѣчто совершенно свое, не славянофильствуя лукаво и не соловьевствуя, „извѣся языкъ“, какъ выразился одинъ благочестивый мужъ древности о нѣкоемъ другомъ мужѣ, который философствовалъ не по разуму. Заслуги Запада по отношенію къ Россіи не могутъ быть не признаны. Мы отъ Запада получили науку. На Западѣ, а не на Востокѣ возшло для насъ то солнце, которое грѣетъ насъ въ минуты полного отчаянія за человѣчество. Подобно сѣмянамъ тайнобрачныхъ растений, съ Запада невѣдомою силою принесены къ намъ и брошены въ нашу почву сѣмена сознанія нашего человѣческаго достоинства и, если позволительно такъ выразиться, сѣмя будущаго полного развитія почвы человѣчества. За это великое добро мы безконечно обязаны

Западу и еще долго будемъ нуждаться въ его интеллектуальной помощи, въ его цивилизующихъ началахъ; еще не разъ мы обратимся къ нему за разрѣшеніемъ нашихъ сомнѣній и вопросовъ, которые намъ предстоятъ въ будущемъ и которые тамъ уже давно разрѣшены. Но это потребности нашей духовной природы, это насущныя нужды нашего общечеловѣческаго развитія. Кромѣ этихъ потребностей есть еще и другія, менѣе возвышенныя, но гораздо болѣе жгучія, — потребности желудка. Кромѣ великихъ истинъ Запада, мы нуждаемся еще въ матеріальномъ обезпеченіи. Въ этомъ отношеніи Западъ не можетъ оказать намъ той услуги, какой-бы мы ожидали отъ него. Мы прежде всего нуждаемся въ землѣ и хлѣбѣ. Этого намъ Западъ дать не можетъ. Онъ самъ нуждается въ землѣ. Западное населеніе и теперь живетъ не въ мѣру тѣсно. Оно постоянно стремится за предѣлы своей земли, потому что дома приходится задыхаться. Западъ не можетъ дать намъ и хлѣба, потому что, какъ мы сами ни бѣдны хлѣбомъ, все-таки удѣляемъ часть его своимъ западнымъ сосѣдямъ. Съ другой стороны, какъ ни много, кажется, у насъ земли, какъ ни широко раскинулась область владѣній русскаго человѣка, но ему все-таки не хватаетъ земли, потому что у однихъ изъ насъ очутилось во владѣніи слишкомъ много земли и слишкомъ мало рабочихъ рукъ, у другихъ-же, напротивъ, слишкомъ много рабочихъ рукъ и слишкомъ мало земли; а гдѣ много рабочихъ рукъ, тамъ всегда бываетъ и много ртовъ, ищущихъ куска.

Вотъ въ этомъ-то отношеніи намъ и можетъ оказать услугу Востокъ.

Извѣстно, что вопросъ о переселеніяхъ безземельныхъ и мало-земельныхъ крестьянъ сталъ въ послѣднее время вопросомъ первой важности. Чуткая литература, внимательно прислушивающаяся къ біенію народнаго пульса, успѣла уже высказаться въ томъ или другомъ смыслѣ по отношенію къ способамъ удовлетворенія земельныхъ нуждъ населенія. Со стороны правительства вопросъ этотъ также не оставленъ безъ вниманія, и есть надежда, что потребности рабочаго населенія будутъ по-возможности удовлетворены.

Въ разрѣшеніи этого жизненнаго вопроса Востокъ долженъ придти на помощь русскому народу. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы

отъ нашихъ центровъ къ восточнымъ окраинамъ, тѣмъ болѣе открывается земельного простора. Уже давно русскій человѣкъ тянется къ Востоку: это тотъ-же процессъ, какой мы замѣчаемъ въ ростѣ дерева. Излишки русскаго населенія давно искали удовлетворенія своимъ нуждамъ въ Поволжьѣ. Но Поволжье скоро стало краемъ заселеннымъ. Тогда все, ищущее земли или заработка, стало стремиться за Волгу, въ самарскія и оренбургскія степи. Степи эти уже большею частью обработаны; земельныхъ излишковъ и тамъ остается мало. Самарскій голодъ доказалъ, что и Заволжье уже достаточно истощено, по крайней мѣрѣ, оно не въ состояннн было-бы питать новыхъ насельниковъ, которыхъ набралось-бы не мало, если-бъ остальная Россія выслала въ Заволжье контингенты ищущихъ земли и заработка. Этнмъ ищущимъ земли остается болѣе отдаленный Востокъ, тотъ Востокъ, куда во всѣ времена охотно шелъ русскій человѣкъ, стремясь ошущью и инстинктивно туда, гдѣ ожидало его приволье и удовлетвореніе голода.

Восточному тяготѣнню русскаго народа, безъ сомнѣнн, суждено свое будущее. Не даромъ Англія такъ ревннво слѣдитъ за нашими военными движеніями вглубь Востока. Она не можетъ не сознать, что въ этомъ движеннн сказывается не воинственное увлеченн, не желанн захватовъ, а естественный, органическій ростъ вѣтвей русскаго народнаго дерева не къ Западу, а къ Востоку. Только напрасно опасаются англичане, что наши казаки осквернятъ священныя воды Ганга тѣмъ, что, можетъ быть, пожелаютъ напоить своихъ меренковъ въ этой священной рѣкѣ. Отчего-жъ, въ самомъ дѣлѣ, казацкимъ усталымъ меренкамъ и не напиться той водицы, въ которой купаются грязныя индусы и которую англійскіе милорды поятъ своихъ аристократическихъ пони? Чѣмъ-же, въ самомъ дѣлѣ, эти ничего недѣлающіе пони достойнѣе казацкихъ рабочихъ меренковъ, которые и пахутъ, и хлѣбъ молотятъ, и всѣ тягости военной службы несутъ? Притомъ-же, русскому человѣку не до Индіи, когда ему нужна просто пахотная земляца. Какъ-бы ни называлась англійская королева — индійскоюли императрицею или падишахомъ Востока — русскому человѣку все равно: вмѣсто пушки и ружья онъ желаетъ понести на Востокъ свой мирный лапотъ и своею историческою сохою завоевывать себѣ насущный хлѣбъ.

Итакъ, вотъ въ чемъ заключается значеніе Востока для будущности русскаго народа.

Такія мысли навѣяло на насъ чтеніе богатаго содержаніемъ сборника ученыхъ трудовъ г. Григорьева. Къ числу капитальныхъ его изслѣдованій, безспорно, принадлежитъ доказательство „достоверности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству“, и изслѣдованіе „еврейскихъ религиозныхъ сектъ въ Россіи“. Мы не говоримъ о болѣе замѣчательномъ ученомъ трудѣ В. В. Григорьева „О куфическихъ монетахъ“. Это изслѣдованіе, какъ мы сказали выше, положительно отерываетъ передъ нами никому прежде невѣдомую, погребенную вмѣстѣ съ кладами Россію VII, VIII и IX вѣковъ. На этомъ трудѣ сама собою построилась паралель между Россією до-историческою и современною,—паралель, показавшая намъ, что и въ VII вѣкѣ русская земля была такою-же историческою странюю, несмотря на отсутствіе всякихъ письменныхъ свидѣтельствъ о ней, какою она стала съ тѣхъ поръ, какъ народъ ея имѣлъ уже свою исторію въ видѣ лѣтописи. А этого не сказалъ намъ ни одинъ историкъ.

Д. М.

НОВЫЯ КНИГИ.

Половодье. Картины провинціальной жизни прежняго времени.
В. А. Инсарскаго. Спб. 1876.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ „Русскомъ Архивѣ“ появились отрывки изъ обширѣйшихъ воспоминаній г. Инсарскаго, возбуждившіе общее вниманіе своею художественною простотою. Помня впечатлѣніе, вынесенное нами изъ чтенія этихъ отрывковъ, мы съ большимъ интересомъ принялись за новую книгу Инсарскаго, которая принадлежитъ къ тому-же роду литературы, какъ „Очерки прошлаго“ Афанасьева, „Несчастные“ Никитина, „Очерки бурсы“ Помяловскаго. Но книга эта далеко хуже тѣхъ отрывковъ, по которымъ мы составили себѣ понятіе о литературныхъ дарованіяхъ г. Инсарскаго. Въ книгѣ этой до того много пустой болтовни, что если-бы изъ 500 страницъ, составляющихъ ее, выбросить 300, то отъ этого она выиграла-бы какъ въ своемъ достоинствѣ, такъ и въ самомъ содержаніи. Даже самъ авторъ, всегда искренній, сознается въ этомъ. „На бумагѣ, говоритъ онъ, — я дѣлаюсь невольнo болтуномъ, превосходящимъ всѣхъ говорящихъ болтуновъ. Сознаніе мѣры окончательно исчезаетъ и я становлюсь тѣмъ „дядюшкой - болтушкой“, котораго такъ гениально олицетворялъ нѣкогда знаменитый Мартыновъ“. Другой недостатокъ книги заключается въ томъ, что въ ней вездѣ на первомъ планѣ личныя впечатлѣнія рассказчика, часто ни для кого рѣшительно неинтересныя, кромѣ него самого, его друзей и родныхъ; таковъ, напр., длиннѣйшій рассказъ его о томъ, какъ онъ въ разныхъ мѣстахъ упражнялся въ церковномъ пѣніи (стр. 116 — 179.) Время, изображаемое авторомъ, было, между прочимъ, временемъ строжайшей дисциплины, поддерживаемой самыми страшными наказаніями, составляющими не послѣднюю характеристическую черту той эпохи. Авторъ касается и этихъ наказаній, но тоже съ точки зрѣнія личныхъ ощущеній (стр. 72.) Книга эта, собственно говоря, — воспоминанія о дѣтствѣ автора, и уже по одному

этому она не могла быть так интересна, какъ его воспоминанія о своей взрослой жизни. При всемъ томъ, въ ней есть не мало характеристическихъ страницъ, рисующихъ провинціальную жизнь 20-хъ и 30-хъ годовъ.

По своему происхожденію авторъ принадлежалъ къ господствующему сословію того времени. Отецъ его, мелкій помѣщикъ, служилъ въ Пензѣ уѣзднымъ казначеемъ; онъ былъ человѣкъ небогатый и принадлежалъ не къ аристократіи, а къ чиновничеству, которое въ то время все болѣе и болѣе лѣзло въ дворянство. „Въ мое время, говоритъ Инсарскій,—рѣдко можно было встрѣтить чиновнаго человѣка, который-бы не былъ помѣщикомъ. Чиновная мелюзга тоже покупала имѣнія и тоже владѣла ими. Какой-нибудь секретарь, столоначальникъ, протоколистъ изъ семинаристовъ, какъ только почувствуетъ солидный остатокъ въ своемъ карманѣ отъ нахапанныхъ кривдою и неправдою грошей, тотчасъ затѣваетъ купить имѣніе, и покупаетъ преимущественно на имя жены, въ томъ соображеніи, что, замаранный въ тысячѣ бездѣльничествъ, подавляемый разными плутнями, имъ совершенными, онъ по-справедливости долженъ ожидать постоянно, что не сегодня-завтра его, по меньшей мѣрѣ, выгонятъ изъ службы и упекутъ подъ судъ, а имѣніе отберутъ въ казну. Вообще, когда кто-нибудь покупалъ имѣніе или домъ на имя жены, можно было безошибочно заключить, что покупатель не чистый человѣкъ, что деньги, на которыя дѣлается покупка, извлечены изъ темнаго источника, и что у будущаго помѣщика и совѣсть не чиста, и сердце не спокойно. Вылъ другой, едва-ли еще не болѣе простой способъ распространенія этой жалкой отрасли помѣщиковъ. Онъ заключался въ томъ, что мало-мальски порядочный чиновникъ, когда задумывалъ жениться, рассчитывалъ „поять“ за себя непремѣнно дочь помѣщика, а вмѣстѣ съ нею и часть имѣнія сего помѣщика. Хотя часть эта состояла изъ двухъ-трехъ дворовъ, но за то тоже становился помѣщикомъ и въ праздничный день преважно отправлялся „въ свою деревню“ (стр. 222.) Служба была главнымъ и даже единственнымъ средствомъ существованія людей, среди которыхъ родился и выросъ авторъ. Отецъ опредѣлилъ его на службу восьми лѣтъ, а двѣнадцати лѣтъ онъ уже получалъ первый чинъ; онъ въ одно и то-же время какъ-то и учился, и служилъ, приводя въ немалое недоумѣніе начальство гимназіи относительно наказаній ученика-чиновника (стр. 15.) Чиновничество жило не столько жаловапьемъ, сколько взятками и безгрѣшными доходами, которыми пользовались рѣшительно всѣ, въ томъ числѣ и отецъ автора. „Въ дѣтствѣ, говоритъ онъ,—я видѣлъ приношенія, дѣлаемыя моему отцу; но вымогательствъ и вымогаемыхъ не видалъ. Приношенія эти, ради ясности, можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ: ежедневныя, постоянныя и экстренныя. Начну съ ежедневныхъ. Уѣздное казначейство было такое мѣсто, гдѣ всегда толчется много народу. Одни вносятъ, другіе получаютъ. По существовавшимъ тогда обычаямъ, ни тѣ, которые получаютъ, ни тѣ, которые вносятъ, не могли исполнить своего дѣла и уйти изъ казначейства, не приплативъ чего-нибудь. Для этого избранъ былъ изъ среды казначей-

скихъ чиновниковъ особый уполномоченный, Бѣляевъ, человекъ пустой и даже малограмотный, но для этого дѣла драгоценный. Онъ отличался необычайно большими и толстыми губами, которыя вѣчно оставались открытыми и которыхъ онъ и соединить былъ, кажется, не въ состояніи по ихъ необычайной толстотѣ. Какъ только входилъ кто-нибудь въ казначейство, обязанность Бѣляева заключалась въ томъ, чтобы сорвать съ него что-нибудь, за какии-бы дѣломъ онъ ни приходилъ. Въ порядкѣ этихъ ежедневныхъ сборовъ существовали эпохи обильныя и эпохи бѣдныя. Зима, сколько помню, считалась въ этомъ смыслѣ хорошимъ временемъ. Втеченіи зимняго времени совершались платежи податей, наборы, а слѣдовательно, платежи на рекрутъ и т. п. Въ эти эпохи Бѣляевъ былъ прелестенъ; онъ метался изъ стороны въ сторону и дѣйствовалъ неутомимо. Въ концѣ присутствія Бѣляевъ окончательно учитывалъ свою кассу, и итогъ объявлялся во всеобщее извѣстіе. Затѣмъ производился раздѣлъ по извѣстной системѣ, но прежде всего изъ него отдѣлялась третья часть, если не ошибаюсь, въ пользу казначея. Часть эту Бѣляевъ, нисколько не церемонясь, вносилъ въ комнату казначея и вручалъ ему. Къ числу приношеній ежедневныхъ относилось также приношеніе, совершаемое при полученіи изъ казначейства большихъ суммъ. Выдачи этихъ суммъ дѣлались подрядчикамъ, поставщикамъ, фабрикантамъ и т. п. и составляли личную операцію казначея, безъ всякаго участія Бѣляева и вообще канцелярѣн. Я не знаю, законъ-ли такой былъ, или обычай, но только казначей считалъ себя вправѣ въ счетъ подлежащей суммы выдавать мѣдной монетою третью часть. Легко представить себѣ пріятность этой штуки и могущество ея вліянія на створчивость получателей! Мѣдная монета хранилась въ казначействѣ въ ужасающемъ количествѣ, и все въ мѣшкахъ, по 25 рублей асигнаціями въ каждомъ. Слѣдовательно, чтобы получить 1,000 рублей, надо было получить 40 мѣшковъ, вѣсомъ пудовъ около 50. Это было истиннымъ пугаломъ для получателей. Видѣлъ я и такіе случаи, что присяжные, т. е. счетчики, начинаютъ таскать изъ кладовой мѣшки и складывать въ огромную кучу; строптивый или скупой получатель тупо смотритъ на эту операцію и на постепенно увеличивающуюся гору мѣди,—смотреть, и начнеть шептаться съ казначеемъ, а затѣмъ мѣдная гора начнеть подвигаться обратно въ кладовую. Въ разрядъ приношеній годовыхъ входитъ бездна статей; къ праздникамъ, особенно зимнимъ, на нашъ дворъ доставлялись возы муки, крупы, овса, сѣна, дровъ и т. д. Съ фабрикъ—произведенія, тамъ выдѣлываемыя, сукно, фризъ, байка и т. п. Это именно тѣ приношенія, которыя не вымогались, но отъ которыхъ отбиться было невозможно, ибо они установились не волею и требованіями казначея, а старыми порядками, водворенными въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Великолѣпный, можно сказать—роскошный отдѣлъ этихъ годовыхъ приношеній составляла выдача купцамъ свидѣтельствъ на право торговли. Эпоха эта волновала все наше семейство обиліемъ и разнообразіемъ приношеній, изъ которыхъ каждому члену семьи приходилось что-нибудь на

долю. Обычай былъ таковъ, что кто чѣмъ торговалъ, тотъ и ташилъ часть своихъ произведеній казначею. Торгующіе мукой приносили муку, сахаромъ и чаемъ—сахаръ и чай, сукномъ — сукно, дамскими матеріями — куски этихъ матерій, виноградными винами—бутылки дреймадеры и сотерна и т. д. Изъ постоянныхъ приношеній было одно, но за то вполне вѣрное и постоянное, это—приношеніе откупщика. Откупщикъ положительно держалъ весь чиновный міръ на своихъ окладахъ, и тутъ даже губернаторъ и вицегубернаторъ не составляли исключенія. Такъ точно и мой отецъ, казначей, имѣлъ свой окладъ. Сколько входило въ этотъ окладъ собственно денегъ—не знаю, но знаю положительно, что въ него входила бездна вина, пива, меда и разныхъ другихъ статей, какими располагалъ откупъ. Въ моей семьѣ на эту статью не тратилось ни копейки, какіе-бы праздники въ ней ни совершались, какія-бы толпы народа къ намъ ни приходили по разнымъ дѣламъ и случаямъ. Водка подносилась всѣмъ съ большою щедростью. Приношенія временныя или экстренныя черпались преимущественно въ томъ-же откупѣ. Дѣло въ томъ, что откупъ по закону обязанъ былъ вносить въ казначейство въ опредѣленные сроки извѣстныя части откупной суммы, но нерѣдко былъ поставленъ въ невозможность исполнять эту обязанность и потому являлась необходимость въ отсрочкахъ и послабленіяхъ, которыя могъ только сдѣлать одинъ казначей, разумѣется, таинственнымъ образомъ. Къ числу приношеній подобнаго рода можно причислить тѣ, которыми какой-нибудь несчастный отбивался отъ бѣдствій, неминуемо связанныхъ съ появленіемъ у него какиъ-либо образомъ фальшивой асигнаціи. Законы-ли въ то время существовавшіе по этой части были чересчуръ строги, или исполненіе ихъ на практикѣ было такъ ловко приноровлено знатоками дѣла къ лучшему обиранію ближняго,—только дѣло было въ такомъ положеніи, что если предложить кому взять въ руки гремучую змѣю или фальшивую асигнацію, онъ навѣрно предпочелъ-бы первую. Такъ ужасны были дѣла, связанные съ фальшивыми асигнаціями! Первымъ приступомъ къ нимъ было поставленіе жилища того, у кого явилась фальшивая асигнація, вверхъ дномъ и вскрытіе даже половъ въ этомъ жилищѣ, конечно, ради открытія фабрикаціи и другихъ вредныхъ признаковъ; то-же дѣлалось и у тѣхъ, черезъ руки которыхъ проходила эта фальшивая асигнація. А такъ-какъ обнаруживаніе фальшивой асигнаціи могло происходить, если не исключительно, то большею частью въ казначействѣ, ибо казначей, вѣроятно, былъ снабженъ всѣми техническими свѣденіями и пособиями, для того необходимыми, то понятно, что казначей, какъ Юпитеръ, держалъ въ своей рукѣ громы и отъ него зависѣло обрушить ихъ на несчастливца или удержать. Понятно, что приношенія за удержаніе этихъ громовъ были значительны“. Приношенія и оклады не только давались обывателями начальству, но и чиновниками тѣмъ, кто стоялъ выше ихъ. Инсарскій рассказываетъ, что въ заключеніе своего пензенскаго губернаторства Лубяновскій очутился чрезвычайно богатымъ человѣкомъ. „Кто не помнитъ эпохи, когда Николай I вздумалъ лично разсматривать фор-

муляры всѣхъ лицъ высокопоставленныхъ и по этимъ формулярамъ знакомиться съ нравственною стороною этихъ лицъ? Громадное состояніе Лубяновскаго поразило его. Царь велѣлъ спросить, какъ оно приобрѣтено? Лубяновскій имѣлъ остроумную дерзость отвѣчать: „состояніе приобрѣтено литературными трудами (!!!) и вообще частными занятіями, и было-бы несравненно значительнѣе, если-бы онъ не былъ вынужденъ почти все свое время отдавать на службу престолу и отечеству“ (стр. 31 — 50.) Въ то время, когда чиновничество слишкомъ ужь зарывалось, и насылали на него ревизоровъ. Такъ налетѣлъ на Пензу сенаторъ Горголи. „О нашествіи его потомъ вспоминали какъ о чумѣ. Въ матеріалахъ, свидѣтельствующихъ о неправдѣ, взяточничествѣ, притѣсненіяхъ и злоупотребленіяхъ всякаго рода, недостатка не было, точно также какъ не было недостатка въ энергіи у стараго Горголи“. Горголи отдалъ подъ судъ почти всѣхъ чиновниковъ, но почти всѣ они, по тогдашнему обыкновенію, были оправданы (стр. 64.) Въ то время чиновничество подтягивали не только посредствомъ ревизій, но и посредствомъ крутыхъ губернаторовъ, назначавшихся преемниками слабыхъ. Въ Пензѣ въ то время былъ сначала губернаторомъ Лубяновскій. „Личность его, говорить Инсарскій,— не представляла ничего замѣчательнаго и не производила рѣшительно никакого впечатлѣнія. Незнакомому, новому человѣку онъ долженъ былъ, какъ одинъ изъ бывшихъ московскихъ генераль-губернаторовъ, божиться, что онъ губернаторъ, чтобы тотъ повѣрилъ этому,—такъ сильно въ немъ отсутствовало все величественное, начальственное“. Его сбѣжидилъ Панчулядзеви и наполнилъ губернію шумомъ и громомъ. Въ особенности чиновники сильно страдали; чуть кто-нибудь зазѣвается и не сниметь за пять верстъ шапки при его проѣздѣ, тотчасъ на гауптвахту. Даже на балахъ дворянскаго собранія онъ арестовывалъ тѣхъ, кто во время его шествія по комнатамъ не успѣвалъ вскакивать при его приближеніи (стр. 51.) У такихъ администраторовъ и исполнители были люди распорядительные, ловкіе, даже физически сильные, въ родѣ дяди автора, исправника Мура, который отличался страшною физической силой и необыкновенною ловкостью. Онъ часто переодѣвался мужикомъ и проводилъ по нѣсколькимъ ночей въ лѣсу, чтобы собственноручно изловить какого-нибудь бѣглаго рекрута или разбойника, наводившаго на крестьянъ и на полицейскихъ такой ужасъ, что никто не рѣшался брать его (стр. 12.)

Умственной жизни въ тогдашней провинціи не было никакой, и провинція буквально спала день и ночь, пробуждаясь только по временамъ, чтобы поѣсть да подписать тѣ бумаги, за которыя получалось жалованье и приношенія. Послѣ обѣда спали почти всѣ. „Этотъ сонъ, говорить Инсарскій,— входилъ въ составъ непреложныхъ обычаевъ и, можно сказать, законовъ провинціальной жизни. Обѣдать и спать послѣ обѣда составляло одно нераздѣльное дѣло. Невозможно было представить обѣдовъ безъ послѣобѣденнаго сна. И надо знать сонъ провинціала, слѣдующій за провинціальнымъ

обѣдомъ, чтобы осмѣлиться нарушить его. Послѣобѣденный сонъ былъ въ такомъ почетѣ и уваженіи, что засыпали не только старшіе, господа, — засыпалъ весь рѣшительно домъ, не исключая дѣтей, прислуги, собакъ, даже домашнихъ птицъ. Въ моихъ воспоминаніяхъ живо стоятъ такія картины: вернешься, бывало, домой въ послѣобѣденную, жаркую пору, разумѣется, лѣтомъ, съ купанья, напр., или прогулки — рѣшительно все спитъ, все мертво, все потѣетъ; или, случалось, проснется отецъ и начнетъ звать кого-нибудь изъ прислуги; возгласы его раздаются совершенно бесплодно, ибо прислуга тоже глубоко спитъ; пробужденіе и вставаніе отъ послѣобѣденнаго сна, всегда тяжелаго и глубокаго, едва-ли не было труднѣе и продолжительнѣе, чѣмъ отъ сна утренняго. Во всякомъ случаѣ, при вставаньи утромъ я не видалъ никогда такихъ вздоховъ, стоновъ и, вообще, тяжелыхъ приемовъ, какіе производились при возстаніи отъ послѣобѣденнаго сна. Самъ отецъ, бывало, проснувшись, выйдетъ на крыльцо и долго сидитъ въ какомъ-то тяжеломъ раздумьи, вздыхая по временамъ и, повидимому, стараясь преодолѣть все еще продолжающееся вѣяніе послѣобѣденнаго сна, и когда это ему удавалось болѣе или менѣе, то начиналъ восклицать: „мама, а, мама, чего-бы выпить?“ и только громадная кружка холодной и пѣнистой влаги, выпитая имъ въ нѣсколько приемовъ, съ разнородными покрякиваніями, окончательно ставила его, такъ-сказать, на ноги“ (стр. 181.) Теперь въ провинціи дѣла больше и спать поэтому меньше, и вообще постепенно исчезаютъ многіе старинные обычаи, о которыхъ, впрочемъ, не говоритъ авторъ, — исчезаетъ прежнее, такъ-сказать, обязательное хожденіе супруговъ въ баню по субботамъ, исчезаетъ калать, исчезаетъ взаимное поклоненіе въ прощенный день и т. д. Но въ то время, о которомъ рассказываетъ Инсарскій, все это было въ полномъ цвѣтѣ. Главная причина этого заключалась въ бездѣльи, въ лишнемъ времени, котораго было такъ много; этижъ-то бездѣльемъ и объясняются тѣ склонности и страсти, происхожденіе которыхъ, по мнѣнію автора, „объяснить ничѣмъ нельзя“. „Я зналъ, говоритъ онъ, — полковника, вѣчно выпивающаго по камѣ, зналъ образованнаго и достаточнаго помѣщика, который дѣлалъ экипажи. Экипажи выходили ужасныя по безобразію и неудобствамъ и обходились втрое дороже противъ хорошихъ, а онъ все-таки, несмотря ни на что, продолжалъ дѣлать экипажи“ (стр. 22.) Отъ бездѣлья-же люди такъ часто ходили въ гости одинъ къ другому. „Гости, говоритъ Инсарскій, — у насъ не переводились. Знакомство у моей семьи было небогатое, но обширное и радушное. Было-бы трудно перечислить всѣхъ друзей и пріятелей. Мы часто ходили въ гости чай пить и къ намъ часто ходили гости чай пить. Начиналось съ того, что къ чайку прибавлялась значительная доля рюмку. Съ окончаніемъ этой операціи выпивалось по рюмочкѣ, по двѣ, по три винограднаго какого-нибудь вина. Затѣмъ устраивалась довольно капитальная закуска, предъ которой выпивалось по рюмочкѣ какой-нибудь знаменитой настойки изъ безчисленнаго ряда настоекъ разныхъ наименованій, ибо каждый старался перебить сво-

ею настойкой всё другія; во время закуски вышивалось опять по рюмочкѣ, по двѣ винограднаго; результатомъ всѣхъ этихъ занятій было то, что гости, сытенкіе, раскраснѣвшіеся, подвыпившіе, отправлялись въ самоѣ лучшемъ расположеніи духа домой и послѣ продолжительныхъ изъявленій благодарности, обращенныхъ къ радушнымъ хозяевамъ, говорили: „къ намъ милости просимъ, не забывайте“ (стр. 183, 235.) Имянины, крестины, свадьбы праздновались гораздо шумнѣе и гости не столько расходились съ нихъ, сколько развозились. Въ гости ѣздили даже на-долго; въ другія губерніи. „Главною капитальною чертою во время моего дѣтства было пьянство, говоритъ Иясарскій.— Оно царило на моей родинѣ съ поразительнымъ могуществомъ, увлекая рѣшительно всѣхъ. Но какъ все имѣетъ свои степени и подраздѣленія, то и пьянство имѣло свои степени и подраздѣленія. Люди, стоящіе на верху средняго круга, вродѣ моего отца, пили очень осторожно, въ тѣсныхъ пріятельскихъ сходкахъ, преимущественно въ дни праздниковъ и различныхъ именинъ, и хотя въ концѣ этихъ дней приходили въ состояніе весьма некрасивое, но это состояніе оставлялось, такъ-сказать, въ секретѣ, не выставлялось публично, ибо черезъ мѣру подгулявшіе господа или сами, или при содѣйствіи своихъ женъ исчезали по своимъ конурамъ. Люди, слѣдующіе за этими лицами, которыхъ можно назвать ихъ помощниками, люди, рассчитывавшіе не сегодня-завтра занять мѣста своихъ начальниковъ, пили уже много безперемоннѣе, но все-таки, въ виду этихъ цѣлей, старались держаться приличій, нѣкоторой умѣренности, старались всевозможно спастись отъ гибельной въ служебномъ мірѣ атестаціи: „способенъ и достоинъ, но нетрезваго поведенія“,—атестаціи, полагающей преграду и конецъ всякимъ видамъ и расчетамъ на дальнѣйшее служебное преуспѣяніе. Затѣмъ, большинство, остальная часть служебнаго міра, пьянствовали уже безъ всякой мѣры, безъ всякихъ видовъ и расчетовъ. Пьяницъ болѣе знаменитыхъ и пьяницъ менѣе знаменитыхъ безчисленное множество“. Авторъ рассказываетъ о себѣ, что восьми лѣтъ отроду онъ былъ жертвецки пьянъ, а тринадцати пьянствовалъ уже сильно (стр. 350.)

Водка заливала пустоту, то отсутствіе какихъ-бы то ни было умственныхъ интересовъ, которыми страдала провинція, совершенно разобщенная отъ столичныхъ центровъ, имѣвшихъ хоть какую-нибудь жизнь. Пенза сносилась, напр., съ Петербургомъ не посредствомъ писемъ, газетъ, почты, не посредствомъ поѣздокъ въ Петербургъ, а посредствомъ двухъ казначейскихъ присяжныхъ, которые однажды въ годъ отправлялись въ столицу за покупкою годового количества гербовой бумаги, нужнаго для всей губерніи. „Отправленіе ихъ приводило въ волненіе городъ. Во-первыхъ, какъ ни бѣдны были сношенія такой отдаленной провинціи съ столицей, но все-таки они были. Нѣкоторые изъ пензяковъ служили тамъ, другіе воспитывались. Понятно, что туземные родственники ихъ надѣялись присяжныхъ письмами, словесными наставленіями, сказать то, передать это, а частію и

разными посылками. Но главная тяжесть, взваливаемая на присяжныхъ, состояла въ безчисленныхъ порученіяхъ по части покупокъ. Едва-ли оставалось въ Пензѣ самое скромнѣйшее семейство, которое не желало-бы воспользоваться случаемъ и не поручило-бы присяжнымъ купить и привезти чего-нибудь изъ столицы. Разумѣется, предметы этихъ покупокъ были разнообразны до безконечности. Когда присяжные отправлялись, Пенза погружалась въ ожиданіе; когда они возвращались, Пенза вновь волновалась и погружалась въ разборъ и оцѣнку вывезенныхъ товаровъ" (стр. 273.) Отправка и возвращеніе присяжныхъ были важнѣйшими событіями, разнообразившими жизнь въ Пензѣ. Жители искали разнообразія, но не находили его. Въ тѣ скучныя времена даже солдатскія ученья, даже зрѣлище тѣлесныхъ наказаній привлекали многочисленныхъ зрителей, о чемъ не говорится у Инсарскаго. У него, впрочемъ, рассказывается о двухъ удовольствіяхъ, которыя нужно отнести къ тому-же разряду. Около Пензы была мельница и жители любили смотрѣть на грозный водопадъ мельничной плотины. Случалось нерѣдко, что черезъ страшную плотину перегоняли плоты лѣса. Плотъ срывался съ высоты въ кипучую пучину, зарывался въ ней и скрывался совершенно на нѣкоторое время, а потомъ, въ значительномъ уже отдаленіи, показывался ребромъ изъ воды, выравнивался и плылъ далѣе. Пензяки часто забавлялись тѣмъ, что нанимали за гривенникъ кого-нибудь изъ плотовщиковъ броситься вмѣстѣ съ плотомъ въ бездну и вмѣстѣ съ нимъ вынырнуть. „Мы не постигали, какъ онъ могъ такъ долго оставаться подъ водой, а еще болѣе, какъ онъ могъ удержаться на плоту и не сорваться съ него. Мы дрожали отъ страха, что онъ неминуемо погибнетъ, и успокоивались тогда только, когда вмѣстѣ съ плотомъ показывалась изъ воды его мокрая, улыбающаяся и совершенно спокойная фигура" (стр. 193.) Не малымъ развлеченіемъ для горожанъ были нерѣдкіе скандалы, и нѣкоторые обыватели спеціально посвящали себя этой профессіи. Таковъ былъ, напр., Гладковъ, державшій у себя крѣпостной театръ. Спектакль начинался обыкновенно какой-нибудь увертюрою въ оркестрѣ, но одновременно съ этимъ начиналось и представленіе передъ сценою, гдѣ главнымъ и единственнымъ лицомъ былъ самъ хозяинъ. Публика, хорошо знавшая его наклонность ко всевозможнымъ скандаламъ, слѣдила за нимъ со вниманіемъ, едва-ли не большимъ, чѣмъ то, какое она отдавала происходившему на сценѣ. Возгласы актеровъ смѣшивались съ возгласами Гладкова. Въ то время, когда какой-нибудь царь или герой, въ лицѣ Бурдаева или крѣпостного Григорья, ревелъ на кого-нибудь изъ своихъ подданныхъ, Гладковъ изрыгалъ громы на этого короля или героя, называлъ его дуракомъ или скотиной, смотря по тому, чего онъ заслуживалъ по критической оцѣнкѣ хозяина. Часто Гладковъ бурно срывался съ своего мѣста и летѣлъ на сцену для немедленной расправы съ тѣмъ или другимъ артистомъ посредствомъ пощечинъ и зуботычинъ; даже какія-нибудь Ифигеніи и другія важныя персоны женскаго репертуара не избѣгали подобной расправы. „По

условіямъ того времени, говорить Инсарскій, — удалъ должна была выражаться всевозможными скандалами, производящими въ публикѣ шумъ и толки. Гладковъ и дѣлалъ эти скандалы, бывшіе предметомъ постоянныхъ толковъ. Дѣлать скандалы онъ былъ обязанъ тѣмъ болѣе, что былъ отставнымъ гусаромъ, а отставные гусары, кажется, отъ сотворенія міра признаны исключительно специалистами и мастерами въ этой отрасли человѣческой дѣятельности“. Авторъ мало рассказываетъ о скандалахъ Гладкова, такъ — какъ всѣ они были грязны и не остроумны. У этого Гладкова былъ братъ Александръ, тоже гусарь, нерѣдко прїѣзжавшій въ Пензу. Появленіе его всегда сопровождалось увеличеніемъ скандаловъ, что весьма понятно, ибо они производились уже двумя Гладковыми. Какъ мало остроумны были эти скандалы, приведу одинъ пригѣръ. Александръ Гладковъ возвѣщалъ свое прибытіе слѣдующимъ образомъ: онъ усаживался на дрожки такъ, что упирался головою въ спину кучера, а ноги клалъ на спинку сидѣнья и такимъ образомъ принималъ сидячее положеніе съ задранными вверхъ ногами. Въ рукахъ онъ держалъ палку и постоянно размахивалъ ею; въ такомъ видѣ онъ развѣзжалъ по городу и громко распѣвалъ непристойныя пѣсни. Можно понять степень безсилія полицейскихъ властей, когда онъ не могли остановить такого безобразія“ (стр. 264.)

Любимѣйшимъ развлеченіемъ пензяковъ были кулачные бои, въ которыхъ принимали участіе даже дѣти и которые производили на дѣтскій умъ такое неотразимое впечатлѣніе, что авторъ даже теперь, на старости лѣтъ, защищаетъ эту бойню! Въ бояхъ этихъ принимало дѣятельное участіе и чиновничество, изъ рядовъ котораго выходили герои кулака, въ родѣ Андреева. „Онъ былъ неукротимымъ любителемъ церковнаго пѣнія, и, какъ человѣкъ почтенный, солидный, въ нѣкоторой степени даже значительный, совершенно овладѣлъ клиросомъ Преображенской церкви, въ приходѣ которой и жилъ. Ни малѣйшихъ знаній по части пѣнія онъ не имѣлъ вовсе, вкуса — тоже. Всѣ его старанія и заботы были направлены единственно къ тому, чтобы пѣть громче. Отъ этого происходило ужасное пѣніе. Онъ завербовалъ въ свой оригинальный хоръ всѣхъ, кто только могъ сильно кричать. Охотниковъ, конечно, изъ чиновнаго міра было въ избыткѣ, но онъ не гнушался и другими званіями. Такъ, онъ залучилъ въ число своихъ хористовъ какого-то двороваго человѣка съ свирѣпымъ видомъ, огромнѣйшей головой, покрытой необычайно густыми черными волосами, и всѣмъ возвѣщалъ, что это удивительнѣйшій басъ. Этотъ басъ дѣйствительно ревѣлъ, какъ бѣсъ, причемъ свирѣпая его фигура достигала крайней степени свирѣпости, но толку все-таки никакого не выходило. Этотъ удивительный басъ былъ въ то-же время знаменитымъ кулачнымъ бойцомъ, знаменитымъ потому особенно, что онъ избрѣлъ и употреблялъ особые приемы въ этомъ искусствѣ, для другихъ почему-то недоступные. Главнѣйшимъ изъ этихъ приемовъ былъ тотъ, что онъ бросался на противниковъ бычкомъ, говоря специальнымъ языкомъ, т. е. наклонялъ свою огромную голову и, какъ тараномъ, разилъ враговъ и въ

то-же время поднятыми вверх кулаками осыпал ихъ безчисленными ударами, подобно ударамъ при молотобѣ цѣпами по разостланнымъ подъ ними снопамъ. Хотя этотъ приѣмъ и былъ извѣстенъ всѣмъ другимъ бойцамъ, однако, держаться противъ него они не могли и головастый боецъ всегда почти оставался побѣдителемъ“ (стр. 357.) Другою знаменитостью былъ Цинцинатовъ, чиновникъ, управлявшій типографіей губернскаго правленія, длиннѣйшій и всегда пьяный господинъ съ длиннѣйшими руками, которыми онъ наносилъ страшный вредъ противной сторонѣ. Своими руками онъ съ размаху захватывалъ въ свои объятія цѣлую толпу бойцовъ, и пока она выпутывалась изъ этихъ объятій, другая, ослабленная часть бойцовъ той-же стѣны, бывала поражаема (стр. 401.) Подобные бойцы пользовались всеобщимъ уваженіемъ и вообще физическая сила въ то время имѣла большое значеніе. „При оцѣнкѣ какого-нибудь индивидуума, говорить Инсарскій, — чуть-ли не прежде всего принималось во вниманіе, силенъ онъ или не силенъ? Человѣкъ сильный пользовался большими привилегіями сравнительно съ человѣкомъ не сильнымъ. На извѣстнаго силача всѣ смотрѣли съ особымъ уваженіемъ, какъ-будто онъ можетъ отдубасить каждаго ни за что, ни про что, точно также, какъ смотрять съ уваженіемъ на каждаго богача, какъ-будто онъ возьметъ да и раздастъ всѣмъ по сту тысячъ. Такое значеніе, такое превосходство физической силы было, впрочемъ, явленіемъ естественнымъ въ той средѣ, гдѣ люди съ малолѣтства приучаются бороться, драться на кулакахъ, тянуться на палкахъ, поднимать большія тяжести“ и т. п. (стр. 359.) Потребность дѣтей въ физическомъ движеніи, неудовлетворяемая разумной гимнастикой и извращенная сквернымъ воспитаніемъ, вела къ истязаніямъ животныхъ и постояннымъ междоусобицамъ. „Представить себѣ, что два мальчика идутъ по одной улицѣ, одинъ навстрѣчу другому, и проходятъ благополучно, рѣшительно невозможно. Напротивъ, дѣло было обыкновенно такъ. Идетъ одинъ мальчикъ навстрѣчу другому, — свалка. Идутъ два мальчика навстрѣчу одному или наоборотъ — свалка. Идутъ три мальчика навстрѣчу двумъ, тремъ или четыремъ — сугубая свалка. Эти свалки не имѣли мѣста въ такомъ только случаѣ, когда одна изъ сторонъ мгновенно сравнить силы, сообразить неминуемый для себя исходъ свалки и заранѣе дать тягу“ (стр. 406.) Такимъ образомъ, склонность къ кулачнымъ боямъ прививалась чуть не съ молокомъ матери. Кулачные бои имѣли двѣ формы, — одинъ на одинъ и стѣна на стѣну. Бой одинъ на одинъ очень простъ. При содѣйствіи посредниковъ и экспертовъ два извѣстные бойца, обыкновенно большіе приятели, соглашаются сдѣлать нѣсколько схватокъ. „Соперники снимаютъ съ себя верхнее платье, дружески обнимаются, цѣлуются и начинаютъ бой. Знатоки и посредники обступаютъ ихъ, внимательно слѣдятъ за малѣйшимъ движеніемъ каждаго, ибо дѣло это имѣетъ свою школу, свои законы, свои условія, и бойцы въ эту минуту становятся чѣмъ-то въ родѣ профессоровъ этого искусства. Приѣмы, ими употребляемые, дѣлаются потомъ предметомъ

толковъ, критики и всевозможныхъ обсужденій. Приемы новые или оригинальные вносятся въ народную хронику и на нихъ потомъ ссылаются при послѣдующихъ случаяхъ, подобно тому, какъ какой-нибудь судебный исключительный случай заносится въ юридическую хронику и служитъ потомъ предметомъ ссылокъ и указаній“ (стр. 385.) Вой стѣна на стѣну производился слѣдующимъ образомъ. Въ день храмоваго праздника, возлѣ церкви, собирались толпы мальчишекъ и устраивали свой кулачный бой, за которымъ весело слѣдили большіе, поощряя и наставляя своихъ, будущихъ преемниковъ на поприщѣ кулака. Бой постепенно и незамѣтно выросталъ и къ побѣжденной сторонѣ приставали новые бойцы, при помощи которыхъ побѣдители одолѣвали и гнали противниковъ, которые подкрѣплялись новыми силами и снова брали верхъ. Къ дѣтямъ приставали все болѣе и болѣе взрослые бойцы и, наконецъ, совершенно овладѣвали полемъ битвы, а мальчики постепенно отходили въ сторону и превращались въ зрителей. Знаменитые бойцы являлись на мѣсто дѣйствія весьма поздно и долго не вступали въ дѣло, ломаясь и свысока поглядывая на окружающія обстоятельства. Появленіе знаменитости на мѣсто боя производило тотъ-же эффектъ, какъ появленіе Патти среди итальянскихъ пѣвцовъ. Знаменитость окружали зѣваки и любители и все обращалось въ ожиданіе. Всѣ засматривали въ глаза знаменитости и ждали, что она скажетъ или сдѣлаетъ; нѣкоторые даже дерзали спрашивать: „а что, батюшка Семень Игнатьевичъ, не пора ли?“ Но Семень Игнатьевичъ чрезвычайно ревнивъ къ своей славѣ и ни за что не позволитъ себѣ вступить въ бой, когда въ немъ еще не участвуетъ нѣсколько другихъ знаменитостей. Когда-же въ составѣ стѣны послѣднихъ появится много, тогда и Семень Игнатьевичъ скажетъ: „теперь, кажется, пора“, сниметъ верхнее платье и приблизится къ той стѣнѣ, которая почему-либо окажется слабою. Всѣ силы противной стороны обрушивались на новаго бойца, но онъ стоялъ какъ скала. „Какъ искусный косякъ, онъ косилъ направо и налево, и избитые имъ противники ложились грудю около него. Стѣна, на сторону которой онъ сталъ, получала крѣпость и устойчивость. Бой принималъ правильное теченіе. Одна стѣна, человѣкъ въ двѣсти, триста, билась съ другою стѣною равной силы и численности. Боковыя стѣны образовывались изъ любителей и знатоковъ, въ числѣ которыхъ постоянно находились лица весьма почтенныя и почетныя. Вся эта группа или громадная толпа народа съ кругомъ въ серединѣ сохраняла большею частію, вслѣдствіе уравненія силъ, почти неподвижное состояніе, и бѣгства одной стѣны и преслѣдованія со стороны другой, чѣмъ начался бой, уже не было. Стоя вѣ этой народной кучи, можно было слышать тяжелые, глухіе удары, наносимые бойцами другъ другу“ (стр. 392.)

Другую общую забавою пензяковъ,—да и однихъ-ли пензяковъ? — было пѣніе, преимущественно церковное. Авторъ, какъ большой любитель церковнаго пѣнія, намъ кажется, немного увлекается и придаетъ слишкомъ

большое эстетическое значеніе этой забавѣ пензяковъ, которые увлекались не столько гармоніей, сколько „громыханьемъ“ и „рявканьемъ“. Впрочемъ, даже въ его книгѣ много данныхъ въ подтвержденіе нашей мысли. „Самыми энергическими любителями пѣнія въ нашихъ городахъ, говоритъ онъ,—прежде всего являются купцы и вообще торговое сословіе. Они любятъ сами пѣть и другихъ слушать. Гдѣ много купцовъ, тамъ, навѣрно, пѣніе въ отличномъ положеніи. Я довольно долго прожилъ въ Москвѣ и говорю это по опыту. Тамъ преимущественно господствуетъ купеческій элементъ, и потому существуетъ бездна частныхъ хоровъ, сильныхъ по составу, если не по искусству. Всѣхъ частныхъ хоровъ, существовавшихъ тамъ въ мое время, даже и перечислить невозможно. Тамъ были громаднѣйшіе хоры, человѣкъ по сту и болѣе, Нешумова, Лебедева, Дюпия и другихъ. Раздѣляясь на части, человѣкъ въ десять или болѣе, они наполняли всѣ церкви, такъ-что положительно не было церкви, гдѣ-бы не было хора и хорошаго пѣнія. Хоры чудовскій и синодальный московскіе купцы чуть не на рукахъ носили. Тамъ они знали всѣхъ пѣвчихъ наперечетъ и поименно. Передъ регентомъ, напр., чудовскаго хора, сѣдымъ Багрецовымъ, они издали шапки ломали, считая его знаменитостью, превосходящею всевозможныхъ Ломакиныхъ и другихъ мастеровъ этого дѣла. Деньги за приглашеніе чудовскаго или синодальнаго хора на обѣдню, свадьбу или похороны платились громадные. Плата эта увеличивалась страшно, чуть-ли не удваивалась, когда для вящаго великолѣпія требовалось, чтобы хоромъ управлялъ самъ сѣдовласый Багрецовъ. Лучшимъ доказательствомъ, въ какой степени любятъ московскіе купцы хорошіе голоса и хорошее пѣніе и какъ сильно значеніе ихъ въ этомъ отношеніи, можетъ служить выборъ и опредѣленіе протодьякона въ успенскій соборъ. Во время бытности моей въ Москвѣ случай такого выбора повторился два раза. Въ оба раза выборъ протодьякона производилъ въ Москвѣ невѣроятный шумъ и волненіе. Въ Петербургѣ, напр., при открытіи подобной вакансіи, просто-на-просто назначили-бы какого-нибудь очереднаго, безволосаго и безголосаго дьякона, и дѣло съ концомъ. Въ Москвѣ такъ нельзя. Тамъ надо прислушиваться къ требованіямъ и вкусамъ купцовъ. Поэтому, когда шла рѣчь о замѣщеніи протодьякона, купечество внимательно слѣдило за выборомъ и духовенство тоже внимательно прислушивалось къ общественнымъ толкамъ и отзывамъ. Кандидатовъ, разумѣется, была бездна. Въ то-же время исканія происходили по всей Россіи. Кончилось тѣмъ, что отыскивали протодьякона гдѣ-то въ Сибири, кажется, въ Иркутскѣ, и привезли въ Москву. Ну, и былъ-же этотъ протодьяконъ радостью и гордостью москвитянь! Это былъ молодой человѣкъ 25 лѣтъ. Вся Москва не могла налюбоваться имъ“, но черезъ два года онъ уяерь. Пошли новыя разысканія новаго протодьякона, новый шумъ и новые толки. Опять выписали изъ Сибири, и, кажется, тоже изъ Иркутска, новаго гиганта, какъ говорили, двоюроднаго брата умершаго, котораго онъ будто-бы самъ и рекомендовалъ на смертномъ одрѣ. Въ Пензѣ

были такіе-же вкусы, какъ и въ Москвѣ. „Стоило появиться гдѣ-нибудь замѣчательному голосу, въ особенности громкому басу, чтобы народъ устремился туда неудержимыми толпами. Я живо помню волненіе, объявившее всю Пензу при появленіи знаменитаго Ивлича. Ивличъ былъ простой семинаристъ, взятый въ архіерейскій хоръ. И фигура, и голосъ его на первыхъ порахъ отличались большою дубоватостью. Это былъ дюжій паренъ, съ широкими плечами, въ длиннополомъ синемъ сюртукѣ, и какъ-то дико выглядывавшій. Лицо его было не дурно, но не имѣло никакого выраженія и сходствовало съ головою молодого быка, съ бессмысленными глазами. Появленіе его въ хорѣ тотчасъ ознаменовалось громовыми звуками, которыми онъ началъ наполнять соборный храмъ. Всѣ заговорили объ Ивличѣ, какъ о чудѣ, и всѣ стали бѣгать слушать его, гдѣ только можно. Я тоже бѣгалъ. Онъ скоро вошелъ въ большую моду. Его таскали всюду и въ особенности на свадьбы для чтенія извѣстнаго Апостола, гдѣ сказано, что жена должна бояться своего мужа. Зрѣлище было интересное. Физиономія его выдѣлывала удивительныя штуки, которыя и передать невозможно. Въ особенности глаза его наливались кровью и какъ-будто выходили изъ своихъ мѣстъ, а ротъ сворачивался совершенно на сторону. Онъ становился страшень и походилъ на одержимаго какимъ-то припадкомъ. Ясно было, что въ то время, когда онъ начиналъ особенно сильно ревѣть, онъ все забывалъ и никого и ничего не видѣлъ. Говорили, что послѣ подобнаго чтенія его часто рвало. Скоро онъ былъ сдѣланъ дьякономъ, а потомъ и прото-дьякономъ“ (стр. 105—112.)

На прото-дьяконахъ мы и покончимъ съ книжкою г. Инсарскаго. Въ его картинахъ прошлаго много пробѣловъ, очень много лишняго, но есть и прекрасныя страницы, которыя дадутъ хорошій матеріалъ будущему историку нашего общества. Но все-таки эта книга не дастъ будущему историку столько драгоценныхъ матеріаловъ, какъ записки г. Инсарскаго въ 6 огромныхъ фолиантахъ, положенныя имъ на храненіе въ публичной библіотекѣ.

Очерки прошлаго. Разказы Л. О. Леванды. Спб., 1876.

Если книга г. Инсарскаго можетъ быть названа очерками прошлаго, то книга г. Леванды уже никоимъ образомъ. Русская провинціальная жизнь во многомъ измѣнилась со времени дѣтства г. Инсарскаго, бытъ же низшихъ слоевъ еврейскаго народонаселенія не измѣнился почти нисколько. Одинъ только разказъ г. Леванды—лучшій изъ всѣхъ—можно назвать очеркомъ прошлаго, это—«Переполохъ въ н-ской общинѣ». Почти всѣ остальные разказы, въ особенности-же «Пѣшка», «Еврейскій

Вертеръ» и «За-границей» — плохи. «Пѣшка» — неудачное подражаніе сентиментальничанью г-жи Марковичъ (Ж.-Вовчокъ), «Еврейскій Вертеръ», видимо, навѣявъ рассказами Тургенева и написанъ на ту тему, что развитый еврей «способенъ любить искренно, отчаянно, что любовь имѣетъ рѣшительное вліяніе на его практическую жизнь» (стр. 165); что-же касается заграничныхъ замѣтокъ, то онѣ ужъ изъ рукъ вонъ плохи.

Г. Леванда сдѣлалъ-бы гораздо лучше, если-бы вмѣсто своихъ «Вертеровъ», которые давно уже надоѣли намъ хуже горькой рѣдьки, знакомилъ-бы насъ съ свѣтлыми и темными сторонами еврейскаго быта, особенно простонароднаго. Мы знаемъ о еврейскомъ ростовщичествѣ и мазурничествѣ, разные Вейнберги потѣшаютъ публику рассказами о глупости своихъ соотечественниковъ и т. д., но при всемъ томъ мы даже темныя-то стороны еврейской жизни знаемъ мало, а свѣтлыхъ не знаемъ вовсе. Между тѣмъ судьба этого несчастнаго племени въ высшей степени интересна. Еврейское ростовщичество, мазурничество, контрабанда, невѣжество, суевѣріе, деспотизмъ кагала извѣстны, но немногіе знаютъ, что въ то время, какъ еврейская денежная аристократія держитъ въ своихъ рукахъ судьбу міра, масса евреевъ является націей нищихъ, напрасно ожидающихъ своего Мессію, который освободилъ-бы ихъ отъ египетской работы изъ-за куска насущнаго хлѣба. Даже по довольно поверхностнымъ очеркамъ г. Леванды можно нѣсколько судить объ ужасной жизни этой массы. Вотъ, напр. переулочъ, который «однимъ концомъ упирался въ рынокъ, а другимъ въ гнилое болото, которое не высыхало даже въ самые жаркіе лѣтніе дни. Деревянные домики, образовавшіе этотъ переулочъ, были симметрически расположены другъ противъ друга, такъ что, находясь въ одномъ домѣ, можно было весьма удобно обозрѣвать, что дѣлается не только въ противоположномъ домикѣ, но и въ сосѣднихъ хаткахъ. Такое удобство, во-первыхъ, избавляло обитателей отъ труда шпионить, подсматривать, а во-вторыхъ, доставляло имъ возможность оказывать другъ другу услуги по хозяйству быстро и безъ особенныхъ хлопотъ. Наприм., баба собирается чистить рыбу, толочь перецъ или подметать избу, и не находитъ подъ рукой соотвѣтственныхъ снарядовъ, она и голоситъ на весь переулочъ: «Вася! Хаса! Зося! нѣтъ-ли у васъ на минуточку ножа, толкача или метлы?» И летитъ черезъ переулочъ ножъ, толкачъ или метла и попадаетъ въ домъ, откуда слышалось требованіе, рѣдко задѣвая прохожихъ, такъ-какъ мѣстныя обитательницы были очень ужъ искусны въ такого рода жонглерствѣ и метали въ цѣль не хуже любого фокусника. Только разъ случилось, что пущенная изъ одного дома праздничная мѣховая шапка (штраймелъ) попала между рогъ мимопроходившаго мѣстнаго козла, который, по наслѣдственной глупости своей, такъ испугался этого необычнаго прибавленія къ своему головному убору, что пустился бѣжать во всѣ свои козлиныя лопатки. Насилу догнали его на пятой улицѣ, сняли съ него несвойственное ему украшеніе, причемъ онъ отчаянно

блеялъ, брыкался и бодался, нанося синяки и даже раны направо и налево, какъ-будто защищая свою собственную кожу. Говорили тогда, что это не просто, что въ этомъ странномъ козлѣ сидитъ неочищенная душа какого-то грѣшника, которая хочетъ упокоиться ношеніемъ священной шабашовой шапки, подъ которой еврей, втеченіи субботняго дня, совершаетъ сто благословеній и сто разъ упоминаетъ имя Господа... Но какъ-бы то ни было, случай этотъ стоитъ такъ одиноко въ лѣтописяхъ нашего переулка, что обитатели, въ особенности-же обитательницы послѣдняго, нашли возможнымъ вести по немъ свое мѣстное лѣтосчисленіе. Такъ, нерѣдко можно было слышать слѣдующій разговоръ:

— Сколько лѣтъ, примѣрно, вашему внуку? спрашиваетъ одна баба.

— А вотъ я вамъ сейчасъ скажу, отвѣчаетъ другая. — Родился мой Хацкеле за годъ до козла (т. е. до исторіи съ козломъ), а теперь мы послѣ козла сколько имѣемъ?

— Безъ малаго шесть лѣтъ.

— Стало быть, моему внуку седьмой годикъ пошелъ, да живетъ онъ.

Ковлиное лѣтосчисленіе это держалось въ переулкѣ еще долго послѣ того, какъ отъ самаго козла остались только рожки да ножки.

Должно быть, что въ видахъ вышеупомянутыхъ-же удобствъ домики переулка не были огорожены другъ отъ друга ни заборами, ни плетнями, ни даже изгородью, такъ что дворомъ, въ собственномъ смыслѣ, эти домики совѣмъ не имѣли; но за то весь переулочекъ былъ въ полномъ распоряженіи каждаго хозяйства порознь и всѣмъ вообще, такъ что переулочекъ только для красоты слога назывался переулкомъ, будучи собственно только большіи продолговатымъ дворомъ, съ десятью хатками по одной сторонѣ и десятью—по другой. Это избавляло хатовладѣльцевъ не только отъ нескончаемыхъ и убыточныхъ межевыхъ процессовъ, но и отъ надобности сооружать тѣ скромныя строенія, безъ которыхъ никакой дворъ обойтись не можетъ.

Въ самомъ центрѣ переулка красовалась огромной величины поимная яма, которую мѣстные обитатели, разъ условившись называть озеромъ, дѣйствительно воображали себѣ ее таковымъ и смѣло полоскали въ ней свою кухонную посуду, свое незатѣйливое бѣлье, а въ жаркіе лѣтніе дни даже купали своихъ дѣтей. Они, сколько имѣ известно, даже не прочь были и рыбу ловить въ этомъ озерѣ; но это уже отъ нихъ не зависѣло: по непреложнымъ изслѣдованіямъ мѣстныхъ гидрографовъ оказалось, что, кромя раковъ, лягушекъ и червей, головастиковъ и прочихъ гадовъ, въ озерѣ никакой рыбы не водится.

Домишки эти ужасны. Вотъ, напр., одинъ изъ лучшихъ, въ которомъ помѣщалась школа. Одна комната, посреди которой на полу квартируютъ два постоянные солдата, чистятъ амуницію, курятъ махорку, спать и т. д. Во второмъ углу находился рабочій столикъ хозяина, который, научившись гдѣ-то готовить мѣлокъ для преферанса, предавался этому иску-

ству съ утра до ночи, причеъ не переставаль пѣть псалмы самымъ неистовымъ голосомъ. Въ третьемъ углу жилъ обойщикъ, который постоянно стучаль молоткомъ и выбиваль ужасную пыль изъ своихъ мебельныхъ подушекъ. Четвертый уголъ занимали супруги-ветошники, которые не перетавали ругаться между собою. Изба имѣла какъ-то пять угловъ, и въ пятомъ углу стояла печь, около которой толпились всѣ наличныя хозяйки избы съ ножами и ухватами. «Если ко всему вышесказанному прибавите десять мальчиковъ, составлявшнхъ нашъ хедеръ (школу), меламда (учителя), его помощника, полдюжины дѣтей разныхъ жильцовъ, хозяйскую служанку, хозяйскую козу, которая также постоянно пребывала въ избѣ, пѣтуха съ своимъ гаремомъ и домашняго кота, то вы легко представите, что долженъ былъ изображать собою нашъ Ноевъ ковчегъ, когда онъ находился въ полномъ ходу, т. е. хедеръ выкрикиваль свои уроки, военный постой распѣваль «По улицѣ мостовой», а хозяинъ свой «Вехоль-Мааминимъ», обойщикъ постукиваль своимъ молоткомъ, супруги-ветошники перебранивались, хозяйки позванивали ухватами, дѣти орали, коза бляла, курицы кудахтали, а котъ мурлыкаль! Въ избѣ стояль такой адъ, такой содомъ, что нужно было бѣжать» (стр. 118—122.) Но бѣжать некуда: въ такой-же бѣдности, въ такомъ-же адѣ живеть -вся остальная масса евреевъ.

Не менѣе ужасны, чѣмъ эта бѣдность, суевѣрiе евреевъ, невѣжество, заскоружность и тѣ фантастическiе толки, которые постоянно волнуютъ ихъ. Какое-нибудь неприятое для нихъ событiе, какой-нибудь новый указъ тотчасъ пробуждаютъ въ нихъ религiозный энтузиазмъ и надежду на скорое пришествiе Мессii, которому должны предшествовать какiя-то баснословныя страданiя, бѣды, напасти, землетрясенiя, войны Гога и Магога и т. д. (стр. 80.) Мысль еврея никакъ не можетъ выбиться изъ заколдованнаго круга талмудическихъ и библейскихъ представлений. Вотъ, напр., мальчикъ съ бѣлокурыми и гладкими волосами; при взглядѣ на него многiе евреи утверждаютъ, что у еврея волосы должны быть непремѣнно черные или рыжiе и притомъ курчавые, и въ его дѣтской головѣ крѣпко засѣдаетъ мысль, что его легко принять за христанскаго мальчика и что, когда ожидаемый Мессiя поведеть евреевъ въ землю ханаанскую, то забереть съ собою всѣхъ, а его по ошибкѣ оставить (стр. 83.) Эти надежды и эти вѣрованiя выражаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ самой неистойвой формѣ. Авторъ разсказываетъ, какъ раввинъ читаль „Омаръ ребъ Юхананъ“. По окончанiи пролога, ребъ Меиръ, надвинувъ шапку на самый носъ, началъ громкимъ, но плаксивымъ голосомъ читать. Слушатели наострили уши и скорчили кислую мину, которую они считали соотвѣтственно настоящему случаю. По мѣрѣ того, какъ Меиръ подвигался въ чтенiи, мина эта стала принимать болѣе опредѣленныя формы физиономiи, собирающейся заплакать. Еще нѣсколько минутъ — и въ глазахъ болѣе чувствительныхъ женщинъ появились слезы, а затѣмъ влага эта заблестала въ глазахъ всегда твер-

дыхъ мужчинъ. Полчаса спустя, вся изба уже плакала, отъ мала до велика; сначала тихо, потомъ все громче и громче, такъ-что, по истеченіи еще нѣсколькихъ минутъ, вся изба уже рыдала на чемъ свѣтъ стоитъ. Ребѣ Меиръ все больше и больше возвышалъ свой голосъ, воспламенялся, уже не читалъ, а выкрикивалъ каждую фразу текста, сопѣлъ, потѣлъ, наконецъ, голосъ его вдругъ оборвался, онъ сбросилъ съ себя шапку, усиливался перевести духъ и лишился чувствъ. Страшнѣйшій переполохъ, неопи- санная кутерьма. Крикъ, шумъ, гоготня и даже драка. Военный постой, полагая, что обижаютъ „попа“, засучилъ рукава и началъ дѣйствовать кулаками направо и налево, отчего суматоха еще болѣе увеличилась. Въ предположеніи, что эта страшная суматоха и есть обѣщанныя войны Гога и Магога, мы, хедерники, захвативъ наши шапки, ударились бѣжать домой объявить нашимъ родителямъ о начавшихся важныхъ событіяхъ“ (стр. 141.) Религіозный фанатизмъ и талмудическая рутинна прививаются къ еврею съ ранняго дѣтства въ семьѣ и буквально вбиваются въ него въ шкодѣ. Вотъ чему учатъ евреевъ: „Я, говоритъ рассказчикъ, — семи—восьми-лѣтній мальчуганъ, какъ водится, процвѣталъ въ хедерѣ и подъ руководствомъ мелама изучалъ по талмуду бракоразводные законы. Конечно, я жены, по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, тогда еще не имѣлъ, но вѣдь со временемъ я же могъ, или даже обязанъ ее имѣть, стало-быть, я со временемъ могъ быть поставленъ въ такія условія, по которымъ разводъ съ женою неизбеженъ, — слѣдовательно, нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, что меня, восьми-лѣтняго гражданина міра сего, стали прежде всего знакомить съ брако-разводнымъ процесомъ. Я морщился, отплывался и злился на моего мелама, не кормящаго меня болѣе вкусною пищею. Мнѣ тогда казалось, что онъ это дѣлаетъ нарочно, на зло мнѣ, но впоследствии я убѣдился, что напрасно обвинялъ его: онъ самъ не былъ воленъ въ выборѣ духовной пищи для своихъ питомцевъ, онъ самъ, можетъ быть, не одобрялъ того, что дѣлалъ, но онъ былъ безответнымъ рабомъ того строя, который не онъ выдумалъ и который онъ въ душѣ, можетъ быть, проклиналъ. Съ какой-же стати обвинять его? Хедеры, несмотря на свое, повидимому, совершенно свободное преподаваніе, тоже имѣли свои программы, Богъ знаетъ, когда и кѣмъ составленныя. Программы были обязательны, а потому меламадѣмъ ничего болѣе не оставалось, какъ, скрѣпя сердце, посвящать вѣрнннхъ ихъ попеченію малютокъ въ таинство *кидушинъ* (брака) и условія *итинъ* (развода), что они и дѣлали“ (стр. 110.)

Подавленная бѣдностью, скованная суевѣріями и насильственно приви- тыми традиціями, масса евреевъ страдаетъ еще отъ деспотизма богачей, владѣющихъ въ кагалѣ. Этотъ деспотизмъ ужасенъ и, по временамъ, доводитъ массу до страстныхъ взрывовъ, какъ это можно даже видѣть изъ втораго разсказа, помѣщеннаго въ книжкѣ Леванды. Въ 1844 году въ еврейскомъ обществѣ города Н. начали ходить страшные слухи о томъ,

что будто-бы еврейя будутъ обрѣзывать пейсы и облекать въ платье новаго фасона, который почему-то положено было называть *нѣмецкимъ*. Наконецъ, лѣтомъ пришелъ и указъ объ этомъ. Евреи заволновались и гоненіе на нихъ старый костюмъ было отождествлено съ гоненіемъ на религію. Дня въ три масса была уже страшно наэлектризована и народный гнѣвъ обратился на богатыхъ евреевъ. „Вотъ тебѣ и гвиры (богачи), чтобъ имъ пусто было!“ заголосило все, что только въ состояніи было голосить. „Кромѣ какъ о своихъ карманахъ, они не о чемъ больше не заботятся. Имъ и горя нѣтъ, что еврейская религія въ опасности!“ Въ ближайшую пятницу въ рыножъ ряду ропотъ на гвировъ принялъ болѣе угрожающіе размѣры. Торговки набрасывались на каждую богатую еврейку, пришедшую за рыбой, и осыпали ее площадною бранью. Мало-по-малу дошло до рукопашной расправы, и не одна богачка вернулась домой побитою и растрепанною. Мужья пострадавшихъ женщинъ или лично отправлялись истить торговкамъ, или же посылали для того своихъ лакеевъ, и вплоть до сумерекъ происходило въ рыножъ ряду настоящее мамаево побоище, прекратившееся только тогда, когда раздался завѣтный возгласъ кагалныхъ шамесовъ: „субота наступила! Домой, домой! не оскверняйте суботы!“ Сражающіеся разошлись, но чернь на-завтра приготовила генеральную демонстрацію въ синагогахъ и заставила богачей идти къ губернатору всѣмъ кагаломъ съ просьбою объ отъѣнѣ указа. Понятно, что изъ этого ничего не вышло. „Тогда городъ Н. погрузился сперва въ уныніе, потомъ въ религіозный экстазъ, который очень искусно поддерживался безконечными іереміадами проповѣдниковъ, официальныхъ и неофициальныхъ, старавшихся перецеголять другъ друга въ фанатическихъ выходкахъ. Когда не хватало словъ, проповѣдники прибѣгали къ слѣдующему средству: они быстро раскрывали дверцы кивота и, воздѣвъ руки къ стоявшимъ тамъ свиткамъ писанія, начинали рыдать такъ неистово, такъ дико, что публика, потрясенная до глубины души, тоже начинала рыдать въ унисонъ съ проповѣдниками и рыдала, проливая потоки слезъ, до изнеможенія. Находившіяся тутъ-же дѣти тоже орали во все горло, судорожно держась за полы взрослыхъ, плачь которыхъ наводилъ на нихъ весьма понятный ужасъ; они не сомнѣвались, что прямо-изъ синагоги ихъ всѣхъ поведутъ на торговую площадь и отсѣкутъ имъ головы“. Въ городѣ былъ объявленъ постъ и религіозный экстазъ дошелъ до высшей степени. Рассказывали о многихъ пророчествахъ и предзнаменованіяхъ близкаго пришествія Мессіи. Въ одномъ еврейскомъ семействѣ родился ребенокъ, который, будто-бы, сказалъ: „готовьтесь, братья! Наступаетъ то время, о которомъ сказано въ Исаіи—„и устремятся народы къ твоему свѣту, и цари къ блеску свѣтила твоего“. Умы волновались больше и больше. Многіе, чувствуя за собою тяжкіе грѣхи, начали приносить публичное покаяніе и на паперти синагогъ была настоящая давка отъ лицъ, подвергавшихъ себя душеспасительному бичеванію изъ рукъ подшамесовъ

синагога; нѣсколько фанатиковъ составили изъ себя инквизиціонный трибуналъ, задавшійся цѣлью очистить весь городъ отъ грѣховъ, которые могли затруднить пришествіе Мессіи. Агенты этого трибунала, рыскаая по городу, захватывали грѣшниковъ, тащили ихъ въ синагогу, гдѣ ихъ били и сѣкли. Мѣсто религіознаго умиленія заступилъ кагальный терроръ. Каждый боялся, что его по доносу схватятъ и осрамятъ публично. Но противъ неистовствъ упомянутаго трибунала скоро вооружилась чернь, увидѣвшая въ нихъ интригу гвировъ, желавшихъ отомстить бѣдному классу за его демонстраціи въ рыночномъ ряду и синагогахъ. Шайка ремесленниковъ отправилась по разнымъ притонамъ, захватила въ нихъ юношей богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ фамилій города, въ числѣ которыхъ были даже родственники самихъ судей, со скандаломъ провела ихъ по улицамъ и представила грозному трибуналу, требуя примѣрнаго наказанія. Судьи не смѣли и не хотѣли сѣчь богатыхъ юношей, у которыхъ, кромѣ того, нашлось еще не мало защитниковъ, вступившихъ въ такую драку съ чернью, что ее съ трудомъ могла прекратить полиція при помощи солдатъ и пожарныхъ трубъ. На завтра-же кагальный трибуналъ, по распоряженію гвировъ, закрылся; облава на грѣшниковъ прекратилась, толки о Мессіи затихли. Черезъ нѣсколько дней, во время утренней молитвы, квартальный ходилъ изъ синагоги въ синагогу и съ зловѣщей полицейской интонаціей читалъ указъ, повелѣвавшій, чтобы въ пяти-дневный срокъ евреи обрѣзали свои пейсы и облеклись въ нѣмецкое платье. Большинство евреевъ, скрѣпя сердце, повиновалось: перешло свои костюмы къ назначенному сроку, обрѣзало пейсы, но никто не рѣшался первый показаться на улицу. Полиція подвигалась на ноги раньше обыкновеннаго. Уже съ восьми часовъ утра полицеймейстеръ разъѣзжалъ по городу и отдавалъ приказанія. Частные пристава и квартальные тоже суетились. На всѣхъ улицахъ, на извѣстныхъ станціяхъ, разставлены были десятскіе, вооруженные ножницами, имѣвшими назначеніе стречь пейсы и подрѣзывать длинные балахоны. На помощь десятскимъ прикомандированы были солдаты пожарной команды, изъ которыхъ многіе, по обычаю, едва держались на ногахъ. Но евреи сидѣли дома и выжидали, что будетъ; улицы были пусты. Только часу въ десятомъ, когда бѣдные ешаботники обыкновенно отправляются къ благотворителямъ завтракать, нѣсколько такихъ ешаботниковъ вышли изъ школьнаго двора, направляясь къ домамъ своихъ благодѣтелей. Они были одѣты по-старинному, въ балахонахъ и длинныхъ пейсахъ. Едва ешаботники показались, какъ полицейскіе, съ гикомъ и крикомъ, бросились на нихъ и начали дѣйствовать своими ножницами. Въ одну минуту отъ роскошныхъ пейсовъ и длинныхъ балахоновъ остались едва замѣтные слѣды. Ешаботники съ гвалтомъ и плачемъ бросились назадъ къ школьному двору, на которомъ очутились и гнавшіеся за ними полцейскіе, нашедшіе здѣсь много работы для своихъ ножницъ. До самаго полудня они здѣсь кроили пейсы и балахоны и даже получали на водку за то, что

отпускали остриженныхъ съ миромъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ евреи совершенно помирились съ новымъ костюмомъ, что-же касается евреекъ, то онѣ были положительно безъ ума отъ фасона европейскихъ платьевъ, старый-же костюмъ возбуждалъ въ нихъ смѣхъ и отвращеніе (стр. 31—70.)

Вотъ все сколько-нибудь интересное, что можно выжать изъ тощей книжки г. Леванды.

Историческая хрестоматія. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Курсъ новой исторіи. Составлена преподавателемъ 1-й военной гимназіи, А. Овсянниковымъ. Т. I. Спб. 1875.

На русскомъ есть двѣ историческихъ хрестоматіи, Пютца и средневѣковая г. Стасюлевича, замѣчательная своею тяжеловѣсною. Г. Овсянниковъ задумалъ составить хрестоматію по новой исторіи, и составилъ толстый сборникъ, изданный довольно грязно, съ безчисленнымъ множествомъ опечатокъ. Этого мало,—даже переводить-то г. Овсянниковъ умѣетъ плохо, а съ нѣмецкаго и вовсе не умѣетъ, и мы не понимаемъ, какъ не совѣстно ему собственныхъ учениковъ, которые, конечно, на-столько грамотны, чтобы оцѣнить въ этомъ отношеніи своего учителя. Вотъ какъ переводитъ г. Овсянниковъ:

„Хотя Цвингли въ своемъ ученіи далеко опередилъ Лютера, но и не избѣжалъ распространеннаго противъ него мнѣнія“ (стр. 446.) Даже въ виршахъ г. Гербеля мало такихъ бессмыслицъ, въ которыхъ восстановление настоящаго смысла фразы положительно невозможно безъ сличенія съ подлинникомъ. „Муръ... взшелъ на эшафотъ въ своей *ежедневной* власнищѣ“ (стр. 610)!.. „При извѣстіи о смерти Екатерины Генрихъ плакалъ; теперь-же онъ женился на другой день послѣ казни Анны. Онъ надѣялся, что изъ дѣтей новой королевы подростутъ дреemники ему; на случай-же бездѣтности своей настоящей или будущей супруги онъ уполномочивался парламентомъ признать *своимъ преемникомъ ея самого*. И съ будущей супругой ему *пришлось* не долго *пробыть*. Анна родила королю долго ожидаемаго принца, *слѣдующаго короля Эдуарда*, и умерла. Тотчасъ была *придумана* четвертая жена“ (стр. 611.) „Самая характеристическая черта королевской реформаціи заключалась не *такъ, какъ* скорѣе въ тираническомъ проведеніи реформъ“ (стр. 613.) „Кромвелю удалось видѣть *подрывъ* (??!) Рима въ 1557 г.“ (стр. 616.) „Кранмеръ подписалъ пять пунктовъ, свидѣтельствовавшихъ объ его отреченіи; въ послѣднемъ изъ нихъ онъ *сдавалъ* (!) Лютера и Цвингли“ (стр. 635.) „Въ слѣдующихъ стать-

яхъ допущено поклоненіе и даже призываніе святыхъ въ такихъ словахъ, изъ которыхъ *при всякомъ смисхожденіи* нельзя не замѣтить ихъ *отверженіе** (стр. 665.)

Вотъ какъ переводить учитель гимназіи А. Овсянниковъ! Читатель, слѣдвшій за судебнымъ процессомъ его знаменитаго однофамильца, конечно, согласится съ нами, что неуклюжія рѣчи послѣдняго на судѣ были глаже и грамотнѣе слога учителя Овсянникова. Что-же касается внутренняго характера и содержанія овсянниковской хрестоматіи, то они вполне гармонируютъ съ литературной формой, такъ-что не знаешь, что лучше, содержаніе книги или ея изложеніе. У г. Овсянникова много статей какого-нибудь Ранке и нѣтъ ни одной строчки изъ Лекки, Лорана, Шерра, Грегоровіуса, Фроуда, Циммермана. О крестьянскихъ войнахъ рассказано не по прекрасной книгѣ послѣдняго, а по Ранке. Объ оригинальной цивилизаціи перуанцевъ и мекканцевъ перепечатаны старые переводы художественныхъ рассказовъ Прескотта и даже не упомянуты новѣйшія изслѣдованія Брассерде-Бурбу и др., пролившія новый свѣтъ на эту цивилизацію. Точно также не упоминаютъ даже новѣйшій замѣчательный трудъ Грегоровіуса о Лукреціи Борджіа и эпохѣ возрожденія. За то какіе-нибудь Кантю и Пешель наши гостепріимный пріютъ въ овсянниковскомъ сборникѣ. И составителю можно было-бы еще извинить такой выборъ, если-бы онъ бралъ изъ подобныхъ писателей одни безтенденціозные рассказы, но онъ не держится такого правила, и вслѣдствіе этого какой-нибудь приторный оптимизмъ Кантю придастъ направленіе всему сборнику. Рассказавъ, напр., о варварствахъ европейцевъ въ Новомъ Свѣтѣ и объяснивъ ихъ тѣмъ, что открытія и завоеванія довѣрялись „черни-авантюристамъ“ (стр. 148), какъ-будто и въ Европѣ, и въ Азіи, и въ Америкѣ разные аристократы, въ родѣ герцога Альбы, Валенштейна и т. д., не производили точно такихъ-же варварствъ, Кантю пускается въ глубокомысленныя соображенія à la Кифа Мокіевичъ: „Не лучше-ли было-бы, если-бы корабли Колумба и Діеца погибли во время своихъ путешествій, къ вѣчному ужасу того, кто еще когда-либо задумалъ-бы идти нарушить покой неизвѣстнаго міра или міра, непринадлежащаго къ старому матеріку“ (стр. 150)? Далѣе Кантю, расписывая самыми розовыми красками великіе результаты открытія и завоеванія новыхъ земель, говорить:

„Съ того времени увеличилась въ Европѣ потребность наслажденій и роскоши, а также и средства къ удовлетворенію нуждъ всякаго рода. Въ настоящее время, будучи человекѣмъ и не слишкомъ достаточнымъ, можно щеголять въ гостинныхъ, обитыхъ дамасскими тканями, попирать ногами персидскіе ковры, одѣваться въ одежды, вытканныя въ Индіи, на японскомъ фарфорѣ услаждаться чаемъ изъ Китая, кофе изъ Мокки и Мартиники и подслащивать эти напитки сахаромъ съ Антильскихъ острововъ или изъ Сіама; вдыхать въ себя запахъ табаку изъ Виргиніи или Гаванны, приправлять свою пищу пряностями Молукскихъ острововъ и украшать своимъ

сады деревьями и растениями Капской земли и Новой Голандіи. Съ другой стороны — хлопокъ, маисъ, картофель явились для удовлетворенія настоятельныхъ нуждъ бѣдняка, и съ этого времени онъ болѣе обезпеченъ на случай неурожаа“.

Это ужъ черезчуръ! Введеніе картофеля вмѣсто хлѣба было результатомъ положительнаго ухудшенія экономическаго быта населенія, — ухудшенія, въ которомъ играло одну изъ главныхъ ролей хлопчатобумажное фабричное производство.

Г. Овсянниковъ, очевидно, не понимаетъ, что при составленіи подобныхъ сборниковъ болѣе всего нужно остерегаться авторовъ, увлекающихся симпатіями и антипатіями секты, партіи, національности. Смѣшонъ былъ-бы тотъ нѣмецъ, который въ подобномъ сборникѣ для характеристики нашего раскола помѣстилъ-бы „Житіе протопопа Аввакума“, написанное какиибудь старообрядцемъ. Конечно, Лютеръ — не Аввакумъ и поклоняющіеся ему нѣмецкіе историки — не старообрядческіе начетчики, но въ этомъ отношеніи различіе между ними чисто-количественное, и въ высшей степени безтактно въ русско-мъ историческомъ сборникѣ помѣщать панегирики Лютеру, писанные лютеранами и нѣмецкими ультра-патріотами, а г. Овсянниковъ такъ именно и поступилъ. Нѣмецкое сердце, понятно, трепещетъ при чтеніи статьи Шенкеля, который, рассказавъ, какъ Лютеру предложили на вюртембургскомъ сеймѣ категорическій вопросъ объ отреченіи отъ его ереси, продолжаетъ: *„Отъ этой минуты зависѣло дальнѣйшее развитіе государства и народовъ, ихъ религіозной, политической и умственной жизни и ихъ нравственнаго преступленія. На этотъ разъ будущность міра рѣшалась не кровавой битвой, а простыми честными словами“* (стр. 403.) т. е. отрекись Лютеръ — и не было-бы реформація, какъ-будто не было множества другихъ *Лютеровъ*, въ родѣ Гусса, Виклефа, Цвингли и т. д., какъ-будто всѣ эти реформаторы не были вызваны къ жизни и дѣятельности народно-религіозными движеніями! Въ другомъ мѣстѣ Шенкель прямо говоритъ, что реформація была вызвана „личностью“ Лютера (стр. 413.) Читатель овсянниковской хрестоматіи, такимъ образомъ, благодаря нѣмецкому панегирику, получаетъ превратное понятіе о религіозной реформѣ въ Германіи, которая была вызвана къ жизни потребностями германскаго народа, а мощная личность Лютера только направила движеніе и сдержала его. Самъ-же Шенкель говоритъ, что Лютеръ опирался главнымъ образомъ на дворянство и бюргерство (стр. 405, 406), а крестьяне уже съ самаго начала высказывались нерѣдко противъ него, что историкъ объясняетъ подстрекательствомъ католическихъ поповъ. Но, кромѣ этихъ волненій, были еще другія: крестьянство смотрѣло на Лютера съ большими надеждами, ожидая, что онъ позаботится объ улучшеніи его тяжелой участи. Но Лютеръ, благодаря которому нѣмецкое дворянство обогатилось конфискованными церковными имуществами, не только не поду-

малъ о народѣ, изъ котораго онъ самъ вышелъ, но даже открыто взялъ сторону враговъ его. Онъ проповѣдывалъ дворянству, что мужиковъ нужно бить, какъ скотовъ. „Любезные братья, взывалъ онъ къ своимъ послѣдователямъ,—не допускайте въ себѣ чувства милосердія, хотя Исавъ и будетъ говорить вамъ ласковыя рѣчи; не обращайтесь на печаль безбожниковъ; не давайте мечу вашему остывать отъ крови, закаляйте его на наковальнѣ Нимврода, свергните на голову враговъ скалу, пока есть еще время“ (стр. 423.) Германія была залита крестьянскою кровью и нѣмецкій народъ заснулъ на долго, получивъ отъ реформаціи только одно утѣшеніе въ своихъ несчастіяхъ,—лютеровскій переводъ библіи. „Лютеровъ переводъ, говоритъ Любенъ, — разсчитанъ по-преимуществу для народа. Забота Лютера о правильной передачѣ для народа доходить до невѣроятностей. Онъ точно и обстоятельно узнавалъ названія извѣстныхъ животныхъ, птицъ и червей, которыя встрѣчаются въ библіи. Нерѣдко онъ вращался среди простонародья, чтобы наблюдать ихъ (т. е. ею) способъ выраженія и упрощалъ своихъ друзей доставлять ему запасъ чисто-народныхъ выраженій. Однажды даже онъ позволилъ себѣ зарѣзать у мясника барана и ознакомиться съ внутреннимъ строеніемъ тѣла, чтобы употреблять правильныя выраженія для перевода тѣхъ мѣстъ библіи, гдѣ говорится о жертвоприношеніяхъ левитовъ, о внутренностяхъ животныхъ“ и т. д. (стр. 419.) Библія Лютера имѣла большое вліяніе на развитіе нѣмецкаго литературнаго языка, а совершенная имъ реформа была однимъ изъ существенныхъ моментовъ въ дѣлѣ освобожденія мысли отъ средневѣковаго авторитета, но считать Лютера величайшимъ гениемъ, который „умѣлъ дивнымъ образомъ соединить въ себѣ прошедшее и будущее для наступающаго новаго вѣка“ (стр. 417), могутъ только восторженные лютеране, въ родѣ Шенкеля. Изъ хрестоматіи Овсянникова читатель узнаетъ реформацію только съ лютеранской точки зрѣнія и не пойметъ, что она была компромисомъ между католицизмомъ и стремленіями къ широкой реформѣ, какъ это выяснено, напр., въ превосходной книгѣ Лорана „La Reformation“. Но г. Овсянниковъ предпочитаетъ Лорану—Рохау, Шенкеля—Ранке, и вмѣсто безпристрастнаго изслѣдованія приподноситъ читателю лютеранско-нѣмецкую яичницу съ патріотической колбасой. При такой безтактности составителя будетъ неудивительно, если въ одно изъ послѣдующихъ томовъ его хрестоматіи мы найдемъ характеристику Люи-Наполеона, написанную Касаньякомъ, исторію *бурбонскаго* септената, составленную французскимъ Аскоченскимъ, Вильмессаномъ, и похвальное слово плѣшивому „варцинскому отшельнику“, сочиненное какимъ-нибудь прусскимъ фельдфебелемъ...

Французская литература въ первые годы XIX вѣка.
 Историко-литературная диссертация А. Шахова. Москва,
 1875.

Трудъ г. Шахова, невыдающийся особыми достоинствами съ точки зрѣнія общественно-литературной критики, долженъ занять весьма видное мѣсто въ ряду университетскихъ диссертаций. Въ этомъ трудѣ приятно поражаетъ читателя отсутствіе схоластической учености, съ которой не различна большая часть диссертаций, самый выборъ задачи и весьма живой и бойкій языкъ. Авторъ поставилъ цѣлью своего очерка объяснить исторически главнѣйшія литературныя явленія времени консульства и указать при ихъ разборѣ на нѣкоторыя отличительныя черты новаго столѣтія, но авторъ спѣшить, однако, оговориться, что „онъ устраняется отъ моральной оцѣнки явленій“. Несмотря на эту оговорку, очеркъ г. Шахова читается съ удовольствіемъ, хотя и мы должны оговориться, что, быть можетъ, это объясняется рѣзкимъ контрастомъ очерка г. Шахова съ остальной массой ученыхъ диссертаций. Собственно говоря, самъ по себѣ трудъ г. Шахова не производитъ того впечатлѣнія, котораго можно было ожидать отъ очерка интересной и важной въ историческомъ отношеніи литературы начала XIX вѣка. Авторъ слишкомъ поверхностно взглянулъ на эту литературу, не указавъ совѣтъ на ея связь съ обще-европейскимъ движеніемъ умовъ того времени, не выяснилъ весьма характерныхъ оттѣнковъ ея реакціоннаго направленія и совершенно произвольно сзуюилъ рамки своего изслѣдованія. Непонятно, почему авторъ избралъ для характеристики литературы первой половины XIX вѣка только сочиненія Шатобріана, Бональда и отчасти г-жи Сталь. Въ сущности, Шатобріанъ былъ только союзникомъ той фаланги католическихъ писателей, во главѣ которой стоялъ Юсіфъ де-Мэтръ, самый замѣчательный изъ мыслителей этого періода. Въ литературномъ отношеніи Шатобріанъ и Бональдъ были только двумя половинами того цѣлаго, воплощеніемъ котораго былъ де-Мэтръ, соединявшій въ себѣ консервативный стоицизмъ Бональда и пылкое воображеніе Шатобріана, реакціонно-политическое настроеніе перваго и клерикальное рвеніе втораго. Рѣшительно не было возможности обойти молчаніемъ де-Мэтра, какъ это сдѣлалъ г. Шаховъ въ своей диссертации. Незвинительно также для историка литературы начала XIX вѣка игнорированіе реакціонно-соціологическихъ произведеній графа Феррана, Дюменила, Ламэне. Кромѣ того, г. Шаховъ почему-то не счелъ нужнымъ войти въ анализъ сочиненій Сен-Симона и Фурье, писавшихъ также въ началѣ XIX вѣка и представляющихъ однимъ фактомъ своего существованія, въ смутную эпоху начала XIX вѣка, богатый матеріалъ для исторической критики.

Въ виду такихъ упущеній со стороны г. Шахова, бесполезно вступать съ нимъ въ препирательства по поводу его господствующей точки зрѣнія. Г. Шаховъ называетъ французскую литературу начала XIX вѣка реакціонной, но это еще нисколько не опредѣляетъ ея характера. Строго говоря, это вовсе не литература реакціи, застоя или обскурантизма, это—литература тревожныхъ сомнѣній, трусливыхъ колебаній, противорѣчій, нетвердыхъ попытокъ направить общественную мысль по какому-то среднему пути,—литература, не заключающая въ себѣ ничего примиряющаго и успокоительнаго и неудовлетворяющая ни реакціонеровъ, ни либераловъ. Въ самомъ одушевленіи де-Мэтра, пламеннаго защитника католицизма, звучатъ ноты душевнаго безпокойства, заглушаемыя отчаянными, но не убѣждающими призывами къ политическому и религіозному абсолютизму. Что-же касается Шатобріана, то это наиболѣе яркій представитель литературной безхарактерности того времени. На каждомъ шагѣ онъ противорѣчитъ самому себѣ, колеблется, какъ флюгеръ, то въ ту, то въ другую сторону, и, видимо желая пристать къ лагерю реакціонеровъ, не рѣшается въ то-же время окончательно отрѣшиться отъ революціонныхъ традицій недалекаго прошлаго. Г. Шаховъ довольно рельефно обрисовалъ въ своемъ очеркѣ эту жиденькую безцвѣтность, которая постоянно старается избѣгать логической аргументаціи спокойнаго убѣжденія и старается укрыться въ туманной области фантазій. Достаточно вспомнить только, что авторъ „Духа христіанства“ былъ въ то-же время авторомъ „Опыта о революціяхъ“. Г. Шаховъ рассказываетъ въ своемъ очеркѣ, что Сен-Вевъ открылъ любопытный экземпляръ „Опыта“, на поляхъ котораго остались собственноручныя замѣтки Шатобріана, писанныя не позже 1798 года. Въ нѣкоторыхъ замѣткахъ Шатобріанъ рѣзко высказывается противъ христіанства, противъ ученія о безсмертіи души и даже противъ понятія о Божественномъ Провидѣніи. „Интересно, замѣчаетъ г. Шаховъ, — что подобныя нечестивыя выходы на поляхъ стоятъ иногда бокъ-о-бокъ съ самыми теплыми, искренними изліяніями въ текстѣ: слѣдуя за причудливыми варіаціями своего настроенія, авторъ то богохульствуетъ, то умиляется, то ропщетъ на Промыслъ, то обращается за утѣшеніемъ къ религіи“ (стр. 79.) Въ томъ-же „Опытѣ“ Шатобріанъ, по словамъ г. Шахова, въ цѣлыхъ четырехъ главахъ съ видимымъ удовольствіемъ развиваетъ отъ лица философовъ возраженія противъ христіанскаго ученія, а затѣмъ, вмѣсто заключительнаго вывода, онъ съ напускнымъ благочестіемъ взываетъ къ невѣрующимъ: „Вы низвергаете религію своей страны, вы погружаете народъ въ нечестіе и не даете никакого новаго палладіума морали. Бросьте это жестокое философствованіе; не отнимайте послѣдней надежды у несчастнаго; что за бѣда, что это—иллюзія, если такая иллюзія облегчаетъ бремя его существованія“. Когда появился „Духъ христіанства“ Шатобріана, то его недоброжелатели весьма

усердно стали уличать поэта въ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, ссылаясь на его „Опытъ“. Это заставило Шатобріана высказаться напрямикъ въ своихъ оправданіяхъ. Онъ самъ весьма справедливо говоритъ, что это „книга, написанная человѣкомъ сомнѣвающимся, колеблющимся въ своихъ религіозныхъ понятіяхъ, но никакъ не атеистомъ; внимательно читая трактатъ, продолжаетъ Шатобріанъ, можно замѣтить въ авторѣ только тревожный скептическій духъ, который ищетъ выхода изъ своихъ противорѣчій и готовъ при первомъ удобномъ случаѣ вернуться къ религіозной истинѣ“. Нельзя не согласиться съ г. Шаховымъ, что и „Духъ христіанства“ можетъ служить доказательствомъ шаткости религіозныхъ понятій Шатобріана. Но г. Шаховъ пытается объяснить характеръ литературныхъ произведеній Шатобріана больше обстоятельствами его личной жизни, чѣмъ состояніемъ умовъ того времени. Что такая точка зрѣнія узка и не совсѣмъ справедлива, можно заключить уже изъ того, что не одинъ Шатобріанъ изъ писателей той эпохи склоненъ былъ къ колебаніямъ и противорѣчіямъ. Это свойственно положительно всѣмъ писателямъ первой половины XIX вѣка. Къ Шатобріану въ этомъ случаѣ можно съ полнымъ правомъ причислить де-Мэтра, Феррана и въ особенности Ламенэ. Таково было общее состояніе политической и социальной атмосферы того времени. Страхъ революціоннаго террора влекъ буржуазію къ застою, а съ другой стороны, психологически-невозможно было отрѣшиться всецѣло втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ отъ основныхъ принциповъ революціи и прогрессивныхъ началъ философіи XVIII вѣка. Забвеніе этихъ началъ тѣмъ болѣе невозможно было для буржуазіи, что она извлекла наиболѣе выгодъ изъ революціи. Очень жаль, что г. Шаховъ не распространилъ своей исторической критики на тотъ характеристическій моментъ умственнаго движенія той эпохи, когда изъ двойственной и двуличной литературы Шатобріана, де-Мэтра, Феррана стала возникать и крѣпнуть литература Сев-Симона и Фурье. Если-бъ онъ это сдѣлалъ, его очеркъ былъ-бы весьма любопытенъ. Къ тому-же это непосредственно относится къ предмету его диссертаци.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

18-го апрѣля, 1876 года.

У всѣхъ еще въ памяти пренія, происходившія въ окончившемъ для блага Франціи свое существованіе версальскомъ національномъ собраніи въ прошломъ году по поводу закона о свободѣ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вопросъ былъ такъ хитро поставленъ клерикальною партіей, что многіе искренніе либералы попались на удочку: они повѣрили, что дѣло идетъ о широкомъ примѣненіи принципа свободы. На практикѣ же оказалось, что принятый послѣ продолжительныхъ преній законъ послужилъ на пользу одной клерикальной партіи, успѣвшей открыть нѣсколько своихъ высшихъ учебныхъ заведеній съ правомъ давать своимъ воспитанникамъ ученныя степени и затѣмъ, при помощи, ихъ окончательно захватить французскую администрацію въ свои руки. Въ виду явной опасности для Франціи отъ такого результата, весьма естественно, что какъ только министерство обновилось, зашла рѣчь объ отнятіи права раздачи ученыхъ степеней частными университетами и новый министръ народнаго просвѣщенія послѣшилъ внести въ новую палату проектъ закона, утверждающаго это право исключительно за правительственными университетами.

Но если-бы приходилось бороться съ клерикалами только на почвѣ высшаго образованія, — съ ними справиться было-бы не трудно, но они еще въ сильнѣйшей степени стремятся стать исключительными распорядителями также и народнаго образова-

нія. Законъ, проведенный Валлономъ, былъ только блистательнымъ фейерверкомъ, спущеннымъ въ удобную минуту, чтобы показать силу клерикаловъ. Политическія перемены, послѣдовавшія вскорѣ послѣ утвержденія этого закона, до такой степени рывки, что законъ этотъ, вѣроятно, вскорѣ будетъ отмѣненъ.

Не такъ легко будетъ ослабить чрезмѣрное вліяніе клерикализма на первоначальную школу; а оно велико и приводитъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ. Чтобы показать силу этого вліянія и вообще положеніе школьнаго дѣла во Франціи, я намеренъ воспользоваться однимъ весьма интереснымъ официальнымъ изданіемъ.

Въ 1864 году министерство народнаго просвѣщенія обратилось съ циркуляромъ ко всѣмъ школьнымъ учителямъ, въ которомъ ставило слѣдующій вопросъ этимъ труженикамъ: въ чемъ заключаются современныя нужды первоначальнаго образованія дѣтей съ точки зрѣнія интересовъ самой школы, учащихся и учителей? Выясняя значеніе вопроса, програма включала въ кругъ предметовъ, которыми особенно интересовалось министерство, также сообщеніе извѣстій объ отношеніяхъ, существующихъ между народнымъ образованіемъ и духовенствомъ вообще, и духовными конгрегаціями—въ особенности.

На эти вопросы получены отвѣты отъ шести тысячъ учителей. Цифра эта ясно показываетъ, что учителя приняли близко къ сердцу министерское требованіе. При этомъ не надо упускать изъ виду, что такъ-какъ свѣденія собирались официально, то и отвѣты учителей отличались большою сдержанностью; о многихъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ упомянуто вскользь, очень осторожно; на нѣкоторыя сдѣланы только намеки; объ иныхъ совершенно не упомянуто. При всемъ томъ картина вышла поразительная.

Изъ 6,000 записокъ, присланныхъ въ отвѣтъ на циркуляръ, только пятая часть послужила матеріаломъ для составленія отпечатанной официальной записки. Изъ этихъ 1,200 записокъ неизвѣстная рука извлекла преимущественно тѣ страницы, которыя заключали въ себѣ выясненіе отношеній, существовавшихъ между народной школой и католическимъ духовенствомъ. Эта брошюра напечатана въ общемъ форматѣ французскихъ официаль-

ныхъ законодательныхъ изданій; заглавіе ей дано слѣдующее: „Жалобы, буквально извлеченныя изъ учительскихъ записокъ“.

Я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, которыя нѣкоторымъ изъ моихъ читателей могутъ показаться, пожалуй, лишними, съ цѣлю показать, что разбираемая брошюра вызвана не борьбою партій, что въ ней нѣтъ преувеличеній, что она фотографически вѣрно воспроизводитъ дѣйствительность, заключаетъ въ себѣ изложеніе до глубины души прочувствованныхъ нуждъ и жалобъ и заслуживаетъ безусловнаго довѣрія. Если сами школьные преподаватели, безъ всякаго предварительнаго согласенія, рѣшились высказать глубоко сознаваемые ими недостатки существующихъ порядковъ и не побоялись рискнуть въ этомъ случаѣ и своею карьерою, и скудно-обезпеченными жизненными средствами, для того только, чтобы вложить палецъ въ самое больное мѣсто, то это доказываетъ, что рана уже и въ то время жестоко наболѣла. Не надо забывать, что жалобы эти заявлены въ 1864 и 1865 годахъ, когда клерикальная партія во Франціи была гораздо болѣе сдержана и несравненно скромнѣе предъявляла свои претензіи, чѣмъ въ послѣднее время. Если въ то время борьба съ клерикальнымъ направленіемъ была крайне затруднительна, то какія трудности должна преодолѣвать первоначальная школа теперь, когда іезуитизмъ пріобрѣлъ еще болѣе значенія и пробрался даже до университетскихъ кафедръ; когда монсиньеръ Дюпанлу считается такимъ вліятельнымъ лицомъ, что даже его политическіе противники подали за него голосъ при выборахъ сенаторовъ изъ среды бывшаго версальскаго законодательнаго собранія; когда епископы, не стѣсняясь, въ своихъ посланіяхъ обличаютъ съ узкой клерикальной точки зрѣнія главу государства, парламентъ, министровъ и взываютъ къ населенію, требуя, чтобы оно возстало на защиту католицизма?

Чтобы придать своему изложенію нѣкоторый порядокъ и привести учительскія заявленія въ стройную систему, авторъ брошюры раздѣлилъ ихъ на слѣдующія главы: I. Успѣшность дѣйствій конгрегацій, захватившихъ преподаваніе въ болѣе значительныхъ, по ихъ положенію, школахъ; II. Употребляемыя духовенствомъ и конгрегаціями средства для ослабленія свѣтскаго образованія и замѣны его клерикальнымъ; III. Жалобы, относя-

щіяся къ вопросу о правахъ, предоставленныхъ духовенству въ дѣлѣ общественнаго образованія; IV. Матеріальныя преимущества, которыми пользуются духовныя конгрегаціи; V. Жалобы на клерикальное направленіе дѣйствующаго законодательства о первоначальномъ образованіи; и VI. Необходимость усиленія свѣтскаго элемента въ дѣлѣ первоначальнаго образованія.

Самое оглавленіе показываетъ, какъ интересны предметы, которыхъ касается официальная брошюра. Конечно, изложеніе въ брошюрѣ не отличается красотой слога и увлекательностію. Брошюра состоитъ изъ отрывковъ, буквально извлеченныхъ изъ присланныхъ отвѣтовъ учителей и сгруппированныхъ только по тѣмъ центральнымъ пунктамъ, гдѣ существуютъ академіи, доставившія весь этотъ матеріалъ въ министерство. Первое впечатлѣніе, производимое на читателя чтеніемъ этой сухой брошюры, въ которой одна и та-же мысль и почти одни и тѣ-же выраженія безпрестанно повторяются, — скука. Но мало-по-малу однообразная нота, къ которой сводятся всѣ учительскія жалобы, напоминающія монотонное гудѣніе колокола, привлекаетъ вниманіе — и грустно становится за печальную участь, выпадающую на долю народныхъ учителей. Видно, положеніе дѣйствительно тяжелое, если масса этихъ честныхъ тружениковъ въ одномъ тонѣ, почти одинаковыми словами, протестуетъ противъ преслѣдующихъ ее несправедливостей!

Официальная брошюра даетъ самое вѣрное понятіе о той преобладающей роли, которую играетъ французское католическое духовенство въ дѣлѣ народнаго образованія. Первая глава посвящена исключительно жалобамъ на чрезмѣрное вліяніе духовныхъ конгрегацій на дѣло народнаго образованія; жалуются школьные учителя не только такихъ мѣстностей, гдѣ религіозныя страсти испоконъ вѣковъ раздражали населеніе, какъ, на примѣръ, на югѣ Франціи, — нѣтъ, то-же повторяется и тамъ, гдѣ клерикальная партія никогда не имѣла особаго значенія. Вотъ, на примѣръ, что пишутъ учителя изъ департаментовъ, приписанныхъ къ гренобльской академіи:

„Захватъ школъ духовными конгрегаціями сталъ принимать въ послѣднее время такіе размѣры, что свѣтское преподаваніе въ каждомъ годѣ все болѣе и болѣе вытѣсняется. Въ этой мѣстности съ 1850 года открыто 35 новыхъ конгрегаціонныхъ

школь, и притомъ въ такихъ округахъ, гдѣ число учениковъ, посѣщающихъ школы, весьма значительно. Преобладаніе конгрегацій въ дѣлѣ народнаго образованія постоянно усиливается. Остановить его могли-бы муниципальные совѣты, но они сами по большей части находятся въ зависимости отъ мѣстнаго духовенства“.

Въ другомъ мѣстѣ:

„Карьера свѣтскихъ учителей стала вполне безнадежной. Духовныя конгрегаціи успѣли захватить все преподаваніе въ свои руки“.

Или еще:

„Всѣ хорошія мѣста захвачены конгрегаціонистами. Учительницъ изъ свѣтскаго сословія почти вовсе не существуетъ: всѣ кандидатки на эти должности ставятся духовными орденами. Размноженію конгрегацій нѣтъ предѣла. Ежедневно приходится слышать объ основаніи новыхъ полу-духовныхъ и полу-свѣтскихъ учрежденій. По-справедливости слѣдуетъ сказать, что онѣ пользуются не свободой, а монополіей преподаванія“.

Дальше все въ томъ-же родѣ. Вездѣ слышна одна и та-же грустная, томительная нота, и передъ читателемъ невольно возникаетъ образъ влачащаго свое печальное существованіе школьнаго учителя; въ юномъ возрастѣ дебютируетъ онъ на этомъ поприщѣ въ полной надеждѣ на успѣхъ, на повышеніе, на полученіе болѣе значительнаго содержанія; годы проходятъ—и видитъ онъ, какъ изо дня въ день важнѣйшія школы той мѣстности, въ которой онъ проживаетъ, захватываются конгрегаціонистами, а ему остаются незначительныя школы въ глухихъ мѣстностяхъ; но если ему даже и удастся заполучить одну изъ этихъ идеальныхъ школъ. то и тутъ ему нѣтъ покоя, потому что конгрегаціи его преслѣдуютъ, выживаютъ, не упускаютъ случая сдѣлать ему непріятность, пока не добьются, чтобы онъ, лишенный силы сопротивленія, обратился вспять съ поля борьбы. Говорятъ, что школьная администрація удивляется, отчего способные люди не остаются на учительскихъ мѣстахъ, отчего учителя бросаютъ педагогическую дѣятельность для всякой другой, если представляется къ тому удобный случай. Странно ея удивленіе: кому-же, какъ не ей, знать лучше о бѣдственномъ положеніи учителей первоначальныхъ школъ?

Вторая глава, касающаяся средствъ, употребляемыхъ духовенствомъ для вытѣсненія свѣтскихъ учителей, занимаетъ собою шестнадцать страницъ большаго изданія, напечатаннаго in-quarto.

„Нельзя не обратить вниманія, пишетъ одинъ изъ учителей,— на ту недоброжелательность, съ которою мѣстные священники относятся къ сельскимъ учителямъ. Главное стремленіе ихъ заключается въ томъ, чтобы замѣстить свѣтскихъ учителей представителями духовныхъ конгрегацій. Если спросить у нихъ, съ какою дѣлю поступаютъ они такимъ образомъ, они ограничиваются отвѣтомъ, что дѣйствуютъ въ видахъ пользы населенія и руководствуются указаніями своего епископа. Одинъ изъ сельскихъ священниковъ даже откровенно признался пишущему эти строки, что если-бы онъ не принималъ мѣръ къ стѣсненію сельскаго учителя и къ замѣнѣ его представителемъ конгрегаціи, то тѣмъ самымъ навлекъ-бы на себя гоненія со стороны епископа и добился-бы только перемѣщенія въ менѣе выгодный приходъ, тогда какъ всякій успѣхъ въ дѣлѣ отвоеванія учительскихъ вакансій ставится главнымъ основаніемъ къ повышенію“.

Иезуиты уже давно объявили, что они допускаютъ всевозможныя средства для достиженія клерикальныхъ цѣлей. Какія-же средства употребляетъ французское католическое духовенство для вытѣсненія свѣтскихъ учителей? Извлекаю изъ официальной брошюры слѣдующій разговоръ, который идетъ между сельскимъ священникомъ и учителемъ:

„— Вамъ хорошо извѣстно, говоритъ священникъ, — что я васъ лично очень люблю и уважаю. Но это не мѣшаетъ мнѣ ненавидѣть сословіе сельскихъ учителей. На 100 учителей 99 нигде не годятся. Поэтому, если вы только покинете вашу должность, мы употребимъ всѣ старанія, чтобы она не была замѣщена свѣтскимъ лицомъ.“

„— Однакожь, возражаетъ учитель,— назначеніе и увольненіе учителей зависитъ отъ власти префекта. Онъ пришлетъ вамъ свѣтскаго учителя, и вы должны покориться этому распоряженію.“

„— Такъ что-же? Втеченіи какихъ-нибудь двухъ, трехъ, да же шести мѣсяцевъ можно будетъ новичка оставить въ повоѣ, пока община не найдетъ средствъ отвести помѣщеніе члену духовной конгрегаціи, котораго мы выберемъ,—а тамъ...“

„— Но, возражаетъ учитель, — представьте себѣ, что новый учитель хорошо и добросовѣстно выполняетъ свои обязанности. За что же вы его будете гнать?

„— Стоитъ только захотѣть, предлогъ всегда найдется и средства всегда окажутся подъ рукою!“

Разумѣется, предлоговъ къ вытѣсненію учителя духовенство всегда находитъ множество. Чаще всего прибѣгаютъ къ наговорамъ, будто учитель недостаточно заботится о духовномъ образованіи своихъ воспитанниковъ, которые поэтому недостойны быть допущенными къ причастію. Приводится случай, гдѣ священникъ прямо заявлялъ родителямъ, что если они будутъ посылать дѣтей въ конгрегаціонныя школы, то конфирмація ихъ можетъ быть допущена по достиженіи двѣнадцати лѣтъ; если-же они будутъ продолжать учиться въ общественной школѣ, то ранѣе 14 или 15 лѣтъ не добьются этого результата. „Если-бы еще, по крайней мѣрѣ, представители конгрегацій отличались высшимъ сравнительно съ свѣтскими учителями развитіемъ, восклицаетъ одинъ изъ учителей, — а то въ большемъ числѣ случаевъ это круглые невѣжды, достигшіе едва восемнадцати-лѣтняго возраста и попавшіе подъ крылышко духовенства, записавшись въ конгрегаціонистскую братію“.

Система переманивать ребятъ изъ общественныхъ школъ въ училища, руководимыя духовенствомъ, доведена до крайней степени совершенства.

„Въ глазахъ духовенства, пишетъ одинъ изъ учителей, — все учительское сословіе проникнуто нечестіемъ. Право учить считается принадлежащимъ однимъ духовнымъ лицамъ, въ силу полномочія, даннаго имъ Спасителемъ.“ Слова Его: „Идите и научите вся языцы“, толкуются католическимъ духовенствомъ въ самомъ ограниченномъ смыслѣ; къ сожалѣнію, чисто-эгоистическія цѣли духовенства, будто-бы освященныя религиозными постановленіями, легко ими достигаются. Ежегодно приходится видѣть цѣлую массу сельскихъ учителей, оставшихся безъ мѣста. И вотъ какъ это дѣлается: при посѣщеніи деревни школьнымъ инспекторомъ, онъ, разумѣется, дѣлаетъ первый визитъ мѣру, а второй сельскому священнику, который относится къ пріѣзжему съ особою любезностію и заискиваетъ въ немъ; затѣмъ всѣ трое,

т. е. мѣръ, священникъ и инспекторъ, отправляются въ школу. По дорогѣ священникъ весьма ловко наговариваетъ инспектору на учителя, такъ что инспекторъ является въ школу уже предубѣжденнымъ. Вынужденный своимъ подчиненнымъ положеніемъ къ молчанію, учитель конфузится и путается, а инспекторъ становится требовательнѣе. Въ результатѣ преподаваніе учителя признается инспекторомъ несоотвѣтственнымъ и онъ теряетъ свое мѣсто...“

Въ официальной брошюрѣ мы находимъ разъясненіе, какимъ способомъ достигаетъ духовенство учрежденія конгрегационистскихъ школъ даже противъ желанія муниципальных совѣтовъ.

„Если муниципальный совѣтъ какой-либо деревушки, зараженный антиклерикальнымъ направленіемъ, вздумаетъ отказать конгрегационной братіи въ допущеніи ея къ завѣдыванію мѣстной школой, духовенство не стѣсняется на-ряду съ школою общественною учредить другую, частную. Разумѣется, въ этой новой школѣ, содержимой духовенствомъ, вводится даровое обученіе, даже за письменныя принадлежности съ учениковъ ничего не берутъ. Затѣмъ принимаются всевозможныя мѣры для переманиванія дѣтей изъ общественной школы, въ которой число учениковъ, наконецъ, уменьшается до такой цифры, что ее изъ высшаго разряда переводятъ въ низшій, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшаютъ жалованье и учителю. Поставленный въ затрудненіе уменьшеніемъ заработка, учитель по-необходимости избираетъ другія занятія. Удовольствіе, выражаемое родителями, рѣшившимися, съ самаго появленія конгрегационистовъ въ селеніи, отдать имъ своихъ дѣтей на воспитаніе, самоувѣренность новыхъ пришельцевъ, наконецъ тотъ особый интересъ, который возбуждается въ скучной деревенской жизни всякою новинкою—все это такіе факты, которые въ результатѣ оказываютъ свое вліяніе даже на самыхъ либеральныхъ членовъ муниципального совѣта, и въ-концѣ-концовъ духовенство достигаетъ своей цѣли, а конгрегациі записываютъ лишнюю школу въ свои списки“.

Безъ сомнѣнія, учителя общественныхъ школъ могли-бы вступить въ борьбу съ конгрегационистами и доказать муниципалитетамъ и сельскимъ обществамъ свое превосходство въ дѣлѣ пре-

подаванія. Но такая неравная борьба въ большинствѣ случаевъ всетаки оканчивается насильственнымъ удаленіемъ учителя.

„Въ деревнѣ особенно чувствуется вліяніе одного лица, руководящаго общественнымъ мнѣніемъ, — сельскаго священника. Въ настоящее время патеры предприняли настоящій крестовый походъ противъ сельскихъ учителей. По всей Франціи они взываютъ къ своимъ прихожанамъ о замѣнѣ свѣтскихъ преподавателей членами духовныхъ конгрегацій. По инициативѣ священника, призывной набатъ повторяется сначала матерями семействъ, а потомъ, по ихъ примѣру, и всею массою деревенскихъ жителей. Напрасно несчастный учитель добросовѣстно выполняетъ свои обязанности — сельскій священникъ произнесъ свой вердиктъ и общественное мнѣніе постепенно переходитъ на его сторону, учитель бываетъ вынужденъ исчезнуть. Съ увольненіемъ учителя, вся община, по инициативѣ того-же священника, начинаетъ горячо заботиться объ улучшеніи положенія мѣстной школы. Принимается новое помѣщеніе, его меблируютъ заново, снабжаютъ книгами и другими школьными принадлежностями — и тогда-то являются братья конгрегаціонисты, къ полному удовольствію мѣстнаго духовенства. Со стороны вѣрности школа значительно улучшается и родители довольны! Но развѣ нельзя было достичь того-же результата, снабдивъ школу такими-же пособиями и средствами, и при свѣтскомъ учителѣ?“

Вотъ рядъ выписокъ, которыя наглядно обрисовываютъ характеръ борьбы между сельскими учителями и конгрегаціями. Могутъ сдѣлать возраженіе, что эти выписки страдаютъ односторонностью, ибо учителя не должны быть судьями своего дѣла. Но возрѣнія учителей подтверждаются и мѣстной администраціею, которая къ нимъ не особенно расположена, напротивъ, скорѣе чрезмѣрно снисходительна къ клерикаламъ. Издатели брошюры предвидѣли возможность подобнаго возраженія и потому присоединили къ изданію нѣсколько выдержекъ изъ донесеній, присланныхъ префектами по тому-же вопросу. Вотъ что писалъ, наприимѣръ, одинъ изъ этихъ администраторовъ еще въ 1866 году, когда клерикалы пользовались въ дѣлѣ народнаго образованія меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ теперь:

„Католическое духовенство во Франціи ведетъ борьбу съ свѣт-

скими общественными школами, пользуясь двумя главнѣйшими средствами: конкуренціею конгрегационныхъ школъ и вліяніемъ исповѣди, и ведетъ ее въ большинствѣ случаевъ успѣшно. Учитель сначала выдерживаетъ борьбу, порою бываетъ успѣхъ на его сторонѣ, но почти всегда онъ, наконецъ, устаетъ и побѣда остается за духовенствомъ. Департаментскія власти предпринимаютъ всевозможныя мѣры, чтобы поддержать учителей въ этой неравной борьбѣ; однакожь, опытъ доказалъ уже, что всѣ усилія въ этомъ отношеніи напрасны. Свѣтское образованіе во многихъ мѣстахъ удерживается только потому, что тамъ учителя или учительницы давно уже занимаютъ свое мѣсто и успѣли заслужить общее уваженіе. Какъ только эти уважаемыя личности по обстоятельствамъ удаляются, духовенство прилагаетъ всѣ мѣры, чтобы оттягать въ свои заведенія всѣхъ тѣхъ учениковъ, родители которыхъ въ состояніи вносить устанавливаемую денежную плату. Оставаясь съ ничтожнымъ числомъ учениковъ, общественная школа постепенно теряетъ свое значеніе и конгрегационистская естественно заступаетъ ея мѣсто“.

Это пишетъ префектъ, а не сельскій учитель, слѣдовательно, этотъ отзывъ не можетъ возбудить сомнѣнія въ односторонности, въ которой друзья клерикаловъ обвиняютъ доклады свѣтскихъ учителей.

Теперь перейдемъ къ вопросу о правахъ надзора, которымъ пользуются сельскіе священники въ дѣлѣ народнаго образованія.

Надзоръ этотъ установленъ спеціальнымъ закономъ, изданнымъ въ 1850 году, и проявляется двумя способами: во-первыхъ, непосредственно чрезъ мѣстнаго священника, а во-вторыхъ, чрезъ особо учрежденный кантональный учебный совѣтъ, въ которомъ духовенство играетъ главную роль.

„Незавидно положеніе учителя, когда мѣстный мэръ и сельскій священникъ живутъ не въ ладу, пишетъ одинъ изъ учителей.—Служить разомъ двумъ господамъ равносильно старанію усидѣть на двухъ стульяхъ разомъ. Бывали случаи, что священники заставляли учителей прислуживать себѣ и завѣдывать всѣмъ ихъ домашнимъ хозяйствомъ, а разъ случилось даже, что учитель былъ вынужденъ натирать полы въ квартирѣ священника. Въ другомъ случаѣ учитель былъ выставленъ передъ школьнымъ

начальствомъ, какъ человѣкъ, подверженный дьявольскому навожденію, а поводомъ къ такой репутаціи было единственно только то обстоятельство, что онъ отказался заниматься огородными работами въ саду священника. Тотъ-же учитель какъ-то отказался пѣть въ церкви во время служенія: священникъ за это убѣдилъ родителей его учениковъ, чтобы они не пускали ихъ туда до тѣхъ поръ, пока они не подтвердятся, а это обстоятельство уменьшило количество платящихъ въ школу воспитанниковъ съ двадцати шести на четырнадцать“.

„Всѣми силами стараемся мы, пишетъ другой учитель, — внушать и поддерживать въ дѣтяхъ религіозные принципы и вообще помогать священникамъ въ преподаваніи закона божія, но, несмотря на всѣ наши заботы, вѣтъ той непріятности, которой намъ не приходилось-бы испытывать отъ священника. Въ послѣднее время сельскій священникъ рѣшительнымъ образомъ сталъ обзывать нашего брата: „мой учитель“, какъ прислужника своего онъ называетъ: „мой дьячекъ“!

Курьезно, что инспекторъ первоначальнаго обученія, которому поручено было перечитать учительскія записки и сдѣлать свои замѣчанія, сбоку вышеприведенной выписки написалъ: „Да, это такъ!“

„Успѣшность обученія дѣтей зависить въ значительной мѣрѣ отъ заведеннаго въ школъ порядка и установленныхъ правилъ, читаемъ далѣе въ официальной брошюрѣ. — Но если-бы само министерство вздумало установить какія-либо общія правила относительно распредѣленія часовъ занятій, то и тогда священникъ не считалъ-бы себя обязаннымъ подчиняться имъ. Нечего и говорить, что онъ не оказываетъ никакого уваженія къ порядкамъ, которые заводитъ учитель собственною властью. Они подвергаются только насмѣшкамъ со стороны бритаго пастыря. Весь порядокъ зависить исключительно отъ расположенія духа мѣстнаго священника. Мы извѣстены случаи, когда священникъ настоялъ, чтобы лѣтніе каникулы продолжались два мѣсяца, вмѣсто установленныхъ шести недѣль. Тотъ-же священникъ, будучи приглашенъ къ обѣду въ часъ, предназначенный для его урока, никогда не стѣснялся требовать отъ учителя, чтобы онъ уступалъ ему другой часъ, а когда учитель сталъ жаловаться инспектору на частыя перемены въ рас-

предѣленіи уроковъ, то тотчасъ пошли жалобы на неуживчивость учителя, которыя окончились его увольненіемъ. Священники смотрятъ на учителей почти какъ на своихъ закрѣпощенныхъ рабовъ, которые только для того и занимаютъ мѣсто, чтобы прислуживать имъ, какъ въ церкви, такъ и въ священническомъ жилищѣ. Требовательность священниковъ такъ велика, что бѣдный учитель рѣшительно не знаетъ, какъ ему поступать, и долженъ считать почти за одолженіе, если взысканіе, которое налагается на него священникъ за какую-либо маловажную вину, ограничится тѣмъ, что ему придется во время обѣдни простоять на колѣняхъ въ присутствіи цѣлаго прихода!“

Клерикалы, конечно, успѣшили провозгласить, что подобныя факты немислимы и что учителя просто сплетничаютъ. Но дѣло въ томъ, что учителя представляли отвѣты своему непосредственному начальству и потому скорѣе ослабляли, чѣмъ усиливали факты. Они знали, что если-бы ихъ жалобы не подтвердились дознаніемъ, они лишились-бы своихъ мѣстъ. Конечно, факты вродѣ только-что описанныхъ случались относительно рѣдко, но вообще фактъ преслѣдованія духовенствомъ сельскихъ учителей несомнѣнно существуетъ. Преслѣдованія эти объясняются страстью католическаго духовенства къ господству.

„Законъ о первоначальномъ образованіи, читаемъ далѣе въ брошюрѣ, — предоставилъ сельскому духовенству значительную власть надъ учителями, и оно этой властью слишкомъ злоупотребляетъ. Священники успѣли прижать учителей къ стѣнѣ и рѣшительно не даютъ имъ пикнуть. Сельскіе учителя — вѣчные страдальцы, и страданія ихъ тѣмъ болѣе чувствительны, что они постоянно должны находиться въ непосредственной зависимости отъ священниковъ въ качествѣ пѣвчихъ, дьячковъ, звонарей и церковныхъ прислужниковъ. Подъ вліяніемъ духовенства, училищное начальство не стѣсняется перетасовывать учителей, переводя ихъ изъ такой общины, гдѣ школа можетъ доставить имъ нѣкоторую выгоду, въ такую, гдѣ учитель едва можетъ пропитаться, а то увольняетъ ихъ отъ должности, не заботясь о способахъ пріисканія ими куска насущнаго хлѣба. И въ чемъ-же состоитъ вина учителя? То разсердится священникъ, что за обѣдней учитель въ чемъ-нибудь ошибется, то потребуетъ онъ, чтобы учитель соблюдалъ такую педантическую чистоту въ со-

держаніи церкви, что тотъ и времени не находитъ для безпре-
станной чистки! Какъ ни прискорбны подобные факты, одна-
кожь мы не хотимъ этимъ сказать, что священниковъ слѣ-
дуетъ совсѣмъ отстранить отъ сельскихъ школъ; нужно только
допустить такую степень участія ихъ въ народномъ обученіи,
при которой учителя не обращались-бы въ ихъ прямыхъ при-
служниковъ“.

Но учителю приходится терпѣть не только отъ требователь-
ности мѣстнаго священника,—онъ долженъ еще угождать пред-
ставителю кантональнаго совѣта, который въ большей части слу-
чаевъ тоже носить рясу.

Кантональные совѣты учреждены въ 1850 году. Въ составъ
ихъ входятъ нѣсколько пользующихся общимъ уваженіемъ жите-
лей, принимающихъ на себя обязанность наблюдать за препода-
ваніемъ и сообщать правительственной инспекціи свои сообра-
женія. Для выполненія этой роли членамъ совѣта предоставлены
кое-какія права, довольно, впрочемъ, не точно опредѣленные.
вродѣ права подавать совѣты, на которые инспекція можетъ не
обращать никакого вниманія. Поэтому неудивительно, что даро-
вые обязанности свѣтскихъ членовъ совѣта выполняются ими до-
вольно небрежно, а дѣйствительный надзоръ оказывается сосре-
доченнымъ въ рукахъ членовъ отъ духовенства, всегда гото-
выхъ запустить свою лапу поглубже въ дѣло народного образо-
ванія. Каково-же при этомъ положеніе сельскаго учителя, обя-
заннаго подчиняться рѣшеніямъ подобнаго совѣта?

Какъ-бы ни была строга правительственная инспекція, но съ
нею сельскому учителю, при добросовѣстномъ выполненіи имъ
обязанностей, всегда можно ужитья. Въ составъ этой инспекціи
входятъ иногда люди образованные и сочувствующіе народному
образованію. Инспектору хорошо извѣстно положеніе учебнаго
дѣла: на его упреки и замѣчанія всегда возможно представить
объясненія или возраженія, съ увѣренностью въ томъ, что если
эти объясненія или возраженія не будутъ сочтены вполнѣ осно-
вательными, то, во всякомъ случаѣ, будутъ поняты. Но пред-
ставьте себѣ, что въ качествѣ полномочнаго хозяина и контро-
лера входитъ въ школу господинъ, ничего общаго съ школьною
жизнью неимѣющий и относящійся къ существу школьныхъ по-
рядковъ, какъ чистый дилетантъ. Кромѣ удовлетворенія празд-

наго любопытства, подобное посѣщеніе, разумѣется, не можетъ имѣть другой цѣли, какъ извѣстную придирчивость къ учителю и стремленіе показать свою власть.

Неудивительно поэтому, что священники, представители кантональных совѣтовъ, относятся къ сельскимъ учителямъ придирчиво. Неудивительно также, что въ обвиненіяхъ ихъ преобладаетъ тотъ тонъ, которымъ всегда отличаются всякія обвиненія, когда они исходятъ отъ духовенства: все тутъ основано на убѣжденіи о наступившемъ растлѣніи міра, — о господствѣ матеріализма, атеизма и другихъ подобныхъ *измовъ*, отъ которыхъ рѣшительно не спится католическому духовенству. Чего можно ожидать отъ учрежденія, убѣжденного и стремящагося убѣдить всѣхъ и каждого, что свѣтская школа есть плодъ дьявольскаго навожденія, что сельскіе учителя професорствуютъ на началахъ матеріализма и что главная задача ихъ заключается въ томъ, чтобы подкопаться подъ основы существующаго гражданскаго строя?

Послѣдняя глава официальной брошюры касается вопроса о тѣхъ матеріальныхъ преимуществахъ, которыя сосредоточены въ рукахъ духовныхъ конгрегацій.

И по этому вопросу отвѣты учителей сводятся къ одному заключенію. Когда рѣчь идетъ о свѣтскомъ учителѣ, мѣстныя муниципальныя учрежденія, обязанныя содержать школы, крайне скупо удовлетворяютъ его требованія на необходимые по школь расходамъ. Положеніе дѣла измѣняется, какъ только учительская кафедра переходитъ во власть конгрегаціонистовъ: для нихъ общины спѣшатъ возводить новыя школьныя постройки; для нихъ заводятся библіотеки и увеличивается количество классной мебели и другихъ принадлежностей; для нихъ выискиваются средства на наемъ репетиторовъ и класныхъ прислужниковъ.

Вообще говоря, содержаніе школъ, находящихся въ завѣданіи конгрегаціонистовъ, обходится общинамъ несравненно дороже, чѣмъ содержаніе школъ, управляемыхъ свѣтскими учителями. Не говоря уже о томъ, съ какою щедростью муниципальныя учрежденія даютъ деньги на поддержаніе мебели и библіотекъ въ тѣхъ школахъ, которыя поручены конгрегаціонистамъ, самый составъ учительскаго персонала въ этихъ школахъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ свѣтскихъ. Гдѣ со всѣми учениками спра-

видя-бы одинъ свѣтскій учитель, тамъ непрѣнно учительствуютъ, по крайней мѣрѣ, два конгрегаціониста.

Гдѣ-же тутъ справедливость, когда отъ одного учителя, по тому только, что онъ не ходитъ въ рясы, требуютъ, чтобы онъ справлялся съ такимъ составомъ учениковъ, съ которыми едва справляются два, а иногда и три конгрегаціониста? Далѣе допускается, что репетиторами въ конгрегаціонистскихъ школахъ могутъ быть и неизвѣщующіе учительскаго диплома.

Правильность заявленій свѣтскихъ учителей подтверждается рядомъ цифръ, заимствованныхъ мною также изъ официальныхъ источниковъ.

Въ 1843 году духовныхъ конгрегаціонистовъ, занимавшихся обученіемъ дѣтей во Франціи, считалось 16,958; изъ нихъ 3,128 мужчинъ и 13,830 женщинъ; кругъ дѣятельности ихъ распространялся на 7,590 школъ, посѣщаемыхъ 706,917 дѣтей, т. е. 22⁰/₁₀₀ всего школьнаго населенія страны. Къ 1864 году число обучающихся конгрегаціонистовъ возрасло до 46,840; изъ нихъ 8,635 мужчинъ и 38,205 женщинъ. Слѣдовательно, число ихъ втеченіи 20 лѣтъ болѣе, чѣмъ утроилось. Количество школъ, ими посѣщаемыхъ, возрасло до 17,206, въ которыхъ обучалось 1,610,674 человека дѣтей, слѣдовательно 37⁰/₁₀₀ всей массы дѣтей, посѣщающихъ школы. Такимъ образомъ, оказывается, что въ двадцать лѣтъ число школъ, находящихся въ вѣденіи духовенства, болѣе чѣмъ удвоилось. Въ такой-же пропорціи увеличилось и число учениковъ, такъ-что прежнее отношеніе между учениками, посѣщающими школы свѣтскія и духовныя, совершенно измѣнилось. Число воспитанниковъ конгрегаціонныхъ школъ увеличилось на 15⁰/₁₀₀ въ ущербъ массѣ, обучающейся въ заведеніяхъ свѣтскихъ. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ цифръ, свидѣтельствующихъ о постоянномъ возрастаніи клерикальнаго вліянія на дѣло обученія? Съ 1864 года отношеніе измѣнилось еще болѣе въ пользу духовенства.

Департаментскія и общинныя власти въ большей части мѣстностей слишкомъ мало заботятся объ обезпеченіи свѣтскихъ школъ. Для существованія школы необходимы, во всякомъ случаѣ, два существенныхъ условія: во-первыхъ, помѣщеніе, а во-вторыхъ — учитель. Оказывается, что дома, въ которыхъ помѣщаются школы, по большей части ветхи и такъ неудобны, что въ нихъ даже самыя небогатые

крестьяне не согласились-бы устроить конюшню и хлѣвовъ для своего скота. При этомъ неблагодарный трудъ сельскихъ учителей до такой степени плохо вознаграждается, что ряды этого полезнаго сословія все болѣе и болѣе рѣдѣютъ. Общины, имѣющія во главѣ своей людей бѣдныхъ и малоразвитыхъ, отказываютъ въ увеличеніи средствъ на содержаніе школъ. Школьное начальство обращается къ департаментскому бюджету, но съ этой стороны часто приходится встрѣчать сочувствіе только къ такимъ расходамъ, которые могутъ льстить чванству мѣстныхъ администраторовъ. Не успѣвъ въ департаментѣ, поборники первоначальнаго образованія бываютъ вынуждены обратиться къ помощи государственной казны, которая асигнуетъ на дѣло первоначальнаго образованія известную сумму по ежегоднымъ бюджетамъ. Итогъ всѣхъ пожертвованій, дѣлаемыхъ на первоначальное образованіе какъ общинами, вынужденными къ тому собственными интересами, такъ департаментами, совѣстящимися иногда отказывать въ удовлетвореніи столь насущной потребности, и, наконецъ, государствомъ, обязаннымъ держаться въ предѣлахъ годовой сметы, — итогъ этотъ среднимъ числомъ доходитъ до 60 миліоновъ франковъ въ годъ. По словамъ Эмиля Лавеле, изслѣдовавшаго вопросъ о народномъ образованіи со всѣхъ сторонъ, штатъ Нью-Йоркъ, имѣющій населеніе, непревышающее $4\frac{1}{2}$ миліоновъ жителей, истратилъ на народное образованіе въ 1870 году 50 миліоновъ франковъ. „Сумма, отпускаемая на этотъ предметъ во Франціи, заключаетъ Лавеле, — выясняетъ относительно своею незначительностью, отчего у насъ есть школы, помѣщающіяся чуть не въ собачьихъ конурахъ, учителя, оплачиваемые хуже рабочихъ батраковъ, и учительницы, матерьяльное положеніе которыхъ гораздо менѣе обезпечено, чѣмъ положеніе любой горничной или городской служанки“.

Конгрегационисты, занимающіе учительскія мѣста, получаютъ жалованья не менѣе 600 франковъ въ годъ, но совмѣстная и холостая жизнь даетъ имъ возможность просуществовать на эти средства, не впадая въ нищету. Свѣтскіе учителя, число которыхъ доходитъ до 52,000, пользуются жалованьемъ отъ 700 до 800 франковъ, но въ большей части случаевъ это люди женатые, которые на подобныя скудныя средства обязаны содержать свои семейства; однакожъ, это содержаніе получаютъ только из-

бранные, имѣющіе за собою нѣкоторыя заслуги; масса-же учителей получаетъ 600, 550, 450 франковъ, нѣкоторые даже всего только 350 франковъ въ годъ, слѣдовательно менѣе 1 франка въ день. Что-же удивительнаго, если очень многіе учителя бьвають вынуждены, подѣ страхомъ голода, выпрашивать себѣ должности звонарей при церквяхъ, барабанщиковъ при аукціонахъ, писцовъ въ сельскихъ канцеляріяхъ? Не слѣдуетъ забывать, что сельскій учитель по положенію своему долженъ не мало тратить на одежду: въ синей блузѣ или деревянныхъ башмакахъ онъ не можетъ являться на школьной кафедрѣ; онъ не можетъ показывать своей нищеты, потому что тогда онъ не обретется насмѣшекъ. Онъ вынужденъ имѣть частныя сношенія съ мэромъ, съ сельскимъ священникомъ, съ инспекторомъ, а для поддержанія этихъ сношеній ему необходимо озаботиться, чтобы его внѣшность не колола глазъ, чего онъ можетъ достигнуть только путемъ матеріальныхъ пожертвованій. И при такомъ общественномъ положеніи своемъ нѣкоторые учителя получаютъ менѣе франка въ день! Какъ не сказать тогда, что они осуждены на каторжный трудъ?

Отъ вопроса о недостаточности числа школъ и учителей и о скудости ихъ содержанія очень удобно перейти къ вопросу объ обязательности первоначальнаго образованія.

Этотъ вопросъ сильно занимаетъ и волнуетъ умы; въ послѣднее время журналистика занялась имъ съ особеннымъ рвеніемъ по поводу рѣчи, произнесенной министромъ народнаго просвѣщенія Виддингтономъ въ Парижѣ, въ годичномъ собраніи съѣзжающихъ сюда представителей разныхъ ученыхъ обществъ.

Существованіе обязательнаго образованія въ Германіи и Швейцаріи не мало волнуетъ французскихъ педагоговъ и многіе изъ нихъ настойчиво требуютъ введенія его во Франціи. По словамъ одного изъ сотрудниковъ газеты „Rapport“, доктора правъ Люкса, издавашаго весьма интересное сочиненіе о первоначальномъ образованіи, въ которомъ сгруппированы всѣ мотивы и доводы, касающіеся этого вопроса, — сознаніе пользы обязательности посылать дѣтей въ школу до такой степени вошло въ германскіе нравы, что на 1,000 дѣтей, состоящихъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ обученіе обязательно, едва найдется пятнадцать, непосѣщающихъ школу подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Напро-

тивъ, есть мѣстности, преимущественно въ Саксоніи, гдѣ число обучающихся превышаетъ количество, записанное въ спискахъ по тѣмъ возрастамъ, когда посѣщеніе школы считается обязательнымъ. Здѣсь 1,178 дѣтей посѣщаютъ первоначальныя школы для усовершенствованія своихъ познаній и по истеченіи возраста обязательности. Германское правительство до такой степени настойчиво относится къ дѣлу народнаго развитія, что едва состоялся договоръ о присоединеніи къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи, какъ черезъ *два мѣсяца* здѣсь было введено обязательное обученіе.

Судя по спеціальной картѣ, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія, процентъ безграмотныхъ ко всему населенію во Франціи поразителенъ. Только въ семи департаментахъ количество безграмотныхъ не превышаетъ одной двадцатой части населенія, въ одиннадцати процентъ колеблется между одною двадцатою и одною десятою, въ двадцати двухъ число безграмотныхъ доходитъ до одной четверти, въ двадцати трехъ — до одной трети, и, наконецъ, въ двадцати шести превышаетъ одну треть и даже половину жителей. Карта эта, впрочемъ, относится къ 1866 году, но съ тѣхъ поръ, какъ доказываютъ добросовѣстныя изслѣдованія, въ этомъ отношеніи произошли очень небольшія перемѣны.

Такое печальное положеніе первоначальнаго образованія во Франціи, конечно, сильно огорчаетъ какъ публицистовъ и педагоговъ, такъ и новаго министра народнаго просвѣщенія.

„Мы рѣшились, говорить онъ въ своей рѣчи, — слѣдовать примѣру сосѣднихъ странъ, провозгласившихъ первоначальное образованіе обязательнымъ для каждаго гражданина, но намѣрены идти по этому пути съ большою осторожностью. Поэтому мы не думаемъ пока объ утвержденіи этого принципа въ законодательномъ порядкѣ. Подобная мѣра была-бы не только неразумною, но даже отчасти безчестною. Какъ можетъ правительство требовать отъ родителей, чтобы они посылали дѣтей въ школу, когда самой школы нѣтъ по близости отъ каждаго поселенія? Серьезно относясь къ вопросу, необходимо прежде выстроить школы во всѣхъ тѣхъ общинахъ, гдѣ ихъ еще не существуетъ или гдѣ онѣ размѣщены въ квартирахъ, рѣшительно несоотвѣтствующихъ потребностямъ. Надо сперва учредить сельскія

школы въ той массѣ расположенныхъ по горамъ деревушекъ, въ которыхъ объ этомъ предметѣ до сихъ поръ не заводилось и рѣчи. Не менѣе необходимо образовать надлежащее число наставниковъ, безъ которыхъ школы не могутъ существовать, и введеніе принципа обязательности окажется только обманчивымъ призракомъ. Когда эта первоначальная цѣль будетъ достигнута, когда по всей Франціи не будетъ ни одного поселенія, которое отстояло-бы отъ школьнаго помѣщенія болѣе, чѣмъ на два или на три километра, тогда государство можетъ объявить отцамъ семейства, что они на-столько-же не вправѣ лишать дѣтей своихъ пищи духовной, какъ и пищи тѣлесной. Тогда можно будетъ издать законъ, въ силу котораго всякій отецъ семейства, пренебрегающій выполненіемъ своей обязанности въ этомъ отношеніи, будетъ подлежать взысканію“.

Рѣчь министра вызвала нѣсколько возраженій. Ее упрекаютъ въ односторонности, замѣчая, что министръ затронулъ только одну сторону вопроса, именно объ обязательности обученія, и ни слова не упомянулъ ни о томъ, чтобы оно было исключительно свѣтскимъ, ни о томъ, чтобы оно было даровымъ. Всѣ три условія эти идутъ рука объ руку; изслѣдователи вопроса о первоначальномъ обученіи привыкли обсуждать его съ трехъ сторонъ, почему требуютъ, чтобы и правительство шло тѣмъ-же путемъ.

Не надо забывать, что обязательное и даровое обученіе въ первоначальныхъ школахъ вовсе не новость во Франціи. Оно было введено въ республиканскую конституцію 1793 года. Но въ то время примѣненіе на практикѣ принципа обязательности обученія встрѣтило непредвидѣнные затрудненія. Какъ политическія событія, такъ въ особенности обѣдненіе государственной казны мѣшали распространенію школъ. Въ 1795 году оказалось даже необходимымъ все содержаніе сельскихъ учителей, никогда неотягощавшее казны, по своей незначительности, совершенно исключить изъ государственнаго бюджета и ограничить средства существованія этихъ тружениковъ добровольными пожертваніями со стороны родителей обучающихся дѣтей. Естественно, что эта вѣра повлекла за собой закрытіе многихъ школъ. Такимъ образомъ, обязательность образованія шла рядомъ съ закрытіемъ школъ, а даровое воспитаніе для каждаго ребенка парализовалось отнятіемъ казеннаго содержанія отъ учителей. Въ ре-

зультатъ оказалось, что если національный конвентъ и желалъ образовать народъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ ничего не могъ сдѣлать для того, чтобы поставить первоначальное образованіе на прочную почву. Тѣмъ утверждаетъ, что въ 1796 году во Франціи были цѣлыя округа, населенныя 80 или 100 тысячами жителей, въ которыхъ невозможно было найти ни одного школьнаго учителя, и что въ нѣкоторыхъ, даже значительныхъ городахъ, между учителями встрѣчались люди полуграмотные.

Наполеонъ I, занятый военными планами, и не помышлялъ о распространеніи образованія въ народѣ. Онъ заботился только о томъ, чтобы „подчиненные ему народы“ по изготовленному катехизису заучивали, что онъ есть представитель Божій на землѣ. Въ 1802 году состоялся законъ, по которому даровымъ образованіемъ могла пользоваться только одна пятая часть всего дѣтскаго населенія.

Монархія 1815 года подумывала объ организаціи первоначальнаго образованія, но всѣ попытки ея отличались крайней нерѣшительностію и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи.

Іюльское правительство торжественно заявило о своемъ желаніи сдѣлать значительныя пожертвованія, съ цѣлью вывести народное образованіе на новый путь, но все ограничилось нѣсколькими блистательными рѣчами, въ которыхъ краснорѣчиво доказывалась польза дароваго и обязательнаго образованія, но средствъ къ его осуществленію на практикѣ не указывалось. Буржуазная монархія въ дѣйствительности мало сочувствовала распространенію образованія въ народѣ, потому что руководившіе ею дѣятели не довѣряли человѣческимъ способностямъ и смотрѣли на деньги, какъ на главное условіе, которое обезпечивало общественную нравственность, удостовѣряло политическую способность и предупреждало всякія народныя волненія. Подобныя воззрѣнія высказывались и съ парламентской трибуны, и въ печати, а при существованіи ихъ вопросъ о народномъ обученіи, конечно, отходилъ на второй планъ.

Послѣ революціи 1848 года снова былъ поднятъ вопросъ о народномъ образованіи. Одинъ проектъ за другимъ предлагался на обсужденіе національному собранію и вездѣ обязательности и бесплатности первоначальнаго обученія удѣлялось по нѣсколько глубоко прочувствованныхъ страницъ. Наконецъ въ 1850 году

состоялся законъ о свободѣ преподаванія въ первоначальныхъ школахъ, но объ обязательности не говорилось ни слова, а даровое обученіе предоставлялось только бѣднякамъ, лишеннымъ всякихъ средствъ.

Въ такомъ положеніи дѣло остается и до сихъ поръ, но каждый разъ, какъ въ законодательныхъ и административныхъ сферахъ заходитъ рѣчь о первоначальномъ образованіи, либеральная печать требуетъ провозглашенія свѣтскаго, обязательнаго и дароваго первоначальнаго обученія.

То же повторяется и теперь.

Доводы приводятся все тѣ-же, что и прежде. „Желаніе учредить школы въ небольшихъ деревняхъ, по словамъ, напимѣрь-Эдмонда Абу, редактора газеты „XIX вѣкъ“, — не должно-бы препятствовать признанію школьнаго воспитанія обязательнымъ для каждаго и привлеченію родителей къ отвѣтственности въ томъ случаѣ, если они будутъ пренебрегать обученіемъ своихъ дѣтей. Развѣ затрудненія, сопряженныя съ необходимостью размноженія воспитательныхъ заведеній, воспрепятствовали нѣмцамъ признать обученіе обязательнымъ въ Эльзасѣ и Лотарингія? Между тѣмъ и въ этихъ провинціяхъ существуютъ значительныя пространства, имѣющія весьма рѣдкое населеніе, въ которыхъ воспитывающемуся поколѣнію приходится ежедневно прогуливать-ся пѣшкомъ до школы на разстояніи не одного, а даже нѣсколькихъ километровъ. Германское правительство и не подумало принимать въ соображеніе, на-сколько будетъ неудобно деревенскимъ ребятишкамъ бѣгать по снѣгу или по слякоти въ школу; оно не задумываясь, по апріористическому внушенію, назначило штрафъ въ наказаніе упрямства коснѣющихъ въ невѣжествѣ родителей“.

„Есть общины, пишутъ въ другой либеральной еженедѣльной газетѣ, — и даже многія общины, въ которыхъ въ настоящую минуту школы существуютъ въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы всѣ дѣти могли въ нихъ обязательно обучаться. Зачѣмъ-же въ этихъ общинахъ нѣкоторыя дѣти будутъ страдать отъ родительскаго нерадѣнія? Нѣтъ сомнѣнія, что принципъ обязательности не можетъ быть безусловно примѣненъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ школъ недостаточно. Но самое устройство педо-

ставшихъ школъ тѣмъ скорѣе осуществится, чѣмъ настоятельное законодательство станетъ требовать ихъ устройства“.

Нельзя не согласиться, что такое заключеніе правильно: признаніе обученія обязательнымъ непремѣнно будетъ имѣть своимъ результатомъ умноженіе числа школъ. Опираясь на законъ, министръ народнаго просвѣщенія будетъ имѣть подѣ собою твердую почву, когда станетъ требовать отъ государства, чтобы оно не забыло удѣлить извѣстныхъ крохъ отъ щедротъ своихъ и на приведеніе въ исполненіе обнародованнаго закона. „Вы издали законъ, скажетъ онъ въ палатѣ, — дайте мнѣ средство его выполнить“.

Если-же держаться выжидательной политики, то дѣло народнаго образованія будетъ двигаться черепашинымъ шагомъ: каждый годъ, можетъ быть, будетъ прибавляться по нѣскольку школъ, но прогрессъ развитія грамотности въ народѣ будетъ очень небольшой.

Вопросъ объ обязательности первоначальнаго обученія долженъ особенно интересовать русскихъ читателей, потому что и въ Россіи теперь поднять вопросъ о томъ, что прежде нужно сдѣлать: создать-ли школы, на устройство которыхъ потребуются многіе десятки лѣтъ, или провозгласить обязательность обученія? Нельзя не согласиться, что если существуетъ во всякой странѣ масса дѣтей, которыя остаются безграмотными потому только, что имъ негдѣ было учиться, то рядомъ можно найти другую массу, которая пойдетъ въ школы, какъ только родители узнаютъ, что за пренебреженіе дѣтскимъ воспитаніемъ ихъ оштрафуетъ мировой судья. Чтобы создать необходимыя школы, потребуются многіе миліоны рублей; но чтобы заставить крестьянина посылать дѣтей въ школу тамъ, гдѣ она есть, вмѣсто того, что бы оставлять ихъ по цѣлымъ днямъ пачкаться въ уличной грязи, — для этого достаточно будетъ какихъ-нибудь четырехъ строчекъ новаго закона.

Не менѣе вопроса объ обязательности обученія во Франціи волнуетъ умы борьба свѣтскаго и клерикальнаго обученія. Еще не прошло и года, какъ клерикалы одержали побѣду, захвативъ въ свои руки право даже раздавать университетскіе дипломы, а теперь они вынуждены отступать, и трудно предвидѣть предѣлы этого отступленія. Вопросъ о клерикальномъ вліяніи на народное образованіе весьма щекотливъ, и потому новый министръ народнаго просвѣщенія только вскользь коснулся его. Но нѣтъ сомнѣ-

ніа, что не только представители крайней лѣвой, но даже и умѣренныя республиканцы заговорятъ о немъ въ версальскомъ собраніи. Одинъ изъ нихъ, извѣстный профессоръ Поль Веръ, задѣлъ уже этотъ предметъ, впрочемъ съ большою осторожностью. Онъ заявилъ, что не видитъ основанія, чтобы, при существующей свободѣ преподаванія, даже и монахи были прогнаны съ школьной кафедры. Свобода, такъ свобода! Если въ школу допущена черная ряса бѣлаго духовенства, то нѣтъ основанія исключать бѣлый костюмъ доминиканца или коричневый — бернардинца. Нетерпимость этого ученаго, котораго клерикалы провозгласили крайнимъ радикаломъ, ограничивается выраженіемъ желанія, чтобы монахъ и священникъ, берущій на себя учительскія обязанности, подвергался предварительному экзамену, чтобы конгрегационистская ряса не могла замѣнять собою диплома объ окончаніи курса и чтобы всякій учитель могъ преподавать только то, что самъ знаетъ. Требовательность либераловъ представляется, такимъ образомъ, пока не особенно широкою!

При обсужденіи измѣненій, проектированныхъ Виддингтономъ, въ законѣ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, вѣроятно, произойдетъ горячее сраженіе между либералами и обскурантами. По счастью, составъ палаты теперь таковъ, что не можетъ быть сомнѣнія въ торжествѣ прогрессивныхъ началъ по вопросу о народномъ образованіи.

Анонимъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

(Окончаніе. *)

Шагубныя для либераловъ послѣдствія Аморовіетскаго договора. — Комедія съ свидѣльствами объ амнистіи. — Огромное значеніе договора для карлистовъ. — Выгоды для карлизма союза съ Ватиканомъ. — Девизъ, ограждающій отъ ядеръ. — Затруднительное положеніе папы. — Поддержка карлизма французской администраціей. — Подвиги префекта Надаляка. — Дон-Карлосъ снова появляется въ Испаніи. — Бездѣйствіе Кастелъера въ отношеніи къ карлистамъ и ненависть его къ федерализму. — Столкновеніе дон-Карлоса съ юной провинціи Алава. — Бездѣятельность Серрано. — Кабрера. — Упрямство Серрано. — Бильбао. — Послѣдствія смерти маршала Конха. — Чудовищныя планы Серрано. — Дон-Карлосъ является претендентомъ на французскій престолъ. — Ургельскій епископъ. — Возстановленіе инквизиціи. — Дворъ дон-Карлоса въ Дуранго. — Донна-Біанка. — Кровавые подвиги Альфонса и донны-Біанки въ Иньяладѣ и Куэнцѣ. — Бойня въ Бергѣ. — Патеръ Санта-Круцъ. — Отказъ дон-Карлоса принять условія договора, предложеннаго ему Альфонсомъ XII. — Рѣшительныя дѣйствія правительственныхъ войскъ. — Дон-Карлосъ оставляетъ Испанію. — Переворотъ въ Турціи.

III.

Въ первой статьѣ мы сказали, что духовенство своимъ вмѣшательствомъ дало силу карлистскому возстанію. Но еще большую силу ему дала неспособность и бездѣйствіе главнокомандующаго войсками короля Амедея, генерала Серрано. Безъ содѣйствія генерала-красавца (какъ называютъ въ Испаніи Серрано) карлистское возстаніе, вѣроятно, окончилось-бы очень скоро, какъ оно

*) См. № 3 „Дѣла“ за 1876 годъ.

не разъ кончалось прежде. Въ біографіи Серрано, напечатанной въ № 4 „Дѣла“ за 1874 годъ, мы достаточно ясно показали, какой вредъ нанесъ онъ Испаніи своимъ легкомысліемъ и честолюбіемъ. Тамъ-же мы упоминали о договорѣ, заключенномъ имъ съ карлистами въ Аморовіетѣ. Этотъ договоръ сильно возвысилъ значеніе карлистовъ, которые съ этой поры могли смотрѣть на себя, какъ на воюющую сторону. Въмѣсто того, чтобы энергично и рѣшительно напасть на слабыя силы карлистовъ и уничтожить ихъ, — что въ то время легко было совершить если не въ мѣсяцъ, то, по крайней мѣрѣ, въ три, — Серрано вздумалъ играть въ дипломатію. Король Амедей точно чувствовалъ, что „знаменитый испанскій полководецъ“ надѣлаеть много нелѣпостей, и хотѣлъ самъ принять начальство надъ сѣверной арміей. Амедей мужественный и хладнокровный, по всей вѣроятности, окончилъ-бы кампанію успѣшно, пріобрѣлъ-бы популярность въ Испаніи и, весьма возможно, царствовалъ-бы и до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, министры стали отговаривать его; они убѣдили королеву, что ея мужу, какъ иностранцу, неловко вмѣшаться въ междоусобную войну и что гораздо лучше вмѣсто оружія съ карлистами дѣйствовать переговорами. Королева тоже присоединилась къ общему протесту и король Амедей согласился поручить Серрано веденіе войны съ карлистами. Лично для Серрано — а онъ всегда руководствуется только личными соображеніями — пораженіе карлистовъ не могло дать никакихъ особенныхъ выгодъ. Могло случиться даже, что успѣхъ остался-бы на сторонѣ карлистовъ, а въ этомъ случаѣ онъ, Серрано, могъ потерять обаяніе побѣдоноснаго генерала и ему, пожалуй, пришлось-бы сойти со сцены политической и административной дѣятельности. Мирный договоръ съ карлистами хотя на время оканчивалъ войну; и если она возобновилась-бы въ скоромъ времени, въ чемъ Серрано не сомнѣвался, то вину ея можно свалить на другихъ и доказать, что договоръ тутъ не причемъ. А сколько триумфовъ должно достаться на долю умиротворителя! Серрано рѣшительно остановился на мирномъ договорѣ. Карлисты тоже рады были временному перемирію, потому что они испытывали недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, а денегъ на покупку ихъ не имѣлось; договоръ или *convenio* давали имъ

возможность оправиться и снова собраться съ силами. Серрано именемъ короля Амедея заключилъ слѣдующій договоръ съ карлистскими предводителями, дон-Фаусто Уркитой, дон-Жуаномъ де-Урна и дон-Антонио Аргинционисомъ:

„Полная амнистія для всѣхъ тѣхъ, кто прямо или косвенно принималъ участіе въ карлистскомъ возмущеніи въ Бискайѣ и Наварѣ.

„Разрѣшеніе солдатамъ, перешедшимъ къ инсургентамъ, возвратиться въ полки регулярной арміи.

„Унтеръ-офицеры и офицеры, перешедшіе на сторону инсургентовъ, принимаются въ регулярную армію: первые тѣмъ-же чиномъ, а вторые тѣми чинами, какими они пользовались до выбытія изъ регулярной арміи.

„Водвореніе въ прежнихъ приходахъ тѣхъ священниковъ, которые состояли въ арміи инсургентовъ.

„Объявленіе недѣйствительными всѣхъ смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ судами противъ инсургентовъ“.

Подписавъ этотъ договоръ, Серрано поспѣшилъ издать торжественную прокламацію, въ которой провозглашалъ, что 25,000 инсургентовъ заявили свою покорность правительству и что съ этихъ поръ гражданскую войну слѣдуетъ считать поконченной. Затѣмъ изящный генералъ полетѣлъ въ Мадридъ заниматься любовными дѣлами, составляющими его специальность.

Въ рядахъ инсургентовъ находилось много крестьянъ и мелкихъ фермеровъ, которымъ необходимо было отправиться домой для устройства своихъ личныхъ дѣлъ. Возвратясь въ деревню, они являлись къ алькаду и запасались у него свидѣтельствомъ, что они *indulto*, т. е. получившіе амнистію за свои старыя грѣхи. Окончивъ свои дѣла, они снова брали ружье и отправлялись въ горы воевать за короля Карла VII. Снова дѣла призывали ихъ въ деревню и они опять получали свидѣтельство. Благодаря этой комедіи, въ Каталоніи было выдано 19,000 свидѣтельствъ, тогда-какъ инсургентовъ было всего 3,500 человекъ, а „Официальная Газета“ умилялась надъ цифрой покорившихся инсургентовъ.

Аморвѣтскій договоръ придалъ бодрости карлистамъ, они ста-

ли дѣйствовать несравненно смѣлѣе. Прежде они останавливали дилижансы во имя преданности къ католицизму; грабили пассажировъ во имя защиты собственности; насилывали женщинъ во имя защиты семьи. Теперь они останавливали цѣлые поѣзды желѣзныхъ дорогъ и отнимали кассы на станціяхъ во имя своего короля; налагали контрибуціи на цѣлые города, грабили, поджигали и разстрѣливали во имя отечества. До сихъ поръ они спустили шлюзы каналовъ, теперь они снимаютъ уже рельсы съ желѣзныхъ дорогъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, взрываютъ мосты и водопроводы посредствомъ динамита; прежде они жгли отдѣльныя фермы, теперь сожигали цѣлыя деревни; прежде изъза кустовъ и камней они стрѣляли изъ старинныхъ ружей; теперь они выдвигали на боевыя позиціи батареи артилеріи. Они дебютировали такими гнусными шуточками: высѣкли на площади двухъ школьныхъ учительницъ за то, что тѣ присягнули конституціи, а въ Толозѣ трехъ женъ либераловъ раздѣли до нага, обмазали медомъ, вывалили въ перьяхъ и въ такомъ видѣ водили по улицамъ на посмѣшище дикой толпы, оскорблявшей несчастныхъ самыми циничными ругательствами. Послѣ аморовіетскаго договора они усилились до того, что стали осаждать Пампелуну, Эстелу и Бильбао; имѣли своихъ акредитованныхъ банкировъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Гамбургѣ, посылали своего уполномоченнаго къ правительству королевы Великобританіи. Прежде въ ихъ рядахъ изъ среды духовенства находились сельскіе священники, дьячки и пономари; теперь ихъ оружіе благословляли епископы, выѣзжая къ арміи верхомъ, въ полномъ облаченіи и съ револьверами за поясомъ. Послѣ Аморовіеты карлизмъ сталъ силой, съ которой приходилось серьезно считаться, а дон-Карлосъ — полупризнаннымъ претендентомъ. Онъ занималъ теперь положеніе, аналогичное съ положеніемъ Джеферсона Дэвиса во время гражданской войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ имѣлъ почти тѣхъ-же союзниковъ, какіе были у предводителя партіи рабовладельцевъ: прежде всего Ватиканъ, затѣмъ партія „моральнаго порядка“ во Франціи, часть англійской аристократіи и небольшая часть австрійской аристократіи.

Изъ Рима карлисты получали постоянно нравственную и даже

матеріальную поддержку. Самые значительнѣйшіе изъ представителей католическаго міра, окружающіе папу, давали и совѣты, и даже деньги карлистамъ. Принцъ Альфонсъ Эсте, братъ претендента, числился въ папскихъ зуавахъ. Когда онъ принялъ начальство надъ карлистскими бандами въ Каталоніи и Валенсіи, многіе изъ его товарищей зуавовъ присоединились къ нему; имъ не пришлось даже переимѣнять врага: подъ знаменемъ папы они должны были сражаться съ Викторомъ-Эмануиломъ; подъ знаменами Карлоса VII и Альфонса д'Эсте они сражались съ Амедеою, сыномъ Виктора-Эмануила. Волонтеры въ армію карлистовъ десятками выѣзжали изъ Рима; одинъ разъ выѣхалъ отрядъ въ 500 человекъ съ небольшою пушкой и съ знаменемъ, очень красивымъ, элегантнымъ, вышитымъ ручками знатныхъ римскихъ дамъ. Знамя было шелковое, двухцвѣтное, желтаго и краснаго цвѣтовъ; посрединѣ его было вышито сердце, увѣнчанное терновымъ вѣнцомъ, расшитымъ золотомъ; подъ сердцемъ вышитъ слѣдующій девизъ, по мнѣнію ревностныхъ католическихъ, спасающій отъ ядеръ: „Detente! El cuore de Jesus es con meos voluntarios romanos! (Остановись! Сердце Іисуса съ моими римскими волонтерами!) Большинство волонтеровъ вѣрило въ справедливость этого мнѣнія, тѣмъ болѣе, что сами наторы раздѣляли его, по крайней мѣрѣ, на словахъ, и если случалось, что пули не падали вѣрующихъ, хитроумные попы объясняли это тѣмъ, что, вѣроятно, раненый совершилъ какой-нибудь смертный грѣхъ.

Нѣкоторое время можно было думать, что папа считаетъ дѣло претендента дон-Карлоса своимъ собственнымъ. Но альфонсистская партія стала усиливаться въ Испаніи и экс-королева Изабелла сочла минуту благопріятной для своего путешествія въ Римъ. Введенная къ папѣ кардиналомъ Бонапартомъ, она просила св. отца заступиться за ея семью, и, несмотря на свою скупость, которой она стала отличатся въ послѣднее время, вручила папѣ богатые подарки.

Пій IX находился въ большомъ затрудненіи. Онъ только-что благословилъ дѣло дон-Карлоса; онъ употреблялъ всѣ усилія для легитимистской реставраціи во Франціи, Неаполѣ и Моденѣ; онъ желалъ добиться слітія соперничающихъ линій Бурбоновъ; онъ

только-что, принимая супругу дон-Карлоса, принцессу Маргериту, одѣтую въ цвѣта папы, бѣлый и желтый, назвалъ ее „величествомъ“. А тутъ передъ нимъ стоитъ колѣнопреклоненная Изабелла, которую онъ самъ когда-то призналъ законной королевой, которой подарилъ золотую розу; сынъ ея, принцъ Астурійскій, — его крестникъ. Трудно ему было рѣшить: кому онъ отдаетъ предпочтеніе, тѣмъ болѣе, что и та, и другая сторона сулила ему богатые выгоды, если она завладѣетъ престоломъ Филиппа II. По зрѣломъ размысленіи папа нашель, что надо показывать свое расположеніе одинаково обѣимъ сторонамъ и отъ обѣихъ принимать подарки и, конечно, протесты, обвиняющіе противника.

Французскіе легитимисты, въ союзѣ съ орлеанистами версальской палаты, въ то время господствовали во Франціи. Они не испытывали тѣхъ колебаній, которыя ставили въ затрудненіе святѣйшаго отца. Они рѣшительно утверждали, что 1872 годъ ознаменуется побѣдой легитимизма, престолъ французскій займетъ Генрихъ V, а испанскій — Карлосъ VII. Эти оба представителя легитимизма уже обмѣнивались любезными письмами. Генеральъ іезуитовъ Бекъ заявилъ, что дон-Карлосъ пойдетъ въ авангардъ католической арміи и нанесетъ первые удары либерализму и невѣрію. Если его экспедиція не увѣнчается полнымъ успѣхомъ, Генрихъ V, въ это время утвердившійся на тронѣ своихъ предковъ, отправитъ къ нему на помощь армію, подъ начальствомъ новаго герцога Ангулемскаго. Отправляясь въ Испанію, дон-Карлосъ написалъ французскому легитимисту, генералу Кателино, слѣдующее письмо:

„Генеральъ, у насъ общая цѣль. „Богъ, отечество и король“ — таковъ девизъ всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ спасти общество отъ угрожающей ему опасности. Съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ интернаціоналы, мы можемъ сказать: „мы представляемъ право, силу, численность“. Намъ несомнѣнно предстоитъ побѣда. Генеральъ, если Франція не имѣетъ теперь надобности въ шпагѣ Кателино, Испанія сильно нуждается, чтобы она блестяла и сверкала рядомъ съ шпагой Карлоса VII“.

Легитимистская пресса во Франціи ударила въ набать. По ея словамъ, всѣ лучшія французскія фамиліи предложили претенденту свои услуги. Дворянство южной Франціи стало подъ знамена дон-

Карлоса, какъ нѣкогда его предки стекались подъ знамя Симона Монфорта, поднявшаго крестовый походъ противъ альбигойцевъ. Конечно, газеты преувеличивали; немногіе дворяне послѣдовали за дон-Карлосомъ. Вѣрно было только то, что въ Тулузѣ, въ Монпелье, въ По и въ Мон-де-Марсанѣ организовались комитеты, вербующіе желающихъ въ легіонъ, предназначенный для усиленія карлистской арміи; конечно, въ этотъ легіонъ поступали преимущественно люди отпѣтые, которымъ необходимо было поскорѣе удалиться изъ Франціи; легитимистское дворянство давало только деньги. Мэцкія и нансійскія дамы прислали этому легіону 5,000 рубашекъ и приняли на себя сборъ пожертвованій, которыя предназначались для покрытія издержекъ на сформированіе кавалерійскаго эскадрона. Газеты: „Univers“, „Gazette de France“, „Union“ и „Figaro“ открыли публичную подписку въ пользу карлистскаго дѣла. Въ этой подпискѣ рядомъ съ именемъ виконта де-Баранта, официального агента карлизма во Франціи, фигурировали имена: маршалши Мак-Магонъ и герцогини де-Шеврезъ. Вскорѣ герцогъ Ларошфуко-Виззачія отправилъ первое пособіе— миліонъ франковъ, собранныхъ въ пользу карлистскаго дѣла.

Такая помощь, конечно, была не маловажна, но дон-Карлосъ придавалъ гораздо большее значеніе помощи, которую оказывала ему французская администрація. Само французское правительство дѣйствовало нерѣшительно. Тьеръ лично стоялъ за Изабеллу и охотно-бы помогъ сыну Изабеллы, принцу Альфонсу, но ему было много хлопотъ во Франціи съ уплатой пяти миліардовъ нѣмцамъ и съ парижскимъ возстаніемъ. Для него было безразлично, кто одержитъ побѣду: Амедей или Карлосъ, но ихъ борьба увеличивала шансы Альфонса. Когда-же Амедей уступилъ свое мѣсто республиканскому правительству, Тьеръ продолжалъ держаться прежней тактики, не склоняясь ни на ту, ни на другую сторону. Вотъ что говорилъ дон-Карлосъ корреспонденту „New-York Herald“: „Тьеръ прежде всего большой руки интриганъ; онъ ненавидитъ легитимность. Недавно онъ переслалъ въ Мадридъ депешу, съ которой мои друзья сняли копію. Въ ней онъ заявлялъ свое безпредѣльное огорченіе, что не можетъ принять болѣе рѣшительныхъ мѣръ противъ карлистовъ, потому что опасается раздражить фран-

цузскихъ монархистовъ, въ поддержкѣ которыхъ сильно нуждается. Онъ соглашается, чтобы французскій посланникъ въ Мадридъ торжественно заявилъ, что французское правительство враждебно дѣлу карлистовъ. При всемъ томъ, онъ не рѣшается признать испанской республики. Что касается меня, прибавилъ принцъ Карлосъ, — я не страшусь ни интригъ, ни вражды г. Тьера“.

На-сколько, однакожъ, Тьеръ желалъ остаться нейтральнымъ въ борьбѣ, терзающей Испанію, видно изъ того, что онъ оставилъ префектомъ пограничнаго французскаго департамента — Надальяка, чистѣйшаго легитимиста, явно сочувствовавшаго карлистамъ. Надальякъ былъ секретнымъ агентомъ карлистовъ, отъ котораго не скрывалась ни одна тайна. У него передъ глазами собирались карлистскія банды, а онъ показывалъ, что ничего не видитъ, и постоянно доносилъ своему правительству, что все обстоитъ благополучно. Карлистскія дамы кокетничали съ нимъ и называли его „милой Надальякъ“; французскія маркизы дѣлали ему любезные подарки. Подчиненные ему чиновники и полиція явно служили дон-Карлосу. Надальякъ покровительствовалъ газетамъ, сочувствовавшимъ карлистамъ, и преслѣдовалъ газеты республиканскія и конституціонныя. Онъ запретилъ газету „Impartial“, которая осмѣливалась иногда писать правду. Французы, поселившіеся въ Испанію отъ Пиренеевъ до Барселоны, были большею частію либералы; ихъ грабили и разстрѣливали карлисты, а Надальякъ твердилъ: „Такъ имъ и слѣдуетъ“.

Дѣйствуя въ интересахъ карлистовъ, Надальякъ представилъ правительству о необходимости продать старое оружіе, негодное къ употребленію и хранящееся въ Байонѣ. Получивъ просимое разрѣшеніе, Надальякъ продалъ съ публичнаго торга старыя пушки, которыя, конечно, не стоили пушекъ Круппа, но служить еще могли, множество сабель, ружей и патроновъ. Все это было куплено карлистскими агентами и доставлено на театръ военныхъ дѣйствій. Имъ-же Надальякъ продалъ форменную одежду, заготовленную въ 1870—71 годахъ для мобилей и еще не выслужившую срокъ. Банда патера Санта-Круца, получившая печальную извѣстность за ея возмутительныя жестокости, возбуждвшія негодованіе всей Европы, совершала свои омерзительныя подвиги

въ форменной одеждѣ французскихъ солдатъ. Безъ сомнѣнія, для соблюденія приличій, Надальякъ иногда доносилъ министру о томъ, что онъ обезоружилъ отрядъ варлистовъ, перешедшій границу, и складывалъ нѣсколько десятковъ нигуда негодныхъ ружей въ байонскій арсеналь. Въ то-же время въ Байонѣ и Перпиньякѣ явно формировались карлистскія банды. Помощь Надальяка была драгоцѣнна для карлистовъ. Тѣснимые войсками Амедея или республики, они спокойно переходили французскую границу, отдыхали и оправлялись на сѣверныхъ французскихъ склонахъ Пирепеевъ и затѣмъ снова переходили на южные склоны и опять принимали участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Во время своего отдыха въ предѣлахъ Франціи они запасались виномъ и провизіей. Байона, Віарицъ и Сен-Жанъ-Люцъ служили постояннымъ убѣжищемъ для карлистовъ низшихъ чиновъ; высшіе-же чины и знать предпочитали По, гдѣ жилъ самъ префектъ, гдѣ поселился дон-Карлосъ послѣ своего постыднаго бѣгства съ поля сраженія при Орокіетѣ. Дон-Карлосъ избралъ По своей временной резиденціей потому, что тамъ жилось очень весело, такъ-какъ туда стекалось много богатыхъ иностранцевъ, въ особенности англичанъ. Говорятъ, что одинъ разъ въ Байонѣ собралось до 300 чловѣкъ, одѣтыхъ въ черную сутану и широкополую базильянскую шляпу,—въ одежду, присвоенную испанскимъ патерамъ. Карлисты толпами переходили французскую границу подъ носомъ французскихъ жандармовъ, но тѣ показывали видъ, что не видятъ ихъ.

Правительство Амедея безпрестанно жаловалось французскому правительству на враждебныя въ отношеніи его дѣйствія французскихъ чиповниковъ. Тьеръ отписывался, но, наконецъ, нашелся вынужденнымъ подписать приказъ объ удаленіи дон-Карлоса изъ Франціи. Надальякъ почтительнѣйше доложилъ объ этомъ приказѣ дон-Карлосу, сдѣлалъ въ честь его балъ и предложилъ въ его распоряженіе свой экипажъ до желѣзной дороги. Дон-Карлосъ оставилъ По.

IV.

15 іюля 1873 года дон-Карлосъ, несмотря на бдительный надзоръ страшнаго Надальяка, переѣхалъ французскую границу

и снова присоединился къ карлистскимъ бандамъ, о чемъ объявилъ пышной прокламаціей, въ которой въ сотый разъ твердилъ, что будетъ сражаться за религію и консервативные принципы. После своего постыднаго бѣгства въ сраженіи при Орокіетѣ, онъ не хотѣлъ брать на себя роли главнокомандующаго и благоразумно находился внѣ опасности для сохраненія своей драгоцѣнной жизни, необходимой для счастья его будущихъ подданныхъ. Однакожь, волонтеры, сражавшіеся за его дѣло, и за 3 франка въ день содержанія подставлявшіе свои головы подъ непріятельскія пули, роптали, что ихъ предводитель живетъ за-границей, ведя комфортабельную жизнь и нисколько не заботясь о томъ, что его защитники испытываютъ массу неудобствъ. Вскорѣ начался раздоръ между начальниками, грозившій совершенно разстроить карлистское дѣло. Руководители карлистскимъ возстаніемъ посовѣтовали дон-Карлосу какъ можно скорѣе пріѣхать на арену дѣйствій, тѣмъ болѣе, что въ Испаніи произошли событія, которыя могли послужить на пользу карлизму. Амедей отрекся отъ престола, въ Испаніи водворилась республика; президентство, переходившее изъ рукъ въ руки, наконецъ, досталось Кастеляру. Дон-Карлосъ, видя, что отгѣбываться уже невозможно, поспѣшилъ въ Испанію.

Кастеляръ относился къ карлистскому возстанію такъ-же, какъ и Серрано. Сказавъ себѣ, что дон-Карлосъ никогда не можетъ достигнуть своей конечной цѣли, т. е. престола Испаніи, Кастеляръ успокоился на этомъ. Его предположеніе, можетъ быть, было и вѣрно, но развѣ это давало ему право сложить руки, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ не видѣть, какъ съ каждымъ днемъ росла сила и значеніе дон-Карлоса? Всю силу своего таланта, дѣйствительно замѣчательнаго, Кастеляръ обратилъ противъ враждебнаго ему отдѣла республиканской партіи—федералистовъ, къ которому онъ самъ нѣкогда принадлежалъ.

Ни въ одной, можетъ быть, странѣ въ Европѣ федерализмъ не имѣлъ такой подготовленной почвы, какъ въ Испаніи, гдѣ отдѣльныя провинціи на-столько различаются одна отъ другой

языкомъ и обычаями, что ихъ можно счесть населенными различными народностями. Если-бъ баски не желали во что-бы то ни стало удержать автономію своей родины, дон-Карлосъ никогда-бы не нашель серьезной поддержки въ Испаніи. Такого убѣжденія держались республиканцы-федералисты, избравшіе своей главной квартирой городъ Картагену. Они требовали, чтобы фуэросы, которыми пользовались уже сѣверныя провинціи, были распространены и на южныя. Они требовали не болѣе того, что требоваль дон-Карлосъ, который, собравъ на обширномъ полѣ, подъ священнымъ дубомъ въ Герникѣ, старшинъ баскскихъ деревень, мѣстечекъ и городовъ, по старинному обычаю, причастившись, далъ клятву соблюдать и защищать „священные фуэросы“. Баскскіе фуэросы имѣютъ весьма опредѣленные права, нисколько непохожія на эластичныя права, какими награждаютъ народы либеральныя конституціи. Баски не платятъ никакихъ косвенныхъ налоговъ и освобождены отъ конскрипціи; они охотно давали центральному правительству, съ которымъ жили въ дружбѣ, военныя силы, но дѣлали это по собственной волѣ, безъ всякаго внѣшняго принужденія; баскская милиція всегда была лучшимъ войскомъ въ испанскихъ арміяхъ. Администрація этихъ провинцій состоитъ изъ совѣта, члены котораго избираются всеобщимъ голосованіемъ, и сами, въ свою очередь, избираютъ исполнительную власть въ лицѣ „генеральнаго депутата“, исполняющаго обязанности губернатора провинціи. Такой административный механизмъ дѣйствуетъ превосходно и стоитъ дешево; онъ самое древнее учрежденіе въ Испаніи. Только три провинціи въ Испаніи пользуются фуэросами въ полной силѣ: Бискайя, Гвипускоя и Алава; четвертая, Навара, пользуется ими съ нѣкоторыми ограниченіями. Провинціи, пользующіяся фуэросами, въ сравненіи съ другими провинціями Испаніи, процвѣтаютъ; онѣ ведутъ обширную, выгодную торговлю, земледѣліе находится въ самомъ блестящемъ положеніи; бѣдность здѣсь не поражаетъ глазъ; дворянскіе роды играютъ роль древнихъ патріарховъ общинъ и связь ихъ съ поселянами самая тѣсная, отношенія дружественныя. Вотъ почему баски такъ горячо отстаиваютъ этотъ въ сущности патріархальный порядокъ и всегда будутъ готовы защищать дѣло каждаго претендента, который заявитъ свою го-

товность поддерживать ихъ привилегіи, такъ-какъ испанское правительство съ давнихъ поръ стремится лишить басковъ ихъ провинціальной автономіи.

Баски, признавъ дон-Карлоса своимъ королемъ, посмотрѣли на его присягу фуэросамъ очень серьезно, а не какъ на простую формальность. Черезъ три мѣсяца по возвращеніи къ своему вѣрному народу, Карль VII находился на верху своего могущества. Это время совпадало съ открытіемъ собранія мѣстной юнты провинціи Алава. Король счелъ себя вправѣ отправить въ качествѣ своего представителя при юнтѣ дона Франческо де-Паоло Риваса. Это распоряженіе короля было встрѣчено съ неудовольствіемъ, на него посмотрѣли, какъ на оскорбленіе, нарушеніе старинныхъ фуэросовъ. Провинціальное собраніе отказалось допустить въ свои засѣданія королевскаго посла; оно заявило, что фуэросы не даютъ права присутствовать даже самому королю, а не только его уполномоченному. Свой протестъ собраніе изложило въ манифестѣ, обращенномъ ко всему народонаселенію провинціи: „Запрещается жителямъ провинціи признавать какую-бы то ни было власть, принимать должность даже отъ самого короля, если это признаніе или принятіе не согласуется съ фуэросами нашей провинціи“.

Карль VII безъ возраженій подчинился этому протесту, о чемъ и поспѣшилъ заявить во всеобщее свѣденіе.

Бастелярь, задавшійся централистскими стремленіями, признавалъ фуэросы вторженіемъ въ авторитетъ государства, и въ силу этого, несмотря на свой республиканскій радикализмъ, обратился противъ республиканцевъ-федералистовъ. Задавшійся мыслью поразить въ корнѣ федерализмъ, онъ просмотрѣлъ, что, благодаря сосредоточенію значительныхъ военныхъ силъ противъ Картагены, карлизмъ на-столько усилился, что Карлосъ имѣлъ право рассчитывать на взятіе Мадрида и на свое провозглашеніе королемъ испанскимъ.

Серрано, сдѣлавшись президентомъ республики, продолжалъ свою прежнюю политику въ отношеніи карлистовъ. Онъ уже всту-

пилъ въ сношеніи съ экс-королевой Изабеллой и ея сыномъ, считывая болѣе выиграть при реставраціи альфонсисктской монархіи, чѣмъ при республикѣ, имъ управляемой. Война противъ карлистовъ велась вяло, издавались ложные бюлетени объ одержанныхъ будто-бы побѣдахъ, а карлисты постоянно двигались впередъ. Эта вѣчная ложь, эти коварныя колебанія правительства возбудили всеобщее неудовольствіе въ странѣ. Въ это время значительно увеличилась эмиграція изъ Испаніи, преимущественно въ южную Америку. Молодежь бѣжала отъ рекрутчины, которая стала для страны непосильнымъ налогомъ. Многіе изъ либераловъ, въ досадѣ на правительство, перешли на сторону карлистовъ, гдѣ ихъ, разумѣется, приняли съ распростертыми объятіями. Если-бы дон-Карлосъ безпрестанно не напоминалъ, что онъ намѣренъ возстановить средневѣковыя учрежденія и инквизицію, если-бъ онъ не былъ окруженъ непримиримыми клерикалами, то всѣ недовольные правительствомъ Кастелъяра и Серрано — т. е. большинство испанцевъ, — всѣ недовольные невѣжествомъ и безтактностью генераловъ, командующихъ правительственными войсками, — всѣ недовольные открыли-бы свои объятія дон-Карлосу и онъ-бы достигъ испанскаго трона. Но дон-Карлосъ лишень былъ здраваго смысла; онъ не понималъ выгодъ своего положенія; онъ упрямо держался за іезуитовъ, сентиментально мечталъ о возстановленіи того, что было похоронено на-вѣки. Испанія болѣе всего желала мира и успокоенія; она готова была многимъ пожертвовать въ пользу того, кто могъ-бы обезпечить ей хотя временное отдохновеніе, разумѣется, подъ условіемъ, чтобы жертвы эти не переходили предѣла возможности, а дон-Карлосъ требовалъ невозможнаго. Если-бъ Карлосъ послушалъ совѣта Кабреры (сподвижника его дяди въ первой карлистской войнѣ) и сдѣлалъ необходимыя уступки, онъ могъ-бы рассчитывать на-полную побѣду, — такъ надоѣли испанцамъ интриги монпансьеристовъ и изабелистовъ и непростительныя ошибки правительства Серрано. Кабрера, — котораго называли нѣкогда тигромъ Маэстраго и который заслужилъ это прозвище, — Кабрера, смягченный сырыми лондонскими туманами, ставшій почти либераломъ подъ влияніемъ своей жены-протестантки, совѣтовалъ дон-Карлосу объявить себя королемъ конституціоннымъ, мудро-прогре-

сивнымъ. Дон-Карлосъ отвѣчалъ на этотъ совѣтъ провозглашеніемъ Кабреры измѣнникомъ. Позже, когда вожаки карлизма убѣдились, что его невозможно распространить за горами, они просили Кабреру принять руководство дѣлами партіи; Кабрера соглашался, но подъ условіемъ принятія его программы, не клерикальной, но дон-Карлосъ, ничего непонимавшій внѣ клерикализма, снова оттолкнулъ отъ себя дѣйствительное средство для одержанія окончательной побѣды.

Уже цѣлый годъ карлисты осаждали Бильбао. Населеніе этого города сопротивлялось имъ съ изумительными мужествомъ и настойчивостію, но, наконецъ, всѣ съѣстные припасы истощились и оно доведено было до послѣдней крайности. Дон-Карлосъ, предполагавшій, что побѣда достанется ему легко, сперва самъ руководилъ осадой. Но такъ-какъ при осадахъ случайности неизбѣжны и ядро и пуля могутъ попасть въ такое мѣсто, гдѣ ихъ никакъ не ожидаютъ, то приближенные дон-Карлоса убѣдили его, что ему лучше оставить этотъ опасный пунктъ; что, наконецъ, его настоящее мѣсто въ центрѣ расположенія карлистской арміи, въ Дуранго. Нечего и говорить, что дон-Карлосъ принялъ этотъ совѣтъ, вполне солидарный съ его собственными желаніями.

Либералы должны были спасти Бильбао во что-бы то ни стало; этого требовалъ общественный приговоръ всей страны. Можно было опасаться, что правительство, отдавшее Бильбао карлистамъ, не просуществуетъ болѣе двухъ недѣль послѣ паденія этого геройскаго города. Въ виду этого Серрано рѣшился предпринять диверсію для освобожденія Бильбао; главнокомандующимъ сѣверной арміи былъ назначенъ маршалъ Конха, ревностный изабелистъ, разбившій Кабреру въ первую карлистскую войну.

Серрано и Конха заставили карлистовъ снять блокаду съ Бильбао, что не потребовало отъ нихъ большихъ усилій. Удовольствовавшись этимъ легкимъ успѣхомъ, Серрано уѣхалъ въ Мадридъ. Но страна требовала большаго: она желала, чтобы покончили съ карлистскимъ возстаніемъ. Конха держался того-же мнѣнія, жала

осуществить затѣянный имъ планъ государственнаго переворота: одержавъ рѣшительную побѣду надъ карлистами, онъ хотѣлъ на полѣ сраженія объявить королемъ Альфонса XII, а на время его несовершеннолѣтія—регентшей экс-королеву Изабеллу. Старый маршалъ дѣйствовалъ энергически, неутомимо; рядомъ непрерывныхъ стычекъ онъ такъ стѣснилъ карлистовъ, что оставалось только нанести имъ послѣдній рѣшительный ударъ. Этотъ ударъ уже почти былъ нанесенъ, правительственныя войска одержали было рѣшительную побѣду при Монте-Муросѣ, какъ вдругъ пуля сразила маршала Конху. Одержанная побѣда для правительственныхъ войскъ превратилась въ пораженіе и они отступили въ безпорядкѣ. Либераламъ затѣмъ потребовалось двадцать мѣсяцевъ, чтобы вернуть то, что они потеряли въ это несчастное для нихъ сраженіе.

Шесть мѣсяцевъ спустя Ховелярь и Мартинецъ Кампосъ провозгласили королемъ Альфонса XII. Обмѣнованнымъ въ Испаніи пронунаціаменто они достигли того, чего Конха надѣялся достигнуть только послѣ рѣшительной побѣды надъ карлистами.

V.

Послѣ печальнаго исхода сраженія при Монте-Муросѣ, Серрано, вмѣсто того, чтобы послать подкрѣпленіе сѣверной арміи и снова начать наступательныя дѣйствія противъ карлистовъ,—Серрано принялся за любезныя ему интриги. Онъ вздумалъ купить карлистскихъ генераловъ. Такъ онъ предложилъ генералу Радѣ миліонъ реаловъ (62,500 руб.). Потерпѣвъ здѣсь неудачу, онъ, при содѣйствіи одного французскаго легитимиста, предложилъ самому дон-Карлосу слѣдующія основанія для договора: „Признаніе всѣхъ титуловъ, дарованныхъ фамиліи претендента со времени смерти Фердинанда VII. Возвращеніе ему всѣхъ конфискованныхъ имѣній.“

„Я дамъ отвѣтъ въ Мадридѣ, въ моемъ дворцѣ, отвѣчала дон-Карлосъ съ достоинствомъ,—на просьбу генерала Серрано, послѣ того, какъ она будетъ разсмотрѣна установленнымъ порядкомъ“.

Казалось-бы, послѣ такого категорическаго отвѣта Серрано оставалось только отказаться отъ всякой попытки къ соглашенію съ дон-Карлосомъ. Изящный генералъ думалъ, однакожь, иначе: онъ затѣялъ слѣдующій чудовищный планъ: для управленія Испаніей составить тріумвиратъ изъ Серрано, какъ представителя республики, Павіи или Ховеяра, какъ представителя сына Изабеллы и конституціонной монархіи, и дон-Карлоса, какъ представителя клерикальнаго абсолютизма.

Конечно, и это предложеніе было отвергнуто дон-Карлосомъ. Но Серрано, по словамъ „Examiner'a“, не унялся. Онъ выступилъ съ новымъ предложеніемъ: „онъ, Серрано, откажется отъ политической дѣятельности послѣ того, какъ его дочь Конхита будетъ обвинена съ юнымъ Альфонсомъ, сыномъ Изабеллы. Дон-Карлосъ будетъ объявленъ регентомъ королевства до совершеннолѣтія Альфонса. Но предъ наступленіемъ этого совершеннолѣтія страна будетъ спрощена, посредствомъ плебисцита, кого она желаетъ имѣть своимъ королемъ: Альфонса XII или Карла VII...“

Претендентъ, ознакомившись съ этимъ предложеніемъ, только пожалъ плечами.

Трудно сказать, на-сколько справедливы слухи объ этихъ предложеніяхъ, такъ-какъ подобныя переговоры ведутся очень секретно. Очень вѣроятно, что самый текстъ предложеній, передаваемый изустно, значительно измѣненъ. Во всякомъ-случаѣ, положительно извѣстно, что Серрано вступалъ въ переговоры съ дон-Карлосомъ и дѣлалъ ему нѣсколько предложеній. Можно только спросить, что-бы случилось, если-бъ дон-Карлосъ принялъ которое-нибудь изъ этихъ предложеній и пріѣхалъ въ Мадридъ?

Но дон-Карлосъ вовсе не былъ расположенъ на какіе-нибудь полчаса пользоваться властію, притомъ раздѣляя ее съ герцогомъ де-ла-Торре. Послѣ паденія Тьера, когда власть попала въ руки клерикаловъ и можно было рассчитывать на восстановленіе во Франціи монархіи, дон-Карлосъ, претендентъ на испанскій тронъ, заявилъ свои притязанія и на тронъ французскій.

Разсматривая генеалогическое дерево дома Бурбоновъ, мы увидимъ, что дон-Карлосъ, такъ-же какъ графъ Шамборъ, происходитъ отъ дофина, сына Людовика XIV; онъ кузенъ графа Шамбора въ 13-й степени. Между принцами Бурбонскаго дома находится не мало лицъ, съ точки зрѣнія легитимности имѣющихъ несравненно болѣе правъ на французскій престоль, чѣмъ графъ Парижскій. Дон-Карлосъ принадлежитъ къ числу этихъ принцевъ, но находится въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ они, такъ-какъ можетъ заявлять притязаніе на двѣ короны: испанскую и французскую; въ случаѣ удачи онъ можетъ надѣтъ обѣ короны и тогда вправѣ будетъ сказать: „нѣтъ болѣе Пиренеевъ“. Всѣ эти соображенія представились семейному совѣту, состоящему изъ графа Бари (брата экс-короля неаполитанскаго), герцога Пармскаго и графа Казерты. Обсудивъ дѣло со всѣхъ сторонъ, совѣтъ рѣшилъ, что изъ всѣхъ принцевъ четырехъ вѣтвей Бурбонскаго дома дон-Карлосъ имѣетъ самыя неоспоримыя права на французскій престоль. Графъ Шамборъ, глава *французскаго дома*, въ то время сердитый на Орлеанскихъ принцевъ, не протестовалъ противъ этого рѣшенія. По словамъ графа Бари, онъ, напротивъ, желаетъ всякихъ благъ своему кузену, такъ-какъ его восшествіе на французскій престоль будетъ торжествомъ легитимизма. Такъ-ли или иначе думалъ графъ Шамборъ, но только дон-Карлосъ серьезно принялъ рѣшеніе семейнаго совѣта.

Дон-Карлосъ, государь четверти съ половиною Испаніи (подобно венеціанцамъ, которые послѣ взятія Константинополя прибавили къ своему титулу: государь четверти съ половиной восточной имперіи), посылалъ отъ своего имени циркуляры французскому и англійскому консуламъ. Онъ отправилъ въ Лондонъ маркиза Софрагу и полковника Рондо съ чрезвычайными полномочіями. Онъ даже акредитовалъ при сент-джемскомъ дворѣ военнаго уполномоченнаго генерала Говиленда и дипломатическаго — лорда Вомона. Дон-Карлосъ официально заявилъ лондонскому учетному банку, что признаетъ только тѣ долги, которые заключены со времени его вступленія въ Испанію. Дон-Карлосъ объявилъ находящимися внѣ закона всѣхъ депутатовъ мадридскихъ кортесовъ и приказалъ ихъ разстрѣлять, какъ виновныхъ въ возмущеніи противъ законнаго

правительства. Дон-Карлосъ имѣлъ настоящее министерство и настоящихъ министровъ съ сафьянными портфелями различныхъ цвѣтовъ. Дон-Карлосъ раздавалъ мѣста, жаловалъ орденомъ св. Фердинанда и туземцевъ, и иностранцевъ. Дон-Карлосъ награждалъ своихъ соратниковъ графскими титулами. Отличившихся при разрушеніяхъ желѣзныхъ дорогъ и при взорваніяхъ мостовъ онъ назначалъ почтовыми и телеграфными чиновниками. Патеры, получившіе должности нотаріусовъ, получили приказаніе непременно уничтожать книги, въ которыхъ записывались гражданскіе браки. Карлистскіе предводители объявили, что они будутъ разстрѣлывать всѣхъ нечестивцевъ, которые заключили гражданскій бракъ. Въ число такихъ нечестивцевъ не входили пары, сожительствующія внѣ брака. Министромъ вѣроисповѣданій и духовникомъ дон-Карлоса былъ епископъ ургельскій, оставившій свою епархію потому, что его подвергли судебному преслѣдованію за преднамѣренное убійство. Въ погребахъ епископскаго дворца въ Ургелѣ былъ найденъ изуродованный трупъ священника. Спрошенный по этому поводу судебнымъ слѣдователемъ, епископъ отозвался невѣденіемъ, и чтобы избѣжать дальнѣйшихъ нескромныхъ вопросовъ, удалился къ „закононому королю“, который назначилъ его „главнымъ духовникомъ арміи вѣры“. Достопочтенный епископъ всегда слѣдовалъ за карлистской арміей, вооруженный съ ногъ до головы; очень часто онъ исповѣдывалъ плѣнныхъ, которыхъ рѣшено было разстрѣлать.

Самъ дон-Карлосъ, окруженный почетной гвардіей, составленной изъ дворянъ, всегда находился въ авангардѣ духовныхъ процессій и въ арьергардѣ сражавшихся. Въ Бергарѣ, въ праздникъ св. Дѣвы, дон-Карлосъ явился въ процессіи въ театральномъ костюмѣ, привлечшемъ на него особенное вниманіе дамъ: красный беретъ, обшитый золотымъ галуномъ, черный долманъ, сапоги лакированные съ отворотами, шелковые панталоны въ обтяжку, обрисовывавшіе его красивыя икры; покрой платья совершенно такой, какой носили Пизаро и „conquistadores“. Дон-Карлосъ приказалъ вышить на знаменахъ съ одной стороны свой портретъ, а съ другой образъ кармельской Богоматери. Онъ обѣщалъ папѣ положить первый камень въ основаніе церкви во

имя „Сердца Іисусова“ въ тотъ самый день, когда его знамя будетъ водружено на стѣнахъ Мадрида. Онъ отдалъ приказъ, чтобы мэры наказывали розгами какъ тѣхъ, кто виновенъ въ кощунствѣ, такъ и тѣхъ, кто работаетъ въ праздничный день. Онъ издалъ постановленіе, что профессоръ и учитель можетъ быть утвержденъ въ должности только послѣ торжественной клятвы, что онъ будетъ защищать догматы: непорочнаго зачатія и папской непогрѣшимости; и что онъ признаетъ „энциклику“ и „силлабусъ“, и, слѣдовательно, осуждаетъ всё вообще заблужденія нашей эпохи, а въ особенности „либерализмъ“.

„Въ нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ, читаемъ мы въ сан-себастьянской газетѣ „Diario“ отъ 16 сентября 1873 года, — возстановлена инквизиція со всѣми ея церемоніями, костюмами и вообще атрибутами, присвоенными ей въ средніе вѣка.

„Каждое утро отцы-инквизиторы проходятъ по всѣмъ улицамъ съ пѣніемъ псалмовъ и заставляютъ всѣхъ встрѣчныхъ, мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, сопровождать ихъ въ церковь, гдѣ они служатъ обѣдню и говорятъ проповѣдь.

„Вечеромъ, по закатѣ солнца, отцы-инквизиторы обходятъ патрулемъ по всѣмъ улицамъ, заставляютъ запирать общественныя заведенія и приказываютъ всѣмъ встрѣчнымъ немедленно отправляться домой.

„Публичные балы запрещены, какъ еретическіе, театры закрыты, какъ учрежденія безнравственныя. Дозволены только: игра въ мячъ, въ будніе дни, отъ полдня до двухъ часовъ, и пѣніе нравственныхъ пѣсень въ дни праздничныя.

„Инквизиціонный трибуналъ имѣетъ уже въ своей власти 85 арестантовъ, обвиняемыхъ: въ ереси, въ непочтительности къ богослужебнымъ обрядамъ, въ либерализмѣ и, наконецъ, въ томъ, что у нихъ нашли нечестивыя книги.

„До сихъ поръ еще не было ни одного ауто-да-фе, но инквизиціонный трибуналъ настаиваетъ на возстановленіи этого возмутительнаго зрѣлища. Кто знаетъ, можетъ быть, желаніе его осуществится. Быль-же устроенъ ауто-да-фе при Фердинандѣ VII, въ Каленсѣ, въ 1826 году. Да, въ 1826 году!“

Что касается обыденной жизни дон-Карлоса, онъ не могъ жаловаться на скуку. Въ Дуранго дон-Карлосъ организовалъ небольшой дворъ, нелишенный извѣстнаго блеска. Правда, не все то золото, что блеститъ; но въ военное время нельзя требовать многого и приходится сообразоваться съ обстоятельствами. Гофмаршалемъ двора и командиромъ королевской гвардіи алебардщиковъ былъ маркизъ Вальдеспина, понимавшій всѣ тонкости придворнаго этикета. Около 150 молодыхъ людей, большею частію юныхъ французовъ, составляли дворъ короля и, что самое главное, въ числѣ ихъ было 18 испанскихъ грандовъ. Кромѣ французовъ, были и другіе иностранцы: итальянцы, русскіе, валахи и даже одинъ турокъ. И король, и гофмаршалъ пытались подчинить этихъ господъ какой-нибудь, хотя-бы наружной дисциплинѣ, но ничего не могли подѣлать: всѣ они желали командовать, но никто не хотѣлъ подчиняться.

При дворѣ въ Дуранго забавлялись очень много. Примѣръ подавалъ самъ король. Атлетическаго тѣлосложенія, съ грубыми привычками, дон-Карлосъ, конечно, не могъ измышлять изящныхъ забавъ. Большинство его двора раздѣляло вкусы своего повелителя. За кутежами слѣдовала исповѣдь у епископа ургельскаго; за исповѣдью— снова кутежъ. Такъ проходили день за днемъ.

Представительницей женскаго элемента официально считалась донна Маргерита, супруга претендента. Но она не чувствовала особеннаго расположенія къ жизни при дворѣ въ Дуранго; она предпочитала блестящія собранія въ Бордо, По и Біарицѣ, гдѣ ей рсточало лестъ юное французское дворянство. Душой всѣхъ забавъ въ Дуранго была донна Біанка, дочь дон-Мигуэля, португальскаго дон Карлоса, бывшая замужемъ за Альфонсомъ д'Эсте, братомъ дон-Карлоса. Она давала тонъ 150 женщинамъ и дѣвкамъ, забавлявшимся при дурангскомъ дворѣ. Эта маленькая, хорошенькая, кокетливая женщина вертѣла всѣми по своему желанію. Во время кампаніи ея мужа въ Каталоніи она не разставалась съ нимъ ни на минуту. Она такъ привыкла къ ружейнымъ выстрѣламъ, что скучала, когда не слышала этой музыки. Она великолѣпно ѣздитъ на лошади и питаетъ пристрастіе къ бѣлой масти. Во время войны она одѣвалась въ гусарскій костюмъ: мен-

тивъ голубой, вышитый серебромъ; доломанъ бѣлый, вышитый золотомъ. Когда она скакала рядомъ съ мужемъ, взоры всѣхъ невольно обращались на нее. Жители Каталоніи всегда толпились на ея пути и лѣзли впередъ, чтобы разсмотрѣть ее хорошенько; въ такихъ случаяхъ сопровождавшій ее патеръ безцеремонно раздавалъ направо и налево удары нагайкой и расчищалъ ей путь.

Альфонсъ одержалъ нѣсколько побѣдъ въ Каталоніи. Когда-же онъ терялъ сраженіе, то вину пораженія всегда слагалъ на своихъ помощниковъ: Гюге и Мире; послѣдній, очень юный, получилъ командованіе по настоянію донны Біанки, выказывавшей ему особое расположеніе. Подъ начальствомъ Альфонса находилось еще три предводителя: Сабальсъ, папскій зуавъ, Капельсъ и Рафаэль Тристани, своей жестокостью заслужившіе самую печальную извѣстность въ странѣ, гдѣ почти привыкли къ ужасамъ и безобразіямъ гражданской войны.

Въ исторіи карлистской войны кровавыми пятнами выступаютъ подвиги дон-Альфонса и его супруги донны Біанки. Многими жестокостями омрачена эта война, но ужасы, совершенные въ Бергѣ, Куэнцѣ, Санагуэлѣ и Иньяладѣ оставляютъ далеко за собой дѣйствія самыхъ неукротимыхъ изъ соратниковъ дон-Карлоса.

Альфонсъ и Сабальсъ съ 1,500 пѣхотинцевъ, 200 кавалеристовъ и 4-мя орудіями артилеріи атаковали Иньяладу, защищаемую 300 солдатами и 500 волонтерами безъ артилеріи. Въ ночь на 17 іюля 1873 года карлисты проникли въ одни ворота и захватили нѣсколько домовъ. На другой день утромъ къ нимъ пришло подкрѣпленіе въ 2,000 человекъ; они произвели новую атаку, овладѣли барикадами, за которыми сражались защитники города, и, наконецъ, взяли городъ. Альфонсъ и донна Біанка приказали немедленно при себѣ разстрѣлять всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ; они оказали имъ одну милость—позволили пропѣть Requiem по ихъ душамъ. Затѣмъ сол-

даты разсыпались по домамъ; начался всеобщій грабежъ и избіеніе жителей; никому не было дано пощады: убивали стариковъ, женщинъ и дѣтей. Кофейни, атеней, фабрика, казарма, церковь и много домовъ были сожжены; несчастныхъ, бросавшихся изъ оконъ, въ надеждѣ спастись бѣгствомъ, карлисты подхватывали на штыки.

Самымъ смѣлымъ подвигомъ дон-Альфонса считается нападеніе на Куэнцу, городъ, лежащій всего въ 120 верстахъ отъ Мадрида. На городъ было произведено мечаянное нападеніе и онъ былъ до-чиста ограбленъ. Поджогъ, грабежъ, убійство и даже насилуваніе происходили среди бѣлаго дня на улицахъ, на площадяхъ. Болѣе ста человекъ было убито только подъ тѣмъ предлогомъ, что они принадлежали къ либеральной партіи. Самъ мѣстный епископъ умолялъ донну Біанку пощадить нѣкоторыхъ волонтеровъ, которыхъ разстрѣливали въ ея глазахъ.

— Попридержи свой языкъ! закричала донна Біанка, — не то и тебѣ будетъ то-же самое.

Ея мужъ, можетъ быть, желая спасти старика отъ ярости своихъ расходившихся солдатъ, заперъ епископа въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ безъ пищи до ухода войскъ Альфонса, уведшихъ съ собой 700 плѣнниковъ, которыхъ ихъ родственники должны были выкупить, внося значительную сумму денегъ. При такомъ способѣ веденія войны Альфонсу приходилось не тратить, а приобретать деньги. Разъ онъ задумалъ пробраться въ Гранжу, гдѣ въ то время жила дочь Серрано и нѣсколько дамъ и дѣвицъ высшей мадридской аристократіи, но экспедиція не удалась. Въ случаѣ ея успѣха, дон-Альфонсъ могъ рассчитывать на богатѣйшій выкупъ.

Самымъ возмутительнымъ изъ всѣхъ кровавыхъ дѣяній дон-Альфонса и донны Біанки было, конечно, убійство плѣнныхъ въ Бергѣ. Этотъ несчастный городъ предавъ карлистамъ измѣной. Командиръ войскъ, защищавшихъ его, нѣчто вродѣ маленькаго Вазена, вступилъ въ тайные переговоры съ дон-Альфонсомъ и выдалъ ему своихъ солдатъ головой. Правительственные войска сначала храбро сопротивлялись, но, преданные, они принуждены были капитулировать подъ условіемъ сохраненія имъ жизни. Городъ былъ разграбленъ, а несчастныхъ плѣнниковъ, подъ адскими предлогами,

что они, связанные, не могли идти такъ скоро, какъ карлисты, дон-Альфонсъ и донна Біанка приказали избить прикладами и проколоть штыками. Двадцать минутъ продолжалась омерзительная бойня; раненыхъ, но оставшихся еще въ живыхъ, доканчивали, всаживая имъ пулю въ ухо.

Когда въ Европѣ узнали объ этой возмутительной бойнѣ, имена дон-Альфонса и его супруги стали произноситься не иначе, какъ съ прибавленіемъ словъ: „палачъ“ и „убійца“.

Германская имперія объявила дон-Альфонса и его жену причастными къ убійству прусскихъ подданныхъ. Когда эта чета проѣзжала черезъ Граць, населеніе этого города встрѣтило ее свистками и ругательствами. Принцъ и его жена поспѣшили поскорѣе убраться изъ города, гдѣ ихъ встрѣчали такъ негостепримно.

Мы могли-бы дать описаніе еще нѣсколькихъ подвиговъ дон-Альфонса и донны Біанки, но и приведенныхъ фактовъ достаточно для охарактеризованія этой достойной пары, какъ-бы перенесенной въ XIX вѣкъ изъ глухого мрака среднихъ вѣковъ. Оставимъ ее и обратимся къ патеру Санта-Круцу, о которомъ уже составилось нѣсколько легендъ. Одно время Санта-Круцъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ между карлистами; его имя прославлялось въ Парижѣ, въ Сен-жерменскомъ предмѣстьѣ; его выставляли образцомъ набожности, безукоризненнымъ рыцаремъ законности, лучшимъ украшеніемъ партіи дон-Карлоса. Въ жестокости онъ уступалъ развѣ только дон-Альфонсу и доннѣ Біанкѣ, грабилъ дилижансы, поджигалъ деревни, разстрѣливалъ женщинъ. Наконецъ, онъ перешелъ всякую мѣру. Маркизь Вальдеспина призвалъ его къ себѣ, приставилъ револьверъ къ его лбу, но помиловалъ, подъ условіемъ, что бы онъ отправился въ Римъ и вымолилъ себѣ прощеніе у отца-папы. Гофмаршалъ обвинялъ неукротимаго патера въ разбояхъ и грабежѣ на дорогахъ. Скучно излагать эту массу обвиненій; разсказъ о подвигахъ Санта-Круца могъ-бы занять нѣсколько страницъ. Но довольно объ этихъ безобразіяхъ; обратимся къ описанію событій, окончившихъ карлистскую войну въ Испаніи.

VI.

Паденіе Тьера и установленіе во Франціи „правительства борьбы“ не только не привело къ благоприятнымъ послѣдствіямъ для карлизма, напротивъ, стало для него пагубнымъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ знаменитаго 24 (12) мая версальское правительство начало въ Испаніи игру, которую вело удачно во Франціи: оно стало показывать карлистамъ свое расположеніе, а подъ рукою помогало интригамъ партіи альфонсистовъ. Надальякъ остался на своемъ мѣстѣ, но ему было предписано помогать Карлосу настолько, насколько эта помощь будетъ содѣйствовать интересамъ экс-королевы Изабеллы и ея сына Альфонса.

Въ моментъ разгара этой интриги карлисты разстрѣляли двухъ нѣмцевъ. Князь Бисмаркъ рѣшился дать почувствовать дон-Карлосу всю силу своего гнѣва. Но сдѣлать это было не легко. Какъ проникнуть побѣдоносной прусской арміи въ пиренейскія горы? Бисмаркъ попытался вмѣшаться въ дѣло Франціи. По его настоянію, вся Европа (за исключеніемъ, впрочемъ, Россіи) признала правительство Серрано, овладѣвшаго властью посредствомъ государственнаго переворота. Серрано, въ свою очередь, отправилъ въ Парижъ высококомѣрную ноту, проредактированную въ Берлинѣ, въ которой онъ протестовалъ противъ скандальной поддержки карлистовъ французскими властями и требовалъ прекращенія на будущее время враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи. За этой нотой могла послѣдовать война. Но французское министерство иностранныхъ дѣлъ доказало, конечно, только на бумагѣ, что карлисты не получали никакой помощи со стороны Франціи и что французскій флотъ съ большимъ рвеніемъ досматривалъ подозрительныя суда, чѣмъ даже флотъ испанскій. Поднятая буря окончилась перепиской, что не особенно понравилось Бисмарку, но дѣлать было нечего.

Когда разразилось уже давно подготовленное альфонсистское возстаніе, сопровождавшееся успѣхомъ, дон-Карлосъ, вѣроятно, пожалѣлъ, что не принялъ условій договора, предложеннаго ему Серрано. Однакожъ, онъ надменно отказался заключить „convenio“

съ своимъ юнымъ родственникомъ, который рассчитывалъ легко отдѣлаться отъ карлистовъ. Никогда, можетъ быть, не говорилъ онъ такимъ твердымъ языкомъ, какъ въ манифестѣ, выпущенномъ по случаю провозглашенія Альфонса королемъ Испаніи:

„Испанцы!“

„...Глава августѣйшей фамиліи Бурбоновъ, я съ глубокой горестью взираю на постунокъ моего кузена Альфонса, который, по неопытности, свойственной его лѣтамъ, согласился быть орудіемъ тѣхъ людей, которые изгнали его вѣстѣ съ его матерью изъ отечества и позволили себѣ противъ нихъ угрозы и сарказмы. Я не протестую; достоинство мое и моей арміи не позволяетъ мнѣ другого протеста, кромѣ того, который съ неодолимымъ краснорѣчіемъ вылетаетъ изъ жерлъ нашихъ пушекъ. Провламація принца Альфонса не можетъ закрыть передо мною воротъ Мадрида; напротивъ, она открываетъ мнѣ дорогу къ возрожденію нашего любезнаго отечества.

„Не пройдетъ имъ даромъ новый актъ преторіанизма, оскорбляющій гордость испанскаго народа! Мои мужественные волонтеры, побѣдившіе въ сраженіяхъ: при Эролѣ, Альціенѣ, Монтегурсѣ, Кастельолитѣ, Саморостро, Абаруцѣ, Кастеланѣ, Кордовѣ и Урниетѣ, будутъ въ состояніи помѣшать новому оскорбленію, нанесенному нашей великодушной Испаніи, новому скандалу передъ лицомъ цивилизованной Европы.

„Призванный поразить революцію въ нашемъ отечествѣ, я ее поражаю подъ какимъ-бы видомъ она ни являлась: въ своей-ли дикой лютости и безстыдномъ невѣріи или-же подъ маской набожнаго лицемѣрія. Испанцы! именемъ Бога, именемъ нашей Испаніи, клянусь вамъ, что я останусь вѣренъ моей святой миссіи, что я стану держать незапятнаннымъ наше святое знамя. Оно служить символомъ тѣхъ спасительныхъ принциповъ, которые составляютъ теперь нашу надежду, а завтра будутъ нашимъ торжествомъ“.

Конечно, это была только похвальба, однакожь на-время она оказала свое дѣйствіе: карлисты съ новой энергіей приступили къ военнымъ дѣйствіямъ. Но не долго продолжались ихъ успѣхи;

постепенно они теряли одну позицію за другой. Моріонестъ, Квезада и Мартинецъ Кампосъ, генералы правительственной арміи, медленно, но постоянно суживали пространство, занимаемое карлистскими войсками, и не требовалось особенной проницательности, чтобы предсказать, что наступаетъ конецъ карлистскому возстанію. Карлизмъ, показавшій свою неожиданную силу, какъ заговоръ, не преминулъ показать свою совершенную слабость, какъ правительственная партія. Это замѣтилъ и самъ дон-Карлосъ. Онъ рѣшился вступить въ переговоры съ своимъ кузеномъ, которые раньше самъ отвергъ. Въ своемъ письмѣ къ Альфонсу XII, упоминая о томъ, что Соединенные Штаты намѣреваются объявить войну Испаніи вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ на островѣ Кубъ, онъ предлагаетъ своему кузену соединить ихъ обѣ арміи и идти противъ общаго врага. При этомъ онъ не преминулъ прибавить, что онъ заключаетъ съ нимъ, Альфонсомъ, представителемъ преступной революціи, только перемиріе и что онъ никогда не вступитъ въ соглашеніе съ революціей, которую рано или поздно сотретъ съ лица земли.

Начались переговоры, но едва Альфонсъ дѣлалъ шагъ къ соглашенію, Карлосъ отступалъ два шага назадъ.

Альфонсъ убѣдился, что съ его упрямымъ кузеномъ невозможно придти ни къ какому соглашенію. Слѣдовало чѣмъ-нибудь кончить, тѣмъ болѣе, что задача съ каждымъ днемъ облегчалась. Люди предусмотрительные и осторожные, сначала по одиночкѣ, а потомъ массами, стали оставлять армію дон-Карлоса и удаляться за Пиренеи, во Францію. Въ Испаніи умы волновались; со всѣхъ сторонъ раздавались требованія о необходимости покончить съ карлизмомъ, такъ-какъ страданія, причиняемыя гражданской войной, стали рѣшительно невыносимыми. Хотя снѣгъ еще покрывалъ горы, но армія Альфонса XII начала наступательныя дѣйствія. Почти нигдѣ она не встрѣчала серьезнаго сопротивленія и подошла къ самому центру возставшей страны, къ Валь Карлосу. Здѣсь стояли 10,000 карлистовъ подъ начальствомъ самого дон-Карлоса.

28 февраля взоры всей Испаніи были обращены къ Валь Карлосу; ожидали, что здѣсь произойдетъ кровавое сраженіе. Но ут-

ромъ слѣдующаго дня узнали, что дон-Карлосъ исчезъ ночью, оставивъ свою армію выходить изъ затрудненія, какъ она найдеть для себя болѣе удобнымъ, и слѣдующую прокламацію:

„Испанцы!

„Я свернулъ мое знамя до того великаго дня, который Богъ опредѣлялъ для воскрешенія католической и монархической Испаніи. Теперь, какъ и всегда, я питаю вѣру въ благое дѣло, совершить которое мнѣ предопрѣлило Провидѣніе. Теперь, какъ и всегда, я готовъ всѣмъ жертвовать для отечества.

„Вашъ король

„Карлосъ“.

На французской границѣ дон-Карлосъ нашелъ вѣрнаго Надальяка, встрѣтившаго его увѣреніями въ своей преданности и удивленіемъ къ его мужеству и самоотверженію. Великолѣпно позавтракавъ, выпивъ кофе и рюмку кюрасо у префекта, дон-Карлосъ сѣлъ въ почетный вагонъ, ожидавшій его уже нѣсколько дней, и отправился по дорогѣ въ Лондонъ.

Сидя глубоко въ креслѣ и положивъ свои ноги на сосѣднее, во время пути дон-Карлосъ курилъ сигару за сигарой и размышлялъ...

О чемъ думалъ онъ? Это осталось тайной, но мы можемъ предположить, что онъ непремѣнно обратился къ самому себѣ съ слѣдующей рѣчью:

„Дѣло мое не выгорѣло, это правда, но я не даромъ потерялъ время. Я пріятно развлекался, обо мнѣ много шумѣли. Теперь всѣ знаютъ, кто такой дон-Карлосъ Бурбонъ. За него погибли съ каждой стороны по 50,000 человекъ. Сто тысячъ въ 4 года... И софисты революціи смѣютъ еще утверждать, что дѣло легитимизма умерло. Ступайте въ горы и спросите, — вы увидите, что вамъ отвѣтятъ... Сложите тѣла погибшихъ за мое дѣло и смѣряйте, какое пространство они займутъ... За мое дѣло погибло 100,000 жертвъ и погибнетъ еще столько-же, если я захочу...“

А вы говорите, что дѣло легитимизма умерло.

 “

— Веласко, подай мнѣ сигару!

И. Триго.

27 апрѣля (8 мая) софты, ученики духовныхъ школъ въ Константинополѣ, руководимые своими профессорами, подали султану просьбу о смѣщеніи великаго визиря и шейхъ-уль-ислама (главы духовенства), которыхъ они считали виновниками всѣхъ бѣдствій Турціи. Великимъ визиремъ они просили назначить Мидхада-пашу, предводителя партіи „молодой Турціи“, который, въ сущности, и долженъ считаться главнымъ инициаторомъ этой семинарской революціи. Султанъ обѣщаль исполнить просьбу софтовъ.

29 апрѣля (10 мая) и великій визирь, и шейхъ-уль-исламъ все еще оставались на своихъ мѣстахъ. Опасаясь насилія противъ нихъ со стороны визиря, софты произвели демонстрацію передъ султанскимъ дворцомъ. 5,000 софтовъ, имѣя огнестрѣльное и холодное оружіе спрятаннымъ подъ халатами, въ сопровожденіи 20,000-й толпы, готовой поддержать ихъ оружіемъ въ случаѣ надобности, потребовали отъ султана исполненія его обѣщаній. Падишахъ тотчасъ-же подписалъ указъ о назначеніи новыхъ: визиря, военнаго министра и шейхъ-уль-ислама. Однакожь, визиремъ былъ назначенъ не Мидхадъ-паша, какъ желали софты, а Мехмедъ-Рудши. Мидхадъ былъ сдѣланъ только министромъ безъ портфеля.

6 (18) мая софты подали новую петицію султану. Они требовали: сокращенія расходовъ на дворъ, назначенія опредѣленнаго содержанія султану, распушенія серала, перемѣщенія изъ частной казны султана въ государственную пяти миліоновъ лиръ, созванія представителей изъ всѣхъ провинцій, уничтоженія титула калифа, увольненія чиновниковъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ, установленія бюджета и пр., — однимъ словомъ, введенія конституціоннаго образа правленія на европейскій образецъ, но съ турецкими особенностями.

Въ то-же время племянникъ султана, законный наслѣдникъ

престола, Мурадъ-Эфенди, со всѣми своими родственниками пришелъ къ султану и сталъ укорять его за расточительность и неумѣлость управленія государствомъ. Мурадъ требовалъ у дяди отреченія отъ престола. Султанъ разсердился и намѣревался было ударить племянника, но присутствующіе удержали его отъ этого намѣренія. Раздраженный султанъ приказалъ взять Мурада и его родныхъ подъ домашній арестъ.

18 (30) мая утромъ получено изъ Константинополя извѣстіе по телеграфу, что султанъ Абдуль-Азисъ-ханъ свергнутъ съ престола, а наслѣдникъ престола провозглашенъ падишахомъ подъ именемъ Мурада V. Того-же числа вечеромъ получена другая телеграмма, сообщающая, что Мурадъ объявленъ султаномъ Божьей милостью и волею народа, изъ чего слѣдуетъ, что онъ принялъ конституцію, предложенную софтами. Экс-султанъ перевезенъ въ старый сераль. Въ Константинополѣ спокойно.

Экс-султанъ Абдуль-Азисъ родился 9 февраля 1830 года. Онъ второй сынъ султана Махмуда-хана II, умершаго въ 1839 году, и братъ своего предшественника султана Абдуль-Меджида. Абдуль-Азисъ вступилъ на престолъ 25 іюня 1861 года послѣ смерти брата, такъ-какъ по турецкимъ законамъ титулъ султана наслѣдуется старшимъ въ родѣ, т. е. переходитъ отъ брата къ брату, а не отъ отца къ сыну; затѣмъ къ племяннику, сыну старшаго изъ братьевъ и т. д. Въ началѣ царствованія Абдуль-Азисъ былъ склоненъ къ реформамъ и къ управленію государствомъ на европейскій образецъ; онъ распустилъ сераль, произвелъ финансовыя реформы, издалъ законъ, нѣсколько уравнивающій права христіанъ съ мусульманами. Онъ согласился на прорытіе Суэзскаго канала, заключилъ коммерческіе трактаты съ Франціей и Англіей; въ іюлѣ 1867 года посѣтилъ парижскую всемірную выставку; оттуда проѣхалъ въ Англію, гдѣ былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ. Этимъ и закончилась его реформаторская дѣятельность и стремленіе къ европейскому прогресу. Затѣмъ возстанія на островѣ Бритѣ и въ Болгаріи, возбуждившія мусульманскій фанатизмъ, значительно повліяли на измѣненіе убѣжденій и намѣреній султана. Но еще болѣе повліяла на нихъ окружающая султана обстановка. Лестъ и раболѣпіе постепенно развращали добродушнаго, но сла-

бохарактернаго Абдуль-Азиса. Онъ возстановилъ сераль и заперся въ немъ, предоставивъ заботу о государственныхъ дѣлахъ своимъ министрамъ. Чѣмъ сталъ Абдуль-Азисъ въ послѣднее время и его отношеніе къ возстанію въ Босніи и Герцеговинѣ достаточно разъяснено въ нашихъ хроникахъ, напечатанныхъ въ 1-мъ и 3-мъ №№ „Дѣла“ за настоящій годъ.

Новый султанъ Мурадъ V родился 21 сентября 1840 года. Онъ получилъ очень хорошее для турецкаго принца образованіе. Онъ говоритъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ; знакомъ хорошо съ исторіей и учрежденіями Европы; изучалъ естественныя науки. Европейское образованіе новаго султана побуждаетъ многихъ вѣрить въ наступленіе лучшаго времени для Турціи. Они предсказываютъ осуществленіе необходимыхъ реформъ для умиротворенія края. Не надо, однакожь, забывать, что и Абдуль-Меджидъ, и Абдуль-Азисъ точно также при своемъ вступленіи на престолъ возбуждали радужныя надежды; они начали реформами и кончили водвореніемъ разнузданнаго деспотизма и совершеннымъ удаленіемъ отъ государственныхъ дѣлъ. И при томъ, и при другомъ дѣйствительная власть находилась въ рукахъ евнуховъ и одалисковъ; инициатива всѣхъ дѣлъ исходила изъ сераля.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Зимнія вѣсти о безкормицѣ.—Весеннія опасенія и обманутыя надежды. — Наше платоническое отношеніе къ мужику и къ „хлѣбному вопросу“. — Земское безлюдье и ораторскій періодъ земства. — Сельско-хозяйственное красноярѣіе. — Наши сельско-хозяйственныя мѣры. — Бюро г. Шпилевского. — Сельско-хозяйственный клубъ. — Лѣсоразведеніе и грандіозный проектъ г. Пржишховскаго.—Помощь кредита и вѣроятность ликвидаціи. — Необходимость изслѣдованія „хлѣбнаго вопроса“ правительственными средствами.

Кто о чемъ, а мы о насущномъ хлѣбѣ. Какъ, повидимому, ни обиденна и заурядна эта избитая тема, но она постоянно напрашивается на наше вниманіе, постоянно даетъ себя чувствовать и нашему карману, и нашему брюху. О какихъ-бы матеріяхъ важныхъ мы ни заговорили, въ-концѣ-концовъ невольно приходимъ все къ тому-же проклятому вопросу о насущномъ хлѣбѣ, особенно когда начинаемъ ощущать пустоту и нытье голоднаго желудка. Ударить-ли морозъ по нашимъ озимямъ, посѣтитъ-ли насъ засуха и бездождіе,—мы начинаемъ тревожиться, просыпаться, молиться Богу о ниспосланіи намъ дождя или теплой погоды, потому что знаемъ изъ тысячи горькихъ опытовъ, что значить оставаться безъ хлѣба. Хлѣбный вопросъ лежитъ въ основѣ нашей экономической жизни и управляетъ всѣми отправлениями нашего общественнаго организма; имъ обусловливается наше внутреннее благосостояніе, наша внѣшняя торговля; онъ вліяетъ на денежный рынокъ, на заграничныя курсы, на податныя сборы, на сельскую школу, на журналистику, на развитіе эпидемій и преступленій въ средѣ безпомощнаго люда,—однимъ словомъ, на всѣ отра-

сли нашего быта, дѣятельности и предпріятій. Поэтому неудивительно, если даже наша ничѣмъ невозмутимая апатія пасуетъ передъ такимъ страшнымъ призракомъ, какъ угрожающій неурожай и какъ неизбежное слѣдствіе его—общее безденежье и голодъ.

Въ послѣдніе мѣсяцы зимы изъ провинціи шли очень тревожные слухи. Съ донскихъ зимовій писали, что многіе хозяева потравили весь запасъ сѣна и перегоняютъ своихъ лошадей съ большимъ трудомъ. Свѣтъ, глубиною въ аршинъ, мѣшалъ всякому сообщенію, и когда перегоняли лошадей къ стогамъ, то путь обозначался кровавымъ слѣдомъ. Матки стали дѣлать выкидыши, а лошади изъ облагороженныхъ породъ гибли въ большомъ количествѣ. Въ донскихъ городахъ купцы плакались на плохую торговлю, объясняя ее обѣдненіемъ жителей. Мастеровые хотя и имѣли работу, но давальцы платили туго. Кредитныя общества протестовали векселя на солидныя суммы, а большинство дѣлъ въ окружныхъ, комерческихъ судахъ и у мировыхъ судей заключалось въ искахъ по взысканію обязательствъ.

По словамъ „Новороссійскаго Телеграфа“, бѣдствія обходили всѣ закоулки южнаго края. Въ Вознесенскѣ, напр., явился полный застой торговли, и безвыходное положеніе города усложнилось еще недостаткомъ кредита и истощеніемъ запаса прежнихъ лѣтъ. Для поддержанія хозяйства приходилось продавать скотъ, а усиленное предложеніе до того понизило цѣны, что пару воловъ, стоящихъ 100 руб., продавали охотно за 50—60, корову, стоящую 25—30 руб., за 8—10 руб. Изъ елисаветградскаго уѣзда писали, что во многихъ селеніяхъ озимыхъ посѣвовъ почти не дѣлали, что сѣна бுவально нѣтъ ни у кого, скотъ продается за безцѣнокъ; корова, напр., по 5 руб. На обѣмненіе яровыхъ полей нѣтъ никакой надежды, потому что нѣтъ сѣмянъ и нечѣмъ работать. Мѣстами даже открылась подписка въ пользу голодающихъ.

Самыя печальныя свѣденія шли изъ Одессы и объ упадкѣ одесской торговли писалось не только во всѣхъ русскихъ, но и въ англійскихъ газетахъ. Только и слышалось: „Нѣтъ денегъ, нѣтъ кредита, упадокъ цѣны на недвижимую собственность, банкротства“.

Но вотъ наступаетъ весна, надежды на урожай и поправленіе

дѣль воскресаютъ, но вслѣдъ за надеждами является и разочарованіе. Если мы предположимъ, что многіе корреспонденты, увлекаясь художественнымъ изложеніемъ, нѣсколько прикрашивали бѣдствія, то ужь, конечно, не до завѣдомаго лганья. Съ открытіемъ весны южныя степи представляли унылый видъ. Повсюду обнаженіе, травы нѣтъ, всходы плоховаты, и только пыль столбомъ несется по дорогамъ. Посѣвы шли вяло, будто неохотно. Высохшая степь ждала дождей, а дождя не являлось ни капли. Одно время надеялись, что глубокіе зимніе снѣга напитаютъ землю, но вода неизвѣстно куда дѣвалась, а всходы не поправились.

Когда министръ внутреннихъ дѣлъ телеграфомъ отъ 20 апрѣля просилъ губернаторовъ сообщить ему свѣденія о состояніи озимей, приступлено-ли къ полевымъ работамъ яровыхъ и о состояніи погоды, то губернаторы 25-ти губерній въ первые-же два дня сообщили вотъ что: Въ губерніяхъ курской, волынской озими очень хороши, въ курской продолжающееся бездождіе остановило ростъ ржи. Въ губерніяхъ могилевской, смоленской, тверской, московской, рязанской, самарской, орловской, пензенской, саратовской и тульской посѣвы удовлетворительны, хотя въ нѣкоторыхъ и есть вымочки. Въ губерніяхъ митавской, рижской, полтавской и гродненской посѣвы неудовлетворительны. Наконецъ, въ губерніяхъ витебской, тверской, екатеринославской и каменецъ-подольской посѣвы большею частью погибли и землю приходится пахать вновь.

Свѣденія эти, отличающіяся официальной сухостью и краткостью, совершенно достаточны для тѣхъ цѣлей, для которыхъ они собираются, но не даютъ еще полнаго представленія о томъ, что дѣлается въ поляхъ, и о томъ, чего съ замираніемъ сердца или съ надеждой ожидаютъ земледѣлецъ и землевладѣлецъ. И не они одни присматриваются съ томительнымъ любопытствомъ, что сулятъ имъ весна и лѣто. Даже фабричное и ремесленное населеніе, и то съ безпокойствомъ ждетъ, что принесетъ крестьянину лѣто—урожай или неурожай.

Съ крайняго юга, гдѣ весна открылась раньше, и свѣденія получились раньше. Но свѣденія эти не возбуждали никакихъ надеждъ ни въ крестьянской избѣ, ни въ городскомъ домѣ ремесленника и хлѣботорговца. Громадная площадь, обнимающая

уѣзды александровскій, херсонскій, елисаветградскій херсонской губерніи, барскій подольской губерніи, уманскій, липовскій и таррачанскій кievской губерніи, оказалась безъ озимей, погибшихъ отъ суровой, безснѣжной зимы. Погибли не только пшеница, но и рожь, люцерна и эспарцетъ. То-же повторилось и въ ближайшихъ окрестностяхъ Одессы. Брестьянамъ осталась надежда на яровые посѣвы. Ранняя, теплая весна вызвала общую энергію и всѣ принялись за обработку яровыхъ полей. Но надежды земледѣльцевъ не оправдались: наступила засуха и втеченіи нѣсколькихъ недѣль не выпало ни капли дождя. Мало того, что пропала надежда на урожай яровыхъ хлѣбовъ, но пропала надежда и на траву. „Одесскій Вѣстникъ“ уже и теперь пророчить безвыходное положеніе для земледѣльцевъ, если заблаговременно не будутъ приняты мѣры къ вспомошествованію. Если-бы неурожай на югѣ составлялъ явленіе исключительное, то, конечно, ему можно было-бы и не посвящать особеннаго вниманія, но изъ отчета херсонскаго земства мы узнаемъ, что въ 1868 и 1869 годахъ общій урожай былъ плохъ, а въ четырехъ уѣздахъ, въ томъ числѣ и одесскомъ, былъ полный неурожай. Въ 1872 году хлѣба родились тоже дурно, а въ херсонскомъ уѣздѣ и очень дурно. Въ 1873 году въ трехъ уѣздахъ былъ плохой урожай, а въ одесскомъ полный неурожай. Въ 1874 году въ двухъ уѣздахъ собрали хлѣба меньше, чѣмъ нужно. А въ 1875 году почти вся херсонская губерніа находилась въ безвыходномъ положеніи и просила помощи. Такимъ образомъ, втеченіи 9 лѣтъ повторяется на югѣ седьмой неурожай и нѣкоторые уѣзды страдаютъ четвертый годъ сряду. Это уже не случайность, не исключеніе, а что-то хроническое, заставляющее задумываться и бояться. Случайныя причины произвели-бы и случайное явленіе, но если явленіе дѣлается постояннымъ, должны быть и причины постоянныя. Херсонская губернская управа говоритъ въ своемъ отчетѣ, что экономическое благосостояніе юга уменьшается годъ отъ году и даже благосостоятельные землевладѣльцы не въ состояніи выпутаться изъ ежегодно накапливающихся долговъ. А если тяжело богатымъ, то бѣднымъ приходится переколачиваться изо дня въ день. Брестьянинъ-собственникъ и вольно живущій мѣщанинъ постепенно переходятъ въ ряды рабочихъ, потому что не имѣютъ возможности вести соб-

ственное хозяйство. По словамъ одного земскаго отчета, рядъ неурожаевъ привелъ населеніе въ состояніе какого-то тупого равнодушія, и народъ, лишенный надежды улучшить свое положеніе, падаетъ духомъ и идетъ въ кабаки искать утѣшенія.

И странная вещь! Несмотря на то, что въ послѣднія десять лѣтъ бѣдствія неурожаевъ и голодухи точно нарочно съ особенной тщательностью обходили Россію и у всѣхъ еще въ памяти такіе голода, какъ архангельскій, но наше поколѣніе какъ-то тупо глядитъ на хлѣбный вопросъ, несмотря на то, что онъ составляетъ одну изъ капитальныхъ задачъ нашего земства. Намъ интересуютъ все на свѣтѣ—даже такіе фантастическіе проекты, какъ соединеніе желѣзнымъ путемъ центральныхъ степей Азіи съ центральными пунктами Россіи,—но только не то, что должно было бы интересовать ближе всего. Отношеніе наше къ народу и до сихъ поръ платоническое; мы больше любимъ разсуждать о правдѣ и справедливости въ судахъ, о свободѣ мысли и совѣсти, о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о правахъ женщинъ, о женскомъ вопросѣ, и никакъ не умѣемъ соединить низменный мужицкій интересъ съ своимъ интеллектуальнымъ, предоставляя попеченіе о хлѣбѣ заботливости земства. Земство явилось теперь какимъ-то козломъ отпущенія, на котораго валится отвѣтственность за все: и за неурожай, и за бездождіе, и за жаркую весну, и за невѣжество мужика, и за недостатокъ школъ, и за то, что на народѣ накопились недоимки, и за то, что онъ пьетъ водку,—однимъ словомъ, за все и про все. Земство на обвиненія большею частію молчитъ, а если ему и приходится оправдываться, то оно разводитъ только руками, зная, что ему оправдываться не въ чемъ. Нѣтъ людей и некому взяться за дѣло. Я знаю предсѣдателя одной губернской земской управы, конечно, единственнаго въ цѣлой Россіи. Это типъ идеальнаго земскаго работника, соединившаго въ себѣ одною всю земскую энергію губерніи и любовь къ земскому дѣлу. Въ немъ вы не увидите парадной, блестящей, лицевой стороны земства, но найдете простого, искренняго и неутомимаго дѣятеля. Этотъ лучшій въ губерніи земецъ давно уже утратилъ вѣру въ теперешнія земскія силы; онъ ждетъ ихъ въ будущемъ.

Въ земствѣ вначалѣ его дѣятельности былъ періодъ иллюзій, мечтаній, когда ставились и возбуждались общіе вопросы, когда го-

ворились красивыя рѣчи, когда крупныя землевладѣльцы и графы и князья охотно принимали участіе въ земскихъ дѣлахъ. Этотъ ораторскій періодъ нашего земства, когда земскіе сѣзды переживались такъ шумно и весело, когда протоколы земскихъ собраній напоминали собою стенографическіе отчеты англійскаго парламента, когда утреннія засѣданія смѣнялись обѣдами, а вечернія балами, спектаклями, точно бывше дворянскіе сѣзды, — давно миновалъ и кончился. Теперь наступила пора не красивыхъ рѣчей, не выясненія основаній, а черной работы. Это не медовый мѣсяцъ земской восторженности, когда требовалась лучезарность, а пора дѣла болѣе грубаго, требующаго мозолистыхъ рукъ, да крѣпкой спины, да неутомимыхъ ногъ и мозга, способнаго на скучную работу. Земская мысль шла очень быстро и скоро приблизилась къ той поворотной точкѣ, когда красивую сторону должна смѣнить сторона дѣловая, требующая и людей способныхъ на дѣло. Мысль идетъ скорѣе, чѣмъ рождаются и растутъ люди. Ораторы, когда въ ихъ рѣчахъ уже не оказывалось больше нужды, разбѣжались изъ земства, не сдѣлавшись и сами работниками, ни подготовивъ кого-нибудь вмѣсто себя. Да и кого они могли подготовить? Земскіе ораторы, какъ и большинство лицъ, завѣдующихъ повсюду земскими дѣлами, и до сихъ поръ принадлежать къ тому поколѣнію, которое помнитъ дворянскіе обѣды и собранья и воспитано совсѣмъ не при тѣхъ условіяхъ, чтобы мозолить себѣ руки и дѣлать какое-нибудь грубое дѣло. Тѣ, кто нуженъ для подобнаго дѣла, пока еще только формируются, но формируются подспудомъ, незамѣтно, единично, подавая чуть слышно свой голосъ, неувѣренно и робко прокладывая дорогу. Не во всѣхъ губерніяхъ и народились еще эти новыя земскіе работники.

Ораторамъ было не трудно говорить, что для образованія народа слѣдуетъ построить школы, для здоровья народа нужно устроить больницы, что необходимо завести врачей и замѣнить прежнихъ повитухъ знающими акушерками, что для хозяйственныхъ изслѣдованій нужно организовать земскую статистику. Когда все это было высказано ораторами, всѣ согласились, что это вѣрно, что все это надо вновь устроить и многое перестроить, а когда пришлось изслѣдовать экономическое положеніе народа, взвѣсить тѣ матеріальныя средства, безъ которыхъ ничего не устраивается

и не перестраивается, то оказалось, что грандіозные проекты разлетѣлись, какъ мыльные пузыри, а благія начинанія такъ и остались начинаніями. Точно то-же случилось и съ нашими изслѣдованіями сельско-хозяйственнаго быта, за которыя мы взялись было съ такимъ рвеніемъ; оказалось, что ихъ некому производить, что единичныя силы тутъ ничего не значать, или изслѣдованіе производится такъ односторонне, какъ, напр., изслѣдованіе земледѣльческаго быта смоленской губерніи, сдѣланное смоленскимъ дворянствомъ. И зная дѣла той губерніи, о которой я говорилъ, я понималъ сѣтованіе предсѣдателя управы на недостатокъ помощниковъ и его безвѣріе къ праздному теперешнему земскому поколѣнію. Это поколѣніе, вѣры въ которое уже нѣтъ, повсюду и вездѣ дѣйствуетъ въ земствѣ, и только въ этомъ и причина, что нашъ „хлѣбный вопросъ“ и дѣйствительное положеніе земледѣлія, которому нужно, наконецъ, помочь, является заброшеннымъ и безпомощнымъ. Насколько была велика наша безпомощность въ хлѣбномъ вопросѣ, можно видѣть изъ тѣхъ мѣръ и разнообразныхъ средствъ, которыя предлагались для устраненія постоянно повторяющихся неурожаевъ. Сначала было рѣшено, что неурожаи происходятъ оттого, что мужикъ пьянствуетъ, и что безъ строгой опеки онъ всегда будетъ голодать. Другіе говорили, что всему виною общинное землевладѣніе, и что если ввести фермерство, то Россія опять сдѣлается житницей Европы. Третьи доказывали, что неурожай—зло неустраняемое, потому что кроется въ самыхъ условіяхъ русской почвы, и помочь горю можно только ссудо-сберегательными товариществами, артельными сыроварнями, артельными гвоздильнями и вообще развитіемъ разныхъ артельныхъ промысловъ. Это былъ тоже ораторскій періодъ, когда рѣчи лились обильными потоками и все сводилось къ общимъ теоретическимъ идеямъ. Земледѣліе казалось ораторамъ чѣмъ-то совершенно случайнымъ, зависящимъ отъ причинъ, которыхъ ни предвидѣть, ни предупредить нельзя. Въ сельскомъ хозяйствѣ они видѣли дѣло счастья, которое не зависѣло отъ рукъ человѣка. А въ чемъ причины этого счастья, отчего зависитъ несчастье, отъ горячихъ-ли степныхъ вѣтровъ, отъ быстро-ли испаренія влажности послѣ дождей, отъ лучшей-ли обработки почвы, отъ обилія или недостатка лѣсовъ, отъ недостатка-ли удобренія, или вообще отъ нашего невѣжества, — объ этомъ никто не задумывался, а если и задумывался, то не находилъ никакого отвѣта.

Періодъ такого отроческаго отношенія къ земледѣльческому хозяйству еще не кончился и мы продолжаемъ съ развязностію Репетилова и съ добродушіемъ Манилова говорить и говорить, рисуясь своими фразами, а до начала дѣла не договорились и не дошли. Неурожай и голодухи, конечно, не шутка. Мы это понимаемъ. И еще-бы не понять! Но какъ помочь горю и что дѣлать? Профессору Шпилевскому пришла мысль устроить при обществѣ сельскаго хозяйства южной Россіи бюро сельско-хозяйственной консультаціи. Профессору показалось, что все бѣдствіе южной Россіи происходитъ оттого, что отдѣльнымъ сельскимъ хозяевамъ никто не даетъ практическихъ совѣтовъ. Чтобы убѣдить, на-сколько необходимо для херсонскаго края бюро для справокъ, докладчикъ сослался на *англійское* сельско-хозяйственное общество, на петербургское собраніе сельскихъ хозяевъ и на существующій при императорскомъ московскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ хозяйственный комитетъ сельско-хозяйственной консультаціи. Програма, задуманная г. Шпилевскимъ, очень обширна. Бюро будетъ давать совѣты, какъ вести сельское хозяйство, будетъ разрѣшать различные сельско-хозяйственные вопросы, производить діагнозы и анализы почвы и удобренія, испытывать машины и скоть, составлять организаціонные планы хозяйствъ, проекты, смѣты и формы счетоводства, заниматься ревизіей и контролемъ управленія, давать совѣты по устройству сельско-хозяйственныхъ ассоціацій всякаго рода, давать указанія относительно спеціальныхъ сочиненій по разнымъ отраслямъ хозяйства, рекомендовать управляющихъ, техникувъ и т. д., и т. д.—совершенно на англійскій манеръ.

О, святая наивность! Зачѣмъ вы ведете насъ въ Англію! Мало-ли что есть въ Англіи! Въ Англіи, напр., было замѣчено, что сыръ честеръ сталъ хуже. Англичане переполошились, что одинъ изъ важнѣйшихъ предуктовъ ихъ сельскаго хозяйства потеряетъ сбытъ. И вотъ они сдѣлали химическій анализъ стараго честера: разложили молоко коровъ, разложили травы, которыми ихъ кормили, разложили почву, на которой онъ росли, и оказалось, что не достаетъ такихъ-то и такихъ частей. Англичане купили кости съ Ватерлооскаго поля, смололи ихъ, раскидали по—полямъ и честеръ пошелъ опять хорошій. Лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ англичанинъ снялъ земли подъ Самарой. Прежде, чѣмъ ихъ обрабатывать, онъ сдѣлалъ анализъ почвы. Что онъ въ ней открылъ, къ чему при-

вели его изслѣдованія—мы не знаемъ, но знаемъ, что съ этого нужно начинать каждому умному хозяину. Купцы-арендаторы подсмѣивались надъ чужакомъ, а англичанинъ дѣлалъ свое дѣло. Ахъ, г. Шпилевскій, многое знаютъ англійскіе профессора и англичане, чего не знаютъ русскіе. Они знаютъ свою почву, знаютъ свое сельское хозяйство, и если составляютъ сельско-хозяйственныя бюро, то только потому, что умѣютъ давать отвѣты на вопросы. А какіе отвѣты найдете вы въ своемъ бюро? Ужъ будто-бы вы знаете, отчего на югѣ Россіи постоянно неурожай, когда никто этого не знаетъ! Ужъ будто-бы вы знаете всѣ условія, въ которыхъ очутилось русское земледѣліе при вольномъ трудѣ! У насъ нѣтъ ни знающихъ агрономовъ, ни толковыхъ управляющихъ, на которыхъ можно положиться, ни порядочныхъ техниковъ, а если и попадаются, то всѣхъ ихъ можно перечесть по пальцамъ; а вы хотите рекомендовать профессоровъ каждому, кто васъ попроситъ объ этомъ, точно знающими людьми у насъ можно мостить мостовую. А разстояніе? Въ Англіи нѣтъ пространства, у насъ-же всѣ силы ушли въ пространство; разстояніе подавляетъ все и парализуетъ всѣ наши сношенія. Кто за тысячу верстъ поѣдетъ къ вамъ за совѣтомъ, или повезетъ къ вамъ почву для анализа, или станетъ совѣщаться о машинѣ? Ужъ, конечно, въ своемъ „бюро“ вы не увидите ни одного мужика. Бѣдный землевладѣлецъ тоже въ вамъ не поѣдетъ, а богачъ обойдется и безъ бюро. Много есть хорошихъ вещей въ Англіи, во Франціи и особенно въ Америкѣ, г. Шпилевскій! Тамъ и учрежденія другія, тамъ и богатая торговля, тамъ и сильно развитая промышленность, тамъ есть богатая сельско-хозяйственная литература, есть знаменитые химики и знаменитые агрономы; но всего этого было-бы еще мало, если-бы англичане не обладали однимъ самымъ важнымъ богатствомъ—практическимъ смысломъ и разсудительностью. Обладая этимъ богатствомъ, англичане устриваютъ у себя справочныя бюро для вопросовъ только тогда, когда они знаютъ, что на каждый вопросъ готовъ у нихъ отвѣтъ. А мы собираемся отвѣчать на вопросы, когда у насъ самихъ нѣтъ ни одного вопроса, а про отвѣты ужъ и говорить нечего. А вотъ и другія наши „иѣры“.

Когда неурожай посѣтилъ Бессарабію, то хозяева призадумались и рѣшили, что такъ жить нельзя, что нужно хозяйничать какъ-то иначе, а какъ? Да кто-жь его знаетъ, какъ! Отличаясь боль-

ше энергією и рѣшительностью, бессарабскіе дворяне порѣшили учредить земледѣльческій клубъ, гдѣ можно было-бы собираться хозяевамъ и обсуждать вопросы сельскаго хозяйства. На учрежденіе клуба было испрошено позволеніе, позволеніе дали и... клубъ до сихъ поръ остается безъ хозяевъ. Кишеневскій корреспондентъ справедливо замѣчаетъ, что безъ особенныхъ денежныхъ средствъ едва-ли можно поддерживать клубъ, потому что кромѣ картъ, мѣлковъ и зеленыхъ столовъ нужно имѣть и порядочную бібліотеку, хоть какой-нибудь музей, химическую лабораторію, если только хозяева пожелаютъ заниматься дѣломъ, а не расписывать пульки на зеленомъ столѣ. Корреспондентъ не изъ оптимистовъ, какъ г. Шпилевскій, которому кажется, что довольно устроить „бюро“, чтобы проникнуться немедленно всевѣденіемъ и по одному наитію свыше давать отвѣты на всѣ вопросы. Ужъ не спитъ-ли г. Шпилевскій и не думаетъ-ли онъ составить бюро изъ сельско-хозяйственныхъ медіумовъ? Въ Петербургѣ есть тоже сельско-хозяйственный клубъ, имѣющій прекрасную бібліотеку, располагающій массою всякихъ періодическихъ изданій и отличающійся очень дешевыми и вкусными обѣдами. Почему этотъ клубъ называется сельско-хозяйственнымъ — мнѣ неизвѣстно. Происходятъ-ли тамъ сельско-хозяйственныя бесѣды — не случалось мнѣ видѣть; слышалъ я только, что тамъ поваръ хорошій и въ карты хорошо играютъ. Когда одинъ писатель, постоянный посѣтитель сельско-хозяйственнаго клуба, зызывалъ меня въ клубъ, онъ говорилъ только о вкусныхъ яствахъ, о хорошо устроенной читальнѣ и о мягкихъ диванахъ, на которыхъ читается очень удобно, а спится послѣ обѣда еще удобнѣе. Такой сельско-хозяйственный клубъ нисколько не противорѣчитъ моему представленію о кишеневскомъ сельско-хозяйственномъ клубѣ. И, раздѣляя мнѣніе кишеневского корреспондента, я думаю, что клубъ кишеневскій будетъ отличаться отъ бюро, задуманнаго г. Шпилевскимъ, только тѣмъ, что бюро изобразить изъ себя скучную, безлюдную пустыню, а въ клубѣ соберется играющая въ карты праздная публика и послѣ тучныхъ обѣдовъ сельскіе хозяева будутъ храпѣть на мягкихъ диванахъ. Что занятіе это будетъ самое сподручное, я заключаю еще изъ размѣра перваго членскаго взноса. Чтобы внести 75 руб., надо имѣть большой аппетитъ и располагать склонностью къ послѣобѣденному отдыху. Обыкновеннымъ

землевладѣльцамъ и земледѣльцамъ такая плата не по силамъ, и сельско-хозяйственный клубъ—учрежденіе для нихъ слишкомъ аристократическое. Впрочемъ, я думаю, что и сами крупные кишиневскіе землевладѣльцы, придумавшіе для себя новое занятіе, очень хорошо знаютъ, что никакихъ мѣръ противъ неурожаевъ и голодухъ изъ ихъ клуба не явится для спасенія Бессарабіи. И я готовъ раздѣлить пессимистскій взглядъ корреспондента, что карты, мѣлки и зеленые столы, которые явятся ранѣе музея и химической лабораторіи, приведутъ Бессарабію скорѣе къ неурожаю, чѣмъ къ урожаюмъ.

Статья князя Васильчикова „Черноземъ и его будущность“, гдѣ онъ пророчитъ югу Россіи участь Сахары, не могла пройти незамѣченной. Также читалась и статья Костычева, доказывавшаго, что одного облѣсенія еще недостаточно, чтобы спасти югъ отъ бездождія. Какъ, казалось, ни убѣдительно обѣ статьи, однако, онѣ никого не убѣдили, а, напротивъ, вызвали цѣлую массу возраженій. Если могло явиться возраженіе, значитъ, вопросъ о мѣрахъ далеко еще не конченный, и всякія грандіозныя предпріятія, въ родѣ облѣсенія всего юга или его орошенія, имѣютъ больше мечтательный характеръ и нѣсколько напоминаютъ проектъ, явившійся лѣтъ 25 тому назадъ, о соединеніи Волги съ оврагами, перерѣзывающими николаевскій и новоузенскій уѣзды или о наполненіи водами Ледовитаго океана печальной средней Азіи. Казалось, что-же можетъ быть несбыточнаго въ соединеніи Волги съ самарскими степными равнинами? Мысль эта, какъ и всѣ грандіозныя мысли, поражала прежде всего своею простотою. Волга—рѣка очень большая, воды въ ней много, и если-бы, перерѣзавъ два-три мѣста каналами, пропустить Волгу черезъ овраги, то оказалось-бы, что и самарская губернія была-бы съ водой, и въ Волгѣ воды-бы не убавилось. Расходы-же составляли-бы какія-нибудь 500 тысячъ. Но когда эта простая мысль была провѣрена нивелировкой, то оказалось, что овраги выше русла Волги и вода въ нихъ не потечетъ.

Теперь г. Костычевъ точно также порѣшилъ, что хотя бѣда юга отъ засухъ, но лѣсоразведеніе не поведетъ ни къ чему и затраченные миліоны не принесутъ никакого толку. Когда статья г. Костычева была прочитана новороссійскимъ краемъ, то вызвала возраженія и вопросъ былъ поставленъ въ самый корень. Я поль-

зуюсь однимъ изъ подобныхъ возраженій, помѣщенныхъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“. Авторъ его соглашается, что причиною неурожавъ—засуха, но прежде, чѣмъ рѣшить вопросъ, нужно-ли разводить лѣса или нѣтъ, онъ желаетъ выяснитъ, что такое засуха? Засуху часто смѣшиваютъ съ бездождіемъ. Но бездождіе и засуха—не одно и то-же. Засуха можетъ усиливаться не оттого, что уменьшилось количество дождя, а оттого, что влага, доставляемая дождями, слишкомъ быстро испаряется отъ сухихъ вѣтровъ.

Когда читаешь сѣтованія юга и мѣры, предлагаемыя для спасенія Россіи, то невольно задумываешься надъ судьбой нашего бѣднаго поколѣнія, на-столько грѣховнаго, что Богъ сразу послалъ на него всевозможныя бѣдствія—и неурожан, и засухи, и голода, и безденежье, и даже отнялъ разумъ. Неужели явленія природы и климатическія перемѣны совершаются съ какой-то волшебной быстротой, и двадцати лѣтъ довольно, чтобъ погубить народъ, благоденствовавшій тысячу лѣтъ? Если вѣрить Ляйбю, то подобныя чудеса на землѣ не случаются, а все идетъ очень медленно и постепенно и требуются тысячелѣтія для геологическихъ и климатическихъ перемѣнъ.

Теперь мы порѣшили, что вся бѣда юга оттого, что тамъ вырубили лѣса. Но скажите, когда тамъ были лѣса? Мурчисонъ, напримѣръ, доказываетъ, что вся черноземная полоса Россіи на памяти человѣческой не была покрыта лѣсомъ. Если вы хотите болѣе древняго писателя, то позвольте сослаться на Геродота, который говоритъ, что югъ Россіи—гладкая, необозримая и безлѣсная равнина. Лѣса находились только между Тавридой и днѣпровскимъ устьемъ. Барбаро видѣлъ лѣсъ на Дону, но изъ описаній путешественника нужно было заключить, что это только кустарникъ, годный на фашины. Конторини, проѣхавшій всю южную степь изъ Кіева на Астрахань, а потомъ изъ Астрахани на Рязань въ Москву, видѣлъ только отдѣльные лѣсочки на Днѣпрѣ близъ Черкасъ, а воды въ степи было такъ мало, что нечѣмъ было даже поить лошадей. Авриль, проѣзжая изъ Саратова въ Москву, первые три дня ѣхалъ по степи, не встрѣчая ни деревъ, ни жилищъ. И путешествіе для него было тѣмъ болѣе трудно, что нужно было взять съ собою дровъ и воды. Вотъ какииъ былъ югъ за триста и болѣе лѣтъ назадъ. Что степь всегда была суха, это извѣстно съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ степь. По-

чему-же толки о засухахъ, бездождіи и необходимости разведенія лѣсовъ стали раздаваться такъ сильно только нынче? Или неурожаевъ прежде не было и повсюду царило полное благополучіе? Не кроются-ли причины неурожаевъ и голодухъ, кромѣ засухи, въ чемъ-нибудь еще и другомъ? Не замѣшивается-ли тутъ отношеніе земледѣльца къ почвѣ? Не вліяетъ-ли усилившееся многолюдство? Не играетъ-ли роль истощеніе земли? Кто это знаетъ? Бюро г. Шпилевскаго не даетъ отвѣта на вопросъ, а кишеневскій сельскохозяйственный клубъ еще не открылся. Подождемъ, что будетъ дальше, а теперь, читатель, поговоримъ опять о засухѣ.

Какъ изъ ссылокъ моихъ на Геродота, Авриля, Барбаро, Конторини вы видѣли, что лѣсовъ на югѣ никогда не было, такъ теперь я вамъ представлю цифры, изъ которыхъ вы увидите, что въ послѣдніи шестьдесятъ лѣтъ количество выпадающаго дожда не уменьшилось. Авторъ, которымъ я пользуюсь, приводитъ такіа цифры дождевого осадка за прежнее и нынѣшнее время:

	Отъ 1826—28 г.	Отъ 1842—53 г.	Отъ 1867—72 г.
Одесса . . .	6,96	8,00	8,01
Николаевъ . .	8,34	—	7,22
Лугань . . .	—	7,91	8,41

Изъ этихъ цифръ видно, что количество осадка не уменьшилось, и мало того, что не уменьшилось, но сравнивая среднее количество дожда, выпадающаго, напримѣръ, въ херсонской губерніи, съ нѣкоторыми мѣстностями западной Европы, отличающимися плодородіемъ, мы увидимъ, что онѣ бѣднѣ насъ дождевой водой. Весной и лѣтомъ, когда дождь всего нужнѣе для хлѣба, его выпадаетъ въ Одессѣ—5,34 вершка, въ Кіевѣ—7,51, въ Николаевѣ—5,10, въ Кишеневѣ—7,24. Среднимъ числомъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ 6,30 вершка.

Теперь возьмемъ данныя для Европы.

Среднее количество дожда, выпадающаго въ тѣ-же времена года въ бассейнѣ Роны и на побережьяхъ Средиземнаго моря во Франціи, равняется 5,90 вершка.

Въ Венгріи выпадаетъ среднимъ числомъ 7,30 вершка.

Наконецъ, въ мѣстностяхъ, страдающихъ отъ обилія дожда, гдѣ посѣвы часто вымокаютъ, какъ, напр., въ петербургской губерніи, выпадаетъ 6,75 вершка.

Въ долину рѣки По, считающейся одной изъ плодороднѣйшихъ мѣстностей, выпадаетъ среднимъ числомъ 8,35 вершка.

Изъ этихъ цифръ остается только заключить, что херсонская губернія весною и лѣтомъ въ отношеніи количества дождя находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ бассейнъ Роны, и въ немного худшихъ условіяхъ, чѣмъ Венгрія и долина По, и, наконецъ, въ равныхъ условіяхъ съ сѣверомъ Россіи, страдающимъ отъ избытка дождей. Кромѣ того въ Россіи есть мѣстности, которыя сравнительно съ херсонской губерніей въ отношеніи количества дождя находятся въ положеніи, дѣйствительно, бѣдствующемъ. Такъ въ Астрахани лѣтомъ и весною выпадаетъ 1,81 вершка, т. е. въ три раза менѣе, чѣмъ въ херсонской губерніи. А между тѣмъ астраханскій край вовсе не охаетъ и живетъ сравнительно благополучно, тогда какъ вопли и стоны несутся только изъ края новороссійскаго.

Такъ-какъ приведенныя цифры заслуживаютъ полной вѣры и изъ нихъ возможенъ лишь одинъ выводъ, что засухи въ новороссійскомъ краѣ происходятъ не отъ недостатка дождя, то и нужно принять этотъ выводъ, какъ доказанный. Чтобы еще болѣе усилить его, мы изъ того-же автора возьмемъ другіе факты.

Изъ метеорологическихъ таблицъ Кепена видно, что дождь въ южно-русскихъ степяхъ идетъ весною и лѣтомъ такъ же часто, какъ въ долину По и Венгріи, и немного чаще, чѣмъ въ Тосканѣ. Въ низовьяхъ-же Роны дождь идетъ рѣже, чѣмъ у насъ. У насъ на югѣ самый дождливый мѣсяцъ въ году іюнь, когда изъ трехъ дней одинъ съ дождемъ. Слѣдующіе по дождливости мѣсяцы май и іюль, а меньше всего дождей въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ. Авторъ статьи думаетъ, что въ этомъ-то и причина, почему на югѣ рѣдко удаются озимые посѣвы. Кромѣ іюня, есть еще другой максимумъ, когда число дней съ осадкомъ возрастаетъ; максимумъ этотъ падаетъ на декабрь. Затѣмъ число дождливыхъ дней уменьшается и остается почти неизмѣннымъ въ январѣ, февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ. Дѣлая сравненіе, по изслѣдованію академика Веселовскаго, между Харьковомъ и Оранжемъ во Франціи, авторъ говоритъ, что Харьковъ въ этомъ отношеніи не находится въ худшихъ условіяхъ, и приводитъ слѣдующее заключеніе г. Веселовскаго: „Дѣйствительно, у насъ въ степныхъ частяхъ Россіи продолжительныя лѣтомъ засухи составляютъ явле-

ніе гораздо болѣе рѣдкое, чѣмъ какъ можно было-бы думать, слушая хозяевъ, которые любятъ сваливать вину неурожаевъ то на засуху, то на излишніе дожди, то на холодъ, то на жаръ,—однимъ словомъ, на все, кромѣ нераціональнаго хозяйства“.

Съ тѣхъ поръ, по словамъ автора, многое измѣнилось и хозяйство во многихъ мѣстахъ стало не только раціональнымъ, но даже образцовымъ. А между тѣмъ жалобы на засухи не только не уюмляли, а еще усилились, а неурожай стали достигать ужаснѣйшихъ размѣровъ. Если, такимъ образомъ, нельзя сваливать вину на землевладѣльцевъ, то гдѣ-же искать настоящей причины неурожаевъ? Авторъ думаетъ, что она сама собою бросается въ глаза изъ сравненія климата южной Россіи съ другими мѣстами: причина находится въ продолжительныхъ сухихъ вѣтрахъ. Эта причина давно извѣстна и авторъ опять ссылается на академика Веселовскаго: „Вліяніе вѣтровъ на растительность въ такомъ краѣ, какъ степи, главнѣйше заключается въ томъ, что всѣ вообще вѣтры, но въ особенности сухіе восточные, усиливаютъ испареніе влажности, и, такимъ образомъ, съ одной стороны, отнимаютъ влажность непосредственно у самихъ растений, а съ другой—изсушаютъ почву, говоритъ г. Веселовскій.—Восточные вѣтры въ южной Россіи бываютъ такъ сильны и имѣютъ такое изсушающее дѣйствіе, что служатъ иногда главною причиною неурожая“. И затѣмъ опять слѣдуютъ доказательства, что только въ высушающихъ вѣтрахъ заключается главная причина неурожаевъ. Но отчего изсушающіе вѣтры дѣйствуютъ только на югъ и нѣтъ ихъ ни въ Европѣ, ни въ другихъ мѣстностяхъ Россіи? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ географическомъ положеніи нашего юга. Плодородныя мѣстности Европы да почти и вся она защищена отъ вѣтровъ горами. Такимъ положеніемъ пользуется долина рѣки По и Венгрія. Но нашъ южный край не защищенъ отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ ничѣмъ, они не встрѣчаютъ на своемъ пути ни горъ, ни большихъ пространствъ воды, гдѣ могли-бы запариться влагой, и являются лишь изсушающей силой.

Хотя причина засухъ приписывается, большею частію, восточнымъ и сѣвернымъ вѣтрамъ, но и сѣверо-западные оказываются на югъ не менѣе вредными. Сѣверо-западные вѣтры, начиная съ сѣвернаго полюса, идутъ чрезъ Норвегію, Балтійское море, ост-

зейскій и сѣверо-западный край. Ту влагу, которую онъ захватилъ въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго океана, онъ выдѣляетъ въ Скандинавскихъ горахъ, и вотъ почему Норвегія отлчается обиліемъ дождей. Лишившись влаги, онъ снова набирается ея надъ Балтійскимъ моремъ и затѣмъ теряетъ ее въ край остзейскомъ. Въ этомъ опять причина особенной дождливости остзейскаго края. Затѣмъ для сѣверо-западнаго вѣтра остается громадное ровное пространство, гдѣ онъ лишь нагрѣвается, и, по мѣрѣ удаленія своего отъ точекъ насыщенія, становится все суше и суше. Такимъ образомъ, оказывается, что половина всѣхъ вѣтровъ, проходящихъ на югъ съ юго-востока, востока, сѣвера и сѣверо-запада, обладаютъ очень сильною иссушающею способностью.

Но вотъ еще любопытный фактъ. На югѣ у насъ устроено нѣсколько метеорологическихъ станцій и на одной изъ нихъ дѣлаются, между прочимъ, наблюденія надъ количествомъ испаряющейся изъ земли влаги. Изъ наблюденій оказалось, что зимою на нашемъ югѣ испаряется вдвое больше влаги, чѣмъ въ германскихъ полевыхъ станціяхъ, а весною, и именно въ апрѣлѣ, втрое больше. Нужно думать, что для лѣта испареніе окажется и еще сильнѣе. А между тѣмъ въ Петербургѣ испаряется весной влажности изъ земли въ пять разъ меньше, чѣмъ въ херсонскомъ краѣ.

Общее заключеніе изъ всѣхъ этихъ данныхъ то, что сухость южнаго климата происходитъ не отъ малаго прихода влажности, а отъ слишкомъ большого ея расхода.

Г. Пржишховскій, статьей котораго въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ мы пользуемся, думаетъ, что единственное средство помочь горю заключается въ разведеніи лѣсовъ. Не вступая въ явную полемику съ г. Костычевымъ и не вдаваясь въ подробности о вліяніи лѣсовъ на климатъ, подвергаемыя еще сомнѣнію или оспариваемыя, онъ въ подтвержденіе своей мысли устанавливаетъ только слѣдующее безспорное положеніе: „лѣсъ удерживаетъ на мѣстѣ значительное количество воды, происходящей отъ таенія зимнихъ снѣговъ и отъ дождей, затѣмъ равномерно испаряетъ эту воду, насыщая ею воздухъ. Гдѣ нѣтъ лѣса, тамъ значительное количество осадка стекаетъ по склонамъ полей и уходитъ рѣчками, безъ малѣйшей пользы для растительности. Вслѣдствіе сказаннаго, воздухъ, проходящій черезъ лѣсъ, запасается влагой и становится менѣе способнымъ отнимать ее у полей. Но всего важнѣе для насъ то, что

лѣсъ значительно уменьшаетъ скорость вѣтра, вслѣдствіе чего его иссушающая сила значительно уменьшается“. „Можно принять по-этому, говорить г. Пржишховскій, — что количество испарившейся жидкости прямо пропорціонально скорости вѣтра, такъ-что при вдвое большемъ вѣтрѣ испаряется почти вдвое больше воды. Защитите поля отъ сухихъ вѣтровъ полосою лѣса — и посѣвы могутъ уцѣлѣть, несмотря на самую сухую весну“.

Остановившись на такомъ заключеніи, авторъ статьи предлагаетъ пересѣчь поля полосами, сажень въ 10 или меньше, засаженными деревьями. Полосы должны проходить въ разстояніи около версты одна отъ другой и въ перпендикулярномъ направленіи къ преобладающимъ сухимъ вѣтрамъ. Разведеніе лѣса полосами авторъ проекта предполагаетъ только на первое время, потому что разводить слишкомъ большія пространства было-бы дорого. Послѣ разведенія узкихъ полосъ онъ считаетъ нужнымъ приступить къ разведенію лѣса уже на значительно большихъ пространствахъ.

Авторъ проекта не скрываетъ, что разведеніе лѣса на громадныхъ пространствахъ херсонскихъ степей потребуетъ большого труда и большихъ денегъ. Но сопоставляя большія затраты съ громадностію зла, онъ думаетъ, что передъ расходами останавливаться не слѣдуетъ. Посмотримъ и подумаемъ!

Свое возраженіе мы могли-бы начать съ того, чѣмъ начали статью, т. е. что если югъ Россіи цѣлую тысячу лѣтъ жилъ безъ лѣсовъ и двадцать лѣтъ тому назадъ давалъ баснословные урожаи, то что за бѣда стряслась надъ нимъ такъ внезапно, что онъ теперь не хочетъ давать хлѣба, и засухи, небывшія прежде причиной неурожаевъ, стали губить только тотъ хлѣбъ, который нуженъ современному поколѣнію? Но предположимъ, что это все совершенно вѣрно, что засухи вредятъ только намъ, что засухи происходятъ отъ сухихъ вѣтровъ, а сухіе вѣтры оттого, что нѣтъ лѣсовъ, и потому все спасеніе въ разведеніи лѣсовъ. Предположимъ, что проектъ г. Пржишховскаго будетъ принятъ правительствомъ и разведеніе будетъ обязательно для cadaго земледѣльца и землевладѣльца новороссійскаго края. Прежде всего опредѣлимъ, какъ можетъ быть велика площадь разведенія. Примемъ длину и ширину мѣстности, требующей лѣсоразведенія, въ 700 верстъ, а діагонали отъ сѣверо-востока къ юго-западу и отъ сѣверо-запада къ юго-востоку въ 1,000 верстъ. Получится

2,000 полосъ, каждая въ 2,000 десятинъ, а въ общемъ итогъ въ 4,000.000 десятинъ. Допустимъ, что площадь эта не велика, что каждый на своемъ клочкѣ земли непременно займется лѣсоразведеніемъ, и посмотримъ на трудности степного лѣсоразведенія. Авторъ проекта, конечно, знаетъ Великоанадольскую лѣсную плантацію екатеринославской губерніи. Ему, конечно, извѣстны и труды колониста Корниса. Онъ знаетъ также, что лѣсныя плантаціи въ южныхъ степяхъ гибнуть больше отъ засухъ и что единственное средство спасенія молодняковъ заключается въ очень глубокой вспашкѣ. Покойный Корнисъ и создатель Великоанадольской плантаціи Граффъ, тоже покойный, были люди рѣдкой энергіи и рѣдкой любви къ дѣлу. И несмотря на то, несмотря на большія затраты казны на Великоанадольскую плантацію, она представляетъ въ настоящее время, послѣ тридцати-лѣтняго существованія, микроскопическій оазисъ и такую ничтожную точку, которую съ высоты птичьяго полета и не замѣтитъ. Какая-же энергія явится побуждающей силой для разведенія лѣса на пространствѣ 4,000,000 десятинъ? Если энергія одного приказанія, то едва-ли лѣсоразведеніе будетъ имѣть успѣхъ, а если энергія сознанія и такой любви, какая была у Граффа и у Корниса, то успѣхъ лѣсоразведенія становится еще сомнительнѣе. Но мы готовы допустить, что лѣсоразводителями лѣса будутъ только Граффы и Корнисы. Возьмемъ другія трудности.

Прежде, чѣмъ разводить лѣсъ, нужно устроить питомникъ для саженцевъ. Допуская перевозку саженцевъ на 100 верстъ, придется устроить въ каждой полосѣ по 10 питомниковъ, а на всѣхъ полосахъ 100 питомниковъ. Для 100 питомниковъ нужно имѣть сто знатоконъ, знатоконъ этихъ нужно создать, а создать ихъ, конечно, труднѣе чѣмъ: создать учителей для народныхъ школъ. Но мы и этотъ вопросъ не хотимъ считать труднымъ. Мы предполагаемъ, что все легко и все у насъ создается по щучьему велѣнью, только-бы захотѣть. Въ херсонской губерніи всѣхъ землевладѣльцевъ считается болѣе пяти тысячъ человекъ, въ екатеринославской — болѣе 3 тысячъ, и мы, для нашего расчета, ограничимся пока этимъ счетомъ: 5 тысячъ + 3 тысячи = 8 тысячаѣмъ лицъ, которымъ нужно заниматься лѣсоразведеніемъ. Предположимъ, что обязательство выпадетъ на половину, а землю остальной половины предположимъ лежащей внѣ полосъ лѣсоразведенія. Табъ-какъ

требуется развести 4 миліона десятинъ, а разводителей 4,000, то на долю каждаго придется 1,000 десятинъ. Изъ опытовъ лѣсоразведенія Великоанадольской плантаціи, владѣющей всевозможными средствами для успѣха, мы знаемъ, что въ годъ можно облѣсить только десятину, слѣдовательно 4,000 лѣсоразводителей облѣсятъ 4,000,000 десятинъ въ 1,000 лѣтъ.

Упрямо настаивая на исполненіи плана г. Пржишиховскаго, мы готовы допустить громадную ошибку въ своемъ разчетѣ, и 4,000,000 десятинъ сводимъ въ 400,000 десятинъ. Но и въ такомъ случаѣ на долю каждаго лѣсоразводителя придется сто лѣтъ работы.

Лѣсоразведеніе въ такомъ только случаѣ могло бы имѣть успѣхъ въ климатическомъ значеніи, если-бы югъ принялся за него сразу и съ тою энергіею, какую мы допускаемъ. Только при этомъ условіи можетъ выдти что-нибудь, да и то въ тысячу лѣтъ и при нечеловѣческихъ усиліяхъ. Допуская-же ошибку въ исчисленіи, на лѣсоразведеніе потребуется 100 лѣтъ. Ахъ, сколько воды утечетъ въ эти 100 лѣтъ, какіе успѣхи сдѣлаетъ и наука сельскаго хозяйства, какія открытія можетъ сдѣлать химія! Кто знаетъ, какія чудеса придумаетъ въ 100 лѣтъ человѣческой умъ? Разумѣется ради будущихъ предполагаемыхъ чудесъ не приходится сидѣть сложа руки; но неужели-же лучше шевелить руками безъ толку и предпринимать невозможный, исполинскій трудъ, въ которомъ не предусматривается никакихъ практическихъ возможностей успѣха? Предъ гигантскимъ проектомъ г. Пржишиховскаго останавливается съ робостью и самое смѣлое воображеніе и смѣлая энергія. Я думаю, что даже Петръ Великій опустилъ-бы руки и не взялся-бы подписать указа, повелѣвающаго цѣлому населенію края заниматься обязательно изъ года въ годъ цѣлую тысячу лѣтъ лѣсоразведеніемъ.

Мы думаемъ, что какъ ни справедлива мысль сторонниковъ лѣсоразведенія и какъ ни усердно стараются они убѣдить въ пользу его общественное мнѣніе; съ другой стороны, какъ ни несправедливы мнѣнія противниковъ, какъ гг. Золомановъ и Костычевъ, желающіе поколебать общественное мнѣніе, но сущность вопроса все-таки въ томъ, что требуется тысячелѣтній настойчивый и постоянный трудъ. Конечно, г. Пржишиховскій могъ-бы

сказать, что лѣсоразведеніе можно производить по частямъ; но производить по частямъ—значить, въ сущности, ничего не сдѣлать. Такимъ образомъ, вопросъ о лѣсоразведеніи нужно считать настолько открытымъ, что едва-ли даже у человѣка самой сильной энергіи мысли зашевелится желаніе думать о немъ.

А между тѣмъ югъ не можетъ выносить теперешняго порядка вещей и ему некогда ждать тысячу лѣтъ, пока лѣсоразведеніе уничтожитъ засухи и дастъ обильные урожаи. Что-же дѣлать? До сихъ поръ землевладѣльцы изворачивались „денежнымъ кредитомъ“ и въ немъ видѣли лучшую мѣру противъ неурожаевъ. Дѣло это шло такъ. Послѣ расчетовъ съ опекунскимъ совѣтомъ землевладѣльцы заручились выкупными свидѣтельствами; выкупныя свидѣтельства исчезли очень скоро и начались залоговъ въ земскомъ банкѣ. Деньги, взятые изъ банка, исчезли точно такъ-же, и хотя земскій банкъ былъ устроенъ именно для улучшенія хозяйствъ, но улучшенія, несмотря на увѣреніе г. Пржишховскаго, все-таки не явилось. Очутившись въ безвыходномъ положеніи, мѣстные землевладѣльцы требуютъ теперь новаго кредита, и на 28-е апрѣля созывается съѣздъ сельскихъ хозяевъ. Что это значитъ? Ужъ не наступаетъ-ли пора ликвидаціи, ужъ не дрогнуло-ли мѣстное землевладѣліе предъ непреодолимыми для него трудностями сельскаго хозяйства? А на это нѣсколько похоже. Одной херсонской губ. выдано 34,000,000 руб., обеспеченныхъ 1,800,000 десятинъ земли. На каждую десятину приходится годового платежа въ банкъ среднимъ числомъ 1 руб. 20 коп., а съ разными налогами платежъ составляетъ 1 руб. 50 коп. съ десятины, что почти равняется годичной арендной за нее платѣ. Между тѣмъ цѣны на землю упали до того, что за десятину даютъ не болѣе 30 рублей, и 1 руб. 50 к. расходовъ составляютъ 5% стоимости. Доходъ-же равенъ той-же цифрѣ, да на бѣду еще арендаторы не платятъ ничего землевладѣльцамъ, такъ что не изъ чего платить ни долга въ банкъ, ни налоговъ. Положеніе болѣе безвыходное, чѣмъ вопросъ о лѣсоразведеніи. Чтобы какъ-нибудь выкрутиться, финансисты южнаго края думаютъ устроить кредитъ земскаго банка въ конторахъ государственнаго банка. Но вѣдь это не больше, какъ соломенка, за которую хватается утопающій. Государственный банкъ не имѣетъ своихъ золотыхъ приисковъ. Онъ можетъ давать деньги въ ссуду только тогда, если знаетъ,

что долгъ будетъ отданъ. А если землевладѣльцы не въ состояніи платить процентовъ земскому банку, то изъ какихъ доходовъ земскій банкъ заплатитъ государственному банку? Наконецъ подъ какое имущество будутъ выданы новыя ссуды, когда и за прежнія не идетъ расплата? Круговая порука, конечно, очень хорошее средство, но когда у поручителей нѣтъ ничего, кромѣ пустыхъ кармановъ, то едва-ли какой-бы то ни было банкъ въ мірѣ согласится давать въ долгъ подъ такой фиктивный залогъ. Но что же дѣлать и землевладѣльцамъ и какъ имъ разсчитаться съ своими прежними долгами? Поневоля приходится лишь придумывать новыя займы и новыми долгами покрывать долги старыя. Когда сельское хозяйство превратилось въ подобную финансовую операцію перекладыванія денегъ изъ пустого въ порожнее, оно перестало быть сельскимъ хозяйствомъ, и тутъ не приходится говорить ни о засухахъ, ни о разведеніи лѣсовъ, ни объ изысканіи мѣръ для рациональнаго земледѣлія. Сельское хозяйство стало спекуляціею, игрою въ перекладываніе земли, чтобы какъ-нибудь выкрутиться и переколотиться, да прожить на взятія въ долгъ деньги, а не на доходы отъ земледѣлія. Что дѣлать, если вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ цѣлой области является вопросомъ ликвидаціи? Конечно, два, три урожая могутъ измѣнить все, но кто-же пошлетъ урожай и какая есть возможность сдѣлать его постояннымъ? И вотъ повторяется сказка о бѣломъ бычкѣ, и опять мы приходимъ къ сухимъ вѣтрамъ, къ спорамъ о лѣсоразведеніи, опять принимаемся сочинять проекты и ждемъ, чтобы кто-нибудь приказалъ намъ указомъ разводить лѣсъ изъ года въ годъ тысячу лѣтъ.

Вотъ ужъ истинный разбродъ, въ которомъ не найдешь ни начала, ни конца!

Казалось-бы, при голодухахъ и неурожаяхъ намъ едва-бы доставало хлѣба и у себя дома, а за-границу отпускать его было бы не изъ чего, а между тѣмъ оказывается, что въ 1875 г. отпущено хлѣба за-границу двадцать два миліона слишкомъ четвертей. И въ этомъ числѣ вывезено пшеницы на два миліона слишкомъ четвертей больше, чѣмъ въ 1874 году. Но вѣдь пшеница—южный хлѣбъ, она какъ-разъ хлѣбъ той мѣстности, гдѣ мы хотимъ тысячу лѣтъ заниматься лѣсоразведеніемъ. Какъ-же это мы плачемся на неурожай, ходимъ съ понуренными головами,

продаетъ за безцѣнокъ скотъ, сами вмѣсто хлѣба ѣдимъ землю, и въ то-же время вывозимъ за-границу больше двадцати миліоновъ четвертей хлѣба? Еще-бы не голодать! А между тѣмъ въ 1862 году мы вывезли всякаго хлѣба за-границу только 7,315.313 четвертей. а нынче, когда мы больше нуждаемся въ хлѣбѣ и больше терпимъ неурожаевъ, мы отпустили хлѣба 15,000,000 болѣе.

Да, наша торговля идетъ исполинскими шагами, и когда прежняя запретительная система окончилась, мы пошли впередъ очень быстро. На количествѣ вывозимаго нынче хлѣба мы можемъ видѣть, какъ далеко мы ушли впередъ въ 13 лѣтъ.

По-прежнему воображая себя страной преимущественно земледѣльческой, мы очень испугались соперничества придунайскихъ княжествъ и Америки, которыя начали насъ вытѣснять своимъ хлѣбомъ съ рынка Европы. А на-сколько насъ вытѣсняетъ Америка, можно видѣть хоть изъ слѣдующихъ цифръ. Въ 1864 г. Россія доставила на англійскіе рынки 44% хлѣба, а Америка 14%; а въ 1875 г., т. е. черезъ десять лѣтъ, уже Америка доставила 44% хлѣба, а Россія только 21%. Это обстоятельство очень огорчаетъ у насъ тѣхъ, кто въ денежномъ хозяйствѣ и въ развитіи внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ видитъ исключительно признаки возрастающаго благосостоянія. Но въ чьи карманы принесли благосостояніе двадцать миліоновъ четвертей, которые не были съѣдены бѣдняками дома, а были проданы по нуждѣ, точно такъ-же, какъ продается скотъ, чтобы онъ не окопѣлъ съ голоду и чтобы уплатить земскія, натуральныя и ненатуральныя, и всякія другія повинности, лежація на русской отощавшей землѣ? Когда, не вдаваясь въ частности, а поставивъ вопросъ прямо и круто, захочешь понять, почему страна, страдающая отъ неурожаевъ и голодухъ, вмѣсто того, чтобы съѣдать хлѣбъ дома, вывозить его за-границу, то представляются очень курьезными всѣ препирательства и отдѣльныя усилія русскихъ прожектеровъ найти всеобщую сельско-хозяйственную панацею. И въ самомъ дѣлѣ, сущность вопроса во всеобщемъ рациональномъ народномъ хозяйствѣ, въ общей гармоніи всѣхъ его частныхъ и мелочей и въ разумномъ движеніи частныхъ къ такому общему гармоническому единству, чтобы все было хорошо и всякому сит-

но и тепло. А благодуществующій Кишеневъ хочетъ устроить сельско-хозяйственный клубъ, гдѣ 15 человекъ будутъ обѣдать, а послѣ обѣда спать! Г. Шпилевскій мечтаетъ о „бюро“, гдѣ онъ будетъ давать отвѣты на всевозможные вопросы. Г. Пржишховскій хочетъ заняться тысячелѣтнимъ лѣсоразведеніемъ; „Биржа“ сѣтуетъ, что мы мало вывозимъ хлѣба за-границу, и очень огорчается, что малый вывозъ дурно влияетъ на состояніе нашего вексельнаго курса.

Вопросъ вовсе не въ этомъ и не въ праздныхъ измышленіяхъ прожектеровъ, а въ томъ, чтобы взглянуть на дѣло прямо, поставить хлѣбный вопросъ на его реальную почву и, разслѣдуя подробно мелочныя частности, придти къ какому-нибудь общему выводу. Ненормальное состояніе частныхъ есть неизбежное слѣдствіе ненормальнаго состоянія общаго. Если русское земледѣліе хромаетъ во всѣхъ своихъ мелочахъ, если землевладѣльцы должны ликвидировать, если закладываніе и перезакладываніе ведетъ къ банкротству, если двадцатимиліонные вывозы хлѣба отнимаютъ его отъ голодающаго населенія, то ясно, что у тако-го народнаго хозяйства нѣтъ ни цѣльности, ни единства, ни плана, ни порядка. Единичныя измышленія будутъ всегда вести къ такимъ *прожектамъ*, до какаго додумался г. Шпилевскій. Тутъ нужно нѣчто другое. Тутъ нужна инициатива не частныхъ лицъ, а общественныхъ органовъ. Тутъ надежда не на гг. Шпилевскихъ и не на учредителей обѣдненныхъ клубовъ; спасеніе возможно отъ настоящей силы, располагающей такими средствами, которыми частное лицо владѣть не можетъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ былъ сдѣланъ опытъ правительственнаго разслѣдованія, и комисія по изслѣдованію сельскаго хозяйства и сельской промышленности собрала много драгоценныхъ данныхъ. Несмотря, однако, на это, нельзя не замѣтить, что комисія работала слишкомъ поспѣшно, что составъ ея былъ нѣсколько однороденъ, число спрошенныхъ лицъ незначительно, наконецъ, труду комисіи не была придана достаточная гласность. При другихъ условіяхъ несомнѣнно, что подобныя изслѣдованія оказались-бы значительно многостороннѣе и плодотворнѣе.

Чтобы разрѣшить вопросъ, возбужденный, повидимому, страдающимъ отъ засухъ югомъ, нужно самое обширное изслѣдованіе

всѣхъ сторонъ нашего народнаго, промышленнаго, торговаго и финансоваго хозяйства. А изслѣдованіе это, конечно, не по силамъ никому изъ насъ и возможно только при средствахъ правительства и при устраненіи тѣхъ недостатковъ при самомъ собираніи свѣденій и критической оцѣнкѣ ихъ, которыхъ была не въ состояніи избѣгнуть комисія, назначенная отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Н. Ш.

QUOS EGO!..

(Отвѣтъ казанскому Литератору-обывателю и его издателю.)

«На брань слово купится».

Въ прошломъ году, въ №№ 9 и 10 «Дѣла», была помѣщена моя статья—«Печать въ провинціи». Статья эта, благодаря, можетъ быть, отсутствію въ нашей общественной жизни другихъ, болѣе животрепещущихъ, интересовъ, послужила чѣмъ-то вродѣ сигнальной ракеты къ возбужденію междоусобной брани на всѣхъ концахъ великой русской земли — на страницахъ, столбцахъ и даже на оберткахъ русскихъ журналовъ и газетъ большого и малаго полета, наконецъ на страницахъ провинціальныхъ изданій, этихъ, такъ-сказать, загробныхъ проблемъ русской мысли. Мало того, пожаръ войны перекинулся за предѣлы Россіи, за Карпаты, откуда выстрѣлы едва могли долетать до главнаго центра военныхъ дѣйствій и не попадали ни въ враговъ, ни въ союзниковъ. Эта презлѣная брань создала почти цѣлую литературу, циклъ которой разбивался на отдѣльные подциклы и мелкія воинственные рапсодіи... Словомъ, полемика закипѣла на всѣхъ пунктахъ и создала цѣлую область самостоятельной терминологіи, въ которой такъ и пестрятъ страшныя слова—«центры» и «окранны», «столицы» и «провинціи», «области» тожь, «города» и «деревни», и «люди города» и «люди деревни», «централисты» и «децентралисты», «печать центровъ» и «печать провинцій», «вопросы столицъ» и «вопросы областей», «сила центростремительная» и «сила центробѣжная», и такъ далѣе, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Державный въ соннѣ большихъ газетъ «Голосъ» и народоправная, тихая, скромная, по себѣ-на-умѣ «Недѣля», чужедный Petersburger Zeitung» и всеядный «Сынъ Отечества», мало занимающіяся биржею «Биржевыя Вѣдомости» и много занимающіяся биржею «С.-Петербургскія Вѣдомости», далекая «Сибирь» и недалекій «Воронежскій Листокъ», «кличивый ляхъ» и

«вѣрный россъ», говоря словами поэта—все смѣшалось и застонало въ общемъ воинственномъ гамѣ, такъ что нельзя было разобрать, кто за кого и кто противъ кого, кто за кѣмъ и кто отъ кого, кто палъ и кто торжествовалъ. Главенствующій «Голосъ», назвавъ мою скромную статью «замѣчательнымъ трудомъ», въ то-же время самого меня обозвалъ «непримиримымъ врагомъ провинціальной печати»,—за что, про что—я самъ не знаю. Тихая, но въ данномъ случаѣ явившаяся Собакевичемъ печати «Недѣля», обвинивъ въ безсодержательности всю литературу «городовъ» и указавъ ей идеалъ въ «деревнѣ», пожаловала меня титуломъ «одного изъ русскихъ централистовъ». «С.-Петербургскія Вѣдомости», бросившись въ битву въ тотъ моментъ, когда ни союзники, ни враги, ослѣпленные дымомъ своихъ собственныхъ словъ, уже не узнавали другъ друга и когда центры наносили удары центрамъ-же, а окраины воображали, что ихъ бьютъ и центры, и полуцентры,—«С.-Петербургскія Вѣдомости» хотя и выбрали благопріятную для себя позицію, однако не умѣли воспользоваться ею; стараясь бить меня на моихъ якобы противорѣчіяхъ, на «горькой ироніи» и на «сарказмѣ» моего отвѣта моимъ несообразительнымъ противникамъ и несумѣвъ разглядѣть ни противорѣчій въ самыхъ явленіяхъ жизни, ни той «горькой ироніи» и «сарказма», на которые я указывалъ въ этой самой жизни. Въ борьбу ввязался и «Сынъ Отечества», и нѣмецкій «Цейтунгъ»—и каждый выставлялъ знамя, на которомъ пестрѣли лоскутки моихъ мнѣній, моихъ-же доводовъ, но лоскутки полинялые, обезцвѣченные, обезличенные, подобно лакмусовой бумажкѣ, обмокнутой въ кислоту. За центрами зашищали и окраины: слышались слабые выстрѣлы откуда-то изъ Воронежа, затѣмъ изъ самой Сибири—и эти выстрѣлы направлены были уже прямо въ меня, въ мое знамя, которое издали казалось моимъ противникамъ чѣмъ-то вроде цвѣтного стяга «сборателя русской земли», скорѣе—«русской мысли». За центрами и окраинами русскаго государственнаго тѣла, за «городами и «деревнями» in spe заговорилъ, наконецъ, отрѣзанный ломоть русской земли—австрійская Галиція, и заговорилъ такимъ языкомъ, какимъ могла говорить только Червоная Русь временъ Гостомысла, для которой современные вопросы русскаго общества, конечно, были такъ-же понятны, какъ для насъ современные вопросы обитателей Сатурна. Нѣкая „Правда“, которая выходитъ въ Львовѣ, не разобравъ въ чемъ дѣло и, повидимому, не умѣя даже хорошенько понимать по-русски, вывела изъ всей этой полемики удивительно-остроумное заключеніе, будто «межи «Отечественными

Записками» и «Недѣлю» завів ся теоретичний спір (споръ) про те, чи потрібна децентралізація у літературному ділі, чи краще держати ся централізації, котра й досі (доселѣ) панує у Росіі» (1); что будто-бы „сей спір настав по поводу статі Мордовцева, у котрій він доказував, що централізація літературних сил у Петербурзі—се оден з найголовніших (наглавніѣйшихъ) условій розвою (условія розвитку) літератури російскої“; что будто-бы «Отеч. Зап.» прийняли мою сторону, «и під кінець виголосили те, що змагати ся про децентралізацію у пресі, про якісь окремішні інтереси країв и народів—зовсім не варто, бо з сего ніколи нічого не вийде»... Надо замѣтити, что ни я, ни „Отечественныя Записки“ ничего подобного не говорили. Но это для отрѣзаннаго и заплеснѣвѣлаго ломтя ничего не значить. Онъ взяъ своего собственнаго сочиненія выводить такое заключеніе: «На скільки ж у російській публицистиці панують тепер централістичні переконаня (тенденціи) по сему питаню (вопросу), видно напр. з того, що противъ таких обскурантних мислей, які виголосив пан Мордовцевъ, з усіх журналів російських виступила майже лиш одна „Недѣля“, за вишкою (за исключениемъ) деяких слабих голосів провинціальної пресси». И, наконецъ, ломоть бросаетъ въ петербургскую печать обвиненіемъ, что какъ-де не молчатъ остальной Росіи, «коли централістичні органи петербургскі виступали против еі інтересів и з обскурантизмом нігде не чуваним стояли тільки за просвіту майже лиш для одного Петербурга! та ще кілька найбільших городів російскої монархіі...»

Вотъ до какихъ абсурдовъ дошла битва центровъ и окраинъ, въ которую вмѣшались гоги и магоги съ ихъ дикими приѣмами войны. Отрѣзанный ломоть, невышедшій до сихъ норъ за предѣлы кругозора времєнь Гостомысла, упрекаетъ петербургскую печать въ обскурантизмъ, «нигдѣ не чуваномъ», въ томъ, что она будто-бы стоить за «просвіту» одного Петербурга!.. Дѣйствительно, такъ можуть говорити только гоги и магоги и имъ прощается ихъ жалкое, «нигдѣ не чуваное» невѣжество.

Но за гогами и магогами виступають на сцену еще болѣе жалкія существа—какіе-то гомункулы, микроцефалы изъ нынѣшней казанской губерніи. Они съ храбростію невѣденія, тоже „нигдѣ не чуванаго“, дѣлають „Первый шагъ“, который долженъ быть и послѣднимъ—послѣднимъ потому, что первый-то ужъ очень плохъ. И въ Петербургѣ, въ этомъ ужасномъ, всеядномъ и всепожирающемъ центрѣ всѣ посмѣялись надъ жалкой затѣей казанскихъ сочинителей и въ

особенности надъ малабарской пляской самаго жалкаго изъ нихъ, микроцефала-«обывателя», который, почему-то предположивъ, что литература—значить ругань, показыванье языка и произнесеніе всякихъ неприличныхъ и непечатныхъ словъ, вообразилъ, что и онъ литераторъ, потому что умѣетъ произносить всякія неприличныя слова,— въ Петербургѣ, повторяешь, посмѣялись и отъ души пожалѣли бѣдныхъ микроцефаловъ, а потомъ снова принялись за свое старое дѣло—учить этихъ бѣдныхъ людей окраинъ уму-разуму, думать и дѣйствовать въ пользу ихъ очеловѣченья, работать для нихъ неустанно, чтобъ и въ темные углы, гдѣ копошатся бѣдные микроцефалы, проникъ изъ центровъ свѣтъ просвѣщенія и разума, чтобы бѣдные микроцефалы хотя на одну ступеньку поднялись на лѣстницѣ экономическаго и умственнаго развитія, чтобы вѣчный, непробудный сонъ ихъ замѣнился тѣмъ здоровымъ, хотя нервнымъ и безпокойнымъ бодрствованіемъ, которымъ такъ горячечно живутъ дѣятельные, просвѣщенные, работающіе на окраины центры. «Вѣстникъ Европы» на задорное бормотанье микроцефала-«обывателя», обвинившаго меня въ томъ, будтѣ-бы я въ своемъ централистическомъ азартѣ чуть-ли не хочу взять приступомъ Казань, уничтожить ея политическую, этнографическую и литературную индивидуальность и вмѣсто Шигъ-Алея Агафонова или Сукюбеки-«обывателя» посадить на казанское царство Незнакомца, Гамму, Фауста Щигровскаго уѣзда или Рюрика съ Кузьмою Прутковымъ,—«Вѣстникъ Европы» замѣтилъ микроцефалу-«обывателю», что „провинціальной печати вредитъ вовсе не то, что Мордовцевъ или кто-нибудь другой не соглашается допустить ея развитіе“; что «если-бы Мордовцевъ и далъ свое согласіе на процвѣтаніе печати» у микроцефаловъ, «то отъ этого ей не было-бы лучше»; что, однимъ словомъ, казанскіе микроцефалы «сдѣлали не тотъ *первый шагъ*, о которомъ французы говорятъ, что *онъ стоитъ...*» Такъ сдержанно смѣется надъ забулакскимъ сочинителемъ жестокій центръ, центръ центровъ, если хотите, — ужасный „Вѣстникъ Европы“, о которомъ микроцефаль-«обыватель» выражается съ худо скрываемою завистью, замѣчая, будто этотъ журналъ «сдѣлали задается мыслью выработать общіе руководящія принципы для русской жизни и литературы...» Бѣдные микроцефалы!.. Другая центральная сила, скрывающаяся въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, говоритъ по поводу сдѣланнаго на меня микроцефалами нападенія: «Г. Мордовцевъ рисуетъ мнѣ нынѣ не иначе, какъ въ видѣ гиганта, стоящаго одною ногою на берегахъ Невы и бросающаго вызовъ—въ видѣ

своей знаменитой статьи «Печать въ провинціи» — какъ есть всей Россіи, отъ Вислы до береговъ Камчатки дальней и отъ полярныхъ странъ до пламенной Колхиды»; что «вся Россія съ горячностью приняла этотъ вызовъ и грозно ополчается на этого смѣльчака и богатыря петербургскаго цикла, и теперь г. Мордовцеву опасно и востъ показать въ провинцію: тамъ теперь по вѣсѣмъ городамъ и вѣсямъ у вѣсѣхъ только и на устахъ, что ненавистное имя г. Мордовцева; повсюду точать мечи булатные, острять стрѣлы каленыя, ватягиваютъ луки тугіе и «Первый шагъ» къ нападенію на сего общаго супостата уже сдѣланъ...»

Въ виду этой грандіозной картины я готовъ самъ увлечься своимъ величіемъ и представить себя въ видѣ гиганта, на котораго, конечно съ милостиваго соизволенія самого великана, корабкуются разные пигмеи, гомункулы, микроцефалы, желающіе поразить меня въ самое сердце: пигмеи налипли у меня на рукахъ, на пальцахъ, на сѣдыхъ волосахъ, даже на рѣсницахъ, откуда, при всякомъ морганьи, бѣдные пигмеи сыплются, какъ пыль отъ дуновенія вѣтра.

Бѣдные микроцефалы! Ужасный центръ не останавливается на этомъ осмѣяніи вашихъ воинственныхъ поползновеній. Третья центральная сила, пріотившаяся въ „Новомъ Времени“ подъ страшнымъ именемъ Фауста щигровскаго уѣзда, тоже дуетъ на ваши крошечныя крѣпостцы и батарейки, построенныя маленькими, неумѣльными рученками изъ песку и пыли, на ваши ядрышки и карточки, эти маленькіе мыльные пузырьки изъ казанскаго мыла. — и все это разлетается прахомъ. Бѣдные микроцефалки! Ужасный Фаустъ, для котораго не существуетъ ничего священнаго, даже казанскаго «Перваго шага», говоря, что провинціальная жизнь должна развиваться какъ можно больше и самостоятельнѣе, что мѣстная печать имѣетъ очень важное значеніе и должна разрабатывать и освѣщать мѣстныя нужды, безжалостный Фаустъ щигровскій обращается къ казанскимъ микроцефаламъ, словно Фаустъ нѣмецкій къ глупой Грехенъ. „Все это вѣрно (говоритъ онъ о необходимости печати въ провинціи), и самъ г. Мордовцевъ ничего противъ самаго идеальнаго развѣта провинціи не имѣетъ. Я увѣренъ, что если-бы отъ него зависѣло, онъ вѣсѣмъ бы давалъ разрѣшенія на провинціальныя газеты. Но онъ очень справедливо возсталъ противъ той первокласной роли, которую вѣкоторыя областныя органы захотѣли взять въ свои руки (NB. я даже этого не говорилъ: по-моему—пусть берутъ, если только *смогутъ*.) Гг. областныя патриоты, обрѣвши въ своемъ кружкѣ

двухъ, трехъ публицистовъ, дѣйствительно достойныхъ стать во главѣ порядочнаго изданія, воображали, что съ этимъ порошкомъ они могутъ обстрѣливать всю Россію, и захотѣли совершенно устранить петербургское вліяніе. «Петербургщина»—это вѣчто вродѣ зачумленнаго предмета для областныхъ философовъ и предается самому позорному остракизму».

Что-же, въ самомъ дѣлѣ, я совершилъ такого ужаснаго, что микроцефалы, къ муравьиной работѣ которыхъ я отнесся въ своей злополучной статьѣ „Печать въ провинціи“ и всегда относился съ глубокимъ сочувствіемъ, — такъ озлились противъ меня, озлились до бѣшенства, до пѣны у рта, до потери послѣдняго грана мозжечковъ, отпущенныхъ имъ природой? Ничего ужаснаго я не совершилъ—я просто дунулъ на нихъ муравейникъ, желая разбудить ихъ. Вотъ вся моя вина. Зачѣмъ я потревожилъ ихъ провинціальный сонъ? Что къ муравьиной работѣ этихъ бѣдныхъ людей я относился съ глубокимъ сочувствіемъ—это не фраза, и упрекнуть меня въ несочувствіи къ развитію провинцій можетъ только крайняя недобросовѣстность. Во всемъ, что я имъ говорилъ, на чемъ имъ настаивалъ—я на разные лады повторялъ: «работайте, неустанно работайте надъ изученіемъ и развитіемъ провинцій, какъ работаютъ центры; не спите, бодрствуйте ежечасно, потому что ужасные центры высасываютъ изъ васъ лучшіе соки... Боритесь съ этими чудовищами, и выставьте противъ нихъ конкуренцію нравственную, умственную, литературную, экономическую». Вотъ что я говорилъ—это содержаніе всѣхъ моихъ статей о провинціяхъ, и тѣхъ, которыя вы знаете, и тѣхъ, о которыхъ вы ничего не знаете. Такъ, въ одной изъ извѣстныхъ вамъ статей («Дѣло», 1875, кн. 9, стр. 46) я говорилъ: «Еще недавно у насъ возлагались большія надежды на провинціальную печать, да и въ настоящее время едва-ли не господствующимъ мнѣніемъ остается то, что провинціальная печать имѣетъ свое будущее, и даже очень близкое; что временныя, чисто-механическія препятствія задерживаютъ ея развитіе насильственно; что, несмотря на эти препятствія, ростъ провинціальной печати хотя довольно медленъ, однако, носятъ въ себѣ всѣ зачатки жизни и развитія; что въ-концѣ-концовъ, какъ грамотность, образованіе и развитіе должны сдѣлаться болѣе или менѣе общимъ достояніемъ съ поднятіемъ уровня экономическаго благосостоянія всѣхъ классовъ общества; что какъ въ городѣ прочный сапогъ вытѣсняетъ обдерганный мочальный лапотъ, какъ вытѣснить онъ эту допотопную, каменнаго вѣка обувь изъ деревень, — точно такъ и печать разо-

вьется вездѣ, куда только она въ состояніи проникать, и разливаясь будетъ не изъ центровъ, въ видѣ готоваго уже читательнаго матеріала, отлитаго въ литературную, ученую, публицистическую и иную форму печати, но въ видѣ самаго типографскаго станка съ его дѣятелями и факторами—литераторами, учеными, публицистами и т. д.» Далѣе я замѣчалъ, что «дѣйствительно, въ этомъ отношеніи все, повидимому, говорило въ пользу мнѣнія о децентрализаціи печати, о томъ, что дальнѣйшее развитіе ея, казалось-бы, должно пойти путемъ центробѣжной силы, путемъ циркуляціи крови отъ сердца къ прочимъ частямъ тѣла и ко всѣмъ его живымъ оконечностямъ»; что, наконецъ, «не одна періодическая провинціальная печать могла утверждать въ томъ мнѣніи, что провинціи, подобно столицамъ и большимъ центрамъ, заговорятъ своимъ независимымъ языкомъ, подадутъ свой собственный голосъ въ общемъ представительствѣ человѣческаго слова, и голосъ этотъ будетъ имѣть такое-же рѣшающее значеніе въ представительствѣ мысли, какъ и голосъ центровъ—монополистовъ печатнаго слова», но что въ провинціи замѣтенъ ростъ, хотя и медленный, и не періодической печати и т. д. При всемъ томъ я не могъ не прибавить къ этому, что, «къ сожалѣнію, всѣ эти прекрасныя порыванія провинцій такъ, кажется, покуда и должны остаться порываніями, потому что питаемыя ими надежды и заявляемыя ими притязанія на равную съ крупными интеллигентными центрами долю участія въ общечеловѣческой работѣ печатнаго слова почти не имѣютъ подъ собою реальной почвы и положительно не оправдываются тѣмъ направленіемъ, какое принимаетъ жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ, и притомъ едва-ли не помимо ихъ собственной воли, какъ помимо собственной воли растетъ дерево, журчитъ ручей и проч., а подъ обаяніемъ какой-то невѣдомой, повидимому, неизмѣнной, роковой силы — собственно союза двухъ силъ: интеллигентной и экономической, которыя все болѣе и болѣе влекутъ человѣчество изъ окраинъ, изъ провинцій (въ обширномъ смыслѣ этого слова) къ немногимъ, почему-то излюбленнымъ ими центрамъ. Подобно тому, какъ онѣ создали монополію капитала и тысячи монополій почти во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности человѣческой, такъ создаютъ тецерь монополію центровъ, монополію крупныхъ городовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и монополію проявленія интеллигентныхъ силъ человѣчества, монополію ума, монополію генія человѣческаго, наконецъ, монополію печати» (стр. 47—48.)

Развѣ это не фактъ? Но положимъ, что это явленіе—временное, какъ

и весь шаръ земной—явленіе временное; положимъ, что такъ—я и самъ вѣдь тоже самое говорилъ; все-таки—вопросъ о децентрализациі—вопросъ глубокой важности, вопросъ жизни и науки, и намъ его не рѣшить ни «первымъ», ни послѣднимъ «слагодомъ». Но опять-таки гдѣ-же моя вражда противъ печати въ провинціи? Развѣ вражда говоритъ такимъ языкомъ: «задачи провинціальной печати — изучать жизненные нужды страны, доводить о нихъ до всеобщаго свѣденія, стараться поставить населеніе въ возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцію съ центрами, съ большими городами»... («Дѣло», 1876, кн. 1, стр. 32.) Развѣ это вражда противъ провинціальной печати? Развѣ задачи печати, на которыя я указываю, обидны? Да помилюйте вы меня, слѣпотствующие микроцефалы! Вѣдь эти задачи—задачи всего міра, задачи міровой печати, задачи науки и всего человѣчества. Это—миссія народовъ. «Поставить провинціальное населеніе въ возможность предъявить экономическую и нравственную конкуренцію съ центрами, съ большими городами»—да развѣ это не великая задача жизни всего человѣчества? Конкуренція съ центрами — да вѣдь это конкуренція противъ подавляющей силы, противъ монополіи благосостоянія и человѣческаго счастья, противъ монополіи знаній, монополіи солнечнаго свѣта и тепла, захваченныхъ центрами.

Но микроцефалы не хотятъ этого ни знать, ни видѣть. Они не могутъ простить мнѣ того, что я своимъ дуновеніемъ въ ихъ муравейникъ потревожилъ ихъ сонъ. Они съ настойчивостью чловѣка, котораго опасно заставлять Богу молиться, продолжаютъ утверждать, что я—врагъ провинціальной печати, что я—централистъ. Или они не умѣютъ читать, или они... молятся Богу съ опасностью для своего собственнаго лба, если не хотятъ понимать даже нижеслѣдующихъ словъ, сказанныхъ мною, по поводу той-же печати въ провинціи, въ 1 книгѣ «Дѣла» за нынѣшній годъ: «Передо мною въ воображеніи оживаетъ картина неприглядныхъ нынче, мрачныхъ, безлюдныхъ, голодныхъ и холодныхъ степныхъ окраинъ. Центры, ради собственнаго своего спасенія, рано или поздно будутъ поставлены въ необходимость возвратитъ свой долгъ окраинамъ, отдать имъ все то, что они у нихъ взяли втеченіи цѣлыхъ вѣковъ, — отдать имъ извѣстную долю власти, богатства, знанія, ума и экономической равноправности... И вотъ, когда этотъ долгъ уплатится, окраины оживутъ: тамъ создадутся новые центры, начнется разверстка центральныхъ силъ, разверстка центральныхъ капиталовъ, центральныхъ знаній, ума, талантовъ, геніальности, наконецъ, разверстка централь-

ной печати между печатью провинцій... Но (добавлялъ я на основаніи опыта мировой жизни) историческіе процессы совершаются медленно; что въ индивидуальной жизни требуетъ двухъ или трехъ лѣтъ, на то въ народной жизни требуются цѣлые вѣка. Столѣтія нужны для того, чтобы страна пришла къ сознанию своего естественно-соціального назначенія... При всемъ томъ я выражалъ глубокую, непоколебимую увѣренность въ «возможности разверстанія человѣческаго счастья между центрами и окраинами, между столицами и провинціями, наконецъ, разверстаніе печатнаго слова между столичными и провинціальными силами, равно между писателями и читателями». («Наши окраины», стр. 85—87.)

Ясно, что казанскіе «обыватели», сознательно или безсознательно— это для нихъ, впрочемъ, все равно — говорятъ обо мнѣ ложь. Что ложь для «обывателей» считается понятіемъ и дѣйствіемъ непредосудительнымъ, видно изъ того, что они при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ прибѣгаютъ къ этой нравственной кражѣ со взломомъ такъ-же охотно, какъ Фальстафъ къ своему «спасительному коню». Понадобилось имъ, напр., сказать нѣсколько гнилыхъ словъ о томъ, яко-бы «столичная жизнь подтачиваетъ въ писателѣ живое чутье къ (?) народной жизни», и вотъ они прилегаютъ такую обо мнѣ небылицу, не умѣя даже, вслѣдствіе недостаточности въ ихъ распоряженіи думательнаго матеріяльца, прикрыть того, что лгутъ они, бѣдненькіе гомункулы, а не я; на стр. 519 они говорятъ: «Попались, напр., г. Мордовцеву стихи народные про желѣзную дорогу и онъ вздумалъ блеснуть ими предъ своими читателями, какъ баричъ, ввертывающій въ свою рѣчь народное слово; но, какъ часто бываетъ въ этихъ случаяхъ съ баричами, такъ случилось и съ г. Мордовцевымъ,—онъ перевралъ народную рѣчь, и изъ остроумнаго, мѣткого двустишія сдѣлалъ какую-то бессмыслицу; въ пѣснѣ поется:

„До чего народъ доходитъ:
Самоваръ въ упряжкѣ ходить“,

а г. Мордовцевъ пшетъ:

Самоваръ въ пристяжкѣ ходить“.

По этому поводу обрадованные «обыватели» пускаются въ провинціальную болтовню, объясняютъ съ пунктуальностью, достойной лучшаго дѣла, что такое «пристяжка» и что такое значить «пристяжная», а потомъ глубокомысленно объясняютъ значеніе «коренной» лошади и «упряжи». Вотъ до чего можетъ дойти захолустная узкость, воображающая, что въ столицахъ не знаютъ даже, что такое упряжь,

пристяжка, хомуть, казанская тупость и пр. Но дѣло не въ томъ, а въ казанской лжи. Показавъ, что значить хомуть и казанская глупость, «обыватели» даютъ мнѣ такое наставленіе: «Чтобы щеголять народной рѣчью, нужно понимать ее, а для этого нужно умѣть цѣнить ее и ея достоинства; г.-же Мордовцевъ умѣетъ только глумиться надъ народнымъ языкомъ»... Но, во-первыхъ, въ приведенномъ двустишіи не я сочинилъ «пристяжку» вмѣсто «упряжки», а ваша-же провинціальная литературная сила—г-жа Бравина, и это сочиненіе напечаталъ вашъ-же провинціальный товарищъ (у котораго, къ сожалѣнію, вы вышли изъ повиновенія и тѣмъ уронили провинціальную печать въ глазахъ всѣхъ честныхъ людей), достоуважаемый другъ мой, издатель «Нижегородскаго Сборника». На стр. 178 любезно присланнаго мнѣ вашимъ экс-игеомомъ V тома этого «Сборника» напечатано именно такъ, какъ я сказалъ, т. е. въ «пристяжкѣ»; а казанскіе «обыватели» оболгали и меня, и почтенную г-жу Бравину, говоря, что я «перевралъ» то, что, по ихъ обывательскимъ понятіямъ, «переврала» г-жа Бравина. «Во-вторыхъ, если «столичная жизнь подтачиваетъ въ писателѣ живое чутье къ народной жизни», то провинціальная жизнь подтачиваетъ въ «обывателяхъ» не только чутье человѣческой логики, чутье литературнаго приличія, литературной рѣчи, но и просто чутье грамматическое: — «чутье къ народной жизни» никто не говоритъ, потому что это равносильно было-бы выраженію: «у казанскихъ микроцефаловъ нѣтъ чутья къ собственной бездарности». Въ другомъ мѣстѣ казанскіе «обыватели» лгутъ не только на меня и на г-жу Бравину, но и на покойника, на почтеннаго нѣмца, именно на старика Гете, о которомъ «обыватели» слышали что-то на Булакѣ отъ татаръ и, прочтя въ какомъ-то учебникѣ стихотвореніе Баратынскаго на смерть Гете, вообразили, что это писалъ самъ Гете, и на стр. 123 что-называется лагнули:

Съ природой одною я жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье...

Гете (!).

Очевидно, что въ первомъ случаѣ «обыватели» или сознательно солгали, что-называется со взломомъ, или *не умѣли* правильно записать народную пѣсню, или *потѣнились*, по свойственной провинціаламъ лѣни, прочитать уже напечатанное *у себя-же* въ провинціи (а вѣдь, кажется, немного этого печатнаго у нихъ); во второмъ случаѣ — или тоже солгали, но не намѣренно, безъ взлома, сказали на-

авось, или, скорѣе, по свойственной провинціямъ сонливости, забыли даже то, чему въ семинаріи учились.

Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ эти мелочи, на которыя я указалъ единственно лишь для того, чтобы констатировать фактъ — до какой безцеремонности доходятъ въ своихъ литературныхъ приѣмахъ казанскіе «обыватели», я остановлюсь на главныхъ мотивахъ, вызвавшихъ противъ меня казанскихъ микроцефаловъ. Дѣло въ томъ, что въ статьяхъ своихъ о печати въ провинціи я сказалъ, что все *выдающееся*, талантливое, сильное духовно, всякая капиталность, даровитость, все живое и производительное тянется изъ окраинъ къ центрамъ. Я указалъ только на явленіе, котораго никто отрицать не можетъ. Такъ-какъ отрицать указаннаго мною явленія нельзя и это поняли даже микроцефалы, то имъ оставалось одно и единственное заключеніе, до котораго и они не могли не дойти своимъ умишкомъ, а именно: если все выдающееся, сильное, повинуюсь своему удѣльному вѣсу, тянется къ центрамъ, а все дюжинное остается на окраинахъ, въ провинціи, то, значить, казанскіе микроцефалы, прозябающіе у окраинъ бывшаго болгарскаго царства — дюжинности. Этого оскорбленія микроцефалы не могли снести и бросились на меня съ сжатыми кулачками. *Inde ira!*..

Въ самомъ дѣлѣ, уязвленные въ своемъ маленькомъ, но задорномъ провинціальномъ самолюбіи, казанскіе «обыватели» сіяются доказать, что тяготѣнія къ центрамъ, на которое я указывалъ какъ на неизбежный результатъ современнаго соціального строя, — не существуетъ. Они ссылаются на результаты однодневной переписи Петербурга въ 1869 г. и говорятъ, что въ Петербургѣ насчитывается 98 тысячъ прислуги, 16 тысячъ извозчиковъ, 11 тысячъ прачекъ и — только 3 тысячи литераторовъ! Что-же тутъ выдающагося? спрашиваютъ «обыватели». На 3 тысячи литераторовъ (будто-бы три тысячи) — 11 тысячъ прачекъ! 16 тысячъ извозчиковъ! Что-же есть такого выдающагося въ извозчикахъ и прачкахъ? Да, гг. микроцефалы, именно эти извозчики и эти прачки составляютъ то выдающееся, то недюжинное, то «живое и дѣятельное», которое, по моимъ объясненіямъ, притягивается въ Петербургъ въ силу своего удѣльнаго вѣса. И ваши казанскіе татары, служащіе у Дюссо и Бореля, — это выдающіяся изъ васъ личности. Татары, продающіе халаты въ Петербургѣ, — тоже крупнѣе тѣхъ, которые продаютъ тѣ-же халаты въ Казани. Объясняется это очень просто: крупная литературная сила, выдающійся талантъ ищутъ для себя по-возможности большей аудиторіи — и нахо-

дать ее, конечно, въ центрахъ, а дюжинность остается внѣ центровъ; крупный капиталъ тоже ищетъ широкой арены—и находятъ ее въ центрахъ; выдающійся музыкальный талантъ, выдающійся голосъ, выдающаяся красота, даже выдающееся уродство — все тянется къ центрамъ, подобно тому, какъ китъ ищетъ океана. Несомнѣнно, что и прачка, и извозчикъ, и лакей, на которыхъ сѣгуютъ «обыватели» за тяготѣніе къ Петербургу, потому именно и попали въ этотъ центръ, что въ числѣ прочихъ извозниковъ, лакеевъ и прачекъ, остающихся въ Казани или въ Чебоксарахъ, — они выдающіяся въ своемъ родѣ силы; прачки-дюжинности, извозчики-дюжинности, лакеи-дюжинности — эти остаются въ Казани и въ Чебоксарахъ, потому что онѣ даже не понимаютъ, какъ можно пробраться къ Петербургу и не погибнуть въ немъ. Ясно, что наиболѣе выдающіяся личности даже изъ прачекъ притягиваются къ центрамъ сообразно своему удѣльному вѣсу. Лучше быть послѣднимъ между людьми, чѣмъ первымъ между микроцефалами, лучше быть вторымъ въ Петербургѣ, чѣмъ первымъ въ Чебоксарахъ.

Но этого «обыватели» не поймутъ, а иначе они или сами притянулись-бы къ центрамъ или создали-бы свой центръ на Булакѣ, въ домѣ Казанкина, или на Лядской улицѣ—центръ сильный интеллигентно, богатый, даровитый, литературный, ученый.

Въ своемъ непониманіи законовъ человѣческой жизни и даже простого приличія, «обыватели» доходятъ до клеветы на все честное и благородное, на все, чѣмъ единственно можетъ гордиться наша бѣдная земля. Говоря о незавидной жизни провинціального писателя, о его бѣдности, зависимости, о невозможности работать, они спрашиваютъ: «Въ такихъ-то обстоятельствахъ какую пищу для самолюбія или матеріальнаго разсчета представляетъ дѣятельность провинціального писателя? Никакой (отвѣчаютъ они); напротивъ, она требуетъ самоотреченія во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ главнаго: самостоятельности взглядовъ. Въ этомъ отношеніи писатель-провинціалъ обладаетъ драгоцѣннѣйшей привилегіей—хранить независимость своего мнѣнія отъ вліянія литературныхъ кружковъ и лагерей, отъ разсчетовъ литературнаго кумовства, отъ пополозновеній антрепренера-издателя (такъ-какъ или онъ самъ издатель своихъ сочиненій, или издатель отъ него зависитъ, а не наоборотъ). Тѣ лишенія, труды, опасности и болѣзни, которыми онъ завоевываетъ себѣ право быть писателемъ, дѣлаютъ въ его глазахъ печатное слово предметомъ слишкомъ высокимъ, чтобы относиться къ нему безъ достаточнаго ува-

женія и обращаться съ нимъ запанибрата. Между тѣмъ, какъ столичный писатель сплошь и рядомъ пишетъ для того, чтобы заработать себѣ средства къ жизни, провинціальный, наоборотъ, зарабатываетъ средства къ жизни для того, чтобы имѣть возможность писать; или, короче: первый пишетъ, чтобы жить, второй живетъ, чтобы писать (да, это видно, замѣчу я: со времени покоренія казанскаго царства казанскіе микроцефалы прожили болѣе 200 лѣтъ, а написали только «Первый шагъ», и то болѣею частью чужими руками, — руками петербургскихъ писателей, гг. Ядрищева, Потавина, Португалова)... Маленькая разница, которою объясняется очень многое (да, именно — отсутствіе у восьмидесяти-миліоннаго населенія окраинъ *своей* печатной строчки)... Теперь, надѣюсь (не надѣйтесь!), для читателей становится нѣсколько понятнымъ, въ чемъ мы предполагаемъ источникъ инстинктивной антипатіи (!!) писателя-централиста къ «притязаніямъ» провинціальной печати. Признать эти притязанія законными, достойными сочувствія — это значило-бы принять на себя нѣкоторыя нравственныя обязательства, такъ-какъ въ противномъ случаѣ каждый читатель скажетъ: «вы только говорите о своемъ сочувствіи развитію печати въ провинціи, но возлагаете бремя неудобноносимое на другихъ, а сами и перстомъ не хотите его двинуть». Столичный писатель не на-столько наивенъ, чтобы этого не предвидѣть, — и вотъ онъ является антагонистомъ (!!) тѣхъ «стремленій», въ которыхъ чувствуетъ какъ-бы «притязаніе» на себя самого, въ качествѣ дѣятеля печати» (стр. 487—488).

Благодарю—ожидаю! Тутъ что ни слово, то клевета. Да поймите вы наконецъ, что я былъ антагонистомъ только вашей безграмотности, бездарности и лѣни, а теперь еще и недобросовѣстности. Подумайте, что вы сказали? Вѣдь столичный писатель никогда не рѣшится бросить грязью въ провинціального писателя, хотя-бы онъ былъ микроцефалъ. Столичный писатель никогда не обвинитъ литератора-обывателя въ продажности; онъ, можетъ быть, только посмѣется надъ его лѣнностью, неумѣлостью, бездарностью, но никогда надъ продажностью. А вы, гг. «обыватели», огуломъ черните столичныхъ писателей именно въ этомъ. Вотъ эта - то хула вамъ и не можетъ быть прощена. Вѣдь послѣ этого можно - ли надѣяться на развитіе печати въ провинціи, когда представители ея выражаютъ о печатномъ словѣ и его служителяхъ такое глубоко - безнравственное мнѣніе? Не простится вамъ и обвиненіе столичныхъ писателей въ «антагонизмъ» провинціальной печати. Вспомните одно, что всякій болѣе

или менѣ крупный литературный талантъ, прежде, чѣмъ попасть въ столицу, начиналъ свое литературное поприще въ провинціи. Вспомните, сколько писателей, поглощенныхъ нынѣ центрами, работали прежде для провинцій, начиная отъ Бѣлинскаго... И вы смѣете обвинять ихъ въ антагонизмъ къ провинціальной печати, вы, можетъ быть, пальцемъ непошевельнувшіе для общаго дѣла, а если и пошевельнувшіе, то развѣ только для того, чтобы написать сто сорокъ страницъ невообразимой мѣшанины, ругани самой неприличной, и обвинить всю русскую печать въ равнодушіи къ развитію провинцій, во враждѣ къ печатному слову, мало того—въ симоніи! Столичная печать не должна-бы была вовсе отвѣчать на вашу скабрзную ругань, но она снисходитъ къ вамъ изъ жалости, изъ уваженія къ идеѣ, которую вы хотѣли захватить вашими грязными рученками, изъ уваженія къ мѣсту, къ провинціи, къ родинѣ русскаго человѣка и писателя, которую вы, какъ мухи, «засидѣли». Постыдитесь хоть вашей университетской молодежи, которая, конечно, прочла и поняла васъ своимъ чуткимъ, честнымъ сердцемъ...

Итакъ, читатель, безспорно, убѣдился, что всю бурю въ наперстокъ воды казанскіе «обыватели» подняли изъ-за того, что имъ показалось, будто изъ моихъ статей о печати въ провинціи не можетъ быть другого вывода, кромѣ того, что если центры притягиваютъ къ себѣ все даровитое, крупное и выдающееся, то въ провинціяхъ должна оставаться единственно лишь одна бездарность, дюжинность и интеллигентная плоскость. Казанскіе «обыватели» обидѣлись просто за себя лично. Затѣмъ они возмущали наперстокъ съ водою и изъ-за того, что я имъ сказалъ: „задачи провинціальной печати—изучать жизненные нужды страны, доводить о нихъ до всеобщаго свѣденія, стараться поставить населеніе въ возможность предъавить экономическую и нравственную конкуренцію съ центрами, съ большими городами“.

Какъ-же не возмутиться этимъ? Я имъ указалъ ихъ задачи. Если они ихъ не выполняютъ, значитъ—или не умѣютъ, или не хотятъ; или они лѣнны, или бессильны—другого вывода изъ этой проклятой дилеммы нѣтъ. Они увидѣли, что я, какъ тотъ классическій крокодилъ, задававшій бѣдной матери вопросъ—съѣсть онъ ея ребенка или нѣтъ,—неизбѣжно съѣлъ ихъ ребенка—воображаемое право на званіе создателей провинціальной печати.

И вотъ, создавая безвыходность своего положенія передъ пастью крокодила, бѣдные „обыватели“, подобно разсерженному верблюду, изрыгающему жвачку въ своего вожака, изрыгаютъ въ меня такую же

верблюжью жвачку, неперевавленную ими изъ той пищи, которую я-же предлагалъ бѣднымъ «обывателямъ» въ видѣ монхъ публицистическихъ работъ о провинціяхъ. «Вы говорите объ усиліяхъ (бросаютъ они въ меня жвачкой), которыя должна дѣлать провинціальная печать, чтобы провинція могла предъявить экономическую и нравственную конкуренцію съ центрами, т. е. вы указываете на неизбѣжность извѣстнаго рода нравственной борьбы между провинціей и подавляющими ея нравственную самостоятельность центрами; слѣдовательно, вы признаете, что въ число задачъ провинціальной печати входитъ борьба противъ монополіи столичнаго мнѣнія, вооруженнаго талантами, знаніемъ и издательскими средствами. Но—если это не фразы съ вашей стороны—отвѣтите: сами-то вы въ этой борьбѣ на чьей сторонѣ стоите, кого поддерживаете, за кого ратуете? Если вы не фразеръ, идите въ провинцію, станьте на стражѣ ея интересовъ, ея самостоятельности, принесите ей въ жертву свой талантъ, свое время, свой трудъ, ратуйте, за нее, помогайте ей предъявлять нравственную конкуренцію съ центрами! Тогда вы не станете запугивать разными призраками идеальныя порывы ея дѣятелей, не захотите подрѣзывать крылья провинціальной печати, ставить ей границы, дальше которыхъ она не должна идти, по вашему мнѣнію; не оправдаете насильственнаго подавленія въ себѣ «родного патавинизма», не будете сваливать вину на воображаемые естественные законы, на дѣлѣ узнавши, съ какими препятствіями должна бороться печать въ провинціи... (Перв. шагъ, 525.)

Слушайте - же, казанскіе сочинители, я отвѣчаю вамъ.—Да, я настаиваю на необходимости „извѣстнаго рода нравственной борьбы между провинціей и подавляющими ея нравственную самостоятельность центрами“. Я повторяю, что «въ число задачъ провинціальной печати должна входить борьба противъ монополіи столичнаго мнѣнія, вооруженнаго талантами, знаніемъ и издательскими средствами». И это не фразы съ моей стороны. На чьей сторонѣ я стою въ этой борьбѣ, кого поддерживаю, за кого ратую?—Такъ вы этого не знаете? Хорошо. На это отвѣчаетъ вамъ вся моя двадцатидвухлѣтняя литературная дѣятельность, которую я началъ на студентской скамьѣ, выставивъ свое знамя во имя развитія украинскаго народа (загляните въ предисловіе къ моей поэмѣ «Казакъ и море» въ моемъ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“, изданномъ въ провинціи, въ Поволжѣ, въ Саратовѣ, въ 1859 г.). Если-бы вы больше читали, больше знали—вы бы не задавали мнѣ неразумныхъ

вопросовъ. Но такъ-какъ вы, повидимому, ничего не знаете, то я вамъ скажу, за кого я ратовалъ двадцатьдва года, кого поддерживалъ, на чьей сторонѣ стоялъ. Около двадцати лѣтъ я исключительно работалъ въ провинціи и для провинціи. Я перерылъ архивы той части Поволжья, которому я принадлежалъ по своему воспитанію, по жизни и дѣятельности и по глубокой симпатіи. Я изучилъ тысячи, десятки тысячъ старыхъ архивныхъ дѣлъ Поволжья и извлекъ изъ нихъ все, что требовало исторической памяти своего бытія. Я вырвалъ изъ забвенія и возвратилъ историческому безсмертію народныхъ дѣятелей, память о которыхъ пропала вмѣстѣ съ гнѣющими и уничтожающимися отъ сырости, мышей и канцелярскаго невѣжества архивными дѣлами. Знаменательное прошлое вольнаго Поволжья, понизовая вольница, смутное время Поволжья, забываемые пылѣ невзгоды, труды и страданія поволжскаго, подонскаго и помедвѣдickaго бурлака — все это я возвратилъ исторіи, которая потеряла было самыя яркіе эпизоды изъ прошлаго русскаго народа. «Медвѣдickій бурлакъ» мною спасенъ отъ забвенія и перенесенъ на страницы учебниковъ, а вмѣстѣ съ этимъ бурлакомъ въ памяти русскаго учащагося юношества, сколько мнѣ извѣстно, сохранился скорбный образъ этого великаго труженика русской земли. Недаромъ и вы, моя слѣпнотствующіе враги, оставляете за мною «право носить почетный титулъ историка народной жизни. (Перв. шагъ, стр. 486.) Горы архивныхъ провинціальныхъ дѣлъ», изслѣдоваанныхъ мною, свидѣтельствуютъ о моей дѣятельности въ пользу провинціи, моей «родной Патавіи». У меня, также какъ и у васъ, не было ни матеріальныхъ, ни издательскихъ средствъ. Я жилъ заработкомъ моихъ рукъ — и не падалъ подъ тяжестью работы, не жаловался, что меня въ моей работѣ заѣдаютъ центры. Напротивъ, я глубоко благодаренъ этимъ центрамъ: меня, неизвѣстнаго «провинціального труженика», они поддержали своимъ участіемъ, они вдохнули въ меня силу въ тяжкіе моменты моей жизни, когда у меня руки опускались. Припомните мои историческія работы — «Самозванцы и понизовая вольница», «Политическія движенія русскаго народа», разныя историческія монографіи, разсѣяныя въ разныхъ журналахъ, мои экономическія работы и пр. — все это я сдѣлалъ въ провинціи, въ моей «родной Патавіи». Я не спалъ какъ сурокъ, я не гулялъ по клубамъ, я не зарывалъ въ землю мой рабочій талантишко — тотъ грошикъ даровитости, который, смѣю думать, отпустила мнѣ добрая природа «родной Патавіи». Еще студентомъ я научился работать въ пользу «родной Патавіи», записывая словъ народа его сказки, пѣсни, преданія и картинны

его трудовой жизни—и отдавая все это моему любимому профессору, представителю науки центра. Втеченіи почти десяти лѣтъ я издавалъ «Саратовскія Губернскія Вѣдомости» — и ни одинъ нумеръ ихъ не выходилъ безъ моихъ личныхъ работъ: все это были работы въ пользу провинціи и о провинціи. Все, что исписано мною о провинціи въ этомъ и въ другихъ изданіяхъ, вся та масса матеріаловъ историческихъ, этнографическихъ, статистическихъ, экономическихъ—все это сдѣлано въ «родной Патавіи» и всего этого, говоря гиперболически, «не вмѣстятъ нишестыи (на Булакѣ) книгамъ». Одно время я руководилъ въ Саратовѣ изданіемъ «Коммерческаго Листка». Вмѣстѣ съ Н. И. Костомаровымъ и одинъ я издалъ въ Саратовѣ нѣсколько «Памятныхъ книжекъ», — и во всемъ этомъ — мои работы, плоды моихъ трудовъ въ пользу «родной Патавіи». Вмѣстѣ съ Костомаровымъ мы ратовали за поднятіе уровня экономического и духовнаго развитія Поволжья — и, смѣемъ думать, наши усилія не пропали безслѣдно...

Но не забывайте—меня хватало и на работу для провинціи, и на работу для центровъ. Столичная печать не оттолкнула меня, хотя я территориально, духовно, органически принадлежалъ Поволжью. Вспомните, если можете, хоть только то, что подписано моимъ именемъ въ столичныхъ изданіяхъ—все это, большею частію, плоды моихъ провинціальныхъ работъ и во всемъ мною сказанномъ вы не можете не видѣть моего глубокаго сочувствія къ этимъ бѣднымъ окраинамъ, къ ихъ бѣднымъ людямъ. Я упоминаю только о томъ, что подписано моимъ именемъ: всего, что мною написано, я самъ припомнить не въ силахъ—такъ непокладно трудились руки понизоваго бурлака «въ глуши, въ Саратовѣ», такъ неустанно думала его головушка въ пользу бѣдныхъ окраинъ. Но я не говорю о томъ, что не подписано моимъ именемъ и о чемъ вы не знаете... Положивъ все это на чашку вѣсовъ, которыми вы захотѣли-бы взвѣсить мои заслуги въ пользу провинцій, вы увидѣли-бы, что кое-что тянетъ-таки мой скромный трудъ, вамъ и почти никому невѣдомый. Работая, я не жаловался, что у меня нѣтъ капиталовъ, издательскихъ средствъ и т. д., на что жалуетесь вы. Нѣтъ, я только работаю и будилъ другихъ къ работѣ: спросите объ этомъ въ Саратовѣ.

Вотъ почему я имѣю право бросить жесткое слово въ лицо лѣнивымъ провинціальнымъ работникамъ и сказать имъ: «рабы лѣнивые!..» Я знаю провинцію; я прожилъ въ ней около сорока лѣтъ. Если я заработалъ себѣ честное литературное имя, то заработалъ его въ про-

винціи, а не въ центрѣ—центрѣ только выдалъ на него, такъ-сказать, дипломъ. Вотъ почему я имѣю право отвѣчать на ваши вызывающія слова: да, я стоялъ на стражѣ интересовъ провинціи, ея самостоятельности; я приносилъ ей въ жертву послѣдній грошъ изъ моего таланта, отпущеннаго мнѣ природою; я отдавалъ ей свое время, свой трудъ; ратовалъ за нее, помогалъ ей предъявлять нравственную конкуренцію съ центрами.

Да, я поработалъ для «родной Патавіи» — и вы могли бы поучиться у меня работать. Ровно десять лѣтъ тому назадъ, 29 мая 1866 г., въ № 12 «Недѣли», въ статьѣ, неподписанной моимъ именемъ («Потребность въ органахъ провинціальной гласности») я кричалъ къ вамъ: «Не спите, люди провинціи! У васъ есть историческія права на самостоятельное интеллектуальное существованіе. Не спите!» Я настаивалъ тогда на необходимости органовъ провинціального слова. Я указывалъ на жалкій Лейпцигъ, въ которомъ выходило тогда 276 періодическихъ изданій!.. Я говорилъ: «Конечно, мы не хотимъ этимъ выражать желаніе, чтобы наши губерніскіе города превратились въ Лейпциги; но если въ каждомъ губерніскомъ городѣ явится независимый общественный органъ гласности, то это будетъ очень хорошимъ знакомъ для Россіи. Можетъ быть, тогда у насъ родится и общественное мнѣніе, и наши общественныя дѣла пойдутъ успѣшнѣе. Если теперь каждый губерніскій городъ имѣетъ свой общественный клубъ, а иногда клуба два — дворянскій и купеческій, на поддержаніе которыхъ тратятся десятки тысячъ, то отчего-бы каждому такому городу не имѣть общественной газеты?.. Будемъ надѣяться...» («Нед.», стр. 178.)

И вдругъ мнѣ теперь кричатъ, будто я—врагъ провинціальной печати. Вѣдь до такого невѣжества, до такого незванія своей литературы могутъ дойти только микроцефалы.

Заключаю все сказанное мною такими словами:

Тонъ вашей статьи, г. Литераторъ-обыватель, неприличенъ — это тонъ прикасчика, который, будучи въ пьяномъ видѣ, грубитъ своему хозяину. Такъ-какъ вся ваша статья наполнена бранью, то, полагая, что приличный литературный языкъ вамъ не по плечу, я старался по-возможности объясняться съ вами на вашемъ казанско-булакскомъ жаргонѣ. Не обижайтесь: аукнулось въ Казани, откликнулось въ Петербургѣ.

Но я повторяю вамъ: работайте и вы, какъ работаютъ въ центрахъ, не болтайте даромъ, не спите; ищите капиталовъ, изда-

тельскихъ средствъ, какъ ихъ ищутъ центры, — и у васъ будетъ *все*, какъ есть *все* у центровъ. Въдъ когда-нибудь центры *не* были-же центрами, а сами себя создали. Создайте и вы сами себя. Не будьте лѣнны и не увлекайтесь самообожаніемъ: учитесь у литературныхъ дѣятелей центра ихъ добросовѣстности, ихъ честности, ихъ самоотверженности, ихъ героизму..

Учитесь, діти, може зъ васъ

Коли що буде...

Такъ, если не ошибаюсь, обращается Шевченко изъ своего славнаго гроба къ своимъ историческимъ дѣтямъ. Такъ обращаюсь и я къ вамъ, мои бѣдные братья по провинціи. Учитесь, работайте и — не сѣтуйте на мое жесткое слово.

Мимоходомъ — г. Михайловскому. Въ 1 кн. «Отечественныхъ Записокъ» («Борьба за индивидуальность») вы, между прочимъ, говорите о моихъ статьяхъ, ставшихъ боевыми знаками для провинцій, что «главный недостатокъ» этихъ статей «состоитъ въ полной неопредѣленности и неясности для самого автора его точки зрѣнія и метода. Въмѣсто того, чтобы строго отдѣлить въ занимающемъ его рядѣ явленій существующее отъ желательнаго, авторъ то радуется поглощенію центрами окраинъ, видя въ немъ часть процесса объединенія всего человѣчества, то скорбитъ объ немъ, то считаетъ его неизбежнымъ, по крайней мѣрѣ временно, то предлагаетъ провинціямъ экономически конкурировать съ центрами» (стр. 181.)

А вы какъ-бы думали? Вы чего-бы желали? Не вы-ли повторяете метафизически то, чѣмъ я бросаю въ васъ, вооружаясь фактами, современными явленіями? Развѣ не мои статьи о провинціяхъ переводите вы на свой языкъ, говоря: «завтрашняя исторія смететъ насъ, сегодняшнихъ, послѣзавтрашняя — завтрашнихъ и т. д., и т. д., и т. д., такъ что мысль отказывается, наконецъ, слѣдить за этой безконечной цѣпью, которая становится, по мѣрѣ удаленія, все болѣе неопредѣленною, туманною, неудовимою, какъ очертанія альпійскихъ вершинъ, сливающихся съ облаками. А позади, въ прошедшемъ, такая-же утомительно-длинная перспектива. Изъ-за чего-же я бьюсь? Изъ-за чего напрягаю свой мозгъ, изъ-за чего борюсь и страдаю, когда то, что я съ бою досталъ, какъ истину и справедливость, въ слѣдующее-же, быть можетъ, историческое мгновенье окажется вздоромъ и гадостью?»

Но только я никогда не отвѣчу на этотъ вопросъ вашимъ отвѣтомъ, въ которомъ слышится какая-то растерянность мысли, потерявшей различіе между синусомъ и косинусомъ, между лаптемъ «деревни» и «стоящимъ у васъ на столѣ бюстомъ Бѣлинскаго». («Записки Профана», «Отеч. Зап.» 1875, кн. 12, стр. 284), — растерянность, заставляющая васъ «инстинктивно цѣпляться за настоящее, какъ за вѣчное, за исторически данное, какъ за непреходящее» («Отеч. Зап.», 1876, кн. 1.)

Если вы цѣпляетесь за *наше* настоящее, какъ... и т. д., то оставьте меня съ моей свободой: primo—считать въ этомъ настоящемъ «вздоромъ и гадостью» то, что кажется мнѣ таковымъ *даже* въ данный историческій моментъ; secundo—«радоваться поглощенію центрами окраинъ», какъ одному изъ признаковъ «процѣса объединенія всего человѣчества», если это объединеніе совершается посредствомъ поглощенія лаптя деревни сапогомъ города и бюстомъ Бѣлинскаго, посредствомъ замѣненія лучины лампою, мякины мукою; tertio—скорбѣть о немъ, если объединеніе это совершается путемъ сварки желѣза на наковальнѣ, и считать его «временно-неизбѣжною»... «гадостью»; quarto—предлагать провинціямъ не только экономически, но и всѣми нервами и мускулами своего бытія конкурировать съ центрами.

Если-же вы серьезно думаете «цѣпляться за настоящее, какъ за вѣчное, непреходящее»,—о! тогда бросьте писать, бросьте думать, а иначе васъ будетъ занимать только процессъ писанья ради писанья и думанья ради думанья.

Д. Мордовцевъ.

ХРОНИКА КНИГОПРОДАВЧЕСКИХЪ ДОБЛЕСТЕЙ.

Матеріалъ нашей скромной хроники не оскудѣваетъ; напротивъ, мы думаемъ, что въ будущемъ онъ общаетъ намъ самыя обильныя плоды. Одни романическія приключенія старѣйшаго изъ нашихъ книжниковъ, г. Базунова, вдругъ явившагося въ своей лавочкѣ послѣ его зимней заграничной виляжитуры, могутъ дать презанимательную тему для нашей лѣтописи. Но о немъ послѣ, а теперь займемся доблестями нѣкоего московскаго книгопродавца, г. Желтова, котораго мы уже имѣли случай рекомендовать своимъ читателямъ въ март. книгѣ „Дѣла“. Въ наше прогрессивное время, когда нѣтъ ни одного гостинодворскаго прикасчика и ни одного ростовщика, который-бы не воспылялъ похотью сдѣлаться издателемъ или редакторомъ, г. Желтовъ непремѣнно долженъ былъ очутиться на издательскомъ поприщѣ, обладая, очевидно, всеми наличными качествами, свойственными издателямъ новѣйшей формаци. Отлично понимая карманныя требованія и спекуляторскій духъ времени, онъ предпринялъ изданіе „Ремесленной Газеты“, съ содержаніемъ которой мы, къ сожалѣнію, незнакомы, но навѣрное полагаемъ, что, въ-концѣ-концовъ, она преподастъ своимъ читателямъ такія ремесла, о которыхъ они вовсе и не думали. Умѣнье перекладывать деньги изъ чужого кармана въ свой собственный составляетъ наивысшій талантъ г. Желтова. Вотъ что пишетъ намъ по поводу этого одинъ изъ подписчиковъ „Ремесленной Газеты“, изъ гор. Кинешмы, костр. губерніи:

„Прочитавши въ мартовской книжкѣ журнала „Дѣло“ заявленіе г. Добровольскаго въ хроникѣ книгопродавческихъ доблестей, я хотя и не имѣю чести быть вашего журнала подписчикомъ, но видя, желаніе ваше преду-

преждать публику отъ нагаго обмана разныхъ спекуляторовъ вродѣ г. Желтова и К^о и такимъ образомъ многихъ избавить отъ напрасной траты денегъ и безпокойствъ, покорнѣйше прошу дать мѣсто и моему заявленію, такъ-какъ я нахожусь въ числѣ попавшихся на удочку издателя „Ремесленной Газеты“.

Г. Желтовъ, какъ видно, принялъ за правило собирать деньги для своихъ надобностей, подъ предлогомъ изданія „Ремесленной Газеты“. И въ этомъ случаѣ онъ не дѣлаетъ никакого различія, присланы-ли деньги на его журналъ или для передачи въ другія редакціи. Отъ своихъ-же подписчиковъ онъ отдѣляется однимъ упорнымъ молчаніемъ.

„Выписывая нѣсколько лѣтъ сряду „Ремесленную Газету“, я имѣлъ неосторожность выписать ее и за нынѣшній 1876 годъ, не подозрѣвая такого хищническаго таланта въ г. Желтовѣ. Деньги посланы въ началѣ января, и я, получивъ только 1-й номеръ, до сихъ поръ не вижу болѣе ни одного. *На посланная мною семь писемъ, съ приложеніемъ для отѣта марокъ, не получаю никакого отѣта* и остаюсь въ полной неизвѣстности, что случилось съ „Ремесленной Газетой“ и ея редакторомъ-издателемъ: прекратили-ли она свое существованіе или издается, и гдѣ г. Желтовъ—въ Москвѣ или путешествуетъ, по примѣру Базунова? Во всякомъ случаѣ, если г. Желтовъ прилагаетъ ту-же карманную теорію и къ другимъ своимъ подписчикамъ, то едва-ли найдутъ они удобнымъ вмѣсто „Ремесленной Газеты“ за весь годъ удовольствоваться однимъ 1-мъ номеромъ за семь рублей. По крайней мѣрѣ, для меня это дорого. Неужели-же подобные захваты чужой собственности должны оставаться безнаказанными, и всякій, неподозрѣвавшій никакого обмана въ рекламахъ „Ремесленной Газеты“, долженъ будетъ лишиться своихъ денегъ безвозвратно, а г. Желтовъ будетъ сидѣть себѣ неизвѣстно гдѣ, да посмѣиваться надъ своими простодушными подписчиками?“

„Правда, въ старыхъ московскихъ лоскутныхъ рядахъ практиковались и не такія штуки, но *художники* этихъ рядовъ, по крайней мѣрѣ, были люди скромные и не совались въ издательское дѣло“.

Надежминъ.

1876 года, 25 апрѣля.
г. Кинешма.

Изъ этого письма ясно видно, что г. Желтовъ—истинный геній комерціи, обладающій такими обширными финансовыми соображеніями, что, пожадуй, современемъ заткнетъ за поясъ самого Струсберга. Какъ все это у него обдуманно и распланировано отлично: получая подписныя деньги за весь годъ, онъ посылаетъ подписчику только одинъ № газеты, понимая очень хорошо, что тотъ будетъ жаловаться, писать ему письма и высылать почтовые мар-

ки. Г. Желтовъ, собирая почтовые марки, молчитъ, зная, что молчаніе у насъ не только не возбраняется, но даже поощряется закономъ. Такимъ образомъ, и деньги, и марки остаются у г. Желтова, а у подписчиковъ его — только одно право — писать ему, сколько имъ угодно. Очень остроумно, г. Желтовъ! И мы можемъ заранѣе поздравить вашу газету съ большимъ успѣхомъ на будущій годъ.

Не знаемъ, на какомъ географическомъ разстояніи находится отъ г. Желтова другой московскій книгопродавецъ, А. Васильевъ, но нравственная ихъ близость самая тѣсная. Этотъ тоже отмалчивается, когда къ нему обращаются съ денежными требованіями и просьбами, и отмалчивается едва-ли не лучше самого г. Желтова. Будучи прикащикомъ у И. Г. Соловьева, г. Васильевъ восхотѣлъ завести свою собственную комерцію; если не ошибаемся, спекуляторское око его было сначала устремлено на вяземскіе пряники, но потомъ вдругъ, по зрѣломъ размысленіи, выборъ его остановился на книгахъ, какъ-будто книги вкуснѣе и важнѣе для насъ, и особенно для г. Васильева, вяземскихъ пряниковъ. Сдѣлавъ эту капитальную ошибку, т. е. отдавъ преимущество книгамъ передъ вяземскими пряниками, г. Васильевъ скоро пришелъ къ тому простому соображенію, что лучшая тактика въ торговомъ дѣлѣ — молчаніе. Если вы пишете г. Васильеву, чтобы онъ выслалъ вамъ деньги, онъ молчитъ, если вы пошлете ему десять марокъ на отвѣтъ, онъ все будетъ молчать, зная, подобно г. Желтову, что молчаніе у насъ не возбраняется... Продолжайте, г. Васильевъ, молчать, и комерція ваша сугубо процвѣтетъ.

Хорошіе примѣры — заразительны. Если молчатъ книгопродавцы, то отчего-же не молчатъ и художникамъ? Хотя доблести художественнаго міра и не входятъ въ программу нашей лѣтописи, но мы не можемъ отказать слѣдующему заявленію священника А. К. Одинцова:

„М. Г.

„Съ мартовской книжки „Дѣла“ вы открыли въ немъ особый отдѣлъ: „Хроника книгопродавческихъ доблестей“, — отдѣлъ, специально предназначенный для прославленія болѣе выдающихся подвиговъ нашей книжной лавочки. Вы общаете не оставлять вниманіемъ вашей хроники ни одного

факта, ни одной доблести книгопродавческой спекуляціи. Позвольте и мнѣ быть вкладчикомъ въ сокровищницу, предназначенную для сохраненія этихъ доблестей.

„Въ Петербургѣ, на Большой Садовой улицѣ, противъ церкви Покрова Богородицы, въ домѣ Соколовой, № 96, кв. № 3, проживаетъ нѣкто Христофоръ Ивановичъ Патровъ и К°. Вотъ этотъ-то г. Патровъ третій годъ печатаетъ въ различныхъ газетахъ („Церк. Общ. Вѣств.“, „Молва“, „Гражданинъ“) объявленія о *только-что поступившемъ въ продажу „Новомъ способѣ рисованія, посредствомъ котораго всякій, даже неимѣющей понятія о рисованіи, можетъ весьма скоро, безъ всякой предварительной подготовки, снимать всевозможныя копии съ рисунковъ, картинъ, фотограф. картъ, портретовъ и пр., совершенно сходныя съ оригиналомъ“, съ приложеніемъ „Новый способъ умноженія“, который изучается въ 5 минутъ, безъ помощи учителя. Цѣна въ роскошномъ кортонажѣ 3 р. съ пересылкой.*

„Прочитавши такое заманчивое объявленіе въ іюльскихъ №№ „Церковно-Обществ. Вѣстника“ 1874 года, я тотчасъ-же послалъ г. Патрову 3 рубля съ просьбою выслать мнѣ изобрѣтенный имъ „Новый способъ рисованія“. Прошло довольно времени, что-то около мѣсяца, если не болѣе, а новаго способа рисованія нѣтъ, какъ нѣтъ. Я пишу письмо. Молчать г. Патровъ. Я опять пишу. Опять ни слова на мое письмо. Что дѣлать? Конечно, 3 рубля, думаю себѣ, сумма не велика, но и даромъ бросить ихъ, и богъ-знаетъ для кого, для какого-то Патрова, мнѣ ужъ очень не хотѣлось. Вотъ я и обратился къ г. смотрителю вѣднскаго уѣзднаго училища, гдѣ я состою учителемъ чистописанія, съ просьбою, чтобы онъ официально отнесся въ канцелярію г. с.-петербургскаго градоначальника Ф. Ф. Трепова о понужденіи г. Патрова выслать мнѣ „Новый способъ рисованія“ или возвратитъ 3 рубля. Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, уже въ послѣднихъ числахъ октября, наконецъ, я получаю изъ мѣстной почтовой конторы повѣстку о томъ, что тамъ на мое имя получена изъ Петербурга посылка на 3 р. Ладно, думаю. Не отбился-же отъ меня г. Патровъ... Но что-же я увидѣлъ, получивши посылку?—Посылка зашита, какъ и слѣдуетъ, въ холстъ, перевязана бичевкой, запечатана. Разрѣзываю бичевку, снимаю холстъ и вижу, что моя посылка завернута въ безконечное количество газетной бумаги... бумага, бумага, бумага, безъ конца бумага!.. Боже мой, думаю, — да гдѣ-же „Новый-то способъ рисованія“?.. А! вотъ гдѣ!—Вижу: на картонной темно-фіолетовой дощечкѣ какой-то миниатюрной коробочки красуются сусальнымъ золотомъ или какою-то золотистою краскою напечатанныя слова: „Новый способъ рисованія“ и пр. Хорошо. Раскрываю коробочку, и что-же въ ней нахожу?.. Нѣсколько вырѣзанныхъ изъ разныхъ газетъ картинокъ, стеклышко, обклеенное по краямъ бумагой, вырванную откуда-то печатную, курсивную, нѣмецкую азбуку, таблицу умно-

женія на листочкѣ in 32° и еще что-то въ родѣ такого-же сора.. Вотъ такъ новый способъ... только не рисованія, а надуванія насъ, провинціаловъ!.. Дня черезъ два послѣ этого получена была изъ канцеляріи г. с.-петербургскаго градоначальника почтовая росписка въ томъ, что г. Патровымъ отправлена на имя мое посылка на 3 руб. Что тутъ подѣлаете?.. Я тоже сдѣлалъ, что и авторъ письма № 3, помѣщеннаго въ вашей хроникѣ, — плюнуть!

„Мнѣ думается, что это новый способъ промышленности. Пожалуйста, печатайте мое письмо въ вашемъ журналѣ для предостереженія довѣрчивыхъ лицъ, подобныхъ мнѣ. Г. Патровъ то-и-дѣло печатаетъ вездѣ свои объявленія. Значить, дѣло у него ходко идетъ. Странно только для меня, что этотъ „Новый способъ рисованія“ и въ 1874 году *только-что вышелъ* у г. Патрова, и въ 1876 г. *только-что вышелъ*“...

Примите и проч.

Города Галича, костромской губ., Воскресенской церкви священникъ

Арсеній Кельсиевичъ Одимцовъ.

18 апрѣля 1876 г.

Намъ доподлинно извѣстно, что г. Патровъ изобрѣтенный имъ „Новый способъ... молчанія“ отправилъ на филадельфійскую выставку, гдѣ онъ непремѣнно удостоится приза первой степени, если только гг. Желтовъ и Васильевъ не явятся его достойными конкурентами.

Въ заключеніе мы замѣтимъ, что покушеніе на провинціальныя карманы принимаетъ настоящій эпидемическій характеръ; не только книгопродавцы-издатели, художники, банкиры, биржевые зайцы, но и отставные почтамтскіе чиновники нападаютъ на нихъ. Въ 16 № „Гражданина“ заявляется слѣдующій фактъ:

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Нѣкоторые изъ нашихъ подписчиковъ жалуются и удивляются, что въ нынѣшнемъ году журналъ имъ не высылается не исправно и не скоро. Редакція симъ имѣетъ честь уведомить, что, по принятымъ правиламъ въ редакціи, всѣ подписчики, не исключая и тѣхъ, которые подписываются не на объявленныхъ редакціею условіяхъ разсрочки, немедленно до сихъ поръ удовлетворялись скорой высылкою журнала. Если-же произошли нѣкоторыя

неисправности въ доставкѣ журнала подписавшимся съ февраля—марта, то по независящимъ отъ редакціи причинамъ: вслѣдствіе кражъ №№ журнала и т. п., совершенныхъ нѣкимъ отставнымъ почтамтскимъ чиновникомъ, занимавшимся у брошюрующего наши изданія переплетчика, о которыхъ теперь производится изслѣдованіе.

Такимъ образомъ, доблестный „Гражданинъ“, благодаря продѣлкѣ отставного чиновника Лебедева, отправлялся вмѣсто своихъ подписчиковъ на рынокъ, и бѣдный переплетчикъ долженъ будетъ уплатить почтамту новыя пересылочныя деньги, которыя онъ до вѣрлялъ вносить въ газ. экспедицію чиновнику Лебедеву.

Ужъ это вовсе и не доблестно, а просто гадко и грязно. *Maïs qui vivra—verra plus que cela...*

Н. В. А. И. Бортневскій, имѣющій книжный магазинъ въ *С.-Петербурль*, проситъ насъ оговорить, что онъ ничего общаго не имѣетъ съ книжнымъ магазиномъ Бортневскаго и К^о въ *Одессѣ*. Исполняемъ просьбу А. И. Бортневскаго тѣмъ охотнѣе, что постоянныя личныя наши сношенія съ его книжнымъ магазиномъ могли убѣдить насъ въ томъ, что А. И. Бортневскій всегда рекомендовалъ себя совершенно исправной и своевременной доставкой многократной подписки на журналъ „Дѣло“, о чемъ мы уже и заявляли печатно.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

Хлѣба и зрѣлицъ. Романъ. (Гл. XXXIV—XL.)	<i>А. Михайлова.</i>
Столичный омутъ. Стихотвореніе. (Изъ Т. Лидса.)	<i>А. Константинова.</i>
Черноземныя поля. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть первая. (Гл. XIV—XVII.)	<i>Ев. Л. Маркова.</i>
Религіозныя секты въ Америкѣ. (Окончаніе.)	<i>М. Триго.</i>
Маленькій герой. Стихотвореніе.	<i>А. Крулова.</i>
Ренегатъ. Романъ. (Гл. XIX—XXII.)	<i>Жюля Кларети.</i>
Французское общество въ концѣ XVIII вѣка. (Ст. вторая.)	<i>П. Н. Гр—ом.</i>
Даніель Деронда. Романъ изъ современной англійской жизни. (Гл. XVI—XX.)	<i>Джорджа Эмота.</i>
Робертъ Бернсъ. Шотландскій народный поэтъ.	<i>Н. Ал—ева.</i>
Встрѣча. Стихотвореніе.	<i>М. Верцелмуса.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Литературное попури. (Ст. вторая.)	<i>П. Никитина.</i>
Востокъ или Западъ?	<i>Д. М.</i>
Новыя книги.	
Парижскія письма.	<i>Анонима.</i>
Политическая и общественная хроника.	<i>М. Триго.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	
Quos ego!.. Отвѣтъ казанскому Литератору обывателю и его издателю.	<i>Д. Л. Мордовцева.</i>
Хроника книгопродавческихъ доблестей.	

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. ШЕРРА. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. КАРЛА РЕКЛАМА. Перев. съ нѣмек. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигіены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигіены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 50 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милл. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческія женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины допетровской Руси). Д. Я. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп. (Осталось небольшое число экземпляровъ).

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммерманна, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 коп.; съ перес. 70 к.

Автобіографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Спра. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. И. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 90 к.

Правила и программы для поступленія въ мужскія и женскія учебныя заведенія гражданскаго, военнаго, морскаго и духовнаго вѣдомствъ на 1875—76 учебный годъ. Изданіе восьмое. Цѣна 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпальгагена. Перев. съ нѣмек. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Вѣтъ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лягьева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Луизы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. Н. Писарева. Два тома. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Записки военнаго. Белегристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 75 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антоніа Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Мертвая петля, драма въ пяти дѣйствіяхъ Н. А. Потьхина. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Исповѣдь старика. Романъ Иполита Ньево, переводъ съ итальянскаго Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ: Естественно-научныя очерки, Валласа; Политическіе дѣятели, Эли Реклю.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДБЛО“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Бердянскомъ уѣздѣ имѣются вакансіи учителей сельскихъ начальныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ. Жалованья учитель получаетъ 300 руб. въ годъ и для помѣщенія квартиру при училищѣ. Квартира отапливается и освѣщается на счетъ общества, а жалованье учитель получаетъ изъ Уѣздной Земской Управы, которое и высылается по земской почтѣ ежемесячно. Кромѣ жалованья, учителямъ за уснѣхъ по преподаванію выдается награда до 50 руб., а при особыхъ уснѣхахъ и усердіи къ дѣлу увеличивается и окладъ жалованья. На проѣздъ до Бердянска можетъ быть выдано въ счетъ жалованья до 50 рублей.

Лица, желающія получить учительское мѣсто означенныхъ выше условіяхъ, должны заявить о томъ Земской Управѣ, съ приложеніемъ копій документовъ званіи своемъ, о правѣ на преподаваніе въ начальныхъ училищахъ, а также и удостовѣреніе о прежней ея дѣятельности; безъ представленія же этихъ документовъ Управа не дѣлаетъ никакихъ распоряженій по заявленіямъ.

скаго. — Сельско-хозяйственный клубъ. — Лѣсоразведеніе и грандіозный проектъ г. Пржишховскаго. — Помощь кредита и вѣроятность ликвидаціи. — Необходимость изслѣдованія „хлѣбнаго вопроса“ правительственными средствами.

XVII. QUOS EGO!.. Отвѣтъ казанскому Литератору-

обывателю и его издателю. Д. І. МОРДОВЦЕВА.

XVIII. ХРОНИКА КНИГОПРОДАВЧЕСКИХЪ ДОВЛЕСТЕЙ.

XIX. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“ ВЪ 1876 ГОДУ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

РУССКІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

(Женщины до-петровской Руси.)

Д. Л. Мордовцева. Спб. 1874 г. Осталось незначительное
число экземпляровъ. Г . . . 2 р . 75 к. съ перес. 3 р. 25 к.

МЕРТВАЯ ПЕТЛЯ

Самая въ 5-ти дѣйствіяхъ, Н. А. Потѣхина. Отдѣльное
изданіе. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкою 1 р. 40 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1876 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“; 3) о приглашеніи учителей Бердянской уѣздной Земской Управой.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

ВЪ 1876 ГОДУ

ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ СЛѢДУЮЩИХЪ МѢСТАХЪ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Исключительно въ Главной конторѣ жур-
нала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ,
д. № 39.)

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева,
на Сѣрастномъ бульварѣ, въ д. Алек-
ѣева.

Только передъ тѣмъ изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ
указанныхъ мѣстахъ, Редакціи надлежитъ считать себя отвѣтственной за
исправную и своею менною высылку журнала.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

Годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
Съ доставкою въ С.-Петербургъ.	15 „ 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ

Вся Европа; Египеть и Соединенные Штаты — 19 руб.; Азія 24 руб.;
Америка — 25 руб.

Для слушащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за пору-
тельствомъ гг. каз. сов.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

4240-1

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 302 261